МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

АЛАН
КРИС

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

ALLAN
COLE

CHRIS
BUNCH

REVENGE OF THE DAMNED

THE RETURN OF THE EMPEROR

АЛАН КОУЛ
КРИС БАНЧ

МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К55

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского
В. Голубевой, В. Задорожного («Месть проклятых»)
и Г. Емельяновой, В. Буличевой («Возвращение Императора»)

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинкин

Издание подготовлено при участии А/О «Титул»

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 10.10.01. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 4 000 экз. Заказ № 3801.

Коул А.
К55 Месть проклятых: Роман / А. Коул, К. Банч; Пер. с англ. В. Голубевой, В. Задорожного. Возвращение Императора: Роман / А. Коул, К. Банч; Пер. с англ. Г. Емельяновой, В. Буличевой. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 635, [5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-007079-9

Это — один из самых знаменитых сериалов за всю историю «боевой фантастики».

Это — сага о войнах и воинах.

Точнее — о войне одной, разбившейся на войны многие, выхлестнувшейся на десятки разных планет.

Точнее — о воине одном. О Стэне. О смелом парне, чья профессия — сражаться. Сражаться снова и снова. И каждый новый бой будет чуть более жестоким, более безнадежным, более ненужным, чем предыдущий!

Это — ОЧЕНЬ ЖЕСТКАЯ ФАНТАСТИКА. Фантастика резкая, «мужская», лишенная сантиментов. Фантастика — по-хорошему резкая и масштабная.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Allan Cole and Christopher Bunch, 1989, 1990
© Перевод. В. Голубева, В. Задорожный, 2001
© Перевод. Г. Емельянова, В. Буличева, 2001
© ООО «Издательство АСТ», 2001

ФРЭНКУ ЛЮПО,
ученому, бонвивану, джентльмену
и на полставки — оборотню

МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

Названия книг взяты из языка земного народа Японии, создавшего в эпоху феодализма наряду со многими другими культурными достижениями искусство сабельного боя. Это искусство получило название «кеньютсу». «Ма-аи» обозначает место, где встречаются бойцы перед поединком. «Сучи» — возможность начать поединок. «Кобо-иши» характеризует наступательные и оборонительные действия в бою. «Заншин» — окончательная победа.

КНИГА ПЕРВАЯ. «МА-АИ»

ГЛАВА 1

Он потянул на себя последнюю каменную глыбу и скорчился от боли, когда шершавая поверхность камня вонзилась в пальцы. Напрягшись изо всех сил, поднял валун на уровень колен, пошатываясь, сделал несколько шагов и бросил его на груду других, таких же бесформенных камней.

Старший капитан Ло Прек (контрразведка) отступил назад и посмотрел на плоды своего труда. Осталась лишь большая искореженная стальная дверь. Таанец работал несколько часов, чтобы расчистить эту дверь. За ней, как надеялся Ло, находился ключ к тайне, разгадать которую он пытался так много лет, что даже сбился со счета.

Несколько минут офицер простоял в нерешительности, словно из боязни разочароваться. Глядя на дверь почти с благоговением, Прек вытер лицо шелковым платком и вложил его обратно в рукав униформы.

Для таанца Прек был довольно высоким и стройным. Его костлявое тело состояло из сплошных углов, а на продолговатом лошадином лице выделялись маленькие, широко расставленные глазки и короткий нос, из-за которого верхняя губа казалась непомерно вытянутой.

Прек отстегнул от пояса с оснащением небольшой лазерный резак и склонился над дверью. Он не принадлежал к числу тех, что мурлычут себе под нос какую-нибудь мелодию во время работы или разражаются потоком

ругательств, если встречают препятствие. В прежнем гарнизоне, где прошла почти вся служба Прека, он зарекомендовал себя — даже среди таанцев — как абсолютный молчальник, целиком и полностью отдававшийся самой незамысловатой работе. Свои обязанности Ло Прек выполнял со скрупулезной методичностью и требовал того же от подчиненных. По отделу, в котором прежде работал Прек, ходила шутка, что, если он командует выполнением какого-то задания, каждому чиновнику следует хирургическим путем имплантировать в мозг датчик, дабы не допустить оговорку в докладе.

Прек знал об этой шутке и, хотя не видел в ней ничего смешного, признавал ее справедливость. Капитан отлично понимал, что является неординарной, одержимой личностью. Нельзя сказать, чтобы это приводило его в дикий восторг, но и переживать по такому поводу он тоже не считал нужным. Он просто был самим собой. Прек научился использовать слабые стороны человеческого характера, что позволяло ему иметь полную власть над своими подчиненными.

Раздался скрежет металла, дверь прогнулась под собственной тяжестью и рухнула. Капитан повесил резак на пояс и вошел в помещение, где находился банк данных уничтоженного 23-го Имперского военного флота. Если бы у таанцев были боги, Прек прошептал бы молитву. Он совершил длительное путешествие, преодолев огромное расстояние, и рисковал множество раз, чтобы добраться до цели. Если расчеты верны, в этом помещении он сможет найти след человека, убившего его брата.

СТЭН. Капитан третьего ранга Имперского военного флота. Последняя занимаемая должность: командир 23-го дивизиона такшипов, приписан к 23-му военному флоту. Предыд.: командир отряда личной охраны Императора. Предыд.: по имеющимся данным, был приписан к различным подразделениям войск Гвардии. Прим.: по данным разведки, информация ложная; на самом деле Стэн выполнял различные секретные поручения Императора.

Общие сведения. Вид: человек. Пол: мужской. Возраст: неизвестен, записи уничтожены. Приблизительно первая четверть жизни прошла. Место рождения: неизвестно. Рост: немного ниже имперских стандартов. Комплекция: хорошо сложен, поджарый, с отлично развитой мускулатурой. Волосы: черные. Глаза: черные. Общее состояние здоровья: отличное. Особые приметы: никаких. Семейное положение: неизвестно. Интересы: неизвестны. Друзья: неизвестны.

Прек не пришел в ужас при виде внутренних разрушений помещения. Стены сейфов и картотек под воздействием высокой температуры обрели причудливые формы. Крупные белые пятна пепла аккуратно лежали в тех местах, где некогда находились приборы и мебель. При каждом шаге из-под ботинок поднимались целые облака пыли, обволакивая носоглотку, затрудняя дыхание. Капитан натянул на лицо кислородную маску и начал пробираться сквозь мусор, бывший некогда архивными документами 23-го флота.

Один раз сердце Прека екнуло. Он нашел крошечный обломок микрофильма, лежавший под стальной балкой. Ло вставил его в свой компьютер и чуть не заплакал от досады, увидев, что это обычный счет за оборудование для офиса.

Прек выругал себя за такую реакцию. Да, его миссия основывалась на личных интересах. Но единственной надеждой на успех было соблюдение абсолютного профессионализма.

Капитан совладал с чувствами и вернулся к самому началу — смутным очертаниям того, что, вероятнее всего, было столом главного клерка банка данных. Прек принялся внимательно изучать рухлядь, начиная с центральной части и постепенно переходя к краям. Он напомнил себе, что ищет нечто большее, чем информацию о подробностях жизни одного человека. Гораздо более ценным открытием была бы система, на основании которой создавалась картотека хранилища. Прек знал, что в каждом офисе были свои особенности. С течением лет положение вещей могло меняться по мере того, как главные клерки приходили и уходили, но всегда оставался след первого чиновника, получившего и зарегистрировавшего первый, второй, тысячный документ.

Таанец был убежден, что, как только ему удастся восстановить процедурную карту, он отыщет нужного человека.

Хотя родители Прека всю жизнь проработали в частной индустрии, они являлись неискоренимыми бюрократами. Одинаково невзрачные, скучные личности с непривлекательной наружностью. Конечно, они были интеллигентными людьми, но их интеллигентность представляла собой нечто такое, что какой-нибудь псих из личного состава мог окрестить «зацикленностью». Преку исполнилось десять лет, когда родился его брат Тай. С того самого момента, как младший ребенок сделал первый в своей жизни вздох, все члены семьи знали, что судьба даровала им благословенного «золотого мальчика». Тай представлял собой олицетворение всего того, чем не обладали члены его семьи. Начать с того, что мальчик был красив: белокурые волнистые волосы, голубые глаза, а телосложением он походил на Адониса уже тогда, ког-

да только вступил в пору половой зрелости. Мальчик отличался сообразительностью и любознательностью. Кроме того, Тай умел видеть смешное в любой ситуации. Трудно было находиться в его обществе длительное время и не заразиться насмешливым отношением к окружающему миру.

Без тени ревности Ло искренне любил своего брата больше всего на свете. Он сосредоточил на Тае все свое внимание, зайдя так далеко, что начал сильно ущемлять себя в финансовом отношении, лишь бы любимый братишка имел возможность получить самое лучшее образование.

И капиталовложения были сделаны не зря. Очень скоро Тая зачислили в дипломатический корпус, что позволило его талантам раскрыться в еще большей мере. Преподаватели не имели к Таю никаких претензий, разве что каждый из них на свой лад пытался убедить юного таанца в том, что именно он является его истинным наставником.

С началом деликатных мирных переговоров с Вечным Императором Таю было тут же поручено сопровождать лорда Киргхиза и других представителей таанцев в качестве младшего дипломатического офицера. Ни у кого не вызывало сомнений то, что с этого поручения начнется его головокружительная карьера.

Имперский и таанский флоты встретились в районе пульсаров. Предварительные переговоры прошли быстро. Все были уверены, что заключение выгодного соглашения — пустая формальность. Вечный Император пригласил на борт корабля таанских сановников для празднования заключения международного договора. Лорд Киргхиз лично выбрал себе свиту. Среди сопровождающих был и Тай.

Никто не мог предположить, что произойдет дальше. Но Прек верил фактам, которые красноречиво говорили сами за себя. Все таанцы, поднявшиеся на борт корабля «Нормандия», были зверски перерезаны, как только сели за императорский банкетный стол.

Через своих лизоблюдов — судей и продажных прокуроров Вечный Император объявил, что таанцы стали трагическими жертвами готовившегося против него заговора. Любой таанец, в особенности Прек, был настолько убежден в явной лживости этого объяснения, что даже не находил нужным обсуждать его. Единственным ответом с их стороны на ложь и предательство могла быть только месть и война. Война не на жизнь, а на смерть — до последнего вздоха, до последней капли крови.

В необходимость этой войны Прек верил так же беззаветно, как и любой другой таанец. Но даже са-

мая великая война не могла удовлетворить его жажду мести, и он объявил свою собственную, персональную войну.

Прек не помнил, когда именно ему стало известно о смерти брата. Он сидел в своем кабинете, расположенном в штаб-квартире контрразведки, когда в помещение как-то странно, бочком, протиснулся старший по званию. Следующим фрагментом, запечатлевшимся в памяти Ло, была больничная койка, на которой он сидел. Прошло четыре месяца. Позже ему сказали, что все это время он находился в ступоре.

Вот-вот должна была начаться война. Ло признали «выздоровевшим» и отправили обратно на работу.

Именно тогда и началась его личная война. Прек досконально изучил всю имевшуюся информацию относительно погибшего брата и других дипломатов-таанцев. И постепенно выявил для себя виновников случившегося.

Прек не включил в их число Императора — бессмысленно. Напасть на Императора было просто невозможно, пойти на такое мог разве что умалишенный. Нет. Нужно быть реалистом: найти людей, принимавших непосредственное участие в кровавой бойне, использовавших свое умение владеть ножами и огнестрельным оружием. Прек был твердо убежден, что Стэн входил в число этих людей.

Он раздобыл копию воинского послужного списка Стэна— насквозь фальшивого, как ему казалось, но позволявшего по крайней мере иметь смутное представление о личности этого человека. Согласно официальным данным, Стэн продвигался по служебной лестнице медленно, заслужил больше почестей и наград, чем был удостоен, и регулярно повышался в звании. Затем неожиданно, без всяких видимых причин, в его карьере произошел резкий поворот. Неизвестно, почему заурядного гвардейца вдруг поставили во главе отряда телохранителей Императора. Впоследствии произошел следующий взлет — из сухопутной армии его перевели на флот и назначили на должность капитана третьего ранга.

Прек был уверен, что это повышение произошло после выполнения Стэном специального задания Императора. Следовательно, информация о нем была ложной. Прек пришел к выводу, что на самом деле Стэн являлся ценным агентом разведслужбы. Перевод на военный флот и, наконец, назначение на должность командира дивизиона тактических кораблей следовало расценивать как награду за заслуги особого рода. Прек решил, что среди этих заслуг было и убийство его брата.

Он преследовал Стэна по пятам вплоть до последнего сражения за Кавите, в котором обе стороны понесли колоссальные потери. Таанцы полагали, что Стэн

погиб в ходе этого сражения, хотя его останки так и не были найдены.

Прек не верил в то, что Стэн мертв. Характеристика этого человека указывала, что он использует любую возможность выжить. Прек был убежден, что Стэн несет службу в каком-то другом месте. Он входил в число тех офицеров, которые всегда находились на передовой, к тому же был героем, которого Вечному Императору нравилось пропускать через жернова пропагандистской машины. Нет, Стэн был жив.

И Прек решил сравнять его с землей. Он найдет этого человека, и тогда... Прек запретил себе пока думать об этом. Таанец не должен идти на поводу своих эмоций, это может помешать охоте.

Старший капитан Ло Прек (контрразведка) оказался прав. Стэн был жив.

ГЛАВА 2

Двое изнуренных бритоголовых мужчин, сгорбившись, неподвижно стояли по колено в грязи.

Один из них был капитан третьего ранга Стэн, бывший командир ныне разбитого имперского крейсера «Свампскотт». Стэн был назначен командиром этого устаревшего ржавого корыта при последнем отступлении от Кавите и, находясь в арьергарде, предпринял отчаянную попытку сразиться с целым таанским флотом. Один ультрасовременный боевой вражеский корабль был уничтожен снарядами «Свампскотта», другой основательно подбит. Они продолжали сражаться даже тогда, когда таанцы стали обстреливать крейсер из огнеметов. В последнюю минуту Стэн включил личный компьютер и послал сигнал о помощи. Он впал в бессознательное состояние задолго до того, как враг взошел на борт неповоротливой развалины, бывшей некогда боевым кораблем. Можно с полной уверенностью признать, что именно это и спасло ему жизнь.

Через несколько секунд после того, как Стэн отключился, младший офицер Алекс Килгур, здоровенный головорез, бывший боец отряда «Богомолов» и лучший друг Стэна, пришел в себя — и чертыхнулся, увидев на единственном функционировавшем экране «Свампскотта» приближавшийся вражеский корабль. В его помутненном сознании промелькнула мысль: «Варвары-таанцы, слепленные из того же теста, что и проклятые Кэмпбеллы, не удостоятся такой чести — схватить человека, уничтожившего гордость их флота».

— Бардак похлеще, чем в еврейской кошерной лавке, — проворчал Килгур.

Он нагнулся к бесчувственному телу командира, расстегнул его костюм и ослабил пристяжные ремни. Затем проверил настенный прибор, измеряющий давление. Давление атмосферы в отсеке снизилось всего до нескольких пунктов. Воздух со свистом вырвался из расстегнутого костюма Стэна, пристяжные ремни вернулись на прежнее место. Килгур ощутил легкий толчок и услышал грохот, когда таанцы взорвали борт корабля. В эту минуту он пожалел о том, что пришел в сознание.

Около тридцати окровавленных, потрясенных имперских солдат были транспортированы с обломков «Свампскотта» на штурмовое судно таанцев. Среди них находился и снайпер первого класса Сэмюэль Горацио, он же Стэн. Двадцать семь оставшихся в живых членов экипажа, без оказания им какой-либо помощи, с горем пополам накормленных и напоенных, предназначались для высадки на болотистой планете, которую таанцы неохотно сделали тюрьмой для военнопленных.

Таанцы верили в то, что самой почетной смертью для любого живого существа может быть лишь гибель в бою. Проявление трусости или сдача в плен были для них просто немыслимы. Согласно убеждениям таанцев, любому имперскому солдату или офицеру, которому настолько не повезло, что он попал в плен, следует слезно умолять о немедленной смерти. Но таанцы были достаточно искушенными в житейских делах, чтобы с большой неохотой признать, что представители других культур имели иные взгляды на этот счет и что немедленная казнь «обесчещенных» могла быть неверно истолкована межгалактической общественностью. Итак, они оставили пленных в живых. На некоторое время.

Поскольку заключенные являлись обузой, таанцы не видели причин, по которым нельзя было бы исправить данное положение. И нашли выход: заставили пленных трудиться до седьмого пота, превратив в жалких рабов.

Медицинское обслуживание заключалось в следующем: если среди заключенных был врач, то он их и лечил. Никакого обеспечения медикаментами. Любое прихваченное с собой лекарство имперского производства конфисковывалось.

Жилье: в свободное от работы время пленным разрешалось, с позволения лагерных офицеров, использовать любые ненужные предметы для строительства лачуг.

Часы работы: выполнение любого задания не подлежало ограничению во времени или количестве рабочих смен.

Питание: людям выдавался безвкусный хлеб, содержащий минимальное количество питательных ве-

ществ. При том, что тяжело работавшие заключенные нуждались в потреблении около трех тысяч шестисот калорий, они получали менее тысячи калорий. Подобный, но еще более скудный рацион полагался пленным негуманоидам.

Поскольку заключенные являлись существами опозоренными, их охранниками, конечно же, были солдаты, попавшие в опалу. Находились и просто хитрецы, считавшие, что служить в штрафной роте охраны лучше, чем с честью погибнуть в бою в качестве штурмовика. Было среди них и несколько — совсем немного — охранников, отбывавших некогда заключение на одной из таанских планет-тюрем и отпущенных под честное слово.

Правила для военнопленных были просты: вставать по стойке смирно, когда к тебе обращается любой из охранников, даже если ты генерал, а он или она — рядовой. Незамедлительно выполнять любой приказ. За неподчинение приказу — смерть. Менее строгие наказания: избиение, заточение в одиночной камере, лишение пищи.

В таанских тюремных лагерях выживали лишь самые выносливые. Стэн и Алекс находились в плену уже более трех лет. Они следовали своим правилам, также весьма простым: никогда не забывай о том, что война не может длиться вечно; никогда не забывай, что ты солдат; всегда помогай товарищу по заключению; всегда съедай положенную порцию.

Оба жалели о том, что не были воспитаны в религиозном духе — вера в одного или нескольких богов помогала заключенному выжить. Они видели, что происходило с другими военнопленными, теми, кто терял надежду, теми, кто думал, что не сможет выколупывать съедобные зерна из экскрементов животных, теми, кто оказывал сопротивление, и теми, кто считал, что сумеет уцелеть, если будет вести жизнь одинокого волка.

Прошло три года, и все они давно погибли. Стэн и Алекс выжили. Неоценимую помощь в этом им оказала предыдущая подготовка в суперсекретном подразделении «Богомолов» корпуса «Меркурий», где обучали выживанию в любых условиях. Стэн отлично понимал, что уцелел и благодаря присутствию Алекса, не раз осаживавшего его в нужную минуту. Алекс чувствовал то же самое по отношению к Стэну.

Но существовал еще и третий фактор: Стэн был вооружен.

Много лет назад, до поступления на имперскую службу, он смастерил оружие — маленький нож. Обоюдоострое, тонкое, как игла, выполненное из редкого кристалла лезвие разрезало любой металл или минерал. Ножнами служила рука Стэна, из которой нож выскальзывал при судорожном сжатии мышц.

Оружие было поистине смертоносное — несмотря на то что под кожей хозяина оно становилось не опаснее отвертки.

В ту ночь они решили устроить побег. Из лагерей таанцев редко совершали побеги. Прежде всего потому, что пойманных заключенных казнили сразу же по возвращении в лагерь, а ловили их почти всегда.

Первая задача — выбраться из лагеря или незаметно уйти из рабочей бригады — была не такой сложной. Покинуть же саму планету считалось почти невозможным.

Некоторые заключенные бежали с планеты, пробравшись на какой-нибудь корабль «зайцами» — во всяком случае, остальные военнопленные надеялись, что им удалось это сделать. Другие после побега прятались в землянках, ведя существование отшельников, находясь в постоянном страхе. Их жизнь мало отличалась от лагерной. Эти люди надеялись лишь на скорый конец войны и чудесное спасение.

За последние годы политика в лагере изменилась, пойманных при побеге заключенных не убивали.

Вместо этого их отправляли на планету рудников. Охранники издевательски посмеивались, говоря, что жизнь военнопленного на этой планете длится считанные часы.

За три года заключения Стэн и Алекс пытались бежать четыре раза. Первые два раза их накрыли на копании туннелей. Третья попытка — перемахнуть через проволочное заграждение — сорвалась, потому что охранник нашел у них веревочную лестницу. В четвертый раз они сами оставили затею бежать, так как не продумали, что делать дальше, оказавшись за проволочным заграждением. Хотя, скорее всего, именно эта попытка могла увенчаться успехом.

Рядом, в камышах, раздался шорох. Алекс прыгнул и через минуту встал, держа в руках перепачканного грязью, извивавшегося, пищащего грызуна. Стэн тотчас открыл небольшую коробку, куда и было помещено и заперто в кромешной тьме маленькое водяное животное. Очень хорошо.

— Эй вы, двое! Стоять! — прогремел голос охранника. Стэн и Алекс насторожились. — Любовью занимаетесь? Слинять решили?

— Никак нет, сэр. Охотимся, сэр.

— Охотитесь? На вонючек?

— Так точно, сэр.

— Лучше б мы вас всех перебили, — буркнул охранник и метко плюнул Стэну в лицо — отработанная техника. — А ну пошли строиться, дармоеды!

Стэн даже не потрудился вытереть слюну с лица. Он и Алекс вышли из зарослей камыша и побрели к

дамбе, чтобы стать в строй из десяти других заключенных. Колонна пришла в движение и направилась в сторону лагеря.

Пленных сопровождали три охранника, вооружен из которых был только один: охранники знали, что имеют дело с ходячими мертвецами, не представляющими никакой угрозы.

Стэн старался держать коробку в устойчивом положении, успокаивая грызуна периодическим постукиванием по ней. Ему не хотелось, чтобы пойманный зверек убежал раньше времени. Вонючка — «благоухающее» водяное животное со странной шерстью, несъедобным мясом и расположенными под хвостом железами, выделяющими невероятно зловонное вещество, — был последним звеном их побега.

ГЛАВА 3

В лагерях военнопленных существовали две командные структуры — официальная и неофициальная. В первую входили охранники. Вторую составляли заключенные, в действительности управляющие лагерем.

В некоторых зонах главари были могущественными и жестокими. Подобная анархия творилась в лагерях смертников, где заключенный мог быть убит своими товарищами с таким же успехом, как и охранниками.

В лагере, где находился Стэн, все еще соблюдалась военная дисциплина. Отчасти в том была заслуга и Стэна с Алексом. Друзья вели борьбу за существование на протяжении долгих однообразных месяцев, стараясь быть не последними людьми среди заключенных. Но однажды Стэн сделал поразительное открытие — не он один, известный под дурацким именем Горацио, пользовался уважением среди своих товарищей. Младший офицер Килгур сумел обойти его по лагерной «служебной лестнице» и стать непререкаемым авторитетом. Стэн даже начал подозревать, что Килгур готовился к своей новой роли еще на «Свампскотте».

Однако, несмотря ни на что, господствующее положение должно оставаться за старшим по званию. Тех, кто думал, что «война окончена и мы не обязаны подчиняться никакому офицеришке, затащившему нас в первосортное дерьмо», урезонивали. Если сила убеждения не срабатывала, приходилось прибегать к другим методам воздействия. Стэн давно уже превратился бы в жалкий скелет, если бы не использовал множество известных ему способов поддержания духа. А Килгур, громила-тяжеловес из Эдинбурга, хоть и

изрядно похудевший, оставался самым сильным существом в лагере, не исключая даже старшего офицера, командира батареи лейтенант-полковника Вирунгу.

Н'ранья, плотоядные приматы, обитавшие на деревьях, имели не вполне цивилизованный внешний вид. Совсем недавно их стали использовать в имперской армии в качестве специалистов в области артиллерии, где они выказывали недюжинные способности — наследственность позволяла н'ранья инстинктивно понимать законы геометрии и тригонометрии. К тому же, обладая мощными телами весом более трехсот килограммов, они могли с легкостью манипулировать тяжеленными снарядами.

Перед тем как попасть в плен, полковник Вирунга был тяжело ранен и все еще сильно хромал, опираясь на массивную палку. Стэн и Алекс знали, что лишь немногим ослушавшимся приказов полковника удавалось выжить. Но негласным командиром лагеря имперских военнопленных была худощавая жилистая женщина, генерал в отставке Бриджер, возобновившая свою организаторскую деятельность после того, как ее родная планета была захвачена и разрушена до основания. Она жила лишь одной целью: установить в лагере образцовый порядок, а затем спокойно умереть.

На закате, после того, как Стэн и Алекс заставили себя проглотить мерзкий вечерний рацион, генерал Бриджер и полковник Вирунга попрощались с ними.

— Мистер Килгур, Горацио, — сказала женщина, — надеюсь, мы никогда больше не увидимся.

Килгур улыбнулся.

— Я тоже мечтаю об этом.

Вирунга сделал шаг вперед. Понять речь н'ранья было довольно трудно — они считали составление предложений пустым занятием и использовали для выражения своих мыслей только главные слова.

— Надеюсь... удача... Когда... свободны... не забывайте.

Стэн и Алекс отдали честь и удалились.

Без приказов и объяснений заключенные занялись тем, что Стэн называл «отвлекающим маневром». Собравшись в небольшие группы, они неторопливо направились к одной из уборных, той, которая «случайно» находилась метрах в трех от внутреннего периметра. Стэн и Алекс присоединились к ним; маленькая коробка с грызуном, накрытая ветхим полотенцем, висела у Стэна на шее. Ни один из охранников, стоявших на сторожевых башнях, не смог бы проследить, сколько заключенных вошло в уборную и сколько вышло из нее.

Нужник был возведен над глубокой сырой ямой с экскрементами. Строение представляло собой небольшой домик, в котором желоб для стока воды находился с одной стороны, а сиденья для справления нужды — круглые дырки, вырезанные в длинном ящике из неотесанных досок, — с другой.

Стэн и Алекс забрались в одну из этих дыр. Несколько дней назад они прибили к внутренним стенкам ящика длинные гвозди. Беглецы заткнули носы рваными тряпками. Впрочем, это не помогало.

«Держись, — думал Стэн. — Не отчаивайся. Отбрось мысли о том, что паук, ползущий по твоей руке, ядовитый. Только держись».

Наконец раздался сигнал к отбою, и голоса заключенных постепенно смолкли. Послышались глухие шаги, одна из дверей уборной открылась. Охранники, дабы не испортить органы обоняния, произвели только беглый осмотр нужника.

Стэну и Алексу следовало бы дождаться середины ночи и тогда отправиться в дорогу, но до рассвета им предстояло преодолеть несколько километров. В полнейшей темноте они выбрались из своего укрытия и поморщились, глядя друг на друга.

Следующий ход был за полковником Вирунгой. По его команде заключенные начали орать, визжать и громко смеяться. Стэн и Алекс увидели, как луч прожектора, скользнув по крыше уборной, направился к баракам, и выскочили из двери дощатого домика. По идее, дальше пройти они не могли. Лагерь был окружен внутренним и внешним проволочными заграждениями, между которыми находилась нейтральная территория шириной в десять метров. Охранники с вышек прочесывали территорию лагеря визуальными поисковыми прожекторами, гораздо более опасными лучевыми радарами, охватывающими широкое пространство, и сенсорами, реагирующими на различные звуки. По предписанию, каждый детектор закреплялся за отдельным охранником.

Но охранники были ленивы. Какая необходимость торчать на вышке троим, особенно ночью? Ведь из лагеря бежать невозможно. Даже если один из имперских доходяг и улизнет, ему некуда податься; крестьянам, живущим в окрестностях, посулили хорошее вознаграждение за поимку и доставку беглецов в зону — живыми или мертвыми. В случае если какому-нибудь имперцу все-таки удастся проскочить мимо фермеров, куда он пойдет? Этот человек будет прикован к планете, находящейся в самом центре Таанских Миров.

И некий хитромудрый охранник нашел способ заставить работать все три сенсора одновременно, объе-

динив их общей системой. Теперь для управления приборами требовался всего один человек.

Итак, когда Вирунга дал команду тщательно подготовленным заключенным поднять гвалт в одном из бараков, охранник направил луч прожектора именно туда, и все башенные сенсоры, прочесывавшие данный район, были направлены в сторону, противоположную от двух темных пятен, бросившихся к проволочному заграждению.

Стэну и Алексу нужно было разрезать три участка проволоки, три троса с прикрепленными к ним острейшими лезвиями, чтобы проникнуть в нейтральную зону. При помощи ножа Стэн мог легко справиться с этой задачей. Но место разрыва тросов было бы обнаружено в считанные минуты. Досконально обсудив все детали побега, Алекс, соблюдая предельную осторожность, за несколько последних циклов набрал двенадцать длинных металлоидных гвоздей.

Стэн проделал две аккуратные дырки в тросе с лезвиями, одну рядом с другой. Алекс вставил в отверстия гвозди, а затем, используя всю свою недюжинную силу, вогнал их в места проволочных соединений. После того, как трос был закреплен, Стэн разрезал проволоку. Одна... вторая... третья... проскользнули в лазейку... соединили проволоку... и оказались в нейтральной зоне. Проскочили через нее, снова разрезали и соединили проволоку.

Впервые за три года Стэн и Алекс находились за пределами лагеря, впервые над их душами не стояли охранники. Соблазн сорваться с места и бежать вприпрыжку был велик. Вместо этого друзья медленно поползли дальше, прощупывая землю руками, опасаясь, что вот-вот раздастся тревожное завывание сигнальной сирены.

Но кругом стояла тишина. Побег удался. Все, что им оставалось, — покинуть планету.

ГЛАВА 4

— Ну... где, черт бы его побрал, этот хренов часовой? — прошептал Стэн.

— Не суетись, друг мой Горри, — тихим хриплым голосом сказал Алекс.

Надо же — Горри! Мало того что Алексу каким-то образом удалось понизить Стэна в звании, он еще придумал это идиотское уменьшительно-ласкательное имечко, сокращенное от Горацио.

— Как знаешь, пусть это будет на твоей совести.

— Ладно, — ответил Алекс. — Хочу только напомнить, что, если нас застукают, отдуваться придется обоим. За обещанное вознаграждение они на все пойдут.

Стэн промолчал. Его внимание было приковано к кораблю, стоявшему примерно в ста метрах от вершины холма, где они укрылись.

Друзья обнаружили потенциальный способ выбраться с планеты, когда получили задание выполнить подсобные работы на взлетном поле планеты-тюрьмы. Они оба заприметили маленький четырехместный корабль, бывший некогда настоящим произведением искусства, теперь же используемый в качестве межпланетного посыльного. Судно могло показаться напрочь устаревшим, не будь на нем драйва Юкавы и двух работающих на АМ-2 двигателей.

Теперь осталось главное — украсть корабль.

Выбравшимся за пределы проволочных заграждений Стэну и Алексу казалось несложным преодолеть несколько километров до взлетного поля. Однако на это ушло времени намного больше, чем они предполагали. Друзья не знали, что одним из побочных эффектов регулярного недоедания является куриная слепота.

Итак, несмотря на всю свою подготовку, они пробирались в темноте с той же скоростью, что и самые обыкновенные гражданские. И все-таки выработанный в отряде «Богомолов» рефлекс настороженности и способность бесшумно передвигаться помогли Стэну и Алексу остаться незамеченными, когда они проползали мимо крестьянских ферм, окружавших лагерь.

— Горри, пока нас не сцапали, не желаешь ли прослушать маленькую лекцию о ядовитых пятнистых змеях, в изобилии обитающих в этой местности? — спросил Алекс.

— Заткнись, или я убью тебя.

— У этого парня нет чувства юмора, — пожаловался Алекс грызуну, спавшему в маленькой коробке. — Смотри-ка, а вот и «очкастый крошка енот».

Часовой, дежуривший у подножия холма, попал в их поле зрения и удалился.

Система охраны взлетного поля была сложной: расхаживающий взад-вперед часовой, проволочное заграждение, нейтральная зона, контролируемая дозорными животными, второе проволочное заграждение и внутренняя электронная система безопасности.

Высчитав, за какое время часовой совершает свой обход, Стэн и Алекс двинули вперед и подползли к

первому проволочному заграждению. Алекс постучал по маленькой коробке:

— А ну-ка, ленивый вонючка, выходи из заточения и принимайся за дело!

Алекс поднял крышку, и зверек выпрыгнул из коробки. Ошалевший от свободы и новой окружающей обстановки, грызун бесшумно пролез через проволочное заграждение и очутился в нейтральной зоне. Опомнившись, он сел, полизал шерстку, прикинул, в какой стороне может быть вода, и продолжил свой путь. Его замедленный умственный процесс был нарушен громким рычанием.

Каракайеу, трехметровое существо с тремя лохматыми лапами, оканчивающимися смертоносными когтями, переваливающейся походкой направилось в сторону вонючки. Скунсовый медведь был разъярен, что являлось обычным состоянием представителей его вида.

В результате гибридизации и мутации, которым таанцы подвергли предков этого млекопитающего, оно стало еще более агрессивным. Медведям внушили, что двуногие являются их единственными врагами и подлежат беспощадному уничтожению, в то же время добившись от этих монстров беззаветной преданности другим, кормившим их двуногим. Кроме того, медведям не разрешалось выходить за пределы нейтральной зоны и размножаться.

Этот каракайеу провел пять однообразных, не нарушаемых никакими заботами и волнениями лет в замкнутом пространстве, ограниченном двумя проволочными заграждениями. И вдруг, совершенно неожиданно, на его территории появляется грызун!

Скунсовый медведь, как всегда, обходил свои владения и, согласно инстинктам, метил территорию. Грызун, так же согласно инстинктам и обычной потребности справить нужду, пискнул, завертелся на месте, задрал пушистый хвост на спину, выпустил зловонные газы и помочился.

Резкий запах, результат выделений анальных желез вонючки, ударил в нос каракайеу. Огромное животное немедленно встало на задние лапы, зарычало и, пытаясь уберечь чувствительный нос от нестерпимого смрада, заковыляло прочь в поисках убежища, в надежде отыскать двуногих, которые могли бы ему помочь.

Удовлетворенный вонючка снова пискнул и умчался в неизвестном направлении.

— Маленький паршивец отлично справился со своей задачей, — шепотом прокомментировал сцену Алекс.

Стэн принялся за работу. Снова трос проволочного заграждения был продырявлен, гвозди вставлены,

проволока разрезана, а после того, как беглецы пролезли через образовавшееся отверстие, соединена вновь.

В пятидесяти метрах от Стэна и Алекса поблескивал гладкий черный корпус корабля. Вокруг не было ни души.

Алекс засунул руку в карман своей потрепанной робы, достал оттуда четыре обрезка полых трубок, менее одного сантиметра в диаметре, и соединил их вместе. Получилось нечто вроде трубки для пуска отравленных стрел. В дальнее отверстие трубки Алекс вложил продырявленный рыбий пузырь, начиненный мельчайшей металлической пылью. Другой конец приложил к губам, направил самодельный инструмент в сторону куста и дунул. Невидимая пыль воспарила в воздух, собралась вокруг куста и осела. Стэн и Алекс уткнулись носами в грязь, надеясь остаться незамеченными. Несколько минут спустя караульные начали совершать обход.

Готовясь к побегу, друзья учли, что внутри полевого периметра находятся электронные датчики. Они считали, что конструкция детекторов должна быть предельно проста — возможно, радарного типа. В конце концов планета-тюрьма находилась далеко от линии фронта.

Таанский капрал, командовавший караулом, покинул свой пост.

— Стража, говорит Разведчик. Мы находимся в районе предполагаемого вторжения.

— Разведчик, говорит Стража. Поступили какие-нибудь сведения о проникновении нарушителя на взлетное поле?

— Подождите на связи. — Старый толстый капрал включил фонарик, чтобы осмотреть землю. — Ничего.

— Точно? Сенсоры по-прежнему указывают на присутствие нарушителя в зоне.

— Да знаю, дьявол тебя забери, — не сдержался капрал.— Но мы ни хрена не видим.

— Разведчик, говорит Стража. Проведите повторную компьютерную проверку. Инспектирование участка зарегистрировано... Согласно вашему докладу, никакого вторжения произведено не было. Возвращайтесь на командный пункт. Прием окончен.

— Прекрасно, будь ты неладен, — проворчал капрал. — Если здесь никого нет, мы просчитались. Если здесь кто-то есть, нас вздернут на виселице. Черт! Поживем — увидим.

Караульные таанцы удалились.

«Очень, очень хорошо», — подумал Стэн. Металлическая пыль, которую Алекс выдул на куст, определенно была зафиксирована ближайшим сенсором. Дежурный отряд направился к месту, откуда приходил сигнал, и

ничего не нашел. А сенсор все еще продолжал указывать на присутствие нарушителя. Теперь на «доклады» сенсора не будут обращать никакого внимания до тех пор, пока с ним не разберется техник. Путь к посыльному кораблю был свободен.

Люк левого борта оказался открытым. Алекс направился к хвостовой части, Стэн вошел в комнату контроля. Вопрос, куда лететь, все еще оставался открытым.

Управление кораблем было на удивление простым. Стэн уже сел в кресло пилота и начал нажимать кнопки, когда Алекс ввалился в крохотный командный центр.

— Здесь нет горючего!

Стэн пробормотал четыре непристойных ругательства и включил компьютер. Нет, горючее все-таки было. Во всяком случае, достаточное количество для того, чтобы вывести корабль в открытый космос. Достаточное для того, чтобы выйти на межзвездный путь. Достаточное для...

Стэн включил навигационный компьютер. Хватит ли топлива на то, чтобы выскочить из таанского галактического пространства?

Ответ отрицательный. Стэн стукнул кулаком по панели компьютера и откинулся на спинку кресла.

— Оказывается, мы все это проделали зря.

— Нет, нет, юноша, — сказал Алекс. — Я просмотрел записи о заправке. Через три дня это корытце наполнят топливом до отказа. А сейчас нам остается лишь покинуть его, перелезть обратно через проволоку, вернуться домой и немного подождать. Как ты думаешь, сумеем?

Снова лезть через проволочные заграждения. Снова пробираться через камыши. Вернуться обратно, в ненавистный ад лагеря, где прожито три долгих года... Они не могли этого сделать. Но они вернулись.

Стэн и Алекс проскользнули через проволочное заграждение, прошмыгнули мимо охранников, попали на территорию лагеря и очутились возле своего барака. У них было только одно желание — добраться до коек и заснуть. Однако, вопреки всем ожиданиям, заключенные, которым в это время уже положено было отдыхать, бодрствовали.

Вскоре все стало ясно. Шумиха, поднятая заключенными по команде полковника Вирунги для прикрытия беглецов, вызвала обратную реакцию со стороны лагерного начальства. Была устроена массовая проверка. Охранники выкликали каждого имперца поименно, сличали отпечатки пальцев, проверяли наличие особых примет, сосредоточенно вглядывались в лица. Ни у Вирунги, ни у любого другого заключенного не было возможности избежать провер-

ки. Конечно, охранники знали, что Стэн и Алекс не могли бежать — это подтвердили результаты прочесывания периметра. Но они могли где-то спрятаться, готовясь к побегу. Возможно, они снова роют туннель.

Впрочем, это уже не имело значения. Перед самым побегом Вирунга предупредил Стэна и Алекса: если они вновь появятся в лагере, их ликвидируют. А заодно и полковника Вирунгу — охранникам не составит особого труда выяснить, кто был причастен к их исчезновению.

Стэн и Алекс переглянулись. Им уже никогда не удастся совершить вторую попытку проникнуть на посыльный корабль. Следующим этапом их заключения станет планета рудников и скорая смерть.

Но друзья ошибались. Им предстояло знакомство с вежливыми и обходительными верховными правителями таанцев.

ГЛАВА 5

Двадцать семь членов Верховного Совета погрузились в состояние скучного безразличия, когда престарелый секретарь монотонным голосом стал зачитывать очередное законодательное постановление, принятое к рассмотрению в тот день.

— ...Документ № 039-387. Тема: пенсии малоимущим. Аргумент «за»: распределенные налоги на гарантированные доходы в пользу пенсионеров облегчают тяжелую ношу, выпавшую на долю государства, что позволяет правительству вкладывать главные средства в военную промышленность. Аргументы «против»: никаких.

Престарелый секретарь, не поднимая головы, задал рутинный вопрос:

— Возражения будут?

В зале, как обычно, стояла тишина.

— Принято единогласно. Следующее. Документ № 434-102. Тема: распределение горючего. Подсекция машин медицинской «скорой помощи». Аргументы за увеличение выдачи: изъятие машин «скорой помощи» для использования в военных целях без всякой компенсации усугубляет неимоверные трудности и лишения, испытываемые и без того обремененной заботами системой гражданского здравоохранения. Рекомендация штаба: никакого увеличения.

Снова прозвучал шаблонный вопрос. И снова тишина свидетельствовала о полном единодушии. Государственные дела всегда решались подобным образом.

Тем ни менее членов Верховного Совета таанцев вряд ли можно было назвать единомышленниками председателя, лорда Ферле. Напротив, у каждого из них были свое особое мнение и могущественные союзники. Иначе они не вошли бы в состав Совета.

Лорд Ферле стал председателем в результате умелого ведения собственной политики в корыстных целях. Многие годы он укреплял свои позиции посредством назначения нужных людей на ключевые посты. Например, совсем недавно он повысил в должности леди Этего, переведя ее из кандидатов в действительные члены Совета. Конечно, она заслужила этот статус — как-никак герой войны!

Когда секретарь продолжил свое заунывное чтение, председатель посмотрел на полковника Пэстора. Иногда ему казалось, что назначение полковника на занимаемую им теперь должность явилось ошибкой. Дело заключалось не в том, что промышленник был слишком тяжелым человеком. Просто он имел обыкновение задавать наивные вопросы, на которые трудно было ответить. Но самое главное — с течением времени Ферле перестал полностью полагаться на его поддержку.

«Гм-м. Как поступить с Пэстором?» — подумал председатель. Проблема состояла в том, что Пэстор был не только преуспевающим промышленником, но обладал поразительной способностью находить все новых людей, умеющих наносить ощутимые удары по Империи. К тому же он выкладывал из собственного кармана колоссальные суммы на организацию военных кампаний. Наверное, правильнее всего будет потерпеть старика еще какое-то время.

Затем лорд Вичман — абсолютно надежный, абсолютно лояльный. В том-то и состояла его проблема. Вичман ровным счетом ничего не смыслил в искусстве компромисса. Этот его недостаток несколько раз чуть было не расстроил хитросплетенную игру Ферле.

Компромисс был главным принципом политики таанцев. Все предложения обсуждались ими в мельчайших подробностях до начала любого собрания. Все точки зрения рассматривались заранее и по возможности включались в программу для всеобщего обсуждения. Все постановления, за редким исключением, принимались единогласно.

Единодушие было необходимо таанцам как воздух. Они являлись воинственной расой, потерпевшей в далеком прошлом унизительное поражение. Оттесненные к окраинам Империи, таанцы вынуждены были бежать к своему теперешнему дому. На эту планету не претендовал никто, кроме аборигенов, долгое время не желавших поко-

ряться таанцам. Геноцид сделал свое черное дело, убедив местных жителей в ошибочности их логики.

Мало-помалу таанцы восстановили свое могущество и, заново построив воинственное государство, выработали новую расовую цель: больше они никогда не побегут и однажды непременно отомстят своим обидчикам. А пока необходимо как следует зарекомендовать себя.

Они стали нападать на соседей. Один за другим многие и многие народы после жестокой борьбы покорились захватчикам. Для одержания побед таанцы использовали два железных правила: умело идти на уступки в переговорах с коренным населением для завуалирования своих агрессивных намерений и добиваться успеха любой ценой. Случалось, войны требовали принесения в жертву до шестидесяти процентов живой силы. По окончании каждой войны таанцы быстро перегруппировывались и развязывали новый конфликт.

Столкновение с Вечным Императором было всего лишь делом времени.

В результате снова началась война.

— ...Документ № 525-117. Тема не обозначена. Никаких аргументов. Возражения будут?

На сей раз тишина была нарушена.

— Не то чтобы возражение... Просто у меня есть один вопрос.

Состояние остальных двадцати шести членов Совета из сомнамбулического оцепенения перешло в абсолютно шоковое. Во-первых, неозаглавленный билль Верховного Совета всегда был личным предложением, поступившим от одного из членов Совета. О таком билле не стоило бы даже упоминать во избежание малейшей дискуссии. Во-вторых, ситуация стала еще более пикантной, когда взоры всех присутствующих устремились на задавшего вопрос.

На сей раз это был не Пэстор. Это был Вичман. А номер 525 свидетельствовал о том, что билль принадлежал Пэстору.

Члены Совета подались вперед, их глаза загорелись от предвкушения предстоящей битвы. Только Ферле, как председатель, и леди Этего оставались равнодушными. Этего с солдатским презрением относилась к политическим перипетиям любого рода.

Пэстор откинулся на спинку стула.

— Итак, насколько я понял смысл данного предложения,— начал Вичман, — мы производим на свет программу, согласно которой будем полагаться на военнопленных при создании нашего оружия. Я прав?

— Слишком сильно сказано, — сказал Пэстор, — но по смыслу верно. В чем заключается ваш вопрос?

— В одной простой вещи: солдат, который позволил захватить себя в плен, — трус. Разве не так? — Пэстор утвердительно кивнул. — А трусость и малодушие — вирусы заразные. Боюсь, от общения с военнопленными моральному духу наших солдат будет угрожать большая опасность. Мы многим рискуем.

Пэстор хмыкнул.

— Да ничем мы не рискуем, — сказал он. — Если бы вы потрудились внимательно ознакомиться с моим планом, то не задали бы этого вопроса.

— Я прочел ваше предложение от и до, — категорично заявил Вичман. — И все-таки я спрашиваю.

Пэстор вздохнул. Он понял, что Вичман хочет поставить его в неловкое положение, и задумался над тем, какой компромисс предложить для беспрепятственной реализации своего плана.

— В таком случае я постараюсь ответить на ваш вопрос, — сказал он, безуспешно пытаясь избежать ноток сарказма в голосе. — Возникшая перед нами проблема легко объяснима, но трудно разрешима. У нас имеется более чем достаточное количество заводов и материалов для ведения войны, но менее половины рабочей силы, необходимой для обслуживания производства. В первую очередь я бизнесмен. Если передо мной возникает проблема, я немедленно берусь за поиски путей ее устранения. Много раз одну проблему помогала разрешить другая. Если нам повезет, мы сможем убить одним выстрелом двух зайцев.

— Поясните ваши слова.

— Я занимался поисками дополнительной рабочей силы. И нашел ее в лагерях для военнопленных. Но это лишь вершина айсберга. Мы испытываем колоссальную нехватку в техническом персонале. Ни одна военная школа не в состоянии поставить необходимое количество грамотных специалистов. Где находится неиссякаемый источник незадействованных военных кадров? Да конечно же, в зонах, в которых содержатся смутьяны. В особенности это касается отъявленных нарушителей.

— Не вижу логики. Трудный заключенный приравнивается к образованному существу? — недоумевал Вичман.

— Логика проста. Если этим заключенным столь длительное время удавалось оставаться в живых, значит, у нашего лагерного руководства были веские причины не уничтожать их. Такова моя интуиция, а она меня еще ни разу не подводила. И давайте прекратим обсуждение этого предложения. Полагаю, лорд, остальные члены Совета согласятся со мной.

Вичман проигнорировал последние слова Пэстора.

— Выходит, вы гарантируете, что эта ваша программа разрешит проблему?

— Я ничего не гарантирую, — выпалил Пэстор, едва сдерживая гнев. — Прежде всего программа является экспериментом. Если она не сработает, ничего страшного не произойдет, тем более что расходы по ее реализации я полностью беру на себя.

— Хорошо. Очень хорошо. Вы ответили почти на все мои вопросы. Но кое-что у меня все-таки вызывает беспокойство.

— Что именно?

— Штат сотрудников первой подобной тюрьмы. Хочу заметить, что у присутствующих здесь членов Совета нет опыта по этой части.

«Ну наконец-то, — подумал Пэстор. — Вичман хочет поставить своего человека на одну из ключевых позиций. Кого конкретно он имеет в виду?»

Выяснять было некогда. Ситуация требовала немедленного принятия решения.

— Возможно, в этом деле могла бы пригодиться ваша помощь, мой лорд, — вкрадчивым голосом сказал он.

— Согласен, — ответил Вичман.

Сидящие за столом члены Совета тут же успокоились.

— Итак, снова спрашиваю, — продолжал престарелый секретарь, — возражения есть?

Документ № 525-117 был тотчас узаконен.

Следующим пунктом повестки дня значилось выступление леди Этего. Было рассмотрено полдюжины вопросов, прежде чем наступила очередь леди Этего предстать перед Верховным Советом. Хотя этот доклад был ее дебютом в качестве действительного члена Совета, она совершенно не нервничала.

Этего подготовила перечень фактов, характеризующих положение дел на фронте. Для нее не имело никакого значения, наведут ли эти факты коллег на мрачные мысли или зажгут в их сердцах оптимизм. Эмоциональная сторона вопроса ее вовсе не интересовала.

Леди Этего прекрасно понимала — вскоре война приблизится к критическому моменту, и считала, что остальным так же должно быть ясно: развитие событий в ближайшем будущем выявит потенциальных победителей и побежденных. Между тем она была убеждена, что план, частично уже приведенный в исполнение ею и лордом Ферле, обеспечит таанцам окончательную победу.

— ...специальный доклад леди Этего... Уверен, что вы все...

Этего не сочла нужным вслушиваться в шаблонные банальности, адресованные ей пожилым секретарем. Услышав свое имя, она встала.

Леди Этего выглядела импозантно даже среди людей, которых трудно было чем-то удивить, и отлично знала об этом. Она была намного выше ростом большинства таанцев, а густые темные волосы, длиной почти до талии, носила распущенными. Большие глаза, чувственные губы и роскошное тело, линии которого идеально подчеркивала узкая униформа... Но только глупцов могла обмануть страстность ее взгляда. Единственной страстью леди Этего была война.

— Уважаемые лорды и леди, — начала она свою речь. — Я зачитаю лишь основные положения своего доклада, так как не хочу докучать вам содержащимися в нем длинными сводками. Более подробно вы сможете ознакомиться с фактами позже, как говорится, на досуге. Итак, постараюсь кратко изложить положение дел. Начну с главного — мы отвоевали у Империи огромные территории. Наш успех был обусловлен двумя причинами. Первая: мы всегда готовы рисковать всем. Вторая: сами размеры военной машины Императора давали нам преимущество. К тому времени, как его силы начинали оказывать противодействие, было уже слишком поздно. Но именно это преимущество мы можем потерять.

Члены Совета насторожились.

— Назову лишь основные причины, — продолжала леди Этего. — Вот одна из них. В данный период времени каждый успех приносит свое бремя. Наши денежные ассигнования выходят за пределы разумного. Мы растрачиваем ценные ресурсы, ставя гарнизоны на новых территориях. Вторая. Усиленные попытки Императора перевести промышленность с мирных рельс на военные скоро принесут плоды. Не за горами тот час, когда мы столкнемся с резким наращиванием мощи и численности его флотов.

Леди Этего остановилась, давая членам Совета возможность переварить услышанное. Настало время сообщить о плане.

— Прежде чем это случится, нам необходимо найти уязвимое место, куда можно было бы всадить нож. Лорд Ферле и я уверены, что нашли его.

Этего нажала на кнопку дистанционного управления. На дальней стене зала засветился экран. Члены Совета подались вперед, увидев звездную карту.

Их взорам предстали две системы, расположенные в непосредственной близости друг от друга. В них не было ничего необычного, кроме того, что находились они глубоко внутри Империи.

Леди Этего объяснила, что первая система, названная Аль-Суфи, являлась главным хранилищем Антиматерии-Два, топлива, которым пользовалась вся Империя, таанцы в том числе. Этого не было необходимости напоминать членам Совета, что именно контроль над АМ-2 давал Вечному Императору неограниченную власть.

— Естественно, Аль-Суфи — подходящая мишень. С недавнего времени мы стали размещать наши силы в этом регионе. Если нам удастся захватить его, поражение Императора будет предрешено.

— Не является ли это очевидным также для Императора? — спросил Пэстор.

— Надеемся, что да, — ответила леди Этего. — Потому что размещение, о котором я говорила, существует только на бумаге. Это всего лишь прикрытие. Фальшивка.

— Не понимаю, — сказал Вичман.

— Не вызывая подозрения, мы дали Императору понять, что собираемся напасть на Аль-Суфи. И у нас есть точные сведения, что Император сделал ответный ход, проведя аналогичный ввод своих войск. А теперь позвольте продемонстрировать вам нашу настоящую цель!

Члены Совета перевели взгляды на вторую систему, Дюрер. Этот регион был так же хорошо всем известен и являлся не менее важным для промышленности и транспорта, чем Аль-Суфи, в котором добывалась и хранилась АМ-2.

— Как видите, расстановка мнимых сил в Аль-Суфи способствовала тому, что система Дюрер осталась в тени. Она наша — иди и бери.

Членам Совета не требовалось объяснять, что из этого получится. Представители воинственной расы мгновенно поняли: врага можно будет обойти с фланга. Глядя на Дюрер, члены Верховного Совета видели бьющееся красное сердце Империи. От них требовалось лишь дать леди Этего «добро» на то, чтобы вонзить в него кинжал.

Голосование прошло единодушно.

ГЛАВА 6

Генерал Ян Махони прихрамывающей походкой шел по длинному, отделанному панелями коридору, стиснув зубы от боли, пытаясь не отставать от двух гурков, сопровождавших его в генеральный штаб Вечного Императора. Он

ощущал трение пластиковых и металлических скоб, скреплявших его раздробленные кости.

Одна из дверей бесшумно открылась, и кто-то выскочил из помещения, чуть не сбив Махони с ног. Генерал проворчал проклятия, сетуя на свою неуклюжесть. «Ян, — подумал он, — ты похож на трехногую лошадь, участвующую в скачках с препятствиями». Придя в себя, Махони пошел дальше.

Он находился в глубоком подземелье императорского дворца или по крайней мере в том что от него осталось. Наземная часть, бывшая некогда точной копией величественного замка Арундель, превратилась в черные руины, став жертвой внезапной ядерной атаки таанцев. Даже сейчас все еще были заметны следы сильнейшей радиации.

Таанцы надеялись, что Император будет уничтожен в результате одной мощной атаки, которой они подвергли Прайм-Уорлд. Враг не мог знать, что замок был лишь искусно сработанным фасадом бункера главного Имперского штаба, удаленного от поверхности земли на многие километры. Находясь в укрытии, Император неоднократно обрекал их коварные замыслы на провал. Любая радиопередача, транслировавшаяся из дворца, начиналась и заканчивалась панорамой руин, над которыми гордо реяли два флага: стят Империи и знамя Императорского двора: золотое с буквами «АМ-2», вышитыми над схемой атомной структуры антиматерии. Махони почти воочию представил себе насмешливое выражение лица Императора при виде этой утонченной пропаганды.

Какие чувства вызовет в нем встреча со старым боссом? Дружеские? «Осторожно, попридержи эмоции», — предупредил себя генерал. Быть другом Вечного Императора явилось весьма сомнительной привилегией. Дружба в большей степени, чем служба, довела его до теперешнего плачевного состояния.

При последнем нападении таанцев на Кавите его войско было наголову разбито, а сам он чуть не погиб. Махони до сих пор не понимал, каким образом выжил, и лишь догадывался, что к этому приложил руку его протеже Стэн. Несколько месяцев спустя, когда генерал пришел в сознание, первые его мысли были о переоценке смысла жизни. На протяжении последующих нескольких лет он попадал под лазерный скальпель хирурга такое множество раз, что сбился со счета. Махони подозревал, что доктора проделали нечто такое, что сторонний наблюдатель назвал бы великим чудом медицины. Они собрали его буквально по кусочкам.

Однако, несмотря на все их старания, Махони чувствовал себя постаревшим на много лет. А ведь он, по

сути, мужчина среднего возраста. Тяжелее всего было привыкнуть не к постоянной ноющей боли, а к своему лицу.

Одна его сторона была испещрена благородными морщинами, которые Махони имел некогда обыкновение называть рытвинами и канавами, оставленными в качестве автографов длинной интересной жизнью. Другую сторону покрывала гладкая, как у младенца, кожа.

Врачи заверили Махони в том, что искусственная плоть запрограммирована на постепенное старение и вскоре обе половины лица будут выглядеть одинаково. Махони им не верил — хотя должен был признать, что четыре месяца назад его челюсть также не работала; теперь, после очередной болезненной операции, она функционировала нормально.

Махони не имел ни малейшего понятия, для чего вдруг понадобился Императору. Он предполагал, что босс по старой дружбе желает лично сообщить ему новость о том, что пора «сниматься с якоря» и идти в раннюю отставку.

«Ну и хрен с ним, пенсия для генерала с двумя звездами не так уж плохо, — размышлял Махони. — Кроме того, я ведь всегда смогу подыскать себе другую работу, разве не так?.. Спустись с небес, Ян. Профессия убивать людей — не самая необходимая в гражданской промышленности».

Махони вышел из состояния раздумья, когда гурки остановились перед безликой дверью и жестом указали ему на кнопку лучевого кода, к которой следовало приложить большой палец руки. Махони решил, что первое предположение было верным. Его вызвали для «снятия с якоря» по команде «Дружно взяли!».

Открылась следующая дверь, и на Махони пахнуло жаром кухни. Ощущение было таким, словно он попал в огромный ирландский мясной пирог. В дверном проеме возникла мускулистая фигура Вечного Императора. Он оглядел Махони с ног до головы оценивающим взглядом, словно прикидывал, годится ли тот для начинки в пирог. Следуя старой солдатской привычке, Махони попытался привести свои хрустящие кости в состояние по стойке «смирно».

Император улыбнулся.

— Махони, — сказал он. — Ты похож на человека, которому не мешало бы промочить горло крепким скотчем.

— Говорю тебе, Махони, из-за этой заварухи с таанцами я стал совершенно по-другому смотреть на жизнь. Когда мне, в конце концов, удастся стряхнуть их со своих ботинок, дела пойдут по-другому. Не знаю, можешь ли ты меня понять, но работа Вечного Императора далеко не так романтична, как многие думают.

Махони выдавил кривую улыбку.

— Не болит голова у дятла, — сказал он.

Император поднял голову от доски для рубки мяса.

— Что такое? Кажется, слышны нотки цинизма в твоем голосе? Осторожно, Махони. Во мне бродит сила виски.

— Прошу прощения, босс. Промашка вышла.

Они находились в кухне Вечного Императора, напоминающей беспорядком офицерскую кают-компанию. Махони сидел за столом из нержавеющей стали, держа в руке маленькую рюмку. Император находился напротив него, готовя обед, который, как он пообещал старому товарищу, будет полностью вписываться в военный лейтмотив.

Император назвал блюдо «подсадная курица». На середине стола стояла кварта спиртного домашнего приготовления— по мнению Императора, удивительно напоминавшего шотландское виски. Властитель наполнил рюмки и сделал глоток, прежде чем возобновить свое занятие. Во время работы он беспрестанно говорил, суетясь вокруг различных предметов, назначение которых было известно ему одному.

— Никак не могу вспомнить настоящее название этого блюда. Один из множества кулинарных шедевров, который стряпала вся жуликоватая Луизиана задолго до моего восшествия на престол.

Махони предположил, что Луизиана была провинцией, находившейся на древней Земле.

— В прежние времена некоторые люди считали, что продукт не является продуктом до тех пор, пока из него не выжаривали весь дух. Я не видел в этом смысла, но с годами научился не осуждать слишком скоро народные поверья. Итак, я попробовал приготовить несколько блюд.

— И все они оказались чудесными, верно? — спросил Махони.

— Нет, все они оказались ужасными, — ответил Император. — Во-первых, я понял, что сам виноват: все спалил. Мой дед убил бы меня, если бы увидел, сколько продуктов я перевел. В конце концов, я уяснил несколько основных правил. Ничего нельзя пережаривать или перепекать.

— Как картошку, — вставил Махони. — Никому не хочется пережаривать картошку.

Вечный Император посмотрел на генерала странным взглядом.

— А кто говорил о картошке?

Махони только покачал головой и поднес рюмку к губам. Запрокинув голову назад, он влил в глотку ее содержимое, почувствовал себя более уверенно и снова наполнил рюмку.

— Глупость сморозил...

Император несколько минут молчал, автоматически продолжая готовить обед. Используя пальцы рук и ладони как мерные ложки, он высыпал в чашу следующие ингредиенты: жменю стручкового кайенского перца; две щепотки пищевой соли, щепотку толченого перца; горстку сушеного шалфея и нарезанный в форме кубиков хрен. Затем поставил чашу на большую черную плиту, незамедлительно вылил в нее бутылку водки, свежевыжатый сок лайма, стакан растительного масла и высыпал полчашки каперсов.

Император вынул из холодильника жирную корнуэльскую курицу и положил ее на металлический стол. Затем выбрал французский нож с узким лезвием, проверил, достаточно ли острый у него кончик, и одобрительно кивнул. Перевернул курицу спиной кверху и сделал пробный надрез вдоль позвоночника. После секундной паузы он отложил нож в сторону.

— Хочу изложить тебе кое-какие свои соображения. Посмотрим, совпадет ли твоя точка зрения с моей.

Махони наклонился вперед, приготовившись слушать с большим интересом. Может быть, он наконец-то узнает настоящую причину, по которой его сюда вызвали.

— Тебе знакома система Аль-Суфи?

Махони утвердительно кивнул головой.

— Огромное хранилище АМ-2, не говоря уже обо всем остальном. Если не ошибаюсь, одна треть всех наших запасов АМ-2 находится именно там.

— Совершенно верно, — сказал Император. — И с недавнего времени ко мне стали поступать сведения о размещении в этом регионе крупных сил таанцев. Не всех сразу. Но происходит постепенный перевод флотов из одного сектора в другой. Мы также перехватываем много радиоболтовни со вспомогательных кораблей.

Махони понимающе кивнул. Ему, как профессионалу, было отлично известно, что при прослушивании радиопередач можно всякое услышать.

— Эти типы все одинаковы, — заметил он. — Что таанцы, что имперцы. Не могут соблюсти даже элементарных правил безопасности. — Махони задумчиво приложился к рюмке. — Итак, в чем проблема? Если нам известно, что они собираются напасть, нужно предпринять ответные меры до первого выстрела с их стороны.

— Согласен, — сказал Император, снова беря в руки нож и оставляя предмет обсуждения в подвешенном состоянии. — Тебе, наверное, было бы интересно посмот-

реть, Ян. Снимать мясо с костей курицы просто, когда знаешь, как это делается. В противном случае можно к чертовой бабушке отрубить не то, что нужно, и самому остаться без пальцев.

Император очень осторожно сделал надрезы с обеих сторон от хребта тушки, сунул в прорезы палец и вытянул из нее позвоночник. Затем положил курицу плашмя, накрыл ладонями каждую половинку и придавил тяжестью своего тела.

— Понял, что я имею в виду? — спросил он, поднимая вверх ребра дичи.

— Я просто поражен, — сказал Махони. — Но дело не в этом. Догадываюсь, что вы не в восторге от информации, полученной разведкой.

Император склонился над кухонной плитой и зажег горелку.

— Твоя догадка верна, — кивнул он. — Но я не виню моих разведчиков. Думаю, таанцы замышляют нечто диаметрально противоположное.

— Что именно?

— У системы Аль-Суфи есть соседка. Дюрер.

— Я что-то слышал...

— Говоря иносказательно, наступи ты одной ногой на Аль-Суфи, Дюрер почувствует прикосновение ее большого пальца.

Махони представил себе эту картину и нахмурился. Он был удивлен.

— Но ведь это только...

— Только стоя на Дюрере, — продолжал Император, — можно сделать хороший сильный плевок.

«Такой плевок должен быть очень мощным», — подумал Махони, но согласился с Императором.

— Допустим, вы правы, — сказал Махони, — и таанцы действительно хотят заставить нас сражаться с ветряными мельницами. В таком случае, если они захватят Дюрер, мы можем послать нашим войскам, находящимся в Аль-Суфи, нежный, но прощальный поцелуй. Не говоря уж о потерях, которые мы уже понесли в результате войны.

— Интересная получается ситуация, не правда ли?

— Что вы планируете предпринять в связи с этим?

— Прежде всего я собираюсь выпарить весь дух из этой курицы, — сказал Император, поворачиваясь к плите. — Первая хитрость заключается в том, что сковороду нужно как следует раскалить.

Махони ближе придвинулся к плите и стал внимательно наблюдать за действиями властителя, уразумев, что меню составлялось по тому же принципу, что и его планы насчет таанцев.

Император повернул ручку горелки до предела и поставил на сильный огонь тяжелую закоптелую чугунную сковороду. Через несколько секунд сковорода начала дымиться, над ней поднялись густые клубы пара. Еще через несколько мгновений сковорода перестала дымиться.

— Проверим, каким становится воздух над плитой, — сказал Император. — Он начинает колебаться, правильно?

— Правильно.

— По мере того как сковорода раскаляется, колебание воздуха усиливается. Это будет происходить до тех пор, пока над внутренней частью сковороды не поднимется густой пар.

Пар появился строго по расписанию.

— Значит, уже пора? — спросил Махони.

— Почти. Но не совсем. На этом этапе многие спотыкаются. Через пару минут пар рассеется, а днище сковороды покроется беловато-пепельным налетом.

Как только появился пепельный налет, Император жестом попросил Махони отстраниться от плиты. Он зачерпнул большой кружкой растительное масло, вылил его на сковороду и отскочил в сторону. Махони понял почему, когда длинные языки пламени стали со всех сторон лизать сковороду. Затем огонь утих, Император быстро вернулся на место и высыпал из чаши на сковороду специи. Потом несколько раз помешал специи ложкой — сначала в одном направлении, затем в другом. Поверх всего этого положил корнуэльскую курицу. Столб пара с шумом взвился над сковородой.

— На обжаривание каждой стороны уходит пять минут, — объявил Вечный Император. — Я посыпаю тушку специями и ставлю в печь минут на двадцать — до полной готовности.

— Кажется, идея понятна, — сказал Махони. — Вы собираетесь подсунуть раскаленную добела сковороду таанцам.

Император нашел эту мысль довольно забавной и украдкой усмехнулся, выкладывая основательно почерневшую курицу на противень.

Тушка снова была посыпана специями и поставлена в печь, раскаленную до температуры триста шестьдесят градусов. Властитель уменьшил огонь на плите, снова поставил на нее шипящую сковороду, вылил туда два штофа водки и четверть чарки сока лайма. Потом эта смесь будет использована для глазирования курицы.

— Ты прав, — сказал наконец Император. — Я планирую проделать с таанцами ту же штуку. На бумаге я передвинул силы со всей карты в регион Аль-Суфи.

— Но в действительности они будут поджидать врага в системе Дюрер, — подхватил Махони.

— В этом и заключается мой план.

Генерал с минуту молчал.

— Один вопрос, босс. А что, если таанцы на самом деле размещают войска в Аль-Суфи? Что, если мы ошибаемся?

Император занялся побегами аспарагуса, намереваясь пропустить их через пары топленого тимьянового масла, смешанного с сухим белым вином.

— Я давно уже не ошибаюсь, — сказал он.

— Но не допускаете ли вы вероятность совершения ошибки на сей раз?

— Нет, — категорично заявил Император, — не допускаю. Вот потому-то ты здесь.

Император полез в карман и вынул из него маленькую черную коробочку для драгоценностей. Махони открыл ее. Внутри лежали нашивки маршала флота.

— Когда начнется атака, — сказал Император, — я хочу, чтобы моими силами командовал ты.

Махони не мог отвести глаз от звезд, сверкавших на велюре. В эту минуту он припомнил, когда получал последние приказы непосредственно от Императора. Эти приказы привели его на Кавите.

— Ты сделаешь это для меня? — настойчиво спросил Император.

Махони кивнул головой, выражая тем самым согласие принять командование флотами в системе Дюрер.

ГЛАВА 7

Огромный корабль, перевозящий заключенных, приземлился на Хизе, столичной планете Таанских Миров. После того, как была расставлена охрана, люки с шумом открылись, и пленники выгрузились.

Стэн и Алекс спустились по сходням, гремя тяжелыми цепями, прикованными к железным кольцам на руках и ногах. Они поражались, для чего таанцам понадобилось заковывать изможденных заключенных в архаичные, бесполезные кандалы. Пленные ожидали, что их высадят на таанской мертвой планете рудников. Но вместо этого...

— Я бывал здесь раньше, — прошептал Алекс сквозь сжатые губы — этим приемом владели все профессиональные заключенные. — Э-хе-хе.

Указание лорда Пэстора могло быть выполнено по всем правилам, если бы таанские бюрократы не по-

жадничали. Для того, чтобы забрать неисправимых заключенных и доставить их в новую тюрьму, выделили одно-единственное транспортное судно, тихоходное и грязное.

После разгрузки оказалось, что лучшие и изворотливейшие оказались не такими, какими их представляли себе таанцы, а вонючими, немытыми, нечесаными и сердитыми.

Единственным признаком уважения к этим заключенным, чего они, кстати сказать, не поняли, был состав военных, сопровождавших их по улицам Хиза. Вооруженные солдаты, шедшие по обеим сторонам колонны с интервалом в пять метров друг от друга, являлись охранниками из боевого формирования штурмовой дивизии. Им предстояло отправиться в зону военных действий менее чем через три недели после того, как разношерстная группа в количестве тысячи оборванцев — мужчин, женщин и существ — будет доставлена в новую тюрьму.

Гремя цепями, Стэн шаркающей походкой пошел вперед, понурив голову, опустив руки — типичный представитель племени хорошо вымуштрованных заключенных. Но глаза его бегали по сторонам. Он украдкой наблюдал за происходящим, с большой осторожностью перекидываясь короткими фразами с Алексом.

— Чертов Хиз, — прошептал Стэн.

— Да уж, — прошептал в ответ Алекс. — Когда мы в последний раз посещали эту планету, здесь было повеселей, устраивались вечеринки.

— Сейчас идет война, глупец.

Алекс посмотрел на город другими глазами. В последний — и единственный — раз они прибыли на Хиз тайно, получив инструкции выследить и поймать убийцу. Но то было много лет назад, а потом, как Стэн и предполагал, война черной тучей нависла над Хизом.

Улицы были пустынны. Лишь изредка по ним проезжали машины — горючее было конфисковано для военных нужд. Магазины были заколочены досками или, хуже того, в их витринах висели сводки боевых действий. Иногда Стэн и Алекс замечали гражданских, одетые в жалкие лохмотья, но они быстро исчезали с улиц или при виде военных поднимали одну руку и, поеживаясь от холода, разбегались по своим делам.

Колонна заключенных следовала по узким улочкам, тянувшимся вверх.

Стэн проанализировал ситуацию умом военного психолога: «Если бы тебе удалось схватить самых злейших вражеских подонков, устроил бы ты тогда триумфальное шествие? Позвал бы всех своих сограждан, брызжущих слюной от ликования, что варвары оказались у них в руках? Надел бы

парадную униформу со всеми регалиями? Конечно. Почему же этого не сделали таанцы? Другой образ мышления? Возможно. Не могут собрать своих сограждан? Исключено — любое тоталитарное государство может это сделать. Вероятнее всего, они не хотят показывать, какой ощутимый урон нанесла им война, раз уж с гордостью представляют Хиз центром культуры, не желая, чтобы представители других планет знали правду. Наиболее интересное, но и труднее всего разрешимое...»

Раздумья Стэна были прерваны громким приказом:

— Стой! Внимание!

Стэн решил, что сейчас мимо них проедут боевые машины. Вместо этого на улице появился офицер в плаще, управляющий каким-то животным, в сопровождении пеших охранников.

— А это еще что такое?

— Чтоб я сдох, — прошептал Алекс. — Да ведь это лошадь.

— Лошадь?

— Угу. Земное создание, безмозглое, как Кэмпбеллы, кусачее и прожорливое.

Стэн собирался еще порасспросить Алекса про невиданную тварь, но офицер, идущий во главе колонны, отдал приказ двигаться дальше. Впервые после высадки на Хиз Стэн поднял голову и посмотрел наверх, куда вела узкая булыжная мостовая.

У него перехватило дыхание. На вершине холма стояло громадное каменное серое здание. Своими очертаниями оно напоминало гигантское мрачное чудовище. Крепостные стены, устремленные ввысь, оканчивались полуразрушенными восьмиугольными зубцами двухсотметровой высоты каждый. Создавалось впечатление, что зубцы эти своими остриями пронзали хмурое, покрытое серыми тучами небо.

Алекс также рассматривал строение.

— Вот это да, — пробормотал он наконец, — никак не думал, что таанцы поведут нас в церковь. Она и станет нашим новым домом!

ГЛАВА 8

Кафедральный собор Колдиез был построен не таанцами. Они не поклонялись никаким богам, но безгранично верили в свое расовое превосходство и расовую судьбу. Колдиез был Ватиканом для первых поселенцев Хиза —

монотеистов, коммунаров, занимавшихся земледелием. Почти два столетия они строили свою церковь на вершине самого высокого холма маленькой столицы.

Когда на поселенцев напали таанцы, шансов сохранить свою культуру у них оставалось не больше, чем у странствующих варваров. Она была поглощена культурой захватчика. Поселенцам запрещалось говорить, читать и писать на родном языке. Таанцы высмеивали даже их манеру одеваться. Религию стали исповедовать тайно, а затем она и вовсе прекратила свое существование.

Таанцы не были религиозными, но они были суеверными. Им так и не удалось найти применение маячившему на холме собору. Поэтому он был обнесен высокими крепостными стенами и простоял в бездействии века. Семьдесят пять лет назад потерпевший крушение тактический корабль врезался в зубчатую корону, а ветра и дожди способствовали дальнейшему ее разрушению.

Но сам кафедральный собор Колдиез продолжал оставаться великим творением человеческих рук. Форма собора была крестообразной, длина одной оси составляла два километра, другой — один. В центре креста находилось святилище, над которым возвышались останки колокольной башни. Более короткие части креста были крытыми, в более длинных располагались внутренние дворы.

Собор Колдиез полностью соответствовал своему предназначению — являлся обителью религиозного братства, хотя служители церкви не были полностью оторваны от общества. Когда таанцы отдали приказ покинуть Колдиез, пацифисты-коммунары прекратили свою деятельность и безропотно подчинились, предварительно замуровав проходы и опечатав палаты.

С точки зрения таанцев, Колдиез был идеальным местом для размещения тюрьмы. Зачем тратить скудные строительные материалы Хиза, когда есть готовое здание? Оставалось только поставить решетки и осуществить необходимые меры предосторожности. Бригады, сколоченные из заключенных, помогут оживить комплекс.

Самое короткое северное крыло собора отделили от других крыльев стеной, а палаты, окружавшие внутренний двор, отвели под охрану и административную часть. В проходе, ведущем из двора охранников в центральное святилище, были установлены детекторы и тройные ворота. Четыре ряда ограждений с установленными между ними сторожевыми системами и минами окружали собор Колдиез.

Несмотря на то что пока еще были приняты не все меры предосторожности, считалось, что Колдиез го-

тов для принятия заключенных. В конце концов, внешний периметр уже был установлен, так что ни одному представителю Империи не удастся выпорхнуть из клетки. А в дальнейшем система безопасности будет усовершенствована.

Таанцы были уверены, что оградили Колдиез от возможных побегов. Заключенные, проходя через толстенные каменные и стальные ворота, оглядывались по сторонам в надежде, что какому-нибудь смышленому существу каким-то образом однажды удастся вырваться на свободу.

ГЛАВА 9

Внутри двора заключенных криками и тумаками заставили строиться. Стэн с интересом разглядывал охранников.

В основном они выглядели так, как он и ожидал, исходя из опыта, вынесенного из предыдущего лагеря: громилы бандитского вида с перенакачанными мускулами, полукалеки из бывших боевиков или солдаты — слишком старые или слишком молодые для отправки на фронт. У них была та же манера выкрикивать непристойности и угрозы, что и у прежних охранников.

Но ни один из них не носил кнута. Все были вооружены дубинками или прутами — на взгляд заключенных, подвергавшихся жестоким избиениям, менее устрашающим оружием. Эти охранники не потрясали над их головами ружьями и не повергали на землю ударами прикладов, что было у таанцев обычным способом привлечения внимания.

Главный крикун носил офицерские нашивки полицейского майора. Широкий кожаный ремень этого грузного верзилы давно перестал бороться с нависавшим над ним брюхом. Когда майор выкрикивал приказы, его рука невольно тянулась к кобуре пистолета, а затем нехотя возвращалась в исходное положение. Лицо его было сплошь исполосовано шрамами.

— Вот это экземпляр, — прошептал Алекс сквозь зубы,— наверное, какому-нибудь медведю не понравилась его рожа.

Наконец заключенные выстроились в соответствии с требованиями охранников, и полковник Вирунга поковылял на свое место впереди строя. То был один из немногих обнадеживающих признаков за время долгой болтанки на тюремном корабле: Вирунга, старший офицер, будет командовать в новом лагере.

Вирунга осмотрел свой подтянувшийся отряд и вдруг остолбенел.

Демонстративно отделившись от заключенных, в стороне стояло существо вызывающего вида. Он? Она? Около полутора метров ростом, поджав под себя короткие толстые ноги, оно село на корточки, как будто в ранний период эволюции его раса имела хвост в качестве третьей точки опоры. Руки создания, почти такие же крупные, как ноги, заканчивались огромными узловатыми лапищами с удивительно тонкими пальцами. У существа не было шеи, а плечи переходили в конусообразный череп с дюжиной розовых усиков на макушке. Вирунга предположил, что это органы чувств. Когда-то существо было упитанным и носило густой мех. Теперь же неухоженная шкура, покрытая клочками скудной поросли, складками свисала с его тела наподобие тоги.

Полковнику Вирунге было отказано в доступе к информации о заключенных, находившихся на борту корабля, а времени на встречу с каждым из них не хватило. Но Вирунга был изрядно удивлен, как он мог не заметить такого.

— Встань в строй, солдат.

— Я не солдат и в строй не встану, — пропищало существо. — Меня зовут Лей Ридер Кристата, я гражданский и не являюсь представителем Империи или таанцев. Я несчастное создание, вероломно схваченное и вынужденное быть частью этой адской машины смерти.

Вирунга вытаращил глаза. Неужели Кристата думает, что остальные стали военнопленными по своей воле? Однако еще больше его поразило другое: как этому мешку противоречий удалось выжить в лагере?

Полицейский майор прорычал что-то невнятное, и двое охранников подскочили к Кристате, держа дубинки наготове.

Но прежде чем они успели повалить его на землю, здоровяк в изодранных лохмотьях, которые были некогда униформой боевого пехотинца, схватил Кристату за цепь кандалов и силой втащил в строй. Очевидно, применение силы охладило пыл мятежного существа, потому что оно покорно осталось стоять на месте.

— Отряд... смирно!

Развернувшись вполоборота, Вирунга оперся на свою палку и пристально посмотрел на балкон третьего этажа. За зарешеченной прозрачной пластиковой дверью балкона стояли двое и внимательно наблюдали за ним.

Вирунга ожидал появления новых господ — хозяев заключенных.

ГЛАВА 10

Полицейский полковник Держин не был, по его же собственному мнению, ни военным, ни полицейским офицером. Много лет назад, задолго до начала войны с Империей, он занимал должность младшего лейтенанта на исследовательском судне. По неизвестной причине один из запасных контейнеров с кислородом, находившийся на капитанском мостике, взорвался, унеся с собой жизни четырех кадровых офицеров и, хуже того, уничтожив корабельный навигационный компьютер. Держин, единственный уцелевший офицер, принял командование на себя и сумел — в основном благодаря счастливой случайности, как думал он сам, — посадить судно на необитаемую планету.

По всей вероятности, у таанцев на той неделе была нехватка в героях, потому что вокруг лейтенанта поднялся великий шум. Держин получил пару медалей за героизм и повышение, но это не нацелило его на карьеру военного. Годом позже, когда пресса стала забывать о Держине, он тихо ушел в отставку. Полученные медали помогли ему занять должность младшего управляющего в одной из корпораций Пэстора.

Держин стремительно пошел вверх по служебной лестнице, выказав редкий талант по части умелого использования трудовых ресурсов. Однажды Пэстор сказал, что Держина можно было бы посадить на астероид с шестью антропоидами и двумя молотками, и меньше чем через год он создал бы из него прототип корабля с тремя вариантами моделей для поточной линии производства.

Держин оправдал оказанное доверие. Уйдя в запас, он сумел хорошо зарекомендовать себя в деловых кругах, мастерски латая социальные дыры. Конечно, как истинный таанец, он не был антимилитаристом. Ему и в голову не приходила мысль о моральной ответственности своего народа за развязанную войну.

Но возвращаться в армию Держину тоже не хотелось, даже по общему призыву, как это было в самом начале. Да и Пэстор, сообразив, что высококвалифицированные кадры — имперские заключенные — пропадают зря, придумал способ надлежащего их использования и немедленно принял решение послать на выполнение этого задания Держина.

Пэстор прекрасно знал, что ни один представитель исполнительной власти, каким бы опытным он ни был, не может стать начальником тюрьмы по мановению

волшебной палочки. Поэтому он приставил к Держину помощника.

Этим помощником был майор разведки Авренти. Он тоже никогда не работал лагерным начальником — опытные тюремные администраторы были нарасхват. Авренти считался одним из самых грамотных специалистов в области антисаботажа. Тому, кто мог предотвратить появление скандала в прессе или порчу военного имущества или найти потенциального диверсанта задолго до того, как тот начнет действовать, не составляло никакого труда выявить недовольных тюремными порядками заключенных, содержащихся в замкнутом пространстве надежно охраняемой зоны.

У Авренти была неприметная внешность. Случайный знакомый забыл бы его лицо через несколько минут после расставания.

Из Авренти мог бы получиться отличный шпион. Говорил он мягко и никогда не спорил, предпочитая одерживать победу силой убеждения. Единственной его отличительной особенностью была привычка носить очки. Когда кто-нибудь задавал Авренти вопрос о хирургическом вмешательстве или использовании искусственных линз, он открыто заявлял, что не доверяет медикам.

В действительности его зрение не нуждалось в корректировке. Протирание очков майор использовал как уловку, чтобы выиграть время для обдумывания ответа или тактики поведения — вроде того, как другие вертят в руках различные предметы и письменные принадлежности или осторожно достают и глотают стимуляторы.

Двое мужчин смотрели на своих подчиненных.

— Полагаю, — сказал наконец Держин, — мне нужно произнести какую-нибудь речь.

— Думаю, вам как начальнику положено это сделать, — согласился Авренти.

Держин слабо улыбнулся:

— Вы правы, майор, положение обязывает к публичному выступлению.

— Это одна из многих причин, по которым я предпочел остаться тем, кем я есть, — сказал Авренти.

— Понимаю вас. Я обращался к лордам и пьяным бинджюжникам, но опыта держать речь перед заключенными у меня нет.

Авренти промолчал.

— На самом деле это, должно быть, не так уж и сложно, — шутливо заметил Держин. — Нужно всего лишь объяснить им, что они прибыли сюда для работы во славу

великой Таанской империи. Если эти голодранцы проявят себя должным образом, то будут награждены возможностью увидеть рассвет следующего дня. Если откажутся или попытаются бежать... даже представителю Империи под силу усмотреть логику в моих рассуждениях.

Авренти никак не прокомментировал слова Держина.

— Вы согласны со мной, майор? Достаточно ли это правильный подход к делу? Вам наверняка лучше известны особенности мышления военных.

— Я мало чем могу помочь вам в этом вопросе, — сказал майор. — До меня не доходит, как солдат может отдать себя в руки врага и не покончить с собой при первом же удобном случае.

Держин оставался невозмутимым.

— Вне всяких сомнений, — произнес он ровным голосом, открыл дверь и вышел на балкон.

Полицейский майор Генрих стремился поскорее уединиться в своей комнате, чувствуя, что теряет контроль над собой.

Взявшись за ручку солидной дубовой двери, он хотел хлопнуть ею так, чтобы она рассыпалась, — но сдержался. На секунду приостановившись, майор бесшумно прикрыл за собой дверь. Сорвав с себя ремень, собрался было зашвырнуть его куда подальше — и снова взял себя в руки.

Только что он стал свидетелем самого настоящего кошмара. Однако стоит ли проявлять свои эмоции? Есть ли гарантия того, что в его комнате не установлены «жучки»? Никакой.

Аккуратно повесив ремень на спинку стула, Генрих открыл шкафчик, достал из него бутылку, проверил, не отмечен ли уровень находившегося в ней спиртного, сделал большой глоток и лег на койку.

Все может пойти насмарку... С другой стороны, разве его не предупреждали? Разве ему не говорили — сначала лорд Вичман, затем и сам лорд Ферле, когда он был удостоен чести иметь личную с ним беседу? Но все же...

Генрих впился зубами в горлышко бутылки. Раздался удивительно неприятный звук.

Полжизни он посвятил пенологии и был отличным специалистом в этой области — знал, как справиться с беспорядком, ведущим к совершению преступления. В его понимании преступление противоречило высокой политике таанцев, которую он воспринимал как непреложную истину.

Мать Генриха была шлюхой; в графе «отец» стоял прочерк. Мальчиком он любил фантазировать, будто его отец — преуспевающий офицер, для которого женить-

ба оказалась бы обузой, и потому вынужденный отправиться искать счастья в других краях. Это вовсе не означало, что мать представлялась Генриху сказочной принцессой — просто мечты его никогда не были последовательными.

Генрих рос, чувствуя себя безродным отщепенцем, опасаясь, что однажды все узнают, кто он на самом деле, и тогда наступит жестокая расплата. Он уже достаточно наказан своими соотечественниками — наказан тем, что слыл первым задирой, первым информатором, докладывавшим начальству о малейших просчетах товарищей, готовым к выполнению любой бредовой идеи, пришедшей в голову вышестоящему должностному лицу.

Короче говоря, он был идеальным тюремным чиновником. Несмотря на свое нездоровое пристрастие осуждать недостатки других, сам Генрих не гнушался ничем, используя тюремные порядки в корыстных целях. Он обладал порочным умом и был на редкость аморальной личностью.

Именно благодаря этим качествам Генрих быстро прижился в таанской тюремной системе — так быстро, что его выбрали для свершения более великих дел на благо родины. Перед войной Совету стало известно о появлении профсоюзов в рядах эксплуатируемых рабочих. Встревоженные лорды приняли решение о немедленном уничтожении каждого, кто отказывался представлять их собственнические интересы. Осталось только найти человека, который, внедрившись в руководство профсоюза, выполнял бы функции штрейкбрехера или информатора. Естественно, выбор пал на Генриха.

Но члены профсоюзов, только начинавших зарождаться в недрах таанской системы, быстро пришли к следующему выводу: любой человек, выполняющий указания Генриха, является вероломным предателем, заслуживающим жестокой расправы путем нанесения ему множества колотых ран.

Лорд Вичман, непосредственный начальник Генриха, решил не увольнять его после рассекречивания. Напротив, он назначил своего любимца командиром личного отряда телохранителей, пытаясь тем временем подыскать новое, более подходящее для него место. Вичман знал, что Генрих абсолютно предан ему. Такой человек идеально подходил для работы в организации Пэстора, какую бы интригу тот ни плел на самом деле.

Потягивая содержимое бутылки, Генрих успокоился и стал размышлять, как бы он поступил, если бы был комендантом тюрьмы. Лицо его расплылось в блаженной улыбке. Над этим стоило подумать, потому что очень скоро он станет комендантом.

«Перед тобой находится сборище не одних только уголовников, но и людей из толпы, а также предателей. — Генрих считал, что каждый, кто не раболепствовал и не пресмыкался, был предателем. — Тебе нужны техники? Хорошо. Но прежде всего ты должен взять их под контроль. Да. Вывести во двор и заставить построиться. Потом отобрать примерно сто имперских военнопленных — во дворе помещалось около тысячи — и забить до смерти. Нет, — поправил он себя, — выбрать сто и велеть другим заключенным убить их. Убейте или сами будете убиты. Это произведет на остальных должное впечатление. Жилье, питание? Чепуха! Пусть роют себе землянки в полях и жрут корни растений. Неужели во всей дегенеративной Империи не нашлось достаточного количества людей, умеющих биться до конца? С ними нужно обращаться, как со скотом — гонять, пока не свалятся с ног, потому что их места займут новые, много новых. Что ж, очень скоро полковник Держин осознает свою ошибку и исчезнет из поля зрения».

Майор Генрих закрыл глаза и начал мечтать, каким именно образом будет наводить порядок в тюрьме.

ГЛАВА 11

После того, как полковник Держин произнес речь, заключенных строем повели из внутреннего двора через разрушенное святилище в их зону, произвели перекличку и распустили. Пленники ринулись в собор, обследуя свой новый дом.

Впервые за долгое время заточения они оказались в слишком просторной тюрьме. На прежнем месте бесправные существа хуже всего переносили полное отсутствие возможности побыть в одиночестве. Каждую минуту они были на виду.

Здесь же тысяча истощенных оборванцев, расквартированных в громадном комплексе, рассчитанном на пятнадцать тысяч обитателей, буквально растворились.

Стэн и Алекс устроили совещание для двоих.

— Мистер Килгур?

— Слушаю вас, снайпер Горри.

— Где, по-вашему, находится самый лучший выход из этой гробницы?

— Вообще-то я не уверен, но осмелюсь предположить: скорее всего, бежать удобнее из западного или восточного крыла, а может быть, из святилища. Лучше, пожа-

луй, западное крыло, оно расположено ближе всего к скальному обрыву.

— Правильно.

И они пошли искать свои «палаты», находящиеся в самом южном, самом длинном крыле собора.

Стэн и Алекс были беглецами. Опытными беглецами. Достаточно опытными, чтобы понять — ни при каких обстоятельствах нельзя превращать свое жилое помещение в объект пристального внимания. Однажды они уже начинали рыть туннель в полу собственной камеры, под койкой, и узнали, что такое потерять покой, когда каждые двадцать минут по очереди вытаскивали из него мешки с землей, ежесекундно ожидая появления охранников.

После непродолжительных поисков они нашли нужное помещение.

— Разве это не подарок судьбы? — радостно спросил Алекс.

Стэн осмотрел комнату. Она была великолепной. Увидев на стене объявление под заголовком «Сдается внаем», он молча прочитал:

БОЛЬШАЯ КОМНАТА. Есть где развернуться. Прихватите с собой кошку — водятся крысы. Вы находитесь в бывшем офисе воздержанного религиозного сановника, вероятно, уже умершего.

ВТОРАЯ СПРАВКА относится к любителям копать туннели и лазать по крышам: этажом ниже и двумя этажами выше установлены прослушивающие устройства, реагирующие на малейшие посторонние звуки, включая крысиную возню и шум дождя; охранников, находящихся на крыше, советуем не беспокоить — мимо них и мышь не проскочит.

ОБОРУДОВАНИЕ: четыре поломанные кровати, из которых можно собрать две койки. Различные пластиковые и металлические обломки. Остатки стола. Толстые двойные стены, не только звуконепроницаемые, но, возможно, состоят из интересных проходов.

ОСВЕЩЕНИЕ: одна лампочка на потолке, подсоединенная проводом к общей сети.

ВОДА: возле поста охранников.

НАСТОЯЩАЯ ЗАПАДНЯ. Попавшему в нее обратного хода нет.

«Вот это да! — подумал Стэн, и вся его находчивость вмиг испарилась. — Как же нам теперь выбраться отсюда, мать их за ногу?»

Алекс простукивал стены в поисках «жучков». На глаза ни один не попался, а направить на заключен-

ных охотничьи микрофоны сквозь крошечные окна было невозможно.

— Забрезжила ли какая-нибудь разумная мысль в твоей смекалистой голове, Горри?

— Пока нет.

— Эх, вот почему я — поверенное лицо командира, а ты — всего-навсего бывший снайпер. Люди меня уважают.

— А я и не спорю. В будущем тебя ждет прекрасная тюремная карьера, — кивнул Стэн.

— Не больно умничай, а то сейчас как вмажу, — сказал Алекс. — Заткни пасть и слушай: с нами здесь будут хорошо обращаться только в том случае, если мы станем лебезить перед начальством. Хочу задать тебе один вопрос: будем приспосабливаться?

Килгур вдруг посерьезнел, а Стэн перестал быть снайпером по имени Горацио и заговорил с Алексом, как командир со своим подчиненным.

— Придется. Этот ублюдок заявил, что хочет использовать нас в военной промышленности. Более бредовой идеи я еще в жизни не слышал.

— Можем повеселиться на славу, — согласился Алекс.

— Как только мы это сделаем, нам крышка.

— Нам?

— Я здесь никого не знаю, кроме тебя и Вирунги. Среди заключенных могут быть стукачи или тайные агенты.

— А могут быть и Кэмпбеллы.

— Напрасно иронизируешь. Даже у таанцев есть свои хитрости.

— Ты придумал, как взорвать эту лавочку?

— Для этого есть вы, мистер Килгур. Недаром же вы — доверенное лицо, а я — всего-навсего бывший снайпер.

Вдруг дверь загрохотала так, словно в нее ломилась горилла. Это было недалеко от истины — конечно же, на пороге стоял старший офицер полковник Вирунга. Стэн и Алекс вытянули руки по швам.

У Вирунги не было времени на долгое вступление.

— Таанцы сделали это... ясно... сотрудничать. Дракх! Вынужденное обещание... бесполезно.

Стэну и Алексу не требовалось поддакивать Вирунге, у них все было написано на лицах.

— Дракх! Дракх! — ворчал полковник.

Стэн поднял брови.

Он впервые слышал, чтобы н'ранья повторил одно слово дважды. Должно быть, здорово разозлился.

— Солдат... очередной... побег. Сопротивляться. Я прав?

Вирунга произнес целое предложение!

— Да, сэр, — ответил Стэн.

— Знал... согласишься. Ты теперь Большой Икс.

Алекс пролепетал что-то невнятное. Стэн махнул рукой, призывая его к молчанию. Но Килгур не унимался.

— Как же так, полковник? Вы не вправе со мной так поступить!

— Уже поступил. Мое слово — закон.

— Черт возьми! Но почему?

Командный состав заключенных любой тюрьмы был сложным и зачастую о нем вслух вообще не говорили, даже в лагерях для военнопленных. Одна из должностей секретного командного звена называлась «Большой Икс». Корни этого названия уходили в глубь веков. Оно датировалось тем далеким временем, когда Империи еще вовсе не существовало. Большой Икс был идейным вдохновителем и организатором всех побегов из лагеря. Он считался абсолютным авторитетом. Часть курса гипнотического обучения, которое проходили все новобранцы Имперской армии, была посвящена тому, как нужно вести себя, если попадешь в плен. Инструкция заключалась в следующем: «Не раскрывай никаких ценных военных сведений до тех пор, пока к тебе не будет применена физическая или иная сила; на выполнение заданий добровольно не вызывайся, действуй только по приказу; помни — хоть ты и заключенный, ты все еще находишься на войне и должен сражаться с неприятелем любыми возможными способами. Продолжай бороться. Беги».

Приказы Большого Икса, касающиеся очень узкой области — попыток к бегству, — перекрывали все остальные приказы, включая те, которые отдавал старший имперский офицер. Человек, назначенный на эту должность, обладал неограниченной властью. Большой Икс, глава комитета по побегам любого лагеря, мог иметь любое звание — от рядового до маршала. Однако носить это почетное звание было далеко не безопасно. Если тюремному начальству становилось известно имя Большого Икса, его либо приговаривали к немедленной смерти — выжиганию мозга, либо, в самом крайнем случае, отправляли в лагерь смертников.

Но Стэна беспокоило не это. Обычно Большим Иксом становились лица, в совершенстве овладевшие наукой побегов, — или отчаянные лагерные сопротивленцы. По причине того, что все попытки к бегству фиксировались Большим Иксом, сам он (или она) не имел права принимать личное участие ни в одном побеге.

Назначая Стэна на эту должность, полковник Вирунга был уверен, что он останется военнопленным до конца войны. Или до тех пор, пока таанцы не установят личность Большого Икса и не ликвидируют его.

Вирунга обратился к Стэну:

— Потому что... доверие. Те, остальные? Не знаю.

Возражать было бесполезно. Вирунга отдал честь и вышел.

Стэн и Алекс переглянулись. Ни тот, ни другой не находили нужных слов для обсуждения случившегося, но отчаиваться они тоже не собирались.

«Чудесно, — подумал Стэн. — Если мне удастся лично стать костью в горле таанцев, я подготовлю себе замену — девятьсот девяносто девять дублеров. Уж тогда-то эти мордовороты узнают, почем фунт лиха. Девятьсот девяносто восемь, поправил он себя, глядя на Алекса. — Раз уж мне придется торчать в этих чертовых руинах до окончания войны, я по крайней мере буду не один, а в компании еще одного барана».

ГЛАВА 12

Старший капитан Ло Прек (контрразведка) внимательно посмотрел на почтовую дискету, лежавшую у него на столе.

Любой нормальный человек воспрянул бы духом, возликовал от радости или заскрежетал зубами от гнева, приблизившись наконец к своему врагу.

Для Прека содержание дискеты подтверждало то, о чем он подозревал: командор Стэн не только жив, но и находится в пределах досягаемости.

Прек придумал уникальный способ проверки своей теории, способ, благодаря которому не нужно было обращаться за разрешением к начальству или просить свою службу об оказании необычной услуги. Он составил письмо.

Это письмо было отправлено в обычном порядке одному из таанских секретных агентов, который находился в Империи. Агент получил инструкции распечатать конверт и переложить письмо-дискету в другой, поставив на нем адрес одной из своих явочных квартир.

Агент выполнил задание. Письмо, составленное якобы неким Миком Дэвисом, было довольно много-

словным. В нем, в частности, упоминалось о том, что Дэвис прошел ту же подготовку, что и Стэн. Начиналось оно такими словами: «Конечно, вы меня помните».

Содержание письма было следующим:

Меня сделали булочником. Сейчас я думаю, что, скорее всего, начальство было право. По крайней мере со мной ничего плохого не случилось. Я остался цел и невредим. Отслужил свой срок, меся тесто, и был демобилизован до начала войны. Женился, нажил троих нахлебников и завел свое дело. Наверное, вы уже догадались, какое — пекарню.

Можете смеяться, но это занятие оказалось очень прибыльным. Я даже представить себе не мог, какую выгоду извлеку из службы в армии.

Итак я, как всегда, находился у себя в пекарне, когда мне на глаза вдруг попалась эта старая дискета от некоего капитана по имени Стэн, который стал большим человеком— командиром имперского отряда телохранителей. Я всегда знал, что вы будете расти по службе, как на дрожжах.

Когда я рассказал моей женушке о вашем письме и о том, что прежде мы были хорошо знакомы, она решила, что я угорел. Может быть, вы выкроите немного времени на ответное послание? Сделайте, пожалуйста, такое одолжение. Просто черкните пару строк, чтобы моя благоверная не думала, что я законченный лжец. А я уж постараюсь не остаться в долгу. Когда вы заглянете к нам на Ултор-13, мы повезем вас за город, накормим самыми вкусными блюдами планеты. Как бы мне хотелось встретиться с вами!

Знакомый из далекого прошлого
Мик Дэвис.

Благодаря этому письму Прек оказался в беспроигрышной ситуации. Если на него будет дан ответ, значит, Стэн по-прежнему служит в войсках Империи. Если нет, это все равно ничего не меняло. По крайней мере, ответ еще может быть получен. Прек свято верил в почтовую систему Империи, верил так, как ни один из ее граждан.

Но письмо неожиданно вернулось обратно к таанскому агенту в запечатанном виде, с приложением очень горестного, очень официального и очень формального характера.

Уважаемый гражданин Дэвис!

К сожалению, Ваше частное письмо командор Стэн получить не может. По официальным данным, он числится в

списках военного флота как без вести пропавший при выполнении боевого задания.

Если вас интересует более подробная информация, пожалуйста, свяжитесь с...

Выражаем свое искреннее соболезнование...

Капитан Прек чувствовал, что напал на верный след и теперь можно смело приступать к выполнению своей миссии. Стэн не только жив, но находится где-то поблизости. Скорее всего, в одной из тюрем. Прек не допускал и мысли о том, что Стэн мог умереть от ран или быть убитым в лагере. Он должен был выжить.

Капитан включил свой компьютер и начал прямой поиск списков имперских военнопленных, содержавшихся в лагерях строгого режима. Он чувствовал, что подобрался совсем близко к убийце своего брата.

КНИГА ВТОРАЯ. «СУЧИ»

ГЛАВА 13

Приближалось время совершения первой попытки к побегу. Две недели подряд капитан Мишель Сент-Клер внимательно наблюдала за формированием первых рабочих бригад и отправкой их за пределы лагеря для выполнения заданий. Она думала, что усмотрела возможность вырваться на свободу.

Распорядок дня был строгим: после подъема майор Генрих приказывал заключенным выполнять энное количество работ. Их собирали во внутреннем дворе под присмотром охранников. Как правило, к десяти обычным заключенным был приставлен один сержант. К пяти военнопленным — три охранника. Таанцы соблюдали предельную осторожность.

Заключенные без конца обсуждали нормы поведения в рабочих бригадах. Сент-Клер в этих дебатах участия не принимала. Все они сводились к одному: работать или не работать. Выполнение нарядов, даже подневольное, расценивалось как сотрудничество с врагом. Вместе с тем невыполнение могло повлечь за собой смерть протестовавшего заключенного.

Сент-Клер не придерживалась ни одной из этих точек зрения. Она прекрасно знала, что из-за скуки и однообразия тюремной жизни люди начинают заниматься пустой болтовней и все их прожекты остаются бесплодными фантазиями. Сама Сент-Клер была рада тому, что ее зачислили во внешнюю бригаду. У заключенного, находившегося за пределами собора, больше шансов улизнуть. Теперь ей оставалось лишь взвесить все «за» и «против».

Мишель Сент-Клер обладала редким даром инстинктивно чувствовать ситуацию, умела пользоваться подходящим случаем и была вполне довольна своей обеспеченной, хотя и несколько рискованной жизнью профессионального игрока.

Совсем юной девушкой она сменила множество мест работы на своей родной планете — одной из главных перевалочных баз Империи. Занятие проституцией или работу в качестве одного из членов экипажа какого-нибудь корабля она тоже рассматривала как игру, а с появлением собственного бара у нее возникло надежное прикрытие. Сент-Клер была профессиональным игроком с тех самых пор, как пе-

рестала ходить пешком под стол и научилась выговаривать слово «крупье».

Она жестко играла с сосунками и гибко — с куликами, пользуясь малейшими их промашками. Она знала, на что ставить, когда можно спустить, а когда попридержать деньги, когда сматывать удочки и «делать ноги» с планеты, но самое главное — она чувствовала, когда нужно было полностью воздержаться от игры.

Сент-Клер частенько становилась банкротом, но обогащалась намного чаще. Хотя сами по себе кредитки для нее ничего не значили, а были лишь чем-то вроде игорных фишек.

Она побывала на тысяче различных планет под сотней различных имен и кличек, и все они ассоциировались с образом одного животного — хитрого холеного млекопитающего. Однако на протяжении последних нескольких лет удача оборачивалась к ней спиной.

Поскольку Сент-Клер предпочитала иметь дело с состоятельными клиентами, ей часто приходилось менять свой облик, каждый раз каким-нибудь необычным, порой даже мистическим способом. Больше всего ей нравилось перевоплощаться в вербовщицу Имперского флота. Поскольку Мишель Сент-Клер уважала законы Империи, она заделалась офицером (запаса, естественно).

К сожалению, Мишель совершенно не интересовалась политикой. С началом войны она стала систематически посещать туристскую планету, на которой находился небольшой военный гарнизон, под предлогом выполнения заданий штаба опустошая карманы богатых толстосумов.

Увы, Сент-Клер несколько перестаралась с подделкой документов — к ним невозможно было придраться. Все безоговорочно поверили, будто она на самом деле является лейтенантом Имперского флота. Легенда была составлена настолько безукоризненно, что три месяца спустя ее произвели в капитаны и отправили на транспортное судно в должности старшего офицера.

Конвой, в состав которого входил и ее корабль, попал в таанскую засаду. Таким образом Мишель Сент-Клер оказалась военнопленной.

К счастью, она, как и все заядлые игроки, была неискоренимой оптимисткой. В первом же тюремном лагере Мишель стала подсчитывать свои шансы выжить. Сколько их у военнопленного? Увидев грависани, увозящие трупы, она содрогнулась и определила: десять против девяноста. Сколько появится шансов улучшить свое положение, если начать сотрудничать с врагом? Для подсчета нужно было

произвести в уме две операции. Могут таанцы выиграть войну? Тридцать восемь против шестидесяти двух. Империя? Шестьдесят — за. Общий подсчет: двадцать семь против семидесяти трех.

Вывод: необходимо бежать.

Сент-Клер не возлагала никаких надежд на товарищей по заключению. Она рассуждала так: «За мной обязательно увяжется какой-нибудь прощелыга и провалит все дело, а ведь я, черт возьми, гораздо умнее всех этих недоносков, вместе взятых». Она не учла лишь одной детали — все эти «прощелыги» были солдатами и звездопроходцами, а она — нет.

Мишель начала новую карьеру и обзавелась новой кличкой — Везучая Угриха. На ее счету числилось более двадцати побегов, почти все из которых она совершала в одиночку. Поскольку Сент-Клер никогда не удавалось пробыть на свободе более четырех дней, с ней до сих пор не расправились. Она умела смягчать гнев коменданта, каждый раз выдумывая какую-нибудь убедительную причину, по которой заключенный мог оказаться в неположенном месте, — или возвращаясь обратно до поднятия тревоги и поголовной переклички.

Капитан Сент-Клер была готова к совершению двадцать первого побега.

Детально изучив процедуру выхода на работу, она отметила постоянство этого процесса. Смешавшись с остальными тридцатью рабочими бригады, Мишель хмыкнула от удовольствия, в который раз наблюдая за монотонностью действий.

Шаркай себе и шаркай, а потом жди, пока бригады, одну за другой, не проведут через тройные ворота центрального святилища, предварительно обыскав и пересчитав всех заключенных. После этого бригады проводили через двор к внешним воротам и ожидали, когда они откроются.

Группа, в состав которой входила Сент-Клер, зашевелилась и пошла по обычному маршруту. Когда заключенных прогоняли через внутренний двор, Сент-Клер протиснулась к левому флангу.

Открылись внешние ворота, и бригада начала проходить через них. Пора.

Мишель заметила, что, как только очередная бригада выходит из собора, таанцы оборачиваются, вытягиваются в струну и салютуют флагам, висящим по обеим сторонам от входа в Колдиез.

Пять секунд абсолютно без надзора. Более чем достаточно.

Когда охранники отдавали честь, Сент-Клер оттолкнула стоящего рядом заключенного и быстро побежала к краю тропинки, ведущей вниз, в город.

«Шесть к трем — меня не заметят, — подумала она. — Пять к двум — тропинка пойдет дальше вниз по наклонной плоскости, что ускорит мой бег. Восемь к одному — даже если впереди будет скала, я смогу укрыться за одним из выступов или камней, и пули пролетят мимо».

Находясь в метре от края тропинки, Сент-Клер вдруг поняла, что сделала неверную ставку, и резко остановилась.

Короткая тропинка заканчивалась крутым обрывом длиной в сто метров. Зацепиться было не за что. Сент-Клер не хотелось устраивать аттракцион «показательное самоубийство».

Она услышала крики у себя за спиной. В следующее мгновение засвистели пули. Сент-Клер высоко подняла вверх руки, развернулась и взглянула на бросившихся к ней охранников. «И шесть к трем — я уже никогда не научусь летать».

Ударом приклада в живот охранник оборвал ее мысли.

Пот градом катился со лба Алекса, склонившегося над замком. В сотый раз он пытался подцепить маленький металлический зубчик странной по форме отмычкой, которую смастерили его люди. Ему уже удалось сделать три поворота и, по идее, остался всего один.

За спиной Килгура стояли двое его приятелей и, как он думал, критически оценивали его действия. Алекс не был в этом уверен, потому что вслух они ничего не говорили.

— Терпение, парни, — сказал Алекс, хотя пока еще не услышал ни одного упрека в свой адрес. — Кажется, нащупал.

— Не беспокойся, — ответил здоровенный блондин. — Краулшавн и я не торопимся.

Краулшавн снизу вверх посмотрел на своего могучего друга Соренсена в ожидании перевода. Пальцы Соренсена замельтешили знаками. Краулшавн с готовностью закивал головой, выражая согласие. Алекс переключил свое внимание с замка на «стрекочущие» пальцы Краулшавна.

— О чем он говорит?

— Он говорит, что, если ты хотя бы наполовину окажешься прав насчет содержимого комнаты, ожидание стоит того.

Алекс пробурчал что-то в ответ и снова завертел крючковатой отмычкой.

Краулшавн и Соренсен являли собой поразительно странную пару, которую Алекс и Стэн уже крепко-накрепко привязали к своей расширяющейся организации.

Соренсен был типичным деревенским жителем, откормленным свежим пшеничным хлебом, с грудой мускулов и светлой кожей. Лицо его заливалось ярким

румянцем по малейшему поводу. Особенным врожденным умом он вроде бы не блистал, да и речь его была на уровне ученика начальных классов. Но еще со времени прохождения подготовки в подразделении «Богомолов» Алекс знал, что такие люди, как Соренсен, были весьма интересными экземплярами. Отряды, в которых довелось служить Стэну и Алексу, в основном сколачивались именно из таких. Они были настоящими боевыми компьютерами. За их наивными взглядами и внешней нерасторопностью таились умственные способности крупных мыслителей. По правде говоря, Алекс сильно подозревал, что Соренсен на самом деле был уцелевшим членом какого-нибудь отряда «Богомолов». Не было никакого смысла спрашивать его об этом, потому что он все равно бы не ответил.

Килгур был заинтригован. А вдруг после того, как ему удастся подобрать ключи к Соренсену, выяснится, что он действительно является бойцом «Богомолов»? Тогда, черт побери, у них будет на одну мыслящую боевую машину больше, что удвоит шансы на успех. Алекс еще раз смерил Соренсена оценивающим взглядом.

Подобно своим братьям и сестрам, Соренсен всегда с опаской относился к новым приятелям. Люди его племени были прекрасными мишенями для всякого рода проходимцев и грабителей. Имперского генерал-губернатора его родной планеты силой заставили издать строгие законы, запрещающие карнавалы, цирковые представления и другие шоу, хотя бы отдаленно напоминающие уличные зрелища, на которые собираются толпы народа. Соренсен был таким же, как и они, простаком по натуре. Но вместе с тем, если бы ему указали дальнюю точку, он бы мог немедленно просчитать дистанцию, скорость ветра, иные факторы и проложить траекторию полета снаряда не хуже любого компьютера.

Этот талант делал Соренсена редкой находкой, цена которой удваивалась благодаря его крепкой дружбе с Краулшавном.

Алекс почувствовал, как отмычка за что-то задела, и осторожно повернул ее. Зубчатые колесики мягко заскользили навстречу друг другу; внутри замка механизмы должны были встать в ряд таким образом, чтобы образовалась клиновидная прорезь. Алекс быстро вытащил отмычку и вставил в отверстие массивный ключ. Раздался щелчок.

Услышав звук движущегося с внутренней стороны противовеса, Алекс отпрянул назад. Дверь, державшаяся на тяжелых петлях, со скрипом открылась.

Краулшавн сделал Алексу какой-то знак, по всей вероятности, означавший «поздравляю». Тем не ме-

нее небольшой наклон его шустрых пальцев подозрительно напоминал жест, в простонародье обозначающий «болван». Алекс скосил взгляд на Соренсена. Здоровяк являл собой воплощение самой невинности.

— Я усмотрел насмешку в реакции твоего друга, — произнес Алекс.

— В том, что он сказал, не было ничего смешного, мистер Килгур, — запротестовал Соренсен.

Он повернулся лицом к Краулшавну и объяснил реплику Алекса. Клюв Краулшавна округлился. Из вежливости он прикрыл его покрытой перьями рукой, пряча беззвучное хихиканье. Алекс ухмыльнулся, оскалив зубы.

— Ну да, конечно, он же не пересмешник какой-нибудь... Ладно, пошли, ребята. Но предупреждаю, в этой комнате могут водиться барабашки.

— Привидения? — переспросил Соренсен. Даже он отнесся к словам Алекса недоверчиво. Краулшавн же хлопнул себя рукой по заднице, красноречиво показывая Алексу, куда нужно засунуть этих самых «барабашек».

Алекс пожал плечами.

— Я бы на вашем месте не вел себя так самоуверенно. Спросите у таанцев. Они могли бы порассказать вам такие истории, от которых волосы на голове закручиваются в мелкие кудряшки.

С этими словами Килгур вошел в помещение. Несмотря на кажущуюся беззаботность, Соренсен и Краулшавн не решались переступить порог комнаты добрую минуту.

У Краулшавна были все основания для нерешительности. Как любой здравомыслящий и искушенный в житейских делах взрослый струс, Краулшавн относился к рассказам о мире духов с нескрываемым сарказмом, как к чему-то вызывающему глубокое пренебрежение. Но при этом истории о привидениях были важной старинной традицией его общества. Желторотым птенцам, едва научившимся изображать несколько знаков, рассказывали немудреные сказки про жутких призраков. В далеком прошлом страх перед неизвестностью был хорошим подспорьем для клуш, пытавшихся уберечь своих неоперившихся вертлявых отпрысков от подстерегавших на каждом шагу опасностей.

Струсы обитали на бесплодной недружелюбной планете, которая слабонервному пришельцу могла показаться заселенной одними лишь ядовитыми клыкастыми и когтистыми существами с острыми клешнями и мощными клювами. В общем, так оно и было. Струсам приходилось прибегать ко всяким изощренным уловкам, чтобы не стать чьей-то добычей.

В доисторические времена струсы считались редким видом, которому грозило вымирание. Рожденные летать, они были слишком крупными, чтобы прятаться, и слишком мелкими, чтобы защитить себя. У струсов так же возникали трудности по причине плохого слуха — вожаки и дозорные собирали и снимали с места своих братьев и сестер при помощи ультразвуковых сигналов. В этом было свое преимущество — потенциальный враг не мог их услышать, но был и свой недостаток — они не могли услышать и приближавшегося врага.

В один прекрасный день струсы сбились в несколько огромных стай и перелетели на маленький континент — место, где водились мелкие животные со сладким мясом, в изобилии росли сочные фрукты и не было никаких естественных врагов. Маленький континент стал настоящим раем для струсов. По мере того как одни поколения счастливых струсов сменяли другие, они стали намного больше, тяжелее, утратили способность летать. Маленькие когтистые крылья превратились в изящные руки, покрытые перьями. Ими удобно было ласкать друг друга, собирать фрукты, манипулировать палками или камнями, играть и, пожалуй, самое главное — говорить.

К сожалению, райская жизнь не могла длиться вечно. Сохранение на родине больших стай вскоре стало невозможно. Вследствие резкого увеличения численности струсов продовольственным запасам был нанесен ощутимый урон. А ведь нужно было помнить о грядущих поколениях. Огромные стаи разделились на маленькие кооперативные коммуны. Появление нового жизненного уклада вызвало необходимость создания более совершенной системы общения.

Так родилось пение. Поначалу смысловое значение звуков было ограниченным. Например: «Съедобное существо под камнем. Ты отвлекай. Я хватаю. Поделимся». Вскоре примитивное пение превратилось в сложный мелодичный язык. Лучший певец находился в более выигрышном положении, чем струс с красивым пышным хвостом из перьев, умевший выделывать им различные штуки. Еще через какое-то время любой струс-философ мог выразить самую мудреную мысль несколькими простейшими символами. Кроткие струсы уже находились на той стадии эволюции, когда их певучий язык мог быть облечен в письменную форму, как вдруг грянула беда.

В результате природных катаклизмов между маленьким раем и огромным континентом образовался перешеек. Поначалу через него на землю струсов перебирались

только немногочисленные мелкие и слабые животные. Но вскоре за ними последовали целые полчища хищников. Над страусами нависла смертельная опасность. Они оказались легкой добычей. После тысячелетий мирной и спокойной жизни страусы вновь превратились в лакомое меню. Им снова грозило вымирание.

Но на сей раз у них было намного больше шансов выжить. Двумя основными талантами, которые они развили в себе после миграции, были высокая организованность и язык. Страусы раскололись на более мелкие группы, научились строить гнезда в самых труднодоступных местах и стали попарно добывать пищу. Вдвоем гораздо легче справиться с врагом: пока один работает, другой стоит на стреме. Если бежать было невозможно, они могли убить нападающего.

Вместе с тем в маленьких стаях птенцы надолго оставались без присмотра. Вопрос заключался в том, как заставить юных страусов сидеть в гнездах. Ответ прост: запугать их до смерти.

Самым эффективным средством оказались рассказы о чудовищах и привидениях. Сказки страусов о мире духов всегда оказывали устрашающее воздействие на непослушных птенцов, игнорировавших предостережения родителей, а в особенности на боязливых крошек. Все они предостерегали: покинешь гнездо — будешь съеден. Самым популярным персонажем этих сказок был злодей Острый Коготь. Он налетал на маленького страуса с неба и уносил в свое гнездо, где детеныши Острого Когтя пожирали его живьем. Другого злодея звали Большой Клык. По преданию, этот зверь целыми днями прятался в кустах в ожидании удобного момента полакомиться безобидными птенцами страусов. Большой Клык подкрадывался к одному из зевак во время игры, хватал его, быстро пожирал, а остальным подрезал сухожилия, чтобы они не могли сбежать.

Рассказы о чудовищах срабатывали что надо. Птенцы смирно сидели в своих гнездах до тех пор, пока не достигали подросткового возраста и не присоединялись ко взрослым страусам. Но настал тот час, когда страусы устали прятаться в скалистых горах от созданий, которых превосходили умом во много раз. Страусы спустились с гор и начали убивать плотоядных животных, перебив их всех до одного. Затем они пересекли перешеек и начали убивать тех, кто жил на громадном материке. Спустя два столетия страусы стали королями своей планеты. Но, в отличие от различных рас бесчисленного множества других планет, перебив внешних врагов, они не переключились на внутренних и не стали вести братоубийственных войн. Они снова превратились в миро-

любивых существ, почитавших за величайшее наслаждение совершенствование своих знаков-символов — как письменных, так и песенных, — с помощью которых общались.

К тому времени, как Империи в конце концов стало известно о существовании струсов, они достигли головокружительных высот в плане развития языка. Простейшими знаками и символами струсы могли выразить точнейшие математические формулы. Их компьютеры, например, были примитивными в сравнении с имперскими. Но составляемые для них сложные программы оказывались слишком просты даже для самой несовершенной машины струсов.

Быстро прославившись своими способностями, струсы начали пользоваться большим спросом. Они получали повышенные оклады, им предоставлялись самые роскошные апартаменты. Но в каждом контракте с внешней стороной оговаривалось одно условие: струсов всегда нужно нанимать парами. В противном случае им бы не с кем было общаться на языке знаков. Все знали, что струсы умирали от одиночества.

Не то чтобы Краулшавн был близок к смерти, когда Соренсен встретил его в прежнем лагере — он просто тихо чахнул день ото дня. Краулшавн работал как гражданское лицо по имперскому военному контракту на одном из предприятий, которое захватили таанцы. Его компаньон погиб в первой же схватке. Краулшавну чудом удалось спастись.

Соренсен еще никогда в жизни не встречал более грустного создания. Два существа с разными интеллектами стали настоящими друзьями. Соренсен легко выучил певучий язык струсов и вскоре стал общаться с Краулшавном не хуже любого из его соплеменников. У Краулшавна снова появился аппетит и вернулся интерес к жизни.

Вскоре они стали просто неразлучны и совершили первую попытку к побегу, которая чуть было не удалась. Они уже готовились к следующей, когда их транспортировали в Колдиез.

Сразу же после знакомства с этой парой Килгур понял, что необычные друзья помогут решить, казалось бы, неразрешимую проблему. Больше всего организация нуждалась в компьютере, способном производить сложные вычислительные операции, на которые у человека ушли бы годы. При наличии такого компьютера шансы на удачный побег резко возросли бы.

Соренсен и Краулшавн убедили Алекса в том, что этот вопрос легко разрешим. Для осуществления задуманного нужно было сделать две вещи. Во-первых: достать чип. Во-вторых: изобрести доступный, но емкий язык.

Когда Алекс набрел на большую комнату с хитрым замком со скользящими механизмами, он был уверен — среди ее содержимого обязательно найдется то, что позволит им сделать первый шаг.

Колдуя над самыми первыми набросками собора, создатели Колдиеза уделили особое внимание окнам-витражам, которые должны были придать зданию особое величие и очарование. Они быстро поняли, что этот вид искусства был утрачен тысячелетия назад. Конечно, опытные мастера могли бы сделать подобные стеклянные витражи, используя современную научную технологию. Но сколько они ни экспериментировали, их продукция оказывалась лишь бледной тенью великих творений.

В поисках ответа на поставленный вопрос монахи Колдиеза обратились к истории искусства древних веков и обнаружили рисунки золотых дел мастера по имени Ругерус. Они основательно изучили методику художника и тщательно скопировали каждую деталь его работ. Современным лазерным стеклорезам монахи предпочли инструменты из закаленной стали. При вырезании сложных витиеватых узоров они применяли специальный инструмент ручной работы. Для получения нужной цветовой гаммы к краскам стали подмешивать истолченные в порошок частицы золота, серебра и драгоценных камней.

Помещение, в которое Алекс привел Соренсена и Краулшавна, было одной из мастерских, где трудились многие поколения монахов Колдиеза. Оно было окутано пылью, набито сотнями непонятных предметов и веществ. Но малопомалу друзья начали разбираться, что к чему.

Краулшавн потянул на себя холщовую ткань и, увидев под ней аккуратно сложенные листы толстого стекла, стал возбужденно перебирать пальцами. Подняв один лист, он ткнул им Алексу в лицо. Килгур осторожно отстранил Краулшавна.

— Ну, обыкновенное стекло. Я его и раньше видел. Почему все пернатые такие суетливые?

— Он говорит, что струсы использовали стекло для создания своих ранних компьютеров, — сказал Соренсен.

Алекс призадумался:

— Ага, одна зацепка есть. И это только начало.

В то время, как двое друзей продолжали поиски, Алекс прикидывал возможные варианты тайной обработки стекла. Придется где-то доставать едкое химическое вещество, растворяющее стекло.

Вдруг Краулшавн сделал порывистое движение оперенной рукой. Алекс увидел, что он пытается выкатить маленький бочонок из-под колышущейся груды других, примерно таких же. Килгур подсобил ему, приложив небольшое усилие тяжеловеса, и вскоре бочонок стоял у их ног. От изумления у Алекса отвисла челюсть. Бочонок был доверху набит пластинками золота.

— Чтоб мне провалиться!.. Недаром говорят: «Если монаха хорошенько тряхнуть, посыплется золото».

Инстинктивно Килгур всегда был антиклерикалом. Такое отношение к религии переросло в твердое убеждение после того, как ему и Стэну пришлось иметь дело с тремя первосвященниками в Волчьих мирах.

Краулшавн указал пальцем вначале на пластинки, затем на стекло. Алекс тихонько засмеялся. Нужный материал найден. При соответствующей обработке они получат необходимый для компьютера элемент, хоть и чертовски дорогой.

Как только друзья снова приступили к обшариванию помещения, перебирая обломки различных предметов и поднимая облака пыли, раздался жуткий вой. Казалось, будто все сигнальные сирены Хиза включились одновременно.

К тому времени, как Алекс присоединился к Стэну, стоявшему на зубчатой стене и обозревавшему внутренний двор, ему удалось привести свой желудок в порядок и немного успокоить нервы. Стэн указал Алексу рукой в том направлении, куда смотрел сам. Килгур понял причину поднятой тревоги и стрельбы.

Обмякшее окровавленное тело Сент-Клер поволокли через три пары ворот на площадь, которую таанцы уже успели окрестить «лобным местом».

— Кто это? — спросил Стэн.

— Не знаю. Но обязательно выясню. Кажется, она еще жива.

Стэн и Алекс отвернулись, чтобы не смотреть на зверское избиение пойманной беглянки. Услышав очередной удар хлыста, они содрогнулись. Удары были частыми. Щелкнул тюремный громкоговоритель.

— Всем заключенным! Внимание! Говорит полковник Держин. Один из вас пытался бежать. Как я прежде обещал, любая попытка к побегу не пройдет безнаказанно.

Стэн затаил дыхание.

— Заключенного будут держать в карцере тридцать дней. Питание — строго ограниченное.

— Вот гад! — не выдержал Алекс.

— Охранникам приказываю запереть всех заключенных под замок в их камерах на двадцать четыре

часа. Поскольку работать в это время они не будут, еду не выдавать. Заключенные, у вас есть десять минут на то, чтобы разойтись по камерам. По истечении данного срока любой, кто окажется за пределами своей камеры, будет расстрелян на месте.

Громкоговоритель отключился. Стэн и Алекс переглянулись.

— Чтоб тебя разорвало! — прорычал Алекс. — Филантроп хренов!

— Да уж, — согласился Стэн, и они оба направились к своей комнате. — Опять то же самое. Нужно с этим кончать. Пусть только какой-нибудь герой попробует отколоть ковбойский трюк вроде этого! Ноги повырываю!

— Абсолютно с вами согласен, шкипер!

ГЛАВА 14

Однако в планы Стэна входило нечто большее, нежели окрики типа «Подай назад, кучер!». Если в ближайшее время он не организует грамотную попытку бегства из лагеря, гонористые кретины, которых в соборе было предостаточно, начнут игнорировать его приказы.

Искусство побегов — а судя по заведенным в Колдиезе порядкам, каждый побег должен стать самым настоящим произведением искусства, — требовало более серьезных поступков, нежели выкапывания нор в земле и сооружение веревочных лестниц.

Схематичное изображение комитета по побегам напоминало равносторонний треугольник. На вершине его находилась самая большая группа. В нее входили соглядатаи и люди, обеспечивающие безопасность. Затем шла средняя группа, состоявшая из столяров, плотников и т. п. Самой нижней была наиболее малочисленная группа, представителями которой являлись художники и разного рода специалисты.

Вероятно, ни один из членов этих групп не оказался бы в числе беглецов. Все они подчинялись Большому Иксу — главе организации. Он сортировал заключенных в соответствии с их тюремными званиями на тех, кто должен был бежать в ближайшем будущем, и туннельщиков или людей, работавших над подготовкой к предстоящему побегу.

Для четкой работы комитета необходимо было создать совершенную систему безопасности. Людей каждого уровня следовало защитить от разоблачения, а способ

3 Заказ 3801

совершения побега держать в строжайшей тайне от всех остальных заключенных.

Как-то раз Алекс сказал: «Если даже кто-нибудь из вас увидит меня расхаживающим по зоне в фиолетовой женской блузе с ярким флагом в заднице, не надо подходить ко мне и говорить что-то типа: «Какая прекрасная сегодня погода».

Но самым большим камнем преткновения были не охранники-таанцы — Стэн уже привык к их присутствию. Опасность исходила от малознакомых заключенных. В определенном смысле уважая таанскую разведку, Стэн был абсолютно уверен, что среди заключенных находится хотя бы один провокатор. Возможно, больше. Следовательно, его — или ее — необходимо вычислить и ликвидировать. Имперские заключенные отнесутся к такой смерти, как к казни за предательство, таанцы назовут ее убийством и предпримут репрессивные меры. Стэн вынужден был использовать Алекса и его хулиганов в качестве карающего меча, хотя прекрасно понимал, что подвергает своего лучшего друга большой опасности. Но нужно было начинать вербовку.

Другая проблема: среди заключенных могли быть такие, которые по каким-то своим соображениям не желали иметь ничего общего с побегом, запланированным Стэном: единоличники, нашедшие способ бежать самостоятельно. Всех их нужно было взять на заметку и проконтролировать, чтобы беглецы-одиночки не перешли друг другу дорогу и не разрушили один или два плана сразу. Стэну представлялось невероятным везением проведать хотя бы о половине готовящихся побегов — ведь для остальных заключенных он был такой же подозрительной личностью, как и они для него.

Голод давал о себе знать. Стэн с грустью подумал о вечерних пайках, которые к тому времени охранники уже должны были разносить по камерам, как вдруг ход его мыслей был прерван посторонними звуками. Услышав чьи-то шаркающие шаги за дверью, Стэн обрадовался возможности отвлечься и повернулся лицом к двери. Радость его мгновенно испарилась, когда на пороге он увидел своего нежданного гостя.

В дверном проеме, сгорбившись, стоял Лей Ридер Кристата собственной персоной.

Инцидент, произошедший с Кристатой во время первого построения на Хизе, никоим образом не отразился на его поведении. При каждом последующем построении Кристата настаивал на том, что, как гражданский, он не должен содержаться в тюрьме, и при этом его каждый раз силой затаскивали в строй. Он отказывался выполнять лю-

бую работу, мотивируя это тем, что задание, данное человеком в униформе, служит военным целям. Естественно, Кристата не отдавал честь ни одному из охранников, как того требовал тюремный устав. До сих пор ему удавалось выжить, но рано или поздно...

Нельзя сказать, чтобы Кристату не любили. Это приземистое существо всегда добровольно вызывалось на дежурства по кухне и отлично стряпало. Оно создало свою амбулаторию, снабдив ее доступными медицинскими препаратами. Кристата никогда не возражал против нарядов на уборку туалетов. А если какой-нибудь заключенный заболевал, он выхаживал его день и ночь.

Стэн терялся в догадках, что это Кристате вдруг понадобилось. Возможно, до него вдруг дошло, что пайки выдаются в армейских котелках, и он усмотрел в этом военную пропаганду? Почему же в таком случае Кристата не уничтожил еду полковника Вирунги?

— Да?

— Можно войти?

Стэн утвердительно кивнул. Кристата закрыл за собой дверь.

— Насколько я понимаю, — голос Кристаты слегка дрогнул, — вы отвечаете за организацию бегства.

Стэн пробормотал в ответ что-то неопределенное. Мог ли Кристата быть агентом таанцев? Ни в коем случае.

— Мои приятели решили, что я должен зарезервировать место.

— Ты хочешь бежать?

— А почему бы и нет? Как еще я смогу оградить себя от вида униформы и соблюдения тюремных правил, вызывающих отвращение? Нас четверо — тех, кто решил вырваться из этого проклятого места на свободу.

— Каким образом?

— Мы роем туннель.

— Туннель? — Стэн посмотрел на тонкие нежные пальцы Кристаты.

Кристата перехватил его взгляд. Выставив вперед чешуйчатую руку, он продемонстрировал очень крепкие, как заметил Стэн, мускулы. Из согнутых пальцев выскользнули толстые и острые когти.

— Когда мне приходилось иметь дело с материальным миром, я работал горным техником, — сказал Кристата.

Стэн улыбнулся.

— Конечно, таанцы об этом не знают. Я подумал, раз уж они насильно заставили меня подчиняться их

нелепым приказам, то не будет большого греха в том, что я умолчу о своей профессии, ниспосланной богом богатства Маммоной, и не покажу им природные приспособления для рытья, которыми Великий Создатель наделил представителей моей расы.

— Из какого места вы собираетесь выбираться наружу?

— Мы передвинули часть плит на первом этаже восточного крыла и планируем прорыться именно туда.

Стэн мысленно представил себе план Колдиеза.

— Но ведь эта точка находится на самом большом удалении от скального обрыва. Ваш туннель должен быть очень длинным.

— Мы все учли. Вряд ли столь отдаленное место станет объектом пристального внимания охранников. Нам останется лишь откорректировать свои дальнейшие действия с вашим комитетом.

— Когда вы намерены завершить работу?

— Думаю, скоро. Копать было легко и, поскольку мы прокладываем туннель в основном под фундаментом собора, подпорок понадобилось совсем немного. Полагаю, на данный момент мы подбираемся к внутренней стене.

Стэн был просто поражен. Какой невероятный прогресс!

— Это же замечательно, черт побери!

— Прошу при мне не выражаться!

— Ты прав, извини. Какая вам нужна помощь?

— Никакой.

— Никакой? Предположим, вам удастся выбраться наружу. Что дальше? Не очень-то ты — только не обижайся — похож на таанца.

— Мы прямиком направимся в глубь страны, окопаемся там и со временем оповестим фермеров о своем присутствии.

— А ты уверен, что они не сдадут вас властям за какую-нибудь обещанную награду?

— Нужно иметь веру, — сказал Кристата. — А теперь... можно мне вернуться к своим обязанностям? Появилось еще четверо больных.

— Разумеется. Дай нам знать, если понадобится отвлечь охранников или еще что-нибудь.

— Вряд ли нам придется обращаться к вам за помощью.

— Ну, как знаешь. Да пребудет твой... э-э-э... Великий с тобой.

— А он и так со мной.

И Кристата шаркающей походкой вышел из комнаты.

* * *

Килгур отметил, что взводный сержант Ибн Бакр находится в отличной форме, в особенности учитывая факт регулярного недоедания заключенных. Он с большим интересом разглядывал могучего пехотинца, подавляя в себе острое желание заглянуть ему в рот, пересчитать зубы, словно при покупке першерона, или проверить копыта, чтобы удостовериться, выдержит ли он тяжесть громоздкого паланкина. Ибн Бакр мог запросто сойти за какого-нибудь лихого сказочного героя или его первого сержанта-костолома.

— Мистер Килгур, — сказал здоровяк. «Он еще и говорить умеет, будь я неладен». — Я хочу вступить добровольцем в комитет.

Естественно, слово «побег» никогда и никем без особой надобности вслух не произносилось — в целях конспирации.

— Мы принимаем тебя, парень, — чистосердечно сказал Алекс.

Он мечтал найти еще по крайней мере трех таких же крепких ребят, как этот сержант. Имея столь сильную команду, они просто оторвали бы шпиль собора и протаранили им ворота. Все ворота.

— Нам нужны бравые вояки вроде тебя. Копать... сражаться... улететь с планеты.

— М-м-м... мистер Килгур, я не то имел в виду.

Мечты Алекса растаяли как дым.

— А что же?

— Полагаю, — продолжал Ибн Бакр, — вам понадобится специалист, который сможет изменить одежду. Мы должны походить на штатских, правильно?

— Ты хочешь быть белошвейкой?

— А что в этом плохого? — Ибн Бакр сжал ручищу в кувалдоподобный кулак.

Килгур, решив, что сержант может оказаться слишком серьезным противником, счел за лучшее ретироваться.

— Нет, нет, ничего.

— Я умею вязать, вышивать гладью, делать длинные стежки, короткие, крест-накрест, каррикмакросс, гофрировку, отделку перьями, англез, плести кружева, работать на пяльцах...

— Хватит, хватит, сержант, остановитесь. Признаться, вы меня сразили наповал. Я просто потрясен, услышав про ваши таланты. Будьте уверены, мы раздобудем для вас все необходимые материалы в ближайшее время.

Сержант отдал честь и вышел. Килгур проводил его недоуменным взглядом и тяжело вздохнул.

Завыла сирена. Имперские заключенные сбежались на вечернее построение. После переклички они про-

должали стоять, глядя на лежавшую неподалеку пятиметровую груду пластиковых коробок, гадая об их предназначении и о том, что нового на сей раз могли придумать таанцы.

Комендант лагеря Держин выслушал рапорт полковника Вирунги и сказал, что хочет сделать объявление. Оно было коротким и произвело эффект взорвавшейся бомбы.

— Заключенные! Мы признали вашу работу удовлетворительной.

«Дьявол! — в сердцах чертыхнулся Стэн. — Почему мы вовремя не разработали программу саботажа?»

— В награду за это я распорядился выдать вам посылки из «Помощи заключенным». Это все. Полковник Вирунга, позаботьтесь о своих людях.

Вирунга отдал честь. Вид у полковника был такой, словно его огрели обухом по голове.

Заключенные были поражены не меньше, чем он.

Стэн приблизительно знал, из чего состояли посылки: за три года его заключения некий сердобольный офицер — которого быстро отправили на фронт — однажды раздавал подобные коробки.

«Помощью заключенным» называлась организация, созданная в нейтральной системе Манаби. В ее цели входили контроль за соблюдением некоторых прав военнопленных обеих враждующих сторон, в частности — за правом на апелляцию, и оказание гуманитарной помощи. Таанцы игнорировали первую цель организации, но одобряли последнюю.

Каждая посылка содержала в себе дополнительные продовольственные пайки, витамины, минералы и сменную одежду для десяти заключенных. Стэн не раз задавался вопросом, понимали ли добрые маленькие старушки — а именно такими он представлял себе щедрых благодетелей заключенных, — что все эти шарфы, перчатки и лакомства, находившиеся в посылках, почти никогда не попадали в руки тех, кому предназначались. Если они не исчезали в самой таанской системе снабжения, их растаскивали тюремные охранники. Посылка, доставшаяся Стэну по милости мягкосердечного таанского офицера, была основательно уполовинена еще до того, как попала в ворота лагеря.

— Жратва, — прошептал кто-то.

Строй заключенных подался вперед. Еще несколько мгновений промедления — и Вирунге вряд ли удалось бы удержать их от голодного бунта.

— Отделение! Смир-но! — Военная дисциплина одержала верх — по крайней мере на какое-то время. — Три человека... распаковку... посылок. Кристата... Килгур... Горацио!

Лей Ридер Кристата пробурчал что-то себе под нос, однако быстро понял, что задание вполне приемлемо, и шагнул вперед. За ним последовали Стэн и Алекс.

— Сэр, — обратился к Вирунге Стэн. — Прошу...

Вирунга не дал ему возможности закончить предложение.

— Совершенно верно... забыл... обязанность. Еще один. Старший сержант Исби!

Специалист по снабжению подошел к Вирунге, тяжело опираясь на костыли. Несколько лет назад в результате тяжелых ранений Исби стал одноногим. Ответственность за потерю ноги целиком и полностью лежала на таанцах, чья жестокость проявилась в неоказании ему своевременной медицинской помощи. Впрочем, такое пренебрежение к человеку могло быть списано на оплошность, какие часто допускаются в период военного времени. Однако тому, что Исби не поставили хотя бы протез, оправдания не было. Таанцы еще ответят за свои злодеяния. Однажды они предстанут перед судом над военными преступниками.

— Остальным... разойтись! Распределение посылок... два часа.

Строй распался, но ни один из заключенных не покинул двора. Они хотели понаблюдать — очень внимательно— за сортировкой посылок. Впрочем, троим заключенным, которым это было поручено, они доверяли — более или менее.

Стэн многозначительно посмотрел на Алекса. Килгур понимающе кивнул. Он должен был отвести полковника Вирунгу в сторону и поделиться с ним очень интересной информацией. Стэну и Алексу она стала известна еще до войны с таанцами, в период прохождения подготовки в отряде «Богомолов». Если эта информация не устарела, посылки организации «Помощь заключенным» могли им очень пригодиться.

Продолжая строго соблюдать правила конспирации, Стэн отдал Вирунге честь и спешно удалился. Его ждало другое, не менее серьезное дело.

Двое охранников грубо окликнули Стэна.

Он остановился. Охранники открыли дверь карцера и снова рявкнули. Через минуту из крохотного помещения вышла Сент-Клер, щуря глаза от яркого света, — вышла ровной походкой, не спотыкаясь и не прихрамывая. За месяц, проведенный в изоляторе, ее раны и кровоподтеки почти зажили. Стэн отметил, что Сент-Клер сильно отощала — на урезанных наполовину пайках и воде не разжиреешь,— но держалась хорошо. Должно быть, она нашла спо-

соб делать какие-то физические упражнения даже в каменном мешке карцера.

— В следующий раз так легко не отделаешься, — процедил таанец.

— Следующего раза не будет, — парировала Сент-Клер.

Охранники толкнули ее вперед и закрыли дверь карцера. Сент-Клер приостановилась возле Стэна.

— А вот и мой радушный покровитель.

— Если хотите, да, — сказал Стэн.

— Что нового произошло в огромном мире?

— Ничего такого, о чем бы стоило упоминать.

— Значит, война все еще не закончилась. Между прочим, почему вы не обращаетесь ко мне по званию? Я ведь артиллерийский офицер.

— Простите, капитан.

— Да ладно, ерунда. Засиделась в этой конуре...

Они находились в пустынной части коридора.

— Нам нужно серьезно поговорить, — сказал Стэн.

— Валяй.

— Вы пытались выбраться отсюда в одиночку. Это просто какой-то ковбойский поступок.

— Ну так что теперь?

— Это не должно повториться. Любой побег будет зарегистрирован и совершен с разрешения комитета.

— Только не мой, — отрезала Сент-Клер. — Комитеты вечно все портят. Комитеты развязывают войны. Я предпочитаю вести свою личную кампанию.

— Это не просьба, капитан. Это приказ.

Сент-Клер прислонилась к стене.

— Ты Большой Икс?

— Прошу любить и жаловать.

— Рада познакомиться. Но, как я уже сказала...

— Слушай меня внимательно, капитан. Читай по губам. Я не стану посылать на твою голову проклятия, если ты решишь бежать в одиночку. Каждый, кто находит лазейку, чтобы выбраться из этого гроба, получает мое благословение. Но я должен знать о готовящемся побеге заранее и дать на него «добро».

Сент-Клер долго держала паузу, во время которой успела сделать шесть глубоких вздохов. Наконец она улыбнулась.

— Примите мои извинения. Я буду следовать вашим приказам. Конечно. Что бы вы и ваш комитет ни потребовали.

— А вы очень находчивы, капитан Сент-Клер. Не советую меня разыгрывать. Я потребую строгого выполнения моих приказов. И вы станете им подчиняться!

— А если нет?

Стэн говорил очень спокойно.

— Тогда я убью вас. — Выражение лица Сент-Клер оставалось бесстрастным. — И вот еще что, капитан. Во избежание лишних неприятностей я назначаю вас на должность главного карманника.

— Карманника? Но я не имею ни малейшего понятия...

— Вора.

Сент-Клер вспыхнула:

— Я — игрок, а не какая-нибудь там вульгарная аферистка!

— Не вижу разницы.

Сент-Клер едва сдерживала свой гнев.

— Будут еще какие-нибудь вопросы, артиллерийский офицер?

— Пока нет.

— В таком случае вы свободны!

Стэн вытянулся по стойке смирно и отдал честь.

Сент-Клер подождала, пока он завернул за угол, и позволила себе роскошь молча разразиться серией отборных ругательств. Лицо ее буквально перекосилось от злости. Вскоре она успокоилась и начала думать о долгожданном душе.

Во внутреннем дворе вовсю шла раздача посылок «Помощи заключенным». Стэн обратил внимание, что, как только открывалась очередная коробка, Алекс вынимал из нее один или два пакета и откладывал в сторону. Хорошо.

Прислонившись спиной к одной из полуразрушенных колонн, стоял сгорбленный имперский младший офицер.

Стэну вдруг показалось, что этот старичок должен быть похож на его дедушку, которого он никогда в жизни не видел. Ветеран держал в руках маленький пакет с бисквитами — очевидно, с бисквитами — и такой же по размерам пакет с сухофруктами. Это была его доля из посылки. Старичок плакал.

У Стэна защемило сердце от жалости. Пора им всем возвращаться домой.

ГЛАВА 15

Большой Икс «наращивал мускулы». Через своих агентов Стэн набрал целый штат исследователей: строптивых и шустрых заключенных. Исследователям выдали самодельные складные линейки и поручили измерять все и вся. Стэн пытался выяснить, с какого места и какого рода работу предстоит выполнить. Поскольку никакой возможности

найти и скопировать или выкрасть план Колдиеза не было, приходилось создавать собственный.

Вскоре Стэн получил обстоятельный доклад. В нем сообщались длина, ширина и высота коридоров, расположенных вдоль них помещений и самого крыла. Все эти цифры не укладывались у Стэна в голове. Он отчаянно желал, чтобы Алекс и его команда трудились над созданием компьютера чуточку быстрее. «Что за чертовщина! Может, у них вообще ничего не получится?»

Стэн отшвырнул в сторону исписанные клочки бумаги. Сейчас, то есть утром, нужно было приступать к повседневной работе.

Сегодняшнюю рабочую смену возглавлял человек, который, по всей вероятности, был первым таанским осведомителем.

Старший прапорщик Ринальди Эрнандес всех, кроме таанских офицеров, называл «друзья мои». К таанцам он обращался не иначе, как «высокочтимые сэры», и отвешивал нижайшие поклоны.

— Друзья мои, — слащавым голосом сказал он. — Ну, давайте, поднатужьтесь. Все вместе, дружно — взяли и подняли. Вам это под силу.

«Под силу» означало вручную перенести огромный генератор, который не утянул бы и транспортер, оснащенный маклиновским движком, к грузовому судну и поднять эту махину на борт.

— Вы даже не хотите попытаться, друзья мои, — продолжал Эрнандес. — К сожалению, придется по возвращении доложить об этом нашему коменданту. Не забывайте о том, что вам был выдан двойной дневной паек. Следовательно, надо быть готовыми выполнить двойную рабочую норму.

Стэн и остальные двадцать человек нахмурились и начали медленно, со стонами, перемещать генератор. Все они ненавидели Эрнандеса. Однако неожиданно для самого себя Стэн пришел к выводу, что, несмотря на постоянные угрозы со стороны Эрнандеса, ни на одного человека, работавшего под его началом, еще не было ни одного доноса. Интересно.

Наконец генератор был погружен на борт корабля. Измученные заключенные начали оседать на землю. Эрнандес прошелся среди них, похлопывая каждого по плечу, пошучивая, не обращая внимания на летящие ему вслед ворчливые ругательства.

— Неплохо, друзья мои, неплохо. Ну же, взбодритесь. Погрузка только началась. Вперед, принимай-

тесь за дело. Покажем нашим высокочтимым хозяевам, на что мы способны.

Тяжело вздыхая, заключенные поднялись на ноги. Следующее задание было полегче: погрузить коробки на другой межпланетный корабль.

Стэн поймал себя на мысли, что наблюдал за Эрнандесом не так пристально, как за космопортом. Его интересовали многие веши. На каком корабле можно незаметно спрятаться и улететь? Какое судно куда отправляется? Какие меры безопасности предпринимаются после загрузки корабля?

Сгорбившись под тяжестью очередной коробки, Стэн поднялся по трапу грузового судна. У входа стоял Эрнандес, одетый в свой повседневный мешковатый комбинезон.

— Привет, трудяга, — бодрым голосом сказал Эрнандес.— Заходи прямо внутрь и клади свою ношу на самый верх, дружище. Нужно поскорее набить эту посудину до отказа и отправить с планеты.

«Точно, провокатор, — подумал Стэн. — Но не слишком ли он простоват для тайного агента?»

— На арктической планете мерзнут солдаты, — сказал Эрнандес. — Нужно обеспечить их всем необходимым.

Стэн смерил прапорщика сердитым взглядом и поплелся дальше в составе «муравьиной» процессии к грузовому отсеку. Кладя коробку на указанное место, он обратил внимание на этикетку с обозначением груза: «Униформа, тропический вариант».

Стэн украдкой прочитал надписи на этикетках еще нескольких ящиков: оборудование для восстановления сил в нормальной (низкокалорийной) среде; корм для вьючных животных (таанцам в пищу не употреблять); медикаменты, гигиенические препараты; семена для посева, садовый каток — для генералов и вышестоящих начальников. Весьма странный груз для «отмороженной» планеты.

Возвращаясь обратно, Стэн посмотрел на мистера Эрнандеса другими глазами. Для подтверждения своей догадки он намеренно натолкнулся на прапорщика. Бляхи на комбинезоне мистера Эрнандеса звякнули.

— Поосторожнее, друг мой, — по-отечески предупредил Стэна младший офицер.

— Увидимся ночью, — приказал Стэн низким полушепотом.

— Прошу прощения?

— Большой Икс.

«Дьявол! Если я вляпался, то по самые уши».

Однако опасения Стэна оказались напрасными.

На гражданке Ринальди Эрнандес был торговцем недвижимостью, квалифицированным водопроводчиком, плотником, столяром, специалистом по керамике и владел еще массой других профессий. С началом военного конфликта его призвали на службу в армию и направили в имперский строительный батальон — бюрократическая машина умела использовать человека по назначению.

Эрнандес ненавидел таанцев всей душой. Его единственная внучка была убита ими еще в начале войны. Сам Эрнандес попал в плен. Он выжил — и годы, проведенные в заключении, старался не погибнуть до того, как в его руки попадет оружие, с помощью которого можно будет мстить врагам.

— По совести говоря, — сказал он робко, — не знаю даже, как быть. Ведь я еще ни разу в жизни никого не убивал.

Между тем Эрнандес прекрасно изучил таанские миры, отправляя грузы для фронтовых гарнизонов, а также принимая поставки. Он крал, а затем выводил из строя любые плохо лежавшие предметы военного обихода, исподтишка ломал различные приборы, когда ему позволяли взойти на борт какого-нибудь военного корабля.

Эрнандес ненавидел таанцев такой лютой ненавистью, что готов был пожертвовать доброй репутацией среди заключенных. Они поверили в то, что он предатель, провокатор и шпион. Возможно, его могли даже убить. Но Эрнандес намеренно шел на этот риск. Таанцы доверяли ему больше, чем любому другому имперскому заключенному. Эрнандес признался Стэну, что частенько задумывался над тем, сколько таанцев погибло в результате совершенных им диверсий. Да и погибли ли вообще? Может, он просто не доводил дело до конца?

Стэн предполагал, что мистер Ринальди Эрнандес отправил на тот свет больше таанцев, чем любой имперский боевой корабль. Теперь в комитете Большого Икса появился свой мастер на все руки.

«Не стоит обольщаться, — размышлял Стэн. — Набираешь целый штат людей, раздаешь им поручения... Но пока что дальше поручений дело не продвинулось».

ГЛАВА 16

Л'н потянула на себя ручку управления. Сначала послышался легкий шум заработавшего фидера, затем два резких щелчка, и электронно-лучевые трубки вышли из отверстий, находящихся прямо напротив нее. Л'н мель-

ком взглянула на трубки и, удостоверившись, что на каждой из них стоят символы «плюс-минус», направила ручку вперед. Трубки медленно заскользили навстречу друг другу, резко подпрыгнув вверх при соприкосновении.

Л'н придвинулась ближе, чтобы повнимательнее рассмотреть шов. Он был настолько безупречен, что Л'н не сразу заметила его. В месте соединения трубок образовалась нитевидная полоска, в энное количество раз тоньше человеческого волоса.

Все эти действия происходили в полной темноте. Фактически испытательная комната была погружена в такой кромешный мрак, что у любого другого живого существа начался бы приступ клаустрофобии буквально через несколько минут после попадания в нее. Оно чувствовало бы себя полностью оторванным от внешнего мира и смутно угадывало бы лишь очертания собственного тела. Л'н такая обстановка напоминала сумерки.

Она усилила электрическое поле и повернула рычаг влево, чтобы подвергнуть стык воздействию напряжения. Внешне шов выглядел таким же совершенным, как и прежде, но светоактинические глаза Л'н смогли различить темно-красное пятнышко. Шов оказался с большим изъяном. Л'н хихикнула и наклонила рычаг вправо, чтобы сбросить трубки в мусорный ящик. Всего за несколько часов работы ящик наполнился отходами почти доверху. Для таанцев, хвастав-шихся своей суперэффективностью, это было уж слишком.

Л'н любила мечтать, что однажды в будущем какой-нибудь прозорливый историк сумеет связать окончательную победу Империи с неприметным мусорным бачком, стоявшим у нее под столом. В сотый раз Л'н улыбнулась своей незатейливой, известной лишь ей одной шутке и потянула на себя рычаг, чтобы продолжить эксперимент над следующей парой электронных трубок. Навострив свое маленькое, слегка заостренное левое ушко, она приготовилась услышать мягкий звук пришедшей в действие машины. Вместо этого из-за двери лаборатории раздался резкий крик.

Чувствительное ухо Л'н свернулось от боли. Что за черт? Крики не смолкали. Это орал Клорик, таанский надзиратель, контролировавший работу заключенных в лаборатории. Л'н не расслышала слов, но они явно относились к кому-то конкретно. Если Клорик будет продолжать в том же духе, а оснований сомневаться в этом у нее не было, крики вскоре перерастут в грубые бессвязные ругательства, за которыми последует жестокое избиение провинившегося.

Кем бы ни был этот несчастный, Л'н от души жалела его. Но чем она может ему помочь? Л'н продол-

жила свою работу, стараясь не принимать случившееся близко к сердцу и не обращать внимания на посторонние звуки. С каждым днем ей все легче удавалось переносить подобные безобразия. И боялась она этого больше всего — больше Клорика или других таанцев, даже самой войны, потому что каких-нибудь несколько лет назад слов «насилие» и «жестокость» вообще не числилось в ее лексиконе...

Но это не значило, что Л'н происходила из расы пацифистов. Напротив, начиная с самой низшей, амебной стадии развития и заканчивая теперешней, когда керры превратились в высокоорганизованных животных, они стояли на самой высокой ступени свирепости. Это были стройные существа, покрытые короткой шерстью, с большими прозрачными глазами, нежными, высокочувствительными ушами и длинными хвостами, предназначавшимися для балансирования. Родная планета керров была почти сплошь покрыта густыми лесами. Керры обитали в среднем ярусе, где свет был таким же скудным, как и продовольственные запасы верхнего яруса.

Подобно многим другим лесным жителям, соплеменники Л'н очень ревностно относились к своей самостоятельности. Чувство одиночества они испытывали только в период спаривания. Это свойство характера керры пронесли через века — так же, как и любовь к свету.

Достигнув совершенства в искусстве художника, Л'н решила эмигрировать из родной системы. Это был очень неосмотрительный поступок. Она ставила крест на личной обособленности, променяв ее, по мнению друзей и близких, на враждебный мир, суливший тяжелую жизнь, полную одних лишь неприятностей. Будучи натурой артистичной, Л'н инстинктивно чувствовала красоту мира, которого никогда прежде не видела, и отлично понимала — поступись она заветной мечтой сейчас, цена за традиционное одиночество в будущем окажется непомерно высокой. Для совершенствования своего мастерства Л'н требовались новые знания, которые можно было приобрести лишь в великом внешнем мире.

Она только встала на путь к достижению своей цели, когда таанцы напали на Империю.

В ту пору ее необычным картинам, пронизанным лучезарным светом, нужна была постоянно расширяющаяся аудитория. Какое странное слово — «аудитория», язык керров не имел подобного эквивалента. В сознании Л'н оно ассоциировалось с огромными толпами вонючих, распихивающих друг друга существ, подступающих к ней все

ближе и ближе... Л'н научилась общаться с аудиторией. Больше того, ей понравилось находиться в центре внимания.

К тому же у нее появился первый друг из внешнего мира. Его звали Хансен. Старший капрал Хансен был очень крупным и, главное, очень пугающей наружности человеческим существом. При первой же их встрече он сгреб маленькие ручки Л'н в свои лапищи и басом стал восхвалять ее лучистые картины. Чуть не завопив от страха на всю студию, Л'н большим усилием воли заставила себя как можно вежливей выслушать Хансена и деликатно проводила его до двери. В ту ночь она в течение нескольких часов пыталась избавиться от стойкого запаха, оставшегося у нее на шерсти после прикосновения рук могучего капрала.

Много месяцев спустя исходивший от Хансена запах стал для Л'н одной из самых привлекательных его особенностей. Каждую свободную минуту Хансен проводил с Л'н. Он восторгался ее картинами (грамотно критикуя некоторые из них), заботливо опекал ее во время выставок, удерживая толпу на удобном для нее расстоянии.

Когда началось вторжение таанцев, Хансен отважно пробил себе дорогу в студию, расшвыривая врагов направо и налево, подхватил на руки Л'н и, продолжая отбиваться, понес ее к своим. Они оказались в безопасности всего за несколько минут до того, как потерпевшие поражение имперские части сдались. Но даже потом таанцы продолжали обстреливать их из дальнобойных орудий.

Один из таких взрывов накрыл Хансена и Л'н. Через несколько минут Л'н пришла в сознание. Как странно — на ней не было ни единой царапины, в то время как тело Хансена представляло собой сплошное кровавое месиво.

Покинув родную систему, Л'н научилась многим вещам. В том числе и лжи.

Таанцы приняли ее за военнослужащую имперской армии. Л'н не стала их в этом разубеждать. Оказавшись на улице, она видела, как таанцы расправлялись с мирными гражданами, слышала предсмертные крики и стоны.

Последнее, чему Л'н научилась после гибели Хансена, было умение переносить полное одиночество.

Шов, образовавшийся в месте соединения следующей пары электронных ламп, засветился бледно-оранжевым светом. Соответствует стандарту. Вот черт! Л'н отправила спаренные трубки в коробку для готовых изделий.

Крики за дверью смолкли, но вместо ожидаемых тяжелых ударов дубинки послышалось ворчание. Что же там все-таки происходит?

Четвинд услышал громоподобный голос, эхом прокатившийся по громадному, как ангар, зданию завода. Он быстро проверил своих охранников и закрепленные за ним участки. На первый взгляд все было в порядке. Стоп! Чего-то или кого-то не хватало.

Здоровяк Четвинд обошел вокруг дребезжащего агрегата, замер и вдруг сорвался с места. Увернувшись от раскачивающегося ковша подъемника, он забежал за угол и стал как вкопанный. Опять Клорик! Лицо надсмотрщика пылало от гнева, глаза налились кровью и вылезли из орбит. Он орал, как сумасшедший, доводя себя до состояния полного исступления.

Объектом ярости Клорика был имперский военнопленный. Четвинд сразу понял причину столь буйного гнева. Двое мужчин стояли посреди большой беспорядочной кучи рассыпавшихся по всему полу гидравлических трубок. За их спинами находилось множество дверей, ведущих в экспериментальные лаборатории. Над одной из дверей горела красная лампочка.

Четвинд принял небрежную позу и стал расхаживать то в одном, то в другом направлении, наблюдая за разыгравшейся сценой с приличного расстояния. Его вмешательство в конфликт зависело от нескольких простых факторов. С одной стороны, заключенный мог допустить ошибку — не нарочно или, хуже того, умышленно. В таком случае Четвинд пожал бы плечами и бросил заключенного на произвол судьбы. С другой стороны, всему виной мог быть сам Клорик, пользовавшийся репутацией типа вспыльчивого, впадавшего в бешенство по пустякам, даже у самых черствых и бессердечных охранников. Этическая сторона этого вопроса никого не интересовала, просто такое поведение считалось непрофессиональным.

Четвинд пользовался гораздо большим уважением. Поскольку командиром он был мудрым, заключенные в конечном итоге попадали под его ответственность. Ходили упорные слухи, что после этого их труд становился не таким тяжелым, а следовательно — более плодотворным. Заключенных прекращали нещадно эксплуатировать, и выглядели они уже не такими изнуренными.

Наконец Клорик заметил Четвинда и тотчас принял оборонительную позицию.

— Я сам с этим разберусь!

— Еще слово вякнешь, Клорик, и тебе не поздоровится.

Клорик схватил мастодонта Четвинда за лацканы униформы. Он был крупным субъектом, но не таким мощным, как Четвинд. Последний превосходил Клорика по весу, состоявшему в основном из стальных мускулов.

Хотя Четвинд и был боссом рабочих бригад, он не являлся непосредственным начальником Клорика, зато водил дружбу с самыми мерзопакостными сотрудниками службы безопасности. Как ему удалось этого добиться, оставалось тайной, покрытой мраком. Поговаривали, будто Четвинд оказывал разного рода услуги многим влиятельным особам. Спрашивать у Четвинда, что он получал взамен, не решился бы даже такой тугодум, как Клорик.

Мысли об этом навели Клорика на длительное размышление. Четвинд терпеливо ждал, когда строптивый надсмотрщик умерит свой пыл. Наконец Клорик разжал руки и опустил плечи. Выражение его лица оставалось упрямым, но из дерзкого сделалось виноватым.

— Он пытался... — пробурчал Клорик, указывая рукой сначала на заключенного, а затем на груду электронных трубок. — Видите? Он сбрасывал плохие и хорошие лампы в одну кучу.

Четвинд не дал Клорику возможности закончить объяснение, предполагая, что по большей части оно будет ложным. Он был уверен в большей изобретательности заключенного. Четвинд повернулся лицом к человеку, переводившему взгляд с одного начальника на другого. Заключенным, гадавшим, что с ним произойдет дальше, был Стэн.

— Что ты скажешь в свое оправдание? — спросил Четвинд.

— Всему виной досадная случайность, — сказал Стэн. — Понимаете, в тот момент, когда я отодвигал с дороги мусорный ящик, офицер схватил меня за плечо. Я так испугался, что споткнулся об этот ящик и нечаянно перевернул другой...

— Наглая ложь! — запротестовал Клорик. — Я все время наблюдал за ним. Он нарочно собирался смешать бракованные трубки с нормальными, уверяю вас.

— Но, сэр, — возразил Стэн. — Разве вы видели, чтобы я это делал? Где же вы тогда находились?

Клорик был настолько сконфужен присутствием Четвинда, что даже не заметил, как вступил в дискуссию с заключенным, вместо того чтобы врезать ему как следует за такую неслыханную дерзость. Клорик указал рукой в сторону места, где стоял до возникновения конфликта; было очевидно, что, находясь за гравилифтом, на расстоянии двадцати метров от лаборатории, он ничего видеть не мог.

После минутной паузы Стэн покачал головой.

— Нет, сэр. Не хочется с вами спорить, но не думаю, чтобы оттуда вы могли что-нибудь заметить. Вам загораживали обзор пластиковые коробки.

— Поначалу да, — кивнул Клорик, — но я переставил некоторые из них, видишь? — Он показал пальцем на дыру, образовавшуюся в огромной груде пластмассовых ящиков, готовых к отправке.

— Ваша правда, сэр. Хитро придумано, — с притворным облегчением произнес Стэн. — Но разве я не стоял к вам спиной, сэр?

Четвинд приказал обоим молчать. Этот спор ни к чему не вел. Кроме того, в его мозгу промелькнула смутная догадка. Он был уверен, что уже где-то видел этого заключенного.

— Мы не встречались раньше? — спросил Четвинд.

Стэн пристально посмотрел на босса. Ему также показалась знакомой внешность Четвинда, но он решил это скрыть.

— Нет, сэр. Заключенный так не думает, сэр.

Четвинд присмотрелся к Стэну повнимательней. Он не мог избавиться от чувства, что где-то когда-то видел этого человека — в форме таанского полицейского. Но что он делает здесь, разыгрывая из себя имперского заключенного? Если Четвинд не ошибался, этот человек был шпионом. В таком случае он и Клорик могли оказаться в дерьме по самую шею.

— Имя?

— Имя заключенного — Горацио, сэр, — ответил Стэн, с беспокойством вспомнив наконец, при каких обстоятельствах видел Четвинда. Это случилось тогда, когда он и Алекс шли по следу маленького бомбиста по имени Динсмен. Память Стэна четко воспроизвела картину нападения гуриона. Выставив вперед все шесть лап, это существо стремительно вынырнуло из пенистой волны и бросилось на них. На протяжении всей атаки человек, развалившийся на берегу в непринужденной позе в окружении группы симпатичных самок-заключенных, дико хохотал. Стэн и Алекс выдавали себя тогда за тюремных охранников, так что, по правде говоря, им грех было обвинять Четвинда в безразличии к своей судьбе. Стэна поражало другое — как и когда Четвинду удалось покинуть планету-тюрьму. Больше того, каким, черт возьми, образом он превратился из заключенного в босса охраны?

«Во время войны происходят до смешного странные вещи»,— подумал Стэн.

— Ладно, Горацио, хватит препираться. Считай, что тебе повезло. Но учти, в следующий раз пощады не будет.

— Спасибо, сэр, — сказал Стэн с нескрываемым изумлением.

Прежде чем Клорик успел что-нибудь возразить, Четвинд поднял руку, приказывая ему молчать.

— Соберите все детали в коробку, — обратился Четвинд к Стэну. — Мы снова проверим их.

— Слушаюсь, сэр. Займусь немедленно, сэр.

Стэн с большой готовностью принялся поднимать рассыпавшиеся трубки. Четвинд и Клорик ушли.

— Почему вы не позволили мне поколотить его? — спросил Клорик. — Он ведь это заслужил.

— Возможно, — ответил Четвинд. — Сделай одолжение нам обоим. Присмотри за ним. Но кулаки в ход не пускай. Понял?

Клорик утвердительно кивнул головой. Он понятия не имел, что происходит, и никакого желания выяснять это у него не было. Что же касается Четвинда, тот по-прежнему не сомневался, что где-то видел Стэна. Однако свою догадку насчет заключенного-полицейского считал скорее всего глупым недоразумением. Хотя как знать? Рисковать Четвинд не хотел.

Л'н вернулась к выполнению своих рутинных обязанностей с повышенным интересом. Она даже стала тихо напевать колыбельную керров, как вдруг в лабораторию вошел человек по имени Горацио. Л'н была поражена и ужасно напугана. Она чуть было не включила маленькую синюю лампу, излучающую неприятный для ее глаз свет, чтобы получше разглядеть Горацио. Пока он пробирался в темноте, Л'н спряталась в укромном месте.

Человек вел себя очень спокойно и шепотом назвал ее по имени. Наконец Л'н отозвалась. Мужчина подошел прямо к ней, словно мог видеть в темноте так же хорошо, как и она.

Казалось, Горацио сразу понял душевное состояние Л'н. Он прошептал утешительное слово и заговорил об интересующих ее вещах — геометрических пропорциях, разнообразии цветовой гаммы, образующейся при особом освещении преломленными лучами. Горацио сказал, что наслышан о творчестве Л'н, хотя ему не удалось увидеть ни одной из ее световых картин. Он обещал помочь организовать студию в тюрьме.

Горацио также попросил у нее помощи. Не в качестве благодарности за оказываемые услуги. В этом она была абсолютно уверена. Л'н не сомневалась — Горацио добьется предоставления ей помещения под художественную студию независимо от того, согласится она содействовать ему или нет.

Почему она ему поверила? Наверное, потому, что он доверился ей. Горацио признался Л'н, что является Большим Иксом. Глядя на этого сильного человека, она вспомнила капрала, погибшего у нее на руках.

Л'н предстояло стать фальсификатором. От нее требовалось использовать все свое художественное мастерство для изготовления поддельных документов на имена таанцев, карточек и массы других вещей, которые могли бы понадобиться заключенным, если им удастся бежать.

У Л'н возникло только одно сомнение. Ей самой бежать было нельзя. Лучи светила таанской системы губительно действовали на ее глаза. Она просто-напросто могла ослепнуть.

«Хансен сказал — нет. Ой, не Хансен, — поправила она себя. — Какая я глупая. Горацио сказал, что тоже не может бежать, потому что он — Большой Икс. Значит, мы будем вместе работать и помогать остальным».

Такая перспектива Л'н вполне устраивала. Ей пришлась по душе и вторая просьба. Горацио хотел, чтобы Л'н устроила маленькую диверсию — выпустила как можно больше партий бракованных трубок. Выполнение этой просьбы было сопряжено с большим риском, но Л'н готова была пойти на него с удовольствием. Она подумывала об этом и раньше, но боялась испытывать судьбу.

После встречи с Горацио Л'н больше ничего не будет бояться.

ГЛАВА 17

Третьи ворота, ведущие в центральное святилище, открылись, и майор службы безопасности Авренти ступил на территорию заключенных — их внутреннего двора.

Основание треугольника — группа поддержки беглецов — приступила к выполнению обязанностей.

Старший сержант Исби, сидевший на табурете, нагнулся и закатал до колен штанину, подставляя ногу тусклым лучам таанского светила.

Майор Ф'релла, находившаяся в дальнем конце двора заключенных, подперла голову одним щупальцем и, зашевелив извилинами второго мозга, продолжила практиковаться в музыкальной обработке необычной древней земной мелодии, написанной неким чудаком по имени Вейлл, раскладывая ее на шесть голосов. Для существа, имевшего девять легких, это не представляло большой сложности.

Техник Блевенс взвизгнул, притворившись, будто ожегся о горячий котел, и опрокинул его на пол кухни, где готовилась еда для заключенных.

Громкое «клень-нь-нь» разнеслось по всему двору. Команда была дана.

— Да поможет нам Великий, — сказал Кристата. — Пора выходить.

Маркиевикз немедленно бросила свою импровизированную лопату и начала пятиться назад. Как и любой другой здравомыслящий туннельщик, которого могли хватиться и подвергнуть обыску в любую минуту, она работала нагишом. Кристата взял ее за ноги и подтолкнул, помогая пролезть в ближайший боковой проход. Он с интересом посмотрел на тело Маркиевикз. Ему не давал покоя вопрос: почему некоторые религиозные люди стыдились своей обнаженной плоти?

И вдруг Кристату осенило. Конечно! Они понимали, что их тела должны быть покрыты шерстью, а не бледной кожей. Люди стеснялись того, что не такие, какими им положено быть. Посчитав эту мысль достойной своей следующей медитации, во время которой он будет общаться с Великим, Кристата решил поблагодарить Его за еще одно просвещение и поспешил к выходу из шахты вслед за Маркиевикз.

Маркиевикз натянула на себя спецовку. Отодвинув пару каменных плит, которыми был вымощен внутренний двор, они быстро вылезли из туннеля и закрыли вход теми же плитами. Двое солдат выгрузили на это место ужасно вонючую корзину с лишайниками и принялись чистить их для ужина.

Соренсен устанавливал восемнадцатую стеклянную пластинку, следуя инструкциям жестикулирующего Краулшавна, когда из-за двери донеслось громыхание чьих-то ботинок. Пластинка выскользнула из рук Соренсена и упала на стоявший перед ним стол в то время, как Краулшавн оживленно указывал на ключи.

Таанцы! Приближаются! Черт бы их побрал!

Краулшавн дернул за висевшую рядом веревку, и на стол опустилась холщовая ткань, прикрывая лежавшие на нем предметы, окутывая все вокруг облаками пыли.

Выскользнув из мастерской в коридор, друзья прикрыли за собой дверь. Соренсен ругнулся. Часовой-заключенный запер дверь на замок и при помощи маленьких мехов обсыпал дверь пылью. На случай, если таанцы решат проверить коридор тепловыми детекторами, он предпринял последнюю меру предосторожности: опустил вниз натянутый электрический провод таким образом, чтобы он провисал над дверью. Поскольку из подобных проводов иногда вылетали искры, на двери заранее искусно нарисовали темные пятна, какие обычно остаются на дереве после возгорания.

Часовой понятия не имел, какого хрена эти двое делали в мастерской. Но, как сказал ему мистер Килгур: «Это не твоего ума дело». Часовой направился во двор.

А в мастерской шла медленная кропотливая работа над созданием столь необходимого Стэну компьютера.

Мечтатель часто задумывается над тем, что бы произошло, если бы он вдруг оказался в далеком прошлом и соорудил какой-нибудь немудреный прибор, благодаря которому его стали бы обожествлять или даже сделали королем. Проблема, никогда не учитывавшаяся подобными мечтателями, состояла в том, что технология производства любого прибора требует прохождения шести этапов, на каждом из которых создаются необходимые для сборки инструменты и детали.

Конструирование компьютера Стэна нужно было начинать с чипа — серии чипов. Между тем, глядя на то, чем занимались Соренсен и Краулшавн, никто никогда бы не догадался, что они работают над созданием компьютерного чипа.

Их чипы представляли собой кубы, стороны каждого из которых равнялись одной трети метра. Чтобы упростить задачу, друзья решили использовать в качестве основной детали двадцатичетырехслойный чип. Каждый слой представлял собой стеклянную пластинку. Поверхность каждой пластинки была покрыта круговыми царапинами и обработана специальной кислотой. Для резисторов, диодов и всего остального, что должно было на них находиться, оставляли свободные места. Составные компоненты были либо сделаны вручную, либо украдены членами рабочих бригад. Круговые нитевидные углубления пластин были залиты расплавленным в кислоте серебром. Соединительные штырьки чипов мастерили вручную из золота. Каждый чип состоял из двадцати четырех таких пластинок.

У них уже было двенадцать готовых чипов. До окончательного выполнения задания оставалось пройти еще две трети намеченного пути.

Соренсен и Краулшавн недоумевали, где Алекс намеревался собрать компьютер воедино. Поскольку сам он ничего им об этом не говорил, друзья благоразумно решили не допытываться. Их также интересовало, какое помещение планировал использовать Алекс для хранения оборудования. Все эти вопросы не давали Соренсену и Краулшавну покоя, но они надеялись, что в нужное время получат на них ответы.

Майор службы безопасности Авренти проходил по коридорам крыла заключенных. Глядя на них, он хмурился, игнорируя приветствия и обязательные выкрики,

которыми имперские заключенные одергивали друг друга, призывая к вниманию при его появлении в каждой комнате.

Авренти казался себе похожим на психического спрута, который во всем видит подвох и каждой клеткой своего существа жаждет атаки.

Враждебно ли они настроены? Может, прячут самодовольные усмешки, вспоминая какую-то тайную шутку — эти выродки, у которых только побег на уме? Или они недовольны причиненным им беспокойством?

Авренти продолжал свой маршрут.

Килгур заметил таанца, идущего по коридору, и отступил назад, исчезая из поля его зрения.

— Что он делает? — шепотом спросил один из членов его когорты.

— Не знаю, — ответил Алекс. — Разве тебе не известно, что психу-таанцу в любую минуту может стукнуть в голову что угодно?

— Надеюсь, сейчас это не произойдет.

— От нас ничего не зависит, — рассудил Килгур.

Авренти закончил обход и ступил на территорию штабквартиры заключенных, которой являлся внутренний двор зоны. Увидев посреди двора бывшего имперского солдата среднего роста и телосложения, разрисовывавшего каменные плиты, Авренти остановился, чтобы понаблюдать за ним со стороны. Краска, которую использовал заключенный, была сделана из штукатурки, разведенной водой; кистью служила рваная тряпка. Художество, выводимое заключенным, отдаленно напоминало звезду.

Авренти подошел к нему. Порывшись в памяти, майор вспомнил, что имперским заключенным был некто Кэлгард или Килгур — невзрачный, ничего из себя не представляющий человечишка.

— Что это ты делаешь?

От неожиданности заключенный выронил кисть и ведро с белой краской. Авренти помрачнел — несколько капель попало на его китель.

— П-прошу прощения, — запинаясь от волнения, с жутким акцентом выговорил Килгур. — Вы так незаметно подкрались.

Авренти почти ничего не понял из сказанного заключенным, но принял его слова за извинения.

— Чем ты занимаешься?

— Изгоняю Кэмпбеллов.

— Кэмпбеллов?

— Да.

— А могу ли я поинтересоваться, кто они такие?

— Это таинственные и ужасные шестиногие твари, живущие на предателях и в супе.

— Чушь! — фыркнул Авренти. — Никогда в жизни не слышал ничего подобного.

Майор повнимательнее присмотрелся к имперскому заключенному. На лице Килгура не было и тени улыбки.

— Все ясно. Можешь продолжать дальше.

— Слушаюсь, сэр.

Килгур снова принялся рисовать свою звезду, а майор Авренти направился к выходу. Проходя через три пары ворот, он задумался, стоит ли докладывать коменданту Держину о том, что некоторые имперские заключенные нуждаются в заботе психиатра.

Алекс закончил свою работу, обошел вокруг картинки три раза и направился в камеру. «Очень хорошо, — подумал он.— этот Авренти не дурак. Он самый наблюдательный из всех. Приставлю-ка я к нему двоих своих людей, чтобы впредь заранее знать о его приходе, еще до того, как он приближается к воротам».

ГЛАВА 18

Танз Сулламора пребывал в размышлении. Соблюдая секретность, он сидел в передней апартаментов Императора, смиренно и терпеливо дожидаясь вызова. Прямая спина, скрещенные ноги, задумчивое лицо со сдвинутыми к переносице бровями — всем своим обликом Сулламора являл готовый портрет великого промышленного магната, влиятельного и могущественного человека, с мнением которого обязаны считаться.

Вечный Император вошел в комнату, даже не взглянув на Сулламору, приблизился к небольшому выдвижному бару и достал из него бутылку с двумя бокалами.

— Танз, дружище, — сказал Император, — тебе нужно выпить.

Сулламора был поражен. Он почувствовал, как руки и ноги перестали его слушаться. От величавой позы, старательно выбранной им заранее, не осталось и следа. Сулламора дал себе клятву, что сам установит тон разговора. У него были свои определенные соображения по поводу того, что движет настроением Императора и что обусловливает его поведение. К сожалению, Император об этом даже не догадывался и повел себя так, как счел нужным.

— Э-э... нет. То есть я хотел сказать — спасибо. Немного рановато.

— Поверь мне, Танз. Если я говорю, что тебе нужно выпить, значит, так оно и есть.

Сулламора безмолвно взял в руку бокал.

— Возникли какие-нибудь э-э... трудности?

— Не то чтобы трудности. «Катастрофа» — было бы самым подходящим словом. Все корабельное производство провалилось в тартарары.

Сулламора выпрямил спину еще больше. Именно он отвечал за кораблестроение во время войны.

— Но это не так. Я имею в виду, Ваше Величество, что э-э...

— Ерунда. Говорю тебе, корабельной промышленности грозит полное уничтожение. И в этом нет ничего удивительного. Среди рабочих шести заводов Каиренса растет недовольство. Они устраивают массовые забастовки, стачки. Идет снижение темпов роста. Уверяю тебя, они подвергают опасности наши успешные военные действия. Этому нужно положить конец.

Последние слова Императора привели Сулламору в полное замешательство. Заводы, находящиеся в Каиренсе, всегда славились своей эффективностью. Сулламора хотел было возразить, но Император взмахом руки остановил его.

— Я не виню тебя, Танз. Бог мой, глупо было бы ожидать, чтобы один человек — даже такой деятельный, как ты, — смог удержать развитие всего производства на одном уровне. И я собирался сказать об этом на завтрашней конференции, посвященной последним новостям.

— Конференция? Какая такая конференция? Меня не проинформировали... То есть...

Сулламора сбился и залпом осушил свой бокал. От его самоуверенности не осталось и следа. Возможно, Император был прав. Но как Сулламора мог упустить из виду Каиренс? Недовольство рабочих, потерю прибыли, снижение темпов производства... Такое капиталисту не снилось и в самом жутком ночном кошмаре.

Император, внимательно наблюдавший за Сулламорой, снова наполнил его бокал. В области военной промышленности, которую властитель держал под особым контролем, не было таких мелочей, которых бы он не знал. «Ты выведешь их из равновесия, — сказал однажды Император Махони. — Для них слова «перерасход» и «рай» — синонимы».

Наконец Императору стало жаль магната — чуть-чуть. Он рассмеялся.

Абсолютно сбитый с толку и раздавленный, Сулламора посмотрел на Императора удивленно-испуганным взглядом.

— До тебя не дошло, Танз? Это всего лишь одна из моих маленьких уловок.

— Вы хотите сказать, что это шутка? — пролепетал Сулламора.

— Нет, не шутка. Я еще никогда не был так серьезен. Послушай. Я пущу эту утку на конференции. Ты объявишь, что я созвал ее для расследования, которое будет проводиться Имперской комиссией по труду.

— Какой комиссией по труду?

— Иногда ты кажешься мне таким глупым!.. Не существует такой комиссии в природе. А я говорю, что она есть. Так же, как недовольство рабочих и снижение уровня производства в кораблестроении. К тому времени, как таанцы обнаружат, что я лгу, ты сможешь выпустить как минимум двенадцать кораблей, о которых враг ничего не будет знать.

Сулламора поднял брови.

— А-а-а, теперь понял.

По всей видимости, это дело имеет какое-то отношение к строительству, о котором ходили слухи. Где оно велось, никто не знал. Впрочем, теперь, когда Сулламора задумался над этим, ему в голову пришла мысль, что распускание слухов могло быть частью некоролевского и очень скользкого плана Императора.

— Ожидается какое-то событие, не так ли, сэр?

— Событие грандиозных масштабов.

— Можете ли вы хотя бы в общих чертах обрисовать мне его?

— Не обижайся, Танз, вынужден ответить отказом. Я не имею права разыгрывать эти карты в открытую. Если к таанцам просочится хоть крупица информации, мы с головой уйдем в дерьмо.

Наконец-то Сулламора услышал слова, доступные его пониманию. Он набил руку в закулисных играх с маститыми акулами бизнеса, хотя все они, как правило, заканчивались не более чем небольшим кровопролитием.

— Это все, что я могу тебе сказать, — продолжал Император. — Если задумка сработает, война закончится через четыре года. Максимум через пять лет. Если я их шлепну — шлепну как следует, таанцы уже никогда не очухаются. Они, конечно, могут продолжать сражаться какое-то время. Но все их потуги закончатся безоговорочной капитуляцией. Условия буду ставить я.

Даже бесчувственное сердце Сулламоры екнуло при мысли об этом. Не хотел бы он присутствовать при

составлении заключительной части контракта, диктуемого Императором.

— Разумеется, я ожидаю немедленного извлечения выгоды. Например, всем моим нерешительным союзникам и тем, кто занимает выжидательную позицию, будет послан соответствующий сигнал. — Через минуту властитель почти шепотом добавил: — Именно нейтралы раздражают меня больше всего.

У Сулламоры пересохло в горле. Он чувствовал, что должен что-то сказать, но вдруг испугался. Момент был упущен. Император убрал со стола бокал Сулламоры и бутылку. Танз мог быть свободен.

— Подготовишь на завтра пятиминутную речь. Эта ночь может стать решающей для нас с тобой. Скажешь то, о чем я тебе говорил, своими словами.

Сулламора встал. Он уже собрался было попрощаться, но вдруг остановился. Император забавлялся, наблюдая, как самодовольный промышленник оробел и стушевался до того, что не мог вымолвить ни слова, и решил не помогать ему, продолжая хранить молчание.

— Я, э-э... гм-м. Ваше Величество, я хотел спросить, — прорвало наконец Сулламору.

— Слушаю тебя? — Голос Императора звучал ровно; он все еще не шел Танзу навстречу.

— После войны, гм-м... Что вы намерены делать?

— Хорошенько напиться, — ответил Император. — Это здорово помогает перед подсчетом убитых.

— Простите, сэр, я не это имел в виду... э-э, сэр. Видите ли, я беседовал с другими членами Тайного Совета и... Я хотел сказать, что... Что вы собираетесь делать с нами?

Император создал Тайный Совет сразу после начала войны. В его состав входили Сулламора и еще несколько нужных властителю людей. Теоретически они должны были помогать ему советами. На самом деле у Вечного Императора никогда не было намерения прислушиваться к их мнению; просто таким образом он заставлял членов Совета поверить в свою значимость и не садиться ему на голову. Так же в свое время он поступил и с имперским Парламентом. Вечный Император глубоко верил в принципы демократии: она была одной из неотъемлемых частей абсолютной монархии.

Император сделал вид, что задумался над вопросом Сулламоры.

— Даже не знаю. Думаю, надо распустить Совет. А почему ты задал этот вопрос?

— Ну, мы считаем, раз уж мы были полезны вам во время войны, то могли бы пригодиться и в мирное

время. Существует несколько концернов, которые Вашему Величеству невозможно будет контролировать при такой занятости.

«Еще бы, это для тебя лакомые кусочки, — подумал Император. — Бьюсь об заклад, ты спишь и видишь, как бы их отхватить». Император вовсе не нуждался в поддержке членов Совета. Но зачем говорить об этом Сулламоре? Он также оставил без комментариев фразу, из которой становилось ясно, что члены Тайного Совета уже обсуждали между собой ситуацию. Возможно, пора начинать пристальнее следить за ними.

Вечный Император улыбнулся своей самой очаровательной улыбкой.

— Хорошая мысль, Танз, — сказал он. — Обещаю тебе как следует ее обмозговать.

Улыбка не сходила с уст Императора, пока Сулламора не вышел. Как только дверь закрылась, выражение лица властителя резко изменилось.

ГЛАВА 19

Таанцы неосмотрительно предоставили заключенным Колдиеза идеальное укромное место для хранения деталей компьютера. Им оказался оздоровительный центр.

Когда таанцы поняли, что от соблюдения норм гигиены во многом зависит работоспособность заключенных, перед ними встала проблема санитарной обработки. Тринадцать келий с помощью обыкновенных молотов и ломов превратили в одно огромное помещение. Одна часть этого помещения была отведена под туалетную комнату. В другой размещалось полдюжины гигантских старинных промышленных стиральных машин. В третьей части находилась душевая, а в четвертой — около ста умывальных раковин, над каждой из которых висели большие зеркала.

Алекс заменил тридцать шесть из них компьютерными чипами, имеющими зеркальную поверхность. Они свисали с петель, изобретенных Эрнандесом. Идея насчет петель пришла прапорщику в голову после того, как он вспомнил картинку из учебника «Древней инженерии», курс которой проходил в студенческие годы. Петли соединялись друг с другом криогенной проволокой, украденной Сент-Клер из мотора оставленных без присмотра грависаней.

Следующая проблема заключалась в программировании компьютера. Несмотря на солидные размеры,

его «мозг» был несложным. В памяти компьютера не умещалось много данных — во всяком случае, умещалось намного меньше, чем было собрано исследователями, мусорщиками и шпионами Стэна.

Решение этой проблемы зависело от двух разных, но одинаково гибких умов: Соренсена и Краулшавна. Могучий деревенский парень сумел вложить в компьютер до восьмидесяти процентов имеющейся информации. И все же этого оказалось недостаточно.

Тогда Краулшавн сделал невозможное. Он создал язык символов, в котором простая закорючка имела сотню значений. Письменный язык древнего Китая был лишь слабым отблеском знаний, которыми обладал Краулшавн.

Следующая сложная проблема заключалась в общении с электронным «идиотом». Как можно посылать и получать сигналы, находясь в столь неблагоприятных условиях? Как ни странно, ответ на этот вопрос был довольно простым. «Почему бы не сконструировать коротковолновый передатчик?» — предложил Стэн. Алекс с минуту смотрел на него недоуменным взглядом, а затем отдал распоряжение своей маленькой команде приступить к работе. Они быстро разложили язык символов Краулшавна на точки и тире. Для работы над радиопередатчиком использовали простой ключ — подвижное устройство, манипулируемое рукой. Для получения звуковых ответов компьютера применили крошечные микрофон и динамик.

Банки памяти создавали самую большую проблему. Никто не мог сделать мало-мальски дельного предложения насчет хранения данных. Алекс соврал Краулшавну и Соренсену, сказав, что у него есть идея на этот счет, чтобы поторопить друзей с завершением работы над компьютером. Поскольку день окончательной сборки приближался со стремительной скоростью, Алекс мрачнел на глазах.

Ответ подсказал ему Ибн Бакр, сам того не ведая. Громиле-портному понадобилось «состарить» робы заключенных, чтобы перешить их в костюмы таанских крестьян. Он развел химическое вещество средней едкости в воде, доведенной почти до кипения, залил состав в одну из огромных стиральных машин и несколько раз подверг одежду соответствующей обработке. Алекс стоял перед машиной, поддавшись гипнотическому воздействию двух мешалок, движущихся взад-вперед. Когда он понял, что ответ готов, челюсть его стала медленно отвисать.

Если разобрать зубчатый привод... перемотать проволоку с одной катушки на другую... изменить полярность... Вуаля!

Спустя несколько тысяч лет Килгур вновь изобрел телеграфный аппарат.

Наконец-то великий момент настал. Стэн и Алекс склонились над Соренсеном и Краулшавном, готовившимися к включению компьютера. Соренсен подал Краулшавну знак, предлагая начинать. Существо замотало головой. Нет. Пальцы Краулшавна замельтешили в воздухе.

— Что случилось? — спросил Стэн.

— Он говорит, нужно имя, — рассмеялся Соренсен. — В противном случае машина не будет знать, с кем разговаривает.

Стэн начал терять терпение, но Краулшавн настаивал на своем.

— Как насчет имени Брейнерд? — предложил Стэн. — Разве не благодаря ему все мы познали мир компьютеров?

Соренсен перевел Краулшавну смысл его слов. Проблема отпала. Брейнерд — прекрасное имя.

Пернатый умник набрал код. Стали поступать ритмичные сигналы, чередующиеся с определенными интервалами. Стэн представил себе, как символы, состоящие из точек-тире, текут по проводу, и невольно склонился над крошечным динамиком в ожидании услышать звуковой сигнал — ответ компьютера.

Тишина. Пальцы Краулшавна вновь суетливо забегали. Снова вспышки.

— Ну, давай, маленький паршивец, — прошептал Стэн, обращаясь к компьютеру. — Просыпайся, черт побери... Давай... Давай... Заговори с нами.

Послышалось трескучее заикание машины. И снова тишина.

— Черт! Что с ним такое происходит?

— Спокойствие, друг мой Горри, — сказал Килгур. — Может быть, электронная бестия боится просыпаться?

Израсходовав столько времени и сил, Стэн уже не видел ничего смешного в сложившейся ситуации. Им владело только одно желание — хорошенько заехать ногой в капризную машину. Большие тяжелые кожаные ботинки, в которые были обуты ноги Стэна, занимали сейчас все его мысли.

В течение долгих минут разговор велся лишь на одну тему. Наконец Краулшавн откинулся на спинку стула и перебросился с Соренсеном парой фраз на языке жестов.

— О чем он? — спросил Стэн.

— Машине не нравится это имя, — сказал Соренсен. — Он говорит, нужно попробовать другое.

— Мне, черт возьми, безразлично, как мы назовем этого уродца! — выпалил Стэн.

Большая «стирально-телеграфная» машина исторгла звук, похожий на непонятное слово «гааронк».

— Делайте что хотите. Назовите ее «Гааронк-Гааронк», будь она проклята.

Соренсен отнесся к словам Стэна с абсолютной серьезностью. Утвердительно кивнув головой, он перевел их Краулшавну. Пернатый согласился.

— Ну, что решили? — спросил наконец Стэн.

— Краулшавн думает, что Гааронк будет подходящим именем, — ответил Соренсен.

Прежде чем Стэн успел кого-нибудь убить, сигналы стали поступать снова. Почти сразу же послышались ответные щелчки. Поначалу робкие, затем — сплошной трескучий поток. Краулшавн приставил ухо к динамику-микрофону, затем обратился к Соренсену на своем языке. Здоровенный фермерский детина повернул к Стэну удивленное лицо.

— Компьютер проснулся, — сказал он. — Ему понравилось имя Гааронк.

ГЛАВА 20

Кристата передал Большому Иксу через одного из членов комитета, что хочет встретиться с ним после отбоя — то есть после того, как все заключенные будут заперты по камерам.

Стэн натянул на себя потрепанную темную спецовку и открыл дверь. Механизм замка был уже настолько расшатан, что дверь, по всей вероятности, могла бы открыться и от крепкого удара по косяку. Стэн пробежал по коридорам и спустился по лестнице на первый этаж, не опасаясь встретить охранников, — таанцы, патрулировавшие по ночам крылья Колдиеза, собирались в большие группы и вели себя шумно.

Стэн открыл замок двери, ведущей во двор, и остановился, следуя инструкциям.

Посланник Кристаты велел ему подождать, пока широкий поисковый луч прожектора — тот, который имеет голубоватый оттенок, — не обшарит двор. «Сосчитай до шести, потому что за первым последует второй луч. Затем иди — не беги, а пройди двадцать шесть шагов под углом четырнадцать градусов, принимая во внимание то, что поисковый луч в этот момент будет находиться на двенадцатом шагу».

Стэн отсчитал нужное количество шагов и остановился у полуразрушенной колонны, чувствуя себя полным идиотом, опасаясь, что луч прожектора выхватит его

из темноты при следующем прочесывании двора. Но вместо этого каменные плиты, находящиеся прямо у его ног, раздвинулись, и из образовавшегося отверстия высунулись шевелящиеся усики Кристаты.

— Если хочешь, можешь прыгать ко мне.

Стэн хотел — и прыгнул. Он очутился в узкой яме рядом с мохнатым существом. Каменные плиты — Стэн сообразил, что они были умело сработанным люком — бесшумно сомкнулись над его головой. Через мгновение в подземном ходе мелькнула вспышка, а затем загорелся свет. Осветительный прибор, который держал в руках Кристата, представлял собой плошку, сильно напоминавшую стандартный тюремный котелок для пайков, только с выгнутым дном, с какой-то жидкостью.

Кристата пояснил, что лампа сделана именно из того материала, о котором подумал Стэн. Его компаньоны уваривали содержимое дополнительных пайков до тех пор, пока не выделялся жир, используя его в качестве топлива, а из самих пакетов делали фитили.

— Но я позвал тебя не за тем, чтобы демонстрировать наши светильники. Иди за мной.

Не дожидаясь ответа, Кристата исчез, провалившись в узкую яму, которую Стэн не сразу заметил.

Большой Икс последовал за ним. Яма оказалась глубиной около двух метров и, насколько заметил Стэн, вела в тоннель, надежно укрепленный со всех сторон. Ползти по нему было довольно боязно — словно пробираешься по узкому, хотя и прекрасно сконструированному коридору, постепенно спускающемуся вниз.

Стэн подсчитал, что приблизительно через каждые двадцать пять метров от главного прохода шли ответвления — небольшие, но столь же аккуратно вырытые и укрепленные тупики. На строительство подобного подземного хода у людей ушло бы не менее пяти лет.

В туннеле не было никого, кроме вертлявого косматого сморчка Кристаты и Большого Икса. Вдруг Лей Ридер вильнул задницей прямо у Стэна перед носом и исчез.

Стэн пополз дальше и очутился у входа в довольно просторное помещение с каменными стенами и потолком. В центре его находились Кристата и еще три человека. Стэн не сразу узнал в них товарищей по заключению. Переступив через порог, он уселся на гранитный валун.

Кругом стояла полная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием фитиля самодельной лампы.

— Ну, сэр? Что вы обо всем этом думаете?

Вопрос был задан женщиной, одетой в лохмотья — остатки униформы старшего бомбардира. Стэн вспомнил ее имя— Маркиевикз. Он честно ответил:

— На моем счету несколько туннелей. Но этот — самый лучший из всех, что мне довелось видеть. Отличная работа.

— Нам помогал дух Великого, — вдохновенно сказал Кристата. — Это все благодаря ему.

— Да пребудет с нами дух Великого, — произнесли в унисон трое остальных туннельщиков.

«Что за черт, — подумал Стэн. — Значит, Кристата обратил их в свою веру. Если его религия подвигла людей на строительство такого туннеля, готов стать ее приверженцем».

— Поразительно! Но, как я уже говорил раньше, можете рассчитывать на любую помощь с нашей стороны. Почему вы решили показать мне свой туннель?

Лицевые усики Кристаты зашевелились.

— Потому что перед нами встала проблема, — сказал он.

Три стены помещения состояли из грубо сцементированных каменных глыб, по всей вероятности, являвшихся частью фундамента собора. И тут вдруг Стэн обратил внимание на огромный валун очень твердой породы, подпиравший четвертую стену, и понял, зачем Кристата привел его сюда. Им двигало не чувство гордости за проделанную работу, а желание обратиться за помощью.

Если бы Стэн не был Большим Иксом, он мог быть более уступчивым и сострадательным. Но ему надлежало думать и о тысяче остальных заключенных. Поэтому он напустил на себя невозмутимость.

— Кажется, понял. Вы не знаете, как пройти через эту чертову — миль пардон — каменюку?

— Совершенно верно, — ответила Маркиевикз.

— Я, конечно, мог бы подбросить вам помощников, но на прорубание хода в этой глыбине все равно уйдет не менее тысячи лет. Взрыв же только погубит все дело.

Люди помрачнели и сникли.

— И все-таки, думаю, мы могли бы вам помочь, — сказал Стэн.

Усики Кристаты снова зашевелились.

— В жизни бывают разные непредвиденные обстоятельства, вынуждающие нас — прости меня, о Великий, — идти на компромиссы, — осторожно заметил Лей Ридер Кристата.

— Ты прав, — согласился Стэн.

— Мы слушаем.

«Мы? — удивился Стэн. — В глубоком подземелье? Под этим словом Кристата подразумевает себя и

4 Заказ 3801

своих новообращенных или всех и Великого?» Стэн подумал о тоннах скальной породы, земли и камней, нависавших над его головой, и решил, что в таком месте не стоит быть ярым атеистом.

Он не предлагал вертел без кабана. Компьютер Краулшавна и Соренсена уже начал «гааронкать» цифрами и данными, собранными исследователями. И, как выяснилось в ходе вычислительных операций, Колдиез со всеми его неучтенными пустотами был далеко не таким, каким казался на первый взгляд.

Наибольший интерес вызывали обнаруженные исследователями незамысловатые экозонды. Некоторые из сверхчувствительных антитуннельных микрофонов Авренти каким-то образом попали в руки килгуровских воров. Они были установлены во дворе заключенных и настроены на определенную частоту. Когда от самой верхушки одной из зубчатых башен собора откалывалась крупная каменная глыба — естественно, в результате природных явлений, — ее падение регистрировалось приборами с разных точек, и полученные данные обрабатывались Гааронком.

Обвалы, происходившие в разных местах, свидетельствовали о том, что под Колдиезом находилось много таинственных пустот. Этими пустотами были подвалы. Сведения, собранные о них, являлись для Стэна козырем, спрятанным в рукаве.

— У меня есть одно условие, — начал он. — Если я смогу указать вам обходной путь или найду способ пробиться сквозь валун, ваш туннель перестанет быть недоступным для других.

Трое человек нахмурились.

— Продолжай — сказал Кристата.

— Я бы хотел использовать этот туннель, чтобы провести через него других беглецов.

— Сколько именно?

— Не знаю. Но ваша четверка пойдет первой. К тому же наша организация будет оказывать вам всяческое содействие. Можете рассчитывать на нашу помощь.

— Помощь, в которой мы нуждаемся, поступает от Великого, — сказал Кристата. Его приверженцы закивали головами в знак согласия.

Стэн чувствовал себя немного виноватым за то, что так поступал, но другого выхода у него не было — до сих пор членам его организации еще не удалось разработать ни одного стоящего плана побега. Стэн опять вспомнил пожилого младшего офицера, плакавшего над подачкой из посылки.

— Мы дадим вам еще копателей — людей, которые будут работать под вашим руководством. Без вашего ведома и согласия ничего предприниматься не будет.

— У нас есть выбор?

Стэн промолчал. Маркиевикз посмотрела на Кристату и решила ответить за всех четырех туннельщиков. Кажется, сам Великий желает этого. Туннельщики не произнесли ни слова. Стэн чувствовал себя ужасно неловко, когда объяснил им, что нужно делать дальше, потому что ответ казался ему очевидным и очень простым.

Он посоветовал Кристате и его единомышленникам делать подкоп.

Кристата почему-то рассудил, что устами Стэна глаголет сам Великий, и, не сомневаясь в правильности принятого решения, они приступили к делу.

Много дней спустя туннельщики прорылись в подвалы Колдиеза. В связи с этим перед Кристатой встала еще одна проблема.

Поздно ночью Стэн снова вышел из камеры, спустился в туннель и, освещая себе путь импровизированным светильником, пробрался через каменное помещение в подвалы Колдиеза. Полы подвалов были вымощены каменными плитами, потолки укреплены высокими и мощными колоннами. Эти подвалы, как выразился Кристата, таили в себе все искушения Ксанаду.

Стэн бегло осмотрел подземелье при тусклом свете лампы, присвистнул и согласился с мнением Лея Ридера. Очевидно, подвалы, заложенные дальновидными монотеистами-аграриями, каковыми являлись первые коммунары, начинавшие строительство Колдиеза, предназначались для черных дней. И, судя по всему, проводить эти самые черные дни в аскетичной медитации они не собирались. В подземелье находились погреба, заставленные огромными бочками. Стэн продырявил некоторые из них, и из отверстий потекла жидкость, на вкус оказавшаяся алкоголем.

В других помещениях хранились запасы продовольствия и целые склады одежды.

— Учтите, что мы еще не полностью обследовали подземелье, — мрачно заметил Кристата. — Но даже из увиденного нами можно сделать вывод: те, кто загрузил всю эту продукцию, наслаждались жизнью.

Стэн посмотрел на ящики с едой голодными глазами, но тут же взял себя в руки и перестал думать о том, какое воздействие на его организм может оказать потребление качественных продуктов. В его голове родился план.

Кристата — лично — проведет полное обследование подвалов. Обо всем, что в них будет обнаружено, он доложит лишь полковнику Вируэге и мистеру Эрнандесу. Не хватало только, чтобы туннель, на который возлагалась единственная надежда, был обнаружен таанцами из-за того, что несколько заключенных вдруг разжиреют, станут хорошо одеваться и хуже того — будут расхаживать по зоне в пьяном виде.

Туннельщиков, получивших задание от Большого Икса, придется проводить через подвалы и погреба к рабочему месту с завязанными глазами. Только Кристата и его ближайшие приспешники будут знать о существовании сокровищ, таящихся в подземельях собора. Им надлежит сохранять в строжайшем секрете сведения о запасах продовольствия и помогать беглецам постепенно входить в форму.

Стэн очень надеялся, что ни один из новообращенных Кристаты, по-настоящему уверовавших в Великого, не совершит греха против своей религии, то есть не проболтается.

ГЛАВА 21

Старший капитан Ло Прек сидел на краю койки и очень нервничал, пытаясь дешифровать радиоболтовню капитана грузового судна и диспетчера. Мудреный жаргон флота был выше его понимания. Однако, вслушиваясь в интонации голоса капитана, Ло Прек пришел к выводу, что на корабле не все благополучно.

С тех пор, как он приобрел билет на фрахтовщик, перевозящий второстепенные строительные материалы для таанских заводов, прошло много циклов. За это время корабль уже раз пять менял курс. Подслушав скулеж капитана, Ло Прек понял, что нечто подобное должно произойти и сейчас.

Он дернулся от нетерпения и больно ударился костлявым бедром о металлический угол койки, остро почувствовав свою беспомощность. Ускорить продвижение судна было не в его власти. Ло Прек уже обращался к нескольким своим покровителям, бывшим должникам, с просьбой о продлении ему кратковременного отпуска. И чуть ли не слезно вымолил разрешение о путешествии на тщедушном фрахтовщике. Разрешение ему было даровано очень неохотно — незаслуженно неохотно.

Ло Прек отлично знал, что не принадлежит к числу всеобщих любимцев. Он был высококвалифицированным, суперисполнительным, преданным работе служащим.

Никогда не требовал наград за отлично проделанную работу и, не будучи карьеристом, ни разу в жизни никому не причинил вреда. И все же было в нем что-то... отталкивающие. В коллективе его не любили.

Старший капитан знал об этом и мирился с неприязнью, которую вызывал в коллегах, так же, как мирился с их проступками, хотя это вовсе не было в его характере. При обычных обстоятельствах одна лишь мысль о попустительстве провинившимся и последующем их шантаже в корыстных целях вызвала бы в Ло Преке чувство отвращения.

Но только не сейчас. Ради достижения цели Ло Прек не гнушался никакими средствами. На сей раз он был абсолютно уверен, что нашел Стэна — по крайней мере то место, где тот прятался.

Этим местом оказался новый лагерь для военнопленных, для нарушителей порядка и дисциплины, для неблагонадежных. Для тех, кто сумел выжить. Лагерь этот находился на планете Хиз в крепости под названием Колдиез.

Прек прислушался к радиоболтовне. Интонации голоса капитана грузового судна свидетельствовали о полной покорности.

Значит, будет еще одна задержка. Еще одна отсрочка врагу.

ГЛАВА 22

Заключенные рабочей бригады, окруженные таанскими охранниками, возвращались в Колдиез, громыхая тяжелыми казенными ботинками. Прямо перед ними протянулась булыжная мостовая, поднимавшаяся к тюрьме.

— Когда же, наконец? — спросил Стэн.

— Заткнись. Посмотришь, — прошептала Сент-Клер.

— Отделение... стой! — прокричал Четвинд. Группа заключенных остановилась. По другую сторону дороги возвышались заброшенные полуразрушенные здания. — Пятиминутный отдых. Скажите спасибо за мою доброту.

Стэн вытаращил глаза, наблюдая, как охранники, включая Четвинда, демонстративно повернулись спинами к заключенным, устремившимся к трущобам наподобие стаи мелких грызунов.

— Что за... — пробормотал Стэн.

— Перестань, — оборвала его Сент-Клер, чуть ли ни силой затаскивая в один из домов. — Разве я тебя не предупреждала о сюрпризе?

— Ну-ка, живо объясняй, что все это значит, капитан.

— Нечего мне приказывать. Ишь, раскомандовался. Послушай, ты умеешь обыскивать помещения?

— Умею, — ответил Стэн.

— Хорошо. В таком случае, поднимайся наверх. Искать будешь ты, говорить буду я.

Они поднялись наверх по ветхим ступеням, и Стэн последовал инструкциям Сент-Клер.

— А что я должен искать?

— Все, что можно использовать. И все, что таанцы могут продать. Приступим к делу, Большой Икс, вперед.

И работа закипела. Трущобные кварталы никогда еще не были так плотно заселены — дома примыкали к Колдиезу почти вплотную. И опустошительные набеги, совершаемые таанцами в военных целях, конечно же, начинались с бедных районов Хиза.

Сент-Клер старательно исполняла приказы — раз уж ей нужно было стать воровкой, она собиралась овладеть этой профессией в совершенстве. Тренироваться в похищении вещей и различных предметов ей, разумеется, приходилось на стороне. Несмотря на свою органическую неприязнь ко всему, что было связано с ручным трудом, Сент-Клер добровольно вызывалась на любую работу за пределами лагеря. Она не знала точно, что искать, но была уверена, что в домах есть чем поживиться.

Сент-Клер собиралась подкупать охранников. Ей было доподлинно известно, что любое существо, готовое позариться на чужой скарб, было продажным. Она проверила свою теорию — и остроту зубов, — когда нашла в каком-то мусоре булавку от туники, украшенную драгоценными камнями.

Сент-Клер предложила ее первому попавшемуся и, судя по его комплекции, самому жадному охраннику. Он тут же схватил булавку своей лапищей и стал с любопытством рассматривать.

— А еще есть? — спросил он.

— Думаю, да, — доверчиво сказала Сент-Клер, обводя рукой многоэтажное здание. — Было бы интересно все тут осмотреть, правда?

Охранник осклабился:

— Почему бы тебе не заняться этим вместе с остальными?

Меньше чем через минуту Сент-Клер и другие члены рабочей бригады уже направились к ближайшему дому.

Через два дня Сент-Клер почувствовала, что больше похожа на подкупленную, чем на подкупающую. Грабительские налеты быстро стали ритуальными для

большинства бригад, возвращавшихся в Колдиез после рабочей смены.

Сент-Клер закончила свой рассказ и посмотрела на Стэна удивленными глазами. Он внимательно слушал ее, обшаривая помещение. В поисках тайников он поднимал и крошил на мелкие кусочки каждую деталь поломанной мебели. Лохмотья, бывшие некогда одеждой, Стэн аккуратно складывал, а затем просматривал, годятся ли они еще в носку. Вспоротые матрацы были распотрошены полностью, и каждый их комочек был прощупан. На полу валялись две картины в сломанных рамах. Обе они были разодраны на клочки. Затем Стэн принялся простукивать костяшками пальцев стены.

— Я сказала искать предметы, — напомнила Сент-Клер.

— Именно этим я занимаюсь.

— Слишком уж основательно, черт побери. Интересно, кем ты был на гражданке? Каким-нибудь домушником, ночным взломщиком?

— Нет, — ответил Стэн. Естественно, он не собирался никому рассказывать о своей прежней деятельности, особенно Сент-Клер. Умением делать обыск он был обязан всесторонней «богомоловской» подготовке.

— А вот это уже кое-что. Вуаля! — сказал Стэн.

Сент-Клер вытаращила глаза — ей показалось, будто он вытащил из руки металлический штырь и проткнул им стенной выключатель. Штырь исчез, а пальцы Стэна веером разложили стопку кредиток. Сент-Клер ахнула.

— Деньги! Таанские деньги!

— Угадала. А теперь проваливай отсюда, капитан.

— Что это ты...

— Выполняй приказ! Пошевеливайся!

Сент-Клер очутилась за сломанной дверью. Минутой позже вслед за ней вышел Стэн.

— Чудесно, капитан. Слушай меня внимательно и мотай себе на ус. Все, что охранники пожелают: игральные карты, спиртное, наркотики — отдай им.

— Отдать?

— Да, отдай. Но деньги остаются у меня.

— Симпатичный рэкет, — цинично заметила Сент-Клер.

Стэн выдержал паузу.

— Послушай, солдат, нельзя так плохо думать о людях. И вообще, соблюдай субординацию. Доложишь о находке полковнику Вирунге. Или ты ему тоже не доверяешь?

— Ему-то я доверяю, — нехотя ответила Сент-Клер.

— Отлично. Мне также нужна гражданская одежда. Любые электронные приборы. Провода. Изолен-

та. Если найдешь какое-нибудь оружие... — Стэн задумался. Заключенный, у которого при обыске найдут оружие, будет расстрелян на месте — впрочем, скорее всего, как и вся рабочая бригада. — Найденное оружие... перепрячь. Доложишь об этом мне, а уж мои люди позаботятся о том, чтобы пронести его в ворота.

— Отделение! Стройся!

— Пошли. — Стэн бегом спустился по лестнице. Сент-Клер последовала за Стэном, глядя ему в спину, обдумывая некоторые вопросы.

Четвинд ожидал на улице.

— Эй, ты!

Стэн насторожился.

— Сэр?

— Забыл, как твое имя?

— Горацио, сэр.

— Ты уверен, что не помнишь меня?

— Нет, сэр!

— До войны я работал в порту, — продолжал Четвинд. — Может, ты был моряком торгового флота?

— Нет, сэр! Я никогда не покидал своей планеты до призыва в армию, сэр.

Четвинд поскреб подбородок.

— Черт, неужели я обознался? Может, у тебя где-нибудь есть брат-близнец?.. Ну, нашли что-нибудь?

Сент-Клер почувствовала, как пальцы Стэна коснулись ее руки. Опытный азартный игрок, она быстро перехватила маленький плоский предмет, а затем вытянула руку вперед и разжала кулак.

— Кредитки! — воскликнул Четвинд. — Очень хорошо. Просто прекрасно! Возможно, когда я в следующий раз буду возглавлять рабочую бригаду, вы оба войдете в нее и... — Он тихо заржал. — Я могу дать вам длительный перерыв на отдых.

Сент-Клер с удовольствием подумала о том, как сможет отблагодарить Четвинда, улыбнулась и побежала к остальным заключенным. «Делать обыски — слишком легкое и очень выгодное дело. А не переспать ли мне со Стэном?» — подумала она.

Перспектива заняться любовью с нужным человеком показалась ей заманчивой.

ГЛАВА 23

Главный секрет посылок «Помощи заключенным» состоял в том, что их содержимое было далеко не безобидным и нейтральным.

Оперативников разведывательного управления корпуса «Меркурий», в состав которого, естественно, входили и члены отряда «Богомолов», а также адмиралы, командоры и шкиперы штурмовых отрядов или кораблей, оснащенных дальнобойными орудиями, посвящали в этот секрет устно перед выполнением опасных миссий, в ходе которых они могли быть захвачены в плен.

В каждой посылке находилось несколько предметов особого назначения, которые можно было распознать по определенным приметам.

Одна из главных примет — этикетки на упаковках с названиями фирм-производителей. Например: «Дедушка Кафф», «Дронмастер Р'лркс», «Микрогуру св. Тофу» и так далее. Все эти фирмы были вполне легальными, но не все продукты, выпускаемые их заводами, были съедобными. Об этом позаботились изобретательные химики Императора.

Внешне эти консервные банки ничем не отличались от остальных, но их содержимое могло очень пригодиться потенциальным беглецам. В боковых стенках одних коробок были спрятаны микрозубчатые пилы. В тайниках других находились инструменты, способные разрезать камень или металл. Каждый из этих инструментов был величиной не больше иголки. Некоторые упаковки имели двойное дно. Бывали случаи, когда несчастный заключенный по двое суток не мог отодрать это самое двойное дно — настолько крепко оно было приварено. Но такая мера предосторожности исключала обнаружение подвоха даже при самой тщательной проверке.

Консервные банки и коробки таили в себе еще много других интересных вещей, на которые не отреагировал бы ни один детектор.

Все металлические предметы — включая иголки и булавки, вложенные в швейные мешочки, — были намагничены и могли использоваться в компасах. На лицевой и изнаночной сторонах одежды, предназначенной для заключенных, несмывающейся черно-белой краской была выведена буква «Х». Тюремное начальство ничего против этого не имело — в робе, на которой яркой краской была нарисована большая буква «Х», далеко не убежишь. На самом деле «иксы» были почти несмывающимися. Каждая посылка содержала

в себе маленький одноразовый пакетик с псевдосахаром. Порошок нужно было развести в воде и замочить в полученном растворе одежду. Через четыре часа буква «Х» исчезала, и военнопленному доставалась просторная роба, которую умелый портной мог запросто перешить в довольно приличный гражданский костюм.

Никто, кроме кадровых офицеров военной разведки, не знал об этом. Естественно, исключение не составляли и сердобольные жители системы Манаби. Подобное вмешательство в миссию «Помощи заключенным» могло быть истолковано как нарушение всех конвенций по делам военнопленных.

И конечно же, эта программа была разработана лично Яном Махони в те дни, когда он возглавлял Имперскую разведку.

Даже прошедшие проверку легальные предметы, находившиеся в посылках «Помощи», были предназначены для нелегальных целей.

В таких упаковках с продовольствием очень нуждалось одно из звеньев Килгура, потому что его членам предстояло провести важную секретную операцию. Алексу взбрело в голову назвать ее «Искушение порочных, или Подкуп алчных», а исполнителей — «Маленькой свободной дивизией».

По такому случаю он произвел пристрастный отбор агентов — участников предстоящей операции. Ими оказались самые дружелюбные и общительные заключенные. Каждому было дано задание завязать контакт с одним или двумя охранниками. Остальные военнопленные отдали «искусителям» различные более или менее ценные предметы — у кого что было — для подкупа «алчных». Если охранник мечтал о кольце, он мог получить его; если о собеседнике, находил его в лице килгуровского ставленника — благодарного слушателя и умелого рассказчика.

Единственное вето накладывалось на сексуальные отношения. Но не потому, что Килгур имел какие-то моральные предрассудки. Опытный мастер шпионажа, Алекс прекрасно знал, что в постели человек переставал строго контролировать себя и мог случайно проболтаться. Над ним висела постоянная угроза превратиться из соблазнителя в соблазненного.

Было поставлено пять главных вопросов:

1. Можно ли подкупить данного охранника?
2. Можно ли этого охранника шантажировать?
3. Раздобыть все необходимые сведения о лагерной службе безопасности — как о штате ее сотрудников, так и о местоположении и радиусе действия сенсоров.

4. Узнать о Хизе все, вплоть до мельчайших подробностей. Во время путешествия по планете нужно будет иметь представление, в каких районах какую еду готовят — в домашних условиях и в ресторанах; на каком диалекте говорят и какую одежду носят местные жители. (Заключенные, которые не сочтут нужным ознакомиться с обычаями коренного населения, будут вычеркнуты из списка беглецов.)

5. Существуют ли способы выбраться с планеты? Если да, то какие и в чем заключаются связанные с ними сложности?

Конечно, были и другие вопросы.

В дверь камеры Стэна и Алекса кто-то громко постучал. Килгур улыбнулся и пробасил:

— Входите, не заперто. Не нужно поднимать столько шума, сэр. Мы дома.

Дверь открылась, и в камеру проскользнул мистер Н'клос. Стэн с Алексом встали и вытянулись по стойке смирно, как того требовали тюремные правила.

— Нет, нет, прошу вас, сядьте, — застенчиво сказал молодой человек. — Со мной вы можете вести себя совершенно свободно, не опасаясь подвоха.

— Мы просто хотели выразить вам свое уважение, сэр.

Килгур очень гордился своими успехами в работе. Однажды тяжеловес заметил, как внимательно Н'клос наблюдает за его действиями, когда он трудился в составе рабочей бригады. Алекс глубоко сомневался в том, что столь повышенный интерес к его персоне был вызван романтическими чувствами. И убедился в этом еще больше, заметив, какова была реакция охранника на то, что он в одиночку поднял и отшвырнул в сторону громадную железобетонную балку, которую троим заключенным никак не удавалось сдвинуть с места. Алекс также обратил внимание на то, что Н'клос был хил и тщедушен — даже для мужчины, пытавшегося окрепнуть на таанских надзирательских харчах. Он окончательно утвердился в правильности своих предположений после того, как услышал пару саркастических шуток, отпущенных охранниками в адрес Н'клоса.

Как-то раз Килгур намеренно отошел от рабочей бригады и, оказавшись рядом с Н'клосом, демонстративно поднял огромную тяжеленную балку и убрал ее с проезжей части дороги, которую расчищали заключенные. Делая вид, будто разговаривает сам с собой, Алекс бросил следующую фразу:

— Конечно, без маленькой уловки здесь не обошлось.

Охранник спросил, в чем она заключалась. В ответ Килгур продемонстрировал игру своих мускулов и

поделился секретом: когда взваливаешь на плечи тяжелую ношу, основной удар должен приходиться не на спину, а на ноги. Охранник никогда не слышал ничего подобного. Между ними завязалась беседа. Килгур великодушно обещал показать Н'клосу и некоторые другие приемы, заверив в том, что для таанца он обладает прекрасной фигурой, и стоит ему только немного поднакачать мускулы, как он и сам сможет выделывать такие номера.

У Н'клоса вошло в привычку захаживать в камеру Алекса во время своего дежурства. Молодому человеку очень нравился кофе с приторно-сладким темным сахаром. Килгур извел на него почти все посылочные запасы этих продуктов.

Прежде Стэну запрещалось находиться в камере во время визитов Н'клоса. «На то есть свои причины», — туманно объяснил Килгур. Сейчас Стэн понадобился Алексу в качестве прикрытия при выполнении одного важного дела.

— Я всегда рад встрече с вами, бравый молодой человек,— сказал Алекс, разжигая огонь в маленькой пузатой печке и ставя на нее побитый закопченный оловянный котелок, в котором они готовили себе еду. Н'клос сел на один из табуретов, сколоченных Алексом.

— Ну, так как же идут дела на фронте? — спросил Килгур.

— Нам снова урезали пайки, — мрачно сказал Н'клос.

— Какой позор! — брякнул Алекс. — Очень странно.

— Начальство можно понять. Тем, кто сражается на фронте, еще хуже.

— Откровенно говоря, думаю, это ошибочное суждение. Не сочтите за критику. Разве лорды не знают, что их народ тяжело работает в тылу, по-своему борясь за победу?

Н'клос вытянул шею и расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

«Клиент созрел», — подумал Стэн, также изнемогавший от жары и духоты. В камере, расположенной прямо под ними, трое человек вовсю топили печь пластиковой тарой.

— Сдохнуть можно от этой жары, — сочувственно сказал Килгур. — Не стесняйтесь, снимайте китель.

— Это противоречит уставу.

— Дьявол! — чертыхнулся Алекс. — Солдату следует знать, каким приказам и когда нужно подчиняться. Устраивайтесь поудобнее, сэр. Наши чуткие уши услышат громыхание тяжелых ботинок сержанта, когда он будет находиться еще в начале коридора.

Недоверчиво глядя на Стэна, занявшего наблюдательную позицию, Н'клос расстегнул портупею, на

которой висел чехол с дубинкой, снял китель и начал искать глазами место, куда это все можно было бы пристроить.

Наконец Н'клос заметил крючок — единственный крючок, вбитый в стену камеры у самой двери.

— Присаживайся, приятель... я хотел сказать сэр. Кофе подан.

Н'клос повесил китель и снова уселся на табурет.

— Извините, что перебил. Кажется, вы что-то хотели сказать?

— Ах да. Иногда я подумываю о том, чтобы подать рапорт о переводе на фронт. Хочу попасть в действующую армию.

«Только такого доходяги там и не хватало», — подумал Стэн.

— Э-эх, сэр, когда-то я тоже так думал. Как я сейчас жалею, что не прислушался к словам своего бедного братакалеки. Война не знает пощады. Посмотрите, в каком положении я сейчас нахожусь.

— Да уж, не хотел бы я оказаться на месте военнопленного, — откровенно признался Н'клос.

— То-то и оно. Плен — самое худшее, что может случиться с человеком. — Килгур задумался. — Но даже если ты сражаешься на передовой, приятного в этом мало. Я не рассказывал вам о пятнистых змеях?

— Вроде бы нет.

Килгур подмигнул Стэну, улыбнувшемуся ему в ответ уголком рта.

— Как-то раз мне довелось побывать на Земле, на маленьком островке под названием Борнео.

— Вы были на Земле?! Вот это да-а-а! — воскликнул изумленный Н'клос.

— Еще как был, парень! Меня туда занесло по долгу службы. Если уж до конца откровенно, могу сказать, что мне предстояло командование тамошним воинским подразделением.

— Вот уж никогда бы не подумал, что на Земле стояли имперские части, возглавляемые младшими офицерами.

— Чрезвычайные обстоятельства, — нагло соврал Алекс.— Вызываю я к себе как-то сержанта и спрашиваю: «Сержант, какая у вас здесь самая трудноразрешимая проблема?» Он отвечает: «Пятнистые змеи!» Я переспрашиваю: «Пятнистые змеи?» И он отвечает: «Да, сэр, пятнистые змеи».

В этот момент дверь камеры бесшумно приоткрылась, и в образовавшуюся щель проскользнула рука Сент-Клер. Рука сняла с крючка китель Н'клоса и вместе с ним исчезла.

— Вот ваш кофе, сэр, пейте, пожалуйста. Слушайте дальше. Просматриваю я данные, касающиеся

моего отряда, и прихожу в ужас. Массовое дезертирство, волна кровавых преступлений, социальные заболевания переросли в эпидемию. Полный развал! Ну, думаю, моему подразделению конец. Собираю отряд и спрашиваю людей, в чем заключается главная проблема, кто во всем виноват.

И они хором мне отвечают: «Пятнистые змеи!» «Пятнистые змеи?» — переспрашиваю я. «Да, сэр, пятнистые змеи»,— отвечает хор. И мне объяснили, что все эти пятнистые змеи водятся в джунглях. А подразделение находилось как раз в самой гуще непроходимых лесов.

За то время, пока Алекс трепал языком, китель Н'клоса хорошенько обследовали. Воинский билет и другие документы были переданы самому быстрому тюремному бегуну, молнией спустившемуся вниз по лестнице в камеру, где ждала Л'н. Она изучила и запомнила все мельчайшие подробности документов Н'клоса, чтобы позже сделать копии. Л'н ведь обладала универсальной художественной памятью. С самого кителя были сняты мерки и сделаны слепки пуговиц — также для последующего воспроизведения. Были учтены даже размеры дубинки — на тот случай, если кому-нибудь понадобится выстругать фальшивую.

Всего за каких-нибудь несколько минут комитет по побегам обогатился ценной информацией. Если заключенному удастся бежать, он может захотеть или будет вынужден выглядеть, как охранник. А возможно, ему придется выдавать себя за самого Н'клоса.

Если, конечно, Н'клос в данный момент не обернется, не обнаружит пропажу формы и не поднимет тревогу...

Но пока все шло спокойно. Правда, Стэн корчился, как ненормальный, боясь прыснуть со смеху. До такого состояния его довел рассказ Алекса.

— Надо же, — продолжал Килгур, — маленькие пятнистые змеи. Везде и кругом. Свирепые и беспощадные твари со смертоносным ядом. Эти бестии заползают в окопы и кусают, заползают в палатки и кусают, заползают в туалет и кусают. Мерзкие создания, что и говорить. Нужно было что-то срочно предпринять.

Я немного подумал, принял решение и приказал отряду построиться. И когда построение закончилось, из палатки вышел я. И все ахнули, потому что в руке у меня была зажата пятнистая змея.

И я сказал: «Послушайте меня, люди! Не то ли это пресмыкающееся, которое называют пятнистой змеей?» И люди ответили: «Да, это пятнистая змея». — «Я хочу предложить вам способ избавиться от пятнистых змей. От

множества этих тварей. На счет «раз» вы уверенно хватаете змею правой рукой. На счет «два» вы хватаете ее также и левой рукой. На счет «три» вы скользите правой рукой по ее туловищу к маленькой голове и — шпок! — на счет «четыре» резким движением большого и указательного пальцев отрываете змеиную голову!»

Люди вытаращили глаза — и начали войну. На протяжении следующих двух недель в месте расположения отряда только и слышалось: шпок... шпок... шпок... Кругом валялись открученные змеиные головы.

Моральный дух солдата окреп, дезертиров больше не было, преступлений тоже больше не было, уровень заболеваемости сифилисом резко снизился. Казалось, моя проблема решена.

И вот как-то раз захожу я в амбулаторию. А там лежит какой-то бедняга. Весь перебинтованный. С головы до ног. Упакованный, как куколка шелкопряда. Я спрашиваю его: что, мол, случилось? И он отвечает мне жалобным голосом: «Пятнистые змеи, сэр». «Значит, пятнистые змеи?» — спрашиваю я. «Да, сэр, пятнистые змеи». «Продолжай, парень»,— говорю я.

Алекс немного занервничал, когда дверь камеры снова бесшумно открылась и та же рука осторожно повесила китель с портупеей на крюк. После секундной заминки Килгур продолжил повествование. Стэн пытался вспомнить самую жестокую и медленную из всех известных ему пыток и вынужден был признать: любая из них была детской шалостью в сравнении с той, которую придумал Алекс Килгур.

— «Сэр, — продолжает перебинтованный, — помните, вы рассказывали нам, как нужно расправляться с пятнистыми змеями?» — «Да, — говорю, — помню, рассказывал. Но я не думал...» — «Я попробую вам объяснить, что со мной приключилось. Сижу я вторую ночь в окопе, на своем боевом посту. И вдруг вижу, как в мою «нору» опускается покрытый мехом пятнистый предмет. И я, в точности, как вы советовали, мистер Килгур, на счет «раз» хватаю этот извивающийся предмет правой рукой, на счет «два» хватаю его также левой рукой, на счет «три» скольжу правой рукой вверх, на счет «четыре» делаю шпок и, сэр, можете себе представить, попадаю большим пальцем правой руки прямо в зад леопарду!»

Наступила мертвая, абсолютная тишина. Наконец Н'клос обрел дар речи.

— Это самая жуткая шутка из всех, что я когда-либо слышал.

В первый и последний раз Стэн был полностью согласен с мнением тааниа.

* * *

Сент-Клер погрузилась в мрачные раздумья, наблюдая за своей странной соседкой по камере, делавшей наброски исключительно по памяти, а затем составлявшей точную копию таанского удостоверения на фоточувствительной пластинке. Сент-Клер собиралась возразить, когда Стэн приказал ей поселиться вместе с застенчивой керркой, но в последний момент передумала. Ей не хотелось доставлять Стэну такое удовольствие — знать о ее симпатиях и антипатиях.

Дело заключалось совсем не в том, что Л'н не была человеком. Просто любой компании Сент-Клер предпочитала одиночество. Она всегда выступала соло, всегда жила своим умом и никогда даже в мыслях не держала перекладывать ответственность на других. Сент-Клер выжила благодаря тому, что умело пользовалась случаем и никогда не колебалась.

Л'н спутала ей все карты. Живя с таким существом под одной крышей, нельзя руководствоваться одним лишь холодным расчетом.

Впрочем, в жизни вдвоем была своя логика. Как главной воровке, Сент-Клер было лучше иметь дело напрямую с маленькой художницей-керркой. Но для этого ей следовало кое к чему привыкнуть. Л'н могла чувствовать себя уютно только в темноте. За пределами камеры, на ярком таанском солнце, она становилась совершенно беспомощной. Со временем Сент-Клер стала замечать, что помогает Л'н машинально: водит ее в туалет, находит инструменты, потерянные при позднем дневном свете, возвращает к действительности, когда беднягу гипнотизирует какая-нибудь причудливая игра бликов.

Вскоре Сент-Клер поняла, что привязалась к другому живому существу. Л'н постепенно становилась для нее тем самым странным из всех животных, которое зовется другом.

Ей было трудно смириться с этой мыслью, особенно когда она вспоминала об отношении Л'н к этому «подонку Горацио». Соседка по камере расписывала его достоинства с таким пылом, словно он был самым настоящим святым.

А затем Сент-Клер услышала историю о ефрейторе Хансене и поняла, что Л'н отождествляет его со Стэном. Они оба слились для нее в один образ — безупречного героя. Лишь благодаря своим иллюзиям Л'н не потеряла рассудок в убогой нищете плотно населенного тюремного лагеря. Она тосковала по мирным лесам своей родной планеты, все чаще и чаще погружалась в воспоминания. Суровая действительность тюремной жизни становилась для нее невыносимой.

Без Стэна — по крайней мере без того, что она себе о нем навоображала — Л'н быстро дошла бы до грани тихого помешательства.

Сент-Клер дала себе слово изменить такое положение вещей, решила перевоспитать Л'н на свой лад до совершения побега.

— Скажи мне, Л'н, — обратилась она как-то к керрке. — Я знаю, что ты интересуешься светом. А видела ли ты когда-нибудь знаменитую светящуюся башню на Прайм-Уорлде?

Л'н прервала работу над набросками.

— Ты имеешь в виду ту, которую построили два милчена? Кажется, их звали Марр и Сенн.

— Да.

— Только на картинках, — ответила Л'н.

— А-а, понимаю. Ты никогда не была на Прайм-Уорлде. Когда вся эта заварушка закончится, мы можем съездить туда вместе и посмотреть на нее.

— Нет, я бывала там раньше. Как-то раз я слышала о большой вечеринке, которая устраивалась в башне. Вот на что стоило бы посмотреть!

— Почему же ты не пошла на эту вечеринку? — спросила Сент-Клер.

— Меня туда никто не приглашал.

— Ну и что, черт побери? Да ты могла бы проникнуть туда без всякого приглашения! Я пару раз так делала. На балу Марра и Сенна всегда бывает столько народу, что практически невозможно выяснить, приглашена ты официально или пробралась с черного хода.

Л'н с грустью вздохнула, испытывая легкую зависть.

— Пробраться на бал... Я мечтала совершить что-то вроде этого. Как бы попонятней выразиться? В качестве обновленной Л'н, что ли... Дерзкой. Решительной. Смелой. Войти в зал уверенной походкой, как будто я сама устроила эту вечеринку. Манерой своего поведения ввести всех в заблуждение, заставить думать, будто я какая-нибудь известная личность. Но я побоялась, что в разговоре они обнаружат мое невежество. — Л'н замотала головой. — У меня не было ни одного шанса. Стоило бы им только взглянуть в эти огромные безобразные глаза, и они бы сразу поняли, что я никто.

Сент-Клер была поражена.

— О чем ты говоришь? Что за глупость? Тоже мне, выдумала — безобразные глаза!

Л'н тяжело вздохнула. Ей было неловко за свою откровенность и в то же время лестно, что кто-то пытается опровергнуть неприятную для нее правду.

— Послушай меня, девочка, — сказала наконец Сент-Клер. — Чувствую, у нас впереди огромная работа. И начать ее нужно с изменения твоего представления о безобразном. Будь уверена, мы прорвемся на бал.

Л'н хихикнула, решив, что ее подруга просто пошутила. Но Сент-Клер знала, о чем говорит. Она только что дала Л'н обещание. А Сент-Клер была человеком, не привыкшим бросать слов на ветер.

ГЛАВА 24

— Расчет окончен, — объявил Вирунга, неуклюже развернувшись, отсалютовал Генриху и прохрипел: — Все заключенные в сборе. — И после секундной паузы добавил: — Сэр.

Даже Генрих не находил нужным затягивать дневную перекличку. Кивнув головой, он направился в сторону административной части. Вирунга отсалютовал ему вслед, развернулся вполоборота и прокричал:

— Отделение... вольно!

Заключенные смешались в толпу, забубнили на все голоса и стали расходиться кто куда: кто в камеру, кто в туалет, а кто отправился прямо на ужин.

Стэн, у которого были более важные дела, зашагал к лестнице, чтобы подняться в комнату Вирунги, и при входе в коридор нос к носу столкнулся с Четвиндом. Надзиратель поджидал Стэна.

— Заключенный Горацио, — сказал он, широко улыбаясь.

— Сэр?

— Это ведь не твое имя.

— Простите, сэр, моя мама была бы очень удивлена, услышав такие слова.

— Неплохо придумано. Я вспомнил, где видел тебя раньше. На Дрю.

— Да Бог с вами!

— У меня мало времени. Дрю. Планета-тюрьма. Я наблюдал за кучкой счастливых негодяев, собиравших моллюсков. А ты и этот бочонок Килгур красовались в униформе полицейских. Вылавливали какого-то зверя по имени... черт, как бишь его? Дунстан... нет, Динсмен.

Четвинд обладал отличной, цепкой памятью. Этого было достаточно для того, чтобы его убить.

— Сэр. Только без обид, сэр. Но как я мог...

— Как ты мог быть таанским полицейским тогда и военнопленным теперь? Сейчас объясню. Ты служишь в имперской разведке. Когда началась война, ты попался в сети. Может быть, «артиллерийский снайпер» — твоя легенда. Может быть, ты выдумал эту версию в последнюю минуту перед тем, как вляпаться в дерьмо. Будь я проклят, если знаю, что произошло на самом деле.

Стэн продумывал возможные варианты. Убить Четвинда здесь? Сейчас? Нет. Конечно, можно было скрыться до того, как тело обнаружат, но убийство повлечет за собой массовые репрессии.

Второй путь: уговорить Четвинда повременить с докладом Авренти, содержащим столь интересную информацию, чтобы успеть подстроить какой-нибудь несчастный случай, желательно за стенами Колдиеза. Такой вариант возможен.

— Говори, заключенный.

— Не могу, сэр. Что бы я ни сказал, меня бросят в карцер.

— Какой ты догадливый, — одобрительно кивнул Четвинд. — Если бы ты начал болтать о моем уголовном прошлом, я действительно должен был бы избить тебя до полусмерти и бросить в карцер. И кто знает, куда бы меня завело мое воображение в дальнейшем. Но... — Четвинд улыбнулся. — Теперь мне остается только придумать, как разыграть эту карту. И разыгрывать ли ее вообще.

— Заключенный не понимает.

— Заключенный, черт побери, прекрасно все понимает! Сейчас я полицейский надзиратель, но мое положение остается шатким, потому что мне был вынесен условный приговор. Проклятые таанцы могут в любую минуту лишить меня всех привилегий и выслать обратно на Дрю — или вообще на одну из мертвых планет — под каким-нибудь предлогом или без всяких объяснений. Итак, я должен еще раз как следует все обмозговать. Если ты не попытаешься подстроить какой-нибудь несчастный случай, в результате которого моя душа скажет «оревуар» родному телу, я продолжу обдумывание этого вопроса. Мне нравится поддерживать победителей.

Стэн понял, что Четвинд был гораздо хитрее, чем казался на первый взгляд.

— Война приняла неожиданный оборот?

— Действия на фронте ведутся таанцами успешно. Пока,— двусмысленно сказал Четвинд. — Мы... черт! Я уже начинаю говорить, как полицейский. Таанцы лупят вас, имперцев, как сидоровых коз. Вопрос, как долго это будет продолжаться. Я выхожу за ворота и вижу, что кругом

царят нищета, разорение и воровство. Вопрос напрашивается сам собой: если подобное творится здесь, на Хизе, то что же тогда происходит на других планетах?

Тебе нравится ход моих мыслей? Может, мне нужно было стать аналитиком, а? Продолжу высказывать свое мнение. Если таанцы в ближайшее время не одержат победу в какомнибудь крупном сражении, мясорубка будет продолжаться. И попадать в нее будет больше наших, чем ваших.

Так что, по всей видимости, война идет не совсем так, как хотелось бы лордам и леди. И, возможно, на Хизе неожиданно появится другая система управления, при которой мы, вероятнее всего, станем выплачивать налоги Прайм-Уорлду.

Думаю, если это произойдет, мистеру Четвинду не вручат золотую медаль. В общем, повторяю еще раз — предпочитаю быть на стороне победителей. Итак... до тех пор, пока положение вещей не изменится и я не решу, в какую игру мы будем играть и карты чьей колоды раскладывать, я собираюсь относиться к тебе так же, как и прежде. То есть не предпринимать никаких мер. Это все, заключенный. Можешь идти.

Стэн едва не принял решение, которое ему было вовсе не по душе.

Даже в комитете по побегам была своя тактика и стратегия. Тактика — разработать подходящий маршрут побега, составить детальный план, снарядить беглецов — была проста. Со стратегией дело обстояло иначе. Процесс ее разработки был мучительным и долгим.

Для военнопленного служба не заканчивалась после пленения. Он (или она) все еще оставался бойцом. Нужно было продолжать сражаться — даже находясь в лагере для военнопленных. Все заключенные Колдиеза не только прошли гипнотическую обработку во время обучения, но и укрепили в себе внутреннее стремление к сопротивлению.

Частью этого сопротивления был побег. Задача комитета по побегам заключалась не только в возвращении несчастного заключенного на родину, чтобы он, если повезет, снова попал в действующую армию, на передовую, но и в том, чтобы он продолжал сражаться, находясь в заточении.

Каждый заключенный, являвшийся костью в горле своих поработителей, выбирал одного или двух потенциальных врагов — солдат-охранников. Чем большей костью в горле он был, тем больший вред причинял противнику. Но при всем том очень важно было не довести врага до крайности, когда он решит, что самым экономичным способом

разрешения проблемы будет пуля, пущенная в висок заключенного.

До сих пор пленникам Колдиеза удавалось отлично справляться со своей задачей, продолжая воевать и оставаясь в живых.

Туннель Кристаты мог все изменить. К такому выводу пришел Стэн. У полковника Вирунги было на этот счет свое мнение, обоснованное целым рядом аргументов. Поскольку туннель проходил под стенами собора, побег мог быть запланированным и групповым. При попытке совершить массовый побег все, кто был способен пролезть в эту «нору», разбежались бы по Хизу в разные стороны. И каков был бы результат? Естественно, солдаты всех регулярных и вспомогательных частей Хиза были бы оторваны от выполнения своих повседневных обязанностей и брошены на поимку беглецов. Возможно, на Хиз направили бы даже боевые подразделения. В конечном итоге большинство заключенных, если не все, были бы окружены и схвачены. А затем — расстреляны. Не исключено также, что военнопленных, оставшихся в Колдиезе, перерезали бы всех до одного, как цыплят, чтоб другим неповадно было.

Полковник Вирунга предлагал совершить побег немедленно. «Все мы солдаты и привыкли рисковать», — заявил он.

Стэн придерживался другой точки зрения, хотя прекрасно понимал, что обрекал людей, долгими часами корпевших над строительством туннеля, на дальнейшее заточение, лишая их даже слабой надежды выбраться на свободу. Он считал, что нужно отфильтровать небольшую группу заключенных, полностью подготовленных к побегу и оснащенных всем необходимым: от фальшивых документов до денег. Стэн пришел к такому выводу, руководствуясь не одним лишь человеколюбием — по крайней мере он пытался себе это внушить.

Из таанских лагерей почти не было удачных побегов — во всяком случае, он слышал об очень немногих. Если из Колдиеза будет совершен массовый побег — а беглецов поймают, устроят показательный суд и казнят, — это сильно обескровит любое сопротивление и приведет к ужесточению режима в других тюремных лагерях, разбросанных по планетам Таанских миров. Бежать из них будет уже невозможно.

Было бы гораздо разумней, если бы один заключенный сбежал домой из самого сердца Таанской империи — тем более, что успех этого предприятия мог быть вполне гарантированным.

Вирунга нахмурился. Ему не понравилось предложение Стэна.

— Я принял твой вариант на рассмотрение. Кто совершит побег?

Вымученная стратегия вылилась в еще более вымученную тактику. Стэну приходилось уповать только на волю Божью. Проще было начать с исключений. Конечно же, в их число прежде всего входил Вирунга. Он не мог — и даже при возможности ни за что бы не согласился — бросить своих подопечных.

Стэн и Алекс. О Большом Иксе вообще не могло быть речи. Исключались и существа, которые из-за своего внешнего вида не могли смешаться с гуманоидным населением Хиза. А также калеки.

Кто был способен совершить попытку — и, вероятнее всего, оказался бы убитым?

Кристата и трое его обращенных. План был составлен ими. Стэн надеялся убедить эту четверку принять некоторую помощь, пересмотреть не вполне разумное решение отдать себя на милость таанских крестьян и придумать что-нибудь более рациональное.

Ибн Бакр и его партнерша. Стэн скорчил гримасу.

Сент-Клер. Он недолюбливал ее так же, как и она его. Но если побег придется совершать в одиночку, лучшей кандидатуры, пожалуй, не найти. Шансов на успех у Сент-Клер было гораздо больше, чем у любого другого заключенного.

Эрнандес. Если кто-то действительно заслуживал оказаться на свободе, так это был он. Кроме того, Стэн полагал, что проводимые Эрнандесом непрекращающиеся диверсии вскоре могут быть раскрыты, а сам он — вздернут на виселице.

Абсолютно не уверенный в правильности своего решения и даже в подборе кандидатур, Стэн покинул камеру Вирунги, чтобы взвесить все «за» и «против» в спокойной обстановке.

— Друг мой, — медленно произнес Вирунга. — Спасибо, конечно, за доверие, но... Я не могу пройти через туннель. У меня боязнь закрытых пространств.

Стэн, имевший явную предрасположенность к клаустрофобии, отлично его понимал.

— Наверное, вы правы, — подхватил Эрнандес. — Возможно, я зашел в своих действиях слишком далеко, игра стала опасной. Но меня это не волнует. Вы понимаете, что я имею в виду?

Нет, Стэн не понимал.

— Попробую вам растолковать. Предположим, мне удастся пройти через туннель, незаметно раствориться в бескрайних просторах Хиза и даже вернуться в Империю

благодаря вашему — уверен — самому мудрому плану. Все это прекрасно и замечательно. Но что произойдет дальше? Полагаю, меня начнут таскать по всей Империи, с гордостью представляя широкой публике как некоего героя, которому удалось — с заглавных букв, пожалуйста, — Обрести Свободу. Вряд ли после столь помпезной встречи меня снова отправят на фронт. Разве я не прав?

— Хоть вы несколько и приукрасили картину, — сказал Стэн, — не могу с вами не согласиться.

— Моя внучка погибла, как я уже вам рассказывал. А я не уверен, что отомстил за ее смерть сполна. Теперь понимаете?

Стэну стало все ясно. Служба на благо Империи была для Эрнандеса на втором месте после личной мести. Стэну ничего другого не оставалось, как принести ему свои извинения. Он надеялся, что когда таанцы в один пасмурный день поймают Эрнандеса на месте преступления, тот не выдаст ни одного из секретов узников Колдиеза.

Подобным же образом Стэн встретился с Леем Ридером Кристатой.

Он составил крутой — как ему казалось — план относительно трех гуманоидов и одного негуманоида. Стэн предложил им остаться в столице Хиза вместо того, чтобы углубляться в сельскую местность, населенную недружелюбными аборигенами. Кристате предстояло выдавать себя за ревностного сторонника таанцев. Он должен был стать уличным проповедником и во всеуслышанье возвещать о своем прозрении, наступившем после того, как таанцы «освободили» его планету от жестокого ига ненавистной Империи.

Стэн знал, что пройдет много времени, прежде чем люди решатся задавать наводящие вопросы истинному верующему, если он будет говорить им о правильности всех их действий.

— Но это же ложь, — возразил Кристата под одобрительное кивание своих помощников.

Вместо ответа Стэн заскрежетал зубами.

— Великий отвернется от нас и перестанет помогать, если мы уподобимся жалким лгунам, — продолжал Кристата. — Непонятно также, что полезного мы сможем сделать, оставшись в городе, в этом осином гнезде со снующими взад-вперед униформами.

— Вы можете остаться в живых, — ответил Стэн. — Жизнь дарует и отбирает Великий. Все мы в его воле.

— Тебе не дано понять учение Великого. Только тот, кто живет на земле и ощущает под ногами твердую почву, кто не приемлет фальшивых вероучений Маммоны и осознает, что его долг состоит лишь в том, чтобы накормить

своих ближних и помочь обездоленным, может понять нас и дать приют.

Стэн промолчал, вспомнив о том, как когда-то давно он и его отряд «Богомолов» в течение нескольких дней удирали от каких-то крестьян, которых посчитали мирными жителями.

— Я надеялся, Горацио, что ты прислушаешься к моим высказываниям и станешь одним из нас. К сожалению, этого не произошло, — с грустью сказала Кристата. — Но мы будем молиться за то, чтобы те, кто воспользуется преимуществом, дарованным нам Великим Создателем, обрели истину в своих сердцах и по возвращении на свободу начали проповедовать идеалы веры.

Лучшее, на что Стэн мог надеяться, простив себя за высказанное предложение, было то, что Кристата и трое его одержимых послушников не сумеют сбить с толку настоящих беглецов и умрут быстро, не мучаясь.

Сент-Клер подождала, пока дверь за Стэном закроется, и посмотрела на Л'н. Даже в сумрачной темноте она смогла разглядеть, как руки миниатюрной керрки задрожали от волнения.

— Но ты должна идти, — без всякой преамбулы сказала Л'н.

«Да, — подумала Сент-Клер, — я должна идти. Здесь можно сойти с ума. Какой это будет по счету побег? Двадцать второй? Или двадцать четвертый?» Она прекратила отсчет своих предыдущих попыток на цифре двадцать один, потому что пришла к выводу о бессмысленности коллекционирования поражений.

Этот побег должен быть удачным. Сент-Клер хладнокровно представила себе невеселую картину того, как ее прогоняют сквозь строй охранников, вооруженных дубинками, а затем убивают. Да, в случае поимки ей грозила неминуемая смерть.

До сих пор она избегала играть в слишком опасные игры. Но желания стоять в стороне и ждать, когда большинство примет правильное решение, у нее оставалось все меньше.

«А как же Л'н? Она сможет обратиться за помощью к Стэну. Он не допустит ее гибели, — успокаивала себя Сент-Клер. — Что же касается меня, я ведь не бедная беспомощная сиротка. Я — игрок. Угриха-одиночка, выживавшая в любых условиях и при любых обстоятельствах. Я ни в ком и ни в чем не нуждаюсь».

Так ли это?

ГЛАВА 25

Леди Этего была блестящей женщиной, как и все таанцы высшего общества; таков же был и их провал.

Военные планы таанцев были разработаны тщательнейшим образом, с учетом самых крайних вариантов. На тот случай, если эти планы будут нарушены посреди сражения, таанцы придумали гениальную импровизацию. Они могли — и сделали именно так — объединить отряды, сколоченные из самых боеспособных сил, бросить их на линию фронта и выиграть.

При этом, конечно, была учтена запрограммированная готовность их воинов умереть на месте, но не сдаться. Таанцы упустили один нюанс — правомочность высшего должностного лица изменить одобренный и скрепленный печатью план.

Итак, леди Этего вошла в пустое помещение боевого штаба, постукивая в тишине каблуками изящных сапог. Ей предстояло провести брифинг с двенадцатью командующими военными флотами, чтобы отдать последние распоряжения и разъяснить мельчайшие подробности многоступенчатого нападения на Дюрер. Боевой штаб был полностью оборудован для показа на куполообразном экране дислокации таанских войск — от общих стратегических наступательных сил до скромных патрульных звеньев.

Но брифинг не состоялся. Леди Этего получила кодированную шифрограмму от высочайшего руководства, в которой дано было указание отложить встречу и ждать дальнейших распоряжений.

В последовавшем — совершенно секретном — сообщении говорилось, что глава Совета лорд Ферле просит о присвоении ему звания командующего объединенными военными флотами с одобрения леди Этего.

В ответ Этего послала официальное подтверждение своего согласия, не находя нужным ни вдаваться в подробности, ни дожидаться, пока боевой корабль лорда Ферле, работавший на АМ-2, выйдет из строя и даст крен.

Сторонники леди Этего могли ополчиться против нее. Леди Этего была обеспокоена. Она чувствовала, что назревают крупные неприятности.

И оказалась абсолютна права. Ферле вошел в штаб, поприветствовал Этего соответственно ее званию, со всеми положенными формальностями, и отпустил своих адъютантов.

Леди Этего, соблюдая правила приличия, спросила лорда Ферле, не окажет ли он ей честь просмотреть планы готовящегося наступления.

— Нет, — ответил Ферле. — Я хорошо с ними знаком и полностью одобряю.

«Тогда какого хрена ты сюда приперся?» — подумала леди Этего.

— Члены Совета уже собрались на заседание и составляют генеральный план. Фактически они хотят расширить зону стратегического удара.

Этего почувствовала запах дымка — нет, дыма. Она рефлекторно нажала на кнопку дистанционного управления, и полукруглый выпуклый потолок штаба превратился в имитацию черного галактического пространства с атакуемой системой Дюрер посередине. Но ни он, ни она даже не взглянули на объемную карту.

— Возможно, я неправильно вас поняла, — ровным голосом сказала леди Этего.

— После ознакомления с вашим блестящим планом и анализом сложившейся обстановки, — продолжал лорд Ферле, — мы поняли, что вы намереваетесь совершить массированную атаку.

Лорд Ферле повернулся лицом к экрану и взял в руки пульт дистанционного управления.

— Пожалуйста. Двенадцать флотов вынырнут из небытия и нападут на систему Дюрер. Вон там будет произведена ложная атака на систему Аль-Суфи для втягивания в созвездие имперских сил. Когда противник поймет, что попал в ловушку, будет уже поздно.

Этего промолчала.

— Удар направлен в самое сердце Империи, что мы полностью одобряем. Между тем, проведя точный анализ и обсуждение, мы, то есть члены Совета, пришли к решению о расширении этого плана — во-первых, потому, что он блестящий, и во-вторых, потому, что полностью соответствует таанским представлениям об идеалах.

— Что означает?..

— Мы считаем, что резервные флоты следует направить в зону боевых действий. За фланги опасаться нечего — переброска будет проводиться внезапно. Любой корабль, звено или флот, вовлеченные в операцию, смогут увернуться от удара. Другие боевые единицы направятся прямо к главной цели.

— Главная цель, лорд Ферле, — отчеканила леди Этего, — состоит в том, чтобы обезопасить систему

Дюрер и использовать ее в качестве трамплина для последнего штурма.

— Легко разрешимая задача, — сказал лорд Ферле. — Разумеется, для этого потребуется действовать более осмотрительно и перегруппироваться. Совет постановил: напасть на Дюрер неожиданно и провести последний штурм.

Наступила тишина.

— А вы не допускаете возможности, — спросила наконец леди Этего, глядя на экран, находившийся у нее над головой,— что имперским силам, находящимся в Аль-Суфи и вокруг системы, удастся прорвать оборону и выйти на свободу?

— Этого не произойдет, — раздраженно сказал лорд Ферле. — Мы уверены, ваш хитрый план вынудит их защищать ложную цель. А когда они догадаются о подвохе, будет уже поздно, слишком поздно. К тому же... — Он помолчал. — Мы и в дальнейшем намереваемся вводить их в заблуждение.

— Продолжайте.

— Существует еще одна причина, по которой мы не можем затягивать войну, — сказал лорд Ферле. — Леди Этего, события на фронте вышли за рамки всех самых пессимистичных прогнозов. У нас просто-напросто нет запасов АМ-2, чтобы позволить себе роскошь даже самой непродолжительной задержки сражения.

В тот момент леди Этего стало совершенно ясно, по каким причинам план генерального сражения, разработанный лордом Ферле — кому, как не ей, было знать, что он не являлся детищем Совета, — был ненадежным, зыбким, зависящим от случайного стечения обстоятельств, как при игре в кости. Но она была истинной таанкой — и хранила молчание.

— Есть и еще две модификации вашего плана, — сказал Ферле. — Например, умело подстроенная диверсия против Аль-Суфи. Осталось решить только один вопрос. Находящиеся там силы должен возглавить человек, известный как самый лучший, самый опытный боевой командир. Наш самый грозный стратег.

Щеки леди Этего вспыхнули, рука потянулась к именному оружию. Она с трудом совладала с собой.

— Я польщена, — сумела выдавить леди Этего, удивившись тому, что голос ее не дрогнул. — Но если я приму командование диверсионной группой, кто тогда позаботится о моих двенадцати флотах — вношу поправку — двенадцати моих и нескольких дополнительных подразделениях, которые Совет решил также отправить в бой?

— Поскольку это сражение станет решающим, — сказал лорд Ферле, — мы, то есть все, кто руководит

наступлением, будем представлять нашу империю и нести ответственность за исход боя.

Леди Этего отвесила официальный поклон и отдала честь представителю Верховной власти, своей замене — лорду Ферле.

Она сама удивлялась, как ей удалось сохранить самообладание и спокойно покинуть боевой штаб. Оказавшись в своей квартире, леди Этего впала в ярость и разразилась такими ругательствами, которыми восхитился бы самый закоренелый таанский уголовник.

Успокоившись, она вынула из кобуры именное оружие. Да, что и говорить, ее репутация замарана. Причем незаслуженно. Свершилась чудовищная несправедливость. В жизни подобные вещи происходят сплошь и рядом. Она выросла в среде, где безобразия были нормой поведения. Но сейчас главная цель — победа. Ради нее можно стерпеть все. Леди Этего решила, что подчинится приказу и примет командование подставным флотом. Конечно, будь леди Этего во главе действующей армии, она могла бы наворочать таких дел, какие всем этим временщикам и приспособленцам даже не снились. Но ей придется оставаться в стороне и быть на подхвате.

Леди Этего смирилась со своей участью, потому что знала: ее план сработает — даже со всеми идиотскими модификациями лорда Ферле. Но после того, как объединенные таанские флоты ударят по Прайм-Уорлду, Дюрер будет предан забвению. Тогда лорд Ферле поймет, каково умело управлять ходом сражения, и горько пожалеет о том, что сместил настоящего боевого командира с поста, чтобы самому хоть на минуту стать ключевой фигурой в войне.

Леди Этего была уверена в том, что лорду Ферле неизбежно понадобится ее помощь для одержания окончательной победы. И она задумала жестоко отомстить ему за свою обиду после крушения Империи.

ГЛАВА 26

Осталось пройти одну треть метра. Стэн почти физически ощутил холодную черноту таанской ночи, опустившейся на толщу земли над его головой. Неумолимое чувство близкой свободы нахлынуло на него, как волны океанского прилива в период полнолуния. Нужно было только отрыть немного грунта, чтобы оказаться на поверхности. Долгим годам, проведенным в таанских тюрьмах, наступит конец — беспокоиться придется лишь о собственном выживании.

Стэн повернулся назад, разгоняя рукой густой чад горевшего в лампе жира. От едкого дыма на глаза наворачивались слезы. Стэн вытер глаза рукавом робы и посмотрел на своих солдат — мужчин, женщин и существ, отобранных им для совершения побега.

«Разношерстная компания» — вот самое точное для них определение. Некоторые из беглецов, например Кристата и его единоверцы, были одеты в костюмы таанских крестьян, сшитые из грубой бледно-зеленой или коричневой ткани. Ибн Бакр вложил весь свой талант в собственную униформу и костюм своей партнерши, стройной женщины по имени — Стэн никак не мог вспомнить... — Элис! Блеском и великолепием форма Бакра могла сравниться разве что с парадным мундиром адмирала. Костюм Элис лишь немногим уступал в шике. На самом деле они выдавали себя за начальника станции гравипоездов и его помощника. На руках Ибн Бакра и Элис имелись фальшивые документы, в которых говорилось, что они совершают инспекционную поездку по главным станциям Хиза. Стэн не мог удержаться от смеха, когда Ибн Бакр впервые показал ему наметки того, что он и Элис должны были носить. Стэну стало неловко за свое поведение, когда он увидел на лице Ибн Бакра пристыженное выражение, — опечаленный гигант, выронивший из рук свое шитье, вызывал жалость. И тогда Ибн Бакр объяснил Стэну, что таанцы обожают униформу, и чем ниже у офицера звание, тем более броскую одежду он предпочитает.

— Видел бы ты начальника мусорного коллектора, — сказал Ибн Бакр.

Стэн прикрыл глаза от яркого света, подумав о том, что нужно поскорее к нему привыкать.

Одежда других членов группы представляла собой нечто среднее между той, что была на Кристате и Ибн Бакре, — от фермерской до костюмов лавочников и формы таанских офицеров средних и нижних чинов.

Одеяние Сент-Клер отличалось от всех остальных. На ней были высокие ботинки и походный маскировочный костюм, столь изящно облегавший фигуру, что у Стэна при виде этой женщины возникло двойственное чувство — страстного желания и неприязни. За плечами Сент-Клер висел маленький походный рюкзак. В нем находилась сменная одежда и легчайшая туристская экипировка, которой так любили пользоваться здоровые, выносливые спортсмены и спортсменки. Предположительно Сент-Клер отправлялась на поиски редких и безумно вкусных клубней, прораставших в почве Хиза дважды в год. Клубни были

настолько ценными, что собирать их разрешалось лишь богачам и знати. Дважды в год спортсмены и любители острых ощущений прочесывали леса и луга в надежде отыскать сокровище. Места, где можно было найти клубни, охранялись на Хизе столь же ревностно, сколь и горные стремнины с форелью на Земле, возвращенные к жизни Вечным Императором.

Сент-Клер выдавала себя за одну из охотниц за клубнями. Она была убеждена в том, что ей запросто удастся где-нибудь окопаться и дождаться удобного момента покинуть Хиз. Стэн был не слишком в этом уверен. И все же он поддался на уговоры Сент-Клер — несмотря на то что ее обещания были очень ненадежными.

Стэн размышлял над всем этим под тихий аккомпанемент молитвы Лея Ридера и его единоверцев, терпеливо ожидая, когда они закончат превозносить своего Великого и просить его об оказании им помощи в дальнейшем. Единственным словом, которое Стэн мог различить в этом потоке излияний, было «ах-х-хминь», произносимое тремя людьми со страстным придыханием, когда Кристата делал паузы. Наконец он закончил заунывное песнопение и переваливающейся походкой подошел к Стэну, отщипывая на ходу комья грязи, прилипшей к его шерсти. Каждый сантиметр квадратной фигуры Кристаты излучал флюиды целеустремленности и мрачности. Только по извивающимся чувствительным усикам, обрамляющим его нос, Стэн мог догадаться о внутренней напряженности Лея Ридера.

— Дух Великого с нами, — произнес Кристата. — Он сказал нам, что время идти почти настало.

Стэн проглотил саркастические реплики, возникшие в тот момент в его голове. Кто он такой, чтобы критиковать убеждения другого существа, вырывшего тысячи тонн земли и грунта, последовательно ставившего подпорки для укрепления туннеля? Кроме того, может, на самом деле какой-нибудь Великий послал Стэну этот крепкий орешек Кристату? Разве без него Стэн обнаружил бы подвал с сокровищами, на которых стоял Колдиез? Большой Икс был убежден в том, что Великий, черт побери, заслужил доверие.

Итак, вместо того, чтобы отпустить язвительную шутку, Стэн широко улыбнулся и сказал:

— Прекрасно! М-м... В следующий раз, когда будешь разговаривать с... э-э... говорить с ним... с этим... как там его, передашь от меня спасибо.

Кристата нисколько не обиделся. Он понимал, что Стэн ничего плохого не имел в виду.

С дальнего конца туннеля послышался нарастающий грохот. Все прижались к стенам, давая дорогу Алексу, вынырнувшему из-за угла. Килгур тянул три соединенные вместе большие тележки, груженные огромными тюками с продовольствием. Те же самые тележки использовались для вывоза земли из туннеля. Здоровяк Алекс вез их с такой легкостью, словно тюки были набиты невесомым пухом. Когда деревянный состав застревал на колее, Килгур просто-напросто поднимал первую тележку и переставлял ее на следующий участок. Общий вес тележек приблизительно составлял полторы тонны.

— Это последние, Горри, — сказал он, отступая на пару шагов в сторону, когда несколько человек принялись разгружать тележки, складывая тюки у самого выхода из туннеля, похожего на залепленную глазницу.

Алекс окинул бесстрастным взглядом лица небольшой группы беглецов. Казалось, у этого человека вообще не было нервов. Небрежной походкой подойдя к Стэну, он прошептал ему на ухо:

— Не нравится мне вся эта затея, парень. Думаю, они идут на верную гибель. Единственное, что мы можем для них сделать — обучить некоторым «богомоловским» трюкам... Как ты считаешь? Тогда у них хоть надежда появится.

Стэн покачал головой.

— Каждый из них получил свою, хорошо отработанную легенду, соответственно выбранной по их желанию одежде, — сказал он. — Что же касается обучения беглецов каким-нибудь трюкам... Все, что от них требуется — умело сыграть придуманные роли. Дьявол! Если эти дилетанты овладеют «богомоловскими» уловками, у них будет только больше шансов попасть в лапы к таанцам!

— И все же, парень, у меня на душе было бы спокойнее, если бы они узнали парочку хитростей.

— Поверь мне, Алекс, — возразил Стэн, — лучше им не становиться на этот путь. Я когда-то читал об одном виде вооруженных сил. Несколько тысячелетий назад солдатам на спины цепляли большие шелковые сумки, килограммов по пятьдесят каждая, сажали в огромные неуклюжие самолеты и сбрасывали на землю на высоте двух-трех километров.

Алекс был ошарашен. Посмотрев на Стэна изумленным, недоверчивым взглядом, он сказал:

— Бедные ребята! Наверное, их офицерами были Кэмпбеллы. Жестокие варвары! До чего додумались — выпихивать парней за двери на полном лету с таким тяжеленным грузом!

— Ну, как сказать... Они шли на это добровольно. Видишь ли, шелковые сумки должны были раскрываться, и солдаты приземлялись довольно мягко. Как бы то ни было, эти рожденные летать ребята проходили специальную подготовку, учились вначале прыгать на земле. Такая подготовка считалась самой крутой в ту эпоху.

— Охотно верю, — сказал Алекс, все еще несколько ошеломленный.

— Но знаешь, что во всей этой истории самое смешное? — не унимался Стэн. — Когда дракх ударял им в голову, они иногда хватали первого попавшегося старого ворчуна, цепляли на него мешок и выталкивали его из самолета, как какого-нибудь натренированного типа. Догадайся, что происходило дальше? Да ничего особенного. Процент несчастных случаев среди дилетантов был таким же, что и среди маститых прыгунов. На землю удачно садилось столько же солдат, сколько и доходяг с улицы, обмочившихся от страха по самые уши.

— Не могу в это поверить, — сказал Алекс.

Стэн посмотрел на взбудораженных существ, сбившихся в кучу, изучающим взглядом и подумал об ужасных опасностях, поджидавших их за пределами Колдиеза.

— Я настаиваю на том, чтобы они вышли отсюда не раньше, чем через две ночи.

В столовой за завтраком Вирунга передал через своего связного Стэну, что хочет увидеться с ним. Срочно.

Стэн пробирался через многолюдный центральный двор, периодически склоняясь над заключенными, давая им указания по ходу дела. Останавливаясь в разных местах, он болтал и смеялся с одними, хмурился и неодобрительно качал головой, глядя на других.

Во время обхода Стэн прокручивал в голове всевозможные варианты, пытаясь догадаться, зачем он вдруг понадобился полковнику. Может, Вирунге удалось узнать что-нибудь о ходе войны? Стэн надеялся, что удача сопутствовала не таанцам. Его радости не было бы предела, если бы полковник Вирунга собирался сообщить об успешной подготовке к операции, которой Алекс дал название «Золотой Червь».

Они потратили уйму сил и времени на выяснение вопроса, каким образом можно подкупить махровую бюрократку по имени Фастр. Женщина средних лет занимала должность заведующей отделом по выплате чеков. Все таанцы ее боялись. Даже Держин, комендант лагеря, ходил вокруг нее на цыпочках. При малейшем неосторожно сказанном в ее адрес непочтительном слове чек мог быть «случай-

но» утерян. И для его возвращения потребуется отвешивать унизительные поклоны и обивать порог офиса не менее трех раз. Хуже того, если у Фастр было скверное настроение, она могла «перепутать» код, и провинившийся таанец вдруг выяснял, что является должником — даже если он исправно платил налоги и никогда не брал в долг.

Проблема заключалась в том, что Фастр казалась совершенно неподкупной. Согласно сведениям, раздобытым членами комитета у Н'клоса и других охранников, с которыми удалось установить контакт, у Фастр не было ни одного изъяна. Эта женщина была толстой, но не питала слабости ни к каким видам продуктов. Секс ее не интересовал. Алекс ужасно обрадовался, узнав об этом, потому что ему претила сама мысль о подыскивании кандидата на роль любовника. Фастр вела спартанский образ жизни, из чего следовало, что к деньгам она равнодушна. Как же к ней подобраться? Этот вопрос был очень важным, поскольку Фастр являлась ключевой фигурой в операции «Золотой Червь».

Прояснить ситуацию помогла Сент-Клер. Ее назначили сторожем кассы, разумно рассудив, что ей, как женщине, обладающей богатейшим и разностороннейшим опытом, удастся выявить слабости любого человека. Даже если бы Сент-Клер не смогла этого сделать, ей бы удалось придумать какую-нибудь аферу.

Сент-Клер полдня крутилась вокруг офиса Фастр, пока не сообразила, что нужно делать. Все утро, пока другие клерки, вперив глаза в рабочие компьютеры, боялись поднять головы, Фастр развлекалась.

Поначалу трудно было определить, какие эмоции вызывало у нее это развлечение, потому что заключалось оно в молочении пальцами по клавишам пульта управления персонального компьютера, нашептывании сквозь скрежещущие зубы длинного потока ругательств, приводивших в смущение и бросавших в краску видавшую виды Сент-Клер, а также в периодическом выкрикивании громких, по всей видимости, победных возгласов. Наконец Сент-Клер решилась взглянуть на экран компьютера, чтобы узнать чем вызвана столь бурная реакция Фастр. Толстуха заколотила пальцами по клавиатуре приборной доски, после чего на экране замельтешили какие-то цифры. Каждое избиение клавиатуры сопровождалось новыми проклятиями. Постепенно Сент-Клер начала понимать, что к чему. Цифры, возникавшие на экране, были алгоритмами. Фастр играла в игру. И этой игрой был бридж.

Сент-Клер выявила не просто слабость, а тяжелое заболевание.

— Самая настоящая бриджеманка, — сказала она позже Стэну, — судя по ее очаровательным выходкам и возгласам во время игры. Никакие блага Вселенной не заменят ей бридж. Людей она ненавидит. Но для того, чтобы получить истинное удовольствие от игры в бридж, нужна компания.

— У нее есть персональный компьютер, — сказал Стэн.— С ним она может играть в любые игры, какие только пожелает. Причем на любом уровне.

— Сразу видно, что ты не картежник, — парировала Сент-Клер. — Наслаждаться игрой в карты можно только тогда, когда видишь реакцию партнера. В особенности это касается игроков в бридж. Выигрывая у компьютера, нельзя почувствовать запаха крови. Остается только остервенело молотить пальцами по клавиатуре.

— Итак, насколько я понял, ты прозрачно намекнула Фастр, что в некотором роде знакома с этим... э-э-э, как его?

— Бриджем. Прозрачные намеки можешь засунуть себе в задницу. Я прямо заявила Фастр, что наблюдала за ней. Не могла удержаться, объяснила я.

— И она не вцепилась тебе в горло? По-моему, Фастр способна сделать из тебя отбивную котлету за одну только попытку заговорить с ней.

— Ничего подобного, — ответила Сент-Клер. — Страстные игроки в бридж не в силах себя контролировать. Она прекрасно меня поняла. Особенно после того, как я сказала, что была чемпионом флота по карточным играм.

— Кем? Чего? Такого звания не существует!

— Неужели? Фастр об этом не знает. И вообще, плевать она на все хотела. В особенности после того, как я сказала, что хоть она, по всей видимости, и хороший игрок, я могла бы расширить ее познания.

Стэн был восхищен помимо собственной воли.

— Ладно, можешь завязать с ней близкий контакт. Выиграй несколько партий подряд. Потом проиграй парочку, чтобы заинтриговать ее. А затем выяснишь, каким образом ее можно переманить на нашу сторону.

— Не потребуется, — фыркнула Сент-Клер. — Мы программируем компьютер на партнерство. У меня есть полный доступ к этой штуке в любое время дня и ночи.

Стэн должен был немедленно дать указание Краулшавну и Соренсену возобновить работу над «Золотым Червем». Они закончили проект неделей раньше и, после проведенной Сент-Клер экспертизы, зашифровали убийственным кодом— гибридом воображения южанина и северянина.

Сент-Клер осталось только дождаться удобного случая внедрить его в компьютер Фастр. Загвоздка заключалась в том, что время работало не на нее. Следующей ночью Сент-Клер предстояло покинуть Колдиез. Если ей не удастся внедрить код сейчас, вся работа пойдет насмарку, придется начинать все сначала. Но за побегом могут последовать кровавые репрессии, и операция «Золотой Червь» окажется бессмысленной, поскольку именно от ее успешного выполнения зависело, удастся ли избежать резни, которую могут устроить таанцы.

Стэн вошел в камеру Вирунги. Его встретил один лишь старик. Разглядев в темноте печальное выражение лица полковника, Стэн понял — случилось что-то скверное. Он сразу подумал о поражении. А от этого поражения зависел исход операции «Золотой Червь».

— Ее схватили? — спросил он безучастным голосом, имея в виду Сент-Клер.

— Нет, — ответил Вирунга. — У нее... прошло успешно. Но... по другому... поводу.

Стэн решил прекратить гадать и предоставил Вирунге возможность высказаться.

— Как ты знаешь... Сент-Клер имела полный... доступ. К компьютеру.

Стэн утвердительно кивнул. Фастр позволяла Сент-Клер безраздельно пользоваться таанским компьютером в свободное время. Для того чтобы быть стоящим оппонентом, Сент-Клер требовалось хорошенько поломать голову над обдумыванием новых стратегий при игре в бридж. Но Стэну не казалось это важным. В компьютер были вложены лишь обычные данные о повседневной жизни Колдиеза, сводки о выплате жалованья охранникам, общие сведения о личном составе и заключенных. Стэн не видел необходимости ковыряться в этих данных.

— Сент-Клер... кое-что заметила, — сказал Вирунга, прерывая ход мыслей Стэна.

Выяснилось, что, поскольку Сент-Клер входила в компьютер и выходила из него, используя именной код Фастр, ей удалось ознакомиться со служебным журналом и узнать подробности о людях, использующих аналогичную систему, а также то, как часто они ею пользовались. Вскоре ей стал известен другой именной код. Казалось, он не только не принадлежал ни одному из сотрудников лагеря, но являлся поисковым, штудирующим записи путем последовательного применения шаблонной формулы «один-плюс-один-плюс-один», что было ужасно медлительным процессом, но благодаря ему не могло быть упущено ни одной детали.

Сент-Клер сгорала от любопытства, желая поскорей докопаться, кому этот код принадлежал и что искал человек, использующий его.

— Ей удалось это выяснить? — спросил наконец Стэн.

— Не искателя, — сказал Вирунга. — Только того... кого он искал.

— Прекрасно. Так что же это за личность, которой так сильно интересуются?

— Ты, — коротко ответил Вирунга.

Стэн был поражен.

— Но как...

Вирунга продолжал.

Неизвестный искал записи, касающиеся кого-то, чьи приметы совпадали с приметами Стэна. Этот методичный поиск был направлен на выяснение схожих черт или полной идентификации личности. Обнаружение Стэна было лишь делом времени.

Вирунга высказал вполне разумное предположение, суть которого сводилась к следующему: кем бы ни был этот субъект, он ищет Стэна явно не для того, чтобы заключить его в теплые дружеские объятия и осыпать градом подарков и поцелуев.

Резюме:

— Ты... и Килгур... должны... бежать!

От Стэна не поступило ни одного возражения. Он и Алекс уйдут вместе с другими. Оставалось лишь собрать команду беглецов в последний раз и ознакомить с непредвиденными изменениями в их планах.

Новость была встречена полным молчанием. Беглецы быстро прокрутили в мозгах роли, которые им предстояло сыграть, подумали о том, какое влияние будут оказывать на них Стэн с Алексом, решили, что проблем с этим не будет, и просто пожали плечами. Чем больше народу, тем веселее.

Тогда встала Сент-Клер и объявила о своем требовании внести еще одно изменение в план. Она больше не собиралась бежать в одиночку. Она хотела взять с собой Л'н.

— Это самая бредовая идея из всех, что тебе когда-либо приходили в голову, — успел выпалить Стэн, прежде чем Алекс ткнул его локтем в бок и предложил более дипломатичное разрешение вопроса. Позже Алекс объяснил Стэну, что ему следовало повременить с категоричными высказываниями — а затем растолковать женщине, что она перегнула палку.

— Я настаиваю на своем, — заявила Сент-Клер. — И будет по-моему.

Не успел Стэн сморозить какую-нибудь глупость, вроде полного отказа Сент-Клер, как она выложила свой козырь:

— Не пытайся меня остановить. Мы обе выйдем отсюда завтра ночью, и неважно, каким способом — через туннель со всеми или ползком под проволокой.

За неимением выбора Стэну пришлось сдаться. Если Сент-Клер выкинет еще один ковбойский трюк, возможность выбраться через туннель ей уже никогда не представится — а Стэн был абсолютно уверен в том, что, кроме смерти, ее уже ничто не остановит. Он долго не мог понять, почему Сент-Клер решилась на такой рискованный поступок. Большой Икс думал, что причиной всему явился ее вздорный характер — ведь с таким довеском, как Л'н, ее неминуемо схватят. Ему также не давал покоя вопрос, какую выгоду преследовала Сент-Клер, обременяя себя этим робким и застенчивым существом, нисколько не сомневаясь в корыстности ее побуждений.

Стэн ошибался в обоих случаях. Впервые в жизни Сент-Клер беспокоилась не только о себе. Она прекрасно понимала, какое впечатление произведет на Л'н весть о побеге Стэна. Лишившись моральной поддержки, идеала, которому поклонялась, Л'н будет обречена. Сент-Клер даже не догадывалась, что присутствие Л'н спасет жизнь им обеим.

Стэн согнул пальцы руки, и нож скользнул прямо ему в ладонь. Он мягко отрезал куски грунта, поначалу осторожно откладывая их в сторону, а затем разрывая землю руками, как ковшами экскаватора, с нарастающим неистовством. Вдруг на беглецов пахнуло свежим холодным ночным воздухом, пронизывающим насквозь, высушивающим пот, развеивающим угарный дым горящих ламп.

Стэн вылез в образовавшееся отверстие и встал на ноги — онемевший, ошеломленный. На фоне густой черноты виднелись слабые, мерцающие в дымке огни большого города, простиравшегося у подножия Колдиеза.

Вслед за Стэном вышел Алекс, схватил его за плечи и хорошенько встряхнул.

Они были свободны.

ГЛАВА 27

Победа, одержанная Империей в системе Дюрер, считалась крупной. В дискете, содержащей сведения о главных исторических событиях, по которой в обязательном

порядке занимались студенты средних учебных заведений всех планет Империи, картина сражения была представлена в виде нескольких стрел, указывающих направления ударов.

В это время атака производилась... здесь. Красная стрелка неслась через звездные системы. За ней следовала вторая атака... тут. Встреча произошла... там. Голубая стрелка. В результате получилось... вот что.

Самые любознательные могли, с разрешения высшего военного руководства, получить доступ к специальной дискете и ознакомиться с более детальными подробностями хода сражения.

Вот тут-то в их головах и начиналась настоящая путаница. Поначалу события, развернувшиеся в системе Дюрер, имели различные названия: Бои при Дюрере — Аль-Суфи, Первая Имперская контратака, Второе наступление таанцев, Столкновение флотов в разгар войны с таанцами, и так далее, и тому подобное, с идиотскими, сбивающими с толку бесконечными перечислениями кораблей, задействованных в сражении.

Еще более затуманивали мозги прилежных студентов сведения обо всех без исключения лицах, принимавших участие в боях.

Сражения стали излюбленной темой для изучения, как у дилетантов, так и у профессионалов. И те и другие искали перспективу, которая помогла бы им понять, что же все-таки происходило в течение тех нескольких недель. Для историков, пожалуй, важнее всего было усмотреть что-то величественное и грандиозное в боях, которые, по сути дела, были кровавыми и беспощадными, бессмысленными драками с завязанными глазами, унесшими жизни нескольких миллионов людей.

Они тщетно будут искать понимание и перспективу. Потому что никакой перспективы никогда не существовало.

Капитан отряда «Богомолов» по имени Бэт, облаченная в космический костюм, сидела в командирском кресле и наблюдала, как мимо нее проплывает целый таанский флот. При этом она жалела о том, что на Вулкане ее не приобщили к вере в одного или нескольких богов, которым сейчас очень кстати было бы помолиться.

Император как в воду глядел. Он не сомневался, что настоящее нападение будет совершено на Дюрер, а Аль-Суфи станет самой обыкновенной приманкой. На роль главнокомандующего вооруженными силами Империи он назначил маршала флота Яна Махони.

И все же... В мирную систему Дюрер с ее размеренным образом жизни, на протяжении многих веков спокойно дрейфовавшую в открытом пространстве, были доставлены какие-то развалюхи, отдаленно напоминающие таанские эскадренные миноносцы. Целая флотилия.

Как оказалось, это была именно она. Но было и такое, о чем таанцы не знали. Флотилия попала в засаду, устроенную имперскими боевыми кораблями, много месяцев назад, в совершенно другой системе. Все сигналы о помощи заглушались, так и не успев поступить ни на одну из таанских планет. Таанцы считали, что флотилия просто исчезла, возможно, совершив что-то ужасно героическое.

Корпуса разбитых кораблей были отремонтированы, интерьеры очищены от обломков и останков членов экипажей ребятами с крепкими желудками. Затем эскадренные миноносцы как следует залатали, напичкали мощными двигателями, сверхчувствительными сенсорами, всевозможной аппаратурой и отвели за Дюрер.

Управляли этими кораблями ребята из отряда «Богомолов», которым было приказано сидеть и ждать.

Экипаж Бэт, так же, как и другие экипажи, исправно выполнял свое задание, постреливая от скуки из орудий, недоумевая, зачем их заперли неизвестно куда для выполнения какой-то бессмысленной миссии. Рассматривая такое поведение как триумфальное бегство, «богомоловцы» поклялись главе своей секции, что сражаются не ради почестей и наград и готовы стоять насмерть, до победного конца. Их интересовал вопрос: почему на кораблях не установлены более сложные сенсоры, которыми управляли бы автоматы, а не люди?

Но главу подразделения «Богомолов» обвинять было не в чем. Идея целиком и полностью принадлежала Вечному Императору и маршалу флота Яну Махони. Разумеется, корабли с чуткими сенсорами могли быть расставлены только на пути таанских флотов, предназначенных для проведения настоящей атаки. Но что произойдет, если неприятель обнаружит хотя бы один из этих сенсоров? Разве таанцы не могли предположить, что имперские войска будут их поджидать?

Император считал нелогичным сажать в эскадренные миноносцы каких-то бессловесных роботов. Ян Махони по этому поводу цинично заметил, что вряд ли хотя бы один солдат отряда «Богомолов» позволит врагу захватить себя в плен и уж тем более оказаться подвергнутым депрограммированию, как обычная машина.

Истекая потом, проклиная все на свете, экипажи ждали. И вот наконец сенсоры заработали. Таанский

флот, состоящий из гораздо большего количества кораблей, чем даже то, о котором узнала Бэт во время брифинга на высшем уровне, выплыл из космоса в сторону миноносцев, которыми она командовала.

Бэт моментально передала в штаб нужную информацию. Из бортовых иллюминаторов судна, на котором она находилась, открывался прекрасный вид, если это можно так назвать, на таанский военный флот. Оставалось лишь надеяться, что враг, в свою очередь, не удосужится провести расследование и выяснить — откуда вдруг здесь взялись корабли, которые они давно сбросили со счетов.

Вечный Император находился на борту «Нормандии», своего личного командного корабля. Поскольку крейсер был оснащен самым передовым компьютерным оборудованием и самыми скоростными двигателями, ему не грозила опасность быть втянутым в сражение. В штаб боевых действий поступил приказ посылать на «Нормандию» подробные сводки всей информации, собираемой по ходу дела разведкой.

Император прекрасно понимал, что Махони скоро попадет в самую гущу боевых действий, и надеялся, что ему самому удастся, держась на расстоянии, все же прийти на помощь флоту, если Махони будет вынужден отойти от генеральной стратегии.

Император откровенно лгал всем, в том числе и самому себе, когда говорил, что не имеет никакого намерения вмешиваться в ход сражения. Он сделал все возможное для успешного исхода боевой операции.

Как сообщалось в предварительных докладах разведки, ничего не подозревающие таанцы довольно мило направились в самую западню. Впрочем, Император был сильно удивлен, узнав, что вместо ожидаемых двенадцати наступательных флотов откуда ни возьмись появилось более двадцати.

«Я сотру их в порошок. Это начало конца. Или, — нашептывала вечная личность инженера Рашида, — по крайней мере конец начала... Разрази меня гром! Возможно, это конец концов!»

Итак, Император приготовился спасать Махони и... свою собственную «стряпню».

К сожалению, таанские корабли-роботы, предназначенные для перехвата и глушения радиоинформации, которой обменивались системы Аль-Суфи и Дюрер, вторглись в имперский периметр, и Вечному Императору пришлось, сидя в кабине, оборудованной по последнему слову техники и электроники специально для проведения анализа во-

енных действий, вслушиваться и всматриваться в звуковые и визуальные помехи, перебивающие поток ложной информации о действиях на фронте как таанских, так и имперских вооруженных сил.

Сражение в Дюрере оказалось коротким для горстки имперских тактических кораблей и эскадренных миноносцев, в задачу которых входили сдерживание сил противника и защита системы. Из восьмидесяти девяти кораблей, ринувшихся навстречу атакующим таанским флотам, уцелело семь. Им было приказано остановить наступление врага, не допустить высадки их кораблей на планету и, наконец, приложить максимум усилий для нанесения силам противника как можно большего урона.

Сами того не ведая, они стали воинскими частями самоубийц. Корабли, приписанные к Дюреру и составлявшие атакующие звенья, не были ни последними достижениями инженерного искусства, ни устаревшими развалинами. В планы Империи входило как можно дольше вводить противника в заблуждение относительно того, что система Дюрер не охраняется и не ожидает нападения.

Властитель без зазрения совести отдал распоряжения, прекрасно понимая, что посылает людей на верную смерть.

«Ценой за сохранение целостности Империи» можно было бы назвать такие действия, если бы Вечный Император жил несколько тысячелетий назад, когда в ходу были подобные напыщенные и претенциозные выражения. Они предназначались для тупых обывателей, но никак не для правящей прослойки. Кровавая бойня, пусть даже на сей раз она была самой жестокой, происходила не в первый и, естественно, не в последний раз...

Расстановка тактических звеньев в системе Дюрер была отлично спланирована. Одна флотилия эскадренных миноносцев Империи пошла на вторгшегося противника. Две другие флотилии зависли в межгалактическом пространстве над системой в ожидании, когда передовые части таанцев будут втянуты в сражение, после чего пикировали «вниз», в самую гущу врага. Почти одновременно с ними шесть звеньев тактических кораблей поднялись «снизу» и также устремились на неприятеля.

Каждому тактическому кораблю было приказано сбивать первую попавшуюся цель. Члены всех экипажей быстро подсчитали процентное соотношение сил, сообразили, что они приговорены, и постарались отдать свои жизни за предельно высокую цену.

Очень благородно.

К сожалению, такая благородная и вместе с тем безрассудная решимость срабатывала в очень редких случаях — в основном в иллюзофильмах.

Когда у врага полное численное превосходство, никакая тактика не могла подвести корабли имперцев к атакующим силам противника ближе, чем на пушечный выстрел.

Отважная флотилия растворилась в шквальном огне снарядов, выпущенных из дальнобойных орудий постоянно прибывающих таанских крейсеров, не успев завязать бой.

Две флотилии, находившиеся над системой, бросились в самую гущу вражеских кораблей, чувствуя себя волками в овчарне — первые несколько секунд. У этих тридцати двух эскадренных миноносцев почти не было времени на выбор и корректировку целей. Едва несчастные атакующие успели произвести первые выстрелы, как тоже бесследно исчезли. Потери таанцев: уничтожено пять эскадренных миноносцев и пять вспомогательных судов; подбито два крейсера и два флагманских корабля.

На полусфере главного боевого штаба или на громадной проекции военного флота можно было увидеть усеянное обломками пространство вокруг системы Дюрер, сквозь которое предстояло незаметно просочиться маленьким смертоносным тактическим кораблям.

На экранах боевых штабов световые годы были разбиты на сантиметры. Реальность же оказалась таковой, что после разгрома кораблей Дюрера крутящиеся обло́мки разметало по Галактике примерно на двадцать световых лет. Экраны эскадренных миноносцев отражали совершенно другую картину. Рейдеры, пираты — как еще любили называть тактические корабли — не смогли уцелеть на поле брани. Возможно, таанцы ожидали атаки «снизу». Возможно, командиры такшипов проявили излишнее усердие и готовность сражаться до конца. Возможно, им просто не повезло. Никто никогда не узнает об этом. Все экипажи погибли.

Имперская пропаганда подняла большую шумиху вокруг этой обреченной атаки. Высшее руководство с барского плеча выделило несколько почетных наград героям — посмертно. Средства массовой информации обнародовали сведения о том, насколько эффективным оказался этот рейд, в результате которого два таанских линкора были уничтожены и один подбит; один крейсер уничтожен и два подбито; четыре эскадренных миноносца подбито.

Послевоенный анализ: один эскадренный миноносец взорван; один крейсер слегка поврежден.

Но к тому времени никто уже не хотел вообще вспоминать о войне, а тем более о том, сколько обреченных смельчаков погибло из стремления стать героями вместо того, чтобы добиться успеха.

Оригинальная стратегия леди Этего заключалась в следующем: один флот должен был бомбардировать систему Дюрер, второй — захватить ее, а третий — оставаться в резерве.

Имперское командование Дюрера предвидело нечто подобное. Начальники штабов, готовые к великому противостоянию, были сильно удивлены, когда таанские флоты ворвались в систему не с той стороны, где их поджидали.

Вероятно, они пришли в небольшое замешательство — по крайней мере поначалу. В конце концов после того, как человек разогревает свою храбрость до критической отметки только затем, чтобы обнаружить бесполезность подобного куража, ему требуется время на осознание собственной глупости и восстановление нормального уровня адреналина в крови.

Но смятение продолжалось недолго, поскольку имперские офицеры Дюрера поняли, что уцелели и, скорее всего, останутся в живых еще какое-то время, что сражение состоялось без их участия и нужно просто постоянно быть начеку.

Возможно, именно поэтому так много мемуаров, посвященных битвам в Дюрере — Аль-Суфи, было создано имперскими военными, находившимися в системе Дюрер.

Они остались в живых и смогли их написать.

Лорд Ферле, стоя на капитанском мостике командного корабля, восхищался величием почти беспрепятственного вторжения первых четырех флотов в систему Дюрер. Впереди таанцев ждали богатые промышленные планеты, а затем и само сердце Империи. Ради этого стоило идти на любые жертвы.

В который раз лорд Ферле подумал о необходимости участия надзирателя в любом важном деле.

«Каким бы воодушевленным и талантливым ни был человек, отвечающий за выполнение задания, над ним всегда должен стоять кто-то, кто мог бы сделать шаг назад, остаться в тени и контролировать ход событий, суметь вовремя определить, обречено это задание на успех или на поражение, действовать на благо общих интересов, не забывая при этом и себя. Леди Этего — прекрасный стратег, — размышлял лорд Ферле. — Но, спасибо нашей системе, всегда найдутся думающие люди, способные укротить пыл блестящих лидеров, те, которые могут указать: «Вот какое грандиозное решение вы просмотрели».

Ферле блаженствовал, купаясь в волнах приятных мыслей, когда снаряд «Кали» разорвал его командное судно напополам.

Маршал флота Ян Махони вовсе не был удивлен, когда начиненные роботами таанские корабли перенесли его огромный коммуникационный экран в страну Тарабарию. Он ожидал, что нечто подобное должно было произойти.

Несмотря на хмурые взгляды и клятвенные заверения высококвалифицированных специалистов в надежности работы главного канала связи, Махони настоял на установлении целой серии линий — замкнутых и двусторонних, — соединенных с другими кораблями всех флотов, находившихся под его командованием. Сообщения, поступавшие с разных мест, ловились отдельными приемниками, к каждому из которых был приставлен свой техник, обученный докладывать, но не комментировать.

Судя по первому сообщению, поступившему с одного из кораблей, события развивались точно по задуманной схеме. Затем боевой штаб превратился в калейдоскоп. Все находящиеся в нем компьютеры снова и снова повторяли предыдущую информацию.

Махони отдал распоряжение отключить компьютеры связи и начал слушать доклады, поступавшие непосредственно с мест сражения.

Глупо было пытаться победить таким способом.

Таанцы вступили в бой, веря в свою непревзойденность по части обмана, но не позволяя себе переступать определенную черту, во избежание промашки. Именно в этом заключалась самая главная их ошибка.

Впрочем, они допустили и множество других ошибок. Одна из наиболее значительных — не учтенная историками, поскольку явных героев не было, — заключалась в том, что таанцы слишком уж понадеялись на свои минные поля, заблаговременно обезвреженные имперскими «саперами».

Таанцы, в отличие от своего противника, на протяжении многих веков совершенствовали эти невзрачные предметы, таящиеся в засаде, пока что-нибудь не заставляло их взрываться. А поскольку им удалось создать мины, которые не только могли быть быстро разбросаны, но и, благодаря прекрасной маскировке, незаметно подкрадывались к вражеским объектам и уничтожали их по команде, они успокоились.

Несколькими годами раньше молодой командир тактического корабля по имени Стэн придумал способ направлять «умные» мины на их же хозяев. Таанцы, поглощенные мас-

сой других забот, так и не поняли этого. Стэн в обычном порядке послал военному руководству доклад о своем открытии. Но открытие, сделанное каким-то офицеришкой, было принято в штыки.

Таанцы щедро посеяли свои мины в космических полях между системами Аль-Суфи и Дюрер, рассчитывая на то, что они не только заблокируют неизбежную контратаку, но и сыграют предупредительную роль.

Имперские эскадренные миноносцы, что входили в состав флотов, притаившихся в пустоте между и за системами Аль-Суфи и Дюрер, давно заметили минеров, засевающих межгалактическое пространство, вычислили минные поля и обезвредили их все до одного. Результат был поразительным.

В представлении таанцев, имперские флоты возникли из ниоткуда. Тем не менее их боевые компьютеры быстро проанализировали ход наступления. Тактические корабли прикрывали атакующие вместе с противокорабельными крейсерами-убийцами, образуя передний заслон. За ними шли эскадренные миноносцы, а потом уже регулярные войска — боевые суда, крейсеры и вспомогательные тактические корабли.

Компьютеры выдавали правильную информацию, соответственно которой таанские адмиралы принимали решения.

И все же состав вооруженных сил Империи оказался не таким, как они ожидали.

Махони отлично понимал, что недостаточно подготовлен для ведения широкомасштабных действий. Оставалось надеяться на какой-нибудь суперплан. Перед тем, как покинуть Прайм-Уорлд, он провел небольшое исследование, желая выяснить, какие принципы брали за основу великие стратеги при составлении грандиозных проектов.

Картина получилась суровой и неутешительной. На счету даже таких маститых генералов, как Дариус, Филлип, фон Шлейффен, Гайяп, М'Кии и П'ра Т'онг, поражений было не меньше, чем побед. Махони, не причислявший себя к их категории, решил вести войну по собственному разумению— то есть незамысловато и непредсказуемо.

Тактические корабли прекрасно справились со своей задачей. Махони решил, что благодаря запланированной путанице, которую они должны были внести, у имперцев появится не только хороший шанс уцелеть, но и нанести кое-какой ущерб силам противника.

В действительности крейсеры были просто ненужным хламом, транспортными суденышками без экипажей, с фальшивыми электронными опознавательными знака-

ми. На их бортах стояли только автоматические пусковые установки одноразового пользования, считавшиеся настолько примитивными, что применялись лишь в тех случаях, когда цель была предельно ясна и полностью совпадала с траекторией полета снаряда.

Миноносцы также были подставными. На них стояли имитаторы ракетоносителей «Кали» с расширенным радиусом действия. За ними шли настоящие асы.

Сражение началось. Крейсеры были быстро превращены в газообразное облако. Почувствовав свое превосходство, таанцы остервенело набросились на эскадренные миноносцы.

Высокомерные вояки обычно рассуждали так: нападающий всегда ведет себя в определенной манере. Когда опасный противник-саблист превращается в берсерка или гранатометчик — в камикадзе, требуется время на приспособление к его тактике.

Подобное приспособление стоило таанцам большинства прикрывающих миноносцев и привело боевые порядки трех флотов в хаотическое скопище.

Но это еще не было катастрофой. Адмирал П'райзер, автоматически принявший на себя командование сражением после прекращения связи с кораблем лорда Ферле, приказал трем введенным в заблуждение флотам открыть огонь, а находившимся за ними сгруппированным флотам прорываться вперед и вести наступление.

Стрела была выпущена и устремилась в полет.

Угрюмый лорд Ферле, облаченный в космический скафандр, хмурым взглядом следил за техниками, суетившимися в центре управления покалеченного командного корабля.

Ферле понимал, что может просто из принципа приказать любому из находившихся здесь людей вдыхать вакуум вместо кислорода. Или запрограммировать приказы флотам, которыми командовал... Ни одно из этих распоряжений не изменит ситуацию, в которую он попал; сражение вышло из-под контроля, он не получал никакой информации о происходящем.

Разбитый корабль лорда Ферле кружился в пустоте, вдали от фронта.

Мысль о том, что корабль, по всей вероятности, взорвется через несколько часов или исчезнет в межзвездном пространстве, занимала его сейчас больше всего.

Корабли леди Этего ворвались в систему Аль-Суфи, не встретив почти никакого сопротивления.

Шесть конвоируемых караванов транспортных судов, груженных АМ-2, были остановлены и уничтожены вместе с их эскортами.

Не отступая от приказов, леди Этего все же решила, что нападение на Аль-Суфи будет настолько стремительным и беспощадным, насколько ей это удастся.

Атакующие корабли несли смерть и разрушение планетам-хранилищам, оставляя за собой хаос и ад. После столь варварского налета восстанавливать разгромленные объекты придется многим поколениям аль-суфийцев.

Но в самый разгар триумфального наступления леди Этего вдруг поняла, что произошло.

Весь этот хаос и разрушение ей удалось произвести не потому, что она обладала блестящим умом, а потому, что система Аль-Суфи почти не была защищена. Успех леди Этего обусловливался тем, что представители Империи не строили никаких планов насчет ограждения системы от атаки таанцев.

Это могло означать только одно — ее грандиозный план, направленный против системы Дюрер, был раскрыт. Таанские флоты попали в ловушку.

Однако леди Этего это нисколько не смутило. Ни один человек, ни один таанец не обвинит в случившемся лорда Ферле и проклятых гражданских после оказанного им доверия. Леди Этего развернула и направила самые быстроходные боевые корабли в систему Дюрер, посылая сигналы тревоги на всех частотах.

Но к тому времени было уже слишком поздно.

Мужчину звали Масон. Все во внешности этого человека, от спецодежды боевика без всяких опознавательных нашивок до жуткого шрама, изуродовавшего лицо, говорило о том, что он был убийцей.

И Масон на самом деле был убийцей. После получения тяжелых ранений командир орденоносного тактического корабля был направлен на преподавательскую работу в летную школу — и, между прочим, стал там для Стэна посланником Немезиды. Из-за ранений Масон уже не мог лично управлять кораблем. Но война продвинула его по службе. Масону дали первую адмиральскую звездочку и назначили командующим эскадрой миноносцев быстрого реагирования.

Управлял он ею по тому же принципу, что и флотилией тактических кораблей. Члены экипажей миноносцев ненавидели его. Масон требовал от своих подчиненных полного повиновения, абсолютной преданности и вместе

с тем инициативности. За ошибки, оплошности и даже малейшие недочеты солдаты часто попадали под трибунал.

Один из эскадренных миноносцев Масона захватил таанский корабль, который, как оказалось, был набит имперскими заключенными. Увидев, как обрадованные своим спасением бывшие военнопленные сплошным потоком хлынули через воздушный замок, один из масоновских приближенных заорал: «Убирайтесь прочь, придурки! Не знаете, куда попали? Я научу вас, как нужно себя вести!»

Масону позволили командовать эскадрой только по одной причине. Его кораблями было одержано больше побед, чем любым другим подобным подразделением любого имперского флота.

В данное время Масон вел миноносцы, сгруппированные в четыре формирования, в тыл таанских флотов.

Имперские флоты сидели в засаде за пределами Дюрера, получив приказание начинать атаку только после того, как таанцы будут вовлечены в сражение.

Врага ждал сюрприз. Этим сюрпризом был состав вооруженных сил Империи. Верфи Сулламоры, расположенные в Каиренсе и якобы находившиеся на грани катастрофы из-за проблем с рабочими, сослужили хорошую службу. Император ожидал прибытия двенадцати совершенно новых кораблей.

Но, превзойдя все его ожидания, таанцев атаковали целых тридцать боевых кораблей, оснащенных сверхмощными двигателями и современнейшими орудийными установками.

Началось кровопролитие.

Даже если бы информацию о ходе сражения передавал какой-нибудь радиоприемник, работающий на всех волнах, путаница была бы неимоверной.

— Самсон, Самсон... вижу цель... докладываю о повреждениях... прибывающий замечен... шесть таанских кораблей выведены из строя и... Стреляй, чертов ублюдок!.. Самсон, вы меня слышите?.. Эскадры, боевая готовность... Сменить орбиту. Восьмой, вас понял... запуск из... Самсон, говорит Уитвей. До вас доходят сигналы этой станции?.. Трансляция по всем каналам... Боевые соединения Нострenда, передислоцируйтесь в сектор один за тридцатым... (пронзительный крик)... Аллах дает нам силу... Самсон, Самсон... Вы видели, как этот взмыл вверх?.. Всем эскадрам... Самсон, Самсон... вы слышите?..

А вот что передавали четыре станции, настроенные на контрастное сопоставление:

Флоту маршала Яна Махони:

— Сектор один, Сектор один, говорит Свобода-Семь. Стрелять больше не в кого.

Леди Этего:

— Появились неизвестные соединения... говорит таанский боевой корабль «Х'рама». Поступило подкрепление. Вам нельзя дольше оставаться на прежней орбите. Просьба оказать содействие...

Лорду Ферле — не получено:

— Командующий... Командующий... говорит Л'ризер. Операция «Удар в сердце» отменяется. Задействован план «В'мон». Всем кораблям, всем соединениям. Начинайте отступление. По возможности поддержите преследуемые формирования.

Совершенно секретная шифрограмма маршала флота Яна Махони Вечному Императору:

— Силы таанцев на исходе. Повторяю, враг прижат. Вопрос — что подавать к столу? Второй вопрос — какое вино?

Хотя поэтапные экзекуции казались беспорядочными из-за названий, можно было сделать несколько абсолютно очевидных выводов относительно сражений Дюрер — Аль-Суфи.

Таанцы были повержены. Их главное наступление, целью которого являлось одержание победы в войне, было приостановлено и отбито. Почти полный разгром лучших таанских соединений означал, что пройдут многие годы, прежде чем таанцы оправятся от поражения и смогут подготовить другое подобное наступление.

Император надеялся — и, надо сказать, не без оснований— на то, что эти выводы так же очевидны и для врага.

Это могло быть началом конца Таанской империи — но для достижения полной победы придется все же пройти длительный, кровопролитный и, конечно, непредсказуемый путь.

Император не мог позволить себе допускать новые ошибки.

КНИГА ТРЕТЬЯ. «КОБО-ИШИ»

ГЛАВА 28

Таанская империя оправлялась от тяжелого потрясения, постигшего ее в системе Дюрер, как человек, которого со всего маху ударили в живот бейсбольной битой. Она перегнулась пополам, жадно хватая воздух широко раскрытым ртом, остро ощущая недостаток кислорода в легких. Кровь стучала в ее висках, как молот по наковальне, давила на барабанные перепонки. Империя напоминала человека, которому угрожает кровоизлияние в мозг.

Она была загнана в угол и оставалась там долгое время после знаменательного события, о котором по прошествии многих тысячелетий даже нерадивые студенты будут говорить: «То был переломный момент в истории Вселенной. Настало время, когда необходимо было пересмотреть приоритеты, выработать другую стратегию, сочинить новые сценарии». Потому что, как сказал когда-то один древний философ: «Дело не сделано, если оно не закончено». Или, как любил выражаться Вечный Император, позаимствовав изречение у своего любимого политического деятеля: «Победа — это еще не все. Но поражение — это даже не кое-что».

О сражениях в Дюрере — Аль-Суфи в Таанской империи постарались забыть сразу же после их окончания, как о неприятном факте. Но война продолжалась. И это был еще один неприятный факт, который таанцы чувствовали всем своим нутром. Хитрость заключалась в том, чтобы заставить мозг понять то, что ощущали внутренности, без вспарывания живота и вываливания кишок наружу.

Они ушли в себя, обострили все инстинкты в поисках ошибок, выявлении вины. Они обратились к духовности, желая черпать из нее силу и вдохновение, но встретили сопротивление со стороны полярных культур: северной, на которой поражение никак не отразилось, и южной, представители которой контролировали каждую грань жизни таанцев, отшлифовывали ее в соответствии с волей правительства, ненавидели и принимали в штыки все нетаанское. У таанцев не было великих лидеров вроде Шеклетона или Перри. Один только лорд Ферле — человек, возглавивший второе в истории империи грандиозное поражение.

Ферле не был трусом. Он не совершил ритуального самоубийства после поражения. Вместо этого он вернулся на Хиз, уверенный в том, что его лишат всех титулов и наград, казнят, а имя предадут забвению. Если народ захочет выплеснуть свой гнев и поглумиться над его еще не остывшим телом, то так тому и быть.

Однако, вопреки своим ожиданиям, лорд Ферле снова стал появляться на экранах во время трансляции новостей в окружении членов Верховного Совета — в почетной должности генерал-губернатора недавно завоеванной таанцами территории. Эта метаморфоза с повышенным интересом отмечалась каждым грамотным таанским обозревателем, знавшим о сражении при Дюрере. Вечный Император — самый сведущий человек в области политики — здорово рассердился, просматривая отснятые на пленку материалы о неожиданном возрождении таанского лорда. Он никак не ожидал, что Ферле уцелеет.

Узнав о том, что лорд Ферле лично возглавлял военную экспедицию, Император подумал: «Крушение политической карьеры этого человека будет дополнительной наградой за уничтоженные корабли и разорванные на куски тела имперцев». Возобновление активной политической деятельности лорда Ферле было лишним поводом поторопить события, и Вечный Император приложил для этого все усилия.

Весть о намерении Императора обрушить на таанцев поток правдивой информации ужасно напугала их правителей, всячески пытавшихся скрыть факт поражения в системе Дюрер. Даже старый циник Пэстор понял, что время для политических разборок совсем неподходящее. Когда он узнал о готовящейся акции, его стошнило. Вытерев губы, Пэстор побежал на внеочередное заседание Верховного Совета, полный решимости удержать своих коллег от снятия с поста лорда Ферле, прекрасно понимая, что после этого начнется драка между бюрократами за пост главы Совета.

Даже в лучшие времена при выборе лидера часто возникали конфликтные ситуации, поскольку в правительстве существовало слишком много клик и фракций. В настоящее время единство мнений было особенно необходимо — оно могло сплотить руководство наподобие обручей, коими бондарь скрепляет огромную бочку, если содержимое ее превышает допустимый уровень.

Пэстор отлично понимал, что лучшая кандидатура на роль лидера — леди Этего, хотя сильно ее недолюбливал. Когда наступит день смещения с поста лорда Ферле, она останется единственным рыцарем в белых доспехах. Со-

бытия, произошедшие в системе Дюрер, очернили репутацию лорда Ферле, чего нельзя было сказать о леди Этего.

Для сохранения единства нации таанцам нужны были герои — так же, как древним персам нужен был миф о Джемчииде. Пэстор появился на заседании, вооруженный всеми известными ему политическими и дипломатическими уловками.

Как ни странно, его усилия не встретили большого противоборства со стороны членов Совета. Поскольку все они не хуже Пэстора понимали серьезность положения, им не требовалось объяснять, что война с Империей будет проиграна сразу же, как только новость о поражении таанцев в системе Дюрер станет общеизвестной. Первый же указ, изданный Верховным Советом, был направлен против всех, от кого могла исходить информация подобного рода.

В обществе, где любые сведения не только контролировались, но и нормировались, приказы выполнялись безоговорочно. Огромное количество средств, сил и энергии было затрачено на выполнение этого указа. Он, словно кляп, заткнул рот как журналистам, так и очевидцам событий. Ученым, желавшим разобраться в сложившейся ситуации, следовало обратиться за наглядными примерами к истории человечества, омытой волнами штурмовых сражений — таких, как битва при Фермопилах, наступление русских летом 1943 года, события в Айяпу или имперская катастрофа в Сарагосе во время Муэллеровских войн.

Взорванные корабли были вычеркнуты из всех списков и регистрационных журналов. Выживших в сражениях людей уничтожали или сажали в тюрьмы — так же, как их друзей и семьи погибших и раненых. Снабженцы и военные, находившиеся за линиями фронта, «по неизвестным причинам» были сосланы в дальние пустынные регионы. Даже к старшим должностным лицам по ночам вваливались сотрудники службы безопасности и допрашивали, выведывая любую компрометирующую информацию о сражении при Дюрере. Затем допрашивали самих допрашивавших. Репрессии продолжались довольно долго, пока таанская бюрократическая система не вычистила и не запломбировала все дырки.

Таанцы даже задействовали разрушительную программу «Манхэттен» для усовершенствования и усиления самой великой подавляющей системы в истории Вселенной. Но, несмотря ни на что, она дала течь, когда Вечный Император включил машину пропаганды на всю катушку.

Беспрецедентные усилия таанской верхушки вызвать провалы памяти у своего народа сталкивались с не менее беспрецедентными усилиями Императора их устранить.

Пользуясь явным преимуществом, Император правой рукой направлял армию и флот в вакуум, оставленный таанцами, а левой рукой дирижировал мощной машиной пропаганды. Эквиваленты маленьких солнц он превратил в радиомаяки, возвещавшие на все галактики о великом поражении Таанского Союза.

Информация, обрушенная Императором на Вселенную, напоминала вторжение огромного войска, состоявшего из тысячи кораблей и миллионов солдат. И с чем большим упорством Император усиливал мощность звука, тем с большим отчаянием таанцы пытались его заглушить. Император загнал таанцев в тупик.

Мрачное уныние охватило всех членов Верховного Совета — от высокопоставленных чиновников до ничтожных клерков. Никто точно не знал, что произошло, но каждый дрожал за свою шкуру. Ни одно простейшее решение не принималось без одобрения начальства. По сути дела, такое поведение было осмотрительным и мудрым, поскольку малейшее отклонение вправо или влево могло расстроить или подвести начальника, боявшегося неожиданных последствий не меньше, чем его подчиненные.

В довершение ко всему в Таанской империи стал наблюдаться резкий спад производства во всех областях народного хозяйства, что привело к острой нехватке различных продуктов. Полки магазинов, не славившиеся большим ассортиментом товаров даже в лучшие времена, и вовсе опустели после событий в системе Дюрер. Что же касается АМ-2, оно выделялось только для военных нужд, да и то в очень ограниченных количествах. Получателей строго регистрировали, чтобы в случае ошибки было на кого свалить вину.

Да, таанцы поостыли и ушли в себя после Дюрера. И официальная политика Вечного Императора заключалась в том, чтобы тыкать их мордами в дерьмо до тех пор, пока «кичливые лозунги не застрянут у них в глотках».

ГЛАВА 29

Сердце полицейского майора Генриха учащенно забилось, когда он услышал крики охотников из-за деревьев. Добычу выследили. Майор шепотом помолился за то, чтобы тревога не оказалась ложной. С тех самых пор, как был совершен побег, Генрих и его люди обшаривали окрестности вдоль дорог, реагируя на малейшие шорохи, в надежде напасть на след наглецов.

Обычно соблюдение полной секретности в любом деле было второй натурой Генриха. Но сейчас он и другие члены группы охотников попали в довольно щекотливую ситуацию. Провал памяти означал запрет на опрос местного населения для выявления маршрута передвижения беглецов. А без широкомасштабных поисков весьма трудно выследить добычу, окружить ее и расстрелять из автоматов.

Несколько раз удача улыбнулась охотникам, но этого было недостаточно.

Майору нравилась только одна часть полученного приказания: каждый найденный заключенный должен быть убит на месте. Беглецов не следовало допрашивать; достаточно просто приставить к затылку ствол крупнокалиберного автомата и нажать на курок. То, что этот расстрел исключал возможность выпытать у беглеца, где находятся остальные, Генриха вовсе не интересовало. Он был из тех людей, которые довольствуются малым.

Крики поисковой группы усилились. Майор затаил дыхание и покрепче сжал автомат. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться, на месте ли его люди. Генрих чувствовал, как нарастающее напряжение заставляет их сплачиваться вокруг него все теснее. Впрочем, он был готов и к разочарованию.

После проникновения в лес шансы добычи увеличивались, потому что теперь за нее можно было запросто принять гонимую страхом фермерскую скотину. Тогда в качестве компенсации за неоправдавшиеся надежды охотникам останется только изрешетить животное пулями, превратив в кровавое месиво.

Увидев, как зашевелилась листва одного из деревьев, Генрих сбросил с плеча автомат. Другие солдаты, окружавшие его, сделали то же самое. Донесшийся до них звук был похож на треск сухой сломанной ветки. Там! Вон там!

Две фигуры отделились от деревьев, постояли в нерешительности, а затем, спотыкаясь, бросились бежать через опушку леса.

Генрих мгновенно определил, что они были: а) людьми; б) один — высоким, другой — низким; в) заключенными. Он первым нажал на спусковой крючок, после чего поднялся адский грохот — его люди тоже открыли пальбу.

Огонь настиг заключенных в пяти-шести шагах от деревьев. Они рухнули на землю как подкошенные и покатились по траве. Стрельба прекратилась, гулкое эхо сменилось тишиной, а затем беспорядочным «тра-та-та-та» контрольных автоматных очередей. Распластанные на земле тела судорожно подергивались.

Раздалось клацанье перезаряжаемых магазинов. Генрих и его люди поднялись на ноги и подбежали к великану в белом, залитом кровью мундире. Генрих чуть не потерял ботинок, увязнув в луже крови, образовавшейся в траве возле первого тела. Мужчина был огромен. Генрих пнул труп ногой, перевернув его на спину. Черты лица были искажены, но узнаваемы — Ибн Бакр. Вторым трупом оказалась Элис.

Генрих развернулся, чтобы поздравить группу убийц. Его взору предстали сияющие лица с робкими, почти детскими улыбками на губах. Лишь у одного человека выражение лица по-прежнему оставалось хмурым.

Ло Прек посмотрел на Ибн Бакра и выругался в сердцах, сетуя на то, что лежавший у его ног человек оказался не тем, кого он так жаждал увидеть. Стэн опять выскользнул из его сетей.

Вирунга сидел на очень неудобном металлическом стуле с перекладинами. Суставы его покалеченных ног так сильно ныли, словно он сидел в приемной уже несколько дней. Хотя, судя по шаркающим шагам заключенных и звукам, доносившимся со двора, Вирунга понял, что прошло не больше четырех часов. Слишком много лет он провел в таанских тюрьмах, чтобы не догадываться, какую игру затевал Держин. Ожидание было обычным предварительным процессом. И все же знания правил не упрощало игры.

С того самого момента, как Вирунгу вызвали, от его прежней самоуверенности не осталось и следа. «Нужно ли готовиться к пыткам? Ведь меня и раньше пытали. Старайся не думать об этом. Я не могу. Пожалуйста, я не вынесу этого. Заткнись! Ты должен! — В душе Вирунги шла внутренняя борьба. — Пораскинь мозгами».

Ему еще ни разу не доводилось оставаться один на один с Авренти, экспертом Держина по грязной работе. Но он уважал этого человека. «Думаю, Авренти лучше Держина... Черт! Опять путаешь понятия. Замени слово «думаю» на «знаю». Да. Так-то лучше. Должно открыться второе дыхание. Будь хитрее, придумай какую-нибудь уловку. У тебя есть вопросы, Вирунга. Задай их. Заставь таанцев отвечать. Не давай им времени опомниться. Забросай вопросами. Вопросами типа... Почему репрессии неожиданно прекратились?»

При составлении плана Стэн и Вирунга учли возможность репрессий. Первой реакцией таанцев на побег будет гнев, который они выплеснут на заключенных. Начнутся избиения, урезание пайков, выявление людей, принимавших непосредственное участие в подготовке к побегу. Появятся жертвы. Этого никак нельзя избежать. Начнется трав-

ля козлов отпущения — беспечных охранников, офицеров, верность и преданность которых окажутся под сомнением. Тюремное начальство станет и более осторожным, поняв, что во всем могут обвинить его. Многим придется задуматься над своей карьерой, когда возникнет угроза кризиса. Слухи о побеге дойдут до политиков, и они забросают Колдиез тухлыми яйцами.

Стэн и Вирунга решили перестраховаться: подтасовать колоду, подбросив в нее пятого туза. Пятым тузом был «Золотой Червь», которого Сент-Клер внедрила в компьютер Колдиеза.

Это был вирус, день и ночь дурачившийся цифрами и данными. Дроби становились целыми числами, минус менялся на плюс. В результате — вуаля! Колдиез гордится высокими показателями и достижениями, о которых не мечтал даже самый оптимистичный таанец. У Держина будет абсолютное подтверждение того, что эксперимент с лагерем для военнопленных удался на славу. Слишком длинным стал список неудач и поражений Таанского Союза, чтобы игнорировать такой блестящий успех.

У вируса была и вторая функция. С течением времени он пожирал ключевые зоны памяти компьютера. Вскоре ни один таанец не сможет догадаться, насколько реальная действительность будет отличаться от компьютерных характеристик.

Первая волна репрессий прокатилась по лагерю сразу же, как только охранники узнали о внезапном исчезновении военнопленных. Начались допросы, избиения, несколько человек были убиты. Но таанцы так и не смогли выведать секрет катакомб и туннеля, ведущего к скале за стенами лагеря.

И вдруг допросы неожиданно прекратились — так же быстро, как и начались. Заключенных перестали держать в черном теле и пристально следить за ними.

Это было очень кстати. Вирунга собирался вынести оружие, которое он и Стэн нашли в одном из помещений подвалов. Такая акция была равносильна самоубийству, но провести ее было крайне необходимо.

Головорезы Вирунги докладывали ему о привычках и образе жизни лагерного начальства. Офицеры вели тайные переговоры с другими, «безликими» таанцами по компьютерным линиям связи. Вирунга чувствовал, что назревает какой-то кризис. Враг вел себя оживленно и встревоженно.

И вдруг, в тот самый момент, когда Вирунга ожидал прорыва гнойника, обстановка в лагере резко переменилась. Буквально всех — от тюремных надзирателей и охранников до высокого начальства — охватило уныние.

Заключенные были очень удивлены потерей к себе интереса. Создавалось впечатление, что к ним стали относиться с большим уважением и осторожностью. Вирунга был уверен — что-то произошло, какое-то важное событие, о котором он прочтет в исторических книгах, — если, конечно, доживет до того времени, когда окажется на свободе. Но никто не имел ни малейшего представления о случившемся. Особенно таанцы.

Вирунга насторожился, когда двери кабинета коменданта отворились. Охранник с бесстрастным лицом подал знак двум своим приятелям, стоявшим по обеим сторонам от заключенного. Вирунга отбросил в сторону раздражение и досаду и с трудом поднялся со стула, хрустя суставами. Выбрав удобную позу, он выставил вперед костыли и оперся на них своим грузным телом. Из уважения к предводителю заключенных охранники расступились.

Атмосфера в комнате была натянуто-спокойной. Авренти сидел в кресле в углу, делая вид, что просматривает какие-то бумаги. Комендант Держин стоял у окна, спиной к Вирунге, и смотрел вдаль рассеянным взглядом.

Вирунга остановился в самом центре комнаты. Он не оглядывался по сторонам в поисках стула, на который так кстати было бы взгромоздить покалеченное тело. Он просто стоял посреди кабинета, опираясь на костыли, терпеливо и молча дожидаясь начала игры.

Прошло довольно много времени, прежде чем Держин оторвал взгляд от окна и развернулся. Казалось, он только сейчас узнал о присутствии Вирунги.

— А, это вы, полковник. Спасибо, что пришли.

Вирунга не доставил ему удовольствия своим ответом. Но Держин вроде бы даже не заметил этого. Он подошел к письменному столу и сел за него. Взяв в руку какую-то фотографию, Держин внимательно посмотрел на нее и положил на место, забарабанив пальцами по столу, словно пытался вспомнить, зачем вызывал Вирунгу.

— У меня есть информация о... э-э... как бы поточнее выразиться... о пропавших членах вашей команды.

Вирунга оторопел. Редкая шерсть на его спине встала дыбом, словно по позвоночнику прогулялся ледяной арктический ветер.

— Да? — Вирунга боялся задать лишний вопрос.

— Простите, полковник, но я вынужден сообщить печальную новость. С вашей точки зрения, конечно. Их поймали. Всех до единого.

Вирунга с облегчением вздохнул. Какой бы грустной новость ни была, она вносила какую-то определенность.

Что ж, поймали так поймали. Теперь нужно проследить, чтобы о них позаботились, подлечили в случае необходимости.

— Я... хочу... их видеть. Удостовериться... что с ними... обращаются в соответствии... с законами... военного времени.

Краем глаза Вирунга заметил, что Авренти ухмыльнулся.

— Боюсь, это невозможно, полковник, — сказал Держин.

— Вы... отказываете?

— Нет. Я не так суров. Просто... по правде говоря, смотреть почти не на что. Все они мертвы.

Вирунга стал тяжело дышать. Его двойное сердце громко заколотилось. В ушах зазвенело от резко подскочившего давления.

— Что? Мертвы? Как могло?..

Со двора донеслись крики. Шум постепенно усиливался, перерастая во взрыв паники и гнева. Держин улыбнулся Вирунге и жестом руки пригласил подойти к окну. Вирунга подался вперед всем корпусом, тяжело опираясь на костыли.

Вначале он увидел толпу заключенных, собравшихся вокруг чего-то находившегося в центре двора. Затем рассмотрел старую плоскодонную телегу, запряженную парой лошадей. В телеге сидели таанские охранники. И майор Генрих.

Они что-то выгружали — стаскивали мокрые рогожные мешки, вываливая их содержимое на каменные плиты.

Вирунга увидел, что разгружают охранники. Руки... ноги... и головы.

Расчлененные тела Ибн Бакра и Элис.

ГЛАВА 30

Четвинд, бывший разбойник, гроза космических и океанских портов, предводитель рабочего движения, осужденный преступник, политический заключенный, а ныне человек, являющийся не то отпущенным на поруки уголовником, не то помилованным охранником Колдиеза, обдумывал ряд вопросов, бульдозером прокладывая себе путь через пристань к бару, чувствуя острую необходимость в заслуженной порции двойного квилла.

Из напористого и дерзкого юноши, всегда бывшего в курсе событий — за что и угодил на планету-тюрьму, — Четвинд со временем превратился в зрелого, опытного и по-прежнему напористого мужчину, который не был в курсе событий.

Нельзя сказать, чтобы произошедшие в характере Четвинда перемены сильно отразились на его поведе-

нии. Он понимал, что после массового побега заключенных в Колдиезе начнутся судебные разборки и справедливое возмездие. Держина снимут с должности начальника лагеря, Авренти отправят в штрафной батальон, Генриха поставят во главе тюрьмы, после чего будут установлены драконовские методы управления.

Четвинд уже составил некоторое представление о своем следующем назначении. «Только бы не выслали обратно к гурионам», — думал он.

Но ничего не произошло. Во всяком случае, не произошло ничего особенного. Более важным фактом, чем исчезновение военнопленных, было то, что в Колдиезе почти ничего не изменилось. Люди продолжали выполнять свои обязанности, никаких новшеств введено не было.

Четвинд ужасно сокрушался по поводу растраченных кредиток, посылая проклятия на голову «навозного жука» Генриха за то, что ему приходилось снабжать алкоголем эту «бездонную бочку, чтобы умилостивить паршивца, когда дракх ударял ему в голову».

Другой вопрос, не дававший Четвинду покоя, заключался в следующем: что же случилось с его «горячо любимым» заключенным Стэном, скрывшимся в неизвестном направлении? Может, он уже парит где-то в космической дали?

Когда Четвинд говорил Стэну о том, что таанцам нужна будет быстрая и полная победа, он просто высказывал вслух свои соображения. Лишь позже Четвинд узнал, что оказался прав.

Где-то там далеко что-то — и Четвинд не ведал, где и что,— случилось. Что-то, чему таанцы не были рады.

Четвинд лишился прежнего своего окружения, когда его осудили и сослали на планету-тюрьму, но не лишился контактов. У него осталось много друзей в разных местах. Друзей... приятелей... врагов... людей, знавших его с пеленок. Репутация и шаблоны не имели значения — люди, с детства находившиеся в конфликте с правоохранительными органами Хиза, заключали пожизненный союз — «Мы против Них». По крайней мере до тех пор, пока это выгодно.

Хиз внезапно превратился в перевалочную базу каких-то странных грузов — материалов, инструментов, корабельного оснащения, — поставляемых в некую систему Эрибус, о которой прежде никто слыхом не слыхивал; медперсонал, оборудование и лекарства отправлялись на другие планеты, где находились таанские госпитали.

Четвинд разумно рассудил, что Империя обошлась с таанцами не слишком любезно. Это была еще одна карта, которую Четвинд пока не знал, как разыграть.

Он остановился прямо у входа в «Кааг», самый популярный бар Хиза, считавшийся нелегальным, аморальным, который охранникам Колдиеза посещать запрещалось. В баре всегда было полно старых дружков Четвинда.

Четвинд изобразил на лице маску бравого лидера и вошел в бар. Он угостил выпивкой всех своих приятелей. Отпил глоток из собственной рюмки — для куража. И устроил «прием при дворе»: отпускал комплименты, сыпал остротами или хмурился и отказывал в «королевских милостях». После ритуального вступления Четвинд рассказал свежий анекдот:

— Один тип наконец-то получает извещение — после прохождения всех инстанций его внесли в списки. Скоро он станет владельцем гравикара. Ну и спрашивает продавца: когда, мол? Пора бы уже и получить аппарат. Он ведь заплатил за него шесть лет назад.

А хренов продавец говорит, чтобы он приходил через четыре года.

Тип спрашивает, когда именно — утром или вечером. Продавец говорит: «Мистер, выдача состоится через четыре года. Какая вам разница, будет это утро или вечер?» А тип отвечает: «Да утром ко мне ремонтник приходит...»

Пока все покатывались со смеху, Четвинд допил остатки вина и жестом приказал официанту налить еще. «Аудиенция» окончилась. Дружки Четвинда разбрелись кто куда, оставив его наедине со своими мыслями.

Четвинд уже погрузился в обдумывание мучивших его вопросов, как вдруг два разгоряченных, вонявших дракхом портовых скопера ввалились в его кабинку. Четвинд нахмурился.

Алекс мило улыбнулся:

— Не жмоться, парень, угости старых друзей живительной влагой. Может ведь наступить день, когда ты пожалеешь о своем негостеприимстве.

Стэн подал знак официанту.

— Как насчет того, чтобы раскошелиться на графин вина, Чет? Бокальчик и тебе не повредит.

Четвинду и вправду не мешало выпить.

— Я думал, вы побежали в лес, — выдавил он, гордый тем, что не задал стандартных вопросов и не поторопился с шаблонными ответами.

— Уж не знаю, как другие, — туманно ответил Стэн, — а я парень городской. Боюсь темноты. Мало ли кто может прятаться в кустах.

— Сюда регулярно заглядывают придирчивые патрульные, — предупредил Четвинд.

— А разве это проблема? — спросил Килгур. — Мы ведь сидим за одним столом с уважаемым человеком, нашим другом. Он нас не выдаст.

Четвинд был сражен наповал. Он мог только свистнуть, и двое беглецов были бы тут же схвачены. Наверное, ему даже дали бы за это какую-нибудь награду. «Хотя, — подумал Четвинд, — раз уж даже начальство говорит, что все эти недоноски были расстреляны при попытке к бегству, зачем мне высовываться? Как я объясню своим хозяевам внезапное воскрешение из мертвых двух имперцев?»

— Кроме того, — сказал Стэн, будто читая мысли Четвинда, — мои и Алекса мозги будут подвергнуты сканированию, а мы оба по пять раз на дню вспоминаем твою доброту и как сильно мы тебя любим.

Четвинд этому не верил — он не мог себе представить, чтобы кто-нибудь, даже эти два явно смышленых типа, представители имперской разведки, могли настроить свои мозги для преподнесения ложной информации таанским палачам.

Впрочем, чем черт не шутит. В случае чего таанцы его не пощадят.

— Ну что ж, ребята, отлично. Советую только привести себя в порядок. Вы оба воняете. Но сначала скажите — что вам нужно?

Стэн объяснил. После побега из тюрьмы они прятались в развалинах старых домов города. Им нужны были настоящие документы. Они хотели стать гражданами Хиза. Стэн разумно рассудил: источник рабочей силы планеты иссяк, таанцы производили набор из числа юношей, нетрудоспособных людей, уголовников и диссидентов. Все из перечисленных были друзьями Четвинда.

Стэн и Алекс решили выдать себя за каких-нибудь двоих четвиндовских приятелей и вступить добровольцами в таанскую армию. Кому придет в голову искать беглых имперцев в действующей армии? А дружки Четвинда смогут и дальше преспокойно заниматься своими делами.

— Тебе не составит особого труда подыскать им другие имена, — добавил Алекс.

Поскольку Стэн и Алекс были людьми военными, они с легкостью пройдут армейскую подготовку и вызовутся на выполнение какого-нибудь боевого задания, а затем пересекут границу — наземную или пространственную — и окажутся дома.

На этом месте Четвинд стал издавать булькающие звуки. Стэн подумал, что таанец хочет ему возразить, но затем понял, что тот попросту смеется.

— Ах, ребята, ребята, — проговорил наконец Четвинд. — Теперь мне ясно, почему вам, имперцам, так везет в этой войне.

Четвинд встал и замахал руками; в ту же секунду в руке Стэна появился нож. Два официанта подскочили к Четвинду.

— Обслужите моих друзей по первому разряду! Им нужна тихая комната с ванной. Двумя ваннами. Отдельными. Определите их в один из моих личных номеров. Принесите любую выпивку, какую они только пожелают. И пошлите кого-нибудь, кто потер бы им спины. — Четвинд развернулся лицом к Стэну и Алексу. — Женщины подойдут?

Возражений не было.

— Только чистых женщин. А сейчас подайте еще один графин вина.

Четвинд снова сел. Теперь у него были ответы почти на все вопросы, он знал, что делать дальше.

— Вы хотите, чтобы я исполнил ваше пожелание, питая слабую надежду, что двум несчастным сироткам удастся добраться до дому? Да будет вам известно, что ни одному из моих людей не угрожает участие в этой войне, потому что они считают ее отвратительной. Вы хуже ничего не могли придумать?.. Поправка. Еще хуже для вас, болванов, было бы снова попасть в тюрьму. Хотите, я подскажу вам, что нужно делать? Под этой адской дырой есть подвал. Вы исчезнете в нем. Там вы будете сыты, одеты, обуты, вооружены. Окрепнете хорошенько. Короче, посидите какое-то время в подземелье. По моему приказу вас незаметно проведут улицами города в условленное место, где вы познакомитесь с очаровательным человеком по имени Вайлд. Ен Вайлд.

Четвинд очень удивился, когда сначала Стэн, а затем и Алекс начали смеяться. Учтивого контрабандиста с изысканными манерами по имени Ен Вайлд они завербовали задолго до начала войны. Стэн обещал Вайлду не вмешиваться в его операцию с условием, что Вайлд не будет поставлять оружие и иные военные материалы в Таанские миры и, в случае необходимости, будет оказывать содействие разведке. С началом войны главная база Вайлда, находившаяся на планете Ромни, была разрушена.

Он и его люди наверняка засиделись без дела. Впрочем, это вполне объяснимо — магазины пусты, а от товарных складов не осталось камня на камне.

— Мы его знаем, — сказал Стэн. — Продолжай.

Четвинд умерил свой пыл, надменные интонации исчезли из его голоса. Вайлд вывезет их из Таанских

миров и доставит на нейтральную планету. Им выдадут документы и деньги, чтобы они могли добраться до какого-нибудь форпоста Империи.

— Хочу добавить, — прервал его Стэн. — Поскольку ты принимаешь непосредственное участие в этом деле, думаю, тебе не помешает иметь документальное подтверждение этого, чтобы после высадки имперских кораблей на Хиз тебя не засадили в мою старую камеру в Колдиезе.

— Конечно.

Четвинду не дано было понять, как много смысла вкладывал в эти слова человек, проведший в заточении годы и постоянно слышавший о поражении и смерти.

ГЛАВА 31

Танз Сулламора задумал проводить отдых за рыбной ловлей еще в то время, когда не только верил в героев, но и считал Вечного Императора душой любой увеселительной компании красивых дьяволов. Во всем подражая властителю, Сулламора не хотел ему ни в чем уступать. Император любил готовить, поэтому Сулламора раболепно копировал его рецепты и выставлял приготовленные по ним блюда на банкетах, которые закатывал для своих друзей. Впрочем, все они по вкусу напоминали дракх — о чем Сулламора, не будучи гурманом, не знал, а друзья не осмеливались сказать об этом богатому и могущественному бизнесмену.

Затем Сулламора увлекся рыбалкой. Император любил рыбачить по той причине, что на протяжении более трехсот лет затрачивал неимоверные усилия и колоссальные средства на восстановление рыбацких поселений в древнем регионе Орегон на планете Земля. Сулламора построил свой собственный лагерь — гораздо меньших размеров, чем императорский,— на много километров выше по течению реки от лагеря Императора. Сулламора ударился в рыбную ловлю с огромным энтузиазмом и без всякого к тому таланта.

Несколько лет подряд он праздновал окончание любой трудной сделки, выезжая — с большой помпой — на природу, чтобы расслабиться и пожить спокойной жизнью. Пробыв какое-то время на лоне природы, он возвращался, хвастаясь всем и каждому, как чудесно отдохнул, уверяя собеседников в том, что человек не может познать собственную натуру до конца, пока не сразится с хитрющим лососем, пытающимся сорваться с крючка.

Однако Сулламора не признавался никому, в том числе и самому себе в том, что ненавидит все, связанное с рыбалкой. В первый же свой приезд в Орегон он нанял рыболовов, которые удили для него рыбу, а во второй раз даже отказывался есть уловы, скармливая их слугам.

Но не только рыбалка угнетала Сулламору. Он сходил с ума от тишины орегонских лесов. Он ненавидел каждую минуту подобного отдыха, сперва застроив лагерь, по примеру Императора, лишь несколькими грубо сколоченными зданиями, сливавшимися с окружающей средой. В лагере не на что было смотреть, кроме как на зелень, и не к чему было прислушиваться, кроме как к журчанию реки. Воздух казался Сулламоре отвратительным, слишком насыщенным кислородом и цветочной пыльцой. Сулламора тосковал по городской суете и резким запахам, вызывающим чувство страха, от которого повышается содержание адреналина в крови.

Но он не мог так просто отказаться от досуга, проводимого за рыбной ловлей, не мог продать или забросить свой участок. Сулламора был уверен — за его спиной тут же начнутся пересуды, перешептывания, тайные усмешки, что приведет к потере авторитета и убыткам в бизнесе.

Танз нашел выход из положения, начав приглашать все большее и большее количество друзей и деловых партнеров в свой лагерь на берегу реки. Грубо сколоченные строения были заменены сверкающими металлическими, гораздо больших размеров, наполненными новейшим оборудованием. Маленькая взлетно-посадочная площадка превратилась в большой аэропорт, способный разместить до ста летательных аппаратов. Тишина и спокойствие наступали в лагере лишь в редкие промежутки между деловыми переговорами и личными встречами, сопровождавшимися бурными застольями и всевозможными развлечениями, становившимися все более и более изощренными.

Сулламора оказался в замкнутом кругу собственных слабостей. Когда его героическое почитание Вечного Императора поубавилось и чары рассеялись, лагерь снова превратился в спокойное место, где заключались странные альянсы и секретные сделки — место, в котором искусство рыбной ловли приобретало совершенно иной смысл.

Сулламора извинился перед своими компаньонами за вынужденную остановку, сославшись на развязавшийся шнурок, и прислушался, оценивая ситуацию. Разговор был тихим и велся на нейтральную тему. Но Танз чувствовал внутреннюю напряженность собеседников, словно каждый из них ждал, что кто-то откроется первым, заговорит о

вещах, касающихся их всех, и предложит свой способ разрешения проблемы.

От страха у Сулламоры ком к горлу подкатил. Становилось все более очевидным, что заговорить первым должен он. Однако, если он решится на это и ошибется в своих компаньонах, его унизят, втопчут в грязь, а затем...

Тайный Совет Императора напоминал человека, страдающего от ожирения: уже распух от переедания — и все же боится, что следующий банкет могут отменить.

Для большинства жителей Империи война не принесла ничего, кроме трудностей и лишений. Но для членов Тайного Совета это было время больших возможностей и крупных барышей. После ошеломляющей победы Империи в системе Дюрер члены Совета столкнулись не только с потерей огромной прибыли, но и с колоссальными затратами на погашение «счетов мясной лавки», как говорил Император.

В тот трудный час властитель в первую очередь обратился за помощью к своим промышленным столпам, коими являлись: Волмер — глава отдела массовой информации; Мэлприн — архитектура, химическая и фармацевтическая промышленность; Ловетт — банковское дело; близнецы Краа — горнорудная промышленность, месторождения и перерабатывающие заводы; Кайс — робототехника, искусственный разум; и, наконец, Сулламора — корабли и торговля.

Сулламора исполнял свои обязанности в качестве члена личного императорского кабинета с большой долей цинизма и нежелания. До того момента, пока Император не выдвинул его кандидатуру в Тайный Совет — в прохладной и, как показалось Сулламоре, откровенной беседе, — Танз не был уверен в его существовании. Назначение было сделано Императором без лишнего восторга. Ему не понравился вопрос Сулламоры о стратегии борьбы с таанцами: будут ли они разгромлены и когда?

Император планировал сместить правительство и уничтожить все следы таанской культуры, а затем повсеместно насадить восстановительную программу. Сулламора считал, что такая стратегия была не только слабой, но и глупой. Все таанцы должны страдать за то, что они наделали. Кроме того, люди и существа, преданно поддерживавшие Императора с самого начала, будут вынуждены из-за этого отказаться от громадных потенциальных прибылей. Сулламора не видел смысла в такой стратегии и в очень осторожной форме, без намека на критику, сказал об этом Императору.

При первой встрече с коллегами на Тайном Совете Сулламора держал эти рассуждения при себе. Он ре-

шил вначале прозондировать почву, оттянуть время, прощупать пульс каждого члена Совета сотню раз лично, а также подключить самых опытных специалистов своей психодивизии для тщательного изучения их деятельности и особенностей характеров.

Если смотреть со стороны — на что Танз не был способен,— Тайный Совет напоминал странный, но точный портрет самой Империи, в котором энергичное предпринимательство сочеталось с династическим капитализмом. При более близком рассмотрении в голове у наблюдателя могла произойти большая путаница, поскольку характерной чертой Тайного Совета была противоположность интересов и целей его членов. Тем не менее Сулламора постепенно докопался до сути.

Волмер был ведущим «танцором» группы. В то время, как другие плясали вокруг одной точки, он начинал выделывать всевозможные па, то есть открыто критиковать политику Императора, что приводило всех в шоковое состояние. Но это не значило, что члены Тайного Совета — в особенности Сулламора — доверяли ему.

Глава одной из старейших фамильных династий Империи, руководитель крупнейшей организации по сбору информации, отдела политпропаганды и рекламных компаний многих систем, составлявших Империю, Волмер был самым уязвимым и ненадежным человеком шестерки. Во многих компаниях он пользовался сомнительной репутацией «вафельного барона», подстрекавшего своих подчиненных на занятие жестких позиций, когда ему это было выгодно, а затем бросавшего их на произвол судьбы, если ветер менял направление. И все же в сложившейся ситуации, когда война длилась бесконечно и даже идиоту становилось понятно, что Тайный Совет — всего лишь раковина со сквозным отверстием, Волмер, как считал Сулламора, обязан был, при поддержке коллег, вылезти из болота собственной нерешительности и встать на определенную сторону.

Узнав о неуемной жадности сестер-близнецов Краа, Сулламора внес их в колонку своих союзников. Они заслуженно пользовались репутацией самых коррумпированных, порочных и эгоистичных людей в суровом мире большого бизнеса. Эти две женщины являлись представительницами второго поколения супермагнатов. Их отец был одержимым старателем. Удачно начав с крупного открытия месторождения уникального минерала, он создал целую монополию перерабатывающей промышленности, протянувшую щупальца во все системы, недра чьих планет были богаты как обычными, так и редкими минералами или пахли ими. Отец сестер-близ-

нецов был хитрым и ловким человеком, считавшим свое слово законом.

После его смерти близнецы немедленно упразднили этот закон и послали отцовских законопослушников веровать в пустыню, где наемные убийцы охотились за ними, пока не перебили всех до одного. Сестры Краа с наслаждением погрязли в заговорах и интригах в погоне за тройной прибылью. Но, как часто бывает на скачках подобного рода, удача отвернулась от них. Алчные женщины чуть не обанкротились. Несмотря на то что сестры родились идентичными близнецами, за пятьдесят лет они стали резко отличаться друг от друга внешностью. Одна была тучной женщиной, опоясанной складками жира. Другой больше всего подошло бы определение «страдающая от отсутствия аппетита»; глядя на нее, создавалось впечатление, что выпуклые кости вот-вот пробьют хилую немощь дряблой плоти. Но отличались они друг от друга только наружностью. Сестры поочередно меняли главенство, думая и действуя, как один человек. Сулламора без малейшего интереса вспомнил их имена и тут же мудро позабыл. Но думать о близнецах как об одном существе было ошибкой, которую допустили слишком многие.

Сулламора ужасно радовался тому, что разглядел в членах Тайного Совета, сестрах Краа, людей, которыми легче всего будет манипулировать. Он полагал, что достаточно поманить Краа морковкой, и они побегут за ним, как кролики. Если же нет, у близнецов достаточно много других уязвимых мест, на которые можно нажать. Для этого вовсе не требовалось обладать большой проницательностью.

У Мэлприн, напротив, не было ни одного изъяна. Словно отлитая целиком из закаленной стали, она была штурмовиком до мозга костей, вооруженным учеными степенями и богатейшим опытом управления. Какую бы компанию Мэлприн ни возглавляла, будь то фабрика по производству игрушек или монетный двор, она справлялась со своими обязанностями безукоризненно, стремясь добиться самого высокого уровня производства и не руководствуясь при этом ни чувственными, ни животными инстинктами. Это означало, что к материальным и духовным благам она была совершенно равнодушна. Ее интересовал лишь сам процесс работы.

Именно поэтому Император поставил ее во главе одной из самых необычных и жизненно важных мегакорпораций. Даже у видавших виды промышленных историков глаза на лоб полезли, когда они выясняли, какой деятельностью занялась Мэлприн с самого начала работы. Она напоминала хищницу с головой гидры, натравливавшую ненасыт-

ную акулу-корпорацию на мелкую и крупную рыбу без разбора. Вскоре мегакорпорация превратилась в собирательный конгломерат, состоящий из ранчо и ферм, чьи угодья простирались на миллионы и миллионы километров, хранилищ, забитых цистернами со смешанными химикалиями и газами любой природы, а также фармацевтических концернов, занимающихся выпуском лекарственных препаратов. Корпорация была порождением войны и никогда в дальнейшем так не процветала, как в ее ходе. Каждое подразделение было воспитано в духе ненависти к конкурентам и обучено уничтожать их. Ситуация угрожала выйти из-под контроля, если война с Таанским Союзом неожиданно приостановится.

В другое время Вечный Император пустил бы дело на самотек. Мегакорпорация была динозавром, обреченным на вымирание. Но он ни в коем случае не собирался позволять эволюции мешать его решениям, пока идет война. Император нашел выход из затруднительного положения, настояв — в такой примерно форме: «Лучше подчинитесь, канальи, а не то вам всем хана» — на том, чтобы советы директоров различных компаний, не входящих в состав мегакорпорации, находились под контролем ее главного управляющего, то есть Мэлприн.

После долгих препирательств, крупных перепалок и серьезных угроз члены советов директоров сдались. Для укрепления позиций Мэлприн Вечный Император включил ее в состав личного кабинета. Это дало ей престиж и дополнительную власть — но лишь на какое-то время. Поскольку война близилась к победному концу, Мэлприн начала понимать, что ее затянувшийся медовый месяц с мегакорпорацией, каким бы чудесным он ни был, истекает. С ее стороны так же глупо было бы не осознать, что Император в любой момент мог отказать ей в своей помощи и позволить экономическим законам вступить в силу. Мэлприн была не дура. Она не питала иллюзий насчет радужного и светлого будущего.

Пятым членом Тайного Совета был Ловетт — человек очень денежный. Предки его были посредниками в некоторых самых ранних финансовых сделках Императора. Последний отпрыск старинного рода — красивый, элегантный и отважный.

После серии неудач и трагедий, постигших семью Ловетта, он принял бразды правления банковской империи у отходившей на вечный покой матери, став единственным представителем клана. Ловетт был темной лошадкой: отказывался прислушиваться к мнению своих советчиков, часто и необдуманно рисковал по-крупному. Одни утверждали, будто именно благодаря Ловеттам Император взо-

шел на престол. Другие говорили, что покровительство Императора было не совсем бескорыстным, поскольку банки Ловеттов имели сильную интегральную структуру и позволить им погибнуть было бы непростительной ошибкой с его стороны. И те и другие были правы. Ослепительный блеск молодого человека был напускным, лишенным всякой сущности.

Сулламора ухмыльнулся при мысли о том, что сам Ловетт только недавно осознал это. Танз Сулламора видел в нем человека, прибрать которого к рукам не составит никакого труда.

Если Ловетт был бумагой, то Кайс был кремнем. Он принадлежал к семейству г'орби, печальнейших богов сумасшествия. Высокое, стройное, исполненное достоинства существо, отдаленно напоминающее гуманоида. Совсем недавно Кайс отметил свое стодвадцатилетие. Все его тело, за исключением ярко-алого треугольного пятна на выпуклом черепе, было покрыто серебристо-белой шерстью; во время разговора конечности находились в постоянном движении, а смышленые глаза горели от возбуждения. Однако при выслушивании собеседника лицо Кайса становилось анемичным, глаза тускнели, а большое алое пятно пульсировало, как нарыв, который должен вот-вот лопнуть.

Сегодняшние г'орби являлись результатом странной формы симбиотической мутации. В домутационный период, когда г'орби не были такими высокими и стройными, когда на их коже еще не проступил волосяной покров, а на черепах не начали образовываться родимые пятна, в их расе не было ничего выдающегося, кроме чрезмерной глупости и здоровых генов, благодаря чему судьбы этих существ складывались гораздо удачнее. Примитивный мозг г'орби представлял собой не что иное, как отросток позвоночника. Г'орби отдавали предпочтение определенному сорту фруктов, съедобных лишь в пору активного опыления. Пыльца являлась смертельным ядом для всех живых существ, включая г'орби. И у них развилась уникальная система пористых носовых фильтров, верхней частью сообщающихся с суперэффективными пазухами, увеличивающимися в размерах и выступающими над головой по мере взросления особи. К тому же у г'орби возникла особая форма иммунной системы, оберегающая организм от проникновения любой формы вирусов и бактерий, обитающих на их родной планете.

Предоставленные сами себе, предельно глупые г'орби продолжали бы и дальше вариться в соку уготованных им счастливых судеб, большую часть времени проводя в изумленном созерцании окружающего мира, позевы-

вании, почесывании и поедании фруктов. Хотя глупость г'орби ни на йоту не досаждала матушке Природе, она решила, что счастливая беззаботность — тоже не дело. Примитивный вирус, находящийся на начальной стадии развития, искал дом. Похвастаться этот вирус мог только одним свойством: способностью мутировать для проникновения в любую генетическую структуру, независимо от степени ее неуязвимости. Обычно встреча с таким вирусом означала для любой формы жизни немедленное заражение и скорую смерть.

При знакомстве с г'орби вирус столкнулся с особенной, доселе неизвестной ему генетической структурой. Как только он менял одну оболочку на другую, гены делали то же самое. Наконец вирус нашел пристанище в головных наростах, самом последнем образовании в организме г'орби, делавшем их г'орби. Изменчивый вирус попал в ячейки пазух в середине процесса собственной мутации. При слиянии они образовывали субстанцию, целиком и полностью состоящую из клеток, нервов и нервных рецепторов — субстанцию, существующую отдельно от частей тела, независимо от функций организма. Мозговые клетки стали намного сильнее и долговечнее, чем любые другие клетки. Вскоре они стали бессмертны.

Следующим этапом было пробуждение сознания. А затем и чувства отчаянной безысходности. Организм г'орби вступил в пору завершающей стадии мутационного развития. Жизнь этого существа делилась на начало, середину, долгую дряхлеющую старость и конец.

Кайс знал — после исполнения ста двадцати лет жить в сознании ему останется годиков пять, а затем мучительное и долгое разрушение рассудка постепенно приведет к его затуханию. Мозг г'орби напоминал овощ, который созревает и медленно чахнет.

В свои сто двадцать с лишним лет активной взрослой жизни Кайс верил в то, что расправился со всеми семью смертными грехами его системы. Восемьдесят лет назад он окончил престижный институт, получил диплом специалиста в области разведки и целый ряд предложений на работу от различных компаний. Но в голове Кайса зрела масса идей. Он отклонил все предложения и стал самостоятельно пробивать дорогу в жизни. Через двадцать пять лет Кайс превратился в сказочно богатого магната. Ему принадлежали сотни важнейших патентов и созданная им лично компания, специалисты которой могли разработать самую фантастическую идею и внедрить ее в наиболее причудливую область науки и техники за много лет до того, как это сделают его кон-

куренты. Кайс был мудр и высокомерен — потому что имел на это полное право.

Затем влиятельные люди Империи собрались как-то раз вместе, пустили ему пыль в глаза и отобрали и компанию, и капиталы. Кайс исчез на пятнадцать лет. Вернулся же он к деятельности совершенно обновленным существом. Каждую секунду каждого дня с рассвета до заката Кайс проводил в изучении методов работы своих давнишних врагов. Он все еще был творческой изобретательной личностью. Незадолго до своего сотого дня рождения Кайс стал хозяином величайшего компьютерного, робототехнического и информационно-разведывательного конгломерата, снова был знаменит и влиятелен, отстаивал свои взгляды и убеждения. Даже Император устроил ему прием на самом высоком уровне. А разве не с ним Император консультировался по делу урегулирования конфликта с таанцами? И разве не он был одним из первых кандидатов в члены Тайного Совета?

Но мало-помалу Кайс начал понимать, что его используют. Вскоре он заметил, что его фирма становится все более и более зависимой от контрактов с Императором. Хмурые взгляды, которые бросал на него властитель, означали, что нужно начинать все сначала. Хотя за оставшиеся пять лет сделать это было практически невозможно.

Кайс впал в уныние от сознания собственной уязвимости. Он не видел возможности приостановить процесс. Крах казался таким же неизбежным, как остановка завода его биологических часов. И тогда Кайс начал думать об Императоре. О Вечном Императоре. И понял, что в названии его титула не было ни единого лишнего слова.

Кайса обуяла зависть. Именно в то время Танз Сулламора и начал нашептывать ему на ухо.

После Дюрера нашептывания сменились громким недовольным бормотанием. Поначалу Сулламора лишь сокрушался о том, что жесткий график работы, составленный Императором, мешает ему консультироваться с членами Тайного Совета и высказывать свои мысли по поводу того, как справиться с депрессией, неизбежно последующей за окончанием военных действий. Члены Совета не только поддакивали Сулламоре, но и набрались мужества сетовать на то, что Император игнорирует их рекомендации.

— Взять, к примеру, меня, — сказал Волмер. — При последнем разговоре с Императором я решительно настаивал на том, что нам следует начать планирование прямо сейчас. Хорошую пропагандистскую кампанию за одну ночь создать невозможно. Мы должны выступить со своим сообще-

нием перед широкой общественностью. Настроить аудиторию. Придумать формы, в которых можно будет преподнести это сообщение различным слоям населения. И затем, собственно, преподнести его в хорошо аранжированной манере.

Сообщение в том виде, в каком его представлял себе Волмер, звучало примерно так: «Надежда через пожертвование. Каждый из нас будет призван пожертвовать собственным благополучием на благо Империи. И благополучием наших детей. И детей наших детей».

— Мне нравится, — одобрил Ловетт, сразу же подумав об инфляции и связанным с ней взвинчиванием цен, о предельном потолке которых нужно будет позаботиться в случае любой неожиданной деноминации. — И что он на это ответил?

Волмер помрачнел:

— Он спросил меня, что лично я намерен принести в жертву. Он сказал: для того, чтобы подобное сообщение сработало, нужно, чтобы люди увидели, что их лидеры тоже хоть немного страдают... Страдание! Какое отвратительное слово! Он сказал: легче всего призывать других к самопожертвованию... Как бы то ни было, я ясно дал ему понять, что это бредовая идея. И спросил его: разве что-нибудь изменится, если люди увидят, какие трудности и лишения мы испытываем? — Волмер и его коллеги развели руками. — На кого людям надеяться, как не на нас? Мнение Императора рушит всю концепцию.

Члены Совета единодушно поддержали Волмера. Каждый из них мог припомнить подобную жуткую историю. Мэлприн хотела понизить зарплату и установить предельно высокие цены. Краа желали безнаказанно обходить законы. Сулламора жаждал добиться получения одностороннего тарифа для укрепления своей торговой империи. Что же касается Кайса, г'орби пока молчал. Ну что ж, временами он вообще не разговаривал.

Все члены Тайного Совета, за исключением Сулламоры, были обеспокоены тем, что г'орби не потянулся за своим куском пирога. Они не могли знать, что при всем своем согласии с ними он уже имел все, что хотел. Мало того, Кайс уяснил для себя главное: пожелай он чего-то еще, добиться этого не составило бы для него труда, причем добиться своими методами, без извлечения пользы из интервенции Империи. И все же было одно «но»...

Лишь через несколько совещаний Кайс выставил вперед свою первую пешку. Когда он говорил, все уважительно молчали, ожидая, что г'орби вот-вот раскроется. Они не остались разочарованы.

— Возможно, мы оказываем нашему Императору плохую услугу, — медленно, словно рассуждая вслух, произнес он. — Раззадориваем своими идеями со всех сторон. А у него сейчас так много на уме!.. Но как он может склеивать кусочки, не видя единого целого?

Коллеги одобрительно закивали головами, сгорая от нетерпения, когда же Кайс доберется до сути дела.

— Давайте упростим ему задачу, — продолжил Кайс. — Все мы должны быть заодно, чтобы выразить общее мнение. А затем иметь основание провести необходимые реформы. Совместно с Императором, конечно, — быстро добавил он.

— Совместно с Императором... конечно, — пробурчали остальные.

То, что предлагал Кайс, было, на первый взгляд, просто. Тайный Совет должен был апеллировать к Парламенту, а затем и к Императору для создания квазипубличного агентства, состоящего из присутствующих здесь членов Совета, которое могло бы действовать независимо от причуд Императора, прихотей и давления любой группы населения, преследующей собственные интересы.

Вышеуказанное агентство проявит предусмотрительность в управлении экономикой, будет осторожно и разумно расходовать АМ-2, чтобы не подорвать доверие Императора, не спускать глаз с жизненно важных отраслей промышленности и сельского хозяйства, гасить разногласия в правительстве, служить в качестве столь необходимого контролера и противовеса между сторонами, придерживающимися полярно противоположных позиций... Короче говоря, будет работать на благо процветания мира, бизнеса и единого общества.

Возражений не возникло. Решили, что займется этим делом Сулламора как человек, напрямую связанный с Парламентом.

Первый шаг должен быть очень осторожным. Основа предложенного агентства будет захоронена в резолюции «рассудительного Парламента», который Император не сможет положить на обе лопатки, не наделав много шума, поскольку его члены лично не заинтересованы в вышеуказанном проекте. Хитрость заключалась в представлении дела таким образом, чтобы никто — в особенности императорские низкопоклонники, рядовые депутаты Парламента — не догадался о готовящемся перевороте. Тайный Совет решил, что лучше восхвалять Цезаря, нежели проклинать его. Восхваление приняло форму слишком пространного документа, в котором Императора чрезмерно поздравляли с победой над таанцами в системе Дюрер. В этом документе содер-

жался и призыв вести войну дальше, до последней капитуляции, и так далее, и тому подобное.

При поверхностном рассмотрении документ не казался голословным. Он был составлен таким образом, чтобы вызвать одобрение и у сторонников Императора, которые были какое-то время настоящим проклятием Тайного Совета. Если все получится так, как задумано, люди Сулламоры смогут без опасения выкручивать руки каждому, кто встанет на пути квазиагентства. Полученная резолюция ударит и в спину нейтралам.

Сулламора был уверен, что добьется поддержки Императора. Эксперты Сулламоры призваны были объединиться в особую секцию с целью принуждения Парламента «оказывать любую помощь» Императору в его «правой и мужественной борьбе». Сулламора отвел независимому агентству роль притаившегося в болоте аллигатора.

Аналитики Сулламоры углубились в составление документа, придя в конце концов к соглашению, что никто никогда никоим образом не вычислит местонахождение аллигатора в туманной витиеватой мешанине слов, в которые никому не придет в голову вчитываться и уж тем более придираться. Как сказал однажды некий патриарх Парламента: «Если бы все знали, за что голосуют, нам бы никогда не выйти из зала заседания живыми».

Когда великий момент настал, Сулламора лично вызвался представить резолюцию, выступить с речью, предложенной Волмером. Речь гарантированно должна была вызвать бурные аплодисменты.

Сулламора ходил взад-вперед в маленькой приемной, ожидая вызова на трибуну. Во время этих расхаживаний он мысленно репетировал речь, размахивая в такт правой рукой.

Дверь за спиной Сулламоры раскрылась, и он развернулся, слегка удивившись, почему это его вдруг вызывают на пять минут раньше. Но вместо ожидаемой огромной, при полном параде, фигуры парламентского караульного сержанта Сулламора увидел низкорослого темнокожего человека с длинным ножом на портупее.

Сулламора затаил дыхание. Это был гурк, один из личных телохранителей Императора. Гурк из вежливости отвесил ему поклон и вручил послание. В нем содержалось предложение сдаться. Вечный Император вычислил аллигатора.

Император представлял собой образец самой небрежности — ноги задраны на антикварный стол, в руке — бокал с алкогольным напитком. Перед Сулламорой

стояла бутылка. Император часто брал в руку бокал во время разговора, казалось, делал глоток и ставил его обратно на стол. Но Сулламора заметил, что уровень содержимого бокала Императора не убавлялся.

— ...Я ценю твои добрые намерения, Танз, — говорил Император. — И собираюсь лично поблагодарить каждого члена моего кабинета за приложенные усилия и выдвинутые идеи. Хотя...

Император не закончил фразу, акцентировав последнее слово, и снова сделал глоток. В этот самый момент Сулламора понял, что не забудет этот разговор до конца своих дней.

— Я не подвергаю критике концепцию независимого агентства, — сказал наконец Император, спокойно подняв руку, как будто Сулламора хотел возразить. Танз даже пикнуть не осмелился бы. — Знаю, ты можешь думать, что я недальновидный политик, хотя о подобных вещах можно судить только по конечным результатам. Все дело в том, что я представляю собой театр одного актера. Всегда действовал подобным образом. И, надеюсь, всегда буду. Вы, ребята, говорите о предусмотрительности. Что ж, должен сказать с высоты своего положения, что у вашей дальновидности нет будущего.

Император сделал паузу, ожидая, что Сулламора наберется храбрости и прокомментирует его слова.

— В наших намерениях не было ничего неуважительного, — выдавил Сулламора. — Мы просто не понимаем, как один человек, будь он хоть семи пядей во лбу, может со всем справляться. Мы хотели предоставить вам шанс, сир, воспользоваться преимуществом опыта лучших умов, которые работали бы под вашим же руководством.

Император сделал вид, будто задумался над словами Сулламоры.

— Хорошо. Давай обсудим этот вопрос и решим, прав я или нет. Полагаю, всем нам ясно, с чем придется столкнуться по окончании войны. Если таанцы согласятся принять мои условия, мы остановим военную машину. И тогда к нам на огонек обязательно заскочит матушка депрессия. Причем такая, какую еще не знает история.

Она, например, коснется всех твоих судостроительных заводов. Верфи закроются. Выпущенных нами кораблей хватит на десять долгих жизней. То же самое произойдет в каждой отрасли экономики. Целая группа мощнейших отраслей окажется ненужной.

— Мы выработали идеи, которые коренным образом...

— Я ознакомился с ними, — небрежно бросил Император. — Они не спасут положения. Вы хотите, что-

бы я поднял цену на АМ-2 на пятьдесят, а то и на сто процентов. Но мне кажется, вы не учли один факт: если забрать деньги из карманов людей, они не смогут покупать даже то немногое, что вы производите.

Не войны губили самые великие Империи в истории человечества, а деньги или неумелое их использование. Когда солдат закончил выполнять свою работу, нужно расплатиться с ним сполна. В твоих же интересах не оставаться у него в должниках. Иначе в следующий раз, когда тебе понадобится сражаться, денежные люди проявят повышенный интерес к тому, как бы поменьше дать тебе взаймы. То же происходит с маленьким человеком, которого мы посылаем на линию фронта рисковать своей жизнью. Если солдат возвращается домой лишь затем, чтобы влачить нищенское существование, он не затрепещет от радостного волнения, когда вы предложите ему снова сражаться на вашей стороне, как бы вы ни пытались убедить его в важности и выгоде этого дела.

Лично я думаю о том, что нужно съежиться и присмиреть. Снизить цены до уровня мирного времени. Чуть-чуть. А через какое-то время еще чуть-чуть. В таком случае местные правительства смогут вложить в производство свои денежки и хоть частично возместить сумму, в которую эта глупая война им обошлась.

Сулламора стал тяжело дышать.

— По крайней мере можно спокойно увеличить выпуск АМ-2, — сказал он. — Это принесет в казну дополнительные доходы.

— Конечно, — сказал Вечный Император. — А также сведет к нулю всю ценность кредита. Люди тачками деньги будут возить, чтобы выпить кружку пива.

Сулламора не знал, что такое тачка, но уловил общий смысл.

— Вы упомянули о пиве. Вот прекрасный способ заработать без всяких возражений с чьей-либо стороны. Нужно обложить население налогами на наркотики, развлечения...

— Их бы следовало назвать налогами на грехи, — сухо произнес Император. — Еще одна глупая идея. В конфликте между нами и таанцами было убито и изувечено столько существ, что мне даже страшно подумать об этом. Осталась лишь жалкая горстка калек. Возможно, этой горстке и не удастся перетянуть на свою сторону большую часть населения. Но если это произойдет, нищета будет первым молотом, которым они начнут размахивать. И они обрушат его на наши головы, Танз, помяни мое слово.

Нет, сейчас самое время начать поощрять греховность, если можно так выразиться. Устраивать множество массовых зрелищ. И чем более изощренными они будут, тем лучше.

Сулламора не видел в рассуждениях Императора абсолютно никакого смысла. Император делал вид, что не замечает реакции Сулламоры.

— Кстати, я недавно говорил о поддержании в людях состояния счастья. Надеюсь, ты понимаешь, что имеется в виду повышение зарплаты и снижение цен на товары? Поскольку многие из моих приятелей-капиталистов обычно довольно долго раскачиваются, прежде чем пойти на такой шаг, я намереваюсь издать жесткий закон, требующий немедленного подчинения.

— Как... как вы себе это представляете? — бессвязно прошипел Сулламора, брызжа слюной.

— Очень просто. Чем меньше людей работает, тем большую зарплату получают остальные. Снижение цен означает повышение производительности труда при выпуске различных видов продукции и огромное количество дешевого материала, из которого она будет выпускаться. Любому мало-мальски проницательному человеку это должно быть ясно. Взять, к примеру, твои корабли, Танз, — продолжал Император, поглубже всаживая кинжал между ребер Сулламоры. Сулламора понял, что Император планирует навязать ему множество военных кораблей, которые скоро станут бесполезными.

— После небольшой творческой реконструкции у тебя появится море деталей, сделанных из всевозможных материалов. Ты сможешь производить полезные вещи.

— Какие, например? — спросил Сулламора осипшим голосом.

Вечный Император пожал плечами:

— А вот это уж не моя забота. В твоем распоряжении находится целый штат гениев науки и техники. Поручи им соорудить какие-нибудь новые кухонные комбайны, которые готовили бы пищу вместо людей... Черт возьми, Танз! Чем больше я об этом думаю, тем яснее для меня становится вывод о новых выгодных перспективах развития промышленности. Я уже почти жалею, что занимаю эту идиотскую должность. Человек, у которого хоть немного варит котелок, есть деньги и энергия, мог бы извлечь из этой идеи колоссальную пользу.

Сулламора не удержался и задал вопрос:

— Вы действительно так считаете?

— Конечно, — ответил Император. — По крайней мере я мог бы попытаться добиться успеха в этой обла-

сти, хотя ты, наверное, думаешь, что высказанное мною мнение — пустая болтовня. На самом деле большинство властителей рассуждают именно так. В незапамятные времена была одна королева, которая то же самое говорила своим советникам. Она любила повторять, что, если бы каким-то образом была вдруг свержена с трона и оказалась бы в одном нижнем белье на необитаемом острове, то, недолго думая, воспользовалась бы шансом начать все сначала. Некоторые из советников королевы смеялись у нее за спиной. Ее звали Елизавета, Елизавета Первая. Слышал когда-нибудь о такой?

Танз Сулламора отрицательно покачал головой. Он понял, что аудиенция близится к завершению.

— Должно быть, она действительно была потрясающей женщиной, — мечтательно промолвил Император. — Некоторые историки считают Елизавету величайшей и мудрейшей правительницей всех времен и народов. Возможно, они правы.

Дикая мысль пронеслась в голове Сулламоры. Ему стало интересно, что случилось с советниками, которые смеялись за спиной королевы. Задумывались ли они когда-нибудь о...

— Конечно, она была скора на расправу, казнила направо и налево, — сказал Вечный Император, словно прочел мысли Сулламоры.

Корабельный барон вскочил на ноги, чуть не опрокинув свою рюмку.

— Простите, сэр, — пролепетал он, — но я не...

— С тобой все в порядке? — спросил Вечный Император, смерив Сулламору загадочным взглядом.

Не может быть. Наверное, это только показалось? Сославшись на неважное самочувствие, промышленник заспешил к двери. Как только он взялся за ручку, Император окликнул его по имени. Сулламора заставил себя обернуться.

— Да, сир?

— И чтоб впредь никаких сюрпризов. Понял, Танз? — спросил Вечный Император. — Я не люблю сюрпризов.

Танз Сулламора заплетающимся языком прошептал обещания и выскользнул из помещения, дав себе обет нарушить его при первом же удобном случае.

Он говорил безостановочно целый час. Члены Тайного Совета слушали в холодном молчании, пока Танз в мельчайших подробностях передавал содержание разговора с Императором. При этом грузный лысый Сулламора ничего не преувеличил и не приукрасил. В этом заключалась отличительная особенность бизнесменов, нетерпимо от-

носящихся к гиперболам. Они всегда излагали только голые факты.

Тишина не была нарушена даже тогда, когда Сулламора закончил. Такая реакция казалась вполне естественной, поскольку каждый из членов Совета переваривал информацию и обдумывал, какие последствия ожидают лично его в результате мер, запланированных Императором.

Первым заговорил Волмер:

— Но... но... нас здесь постигнет неминуемая катастрофа. Как он не понимает?.. Бог мой! Мы должны остановить его!

Испугавшись собственных слов, Волмер вздрогнул, как от удара грома, и снова погрузился в молчание.

Выждав паузу, Танз Сулламора предложил всем совершить прогулку по лесу.

«Прогулка по лесу» была старинной политической фразой, на самом деле означавшей «найти взаимопонимание» между представителями различных лагерей, независимо от того, какие горькие пилюли они преподносили друг другу в прошлом.

Иными словами, это был метод достижения трудного решения без давления извне.

Танз Сулламора имел в виду подобное, когда предложил своим собеседникам пройтись. Разве что в его компании взаимопонимание уже было достигнуто. Танз Сулламора был уверен — все знали, что нужно делать, но каждый боялся предложить способ разрешения проблемы первым. Сулламора был прав на девяносто процентов.

Члены Совета прошли большое расстояние, плутая среди деревьев, останавливаясь в разных местах, чтобы перевести дыхание или послушать пение птиц. Последним они занимались с притворным интересом, делая вид, будто общение с природой доставляет им удовольствие. В жилах каждого члена Совета текла кислота вместо крови.

Наконец Кайс начал обсуждение вопроса.

— Волмер был прав, — сказал он. — Я не вижу другого решения. По всей видимости, этот человек действительно утратил чувство реальности.

Члены Совета, успокоившись, что всеобщее мнение наконец-то было выражено словами, одобрительно закивали. Все, кроме Волмера. Он был напуган, ошарашен. В его понимании бездумно выпущенная фраза была просто неправильно истолкована, приобрела какой-то извращенный, зловещий смысл. Волмер мог подумывать о цареубийстве, мог даже намекать на него, но взять на себя роль госу-

дарственного изменника, руки которого будут обагрены кровью, он не мог.

— О чем вы говорите? Боже мой, я не хочу никаких... Послушайте, все мы находимся под большим давлением. Но мы ведь здравомыслящие существа. Давайте чисто по-человечески признаем свое поражение и смиримся с тяжелым положением, в котором оказались. Хорошо? Пора возвращаться по домам, правильно? Заняться бизнесом, разве не так?

Сулламора выскользнул из-за куста, как змея, и положил руку на плечо Волмера, словно пытаясь его успокоить. Похлопал по спине, потрепал за волосы и потихоньку отвел в сторону.

— Меня неправильно поняли... я не то имел в виду... я говорил в переносном смысле... — Волмер цеплялся за одни и те же фразы, как утопающий за соломинку. Постепенно он затих и успокоился.

Вводя Волмера в главное здание, Сулламора оглянулся на остальных членов Тайного Совета. Все они пристально смотрели ему вслед. Сделка была заключена.

Сулламора рассмеялся какой-то плоской шутке Волмера, по-мужски грубовато и оценивающе проводя рукой по его спине — обдумывая, в какое место лучше будет первый раз вонзить нож.

ГЛАВА 32

Завершающая часть побега Стэна и Алекса не требовала от них героических поступков. Верный своему слову, Четвинд окунул бывших заключенных в атмосферу роскоши: предоставил огромную кровать, застеленную простынями, и неограниченное время для наслаждения одиночеством и сном.

Роскошью было также избавление от кожных паразитов — впервые за много лет — и возможность купаться в чистой воде сколько угодно. И еда! Калорийная витаминизированная пища! Поначалу продуктов было немного — ровно столько, чтобы утолить голод, не нанося вреда истощенным организмам бывших узников. А затем они стали испытывать самый настоящий экстаз от того, что вдоволь насыщались и могли оторваться от трапезы, оставляя на тарелках несъеденные продукты.

Различные развеселые девочки и мальчики, предлагавшие Стэну и Алексу свои услуги, были разочарованы отсутствием к себе внимания. Килгур отвечал за обоих: «Спасибо, но мы импотенты».

Четвинд оставил друзей в покое. Он знал, как много времени требуется заключенному на осознание того, что он представляет собой нечто большее, чем машину, запрограммированную на выживание.

Вскоре Стэна и Алекса вывезли из столицы Хиза, спрятав под двухтонной грудой металлолома, погруженной на древние грависани с ручным управлением, принадлежавшие, как предположил Стэн, какому-то таанскому жулику. Разумеется, Четвинд уклонился от каких-либо объяснений.

Маленький контрабандистский кораблик вздрогнул, когда загудел Юкава-драйв. После того как Стэн и Алекс были доставлены на борт летательного аппарата, заправленного АМ-2, тот оторвался от планеты и взмыл ввысь. В назначенном месте кораблик встретился с большим транспортным судном, на котором беглецов приветствовал сэр Ен Вайлд.

Он сказал, что покинул Ромни как раз вовремя. Спинным мозгом почувствовав горячее дыхание опытных ищеек у себя на затылке, Вайлд приказал срочно эвакуироваться. Он потерял семь кораблей и базу, но все его люди и, самое главное, товары, были спасены. Вайлд объяснил, многозначительно потирая ладони, что «каждый из присутствующих может рассчитывать на место на корабле и высадку в нужном месте».

Вайлд также подчеркнул, что будет особенно рад доставить своих пассажиров по адресу в целости и сохранности, он ведь является должником Стэна.

Незадолго до этого небольшой караван судов Вайлда пробрался в сектор Империи и был замечен патрульными кораблями. Вслед за этим должна была последовать конфискация кораблей и груза, а также применение соответствующих карательных мер в отношении Вайлда и его экипажей.

— Мне намекнули на планеты-тюрьмы, — сказал он. — А реабилитированным предложили отправиться в ад, то есть в эти жуткие батальоны уголовников. О подробностях я не расспрашивал.

Стэн был козырным тузом Вайлда. В доверительной беседе с людьми, захватившими его в плен, он выразил искреннее удивление, зачем они вмешиваются в ход операции имперской разведки. Вайлда подняли на смех.

— Я предложил им проверить мою информацию. Вскоре, ко всеобщему недоумению, ребята-шпионы доложили, что я — тайный агент спецслужбы, меняющий имидж, как хамелеон цвет кожи. Премного благодарен, молодой человек, что ты состряпал мне такую подходящую легенду.

Неохотно извинившись перед Вайлдом и его людьми, имперцы отпустили их на все четыре стороны,

после чего контрабандисты продолжили заниматься своим прибыльным бизнесом, снабжая богатых имперцев предметами таанской роскоши и наоборот.

— Полагаю, если бы эта война продлилась еще... ну, скажем лет десять, я мог бы узаконить свое дело. — Вайлд слегка вздрогнул от столь дерзкого предположения. — Итак, адмирал, или как там ваше звание, смею заверить, что во время этого рейса вас будут обхаживать так, как будто вы — незаконнорожденный сын самого Императора.

Остаток путешествия был примечателен медленным, но верным увеличением объема талий Стэна и Алекса, несколькими напряженными минутами, когда приходилось уходить из-под носа таанских или имперских патрулей, и обильным сном.

Увидев однажды, как Алекс протискивается в каюту в сопровождении одного из наиболее стройных офицеров Вайлда, Стэн определил, что его друг и он сам вернулись в форму, близкую к нормальной.

К тому времени, как они приземлились на имперскую базу, «случайно» оказавшуюся в системе, в которой Вайлд «должен был встретиться с некоторыми интересными людьми», оба бывших военнопленных так окрепли, что могли оказать пропаганде медвежью услугу. Им следовало быть заросшими и бородатыми, изможденными, исполосованными шрамами, готовыми давать свидетельские показания о зверских бесчинствах таанцев, о случайно подвернувшейся бравым имперским солдатам возможности бежать.

Средства массовой информации не проявили к ним никакого интереса.

Стэн и Алекс знали слишком много, чтобы позволить журналистам крутиться вокруг них и тем более брать интервью. Их доставили на Прайм-Уорлд, где самые квалифицированные имперские специалисты подробнейшим образом допросили их, используя при этом аппаратуру, считывающую информацию прямо с мозга. Стэн «за спасибо» был подвергнут этой обработке три раза, и у него не было ни малейшего желания проходить ее снова.

Когда разведка неохотно признала, что выкачала все маломальски важные сведения из теперь уже промытых мозгов Стэна и Алекса, они чувствовали себя скверно, словно их денно и нощно пытали таанские мучители.

А затем начались настоящие сюрпризы.

Стэн и Килгур ожидали получения наград. Вовсе не потому, что думали, будто совершили подвиг, побывав в заточении, хотя одно то, что они вырвались на свободу, можно было считать геройским поступком. С гораздо

большей охотой они до конца своих дней прислушивались бы к звону бокалов, до краев наполненных бесплатным алкоголем, чем к бряцанию медалей. Просто когда война принимает скверный оборот, уцелевшие солдаты стремятся получить хоть какое-то доказательство, что выжили не зря.

Они оба ожидали продвижения по службе и во время долгого пути назад часто задумывались, на один или два ранга их повысят в звании.

Ничего подобного не произошло — пока. Приказы, касающиеся Стэна и Алекса, были довольно лаконичны.

«Военнослужащему Стэну подписан приказ об увольнительной. Разрешено путешествовать. Перед возвращением к исполнению своих обязанностей доложить начальству для получения дальнейших распоряжений».

«Военнослужащему Килгуру подписан приказ об увольнительной. Разрешено поехать на планету Эдинбург, в другие системы — по желанию. Перед возвращением на службу доложить о себе для получения дальнейших указаний».

Стэн и Алекс переглянулись. Кто-то из верхушки власти строит планы на будущее. Возможно, эти планы вовсе не будут отвечать их собственным интересам. Но дезертировать друзья не собирались. Во-первых, за время краткосрочного отпуска мало что можно выяснить; во-вторых, они оба слишком долго были в бегах.

Следующим этапом было получение невостребованной зарплаты, вылившейся в кругленькую сумму. В последнее время бывшие таанские военнопленные только и думали о том, сколько денег получат и как их будут тратить. Империя платила жалованье военным несколько другим способом, нежели государства прошлого. По солдатскому чеку деньги либо выдавались военнослужащему на руки в обычном порядке, либо перечислялись на его счет в гражданский банк и обрастали большими процентами.

Такой порядок был заведен не потому, что Вечный Император испытывал слишком нежные чувства к каждому из своих подданных, а по двум простым причинам, которые властитель объяснил Махони в один из вечеров в пьяной беседе много лет назад.

«Во-первых, это капиталистическая Империя, как я думаю. Поэтому деньги намного выгоднее держать в обороте, чем в чьем-либо бумажнике.

Во-вторых, если тебе интересно, я могу вкратце обрисовать математическое соотношение девяти основных сил Вселенной. Я не слишком разбираюсь в экономике, впрочем, как и все остальные. Поэтому не буду вда-

ваться в подробности. Банкиры, получающие деньги моих вояк, очень и очень рациональны. А это значит, что они, черт побери, делают то, что я им говорю. И пусть только попробуют ослушаться — сразу же попадут в черный список. Военным просто не будет рекомендовано класть деньги на депозит в их банки».

Итак, когда Стэн и Алекс бодрым шагом направились в один из банков Прайм-Уорлда, который по давно забытым причинам оперативники корпуса «Меркурий» и отряда «Богомолов» предпочитали всем остальным, они ожидали, что их встретят вежливо и обходительно, как солидных вкладчиков.

Но они никак не ожидали, что в банк их введет лично президент и сообщит о том, что они теперь являются держателями большинства акций его банка. «И если господа пожелают, поскольку теперь они... эхм... в состоянии... не прислушаются ли они к совету постоянных членов правления делать дальнейшие капиталовложения в наш банк?»

Стэн хихикнул и пробурчал что-то невнятное. Килгур воспользовался случаем и притянул к себе шкатулку с манильскими сигарами — как ему показалось, скрученными из настоящего табака, — стоявшую на одном из письменных столов президента, оставляя царапины на гладкой поверхности крышки, сделанной из натурального дерева. Затянувшись сигарой, Килгур посмотрел на экран компьютера, увидел суммы, лежавшие на его и Стэна счетах, и закашлялся, поперхнувшись дымом.

Стэн и Алекс были не просто хорошо обеспеченными людьми. Они были богаты. Они оба оказались обладателями ценных акций, вложенных в самые значительные корпорации Империи. Кроме того, им шли проценты от добычи редких металлов плюс проценты от военных займов. Плюс...

Стэн вытаращил глаза, дойдя до тридцать шестой страницы перечня. Он был очень благодарен президенту банка за любезно принятые извинения после слишком бурной реакции.

— Вот это да-а-а... Килгур! Я стал владельцем целой планеты!

Алекс был ошарашен не меньше Стэна.

— Планеты у меня нет... зато, оказывается, мне будет принадлежать самое богатое имение в Эдинбурге. Я смогу реконструировать фамильный замок.

— У тебя разве есть замок?

— Теперь есть.

Вернулся раболепный банкир, держа в руках какой-то явно несгораемый ящик с неизвестным содер-

жимым, предназначенный, как он сказал, специально для Стэна с Алексом, с условием передать лично в руки одному из них. Банкир исчез.

Друзья открыли ящик и обнаружили в нем дискету, которую незамедлительно вложили в компьютер.

На экране возникло менее всего ожидаемое знакомое лицо цыганки Иды.

Ида была известной личностью, членом отряда «Богомолов», в который входили и Стэн с Алексом. Энергичная, напористая женщина, большая авантюристка, один из лучших пилотов, с которыми Стэну доводилось летать.

Ида исчезла со службы несколько лет назад, но перед уходом ей удалось каким-то образом вклиниться в банковские счета своих бывших сотрудников и вкладывать, вкладывать, вкладывать капиталы — в результате чего все оставались очень довольны.

Прорезался звук:

— Ну и придурки же вы оба! Как вы могли, черт побери, дать засадить себя в тюрягу? Килгур, ты такой же тупой, как и жирный. Стэн, зачем ты слушаешь этого недотепу? Ладно, как бы то ни было... Я занялась вашими счетами, когда услышала, что вы пропали. Но я не сомневаюсь, что не родился еще такой сообразительный таанец, который смог бы выследить вас, поэтому верю, что вы живы. Надеюсь, эту запись слушаете вы, а не ваши наследники или правопреемники, и что война кончилась.

Я позаботилась о вас, двух недоумках. Насколько я понимаю, ничего плохого случиться не должно, разве только Императору взбредет в голову сдаться. Знайте, что вы, между прочим, владеете землями и ценными бумагами в таанских системах. Так что можете стать богатыми-пребогатыми.

Причина, по которой я записала себя на дискету, не считая того, что мне просто хотелось быть рядом с вами, когда вы увидите, как хорошо я о вас позаботилась, заключается в... у-у, дракх, я пошла и послушала кое-кого и... ну, они хотят, чтобы я кое-что сделала.

Ну вот, собственно говоря, и все. Я, наверное, глупая, потому что скучаю по добрым старым временам.

Изображение Иды замолчало, и Стэну показалось, что в уголках ее глаз блеснули слезы. Затем Ида внезапно встала, повернулась спиной и задрала юбку. На экране появилось нечто напоминающее огромные спаренные хлебные булки — с точки зрения сковороды. К счастью, этот образ оставался на экране всего один момент.

Затем экран погас.

— Эта девушка по-прежнему не носит трусиков, — прокомментировал Алекс.

С трудом придя в себя, Стэн и Килгур позвали банкира. Держа в руках увесистые чемоданы, являющиеся подтверждением того, что теперь они были богатыми-пребогатыми, друзья направились к ближайшему бару.

Пару дней спустя, слегка протрезвев и более или менее очухавшись, Стэн и Алекс начали подбадривать друг друга:

— Прости, приятель, что приходится расставаться, но против обстоятельств не попрешь. Дьявол, мир тесен! Может, нам снова повезет встретиться?

Стэн посадил Килгура на борт корабля, отбывающего на планету Эдинбург, и задумался.

Прежде всего ему хотелось найти такое местечко, где можно было спокойно обмозговать, куда отправиться для проведения отпуска и какую сумму денег с собой прихватить.

Стэн вспомнил о планете, которая оказалась его собственной. «Целая планета? — подумал он. — Никто не может быть владельцем планеты. Это отвратительно. А что, если мне на самом деле принадлежит планета? Если так, неплохо было бы взглянуть на собственные владения. Только желательно отправиться туда с подругой».

Стэн подошел к компьютеру и связался с полицией. Если конкретно, он позвонил в отдел по расследованию убийств, находящийся на Прайм-Уорлде, и вызвал Лайзу Хейнз. Много лет назад они были серьезно влюблены друг в друга. Их роман продолжался до тех пор, пока Стэна не послали на войну с таанцами. Потом он попал в плен.

Стэн смутно надеялся, что Лайза все еще не обзавелась партнером и помнит его. Робот-полицейский подтвердил, что Лайза Хейнз по-прежнему служит в полиции и что он передаст ей послание, но в данный момент она, к сожалению, находится в отлучке.

— Когда вы ожидаете ее прибытия?

— Мы не имеем права выдавать такую информацию, — произнес синтетический голос, после чего экран вдруг поблек, а через секунду раздался человеческий голос. Очень вежливый.

— Говорит центр по принятию сообщений. Вы пытались войти в контакт с Лайзой Хейнз. Мы готовы передать послание... оставайтесь на линии, пожалуйста. Не обращайте внимания на помехи. Не прерывайте связь. Через несколько минут оператор откорректирует сигнал и свяжется с вами.

В силу выработанной за время обучения в «Богомоле» привычки Стэн старался никогда не попадать в

объектив кинокамеры. Поэтому его не было видно, когда загорелась красная лампочка ответа. Стэн выскочил из пункта компьютерной связи и пробежал несколько метров. Оказавшись в центре торгового зала, он увидел, как двое грузных мужчин с коротко остриженными волосами направились к компьютерной будке. Это были головорезы из разведки.

Стэн расплатился с продавцом за какую-то мелочь и затерялся в толпе. Лайзу поглотила война. Очевидно, она выполняла какое-то суперсекретное задание разведки.

«Вот тебе и центр по принятию сообщений», — подумал Стэн и скорчил гримасу.

Все сводилось к тому, что отпуск придется проводить в одиночестве — во всяком случае, до тех пор, пока он не откроет какой-нибудь местный талант на своей планете. Подумав об этом, Стэн решил отправиться в библиотеку, чтобы выяснить, была ли его планета вообще обитаема.

Не была — по крайней мере, судя по имеющимся данным, разумные существа ее не населяли.

Планета называлась Мостик, чуть меньше средних размеров, с пропорциональной гравитацией и нормальной атмосферой. Находилась планета в трех единицах от умирающей желтой звезды. Климат — средний между тропическим и субтропическим. Флора...

Судя по скупым данным, полученным имперской исследовательской миссией, в планете Мостик не было ничего интересного и примечательного. Впоследствии ее переименовали в Исследовательскую ХМ-Х-1134 со множеством еще и других букв и цифр. Жизнь растений и насекомых была изучена мало. Из собранных сведений невозможно было понять, вредные они или нет. Вода — годная для питья, но ее процентный состав изучен недостаточно. В море обитали некоторые виды съедобных моллюсков, которые стоили того, чтобы по возможности подвергнуть их коммерческому исследованию... Фауна... Насколько понял Стэн, на планете не водились животные, которые могли попытаться его съесть. На Мостике обитало маленькое, довольно застенчивое создание, похожее на кошку, которое способно оцарапать Стэна, если он вдруг окажется вблизи его логовища, да и то маловероятно.

Оказывается, Стэн стал владельцем маленького рая, ему несказанно повезло.

Кем же был человек, прошляпивший такую планету? Ведь в конце концов должен же был кто-то дать ей название Исследовательская. Стэн вставил в компьютер дискету из собственной картотеки.

Ответ — никто. Когда-то на ней поселился один авантюрист, заработавший деньги на сомнительном предприятии. Он построил для себя и, как понял Стэн, для своих высокооплачиваемых компаньонов по развлечениям прекрасный особняк — маленькое произведение инженерного искусства — с космопортом в придачу, а затем обанкротился, в очередной раз испытав судьбу.

Настоящий рай. Стэн грязно выругался на матерном таанском языке. Услышав, как кто-то хихикнул, он отпрянул от компьютера.

Смеялась очень молодая, очень высокая и очень белокурая женщина, сидевшая за столом напротив.

— Вы поняли, что я сказал? — спросил он.

— Поняла.

Стэн, отлично сознавая, что пребывание в лагере для военнопленных не лучшим образом отразилось на его и без того не блестящих манерах, покраснел от смущения и извинился.

Женщина, представившаяся Стэну как Ким Лаврансдоттер, объяснила, что владеет литературным, разговорным, матерным и военным стилями таанского языка. Она была доктором наук в области исследований таанской культуры, имела ученую степень по таанской истории и очень обрадовалась, когда узнала, что ее научные труды оценены по достоинству, а саму ее пригласили на Прайм-Уорлд для совместной работы с имперскими социальными аналитиками.

— Возможно, мне следует сказать вам о своей догадке, — произнесла Ким взволнованным голосом. — Мне кажется, разведка регулярно подбрасывает нам пищу для размышлений, хотя напрямик об этом никто не говорит.

Стэн разубедил Ким. У него был доступ ко многим документам, включая совершенно секретные, предназначенные для высшего имперского командования. Впрочем, он не стал посвящать Ким в такие тонкости.

Она была очень красива. А Стэн был очень одинок.

Он предложил ей выпить по чашке кофе. Ким по-прежнему оставалась красивой.

Стэн угостил Ким обедом. На следующий день он пригласил ее навестить своих старых друзей Марра и Сенна в светящейся башне.

Ким очаровала их.

Стэн не переставал восхищаться красотой Ким и на следующее утро, изучая ее обнаженное тело, лежавшее с ним на кровати. Возможно... Стэн был на седьмом небе от счастья, когда узнал, что Ким уже давно собиралась уйти в отпуск и сама уже подумала, как чудесно было бы прове-

сти его со Стэном на Мостике. Она никогда прежде не знала ни одного человека, которому принадлежала бы целая планета, не говоря уже о гоночной яхте, которая доставит их туда.

Ему следовало бы догадаться. И все же он не догадался. Возможно, мировосприятие Стэна все еще находилось на невысоком тюремном уровне? Или дело было в Ким? А может быть, в самой планете Мостик?

Настоящий рай... от арктических склонов до длинных островных берегов, омываемых бесконечными пенящимися волнами. Поистине лакомый кусочек. Особняк был комфортабельным, роботизированным. Холодильники ломились от всех продуктов и напитков, какие только существуют на свете. Даже кошкообразный хищник оказался вполне дружелюбным, проявляющим гораздо больший интерес к необходимым запасам продуктов, находящихся в спасательных лодках, чем к человеческой плоти.

Чередуя праздное времяпрепровождение с исследованием собственной планеты, Стэн кое-чему учился у своей спутницы. Лаврансдоттер, как он понял, вполне заслуживала присвоенных ей ученых степеней. Она была настоящим экспертом таанской культуры. Даже Стэну, полагавшему, будто он поневоле выучился всему, что касалось искусства воина, было чему у нее поучиться. И его ненависть к таанцам утихла. Он испытывал почти жалость к любому простому таанцу, искалеченному обществом и его культурой. Почти, но не совсем. После того как таанские лорды были низвержены, а от самой культуры остались жалкие руины, Стэн мог допустить возможность того, что таанцы имеют право примкнуть к какой-нибудь цивилизованной расе.

Итак, отпуск, состоявший из мечтаний и фантазий дни и ночи напролет, прошел.

Стэну следовало понять. Но он не понял.

Вплоть до того утра, когда проснулся от неясного шума, доносившегося со стороны его космопорта.

Ким зевнула, приподняла с ноги Стэна голову, фыркнула и снова заснула. Стэн потянулся и включил компьютер. На прединангарной бетонированной площадке сидел громадный корабль, по сравнению с которым яхта Стэна казалась карликом. Он ругнулся и вскочил на ноги. Заметив, что Ким снова проснулась, Стэн сердито посмотрел на нее и натянуто улыбнулся.

— В каком ты звании?

— Очень хорошо, Стэн. Я — полковник.

— Корпус «Меркурий»?

— Корпус «Меркурий».

Огромным кораблем, севшим на площадку космопорта, была яхта Вечного Императора «Нормандия».

— Как мне могло взбрести в голову, — удивился вслух Стэн, — будто я, черт возьми, настолько обаятелен, что самая красивая женщина в мире, сидевшая в лаборатории или библиотеке, могла ни с того ни с сего влюбиться в меня?

— Ты себя недооцениваешь, — сказала Ким.

— Спасибо. Но почему ты?

— Вечный Император просил передать: когда — или если — ты узнаешь, кто я такая, — что самый лучший вид словаря — тот, с которым ты спишь.

— У-у... черт!

— Ужасы войны, — сочувственно произнесла Ким. — А теперь... не лучше ли нам одеться и обо всем доложить начальству?

ГЛАВА 33

Полный невеселых мыслей, Стэн подошел к сходням «Нормандии», салютовал старшим офицерам, сердито проворчал в ответ на попытку Ким сказать «прощай» и стал подниматься наверх, как положено, в сопровождении одетых с иголочки адъютантов.

Стэн отметил интересный факт — у всех восьми салютовавших ему гурков на руках были белые перчатки, что придавало им необычно глуповатый вид.

Как только адъютанты ввели Стэна в конференц-зал, загудели двигатели Юкавы, и корабль оторвался от поверхности планеты.

Стэн вовсе не удивился, когда обнаружил в помещении младшего офицера Килгура. Алекс громким голосом выражал свое недовольство:

— Хренов Император! Надул меня, черт побери. Я-то думал, что прибыло грузовое судно с мрамором для моих палат. Зарубили, гады, весь отпуск, даже не предупредив, а на следующей неделе открывается охотничий сезон!

Поток резкой критики сменился паузой, достаточно длительной для того, чтобы Килгур смог заметить Стэна.

— Босс! Искренне сочувствую, что этот мерзавец вцепился в тебя, как клещ, — и в меня тоже. Чертов Император! И откуда он только взялся на наши головы?

Это было уж слишком. Пальцы Стэна вмиг образовали композицию, обозначающую на языке «Бого-

молов» следующее: «Заткнись, болван. Помещение прослушивается».

Килгур усмехнулся:

— Да пошел он!.. Пошли все его прихлебатели вместе с их Империей!.. Говорю что хочу. Чего им от нас теперь нужно? Послать обратно на проклятую планету Хиз?

— По правде говоря, вы недалеки от истины.

Сухой голос, конечно, принадлежал Вечному Императору.

Маршал Ян Махони подождал, пока политики вдоволь наговорятся, подошел к окну конференц-зала и многозначительно посмотрел вверх. Двенадцать имперских боевых кораблей зависли над столичным городом планеты Гори.

Махони снова повернулся лицом к собравшимся правителям.

— В общем, ситуация такова: правители Гори решительно настроены сохранять нейтралитет в этой войне. Император уважает такую позицию. Тем не менее, согласно действующему международному договору, подписанному Императором и представителем Гори, ваша планета рассчитывает на нашу помощь и поддержку в случае возникновения угрозы нападения со стороны Таанского Союза. В этом договоре вы обязуетесь предоставить нам любую тыловую помощь.

Император считает, что над Гори нависла серьезная угроза. Планета может быть уничтожена таанцами. Этого нельзя допустить. Мы предлагаем гарантию безопасности вашей планеты в обмен на ее независимость. Все, о чем мы просим, — это получить доступ к трем вашим главным космопортам да немного жилья для размещения имперских экипажей и обслуживающего персонала.

— А если мы не предоставим вам возможности занять наши порты?

— В соответствии с законами Империи к вам будут применены либо силовые, либо другие меры воздействия. Естественно, Империя возместит все убытки, связанные с использованием космопортов.

— Таанцы не собираются нападать на нас!

— Они очень скрытные, — сказал Махони, почувствовав, что беседу нужно вести как можно дипломатичнее, хотя ему хотелось начать встречу следующими словами: «Послушайте, ребята! Вы, шуты гороховые, сидели здесь, на самой границе с Тааном, и пользовались всеми благами своего нейтрального положения, поэтому особенно не выступайте. Но так не может продолжаться вечно. К нашему сожалению, нам очень выгодно воспользоваться вашей развитой промышленностью».

— Мы будем протестовать! — заявил один из политиков.

— Имеете полное право. Могу посоветовать обратиться к истории. Имперский Адмиралтейский суд рассматривал подобное дело лет семнадцать назад... Не совершайте подобной ошибки! Наши военные силы будут введены немедленно.

Махони вежливо поклонился, снова взглянул на висевший в воздухе флот и поднял со стола свой шитый золотом головной убор.

— У вас есть шесть часов на принятие решения. До свидания, господа.

Война длилась достаточно долго для того, чтобы даже самые прекрасные моральные принципы подверглись действию коррозии.

Все стенные экраны огромной аудитории показывали моржеподобное существо, плещущееся в энергетическом плавательном бассейне. «Моржом» была Рикор, самый выдающийся в Империи психолог, а зал был полон высшими советниками и элитой имперской пропагандистской машины.

Рикор стряхнула пену с усов — при этом спикеры, находившиеся в аудитории, взвизгнули — и подвела итог.

— Вряд ли при помощи имеющегося оборудования мне удастся подробно объяснить каждому из вас, господа, как нужно выполнять работу. Всевозможные предложения и рекомендации, увиденные вами на экране, были разработаны специально для того, чтобы вы взяли их на вооружение.

Естественно, ни одну из секретных или совершенно секретных операций нельзя обсуждать на этом собрании. Могу только сообщить, что наш удар должен быть двойным. Во-первых: победа в системе Дюрер — начало конца. Те, кто доблестно служил Империи в деле скорейшего достижения победы, будут награждены по заслугам. Во-вторых: народы, находившиеся под игом Таанской империи, в особенности нетаанцы, должны развивать и совершенствовать свою культуру.

Освобожденные от врага планеты следует готовить к скорому визиту аккредитованных журналистов и героев войны. Политика, которая будет проводиться на этих планетах, должна оказаться наиболее либеральной.

Спасибо за внимание. На наших следующих семинарах мы попытаемся и дальше развивать некоторые из основополагающих тенденций нашей долгосрочной стратегии.

В центре зала поднялась женщина.

— А какие меры будут предприняты относительно таанцев? О чем будут вещать средства массовой информации?

— Я снова хочу подчеркнуть, что не собираюсь обсуждать секретные операции. Могу сказать лишь одно: в окраинные районы Таанского Союза будут введены имперские соединения, которые, по мере освобождения новых планет, будут продвигаться в глубь систем. Средства массовой информации получат сведения, в точности отражающие реальную картину происходящего.

— Даже если мы проиграем следующее сражение?

— Даже в этом случае. Мы должны на деле доказать таанским гражданам, что их лидеры никогда не говорили правду.

— А как же насчет попыток дискредитации?

— Полагаю, вы имеете в виду листовки, в которых говорится о грубых ошибках имперцев и их жестоком обращении с мирными жителями, приводятся примеры коррупции в тылу и так далее? Я знакома с некоторыми конкретными приказами Вечного Императора. Можно было выразиться повежливей, но... он сказал, что, если таанцы сами напрашиваются, пусть будут пушечным мясом.

— Спасибо.

— Насколько я понимаю, — произнес молодой человек,— у нашей расы есть одна проблема.

Сэр Эку, выдающийся дипломат манаби, парил над безупречно чистым настилом пустого завода. Трехметровый хвост плавно извивался у него за спиной.

— Надеюсь, вы меня поймете, — продолжал молодой человек.

Эку взмахнул крыльями — жест, который мог быть принят за одобрение.

— Мы рассматриваем нашу расу как единое существо, начиная с каменного века на планете, известной под названием Земля, когда мы правили по законам расовой справедливости, и вплоть до тех дней, когда более сильная раса не напала, покорила и почти полностью уничтожила нас. Но мы терпели столетиями и выстояли. Когда мы эмигрировали в нашу теперешнюю систему, то твердо решили, что больше не пойдем на поводу у обстоятельств. Ответ нам подскажут история и расовая память. Мы стали дальновидными. В этом была наша первая ошибка. Мы пренебрегли повседневными заботами. Мы забыли о том, что сидящих на ограде не любят те, кто находится по обеим сторонам от нее. Каков результат? Мы строим заводы перед самой войной, а когда она начинается, отказываемся выпускать военную продукцию. И все утрачивают к нам интерес... Кроме тех, — поспешно добавил молодой человек, — кто хочет заставить нас спекулировать. Мало того, они требуют, чтобы мы

отдавали им девяносто процентов прибыли, а себе брали всего десять, да и то лишь потому, что мы готовы выполнять заказы и бить в их барабаны.

Но есть еще и другие — таанцы, которых мы так долго уговаривали не ссориться с нами, настаивали на том, что будем принимать их корабли, снабжать всем необходимым, удовлетворять все требования их экипажей и сохранять нейтралитет. Таанцы взимают с нас налог, потому что понимают — мы не хотим с ними ссориться.

Это еще куда ни шло. Ресурсов у нас хватит для поддержания рабочих, да и терпимости у тех, кто продает свои услуги и тела таанцам, предостаточно. А вот что будет потом?

Манаби были известны Империи как отличные дипломаты. Эти существа обладали способностью летать по воздуху и считались абсолютно нейтральными — и поэтому идеально подходили для выполнения заданий государственной важности. Никто не знал, что сразу после начала войны с таанцами сэр Эку объявил о поддержке Империи. Не потому, что верил в освободительную миссию Императора, но потому, что считал поражение Империи равносильным установлению варварского режима. Об этой поддержке было известно разведслужбе манаби, Вечному Императору и никому больше. Для таанцев и простых жителей Империи манаби по-прежнему оставались нейтральными дипломатами.

— Что будет потом, — начал Эку, — неизвестно. Хочу надеяться, что опыт прошлого и вера в расовую индивидуальность укажут вам дорогу. Я благодарен за доверие и понимаю серьезность проблем. Но причина, по которой я здесь нахожусь, не имеет к ним никакого отношения. Представитель Вечного Императора попросил меня передать следующее.

Император отметил тяжелое положение Пяти Наций и глубоко опечален по этому поводу. Он обещает предоставить вдвое большее количество АМ-2 вашим планетам и надеется, что возникшие проблемы мало-помалу станут разрешимыми.

Молодой человек произвел на сэра Эку большое впечатление, поскольку выражение его лица менялось всего трижды за время беседы. «Возможно, — подумал дипломат, — по прошествии нескольких эпох люди стали менее восприимчивы».

— Какие гарантии?

— Прошу прощения?

— Я имею в виду юридические обязательства?

— Никаких.

— Я не привык верить на слово, — сказал молодой человек.

— Меня предупредили, — продолжал сэр Эку. — Тем не менее ваши порты должны быть готовы к при-

бытию шести имперских кораблей-энергоносителей через шесть дней после моего прибытия в вашу систему.

Не получив сиюминутного ответа, сэр Эку вспорхнул вверх, и его огромное тело, покрытое черно-красным оперением, покинуло помещение, направившись в сторону корабля. Любопытно, сколько времени понадобится Пяти Нациям на решение о выходе из нейтралитета и объявлении о том, что они переходят на сторону Империи?

Сэр Эку подумал о том, что его умственные способности начинают потихоньку деградировать, и заволновался, что его это не беспокоит.

Командир огневой точки Хибнир был счастливым человеком, находящимся в самом отчаянном положении.

Раньше он был несчастен в любом положении. По крайней мере, он считал, что возделывать собственный огород гораздо лучше, чем попасть в таанскую армию и участвовать в боях.

Отряд, в котором воевал Хибнир, был уничтожен, в живых остался он один. Потом он ухитрился напороться на имперский форт — и благополучно вернулся, доложив командованию о местоположении врага. Более того, его не послали участвовать в последовавшем кровавом нападении на злополучный форт. Начальство осталось довольно Хибниром и продвинуло его по службе, отправив на совершенно безопасную планету-суперкрепость Итан. Награжденному медалями солдату, чья позиция находилась на самой вершине высокой скалы, надлежало первым вступить в бой с любым имперским соединением, командование которого окажется настолько глупым, чтобы атаковать Итан.

Хибнир, уже имевший горький опыт в отношении того, что значит попасть под обстрел, переоценил свое назначение.

Он был мишенью. А в мишени имеют обыкновение стрелять.

Хибнир не знал точно, что предпринять в подобной ситуации. Не знал он и как приступить к выполнению своих обязанностей, какие приказания отдавать подчиненным, чтобы его не отослали обратно на линию фронта, в штурмовой отряд.

Но самым главным было то, что он не имел ни малейшего понятия, куда отступать, если на форт все-таки нападут.

Хибниру снова очень повезло.

Его подразделение состояло из добровольцев таанского отряда «Пылкой молодежи», которые обожали своего командира — героя битвы при Кавите, разведчика,

указавшего бравому герою, покойному капитану Сэнтолу, дорогу во вражеский форт, — и хотели доказать ему, что достойны его доверия.

Иными словами, они установили собственные правила — еще более строгие и жесткие, чем зверские требования таанского устава, и вели образ жизни, близкий к спартанскому. Командиру огневой точки Хибниру оставалось только изредка обходить своих бойцов, давать туманные указания — и отправляться по своим делам.

Хибниру повезло еще и потому, что он не испытывал особого интереса к роскошным апартаментам, служебной карьере или милостям начальства. Взводы «Пылкой молодежи» восторгались им и перенимали все его привычки. Каждый воин считал его примером, достойным подражания.

Но Хибнир был слишком глуп, чтобы понять, как ему повезло. Поскольку отряд, находившийся под его командованием, управлялся, казалось, сам собой, Хибнир целыми часами бродил у подножия утесов, выискивая безопасное местечко, в котором можно было бы спрятаться, когда дракх свалится с неба.

Однажды он сделал очень интересное открытие. Под его фортом, у подножия скалы, простиралось несколько гектаров совершенно ничьих фруктовых деревьев.

В крохотном мозгу Хибнира вспыхнул интерес. Он невзначай бросил, что в хозчасти гарнизона нет садовых инструментов. Сбитый с толку помощник Хибнира решил, что герой Кавите будет обучать солдат чему-то совершенно необычному, возможно — мыслить другими категориями.

Двумя днями позже командира огневой точки Хибнира снабдили крюками, секаторами, лестницами и корзинами. Счастливый и радостный Хибнир исчез со всеми этими причиндалами в низине. Солдаты «Пылкой молодежи» были уверены, что в свое время узнают, чем он занимается.

Еще один подарок судьбы: главнокомандующий Итана, некий адмирал Молк, заинтересовался искусством разведения фруктов. Ему стало интересно, почему определенная стратегически расположенная ракетная точка сделала запрос о фермерских инструментах, и решил нанести неожиданный визит на обозначенную точку. «Пылкая молодежь», поверженная в шок оказанной ей высокой честью, отправила адмирала Молка вместе с его телохранителем к подножию утеса, чтобы они собственными глазами увидели, какими важными делами занимается их командир.

Хибнир пересчитывал почки на деревьях, беззвучно поводя в воздухе ножницами, пытаясь выяснить,

какую ветку и где нужно подрезать, как вдруг услышал звук приближающихся шагов.

Молк тоже был очень везучим таанцем.

Приблизительно в этот момент шесть имперских флотов обрушились на Итан. Неуязвимые крепости оказались не такими уж неуязвимыми, поскольку их генералы за долгие годы бездействия порядком обленились. Они были уверены, что решиться напасть на них может лишь выживший из ума идиот. И почивали на лаврах собственной значимости в слепой вере в собственную безопасность. Но враг не дремал.

Имперский адмирал, командующий флотами, был очень разочарован, что на Итане не оказалось таанских линкоров. После разгрома армии в Дюрере все они в основном были доставлены на Хиз для ремонта.

Тем не менее главный удар был нанесен. Командир огневой точки Хибнир попал под обстрел при первом же нападении; к счастью для него и его фруктовых деревьев, по ним был выпущен не ядерный снаряд. Впрочем, для «Пылкой молодежи» это не имело большого значения. Из отряда уцелело всего трое, да и те были настолько тяжело ранены, что прожили всего несколько минут после нападения.

Когда огонь и дым развеялись, а подземные толчки прекратились, шесть таанских крейсеров, двенадцать эскадренных миноносцев, а также множество вспомогательных и транспортных судов остались лежать искореженными на взлетных площадках.

Итан все еще представлял собой неприступную крепость. Однако без важных военных кораблей, базирующихся на планете, при наличии имперских сил, отрезающих пути, по которым на Итан поступала помощь, это не играло роли. Руководство Итана могло выбирать, что делать до окончания войны. Несколько сот других таанских цитаделей были изолированы от внешнего мира, оказались в бездействии и перестали приниматься в расчет после проведения подобных операций.

Нельзя сказать, что командир огневой точки Хибнир бездействовал. Он был очень занят — инструктировал адмирала Молка, как правильно выращивать фрукты. Это было очень важное занятие, поскольку таанцы забыли о планете Итан и о том, что люди на ней тоже хотят кушать. После девяти месяцев покорного выслушивания инструкций адмирал Молк попросил, чтобы Хибнир называл его Юки.

Адмирал Масон догадывался, что слово «дипломатия» находится в словаре где-то между словами «дилижанс» и «диссидент». Этим можно было объяснить его ответ, когда предполагаемый нейтральный конвой пожаловался:

«Имперские отряды... не понял ваш приказ оставаться на месте для взятия на абордаж. Мы из системы Юмид. Мы — союзники Империи. На борту нашего грузового судна находится ценный энергетический груз. Пожалуйста, ответьте. Прием окончен».

Если бы Масон был вежливым человеком, он бы ответил по линии компьютерной связи или взошел бы на борт корабля и передал необходимые сведения лично.

Система Юмид, которая действительно была союзником Империи на бумаге, снабжалась определенным количеством АМ-2. Согласно информации, полученной шпионами Империи, система более двадцати процентов этого ценнейшего топлива продавала таанцам.

Воспитанный человек так бы и объяснил командиру корабля причину его задержания. Но Масон ответил следующим образом:

— Кораблям Юмид. Всем кораблям Юмид. В вашем распоряжении осталось семь минут. Готовьтесь к абордажу. Любое сопротивление будет подавлено. Всем кораблям Юмид, всем членам экипажей. Приготовьтесь покинуть корабли. Груз подлежит уничтожению.

Оставалось только надеяться, что адмирал Масон не выживет в войне и потому не станет доказывать, что Император разделял его бредовые идеи.

— Перережь, — приказала Хейнз.

Солдат кивнул, нажал на кнопку горелки и разрезал пламенем энергетический кабель, ведущий в обшарпанное многоэтажное здание, в котором находились жилые квартиры.

— Хорошо. Вперед! — крикнула Хейнз.

Женщина с дубинкой в одной руке, виллиганом в другой, имеющая два звания — майора (корпус «Меркурий», временный резерв) и капитана (Имперская полиция, Прайм-Уорлд, Отдел по расследованию убийств), по имени Лайза Хейнз повела отряд боевиков наверх. Два мастодонта из службы безопасности выломали дверь как раз перед приходом Хейнз, которая, не теряя ни минуты, ворвалась в квартиру.

Пожилая седовласая женщина вскочила с кровати, растерялась, стала набрасывать на худые плечи рваную накидку, отдаленно напоминающую кружевную.

— Имперская разведка, — объявила Хейнз для проформы. — Андреа Хайил, вы арестованы как агент вражеской разведки. Предупреждаю, что вы можете быть задержаны на срок до шести циклов без права на обжалование в суде и обращение к адвокату. Также предупреждаю, что вы

можете быть подвергнуты допросам по закону военного времени. Любое содействие следствию будет учтено при разбирательстве в суде.

Головорезы, не нуждающиеся в приказах, вывели пожилую женщину из помещения и спустили вниз по лестнице в считанные секунды.

В квартиру вошла группа обыска. Как и ожидалось, передатчик нашли за несколько секунд. Он был по-дилетантски спрятан в туалетном столике с двойной дверцей.

Хейнз оставила группу свидетелей рассматривать фотографии и спустилась по лестнице.

Они обошли уже шесть адресов. Осталось еще два. Более двенадцати тысяч рейдов совершила имперская разведка почти в один и тот же час. На установление личностей секретных таанских агентов, засланных на крупные планеты Империи, уходили годы. И затем их всех взяли практически одновременно.

Сейчас Хейнз испытывала отвращение к своей работе еще больше, чем после официально санкционированных «исчезновений», свидетелем которых она стала, когда был раскрыт тайный заговор Хаконе — заговор, послуживший поводом к началу войны.

Разоблаченных шпионов изолировали, а затем им предоставляли право выбора: стать двойным агентом либо быть казненным. Наказание за шпионаж в военное время никогда не менялось.

Уловка сработала. Почти тотчас таанская разведка начала получать фальшивую информацию. Отдельные предатели-имперцы, работавшие на таанцев и поставлявшие противнику правдивую информацию, в конце концов были выслежены, арестованы и казнены вместе с теми таанскими агентами, которые остались истинными патриотами своей родины.

В результате таанская шпионская сеть стала одним из самых смертоносных орудий Империи.

ГЛАВА 34

Младший офицер Килгур погрузился в состояние, близкое к шоковому, когда понял, что обругал Вечного Императора на чем свет стоит в его личном присутствии.

Император снизошел до холодной улыбки.

— Спасибо за вашу оценку моих качеств, мистер Килгур. Не хотите ли пройти в следующие палаты для беседы?

Алекс молча отдал честь и на ватных ногах прошел через индикаторный люк, бесшумно раскрывшийся и закрывшийся за ним.

— Во времена вроде этих, — сказал Император, — люди тяготеют к тому, чтобы немного расслабиться спиртным, как это только что сделал я. Разлейте по бокалам стрегг, друг мой.

Стэн, столь же покорный, как и Алекс, подошел к буфету и наполнил бокалы бхоровским спиртным, по всей вероятности, сделанным на основе гидразина, с которым сам же и познакомил Вечного Императора несколько лет назад.

Властитель сидел в удобном кресле, положив ноги на стол. Стэн подал ему напиток.

— Чин-чин, — произнес он тост.

Стэн пробормотал в ответ что-то невнятное.

— Так вот, — начал Император, — я хочу, чтобы вы, два головореза, отправились обратно на Хиз.

— Да, сир, — ответил Стэн после того, как стрегг опустился на дно его желудка, — как бы то ни было... когда я покидал планету, там оставались люди, по-настоящему интересующиеся мной.

— С тех пор все изменилось, — заверил Император. — Кое-кто, очарованный твоей обворожительной улыбкой, внедрил вирус в таанский центральный компьютер. Складывается впечатление, что ни парня по имени Стэн, ни снайпера по имени Горацио никогда не существовало в природе. Никакого удостоверения личности, сведений о заключенном, никаких данных. Есть какие-нибудь соображения по поводу того, кем может быть твой неизвестный благодетель?

Стэн молчал.

— Кем бы ни был этот компьютерщик, он заслуживает всяческих похвал. Вы готовы отправиться обратно на Хиз? Полагаю, ты уже догадываешься, каким будет следующее задание, если вдруг надумаешь отказаться, черт побери.

Стэн еще не догадался.

— Э-э, — осмелился предположить он, — зашлете на какую-нибудь шаланду-мусорщик?

— Адмиралы не возятся с бачками, наполненными дракхом.

— Что?! — вырвалось у Стэна.

Император улыбнулся.

— Ты самый наблюдательный разведчик, Стэн. Подумай. Сколько моих гурков, имевших глупый вид в белых перчатках, находилось на сходнях, когда вы поднимались на борт корабля?

— Восемь, — ошарашенно пробормотал Стэн.

— Точно, — сказал Император.

Стэн без разрешения встал, налил себе еще стрегга, осушил бокал и снова наполнил его, постепенно приходя в себя.

— Выполнив задание на Хизе, ты получишь боевой эскадренный миноносец и будешь лихим командиром, при медалях и звезде, гордостью нации и Императора.

Перспектива стать народным героем Стэна вовсе не прельщала. А вот эскадренный миноносец и звезда... Стэн даже мечтать не мог о таком. Много лет назад он решил стать профессиональным военным. Со временем Стэн понял, что в конце карьеры его ждет если не могильная плита, то тяжелое ранение и увольнение в звании полковника; возможно, учитывая флотскую подготовку, — командора.

Император молча наполнил свой бокал.

«Конечно, — размышлял Стэн, — я мог бы нанести серию серьезных ударов по таанцам. Уж я-то знаю, как работают их мозги. Передо мной не устоит ни один боевой таанский корабль. То, что происходит у них в тылу, мне тоже хорошо знакомо. Но, как считает Император, на мне свет клином не сошелся».

— Почему ваш выбор пал именно на меня? — спросил Стэн безучастным голосом, словно разговаривал с таанским охранником.

— У агентов, которые работают на Хизе, кишка тонка. Имеющиеся там шпионские сети довольно низкого уровня и, как я подозреваю, контролируются таанцами. Это одна проблема. Твой бочкообразный сопровождающий сможет встряхнуть их, если захочет составить тебе компанию. Мне нужен на Хизе личный агент. Сложившуюся ситуацию можно назвать если не началом конца, то концом начала. Мне нужен человек, который будет выполнять роль шпиона и дипломата одновременно.

Тем не менее я не восхваляю тебя и не считаю идеальной кандидатурой. Ты по крайней мере на столетие моложе, чем нужно, и руки твои по локти в крови — на роль шпиона моей мечты не тянешь. Махони, когда ты впервые встретился с ним на Вулкане — не дергайся, я сделал маленький экскурс по твоей памяти, — был бы идеальной кандидатурой. Но у него слишком острые клыки, и он, черт побери, слишком хорош как адмирал флота, чтобы прозябать на Хизе.

Итак, настало время принятия решения. Стэн уже знал, что отправится на Хиз. Не только потому, что ему посулили хорошую награду, а и потому, что он лично

хотел разрешить некоторые проблемы. Одной из них были пленники Колдиеза.

— Спасибо, адмирал, — сказал Император, не дожидаясь ответа. — Мои разведчики обсудят с вами все вопросы и посвятят в план действий.

Стэн встал.

— Думаю, я лучше разработаю собственный.

— Твое право. Как я уже сказал, на сей раз единственным твоим боссом буду я. Все приказы исходят только от меня. Как ты будешь их выполнять — и даже будешь или нет — выбирай сам. Ты — человек на своем месте. Ох, да, чуть не забыл! Махони может кое-чем помочь. Он сказал, что в Колдиезе был один военнопленный. Кажется, его звали Соренсен. Правильно?

Стэн кивнул, вспомнив крупное, улыбающееся лицо фермера. Он и Алекс часами спорили по поводу того, является ли Соренсен «боевым компьютером» «Богомола».

— Отлично, — сказал Император. — Махони просил передать, что кодовая кличка Соренсена — Сайдер, если это имеет для тебя какое-то значение.

Стэн улыбнулся своим мыслям, но Император еще не закончил речь.

— Можно попросить тебя об одном одолжении?

Стэн насторожился.

— Если ты вдруг решишь скинуть их хреново правительство, не ставь на его место какого-нибудь антропоида, который любит стрегг и не умеет разговаривать на моем языке. А если уж сделаешь это, дай мне знать первому. Хорошо?

Стэн отдал честь и вышел через автоматические двери люка. Ему оставалось теперь только отправиться на брифинг, где будут обсуждаться подробности командировки, выслушать Килгура, который начнет сетовать, как ему «хочется» отправляться обратно на Хиз, а затем найти Вайлда и дать ему знать, что время сидения в засаде для нейтральных контрабандистов закончилось.

ГЛАВА 35

Волмер, издательский магнат и член императорского Тайного Совета, горделиво упивался тем, как лихо работают его мозги даже в крайне сложной обстановке.

Никому в глаза не бросаясь, он сидел молчком — среди убийственного шума — у дальнего конца стойки

одного из баров при доке космопорта прайм-уорлдского города Соуарда. Забегаловка была набита пестрым сбродом — тут собирались отпетые из отпетых. Игнорируя разноязыкий говор вокруг, Волмер предавался серьезным размышлениям.

Но часть его сознания цепко наблюдала за окружающими — на предмет, с кем бы ему завертеть приключение в этот вечер.

Волмер и слыхом не слыхивал выражения «полиморфный извращенец» и был бы жутко обижен, случись кому-либо обозвать его подобным образом; разумеется, прежде чем взвиться от злости, магнату пришлось бы заглянуть в словарь и выяснить, что это выражение обозначает человека с целым букетом сексуальных, мягко говоря, причуд.

В натуре Волмера действительно было много темного. Богат он был — ни в сказке сказать, ни пером описать. И, конечно же, имел возможность удовлетворить за деньги любую из своих сексуальных фантазий — да так, чтобы все было шито-крыто, без риска и комфортно, с «доставкой на дом». Однако он предпочитал самостоятельно находить утехи, спускаясь на самое дно общества. Ему было нипочем оказаться в сточной канаве с набитой мордой и вывернутыми карманами, если такой ценой случалось купить упоительнейшую ночь с чертовски привлекательным экзотическим сексуальным партнером — где-нибудь в грязном гостиничном номере или под ворохом тряпья возле помойки.

Об этой тайной стороне его жизни знали сливки репортерского корпуса — процента два самых обласканных. Если они и зубоскалили по этому поводу, то лишь между собой. Однажды до Волмера дошел слух, что и Вечный Император балуется опасными экскурсиями на дно общества. Когда газетные ищейки, пущенные по следу, не смогли найти тому убедительных доказательств, Волмер в сердцах уволил шестерых журналистов, которые не справились с заданием отыскать компромат на властителя.

Как бы то ни было, по меньшей мере раз в месяц Волмер отправлял телохранителей и обслугу в двухдневный отпуск, а сам ускользал через заднюю дверь своего роскошного особняка в неизвестном направлении — соответственно переодевшись под «человека из народа».

Он воображал, что перевоплощается идеально и на городском дне его держат за своего — невзирая на сопутствующий ему ореол некоторой таинственности. В действительности даже среди городского отребья, где у каждого свои «прибабахи», за ним закрепилась слава «долбанутого». Однако некоторое время назад про него разошелся кое-какой

слушок, и было решено нынешним вечером на эту информацию отреагировать самым решительным образом.

Другая часть волмеровского сознания прокручивала обстоятельства недавней встречи на Земле с Сулламорой и прочими. Теперь ему казалось, что он слегка погорячился. Возможно, Сулламора и остальные обдумали потенциальные проблемы тщательнее, чем это сделал сам Волмер. Возможно, ему стоило бы помолчать и проявить более живой интерес к их словам... если он — вдруг пришло ему на мысль — вообще правильно эти слова понял. А что, если он их недопонял и поспешил с выводами?

Волмер мысленно похвалил себя за открытость любым предположениям, даже если они мало льстят его самолюбию. «Именно благодаря подобной гибкости мышления, — добавил он про себя, — я вознесся на такую высоту и стал заправилой в мире средств массовой информации».

Увы, он не знал, что его сотрудники своего шефа именуют между собой «старина Бумнебум» — никто не помнит, кто из журналистов и по какому поводу пустил это словечко, но служило оно для обозначения обалдуя, который ни на что не может решиться, прежде чем не вымотает нервы всем окружающим.

«Ну а если я понял правильно, — продолжал он свои размышления, — тогда не будет ли безопаснее доложить Императору о моих подозрениях? Впрочем, подозрения — это слишком крепко сказано. Пока что ничего конкретного я сказать не могу. А если меня угораздило неправильно понять Сулламору и прочих? Каким же суперослом, каким нелепым паникером-неврастеником я себя выставлю перед всеми, без всякой нужды побеспокоив Императора!.. Быть может, — заключил свои размышления Волмер, — умнее всего — ничего не предпринимать. Быть может, стоит еще раз переговорить с Сулламорой, а пока все пусть идет как идет. Да. Это и есть верная линия поведения».

Довольный тем, что в очередной раз принял решение увильнуть от решения, Волмер наконец сосредоточил все свое внимание на утехах, которые обещал предстоящий вечер. Когда к нему подсел молодой красавчик и стал предлагать разных соблазнительных сексуальных партнеров, в том числе — прозрачными намеками — и себя самого, Волмер выслушал его с благосклонным интересом. Недурственно. Однако следующий рассказ юноши его прямо-таки заинтриговал: речь шла о пикантных событиях в морге некоей больницы — с участием больничного персонала.

А молодой красавчик и впрямь был продажным типом. Только он не секс-услуги продавал. Он был на-

нят за большие деньги — избавить кое-кого от потенциальных неприятностей.

Согласно недавнему слушку, Долбанутый — совсем не тот, за кого себя выдает. На самом деле это переодетый легаш с крепкой легендой. А чем еще объяснить то, что за последний месяц полиция арестовала чертову уйму соуардских сутенеров — и всем впаяли срок? Выходит, неизвестно откуда взявшийся слушок очень похож на правду.

И была своя логика в том, что боссы уголовного мира, каждый из которых мнил себя самым могущественным и самым страшным для остальных, объявили цену за голову Долбанутого. А молодой красавчик взялся его замочить.

Битых два часа Волмер, нагружаясь алкоголем, зачарованно слушал некрофильские россказни смазливого юноши. Потом Долбанутый совсем окосел, его профессионально огрели пониже левого уха мешочком с песком, вывернули ему карманы, сорвали с него дорогие украшения, сняли новенькие полуботинки и перевалили бесчувственное тело через балконную решетку. Четырьмя этажами ниже раздался глухой удар о бетон.

Когда через два дня прогремела весть о находке трупа, Танз Сулламора разыграл подобающее случаю потрясение. Кипя возмущением, он заявил, что отныне патрулирование района доков будет вестись строже прежнего и под особый контроль попадут все прилегающие территории. Касательно причин чудовищной трагедии... Он не сомневался, что Волмер, всеми уважаемый руководитель средств массовой информации, вел собственное расследование деятельности коррумпированных чиновников — саботажников военного времени, за что и поплатился жизнью. Сулламора даже назначил денежное вознаграждение тому, кто выдаст подонков, убивших его дорогого друга.

ГЛАВА 36

Четыре таанских офицера хмуро взирали на Сент-Клер. Даже в парадных мундирах, при всех регалиях, они походили на что угодно готовых рецидивистов. Но при этом на лицах офицеров прочитывалось такое спокойное высокомерие, что Сент-Клер догадалась об их высоком ранге прежде, чем разглядела знаки различия. Безупречный пошив мундиров и посеребренные виллиганы на поясе подтверждали ее догадку. В небольшой прихожей четыре человека ка-

зались толпой, и первым порывом Сент-Клер было дать деру. На лицах офицеров было то самое зловеще-угрожающее выражение, с помощью которого высшие таанские чины добиваются беспрекословного повиновения нижестоящих.

Подавив желание убежать, Сент-Клер одарила гостей подчеркнуто приветливой улыбкой.

— Уважаемые господа, — проворковала она, — при входе будьте добры сдать оружие и показать ваши кредитные карточки.

Произнеся это, она жестом пригласила их пройти в главный зал Сакс-клуба — в Шабойе, хизском квартале игорных домов и прочих ночных заведений, этот клуб был одним из самых фешенебельных и процветающих.

«Мое, здесь все мое», — пело сердце Сент-Клер, пока она наблюдала за работой дебелого, но мускулистого швейцара-охранника. Хорошо вышколенные таанские офицеры прошли ко входу с поклонами и поклончиками, приветствуя даму и вежливо пропуская друг друга вперед. Это смягчило некоторую неловкость процедуры прохода в зал: чтобы попасть в привилегированный клуб, куда пускали только постоянных членов, следовало сдать на хранение оружие и предъявить кредитную карточку. Уже через несколько секунд ранг офицеров и их платежеспособность будут подтверждены, затем они поставят отпечатки своих пальцев под контрактом о членстве в клубе. Согласно контракту, если у его членов возникают финансовые трудности, то Сакс-клуб возглавляет ряд кредиторов, которым долги возвращаются в первую очередь.

Необходимые процедуры были проделаны быстро, с шутками и прибаутками, так что даже на суровых лицах таанских офицеров, привыкших являться на публике с непроницаемым видом блистательных патрициев, зацвели улыбки.

Несколько секунд спустя дверь, ведущая в зал казино, наконец распахнулась, и четыре таанских офицера, тихо пересмеиваясь, прошли внутрь, где гудела толпа — люди пили, ели, надрывно веселились и просаживали бешеные деньги у игорных столов, обогащая Сент-Клер. Кто знает — может, они догуливали последние деньки на свете! В любой момент удар имперского космофлота мог истребить все живое на планете.

Опять зазвенел старомодный колокольчик у входа, возвещая о приходе новых посетителей. Сент-Клер жестом приказала швейцару самостоятельно заняться клиентами. В этот поздний час в клуб заглядывают преимущественно постоянные клиенты, и у Сент-Клер не возникает необходимости вежливо выпроваживать случайных гостей.

Сент-Клер последовала за таанцами в игровой зал. Самое время проверить, как идут дела у крупье. Впрочем, это было пустой формальностью — дела шли прекрасно, члены клуба играли как сумасшедшие, проигрываясь в пух и прах. Утром, когда Сент-Клер станет подбивать итоги, окажется, что заведение в очередной раз побило рекорд прибыльности.

Будучи вроде бы типичным многоэтажным казино в районе игровых заведений округа Шабойа, принадлежащий Сент-Клер Сакс-клуб отличался от прочих по трем пунктам: во-первых, не гнался за сверхприбылью; во-вторых, не гнался за сверхприбылью; в-третьих, не гнался за сверхприбылью. И благодаря этому сверхприбыль — имел.

Сент-Клер четко поняла, что нет нужды облапошивать клиентов и драть с них максимум — гости и так оставляют за игорными столами более чем достаточно. После того как конкурирующие казино за один вечер бессовестно обирали клиентов, они их теряли навсегда. Когда у людей снова появлялись деньги, они предпочитали идти в Сакс-клуб, где заведение брало себе «честные» проценты — обирая своих гостей медленнее, но вернее.

Впрочем, заведение перешло в руки Сент-Клер именно благодаря бесчестности. Его предыдущий владелец, подобно многим другим хозяевам казино, не справился с экономическими передрягами военного времени. Налоги на игровой бизнес взмыли вверх, цена на электроэнергию возросла, возник дефицит на продукты, оборудование. И многие казино — вместо того чтобы искать новые пути привлечения клиентов, — стали урезать часы работы и бесчестно перепрограммировали игровые автоматы так, что выиграть у них стало практически невозможно. Такие горе-казино превратились в места торопливого грабежа, и публика их обходила стороной; они стали пустовать, еще больше сокращать часы работы, пока не закрылись вовсе.

Если бы Сент-Клер оценивала возникшую ситуацию с чисто деловой точки зрения, а не имела задней мысли о том, как бы половчее спрятаться на виду, дожидаясь, пока ее и Л'н выручат из беды, она бы пришла к тем же выводам.

Да, война приносит с собой нехватку многих привычных вещей и продуктов. Все правильно. Но можно взглянуть на тот же факт иначе: дефицит означает лишь то, что цены на предметы потребления круто растут. Кошельки клиентов тощают. Однако тратить они не прекращают. И остервенело норовят сорвать куш и быстро обогатиться через азартные игры. Значит, самым процветающим будет тот бизнес, который специализируется на пороках и клюет

понемногу, но упрямо. Грошик к грошику — вот и успех. Обратив внимание на то, как взлетели доходы всякого рода лотерей и тотализаторов, Сент-Клер обеспечила взлет своих собственных доходов.

Буквально через несколько недель после того, как им с Л'н удалось бежать, Сент-Клер оказалась владелицей игорного клуба. Клуб находился на грани банкротства и упал ей в руки перезрелым плодом — не надо было и дерево трясти.

Собственно говоря, они провели в бегах совсем немного времени, прежде чем перешли на легальное положение. Сперва Сент-Клер решила стать охотницей за кошельками богатых стариков, затем эту мысль отбросила, когда сообразила, что без нее Л'н не выжить и им надо держаться вместе. Приходилось целиком положиться на удачу и действовать по наитию. Никакие поддельные документы не могли сгодиться на все случаи и оградить ее и Л'н от всех опасностей — поэтому Сент-Клер попросту не носила их с собой.

Ее удостоверением личности стал наглый блеф.

Как только они выбрались из туннеля, она решительно направилась к ближайшей станции гравипоездов. Призвав на помощь королевскую самоуверенность, она так «обаяла» продавца билетов, так задурила ему голову, что он продал ей два места на поезд, который направлялся в центр города. В вагон первого класса.

— Пропуск на транспорт? Карточка потребителя? Душа моя, да я же объяснила вам, я где-то посеяла все эти картонки. Что же вы теперь — казните меня за мою рассеянность? Да, каюсь, я глупая и беспечная. Хотите, стану перед вами на колени? Рубите мне голову! Вот видите, я молю о прощении! — Тут она сложила руки, как для молитвы, и обозначила поползновение стать на колени. Вместо этого она лишь очаровательно поклонилась — с трогательным смирением. — Вот видите, мой хороший? Вы удовлетворены?

Ее настойчивое желание стать на колени вогнало в краску бедолагу, продававшего билеты. Так роскошно одета! Не иначе как богатая дама или содержанка какого-нибудь таанского генерала. От одной мысли обидеть такую особу у клерка мурашки побежали по спине. Он беспрекословно протянул ей билеты — даже не поинтересовавшись: а зачем ей, собственно, целых два? У него мелькнула смутная мысль, что второй билет предназначается для странного розоватого мохнатого существа, сопровождавшего норовистую дамочку. Шут их знает, этих богатеев, может, у них принято покупать билеты для своих домашних животных!

Сент-Клер и Л'н разом глубоко и облегченно вздохнули, когда наконец очутились на сиденьях внутри поезда и услышали, как на высокой ноте заработали его генераторы. Но тут раздались громкие лающие приказы — и двигатели сбавили обороты, их шум сошел на нет. По проходу загремели тяжелые шаги. Сент-Клер поклялась себе сохранять беспечный вид и не поднимать взгляда. Краем глаза она все же видела, как кто-то, явно облеченный большой властью, распекает пассажира на сиденье прямо перед ней. Она почувствовала, что Л'н дрожит от страха. Сент-Клер как бы рассеянно положила руку Л'н на загривок и стала ласково поглаживать ее по мягкому меху, стараясь успокоить — без особого успеха.

Голос представителя власти гремел все громче. Пассажир плаксиво оправдывался. Л'н не сдержалась и глухо застонала. И тут Сент-Клер не выдержала — вопреки своему решению она подняла глаза и уперлась взглядом в лицо одетого в черную униформу таанского блюстителя порядка с мордой головореза.

О, ей никогда не забыть его глаз! Цвета глубоководной рыбы или грязной мыльной воды после стирки. Эти глаза склизко ощупали сперва ее. Потом Л'н — дрожащий мохнатый клубочек. Потом снова ее.

Рыбьеглазый раздраженно швырнул пассажиру на колени его бумаги и шагнул в сторону Сент-Клер. Та изобразила губами нечто вроде спокойно-надменной улыбки — в соответствии со своей ролью дамы из высшего общества. Она приготовилась шарить рукой в кармане своей кофточки в поисках несуществующего удостоверения личности.

Рыбьеглазый склонился в ее сторону... И вдруг — о, чудо из чудес! — расплылся в улыбке, оголяя щербатую пасть с черно-желтыми пеньками зубов.

— У-тю-тю-тю! — игриво проблеял он. — У-тю-тю-тю!

При этом он стал ласково трепать Л'н по мягкой шерстке!

— Ах какая прелестная зверушка! Что это за порода такая, мэм? Вроде как кошка. У-у, котяра! Оченно обожаю котов, мэм! Мы с женой души в них не чаем. В нашем доме живет не то тридцать, не то сорок этих тварюшек. Или, сказать точнее, мы живем при котах. Ха-ха!

При этом он все гладил и гладил Л'н. Сент-Клер издала некий звук — что-то среднее между хихиканьем и всхлипом, а сама непрестанно посылала Л'н мысленную команду: да заурчи ты от удовольствия, дурочка, заурчи, так тебя растак!

— О да! — изрекла Сент-Клер вслух. — Это кошка. Или, скорее, из семейства кошачьих. Весьма редкая породка...

И тут Л'н наконец-то замурлыкала под рукой Рыбьеглазого — и тем самым спасла жизнь и себе, и Сент-Клер. Вероятно, это был единственный случай успешной межвидовой телепатии в анналах имперской истории.

Раз начав мурлыкать, Л'н уже не переставала урчать и довольно поводить плечиками на протяжении всего разговора. Сент-Клер поведала сказку об утерянных документах. Рыбьеглазый ее скушал. Он даже добродушно махнул рукой — дескать, будет вам, — когда Сент-Клер попыталась вторично обыскать свои вещи в поисках затерявшихся документов. Он пошел дальше по проходу с сияющим видом — то-то сегодня вечером порадуется рассказу о необычной тварюшке его кошколюбивая женушка!

— Теперь ты можешь прекратить мурлыкать, — шепотом сказала Сент-Клер своей подружке, когда блюститель закона отошел на приличное расстояние.

— Ни за что! — шепнула ей Л'н. — Теперь я намерена довольно урчать на протяжении ближайших пятидесяти шести лет — как минимум. И тебе советую начать мурлыкать — это, оказывается, крайне полезно для здоровья.

Тут Сент-Клер сообразила: а ведь Л'н так и не поняла, что ее приняли за домашнее животное! «Ну ладно. Через некоторое время я соберусь с духом и введу ее в курс дела. Боже, как она взовьется!»

Когда поезд тронулся, Сент-Клер самым деликатным образом объяснила сущность происшедшего. Л'н мало-мало не подпрыгнула к потолку от злости. Но Сент-Клер задала остужающий вопрос:

— Слушай, а ты когда-нибудь прежде мурлыкала?

— Нет! — ответила Л'н. — Более того, я отродясь не слыхала о существовании котов!

— Тогда объясни, каким образом...

Л'н пожала своим розовым плечиком.

— Понятия не имею, как у меня получилось. Это что-то подсознательное. Что-то произошло внутри — и я вдруг замурлыкала. Да, черт побери, это было сильнее меня! А теперь, если тебе не трудно, давай больше не говорить на эту тему, а то у меня сейчас что-то происходит внутри — подсознательное, касательно использования зубов.

Вот вам и застенчивое существо по имени Л'н! С этих пор она совершенно раскрепостилась — и прости-прощай, тихоня Л'н!

Очутившись в центре города, Сент-Клер инстинктивно подалась в Шабойю. Здесь, в квартале греха, где процветала преступность и коррупция, полиция смотрела

сквозь пальцы на темные делишки, не слишком усердно гонялась за всякими сомнительными личностями и не спешила раскрывать преступления. Если блюстители закона и брали кого «за жабры», так это крупных воротил преступного мира, которые или скупились откупаться, или прогорали так, что уже не могли отстегивать полиции солидные взятки. Но если плата полиции поступала исправно, патрули раскатывали по улицам лишь для видимости.

Сент-Клер была права — ей удалось без особого труда найти укромную квартирку, где можно было не бояться любопытства властей. Потом она решилась сделать первую вылазку на улицу. День-другой слонялась по кварталу, баловалась с простенькими игральными автоматами: сунешь грош, а можешь выиграть целую горсть мелочи — эти машины проигрывали щедро, дабы распалять клиентов и заманивать на большую игру. Сент-Клер выигрывала там и сям, но особенно не высовывалась — ходила с оглядкой, играла по маленькой. Мысленно она приценивалась.

И в итоге нашла то, что искала. В просторном Сакс-клубе она обратила внимание на безлюдье, на обшарпанные стены — было ясно, что заведение дышит на ладан. Сент-Клер, как обычно, играла по маленькой, а сама приглядывалась к публике. Хозяина она вычислила самостоятельно. Это был статный, пестровато одетый обаятельный старикан. Сент-Клер отметила для себя, что он практически не бывает в залах — разве что выходит поприветствовать богатого гостя, который играет по крупной, но такие заглядывали удручающе редко.

Богатых гостей старикан неизменно увлекал за собой наверх — где-то там велась настоящая игра. Надо было ковать железо. Сент-Клер потратила изрядную часть своего капитала на покупку роскошного туалета — и явилась в Сакс-клуб уже броско-нарядной сексапильной конфеткой: этакая скучающая миллионерша в поисках острых ощущений.

Владелец клуба углядел ее сразу и кинулся к ней любезным коршуном. Немного флирта, немного насмешливой пикировки. Оба как бы прощупывали друг друга — выясняя, с какого класса игроком предстоит иметь дело. В итоге владелец клуба пригласил ее в святая святых.

Очутившись в задней комнате — личных апартаментах владельца, Сент-Клер уже не сомневалась, что попала именно туда, куда стремилась. Банк на середине стола составляли не те нелепые, обесцененные войной бумажки, которые таанцы насмешливо называли кредитульками. Там возлежали крупные бриллианты и экзотические драгоценные камни. Лежали там и ценные бумаги — но не какие-ни-

будь дутые акции, а имперские облигации госзайма и купчие на недвижимость.

Через неделю почти беспрерывной игры она выиграла и купчую на Сакс-клуб, которую ей вручил прежний владелец перед тем, как любезно откланяться и навсегда покинуть свое заведение. Кажется, он не слишком жалел об утрате. Впрочем, и все ставки, с которых начиналась игра, также перешли к ней. Сент-Клер опасалась, что бывший владелец применит силу, чтобы вернуть проигранное, и заранее позаботилась об обороне — при ней был крохотный пистолетик, спрятанный под оборками блузки. Как ни странно, обаятельный старикан не устроил тарарам. Напротив, он добродушно улыбнулся и заявил, что давно собирался сменить обстановку, и его неудача в карточной игре лишь подтверждает, что он засиделся на старом месте. «А карты, согласитесь, никогда не лгут».

Среди выигранных ценных бумаг оказалась одна, истинную цену которой Сент-Клер поняла не сразу. Это были документы на владение вроде бы никчемным грузовым космическим кораблем. Допотопная рейсовая колымага, которая по причине войны застряла на полпути к пункту своего назначения. С каким-то музеем на борту.

Но когда Сент-Клер вместе с Л'н отворила заржавевший люк и оказалась на борту этой космической колымаги, ее ноздри хищно раздулись — она учуяла большие деньги. Музейчик представлял собой старинное казино — такие когда-то были на Земле: столы, покрытые зеленым сукном, механические игральные автоматы — «однорукие бандиты», автоматы для игры в бинго, столы с рулеткой, колоды бумажных карт. Здесь же имелись видеокниги, повествующие о старинных играх и о том, как простаки тысячи лет назад со смаком просаживали свои денежки на этих самых допотопного вида столах.

Сент-Клер вышвырнула из Сакс-клуба всю современную начинку, оставив голые стены, а затем обставила его действующими музейными экспонатами со старенького космического корабля. И богатые посетители слетелись на старинную обстановку, как стервятники на падаль. Болваны воображали, что уж тут-то их не обманут — тут электроники, считай, совсем нет. Казалось, что древние игральные приспособления, которые механически всхлипывали и ржаво поскрипывали, делали крак-крак и бум-бряк, были ближе к бесхитростной природе — им как-то больше верилось, нежели компьютерам, которые и между собой сговориться могут и дурят нашего брата в таком темпе, да так ловко, да такими натуральными картинками-подделками,

что только глазами хлопаешь и руками разводишь. Компьютер тобой крутит-вертит, а механический аппарат ты вроде как сам крутишь-вертишь.

С самого начала Сент-Клер решила, что создаст особенное казино, предельно фешенебельное. Поэтому она отказалась от огромной световой рекламы над входом. Крохотная, едва освещенная дощечка у входа: «Сакс-клуб. Вход только по членским билетам».

Проходя по первому этажу, где толпилась попроще одетая публика, Сент-Клер мысленно поздравляла себя с успехом — дело на мази.

Вечер шел замечательно. Одновременно она критическим взглядом отмечала недоработки — кое-какие мелочи, устранив которые, она добьется еще большего успеха. Зал был уставлен «однорукими бандитами», перевезенными сюда из музея на космическом грузовичке. На первом этаже они следовали по доходности за столами для игры в кости и марафонскими партиями в бинго — эти партии длились по нескольку дней, и ставки возрастали неуемно, пока какой-нибудь синий воротничок-простачок наконец не смекал, что продул последнее, и не сворачивал игру.

Чтобы поддержать марку заведения и внушить страх Божий игрокам попроще, в центре зала на возвышении располагались столы для игры в вист — тут делались солидные ставки. Впрочем, чтобы создавалась определенная атмосфера и столы никогда не пустовали, место за этими столами стоило недорого и заведение не взимало проценты со ставок вистующих.

Среди гостей сновали предельно раздетые официанты и официантки, предлагая напитки, наркотики и сандвичи. В мирное время все это выдавалось бесплатно, но сейчас, в пору карточного распределения, гости радовались уже тому, что можно запросто купить еду, алкоголь и наркотик, и с удовольствием платили. Клиент с первого этажа мог или прямо выйти на улицу, или пройти через бордель, где ему представлялась возможность потратить свои последние кредитки на проституток или на мальчиков для утех. Наконец, была третья возможность — если средства позволяют, подняться этажом выше, где шла игра покрупнее, все цены возрастали чуть ли не на порядок и собиралась лишь изысканная публика.

Был еще и третий этаж — для денежных тузов. На четвертом этаже находился ресторан и ночной клуб. При прежнем владельце существовала та же иерархия этажей. Однако на каждый этаж существовал отдельный вход — со своими эскалаторами и лифтами. Внизу средний класс, повыше —

представители сливок среднего класса, ну а на третьем этаже — настоящие богатеи.

Вступив во владение Сакс-клубом, Сент-Клер первым делом упразднила все эти обособленные эскалаторы и воссоединила все этажи. Отныне любой мог беспрепятственно передвигаться снизу вверх, оставляя деньги на любом этаже. Что было выиграно на первом или втором этаже, благополучно возвращалось в казну заведения на третьем или четвертом. Деньги, ломая сословные ограничения, давали право входа на любой этаж.

Сент-Клер медленно обходила все этажи своих владений, проверяя, насколько эффективно повсюду отделяются зерна от плевел — то есть кредитки от их владельцев. На втором этаже царили рулетка и солидные карточные игры. На третьем этаже был исключительно карточный мир. Играли преимущественно в покер, не чураясь виста, безика и бриджа.

Ночной клуб находился на последнем этаже здания. Туда пускали всех, но цены там были астрономические даже с учетом разгула инфляции. Это была идея Сент-Клер: еда, алкогольные напитки и сексуальные услуги обслуживающего персонала были демократично доступны любому, кто мог тратить деньги пачками. Сама же атмосфера ночного клуба была создана Л'н.

Она продумала световые эффекты так, чтобы посетитель, придя сюда с женой или подружкой, уже на пороге замер с раскрытым ртом и не переставал восхищаться на протяжении всей ночи. Когда Сент-Клер впервые увидела световое шоу Л'н, даже она была поражена, хотя готовилась к чему-то действительно сногсшибательному.

Это было захватывающее дух зрелище: многоцветные огни то метались по всему залу, то величаво плыли, то кружились, то стелились как дым, то вихрились, совершенно гипнотизируя публику своим мягким, ненавязчивым сиянием, отчего посетители обоего пола незаметно оказывались в томных объятиях танцоров и певцов, которые то отплясывали и пели на трех сценах, то спускались в зал, чтобы соблазнять и ублажать полуошалевших, разомлевших от игры света и музыки мужчин и женщин.

Впервые осматривая большой пропыленный зал на четвертом этаже с банальными столиками, двумя длинными стойками бара и высокими стульями, Л'н почувствовала, что наступил звездный час в ее жизни — она может создать истинное чудо, сотворить новый вид искусства, полностью реализовав свои многообразные таланты, на развитие которых она потратила столько лет. И с жаром взялась

за оформление зала, использовала буквально все известные источники света — от лазеров до восковых свечей. Хитроумная система подвижных зеркал и призм создавала такие изощренные световые эффекты и так ловко разлагала и вновь фокусировала свет, что каждая пядь зала становилась живой, доступной тысяченотной гамме пляшущего света.

Светомузыкальную симфонию Л'н контролировала, сидя у компьютерной консоли в затемненном углу зала, неподалеку от двери, которая вела в личные апартаменты и офис Сент-Клер. Поначалу этот угол был отгорожен от публики занавеской. Но когда Л'н обрела уверенность в себе, ширму убрали. Теперь, посмотрев в дальний темноватый угол, присутствующие могли разглядеть покрытое розоватой шерстью существо, которое колотило по клавиатуре компьютера с жаром и артистичностью вдохновенного пианиста.

Сент-Клер пробиралась вдоль стены зала, стараясь не отвлекать посетителей. Однако Л'н заметила ее, переключила регистр и приветствовала подругу мощным крещендо световых зайчиков. После этого она показала одной лапкой в сторону двери в офис.

Очевидно, там кто-то ждал Сент-Клер. Сент-Клер беззвучно спросила, взметнув брови: «Кто?» — однако Л'н лишь весело улыбнулась. Что за таинственность?

Сент-Клер быстро прошла остаток пути до двери, которая открылась перед ней сама собой. У нее не было времени гадать, каким образом это произошло. В центре комнаты она увидела Горацио — тот встречал ее широченной улыбкой.

Сент-Клер радостно вскрикнула и бегом устремилась в его объятия, суматошно целовала его шею, волосы — все, что попадало под губы. А Горацио в таком же порыве покрывал поцелуями ее голову. Потом ее словно ошпарило изнутри — и она мгновенно вернулась к реальности. Много зла она видела от людей, но этот тип был номер один в списке ее врагов. Проходимец, очевидно, явился с очередной подлянкой на уме...

Сент-Клер резким движением оттолкнула его, в ее глазах вспыхнул гнев. Упираясь пальцами ему в грудь, она прохрипела:

— Послушай, ты, сукин сын! Я к числу ваших вояк не принадлежу — заруби себе на носу! Я штатская. И ваши поганцы не смеют тронуть ни гроша из того, что я заработала своим потом и кровью. Просек, мерзавец?

Стэн тяжело вздохнул. Ну чего она разбушевалась? Ему деньги ее — до одного места. Кроме того, он не меньше ее был смущен тем, что только что произошло. Что нашло на эту женщину?

— Все нормально, я со всем согласен, — пробормотал он примирительно.

— Насколько я понимаю, — сказала Сент-Клер, — ты видишь себя в роли моего спасителя. Опомнись, приятель! Еще кто кого будет спасать! Это я сделала так, что на половине кораблей таанского торгового космического флота импульсные повторители непрестанно жарят в эфир закодированные сигналы SOS. А здесь я закрутила по-настоящему большое дело. Мне есть что предъявить как вклад в борьбу с врагом. Сам видишь, среди моих посетителей чертова уйма генералов и адмиралов...

— Знаю, знаю, — кивнул Стэн, — мы получили шифрованное сообщение от тебя.

— Какую шифровку? О чем ты говоришь? У тебя что — крыша поехала? Какая такая шифровка от меня? Когда ее получили?

Тут до нее все дошло. Стэн с улыбкой любовался ею: даже сейчас, с отвисшей от удивления челюстью, она смотрится на пять с плюсом.

— Давай начнем все с самого начала. Во-первых, нам пора познакомиться. Если кто-нибудь еще хоть раз назовет меня Горацио, Горри или любым именем на букву «Г», я вырву мерзавцу язык. Меня зовут Стэн. Позволь шаркнуть ножкой и на этом покончить с формальностями знакомства. А теперь куда мы можем улизнуть отсюда, чтобы поговорить спокойно, без помех?

Сент-Клер намеревалась сказать что-нибудь очень умное и очень язвительное. В ее сознании мелькнуло целых шесть вариантов оскорбительной реплики, которая поставит на место этого нестерпимого ублю... Впрочем, он же вовсе не тот, кому предназначаются стрелы ее испепеляющего остроумия! Что же...

То, что в офисе Сент-Клер стоял старый канцелярский стол из музея древних вещей, было весьма кстати.

Видавший виды стол, наверное, не удивился тому, что произошло на нем в следующие минуты.

Разумеется, он не предназначался столярами для такого, но это периодически происходило на нем — тысячу лет тому назад.

ГЛАВА 37

Его звали Чаппель.

До самого последнего времени он работал посадочным диспетчером в одном из самых оживленных имперских космопортов. Подобно большинству диспетчеров, он был очень молод и работал на износ. Такие сгорают к сорока годам. Но, в отличие от большинства диспетчеров, он все свое существование посвящал космопорту. Даже в нерабочее время бродил или по территории порта, или по окрестным холмам. Не было ни одного строения в порту, которое он бы не облазил, не изучил от и до. Чаппель хвастался — правда, только самому себе, поскольку был патологически застенчив, — что, если радар, лазерные системы наведения и все прочие хитроумные космопортовские системы вдруг разом выйдут из строя, он, Чаппель, способен посадить любой корабль, используя свои мозги и переговариваясь с пилотом. Потому что знает порт и посадочные площадки так досконально, что может представить их с любой точки и под любым углом, а значит, способен дать предельно точные советы любому пилоту — и при любых атмосферных условиях.

Но особенно гордился Чаппель парой своих голографий. Одна изображала личную космическую яхту Императора «Нормандия» в момент посадки на «его», Чаппеля, посадочную площадку. А вторая была объемным портретом Его Величества — с автографом властителя. Чаппель бесконечно гордился тем, что благополучно посадил яхту своего кумира и повелителя. Надо ли говорить, что «автограф» Императора на портрете был воспроизведен копировальной машиной — и раздача тысяч таких портретов входила в программу очередной парадно-показательной поездки Его Величества.

Однако Чаппель свято верил в то, что его заслуги замечены и ему воздано по способностям — ибо факт был налицо: его внезапно повысили и перевели в главный космопорт Прайм-Уорлда.

С первого же дня на новом месте работы он занялся привычным «самообразованием», которому предавался на прежней службе, а именно: стал повсюду совать нос. Возможно, новое руководство неправильно истолковало его страстный интерес к познанию всех закоулков секретного объекта. Или же его любопытство и впрямь производило впечатление опасной мании или усердия не по уму. Так или иначе, ему в мягкой форме предложили уйти в длительный отпуск— «ваше место, разумеется, остается за вами»... Словом,

намекнули, что он работает слишком интенсивно — и, возможно, ему было бы неплохо проконсультироваться у хорошего специалиста-психолога.

Чаппель с трудом справился с желанием заехать в физиономию начальнику, который сделал это вкрадчивое предложение. Впрочем, не исключено, что шеф прав — касательно чрезмерной преданности делу. А вот насчет того, что Чаппелю следует полечить мозги, — тут они махнули. Ладно, он согласен на отпуск.

Как раз в это время агенты Сулламоры вышли на Чаппеля, обнаружив в его биографии некоторые интригующие моменты.

Отлично отдохнувший Чаппель готовился вернуться на работу, когда ему домой по факсу пришло сообщение, что его отправляют в бессрочный неоплачиваемый отпуск. Этакая иезуитская форма увольнения. У Чаппеля хватило духу видеодировать в управление космопорта и осведомиться о резонах подобного решения.

— Разглашение причины в вашем случае запрещено.

Хорошенькое дельце! Запрещено. Кем и почему? Кто подложил ему свинью? И кто облечен правом выгнать его в шею — напустив туману на причину? Какое беззаконие! Никто не смеет! Никто... разве что сам... Тут Чаппель невольно поднял глаза на улыбающийся со стены портрет Императора.

Но почему?

Да ведь вряд ли у Императора на тысяче планет найдется подданный более преданный, чем Чаппель! Разве не он, черт возьми, спас «Нормандию», обреченную разбиться при посадке!

Чаппель несколько часов неподвижно просидел в своей крохотной квартирке — таращась на портрет Его Величества. Он даже не покосился на скудную трапезу, появившуюся в окошке кухонного распределителя, — дневной рацион военного времени. В его жизни произошло что-то непонятное, неправильное.

Чаппель решил посетить библиотеку. Быть может, стоит побольше узнать о своем кумире — Вечном Императоре.

За время его отсутствия в его квартирке кто-то побывал.

Он заметил это не сразу. Лишь через несколько часов после возвращения. Император на портрете, который прежде так улыбчиво глядел на Чаппеля, теперь взирал на него с улыбкой саркастической, жестокой. И огонек в его глазах был не доброй искоркой Великого Кормчего, а сатанинским блеском бессердечного шутника, вздумавшего разыграть дурную шутку с самым лояльным из своих подданных.

Да, именно так. Очевидно, он глубоко заблуждался насчет Императора. Все прочитанное о многовековой жизни этого человека рисовало его отнюдь не добреньким вселенским отцом народов.

Чаппель ощущал, что и теперь его знание о Вечном Императоре далеко не полное. Хотелось понять его до самого донышка.

Позже ему опять показалось, что в его отсутствие квартиру кто-то снова навестил — и внес изменения в портрет Императора. Теперь это было лицо самого Сатаны, опаленное сардонической ухмылкой.

Каким же дураком он был! Он принес бы большую пользу Империи, если бы позволил «Нормандии» разбиться в тот приснопамятный день!

В ту же ночь Чаппель впервые услышал голоса.

ГЛАВА 38

Килгуру предстояла рутинная встреча — третья за день. От него требовалось одно: проникнуть в однокомнатную квартирку своего агента и спокойно дождаться его прихода. Когда тот вернется домой и оправится от сюрприза, Килгур извинится перед этим человеком, которого он будет называть одним из лучших агентов таанской контрразведки (он всех так называет в лицо), за то, что он некоторое время не контактировал с ним. Дескать, его перебрасывали на важную оперативную работу — и вообще, время трудное, работы много, но теперь он, старший офицер спецслужбы Фохш, вновь намеревается активизировать работу одного из лучших своих агентов.

Все остается по-прежнему. Агент должен и впредь доносить о любых антитаанских настроениях на заводе, где он работает, и — что особенно важно — докладывать, как эти настроения сказываются на производительности труда. Эта информация в рамках военного времени не менее важна, чем дальнейшее производство империума-Х, который используется в качестве щита против АМ-2.

Есть, однако, приятная новость: Килгур рад сообщить, что руководство уполномочило его повысить небольшое вознаграждение, которое выплачивалось агенту. А когда война закончится победой над Империей, труды столь преданных граждан будут отмечены соответствующими медалями и орденами, ибо, не участвуя в боевых действиях, они

тем не менее боролись на невидимом фронте и всемерно обеспечивали приближение радостного дня победы.

И так далее, и тому подобное.

Разумеется, не имело смысла открывать глаза бедолаге-агенту, для кого он собирает информацию на самом деле. Побережем его сердечко. Если парень желает быть стукачом на своих коллег и служить верой и правдой таанской спецслужбе — Бога ради, Килгур ничего против не имеет, только поддержит.

Итак, Алекс поднялся по пожарной лестнице, ловко снял скользящую раму окна с запора, приподнял ее и проник внутрь квартиры. Было бы здорово, кабы у этого агентика в заначке нашлась бутылочка чего-нибудь крепкого. «Руководители шпионской сети тоже люди, — думал Килгур, — им тоже хочется порой промочить глотку».

Он быстро отыскал полупустую бутыль с чем-то вроде соевого вина. Брезгливо поморщился, но сделал несколько больших глотков, расхаживая по квартире, заглядывая во все углы и руками в перчатках машинально переставляя предметы и возвращая их на место, заглядывая в ящики, вороша бумаги.

Отвинтив крышку настольной лампы, Килгур печально поцокал языком. Потом привинтил крышку и поспешно направился к окну, предварительно позаботившись, чтобы все предметы в квартире остались на тех же местах, где он их застал.

Килгур выскользнул из окна, опустил раму и спустился по пожарной лестнице. Быстро удаляясь прочь по улице, он обмозговывал ситуацию.

Любопытненько, любопытненько. Опасности ну просто со всех сторон. Тут все кишит разведчиками, служба на службе и службой погоняет. Никаких условий для работы.

Это просто безобразие, что у его агента под крышкой настольной лампы имеется «жучок». Какая пакость! Какой непорядок!

Пропал агент. Вот незадача.

Направляясь на квартиру следующего агента, Килгур постепенно успокаивался. Дела не так уж плохи. До сих пор он навербовал три десятка агентов. Пятеро погорели, трое испугались и дезертировали, а двоих перевербовали. Зато остальные работали, как пчелки, опять впряглись в работу, собирали информацию, а уж для разведки какой из воюющих сторон — это не их собачье дело.

Стэн краем глаза полюбовался своим отражением в настенном зеркале. Похоже, он выглядел весьма пред-

ставительно в вечернем костюме, даром что цвет костюма ему самому казался немного крикливым. Но известно, что бандиты большой руки во все времена тонким вкусом в одежде не отличались. Он тщательно выровнял узел галстука, глотнул бренди и откинулся на спинку кресла, ожидая реакции Коннла. Теперь его слово.

Судя по всему, это будет честная сделка. Склад Коннла забит до отказа растаможенным запасом пищевой добавки с высоким содержанием протеина, которую таанская армия использует для обогащения рациона питания космических десантов. Стэн эти запасы пищевой добавки желает купить на корню.

Словом, честная сделка — только на черном рынке.

А уж откуда у Коннла такая прорва этой пищевой добавки — не его, Стэна, дело.

Стэн предложил Коннлу цену значительно выше той, что предлагали оптовики черного рынка. А что до простых таанцев — так на этот товар да за такую цену не нашлось бы ни одного желающего.

Расплачиваться Стэн намеревался имперскими кредитками, которых инфляция не коснулась.

О событиях у Дюрера пока не было известно в деталях. Однако до воротил черного рынка уже дошли малоприятные новости. Плюс к этому они всячески избегали шаткой таанской валюты — здесь инфляция свирепствовала. Если, паче чаяния, таанцы победят, не превратит ли это имперские кредитки в обесцененные бумажки? Никто не верил в такую возможность.

Тут еще одна особенность — имперские кредитки сделаны из водо- и еще-много-против-чего-стойкого материала. Если их закопать в садике у своего дома, им не страшны ни влага, ни грызуны, ни черви. То, что обладание вражеской валютой, особенно в больших размерах, делает человека кандидатом на виселицу, мало кого волновало. Существует такая простая вещь, как взятки: имей побольше вражеской валюты — и всегда сможешь отмазаться.

Коннл потер указательным пальцем кончик своего носа.

— С вашей стороны это занятное предложение, — сказал он. — Позволите задать несколько нескромных вопросов?

— Попробуйте.

— Ходят разные любопытные истории по поводу вашего прошлого.

— Я кое-что слышал из этих рассказов.

— Поговаривают, что у вас есть связи в самом таанском Верховном Совете. Еще в одном месте я слышал, что у вас якобы имеется своя небольшая частная армия. Звучит интригующе.

— Что ж, пара-тройка слухов обо мне может оказаться правдой, — обронил Стэн.

— Может, значит?

Коннл не стал настаивать на прямом ответе. Он задал вопрос лишь для того, чтобы увидеть реакцию Стэна. Но никакой реакции, естественно, не дождался.

— Вернемся к нашему делу. У вас репутация человека умного. Следовательно, вы знаете точную рыночную цену продукта с высоким содержанием протеина, который вы намерены купить у меня.

— Знаю. Сегодня утром он шел по семьдесят пять за тонну.

— А вы, как ни странно, предлагаете восемьдесят. Стало быть, у вас есть свои резоны. Вы человек неглупый, да и я вроде не дурак, чтоб отказываться от лишней прибыли. Следовательно, по рукам.

Не прошло и часа, как Коннлу было заплачено сполна, и он ушел в хорошем настроении.

Сорвал неожиданный куш и при этом не замарал рук. Разумеется, ему было любопытно: а что выиграл на этом Стэн? Какую игру ведет этот человек? Похоже, он намерен скупить все запасы данного продукта, чтобы в одиночку диктовать цену на него. Если хватит средств и смекалки провернуть эту операцию, он сможет сколько угодно закручивать гайки и окажется в большом выигрыше.

Ему было невдомек, что Стэн добивается совсем другого: скупив все запасы очень нужной армии пищевой добавки, он не станет ее продавать, он будет гноить ее на своих складах. А большая часть имперских кредиток, которыми он с такой щедростью платил за товар, не будет закопана в землю, а вольется в таанскую теневую экономику — тем самым еще больше дестабилизируя местную валюту.

Л'н удобно свернулась калачиком на шелковой подушке — казалось, что она сладко-пресладко спит. Но ее ухо чуть заметно ходило из стороны в сторону, прислушиваясь к происходящей рядом беседе.

Четыре таанских офицера играли в умопомрачительно сложную игру с шашками и несколькими наборами костей и с подвижной системой правил. Такие игры могут придумывать, а тем более успешно играть в них лишь военные, которым надо как-то коротать мучительно долгие часы патрульной службы.

И эта игра была придумана именно военными.

Более того, она являлась чем-то вроде социального символа — в том, кто разбирался в ее правилах, а тем паче выигрывал, сразу узнавали человека незаурядно-

го ума, стоящего на высших ступенях таанской иерархии и, вполне вероятно, аристократа до кончиков ногтей.

Итак, игра была в самом разгаре.

Офицеры болтали, не обращая ни малейшего внимания на домашнюю зверюшку хозяйки клуба, которая дремала на шелковой подушке поблизости от них.

А между тем разговор был крайне занятный. Такую-то сняли с должности, а она совсем не виновата. Правильно, надо на это место поставить мужчину, чтоб справлялся. Х-продукт не сумеют доставить в сектор Y вовремя, учитывая нынешнюю нехватку в области среднего вооружения. А вы слышали про бедного адмирала Хусиса? Его новый флагманский корабль «Сабак», самый первый из серии амтунгов, — жутко устаревший! Компьютер на «Сабаке» неспособен держать под прицелом больше шести целей одновременно — начинает «зависать». Адмирал жаловался, что в машинное отделение происходят утечки из топливного отсека. Какой он ни герой, но на такой колымаге много не навоюешь!.. Да брось ты, он молодец среди овец! И правильно, что дали колымагу, он большего и не достоин!

Разговор и игра продолжались, а Л'н тщательно запоминала каждую частичку полезной информации, чтобы передать ее имперской армии.

Килгур скользнул через слуховое окно на самый верхний ящик высокого штабеля, быстро осмотрелся в безлюдном складском помещении, составил план действий и принялся за дело.

На этом складе хранились банки с солдатскими сухими пайками — отсюда их грузили на боевые космические корабли. В каждом ящике — дневной рацион для десяти десантников.

В карманах килгуровской куртки лежало шесть баночек — ничем не отличимых от тех, какими были набиты ящики на складе. Этими баночками надо заменить настоящие. Открыть ящик, вынуть одну баночку, засунуть туда свою баночку — и аккуратно закрыть ящик, чтобы никаких следов не осталось.

Тот солдат, которому достанется такая килгуровская баночка с тушенкой, вряд ли обрадуется. Нет, парень отнюдь не отравится — тушенка вполне сносная, солдат лучшей и не кормят. Но в банке будет обнаружена прибавочка.

«Ох, — сентиментально вздохнул Алекс Килгур, — бедненькие мои, ни в чем не повинные животинки».

Нет-нет, в его банках не целая мышка.

А только хвостик.

Интересно, с какой скоростью по таанскому космофлоту распространиться слух, что провиантмейстеры скармливают бедным солдатам на передовой черт знает что? Ни стыда ни совести! Наживаются, где только могут! Вот и воюй за подонков!..

Такие слухи в армии быстро распространяются. Очень быстро.

— Кружечку пива, старина? — предложил Стэн.

Четвинд, весьма гордясь собой, весело глянул на Стэна и объявил с улыбкой:

— Последнее время я пью исключительно бренди!

— О, жизнь подобрела к тебе?

— По головке не гладит, но и в морду не бьет, — уклончиво отвечал Четвинд.

Мужчины косились друг на друга изучающим взглядом, пока официантка ставила перед ними напитки, принимала плату. После того, как она игриво зыркнула на них и уплыла прочь, покачивая пышным задком, Четвинд сказал:

— Итак, ты таки сумел.

— Да, я таки сумел, — согласился Стэн.

— А мое сообщение... э-э... дошло по адресу?

— Дошло. И до самых высоких лиц.

— Ну и?..

Вместо ответа Стэн достал небольшую коробочку и запустил ее по гладкой поверхности стола в сторону собеседника. Четвинд поймал коробочку, оглядел со всех сторон, открыл крышечку и молниеносно ее захлопнул.

— Кто-то там, — произнес он, — меня очень любит.

Стэн улыбнулся.

— Мы все тебя очень любим, Четвинд.

Коробочка была набита таанскими купюрами большого достоинства.

— И что я должен делать с тем, что получил?

— Что вздумается. Можешь купить загородный особнячок, если тебе это по сердцу.

— Скажешь тоже. Я много чего полезного узнал в последнее время.

Четвинд не лгал. В последнее время он много поработал — восстанавливал связи со старыми дружками, собирал информацию. Мало-помалу вошел в курс всех темных делишек, которые творились в хизском космопорте и вокруг. Он даже стал подкидывать идею о создании профсоюза грузчиков. Но осторожненько, понимая, что агитатора с длинным языком в военное время могут в момент прищучить.

Четвинд предпочитал отираться в барах космопорта, прислушиваясь к болтовне дружков-приятелей — от космопортовских бухгалтеров до охранников и носильщиков. Одни выбалтывали важное по глупости, других он ухитрялся вербовать. Впрочем, со связями в среде технического персонала дела обстояли плохо. Эти на контакт не шли.

— Что ж, неплохо, — сказал Стэн. — Есть предложение. Ты по-прежнему законопослушный тюремный охранник?

— Я подумывал о том, чтобы...

— Не надо, — приказал Стэн. — У тебя на данный момент отличная крыша. С подлинным удостоверением личности тюремного охранника ты почти неуязвим. По крайней мере тебе не грозит возвращение на Дрю.

Четвинд поежился. В следующую секунду он понял, что хочет предложить Стэн.

— Ты никак намерен наладить связь с Колдиезом?

— Ну. Ты же теперь держишь ниточки.

— Еще будут пожелания, мистер? — насмешливо выплюнул Четвинд.

— Нет. Продолжай шустрить, держи уши открытыми. Я буду время от времени выходить на тебя. Если тебе понадобятся деньжата, проси без стеснения.

Четвинд повел бровями.

— У тебя бездонный кошелек?

— Империя большая, и казна у нее немаленькая.

Стэн не преувеличивал. Он был готов снабжать Четвинда или другого таанца неограниченными суммами денег — разумеется, свежеизготовленными фальшивыми купюрами. Пусть увеличивают инфляцию и вносят дезорганизацию в экономику, поселяя еще большее недоверие к таанской валюте. Каждая банкнота достоинством в пять тысяч имела свой дубликат— с точно таким же номером. Когда две банкноты с одинаковым номером сойдутся в каком-нибудь таанском банке — то-то будет смеху! Ведь подделка — отменного качества.

Стэн поднялся со стула.

— Ну и последнее. Не вздумай самостоятельно выходить на меня. И не появляйся у меня дома — квартира чистая, я не хочу неприятностей. — Он протянул руку и дружески потрепал Четвинда по щеке. — Береги себя. У тебя будет дурацкий вид с номерком на большом пальце ноги.

Сент-Клер задумчиво перебирала разложенные на ее рабочем столе расписки, нацарапанные в состоянии разной степени отчаяния и опьянения. На кушетке перед ней истерично рыдала молодая женщина.

— Ну-ну, успокойтесь, — приговаривала Сент-Клер. — Стоит ли так убиваться...

Она встала, налила в стакан виски из стенного шкафчика и протянула рыдающей девушке. Дождавшись, когда та проглотит виски, Сент-Клер заботливо спросила:

— Ну как, лучше?

Девушка кивнула.

— Давайте посмотрим на ситуацию с моей точки зрения,— начала Сент-Клер. — Я прекрасно понимаю, что вы не контролировали свои действия. Видит Бог, Майд, я сама попадала в такие неприятные ситуации, когда была молоденькой.

Впрочем, разница в их возрасте едва ли составляла больше трех-четырех лет. Однако Сент-Клер прилежно разыгрывала роль рассудительной мамаши.

— Итак, вы не можете заплатить по своим игровым распискам. И если вы хотя бы заикнетесь о своих карточных долгах дома, ваш отец выставит вас на улицу. Он отнюдь не принадлежит к категории снисходительных отцов.

Майд, если бы дело происходило не в жизни, а в телефильме, на моем месте был бы усатый сластолюбец. Он бы уже оглаживал вашу коленку, пользуясь вашим отчаянным положениям. Но коль скоро я женщина, мне — в телевизионной мыльной опере — полагается предлагать вас, молоденькую и хорошенькую, своим престарелым богатым клиентам. Или нет, я должна подбивать вас украсть фамильные драгоценности. Впрочем, это тоже никуда не годится — у меня драгоценностей более чем достаточно. Итак, я должна принуждать вас выдать какие-то семейные тайны. Это будет грязный шантаж — и очень хороший сценарий.

— Не удивительно, что я годами избегаю смотреть мыльные оперы.

— Будучи законопослушной таанкой, — сказала Сент-Клер, — я, конечно же, подобных глупостей делать не стану. Майд, мне хочется думать, что вы моя подруга. Я всегда считала за честь, что женщина такого высокого социального положения посещает мое заведение. И меня нисколько не отвращал тот факт, что вам до самого последнего времени несказанно везло за игорными столами. Но...

Тут Сент-Клер вздохнула и проворно сложила все расписки в аккуратную стопочку.

— Но я все же деловая женщина. Ума не приложу, как мне поступить в данной ситуации... Разумеется, можно порвать все эти бумажки...

Сент-Клер сделала долгую паузу, и Майд воззрилась на нее с надеждой во взгляде.

— Однако в таком случае мне придется запретить вам впредь посещать мое заведение. И, что еще хуже, придется сообщить о происшедшем в объединенную службу безопасности хизских казино, чтобы не подставить остальных владельцев игорных заведений. В итоге вы попадете в черный список — и ни в одно приличное заведение вас уже не пустят. Что будет, конечно, весьма прискорбно...

Казалось, Сент-Клер глубоко задумалась.

— Впрочем, погодите. У меня есть идея. Я ведь игрок — как и вы. И тоже люблю ставить на кон последнее. И идти до конца. Совсем как вы.

Молодая женщина покраснела. Ей почудился намек на то, как однажды ее поймали на попытке заменить кости своими, с грузиком.

— Ваш отец руководит одним из крупнейших концернов по производству редкоземельных металлов. Я давно подумывала о том, чтобы инвестировать свой капитал в эту область промышленности. Быть может, вы сумеете подсказать мне кое-что — как идут дела у вашего отца. Я не прошу выдавать тайны — отнюдь нет! Но вы же знаете, как знание незначительных деталей помогает инвестору сориентироваться и не наделать глупостей. К примеру, я слышала, что большое количество металла уходит на сторону. Но куда?

Майд встретилась взглядом с Сент-Клер. Та ласково улыбалась и смотрела на нее чистыми невинными глазами.

— О, Мишель, — плаксиво протянула молодая женщина,— не получится. Я ничегошеньки не понимаю в бизнесе. Вы спрашиваете меня, куда уходит металл. Понятия не имею. Я знаю только то, что папочка постоянно ноет, когда ему приходится летать в командировки на этот... как его... не то Айрамус, не то Эрибус. А летает он туда часто. По его словам, там грязно и холодно и никакого комфорта, а тамошние рабочие ни во что не ставят аристократию и оскорбляют его на каждом шагу... Вот видите, я бы и рада вам помочь, но я попросту ничего не знаю.

Эрибус! Вот, значит, где находится засекреченная таанская база боевого космофлота с системой ремонтных доков. Местонахождение этой базы до сих пор никак не удавалось выяснить.

Да эта информация для Императора стоит годичного дохода от всех его колоний!

— Да ладно, — прощебетала Сент-Клер. — Я ценю желание помочь. Давайте поступим следующим образом. Я оставлю себе эти расписки, а вам пока даю открытый счет — скажем, на десять тысяч. Ведь рано или

поздно вам должно подфартить в игре. Может случиться так, что в следующий раз мы поменяемся ролями — и уже я буду просить вас простить мои долги. Итак, больше не волнуйтесь, я беру хлопоты на себя и даю честное слово, что по вашим векселям никаких действий предпринято не будет. Только об одном прошу: когда проигрываете, никогда не удваивайте ставки. Ставки надо удваивать лишь тогда, когда вы выигрываете. Хорошенько запомните мой совет.

Майд выслушала этот совет так жадно, словно Сент-Клер изложила ей те шесть легендарных недостающих евангельских заповедей, которые считаются вымаранными в первые века христианства. Теперь нужно просто удерживать глупую девочку в таком же смятенном состоянии подольше — чтоб она не счаялась, как потеряет еще десять штук, после чего увязнет еще больше и ею можно будет вертеть по своему усмотрению.

В такое везение даже не верилось.

— Ей-же-ей, это прямо как в сказке, — пробормотал Килгур самому себе.

Он всматривался в аллеи парка, лежа под днищем брошенного гравитолета — аппарат был действительно сломан, потому что сверху на Килгура немилосердно капало машинное масло и он не уставал причитать по поводу своего безнадежно испоганенного костюма, который был ему так к лицу, так к лицу!

Можно сказать, что встреча оказалась не столько эффективной, сколько эффектной.

Один из его агентов — а ведь он доверял ему чуть ли не как самому себе, по крайней мере еще двенадцать минут назад, — поинтересовался, не желает ли Килгур побеседовать с неким мелким чиновником из таанского военного министерства. По словам агента, этот чиновник был в большой обиде на правительство, потому как его обошли с повышением. За твердую имперскую валюту он готов был предоставить раздаточные ведомости на денежное содержание любой таанской военной части, расквартированной в любом конце света. Что равнозначно исчерпывающим сведениям по дислокации всех космических десантных войск.

Дважды чиновничек назначал встречу и дважды отменял ее в последний момент — перестраховывался. Обычная бюрократическая паранойя. На третий раз они таки встретились.

Они должны были увидеться за несколько минут до начала комендантского часа в одном парке, который, на деревенский глаз Алекса, куда более походил на заброшенную автостоянку. Килгур намеревался получить раздаточные

ведомости всех таанских военных частей и заплатить предателю наличными.

Чиновник предупредил: если в парке в это время появится хоть одна душа, он на контакт не пойдет.

Чертов трус!

Килгур прибыл на место встречи за несколько часов до назначенного времени, осмотрел как сам парк, так и прилегающие строения. Он отметил про себя интересный факт: во всех домах вокруг парка обитатели были явными фанатами трехмерных мыльных опер и над каждым зданием торчало множество новеньких антенн — видать, публика тут живет не бедная.

Затем Килгур арендовал на несколько часов местного алкаша. Купил ханыге пару бутылок дешевого горлодера и обещал одарить его еще парой, если он выпьет первые две на скамеечке в парке.

Затем Килгур незаметно юркнул под сломанный гравитолет и стал ждать.

Примерно за час до назначенного времени появилось несколько старых, немытых и помятых машин. Вид у них был самый неприглядный, но для наметанного глаза было ясно, что внутри у каждой — сверхмощный маклиновский генератор. Эти машины остановились вразброс по периметру парка.

Килгур, конечно, мог удрать сразу, но ему было любопытно поглядеть, как появится чиновничек, после чего семь миллионов дуболомов из таанской разведки коршунами налетят на бедного алкаша, который безмятежно храпит на парковой скамейке. В их лапах бедолага быстро протрезвеет.

Увы, заключительный акт трагикомедии таанская контрразведка провела вяло. Килгур подождал, когда сцена очистится, выскользнул из-под гравитолета и дал ходу.

«Замечательное представление, ребятки, — думал он, быстро шагая прочь. — Но Оскара вам не получить».

Это выражение он употребил машинально и поймал себя на мысли: кто это такой — Оскар? Шут с ним. Сейчас главное — побыстрее добраться до Сакс-клуба и попытаться вывести масляные пятна со своего любимого костюма.

Старший капитан контрразведки Ло Прек прорвался на прием к лорду Вичману только с третьей попытки.

Первая попытка закончилась неудачей, потому что само известие, что с ним хочет повидаться капитан контрразведки, повергло лорда Вичмана в панику. Когда адъютант (так он предпочитал именовать своего исполнительного секретаря) доложил своему шефу, что с ним хочет встре-

титься некий капитан из спецслужбы, Вичман, даром что его безупречная честность доходила до карикатурных размеров, побледнел как смерть. Он слыхал, что офицеры контрразведки при необходимости могут составить убийственное досье на собственную мать, а методы их допросов таковы, что и трехдневный покойник заговорит.

Поскольку у капитана не было официальной санкции на встречу, Вичман проигнорировал его запрос.

А когда Ло Прек возник снова, Вичман приказал своему адъютанту собрать материалы об этом навязчивом типе — в качестве упреждающего маневра.

Досье легло на стол лорда, он просмотрел его с жадным интересом и не мог не восхититься безупречной биографией и послужным списком Ло Прека. Хотя и теперь он не видел резона тратить свое драгоценное время на встречу с каким-то капитаном.

Но на третий раз Ло Преку повезло. Лорд Вичман скучал, ему надоело разбираться в докладах о падении производства и читать глупые, безосновательно оптимистичные писания своих референтов касательно того, что в ближайшее время все наладится.

Ло Прек был мономаньяк — это бросалось в глаза, однако он умел изложить дело так, чтобы сразу заинтересовать собеседника.

Вичман слушал его с возрастающим интересом. Капитан утверждал, что некий бывший военнопленный, содержавшийся в Колдиезе, сейчас в бегах и находится на Хизе. Этот человек еще до того, как попал в плен, нанес значительный ущерб таанским национальным интересам. Насколько значительный? Был причиной нескольких сокрушительных военных поражений.

Хм. Похоже на преувеличение, но черт его знает...

А в настоящее время этот человек — Стэн — находится на свободе и прячется где-то среди подонков хизского общества. Натура этого человека такова, что он не будет долго таиться и нанесет новый удар. Уже сейчас, продолжал Ло Прек, отмечены случаи саботажа и шпионажа, а также вспышки антивоенных настроений в некоторых слоях общества. Ко всему этому мог приложить руку вышепоименованный неуловимый Стэн.

Вичман просмотрел материалы, раздобытые Ло Преком, и удивленно пожевал губами. Один-единственный офицер контрразведки, формально находясь в отпуске и отрезанный от официальных источников секретной информации, собрал такое пухлое и убедительное досье!

В высшей степени любопытно.

Вичман подумал еще и пришел к окончательному выводу. Ло Прек — чистой воды псих. Этот пресловутый Стэн, несгибаемый воин имперской армии, или никогда не существовал, или утонул в каком-нибудь рве после бегства из тюрьмы. Однако весьма полезно иметь при себе преданного служаку, такого, кто вечно настороже, собирает материалы обо всем происходящем вокруг, — словом, иметь при себе человека, за которым, как за каменной спиной — это выражение лорд Вичман перенял у распроклятого Вечного Императора, с которым некогда встречался.

Лорд Вичман улыбнулся Ло Преку и дружелюбным тоном сказал:

— Знаете, капитан, по-моему, в моем окружении будет весьма полезен человек вашего масштаба.

ГЛАВА 39

Эскадрилья истребителей адмирала Масона совершила стремительное нападение на целую планету. Этой планетой был Хиз — сердце Таанского Союза. Носы истребителей успели раскалиться докрасна от соприкосновения с атмосферой, прежде чем на земле наконец взвыли сирены боевой тревоги.

Солдаты хизской противокосмической обороны, в большей степени привыкшие к парадам и чистке личного оружия, понеслись сломя голову к своим боевым постам — на ходу вспоминая компьютерные учения и пытаясь проделать все то же в реальной жизни. Несколько подразделений потеряли несколько драгоценных минут, разыскивая куда-то запропавшего дежурного офицера, — он один знал входные коды системы, инициирующей запуск ракет.

Охранники штатских объектов кинулись к своим шкафчикам с автоматами и касками, мучительно вспоминая небрежно прочитанные инструкции, кому и что делать при объявлении всепланетной тревоги.

Нападения имперского флота на Хиз никто всерьез не ожидал.

Из всех репродукторов на всех радиоволнах взвыли сирены тревоги. Звук то нарастал, то спадал.

Хизские рабочие и служащие в полной панике сбегались в бомбоубежища, которые прежде были лишь объектами веселых шуточек, а учения со спуском в них считались лишним поводом вступить в пререкания с настырной полицией и получить дубинкой промеж лопаток.

А трем космическим эскадрильям, размещенным по периметру столицы, пилоты которых ни разу не участвовали в боевых действиях, а больше привыкли следовать почетным эскортом за кораблями важных правительственных персон,— этим трем эскадрильям перехватчиков понадобилось пятнадцать минут на то, чтобы подняться в воздух.

К тому времени, когда перехватчики вышли в верхние слои атмосферы и запустили наобум первые ракеты, корабли имперцев уже покинули атмосферу планеты и уходили прочь на полной скорости, включив свои основные двигатели, работающие на АМ-2.

Рейд был тщательно спланирован как молниеносная и эффектная операция. Что-то вроде партизанского нападения: короткий наскок — и мгновенное отступление. Подразделение под началом адмирала Масона включало в себя самые скоростные корабли, оборудованные по последнему слову техники. Они скрытно в течение нескольких недель пробирались в самое сердце Таанской империи, что стало возможным лишь благодаря тому, что после сражения у Дюрера в руки имперской разведки попади секретные опознавательные коды таанского космофлота.

Этим нападением Вечный Император хотел довести до сведения таанцев два важных предупреждения.

Первое выскользнуло по приказу адмирала Масона из люка истребителя «Берк» — искусно выполненная ракета-монстр. Действие ее было воистину сатанинским. Она представляла собой узкий цилиндр с предельно заостренным носом и небольшим оперением сзади; что-то вроде огромной иглы. В хвостовой части находился двигатель, работающий на АМ-2, со специальным ускорителем, который почти мгновенно разгонял ракету до предельной скорости. Боеголовка — несколько тонн неядерного взрывчатого вещества — находилась позади носового конуса, защищенная толстым слоем империума-Х.

Шесть автономных систем наведения, используя все последние достижения электроники и имея в памяти довоенные карты Хиза, гарантировали то, что сатанинская ракета попадет точнехонько в цель. И ракета действительно попала точно в цель — прямо в зал заседаний Верховного Совета. Но при этом ничего не случилось!

Ракета прошила потолок и ушла вниз через фундамент.

Когда начальник дворцовой стражи, упавший на пол и приготовившийся в следующую секунду умереть, пришел в себя и вскочил на ноги, его рот разъехался в саркастической улыбке. Он сказал своему бледному как полотно заместителю:

— Эти имперские засранцы ничего не умеют сделать толком. Охота им было так далеко лететь, чтобы бросить на нас чугунную болванку, которая...

Но тут «которая» рванула.

Когда ракета прошила почву планеты на глубину в триста метров, слой империума-Х наконец не выдержал трения и был смят, как яичная скорлупа. Взрывчатка сдетонировала.

Мощный подземный взрыв создал полость под дворцом.

Конструкция столь хитроумным образом действующей ракеты была задумана в незапамятные времена; затем, с приходом термоядерной эры, ее отбросили как никчемную затею. Автор идеи — некий Уоллис — называл ее «детонатор землетрясения». Название не совсем точное, но впечатляющее.

Точное же ее название — гигантский камуфлет, то есть снаряд, который разрывается под землей, не образовывая воронки.

А если нужно и точное, и образное определение, то эта дьявольская ракета действует наподобие люка под виселицей.

И на Хизе произошло именно это. Такое впечатление, что под зданием Верховного Совета внезапно открылся роковой люк — почва разверзлась и целиком поглотила огромный дворец, пощадив строения вокруг.

Был дворец — гордость таанского могущества, а через минуту — только дыра на его месте, да по краю пропасти — горы вздыбленных бетонных плит дорожного покрытия.

Император отдал приказ нанести удар в утренние часы, и погибла лишь дворцовая обслуга и горстка таанских аристократов — те, кто имел несчастье явиться во дворец спозаранку. Зато все дворцовые коммуникации и подземный военный штаб под дворцом были уничтожены до основания.

Уничтожение членов таанского Верховного Совета не являлось целью внезапного нападения. Император предпочитал оставить верхушку таанской аристократии в живых — но в полном смятении. Пусть они теперь объясняют народу, как могло произойти непредставимое — наглое, беспрепятственное нападение имперского космофлота на саму столицу Таанских миров!

Враг не только осмелился задумать беспрецедентный маршбросок, но и осуществил его, не понеся потерь!

Император хотел, чтобы оставшиеся в живых таанские аристократы всерьез задумались о своем будущем: пусть прочувствуют, что их могут истребить в любой момент и все байки о их защищенности — пустые разговоры.

Даже правящие фанатики задумаются после такого впечатляющего урока.

Второе предупреждение было еще страшнее: часть эскадрильи Масона выпустила несколько тысяч мелких ракет по центру столицы.

Ковровое бомбометание. Только вместо бомб — еще более мощные ракеты.

Император когда-то заявил Сулламоре, что не станет добиваться победы путем массового истребления мирного населения противника. Однако он был более искренен, когда в исторической речи после начала войны обещал таанцам, что у них небо будет гореть над головой.

Столица Хиза потонула в огне. Центр города сразу же расплавился — бетонные здания в мгновение ока оплыли, как мороженое в раскаленной духовке. Тротуары превратились в огненные реки. Кислород отсасывало даже из бомбоубежищ— через вентиляционные отверстия. Вода в прудах и фонтанах закипела и испарилась в одну секунду.

Что случилось с людьми — об этом и говорить не стоит. Столб огня взметнулся в небо на тысячи метров, образуя торнадо километрового диаметра, — огнедышащий вихревой столб выбросил в небо остатки строений и мусор. Ударная волна покатилась со скоростью двести километров в час...

И крушила то, что еще не сгорело, — пожарные станции, больницы...

Центр хизской столицы пылал почти целую неделю. Погибло не меньше полумиллиона человек.

Так что второе предупреждение Вечного Императора было не менее убедительным, чем первое.

ГЛАВА 40

Выходя из бомбоубежища в сопровождении своих телохранителей, Пэстор кипел от злости — ему казалось, что он вывалялся в грязи и провонял. Издалека доносился замирающий вой сирен, возвещающих о конце противовоздушной боевой тревоги.

Еще одна чертова ложная тревога. После внезапного и разрушительного налета имперского космофлота прошло уже три дня — и по меньшей мере двадцать ложных противовоздушных тревог заставляли его вместе с телохранителями и всей домашней прислугой бежать сломя голову в набитое людьми бомбоубежище, которое находилось на двадцатиметровой глубине под садом его особняка. Ему надоело ощущать себя мелким грызуном, который испуганно юркает в

норку при первом намеке на тень хищника. И особенно гадко на душе, когда страшная тень оказывается чем-то вполне безобидным — вроде насекомоядного дрозда.

Пэстор остановился возле стальной двери, прикрывавшей вход в бомбоубежище. Большинство слуг потянулось к уродливому бетонному ящику, который он называл своим домом.

Подобно всем тем, кто начинал свой жизненный путь в прокопченных душегубках под гордым названием таанских фабрик и мало-помалу выбился в люди и стал важной персоной, Пэстор превыше всего ценил возможность отгородиться от остальных людей, гарантировать невмешательство посторонних в свою жизнь.

Дом, больше похожий на крепость, чем на удобное жилище, он построил многие годы назад — на окраине столицы, неподалеку от района трущоб. Близость не то чтобы очень приятная. Однако Пэстор полагал, что не стоит, так сказать, терять связь с корнями, отрываться от взрастившей его почвы.

Это было не очень по-таански, зато обеспечило ему популярность в народе и помогло достичь больших успехов в жизни.

Сам бывший заводской раб, Пэстор воображал, что умеет выжать последнее из рабочих. Его конкуренты использовали только кнут; Пэстор признавал кнут печальной необходимостью. Уж так от века повелось. Но он был пионером возвращения в обиход и пряника.

На фабриках Пэстора с рабочими обращались не как со скотом, а с некоторой долей уважения. Самым усердным и изобретательным работникам выдавали щедрые премии. И не по доброте сердечной, а из голого расчета. Таким же холодным расчетом была рождена идея использовать военнопленных в Колдиезе — пусть вкалывают на военную мощь Таанской империи.

Предприятия Пэстора было бы смешно называть идеальными. В большинстве планетных систем Галактики условия труда на этих фабриках сочли бы варварскими. Даже на Прайм-Уорлде общественное мнение заставило бы капиталистов закрыть подобное производство как непотребное. А в других мирах рабочие не выдержали бы такого гнета и пошли свергать хозяев с оружием в руках. Однако в рамках таанских нравов пэсторовские фабрики были чуть ли не раем земным, и в родную историю Пэстор обещал войти как первый «просвещенный капиталист».

В согласии со своими моральными установками и свой дом Пэстор построил «в народной гуще». Но чтобы все-таки не слишком соприкасаться с этой гущей,

Пэстор заказал архитектору дом особой конструкции: многоэтажное здание было обращено к миру простолюдинов четырьмя глухими стенами. Внутри располагался огромный двор-колодец, куда и выходили все окна. Двор был воистину великолепен: в центре — под куполом — роскошная оранжерея, далее сад под открытым небом, лужайки, фонтаны, бассейны.

Но оранжерею и сад он чуть было не потерял, когда стал действительным членом Совета. Принеся ему, помимо солидного годового оклада, большую власть и влияние, членство в Совете явило также и свои минусы, ибо всем членам настойчиво рекомендовалось «содействовать строительству или лично сооружать подземные бункеры, способные устоять против...» — и так далее, обычное бубнение на канцелярите. Говоря человеческим языком, ему предлагали снести оранжерею, срубить сад и построить на этом месте бетонное бомбоубежище — да такое, что выдержит прямой ядерный удар.

Пэстор уже мысленно представлял выражение лица лорда Ферле, когда он скажет многомудрому лорду, куда они могут идти со своими антиядерными бетонными гробами, когда его осенила блестящая идея.

Имея под рукой домашнего архитектора и толстые пачки денег, а также возможность потянуть за кое-какие веревочки в правительстве, Пэстор сумел уговорить военных одолжить ему на время самый мощный лазер и самый могучий гравитационный кран. Работы продолжались несколько месяцев. Верхний слой почвы внутреннего двора — вместе с оранжереей, садом и прочим — был аккуратно срезан одним куском, приподнят высоко в воздух, под ним был вырыт котлован, где затем разместилось бомбоубежище. Пэстор не стал вбивать деньги в землю — не веря в большую надежность дорогих «сверхпрочных» убежищ, он велел соорудить стандартное бетонное логово. Затем почву, на которой находился внутренний двор, опустили на многослойный верх бомбоубежища — и прежний вид из окон был полностью восстановлен.

Пэстор с гордостью оглянулся на дело рук своих. Да, двор выглядел, как встарь. Правда, возникли кое-какие проблемы с дренажем. Но кончили тем, что подключились к проходящей рядом общественной системе водостока. И хотя окрестные улицы в ливень стало заливать, это Пэстора мало трогало. Если вода промоет первые этажи бедняцких домов, там только чище будет.

Подошел начальник личной охраны, взял под козырек и доложил, что убежище должным образом за-

консервировано и они готовы проводить его в дом. Пэстор нетерпеливым жестом отослал охранников прочь. За последние три дня эти сцены повторялись непрестанно и стали рутиной — хотя раздражение вызывали не меньшее, чем в самом начале. После каждой ложной тревоги охрана затевала осмотр дома — не прокрались ли туда злоумышленники; следовали долгие переговоры с центральной службой безопасности города и прочая ерунда. Пэстор предпочитал укрываться от всех в оранжерее, где не было никакой электроники, никаких средств связи. Там он мог сидеть часами и размышлять, слушая журчание воды, потрескивание обогревательных ламп и тихое хлюпанье насосов.

Сегодня все было как обычно. Отослав охранников, Пэстор ушел отдыхать в одиночестве в зеленый рай оранжереи.

Как только он оказался внутри, злость и раздражение испарились, морщины на лбу разгладились. Сегодня тут было еще спокойнее и уютнее, чем обычно. Очевидно, потому, что не работали воздухоочистительные машины. Те же самые бомбы, которые уничтожили сотни тысяч людей, произвели оздоровительный эффект в атмосфере, рассеяли смог над городом, и сейчас можно было не очищать воздух в оранжерее.

Пэстор шел вдоль ряда вьющихся растений, срывая там и здесь пожухшие листики, поправляя усики, замечая мелкие изменения, милые сердцу подлинного садовода.

Поворачивая на центральную аллею, Пэстор вдруг осознал, что такая тишь не от того, что отключена система очистки воздуха. Не хватало привычного гудения переносящих пыльцу насекомых, завезенных за бешеные деньги специально Бог весть откуда — через пол-Галактики. Эти насекомые очень чувствительны и прячутся, когда завидят чужака. К Пэстору они привыкли, а... Следовательно, кто-то...

— Не суетитесь, полковник, — произнес незнакомец. — Предлагаю вам трижды подумать, прежде чем совершить какое-нибудь неосторожное действие.

И этот совет прозвучал вовремя, потому что первой реакцией Пэстора, когда он увидел Стэна и смертоносное оружие в его руке, было желание кинуться на пришельца и позвать на помощь во весь голос. Пэстор тут же возблагодарил небо, что справился с глупым порывом. Если бы незнакомец хотел его убить, он бы уже нажал на курок. Стало быть, похищение. Пэстор смог немного расслабиться. Если незнакомец явился с целью похитить его, возможны и необходимы переговоры. А язык у Пэстора был подвешен хорошо и на переговорах он собаку съел. Так что — спокойствие и еще раз спокойствие. Все закончится благополучно.

Стэн, казалось, внимательно следил за происходящим в голове фабриканта. За какое-то мгновение до того, как Пэстор пришел к окончательному решению вести спокойные переговоры, Стэн уже опустил пистолет, как бы предугадав это решение. Прислонившись спиной к стойке с садовым инструментом, Стэн жестом приказал Пэстору сесть на кромку газона. Тот подчинился. Ему было любопытно, каким образом незнакомец проник в оранжерею, казалось бы, надежно защищенную электроникой.

Пэстор осмотрелся, заметил отброшенную дренажную решетку и хохотнул:

— Так я и знал! Неприятности из-за этого проклятого бомбоубежища не прекращаются!

Стэну это не показалось смешным. Но Пэстор добродушно продолжил:

— Ну да ладно, долго объяснять... Скажите мне лучше, как вы намерены умыкнуть меня отсюда? Я слишком стар, чтобы ползать по дренажным трубам.

— Не беспокойтесь. Вы останетесь здесь.

Это прозвучало зловеще. Неужели все-таки убьет? Может, перед ним маньяк-убийца? И он просто тянет время, играя со своей жертвой, как кот с мышкой? Да нет, молодой человек совсем не похож на маньяка...

— Чего же вы хотите?

— Поговорить. И ничего больше. Собственно, это идея моего босса.

Пэстор удивленно вскинул бровь. Что еще за босс?

— Да вы его знаете — ну, Вечный Император. Словом, он предложил мне переговорить с вами. Посмотреть, не сможем ли мы прийти к некоторого рода пониманию между собой.

Пэстор засомневался касательно линии дальнейшего поведения. А ну как этот парень действительно сумасшедший? Как бы там ни было и что бы Пэстор ни сказал в следующий момент, ему не следует унижаться перед этим типом.

Но пока он облекал свои мысли в слова, Стэн небрежно сунул руку в карман пиджака, вынул оттуда какой-то предмет и бросил к ногам Пэстора. Таанец поднял его, рассмотрел и невольно отпрянул. На карточке стояла личная печать Вечного Императора! Пэстор с первого же взгляда определил, что печать подлинная, — он в этом разбирался.

Получается, что этот парень и впрямь посланец властителя. В голове Пэстора зароилось множество вопросов. Но из них выделялся один, самый серьезный: «Почему именно я?»

Вслед за этим он разозлился, ужасно разозлился. Неужели Вечный Император усмотрел в характере Пэс-

тора какую-то слабину? И вообразил, что его можно склонить к предательству?

— Мой босс хочет лишь одного, — промолвил Стэн, словно уловив ход мыслей собеседника, — чтобы вы знали, что он о вас знает. И воспринимайте это просто как начало диалога.

— Чего же он ожидает от меня? Что я должен, по его мнению, сказать или сделать? — ледяным тоном процедил Пэстор.

— В данный момент он ничего от вас не ожидает, — успокоил его Стэн.

— Вы еще с кем-нибудь контактировали?

Под «кем-нибудь» Пэстор имел в виду других членов Верховного Совета.

— Нет, больше ни с кем.

Стэн долго не нарушал возникшую паузу. Он хотел, чтобы гнев Пэстора возрос до высшего предела. Чтобы вскипела ненависть. После этого наступит психологическая реакция, начнется смятение. И тут Стэн забросил крючочек.

— Как вам понравилась вечеринка, которую на днях устроил мой босс?

Пэстор почернел от ярости, понимая, что Стэн намекает на ракетный удар по Хизу. До него отлично дошел подлинный смысл дерзкого рейда — Вечный Император убедительно доказал, что может изничтожить их всех в удобный для него момент. И присутствие этого наглеца в великолепно охраняемом саду члена таанского Верховного Совета — лишнее доказательства вездесущего могущества Вечного Императора. И все же...

— Если Император полагает, что его трусливое нападение на невинных мирных жителей хоть как-то поколеблет нашу решимость...

— Ну-ну, полковник, вы не на трибуне, — укорил Стэн. — Я надеюсь, что в глубине души вы думаете совсем не так. Ибо если вы и впрямь мыслите столь наивно, то вскоре распрощаетесь с еще полумиллионом невинных мирных жителей.

— Вы не ответили на мой первый вопрос, — произнес Пэстор, немного сбавляя тон. — Или же сказали явную ложь. Я не люблю, когда мне лгут. Итак, повторю вопрос: чего ожидает от меня ваш босс?

— Если вы вообразили, что мой босс хочет сделать из вас предателя, то вы досадно заблуждаетесь. В качестве предателя вы ему нисколько не нужны.

— В каком же качестве я ему буду полезен?

— Рано или поздно, — продолжал Стэн, — таанцы поймут, что все кончено, что вы проиграли войну. И

когда вы это осознаете, Вечному Императору понадобятся разумные люди в среде таанцев, с которыми можно иметь дело.

Пэстор отлично понимал, что Стэн говорит о капитуляции таанцев. «Как странно, — мелькнуло у него в голове. — Я мысленно произнес слово «капитуляция» — и сердце у меня кровью не облилось». Подобная холодность чувств смутила Пэстора: «Неужели я такой плохой таанец, что мысль о поражении не вселяет в меня ужас? Капитулировать — да прежде такое и в голову не приходило! А теперь... теперь немыслимое кажется... неизбежным».

— Продолжайте, я вас слушаю, — проронил Пэстор.

Эти четыре слова показали Стэну со всей ясностью, что он одержал победу.

— В сущности, я уже все сказал. Хочу только добавить, что можно избежать великих тягот и смягчить трагедию поражения, если сохранится некое таанское правительство. Вечный Император почему-то твердо уверен, что это правительство, с которым он сможет иметь дело, возглавите именно вы.

Пэстор согласно кивнул. Что касается искусства выживания в отчаянной ситуации, этим искусством он владел вполне — в отличие от большинства изнеженных членов Верховного Совета, которые с колыбели были ограждены от трудностей истинной жизни.

— Что еще?

Стэн заколебался. Император отнюдь не уполномочивал его на то, что Стэн намеревался сказать сейчас. И тем не менее он взял на себя риск и — как со скалы в море:

— Колдиез.

— О чем это вы? — удивленно спросил Пэстор.

— Император проявляет беспокойство о тамошних военнопленных, — сказал Стэн. Он лгал, лгал, лгал. — Император надеется, что при любом повороте событий с ними будут обращаться по-человечески. И поскольку создание этого лагеря было вашей идеей...

Теперь до Пэстора дошло. Он слышал про то, что у Вечного Императора какие-то странные идеи насчет гуманности по отношению к низшим классам. И даже по отношению к военнопленным. Беспокойство об угодивших в плен трусах — фи! Пэстору оно казалось смехотворной причудой. Но с другой стороны — отчего бы не угодить Императору, если это практически ничего не стоит?

— Передайте Вечному Императору, чтобы он не беспокоился о судьбе заключенных. Я приложу максимум стараний, чтобы предельно облегчить их участь. Разумеется,

не надо воспринимать это как некую уступку с моей стороны. Или как скрытое признание того, что я допускаю возможность нашего поражения. Наша победа и окончательное посрамление...

Стэн рассмеялся и насмешливо вскинул руки: мол, сдаюсь, сдаюсь. Пэстор невольно рассмеялся вместе с ним — опять он выдал фразу, как с трибуны. Стэн выпрямился и направился в сторону открытого люка дренажной трубы.

— Вы так и оставите меня тут? — осведомился Пэстор. — Не боитесь, что я сразу же после вашего ухода позову охрану?

— В этом деле на кон поставлено так много жизней, что одна моя ничего не значит, — лаконично отозвался Стэн. И в следующий момент исчез в трубе.

Пэстору не понадобилось много времени, чтобы понять правоту этого дерзкого парня.

Ногой он надвинул решетку на отверстие дренажной трубы и зашагал дальше по аллеям оранжереи — срывая увядшие листики и поправляя усики вьющихся растений.

ГЛАВА 41

Исторический электронный атлас, связанный с постоянно обновляемым банком компьютерной информации, наглядно показывал успехи наступления Империи на ее врагов.

Красный цвет, показывающий территории, захваченные Таанским Союзом, мало-помалу откатывался назад, заменяясь имперским синим. При этом оставались красные островки, отмечавшие неприступные миры-крепости, вроде Итана, которые были оставлены и блокированы в тылу — влачить жалкое отрезанное существование и в итоге сдаться.

Эту картинку на экране компьютера мог увидеть любой имперский солдат, любой военный пилот или десантник — и за минуту понять, как идут военные дела.

Но солдаты — мужчины и женщины — ничего не понимали.

Пилоты военных транспортных космолетов грузили на борт своих боевых кораблей запасы пищи и боеприпасов и летели в заданную точку пространства — испытывая чувство страха, несколько притупленное опытом, и скучая во время долгого полета. Прибыв на место, разгружались и отправлялись в обратный путь.

Десантники тренировались на базах, потом грузились на боевые корабли, летели к месту сражения,

охваченные дурманящим страхом, прилетали на место — и атаковали противника.

Когда последний таанец был мертв, остатки десантников садились на свои корабли и возвращались на базу или же направлялись в другое место — создавать новую базу, снова тренироваться, срываться из казармы по приказу — и все время пытаться выжечь в себе ужасную мысль, что выход из всего этого один: смерть, ранение, безумие или — победа.

Впрочем, теперь самой большой и единственно возможной победой было дожить до ближайшего рассвета.

К счастью, статистикам понадобится двадцать лет, чтобы обнародовать веселенькое сообщение, что, по их расчетам, во время войны с Таанскими мирами десантники гибли в среднем не позже чем через тридцать суток участия в интенсивных боях.

Но, опять же к счастью, мало кому из имперских солдат выпадало на долю участвовать в интенсивных боях на протяжении тридцати суток подряд.

Однако случалось и такое, потому что, вопреки оптимизму электронной карты, где синее неуклонно теснило красное, с имперскими войсками время от времени происходили страшные катастрофы.

Одним из наиболее трагичных эпизодов была высадка на Пел'е.

Планетные системы Пел'е стояли на первом месте в стратегических замыслах Императора. Они находились в центре галактического ответвления, которое на протяжении долгого времени принадлежало Таанскому Союзу. Как только этот плацдарм будет взят, в данном районе Галактики у Вечного Императора появится военная база как для дальнейших успешных атак, так и для поиска звездной системы, где находятся основные таанские кораблестроительные заводы, — до сих пор враг умудрялся сохранять в полной тайне эту ключевую информацию.

«Честь» высадки на Пел'е выпала многострадальной Восьмой гвардейской дивизии. После двух недель непрекращающихся бомбардировок руководство имперского космофлота доложило, что сопротивление таанцев потоплено в крови. Было решено, что уже можно отправлять транспортные корабли с наземным десантом.

Первые транспортные корабли были уничтожены в верхних слоях атмосферы. Вторая волна прорвалась. Десантники высыпали из приземлившихся кораблей — и тут таанцы открыли бешеный огонь.

Имперские стратеги и военные психологи сели в лужу. По их расчетам Таанская империя являла собой милитаризованное кастовое общество, а следовательно, достаточно уничтожить командную верхушку, штабы и средства связи, как масса солдат, лишенная высшего руководства, полностью растеряется: одни прекратят сопротивление, другие — фанатики — покончат с собой, а большинство будет по инерции отражать атаки противника, но очень вяло.

При этом были проигнорированы широко известные еще довоенные данные, что в таанской армии на тысячу солдат приходилось меньше офицеров и унтеров, чем в любом из подразделений имперских войск. После ужасающих ракетных ударов, когда общее командование таанскими войсками было непоправимо нарушено, оставшиеся в живых солдаты перегруппировались, создали новые подразделения и начали яростно отражать натиск противника — не нуждаясь в офицерах и генеральских командах.

Согласно первоначальному расчету, Пел'е следовало захватить за два земных месяца и силами исключительно Восьмой гвардейской.

В действительности прошло два полных года, прежде чем был уничтожен последний таанский солдат, не сложивший оружия. В разное время были задействованы шесть дивизий — причем некоторые из них посылали на планеты Пел'е для боевого крещения и отработки методики и приемов боя в реальном сражении перед еще более страшными битвами в других районах Галактики.

От Восьмой гвардейской остались рожки да ножки. Сперва убрали в отставку одного командующего, потом загремел в отставку и второй. А тем временем было выбито восемьдесят три процента табельного состава. Знамя дивизии сохранилось, но остатки десантников были разбросаны по другим дивизиям, а Восьмую стали воссоздавать заново, с нуля.

Что особенно усугубляло происшедшую трагедию, так это ее внезапно открывшаяся бессмысленность: Восьмую гвардейскую успели положить в боях до того, как Сент-Клер выяснила, что пресловутые заводы по производству боевых космических кораблей находятся в звездной системе Эрибус— едва ли не в противоположном конце Галактики от системы Пел'е.

Семьдесят пять тысяч имперских десантников погибли в боях за Пел'е. Таанцы потеряли четверть миллиона солдат.

А битва оказалась лишенной даже малейшего смысла.

Шесть объединенных космических флотов атаковали Эрибус под началом маршала Яна Махони.

Так называемые «цели-панацеи» (ударим в этом месте и одним махом закончим войну — буквально за считанные дни) были скорее шуточным аргументом в спорах военачальников. Разрушение «цели-панацеи» выглядело эффектно, за это навешивали ордена, однако серьезные стратеги отлично понимали, что такая война ни одним махом, ни даже десятью махами не заканчивается.

К тому же практиковался, как правило, один-единственный удар по значительной цели. Если осуществлен сокрушительный ракетно-бомбовый удар по такому-то заводу и он стерт с лица земли, к вопросу о его существовании уже больше не возвращались. Предприятие уничтожено и больше никогда не будет производить смертоносное оружие, направленное против нас.

Беда в том, что когда войны заканчиваются и начинается оценка реальной эффективности тех или иных военных действий, вдруг выясняется, что якобы в пыль разрушенный завод был разрушен не до конца и уже через несколько месяцев интенсивных восстановительных работ продолжил функционировать — уже без опасений, что он попадет под удар противника, ибо вторичные удары не практиковались.

Похоже, Эрибус стал очередной «целью-панацеей».

Однако Махони, повидавший в жизни больше, чем многие из служивших под его началом, подошел к своей задаче иначе, творчески.

Звездная система Эрибус была дьявольски сложной целью. Она была защищена по последнему слову техники, там базировались тяжеловооруженные таанские космические корабли — все, которые можно было с минимальным ущербом снять с передовых рубежей. Словом, отлично укрепленная крепость. И ее защитники, понимая важность объекта, который им поручено защищать, намеревались стоять до последней капли крови.

Махони твердо решил, что эта последняя капля крови должна обязательно пролиться. Никто из таанцев не останется в живых.

После первой же атаки имперские силы потеряли убитыми и ранеными тридцать процентов личного состава. Было сбито огромное количество имперских космических истребителей и бомбардировщиков — они упали на Фунди, главную планету звездной системы Эрибус. А множество имперских кораблей было взорвано в космическом пространстве еще на подлете.

На следующий день Махони провел новую масштабную атаку.

Двадцать восемь процентов потерь среди личного состава.

Команды некоторых кораблей сломались, взбунтовались и отказались идти в новую атаку. Махони хладнокровно приказал провести военные трибуналы и расстрелять всех командиров кораблей и любых офицеров, которые отказывались идти в бой. После этого его вырвало в адмиральской каюте. Он ополоснул лицо холодной водой — и послал новые тысячи мужчин и женщин на верную смерть.

Через шесть дней непрерывной утюжки их позиций таанцам было уже нечем защищаться.

Махони отдал приказ боевым транспортным кораблям и космическим крейсерам, а также легким кораблям разведки.

Три транспортных судна и два набитых десантниками крейсера опустились в разных точках Эрибуса. Наземные обследования вкупе с фотографиями из космоса подтверждали, что все заводы уничтожены — их сравняли с землей, и ни о каком быстром восстановлении не может быть речи.

Тем не менее Махони приказал назавтра повторить ракетно-бомбовый удар.

Пришлось снять с должности адмирала одного из флотов, который был категорически против. Но имперские силы провели еще две атаки.

После этого планеты Эрибуса выглядели как гигантские ровные площадки, пригодные для парковки машин. И, вопреки всем привычным законам войны, Махони отдал приказ — добивать. В пыль, в прах!

Пусть произойдет фантастическое — заводы Эрибуса восстановят. Но пусть не найдется ни одного живого работника из тех, кто здесь работал прежде. Все они должны развеяться пеплом.

Первая гвардейская дивизия, которой некогда командовал Махони, а теперь руководил генерал-майор Галкин, десантировалась на Наху.

Приказ: уничтожать всех, кто выступал с оружием в руках; по мере сил щадить мирное население.

Сопротивление оказывалось бешеное. Развалины стреляли. На каждом шагу были мины-ловушки. Таанцы бились до последнего. Но в итоге Наха пала, невзирая на то, что ее защитой руководила сама леди Этего. Впрочем, имперские десантники потеряли вдвое больше людей, чем ожидалось.

Махони не просто уничтожил заводы на Эрибусе, он сумел завоевать одну из планет, которая стала базой для дальнейших успешных военных действий.

И настоящая утюжка противника началась.

ГЛАВА 42

Если бы за встречей лорда Ферле и лидеров двух главных фракций Верховного Совета — Вичмана и Пэстора — наблюдал опытный офицер контрразведки, он бы наверняка пришел к ошибочным выводам. И если бы скрытая камера снимала происходящее в полутемном кабинете Ферле, то таанский соглядатай заинтересовался бы в первую очередь не тем, кто присутствует на встрече, а тем, кто отсутствует.

Прежде всего не хватало леди Этего, которую все считали преемником лорда Ферле. Контрразведчик, просмотрев видеозапись, решил бы, что создан новый союз, в который Этего не включена. Было очевидно, что лорд Ферле опасался леди Этего — хоть и неудачная, но безумно храбрая защита Эрибуса возвела ее в ранг национальной героини.

Однако соглядатай ошибся бы в обоих случаях. Правда заключалась в том, что лорд Ферле подумал о ней, приглашая к себе Вичмана и Пэстора. Но в последний момент решил не вызывать — именно потому, что у нее была безупречная репутация «рыцаря в белых доспехах».

Он не хотел, чтобы она как-то себя замарала. Если он падет в борьбе — пусть она останется незапятнанной, подхватит его меч и двинется дальше. Лорд Ферле намеревался предложить план заговора, который основывался на коррумпированности и нелояльности таанских высших кругов. Идеалистка Этего придет в ярость при малейшем намеке на то, что высшие круги настолько прогнили. При ней такое произносить нельзя— прямолинейное солдатское мышление не потерпит этой горькой истины.

Что до Вичмана, тот, конечно, заспорит, но его нетрудно переубедить фактами и логическими выкладками. При поддержке такого реалиста, как Пэстор, Ферле легко с этим справится.

Слуг не было. Лорд Ферле самолично угощал гостей и готовил им напитки. За едой и питьем они чинно переговаривались. Беседа характеризовала современную обстановку и облегчала переход к дальнейшему. Они жаловались друг другу, что повсюду изменники, шпионы проникли на все этажи власти, а дураки продолжают выбалтывать государственные тайны. Лорд Ферле особенно сгущал краски, не останавливаясь перед явными преувеличениями.

Как и ожидалось, Вичман сперва поддакивал, потом начал напирать на то, что не все так уж плохо, что надо предпринять объединенные усилия, дабы хирургическим пу-

тем вырезать на раннем этапе раковую опухоль предательства... А реакция Пэстора оказалась неожиданной для лорда Ферле. Пэстор очень быстро замкнулся и сидел молчком. И чем больше лорд Ферле распинался о разложении таанской верхушки, тем бледней становился молчаливый Пэстор. Неужели Ферле дал маху и Пэстор сейчас выступит в роди отсутствующей леди Этего и поддержит Вичмана и его дурацкое предложение резать раковую опухоль — то есть произвести кровавые чистки? Если так, тогда лучше срочно перестроиться, придержать язык и распрощаться со своими прежними задумками.

Но лорду Ферле было невдомек, что Пэстора с опасной силой терзает нечистая совесть. «А ну как Ферле меня подозревает? — стучало в его голове, и он бледнел все больше и больше. — А ну как это провокация? Что, ежели за дверью ждут парни из спецслужбы с револьверами в руках? Но если это провокация, отчего Ферле поглядывает на него так странно — как будто ищет поддержки в разговоре с Вичманом, который несет отчаянную патриотическую чушь?»

Мало-помалу страх отпустил, и Пэстору стало казаться, что он понимает, чего хочет от него лорд Ферле. Поддержки. Но какова конечная цель? Ах, что за ситуация! Такое ощущение, что ты связан, твои гениталии положили на стол и теперь послали за ножом, а нож все не находится...

— Извините, милорд, — сказал Пэстор, не выдержав ожидания, — я должен прямо заявить, что положение, обрисованное вами, вызывает в моем сердце не меньшую скорбь, чем в вашем сердце, лорд Ферле, или в вашем сердце, лорд Вичман. Нам следует предпринять самые решительные действия. Однако...

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал лорд Ферле несколько сухо, стараясь подтолкнуть Пэстора к откровенному высказыванию.

— Однако... прежде чем рубить головы... допустим, подлость этих людей может быть нам каким-то образом по... полезна...

Вичман мгновенно побагровел. Он даже привскочил в кресле.

— Да как вы смеете!..

— Я придерживаюсь того же мнения, — отчеканил лорд Ферле.

Вичман рухнул обратно в кресло.

— Что? Ах да! Какое безо... О-о! Ну что ж, идея неплохая. Да, очень даже... — Вичман испуганно заворочал головой и заперебирал руками. — Что это я? О чем это я?.. Разве такая идея может быть хорошей?

Ферле и Пэстор от души рассмеялись. Секунд через десять Вичман окончательно настроился на новую волну, перестал трястись от страха и расхохотался вслед за коллегами из Верховного Совета. Лорд Ферле приготовил еще по коктейлю, и все с удовольствием выпили. Затем Ферле изложил свой план.

Он намеревался использовать высокопоставленных болтунов, которые готовы по глупости или за какие-то выгоды позволять важной информации утекать на сторону. Но поставить их на службу высшим таанским интересам — чтобы они дезинформировали врага. План был настолько иезуитский, что ему позавидовал бы сам Вечный Император. По своему коварству он был вровень с обычными задумками Вечного Императора — и даже буквально напоминал один его давний фортель.

Лорд Ферле решил извлечь максимум пользы из трагического исчезновения здания Верховного Совета. Пусть его руины послужат на благо Таанского Союза. В свое время Ферле весьма озадачило поведение Вечного Императора после их собственного тайного нападения на его штаб-квартиру в самом начале войны — да, собственно, война именно с этого и началась. Император наводнил пол-Галактики своими пропагандистскими портретами, на которых он грозил таанцам увесистым кулаком. Таанская верхушка покатывалась от смеха — какой дешевый трюк. Но трюк сработал — Галактика увидела, что Вечный Император жив и полон решимости сражаться. К удивлению таанцев, союзники не отпали от империи их противника, а наоборот, потянулись к ней. Вечный Император получил и моральную, и материальную поддержку — в виде новых военных космических кораблей и дополнительных военных частей. Пропагандистская кампания подняла его в глазах общественности. Словом, поражение он повернул себе на пользу.

Теперь, согласно предложению Ферле, таанцам предстояло воспользоваться опытом противника и попытаться обратить поражение в победу.

Лорд Ферле намеревался объехать двадцать две звездные системы — всех союзников, из которых многие — весьма бездеятельны. Везде он будет беседовать с государственными лидерами, произносить речи, в буквальном и переносном смысле показывая кулак Вечному Императору.

Это будет смотреться красиво: одинокий гордый лорд, невзирая на тяжелые обстоятельства, не склоняет головы перед имперским гигантом! Таанцы не притихли после поражения, они полны решимости биться до конца. Ну и

так далее. А наедине с государственными лидерами союзных держав он может и пригрозить — ведь Таанская империя еще в силах кому угодно показать, где раки зимуют! Лорд Ферле убедит союзников, что надо продолжать борьбу — залечь в траншеи и сражаться до последней капли крови. Если удастся сплотить союзников, Вечный Император встретит бешеное повсеместное сопротивление, которое может отрезвить его и заставить отступить, ибо победа дастся слишком большой ценой.

Вичман был в восторге от этого плана. Пэстор нехотя признал, что в плане есть рациональное зерно. Впрочем, память о кровавом рейде имперского флота была еще слишком жива в его сознании, да и странное появление Стэна в отлично охраняемом дворе пэсторовского особняка как-то не прибавляло уверенности. Ежели Вечный Император способен на такие штучки, не лучше ли...

Вслух Пэстор сказал следующее:

— Милорд, я опасаюсь за вашу личную безопасность во время подобного турне. Что помешает Вечному Императору узнать о вашей поездке и нанести удар там и тогда, где и когда вы менее всего будете ожидать подвоха? Если вас убьют, не избежать паники среди нашего народа.

— А я страстно желаю, чтобы Вечный Император узнал о моей поездке! — воскликнул лорд Ферле.

У простодушного Вичмана глаза опять полезли на лоб. А вот Пэстор почти сразу все сообразил. Да, Ферле прикажет своим подчиненным разработать два маршрута.

Согласно одному, вояж начнется с Арброта. Внешне это будет выглядеть вполне логично и убедительно, так как Арброт совершенно лоялен по отношению к Таанским мирам. Тамошние правители будут лебезить и заискивать перед ним — чуть ли не на коленках ползать, создавая удачный пропагандистский образ. Будет организована утечка информации об этом маршруте — через тех самых предателей, которых стоит использовать, прежде чем казнить.

В действительности на Арброт нет никакой надобности ездить — тамошний народ и без того настолько глупо и слепо лоялен, что и без подстегивания будет сражаться против Империи до последнего.

Если поступать по-умному, начинать надо с Кормартена.

Пэстор сразу же оценил отличную мысль. Кормартен — это скопище мятежников. Основанная полукельтской религиозной сектой, планетная система Кормартен была на стороне Таанского Союза единственно в силу слепой и лютой ненависти к Вечному Императору. Если война

закончится победой таанцев, кормартенцы сразу же обратят свое оружие против бывших союзников.

Впрочем, даже сейчас, после серии побед имперского оружия, кормартенцы стали потихоньку отказываться от союзнических обязательств перед Таанскими мирами, качнувшись в сторону нейтралитета. Ферле рассчитывал своим визитом эти настроения убить на корню. И в первый же день дипломатического вояжа он сможет ошарашить остальных союзников блистательной победой над упадническими настроениями на Кормартене.

И в дальнейшем его турне будет строиться так же: предателям в правительственной верхушке подбрасывается информация о фальшивом маршруте, а лорд Ферле, приводя врагов в ярость, появляется там, где его совсем не ждут, и грозит Вечному Императору всеми адскими карами.

Теперь и Пэстор, и Вичман в один голос одобрили его задумку и обещали, что уговорят членов своих парламентских фракций поддержать идею дипломатического вояжа лорда Ферле. Таким образом, лорду Ферле обеспечено почти единогласное одобрение на сессии Верховного Совета.

Пока Ферле и Вичман поздравляли друг друга с грядущим успехом, Пэстор невольно вспомнил Стэна. И Колдиез. Теперь Пэстору пришла в голову идея, как не только выполнить свое обещание насчет военнопленных, но и десятикратно перевыполнить его.

На протяжении войны таанская армия взяла в плен миллионы всякого рода пленных, включая и интернированных лиц. Но лишь с немногими из этих пленных возникали какие-то трудности. Это были важные дипломаты, политики, офицеры высокого ранга, по разным причинам попавшие в руки таанцам. Даже инстинктивное презрение таанцев к любым военнопленным не позволяло им обращаться с людьми подобного рода, как со скотом. Таким военнопленным было гарантировано сносное, так сказать, джентльменское отношение.

Проблема заключалась в том, откуда взять вежливых и деликатных охранников для этой высокопоставленной публики.

И Пэстор придумал, как решить проблему одним махом. Надо собрать эту элиту военнопленных в Колдиезе. Тогда он сможет через своих людей тщательно следить, чтобы с этим контингентом обращались по-человечески.

Было еще одно очень важное соображение в пользу того, что все яйца в данном случае полезнее держать в одной каменной корзинке. Если Таанский Союз, не дай Бог, проиграет войну, у Пэстора под рукой будет такой то-

вар, что он сможет выторговать за него наипрекраснейшее будущее — для себя лично. Вечный Император будет благодарен ему за сохранение таких людей.

Разумеется, не эти аргументы следовало привести Вичману и Ферле, чтобы они поддержали его идею. Надо было воззвать к их кровожадным чувствам.

Обрисовав свой план касательно высокопоставленных военнопленных, Пэстор сказал:

— Если мы соберем сливки военнопленных в одном месте, то нам вовсе не нужно защищать планету. Туда ни одна бомба не упадет.

— А если Вечный Император будет вести себя по-скотски, — подхватил Вичман, — мы попросту перебьем всех этих пленных. Тут-то и пригодится, что они в одном месте! Мне идея нравится!

Ферле также не возражал.

Когда Пэстор вернулся к себе домой, приятно возбужденный приятными напитками и теплым общением, он невольно с большой симпатией подумал о таанской правительственной системе. Всего несколько хорошо взвешенных слов — за закрытыми дверями, вдали от назойливой публики, — и вот уже приняты важные решения, определены верные меры, и светлое будущее нации обеспечено. Эти мысли наполняли его гордостью и любовью к Родине.

А завтра, протрезвев, он решит, какие конкретные шаги следует предпринять касательно Колдиеза.

ГЛАВА 43

Стэн не мог не презирать таанцев. Что это за империя зла, в которой не существует парочки-другой антиправительственных заговоров, хотя в каждой уважающей себя империи зла должна постоянно существовать по меньшей мере дюжина антиправительственных подпольных групп. А тут — ну хоть шаром покати. Нехватка диссидентов удручающая. Те немногие враги государства, о которых удавалось узнать, были, как выяснялось, не первый год под колпаком у тайной полиции. Да и диссидентство их выражалось в умеренном ворчании и высказываниях типа того, что Таанскому Союзу надо говорить вежливое «позвольте побеспокоить», когда он захватывает какую-нибудь независимую звездную систему. Судя по немногочисленным утечкам информации из таанской спецслужбы, в настоящее время государственная изме-

на состояла исключительно из ругани в очередях или пьяных высказываний о том, что это свинство — заставлять работать по две смены на заводе и не делать перерыв для горячего обеда.

Природа разведчика не терпит пустоты.

И поэтому Стэн и Килгур взялись состряпать антиправительственный заговор самостоятельно. Начали они со списка подлых заговорщиков. Для пущего интереса решили, что будут плести заговор в армейской среде.

К заговорщикам предъявлялось три требования:

1. Участвующий в заговоре офицер должен иметь в прошлом хотя бы одно зафиксированное службой безопасности антиправительственное высказывание. Пусть это будет даже не публичное высказывание, а бормотание перед зеркалом для бритья в собственной квартире — но уловленное микрофонами контрразведки. Таким образом, по этому пункту проходил даже адмирал Хусис с «Сабака», которому не раз случалось в сердцах костерить таанский Совет.

2. Участвующий в заговоре офицер должен пользоваться уважением коллег.

Участвующий в заговоре офицер должен иметь опыт боевых действий, а также опыт службы в мирное время на планетах, где имелись имперские колонии.

От мнимого участника заговора вовсе не требовалось быть убежденным сторонником того, что Таанская империя имеет право заграбастать любое независимое государство по своему усмотрению. Стэн решительно не хотел иметь в своем списке подобных фанатиков, хотя был соблазн подставить именно таких. Люди, которые относились к политике всерьез до исступления, попросту нервировали Стэна своей глупостью. Он бы отказался от искренних ура-патриотов, даже если бы смог найти таковых.

После того, как Стэн и Килгур составили список, они вывели его на экран компьютера и занялись установкой конспиративных связей между заговорщиками: кто кого вербовал, кто с кем связан, кто кого знает. Ключевыми фигурами сделали офицеров не очень значительного ранга, исчезновение которых все же нанесет весомый ущерб нормальной работе таанской армии и разведки. Скажем, именно по этим соображениям в список попал третий заместитель одного генерала из службы обеспечения тыла — этот офицерик на самом деле был вторым лицом в таанской контрразведке. По той же причине — дезорганизация через шок — в список попал начальник службы военных капелланов: его арест как тайного и опасного врага породит недоверие к армейским священникам.

Когда составление списка было завершено, его передали на одну из имперских секретных баз.

Впрочем, с этим списком возился преимущественно Килгур, Стэн разрабатывал другую проблему, а именно: задуманный с большим размахом межзвездный вояж лорда Ферле. Поездка была какая-то нелепая. Не то чтобы ее замысел был глуп, но казалось странным, что едва ли не каждая собака знает о предстоящей поездке и о ее маршруте. Или в таанской службе безопасности сидели законченные ослы — во что Стэну хотелось верить, но во что он себе верить не позволял, или же все, связанные с подготовкой этого турне важного члена Совета, страдали тяжелой формой словесного поноса.

Стэн не замедлил отослать в центр доклад о том, куда и когда направляется Ферле и что первым пунктом назначения будет Арброт, а также список того, что лорд будет есть и пить в поездке, где будет давать банкеты и с кем встречаться. Все эти сведения относились ко второй категории: то есть получены от заслуживающих доверия источников или собраны на основании довольно убедительных слухов в кругах, обладающих информацией. Но центр требовал сведений первой категории — то есть таких, на которые можно было полагаться едва ли не на все сто процентов.

И тут в один прекрасный день прорезался Четвинд: прислал весточку, что хотел бы встретиться.

Стэн встретился с ним в баре. Немного выпили. Не пора ли подкинуть Четвинду еще деньжат? Не пойдут ли у него дела лучше, если Стэн введет его в курс кое-каких предстоящих событий? Слышал ли он о новых поражениях таанской армии? После быстрого обмена репликами Четвинд перешел к делу.

— Один из моих старых-престарых дружков набрел на одну вещь, которая может вас заинтересовать. Этот парень — среди моих лучших агентов.

— Я так понимаю — грабитель?

Четвинд изобразил оскорбленную добродетель.

— Фу, Стэн, не будь таким подозрительным. Мой парень— истинный борец за свободу своего народа.

— Ладно, извини. Стало быть, он грабитель с идеалами.

— Этой ночью он был на деле... то есть я хочу сказать, прогуливался перед сном. В припортовом районе 23YXL. Ну, ты знаешь, где куча складов с дорогими товарами. Короче, парень решил, что самое время узнать что-нибудь полезное для дела борьбы за свободную родину.

Так вот, залезает он через окно в один склад. Глядит — охраны до и больше! И все в штатском. Ну, он

потоптался на чердаке и дал деру. Однако очень его насторожило, что в таком месте и в такой час столько парней из службы безопасности — кое-кого он и в лицо знает, так что не ошибся.

Вот я и спрашиваю себя — что на том складе? Возможно, ты более догадливый, чем я.

Четвинд выжидающе замолчал. Стэн вынул пачку кредиток и передал своему собеседнику.

На этот раз ни один из них даже не делал вида, что эти деньги пойдут на дальнейшее развитие шпионской сети Четвинда. Все осядет в кармане самого Четвинда — разве что какая-то мелочь перепадет «грабителю с идеалами».

Килгур внимательно оглядел окрестности портового склада через окуляры бинокля и тихонько пробормотал:

— Э-э, да тут все схвачено. Здесь больше шпиков, чем личинок на армейском гнилом мясе.

Согласно его наблюдениям, в округе происходили весьма любопытные вещи. Примерно в полукилометре от склада приземлился космический корабль. Стэн определил по внешнему виду, что это стандартный вооруженный транспортный корабль. Но вот меры безопасности вокруг него были, мягко говоря, нестандартными. Корабль стоял на совершенно ровном, открытом участке бетонного покрытия. Вокруг него было три — нет, четыре широких кольца оцепления. Солдаты в форме. Между кольцами оцепления на металлические стойки вознесены прожекторы. Но в целом вокруг корабля царит темнота.

— Что-то грузят, — прошептал Килгур. — И не обычные грузчики, а солдатня.

Он передал бинокль Стэну, который посмотрел на происходящее и кивнул.

— Разве что не в ногу идут, а так вроде бы солдаты.

Очень любопытно. Мало того, что на складе, похоже, хранилось что-то весьма ценное (что представляло огромный интерес для имперской разведки), но и загрузка шла силами военных — в глухую пору ночи. Стэну очень хотелось заглянуть внутрь одного из этих загадочных ящиков, переносимых солдатами. И несли их с такой осторожностью, как будто в них лежали дорогие бьющиеся предметы.

Килгур что-то проворчал, вытащил из голенища сапога мини-компьютер и застучал по клавишам, изредка поглядывая в сторону загадочного корабля. Стэн смотрел на склад и корабль не отрываясь, лихорадочно соображая, привлекая весь свой опыт службы в подразделении «Богомолов».

«Итак, можем ли мы незаметно проникнуть в помещение склада? Нет, если Господь не сбросит нам по шапке-невидимке. Может, через крышу? Нам не по зубам состязаться с профессиональным вором, дружком Четвинда. Это отпадает. Пролезть снизу, через канализацию? Но чтобы разобраться, где войти, куда ползти, как выйти, — на это нужно много-много часов, а ребятки грузят проворно, вот-вот взлетят, по крайней мере не позже рассвета. Пойти нагло, в открытую? Сделать вид, что мы — таможенные инспектора или старшие офицеры? Пустой номер. Разумеется, если их разоблачат, удрать они как-нибудь удерут, да вот только при этом засветятся — а не хочется, чтобы таанцы узнали, что за ними кто-то следил. А может, втереться в экипаж? Тоже безнадежная затея. Десантники разбиты на группы по десять человек, и все друг друга знают, никак не примажешься. Да и тупые унтеры умеют считать до десяти, одиннадцатого и двенадцатого обязательно заметят...»

— По-моему, сумеем прорваться, босс! — тихонько сказал Килгур, отрываясь от своего компьютера. — В движении часовых есть определенный ритм. И прожекторы шарят через определенные промежутки времени. Так что если правильно подгадать, то можно перебежечками — и в промежутки между охранниками. Я тут подсчитал на компьютере, в каком ритме бежать.

Стэн критически взглянул на пустое пространство между зданием, за стеной которого они прятались, и космическим кораблем. Было жутковато представить себя бегущим по этой иссеченной прожекторами площади. Стэн нервно сглотнул.

— Ладно, мистер Килгур, выступайте в роли главного хореографа.

Через пять минут Килгур тихо приказал:

— Ну вот, теперь пора. По счету. Следи за моими пятками и не отставай... Три... два... вперед!

И двое в темных комбинезонах бесшумно рванули вперед в сторону загадочного корабля.

— Шестнадцать... семнадцать... на землю, босс! Раз, два, три, четыре, пять... встали. Двадцать шагов... ложись!

Они влипли в бетонное покрытие, а луч прожектора прошел рядом, чуть не лизнув их башмаки.

— Одиннадцать, двенадцать, вперед! Три, четыре, пять... шесть и замри!

Единственная мелодия, под которую им пришлось совершать свое па-де-де через летное поле, было их собственное громкое прерывистое дыхание.

— Ага, вот и посадочная платформа. Будет где укрыться, босс. Два, один, вперед, приятель!

Они распластались между выступами платформы. Теперь они зашли уже в самое пекло, миновав внешние кольца охраны.

— Теперь нам деваться некуда, только внутрь, — прошептал Алекс в самое ухо Стэна. — Парень у входа жмурится и отворачивается всякий раз, когда прожектор бьет в него. У нас есть секунд пять.

— А ты уверен, что внутри нет охраны?

— Скажем, что мы бродяги и ищем ночлега и с улыбочкой пошкандыбаем прочь. Ну, три... два... поехали!

Они на цыпочках пробежали по наклонной платформе и юркнули внутрь через широкий открытый люк. Килгур был прав в своем оптимизме: охраны внутри не было.

Стэн поднял ладони вверх: ну и что теперь? Килгур пожал плечами в ответ на этот немой вопрос. Он заметил в нише рабочий планшет, взял его в руку, нацепил на лицо озабоченное выражение и зашагал вперед по коридору к сердцу корабля.

Но этот фокус — с превращением в деловитого техника с рабочим планшетом — был разыгран скорее как шутка для Стэна, ибо никто их не видел. Десантники еще не погрузились на борт, и коридоры были пусты. Экипаж, очевидно, находился где-то в носовой части — оттуда доносился смех и пьяные выкрики. Из одной каюты слышался чей-то храп.

Стэну бросилась в глаза идеальная чистота — уборку производили явно совсем недавно. Или здешний капитан помешан на чистоте, или ждут какого-то важного пассажира.

Килгур наконец нашел люк, ведущий в трюм, и друзья быстро соскользнули по лестнице вниз. Трюм был заполнен лишь наполовину. Держась за ящиками, Стэн и Килгур наблюдали, как начальник погрузки и его помощник покрикивают на солдат-грузчиков. Погрузка уже заканчивалась, шли крепежные работы.

Стэн и Килгур обнаружили несколько еще не закрепленных ящиков в дальнем углу трюма. Стэн проворно заработал ломиком.

В первом ящике они нашли столовую утварь — такой дорогой столовый прибор мог принадлежать только таанскому аристократу. Стэн задумчиво нахмурил брови и стал открывать ящики один за другим. Шестой содержал важную подсказку. Там лежало несколько парадных костюмов из таких дорогих материалов, которые простым таанцам в последние годы доводилось видеть только на своих лор-

дах. И на каждом костюме на груди слева был вышит золотом и серебром небольшой трехголовый дракон.

Килгур довольно вытаращил глаза и беззвучно поаплодировал себе и Стэну.

Аккуратно прикрыв все ящики, уничтожив следы своей инспекции, Стэн и Килгур убрались с корабля, а затем исполнили то же сверхсложное па-де-де через темную площадь, по которой шарили прожекторы и вышагивали часовые.

Ни тому ни другому не надо было особых познаний в геральдике, чтобы понять, что это за трехголовый дракон. Местное население на Кормартене славилось пристрастием к этому символу — они малевали или вышивали его где вздумается, шутники говорили, что трехголовым дракончиком они украшают даже туалетную бумагу.

Итак, как Стэн и подозревал, лорд Ферле и не думал лететь на Арброт и далее по маршруту, сведения о котором стали известны имперской разведке. Тем не менее дипломатический вояж состоится. Полетит ли Ферле или кто другой из Совета, но турне начнется сегодня на рассвете. И трехголовый дракончик указывал на один из пунктов назначения.

Стэн решил, что Вечного Императора может заинтересовать то место, куда в действительности направляется лорд Ферле.

ГЛАВА 44

Стэн ошибся. Вечного Императора эти сведения не просто заинтересовали, а очень заинтересовали.

Он, правда, слегка задумался, как лучше использовать сведения об истинном маршруте лорда Ферле. Точнее, он знал, как использовать эту информацию. Другое дело — как реализовать замысел.

Ах как ему не хватало верного Махони! Если бы хитроумный Мик оставался во главе имперской секретной службы — корпуса «Меркурий», тогда бы Вечному Императору было достаточно сделать один не очень тонкий намек. Но теперешний шеф секретной службы был, как на грех, человек прямолинейный и намеков не понимающий. Верно говорится, у доброго шпиона не бывает доброй совести. Проклятие!

«И угораздило же меня выдвинуть Махони на повышение»,— с досадой подумал Вечный Император.

Его пальцы лежали на графинчике со стреггом. Властитель секунду-другую колебался, потом оставил этот графинчик и взял бутылку напитка, который он называл вис-

ки. Сейчас ему нужна ясность мышления, на голом инстинкте верного решения в данной ситуации не примешь.

Собственноручное убийство лидером одной страны лидера другой страны — это фантастика, историческая фантастика дурного вкуса. Хотя, конечно, в этом есть своя прелесть. Всадить нож по рукоятку в сердце давнего политического врага... Но обычно приходится действовать через посредника. Памятуя о том, что буквальное убийство врага редко приносит желанные плоды. Чаще всего оно роняет тебя в глазах народа.

Нет, мало кто из политиков считает убийство политического соперника ужасным в моральном отношении. Если по твоему приказу убьют высокопоставленного чиновника в стране, с которой ты воюешь, — велика ли беда. Но невольно нервничаешь, сидя потом за столом переговоров с дипломатом той державы, — вдруг он воспринял это убийство как личное оскорбление. Убийство миллионов его сограждан — это одно, это как бы реальность войны и так далее. Но убийство человека из того же привилегированного класса, к которому принадлежит тот, с кем ты ведешь переговоры? Нет, это срам, срам и еще раз срам.

Срам или не срам, однако же Вечный Император, все хорошенько обдумав, отдал приказ начать операцию, у которой не было названия, о которой ни одного слова не говорилось ни в документах, ни в компьютерных файлах — даже самых-рассамых секретных.

Император запросил данные на все новейшие таанские боевые корабли — характеристики двигателя, оборудования, вооружения, внешний вид, опознавательные знаки. Досье на Ферле отмечало, что он любит путешествовать на лучших кораблях. А следовательно, выберет для своего дипломатического вояжа самое современное и самое быстроходное судно, игнорируя то, что оно, быть может, нужнее на фронте.

Разведка доносила, что таанцы строят три суперсовременных боевых корабля: один находился только в проекте, второй построен наполовину, а третий должен был вот-вот сойти со стапелей.

Специалистам-взрывникам из «Меркурия» приказали подготовить такой тип детонатора, чтобы он срабатывал при приближении корабля совершенно определенного типа, а именно только что сооруженного таанского суперсовременного лайнера. Причем необходимо было справиться с заданием в считанные дни, ибо начало политического вояжа лорда Ферле близилось.

Это не составило проблемы. Специалисты из «Меркурия», по их собственным словам, настолько насобачились делать невозможное из невероятных материалов при безумных обстоятельствах, что им ничего не стоило сделать что угодно прямо из воздуха.

Изготовили особые бомбы с особыми детонаторами. Шестнадцать штук. Совсем маленькие бомбочки в упаковке, которая не бросается в глаза, но такой силы, что они могли автоматически взорвать огромный космический корабль, когда тот подойдет к ним на определенное расстояние.

Цифра шестнадцать возникла неспроста. В столице Кормартена имелось шестнадцать пилотируемых космических кораблей. «Богомолам» был отдан приказ установить по одной бомбочке на каждом из этих кормартенских кораблей.

Все было проделано быстро и четко. Никто и не заметил, как секретные агенты посетили все кормартенские корабли. Вышколенные парни из имперского спецназа не спрашивали, что в коробочках, которые они доставили на борт, какая операция планировалась, кого будут взрывать, если в коробочке взрывчатка — а что еще там могло быть? Со временем они все узнают, когда коробочки сработают. Узнают где-нибудь в баре за кружкой пива из сводки последних новостей. А может, лишь после войны, случайно.

Вся документация о производстве и установке бомб уместилась на одной компьютерной дискете. Эта дискета была передана лично Вечному Императору, который собственноручно ее уничтожил. А затем он послал компьютерщиков из «Меркурия» перепроверить компьютер, в котором находился стертый файл, содержавший информацию о проведенной операции. Эти ребята удостоверились, что файл стерт, и сделали все, чтобы в электронной памяти каким-нибудь образом не задержался ни единый бит из уничтоженной информации.

Когда Вечному Императору доложили, что все следы подчищены, он довольно крякнул и налил себе большую порцию стрегга.

Пилот «Конемо», новенького военного корабля, на котором путешествовал лорд Ферле, выключил основной двигатель, работающий на АМ-2, и вышел на стационарную орбиту вокруг Кормартена, используя вспомогательный драйв Юкавы. Навстречу высокому гостю из атмосферы поднимался большой челнок в сопровождении кораблей эскорта. На челноке находились сановники, встречающие лорда Ферле.

Командир «Конемо» доложил о приближении кормартенцев лорду Ферле, который как раз облачался в церемониальный костюм с трехголовым дракончиком на левой стороне груди.

Пока сотрудники Ферле переговаривались с приятелями из кормартенского МИДа, которые находились на приближающихся кораблях эскорта, пилот челнока пришвартовался к носовому шлюзу исполинского таанского судна. При соприкосновении двух кораблей детонатор сработал.

Взрывники из «Меркурия» планировали заряд так, чтобы он разнес носовую часть таанского корабля — этого вполне достаточно для гибели всех находящихся на нем. Однако это был первый космический полет «Конемо», и система огнетушения на нем еще не была как следует отлажена и функционировала плохо. Поэтому при взрыве огнетушители в носовой части сработали с небольшим опозданием, и шар огня прокатился через весь корабль и прожег стену топливного отделения.

Запас АМ-2 взорвался.

От «Конемо» осталась только пыль, равно как и от шести таанских кораблей сопровождения, а также всех кормартенских судов — и от челнока, и от кораблей эскорта.

Вечный Император не зря несколько лет назад грозился, что его гнев достигнет любого — любого! — из таанцев. Вечный Император слов на ветер не бросал.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. «ЗАНШИН»

ГЛАВА 45

В матче, который все спортивные комментаторы Империи в один голос называли матчем десятилетия, встречались «Рейнджеры» и «Синие». На стадионе Ловетт негде было яблоку упасть — собралось больше ста тысяч зрителей, чтобы посмотреть, как их «Рейнджеры» наконец-то отомстят ненавистной команде гостей — «Синие» три земных года подряд выбивали «Рейнджеров» из гравибольного чемпионата. Невзирая на войну, миллиарды и миллиарды зрителей — по слухам, включая самого Вечного Императора, — прикипели к экранам домашних трехмерных телевизоров, чтобы не пропустить эпохальный матч.

До сих пор игра оправдывала большие ожидания. К началу пятого, и последнего, периода было забито уже пятьдесят три мяча после серии острейших моментов и упоительных дуэлей на протяжении четырех часов игры. В последнем периоде Найсмит, одетый в красную форму шкафоподобный центральный нападающий «Рейнджеров», четыре раза прорывался сквозь высокогравитационные ловушки «Синих» и оказывался в позиции, когда мог забить. Но всякий раз «Синие» перегруппировывались и встречали его сплоченно, блокируя слабогравитационные дорожки и постепенно оттесняя «Рейнджеров» на их половину поля. Игра шла так напряженно и грубо, что в результате всех штрафов и у той и у другой команды высокогравитационные ловушки были включены на полную мощность — попавший в них игрок испытывал утроенную силу тяжести. Даже самые могучие атлеты, попадая в них на полной скорости, казались мухами, случайно забежавшими в разлитый по столу липкий сироп.

И вот мячом завладел Раббай, центрфорвард «Синих». Остальные нападающие «Синих» устремились вперед, ища слабину в обороне «Рейнджеров». Защитники «Синих» чуть выдвинулись от входов в слабогравитационные дорожки на своей половине поля. Раббай шел на прорыв. Как он рванул! Сделав фальшивый рывок налево к высокогравитационной ловушке, он скользнул направо, между замешкавшимися защитниками противника. И вдруг оказался впереди один — и перед ним была пустая слабогравитационная

дорожка! А в конце этой дорожки зовуще горела красная черта, обозначавшая линию ворот. Добросить мяч туда — и будет гол.

Толпа на стадионе взревела. Похоже, чертовы «Синие» победят! Все обмерли, ибо «Рейнджеры» оказались перед зияющей пропастью очередного поражения... Прошло еще полсекунды, Раббай уже на дорожке, бежит, прыгает... еще прыжок... еще прыжок... он уже недостижим для противника...

Танз Сулламора нажал кнопку — сперва пропал звук, затем задвинулись шторы на большом окне, выходящем на игровое поле. Сулламора рассерженно погрозил пальцем коллегам по тайному обществу.

— Получается, что рисковать приходится одному мне, — задыхаясь от ярости, произнес он. — Мы все голосуем за то, что с Волмером надо кончать. Отлично. Но осуществлять наше решение приходится мне в одиночку. И сейчас мы опять голосуем единогласно за этот план. Прекрасно. Да вот только реализовывать его придется старому наивному Сулламоре опять в одиночку — и совать свою голову в петлю, имея дело с этим Чаппелем.

— Мой друг, вы же ощущаете за своей спиной нашу полную поддержку! — вкрадчиво сказала Мэлприн. — Вам нет никакого резона сердиться: если вы упадете, с вами грохнемся и все мы. Что же считаться, когда у нас общая ответственность? Мы ведь обо всем договорились!

— Ну конечно! — поддержала сладким голоском одна из близнецов Краа. — Мы с сестрой были на вашей стороне с самого начала, Танз. Наш всегдашний девиз: если ступил на дорогу, иди до конца.

Сулламора только фыркнул. В деловом мире мало кто мог сравниться с близнецами Краа в умении вонзить кинжал в спину друга. Сулламора покосился за поддержкой на Кайса, но его хитрое высочество сидел с отсутствующим видом и, утопая в мягком кресле, смотрел на зашторенное окно, как будто продолжал наблюдать за событиями гравибольного матча. Раздраженный и разочарованный, Сулламора опустился на стул и сделал большой глоток из своего стакана со спиртным. Остальные члены тайного общества сохраняли молчание, делая вид, что разглядывают обстановку уставленного антиквариатом помещения, принадлежащего владельцу стадиона.

Этот огромнейший стадион, рассчитанный на любую погоду, лучшее спортивное сооружение на Прайм-Уорлде, построил один из предков нынешнего Ловетта. Буквально за несколько дней стадион можно было переоборудо-

вать из гравибольного в водный, где будут соревноваться гоночные лодки, или же превратить в ярмарку сельскохозяйственных продуктов. Трибуны были устроены так искусно, что даже на самых дешевых местах было видно все, что происходит в любом уголке игрового поля. И под самым куполом, паря над стадионом, находились просторные апартаменты владельца этого великолепного сооружения. Тут можно было принимать разом до сотни «близких друзей», хотя чрезмерное обилие картин, скульптур, чучел животных, спортивных кубков и прочих реликвий — вкупе со странной старинной мебелью — создавали такую атмосферу тесноты, что уже двое гостей начинали задыхаться и испытывать болезненный страх закрытого пространства. Самые мягкотелые пацифисты в этих апартаментах становились агрессивными ястребами и требовали крови, крови и еще раз крови.

Быть может, именно эта нелепая атмосфера была ответственна за то, что всегда спокойный Сулламора вдруг утратил контроль над собой и выплеснул гнев на равных ему по рангу. Было досадно, что он показал себя не с лучшей стороны, так открыто выказав свое раздражение. А может быть, он просто вдруг осознал свою личную уязвимость. Если задуманный ими план провалится, только Сулламора поплатится за это головой — остальные останутся в стороне. Никакая контрразведка не сможет документально обвинить их. И надо было что-то срочно предпринимать, потому что эта встреча грозила стать их последней публичной встречей. Им опасно и впредь собираться вместе под благовидными предлогами. Матч между «Рейнджерами» и «Синими» был последней возможностью для столь известных в обществе фигур собраться для совместного обсуждения своих секретных дел, не вызывая ничьих подозрений.

В конце концов общее молчание нарушил Кайс. Он не стал ходить вокруг да около, он спросил напрямую, подводя итог:

— Что вы хотите от нас, уважаемый Танз?

Сулламора энергично кивнул, одобряя прямолинейность вопроса, и достал из кармана шесть карточек. Он положил по одной карточке на столик перед каждым из присутствующих, словно рекламный торговец свои прайс-листы, а последнюю карточку положил на свой стол. Эти карточки были сделаны из особо прочного несгораемого пластика. Кайс первым сунул карточку в щель смотрового аппарата. На экранчике высветился короткий текст. Остальные проделали то же самое.

МЫ, ЧЛЕНЫ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА, ВЗВЕСИВ ВСЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИШЛИ К ГОРЕСТНОМУ СОВМЕСТНОМУ ЕДИНОГЛАСНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ, ЧТО ВЕЧНЫЙ ИМПЕРА-

ТОР СТРАДАЕТ ВСЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ И ПОТОМУ КРАЙНЕ ОПАСНОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТЬЮ. В СВЯЗИ С ВЫШЕУКАЗАННЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ МЫ ПРИНЯЛИ РЕШЕНИЕ ПРЕДПРИНЯТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ...

Это была словесная преамбула к политическому убийству. А под текстом — шесть свободных мест для шести подписей. Поставь подпись — и обратной дороги не будет. И все участники заговора понесут равную ответственность в случае провала.

Последовало долгое тягостное молчание. И опять Кайс решился первым. Он улыбнулся и особой ручкой нанес на пластик свою неуничтожимую подпись. Остальные один за другим последовали его примеру.

Итак, теперь время действовать Чаппелю.

А вне подкупольных апартаментов толпа неистовствовала от восторга. Потерпевшие поражение «Синие» понуро плелись прочь с поля между двумя шеренгами полицейских. Героя дня, нападающего из «Рейнджеров» Найсмита, несли на плечах товарищи по команде. Болельщики ликовали, покидая стадион, — сегодня не будут ложиться до утра, будут пьянствовать, петь и вопить от радости, ну и, конечно, не обойдется без разбитых физиономий.

Честь «Рейнджеров» была восстановлена.

ГЛАВА 46

— У меня один вопрос, Ваше Величество, — пророкотал маршал Махони. — А также одна просьба.

— Выкладывай, — сказал Вечный Император.

— Первое. Какова официальная имперская позиция касательно применения пыток?

— Отрицательная. Лучше на этом не попадаться.

Махони согласно кивнул.

— Вы не будете возражать, если я слегка прижгу мозги этой ссыкушке? Медленно-медленно, чтобы прочувствовала. Обещаю вам не попасться.

— Фу-у! А перед ней открывалось такое блестящее будущее.

— Будущее! — фыркнул Махони. — Вы только послушайте.

Он зачитал вслух текст из видеоновостей:

— «Внезапно улыбка исчезла с его лица, и я разом вспомнила, что передо мной сидит самый яростный борец в Империи, руководитель, который посылает в битву миллионы людей и тысячи боевых кораблей, великий стратег, одно

присутствие которого в секторе военных действий заставляет таанцев испуганными толпами сдаваться в плен».

— Толпами! — возмущенно воскликнул Ян Махони. — Да у меня переводчиков для работы с военнопленными больше, чем самих военнопленных!

— Да, — кивнул Император. — Журналистка тут дала маху. Я бы сказал — «сдаваться в плен трепещущими от страха ордами».

Махони продолжил чтение дрожащим от гнева голосом:

— «А ныне мы готовим широкомасштабное сокрушительное наступление против Пограничных Миров. Когда-то мы были вынуждены бесславно ретироваться оттуда, и мне это пришлось не по душе. Я поклялся себе, что в один прекрасный день вернусь туда победителем. И я это сделаю.

Теперь мы возвращаемся.

Таанцы обратятся в бегство повсюду в этом секторе Галактики. Мы нанесем смертельный удар. Да, это будет длительная и тяжелая борьба. Но мы уже видим свет в конце туннеля».

Дальше дребедень, дребедень... очаровательная супруга... спартанская домашняя обстановка, но со вкусом оформленные апартаменты... бу-бу-бу... обожаемый адъютантами... преклоняются все десантники... отец родной простому солдату... Дерьмо! Написавшую это сучку надо отдать на поругание роте солдат, которым я как отец родной.

— Почему же? — иронически осведомился Император.

Махони хотел разразиться потоками ругани, но вовремя опомнился. Властитель нарочно подзуживает его, чтобы посмеяться. Махони порывисто вскочил, хотел налить себе виски, предпочел крепчайший стрегг, сделал хороший глоток, успокоился и сел на место.

— Ладно, босс, — сказал он. — Я человек прямой. Мне странно, что вы не вышли из себя. Ведь эта журналистка выболтала наши планы массированного удара по Пограничным Мирам. А я, между прочим, и слыхом не слыхивал о планах этого массированного наступления. Ну да ладно. Позволю себе указать вам на одну пустяковую деталь: я этой журналистки в глаза не видел. И потом, откуда у меня взялась очаровательная жена?!

Махони заерзал на стуле от бессильной злости.

— Ваше Величество, неужели вы позволите этак вот со мной обращаться?

— Терпи, — назидательно изрек Император. — Нам нужен настоящий герой, славный генерал, любимец народа. И эта статейка еще ничего. Ты не видел другие, написанные действительно безответственными писаками.

Вроде того, что ты еще и сейчас ходишь в бой со своими десантниками и орешь во время атаки, размахивая виллиганом: «За Родину, за Императора!» Или что ты в былые времена застрял на какой-то планете со своей частью без денежного содержания и шесть месяцев кормил солдат из собственного кармана. И тут же, не смущаясь логикой, пишут, что ты всегда жил впроголодь, будучи выходцем из бедной семьи и содержа престарелых родителей, а также многочисленных братьев и сестер.

И отец, и дед Махони были офицерами очень высокого ранга, а после ухода в отставку оба сделали отличную карьеру в бизнесе, работая на штатские мегакорпорации.

— Чего ради вы все это затеваете? — горестно вздохнул Махони.

— В твоих очах — ирландская героическая искорка, — усмехнулся Император. — Ты как нельзя больше подходишь на роль кумира. Но говоря серьезно, ты мне нужен, чтобы перемолоть таанские силы. Да-да, журналистка никакой военной тайны не выдала. Мы действительно выступаем против Пограничных Миров. И наступательные силы возглавишь ты. Я тебе передаю людей и корабли — все, что можно без слишком большого ущерба снять с других секторов. Я хочу, чтобы таанцы были в курсе готовящегося удара. Сперва ударим по их психике, которая и так пострадала от последних событий — в том числе от гибели лорда Ферле и отпадения множества союзных миров. И пусть наступление возглавит славный непобедимый Махони. Таанцы обожают символы. Вот я и предлагаю им символ.

Каждый краснобай, выступающий публично, начинает болтовню о важности Пограничных Миров для нашей Империи и для меня лично. Невозможно заткнуть этим дуракам рот иначе, кроме как завоевав эти поганые Пограничные Миры...

Не имея привычки делать столь длинные широковещательные заявления в полудомашней обстановке, Император счел нужным сделать глоток спиртного.

— Выходит, мне выпало служить символом?

— Вот именно. Если бы ты читал что-нибудь помимо оперативных сводок, то сразу бы просек, что я украл по цветистой фразе у трех генералов давно прошедших времен. А пресса такие сравнения и красоты наворотит, что закачаешься... Махони, попомни мои слова, мы победим. И очень скоро. Так что пора уже подумать, что мы будем делать с этой Таанской империей, когда поставим ее на колени... Словом, ты летишь в Пограничные Миры. Таанцы, конечно, бросят туда все свои силы и попытаются отмутузить тебя

по первое число. Но я тебя назначаю своей главной мясорубкой — проверни этих таанцев и нажарь из них котлет.

Тебе будут полезны кое-какие дополнительные сведения. Мы будем использовать Наху как передовую базу для главного удара по Таанским мирам. Таким образом, у тебя отлично защищенный и мощный левый фланг — при случае можешь садануть таанцев великолепным хуком слева... Еще одно. Похоже, в Таанской империи откроется огромный разветвленный антиправительственный заговор.

Махони недоверчиво-удивленно поднял брови.

— В этом заговоре участвует уйма высших офицеров, которые, судя по всему, не очень удовлетворены тем, как ведется война. Мы можем поблагодарить нашего друга Стэна, что он вскрыл этот нарыв в таанских вооруженных силах. «Предатели» будут безжалостно казнены таанскими властями.

Оба собеседника понимающе мрачно хмыкнули.

— Словом, Стэн состряпал заговор и данные переслал мне. А мы тут организуем утечку информации обратно в Таанский Союз — через своих предателей. Сделаем так, что для таанцев это будут разведданные первой категории.

— А как насчет моей деятельности в Пограничных Мирах?

— Уничтожьте там всех таанцев, носящих оружие. Всех до одного. А затем мы используем Пограничные Миры как плацдарм для дальнейшего наступления. И это наступление возглавишь опять же ты.

И не надейся на долгий отпуск по окончании войны. Потому что я намерен назначить тебя — э-э, как бы этот пост назвать? — да, генерал-губернатором поверженной вонючей экс-империи. В ближайшие десять лет тебе придется обучать таанцев, как им лучше соответствовать нормальному человеческому облику.

Махони задумался. Потом рассмеялся.

— Великолепное жаркое, Ваше Величество. Остается только поймать кролика.

— Вот именно, — согласился Император. — Окажи мне услугу, Ян. Не дай побить себя. Мне бы не хотелось планировать с нуля новую масштабную операцию.

ГЛАВА 47

Члены таанского Верховного Совета мрачно переговаривались, и не сразу председательствующий добился полной тишины. Престарелый секретарь изложил черновой

набросок сценария церемонии официальных похорон лорда Ферле. Когда он сошел с трибуны, стали голосовать за утверждение официального некролога и передачу его в средствах массовой информации.

Далее предстояло выбрать преемника лорда Ферле. Насчет кандидатуры мнения расходились.

«Король умер, — с горечью думал Пэстор. — Да здравствует король!»

Он вглядывался в посуровевшие лица двадцати шести своих коллег. Члены Совета держали в руках электронные карточки для голосования. Но Пэстор уже просчитал исход голосования. Фракция Вичмана шестью голосами поддержит Этего. И это не сюрприз. Вичман склоняется на сторону «ястребов». А ведь даже в среде самых яростных сторонников войны до победного конца леди Этего, невзирая на ее пол, считается самым непреклонным солдатом.

Вторая фракция, тоже шесть голосов, поддерживала идею триумвирата, склоняясь к тройке следующего состава: Этего, Вичман и Пэстор.

Оставалась последняя фракция во главе с Пэстором: девять голосов, которыми он мог распоряжаться по своему усмотрению. От него зависит многое. И Пэстор уже принял окончательное решение. Но приходилось молча скучать, выслушивая длиннейший список свершений лорда Ферле.

Стэн вторично посетил Пэстора в его оранжерее спустя несколько ночей после гибели Ферле. Пэстор мог только гадать, как он явился на сей раз — но явно не через дренажную трубу. Этот сукин сын просто вышел из тени одного экзотического дерева. Увидев незваного гостя, Пэстор сперва похолодел от ужаса, потом его окатило горячей волной ненависти — эти люди задумали и осуществили гнусное убийство его коллеги лорда Ферле!

— Не делайте глупостей, полковник, — предупредил Стэн.— В сущности, происшедшее пошло на пользу вашему народу. Вы избавились от дурака в правящей элите.

Пэстор взял себя в руки.

— Что вам угодно?

Стэн позволил себе расслабиться. Убрал пистолет и присел на скамейку. Сделано это было небрежно, однако Пэстор понял, что это продуманное поведение, сигнализирующее собеседнику о мирных намерениях пришедшего.

— Начнем с того, что до меня уже дошло известие о переменах в Колдиезе. Хочу поблагодарить вас.

Пэстор раздраженно передернул плечами.

— Не за что меня благодарить. На меня не ваши слова повлияли. Логика жизни привела к такому решению.

— Ладно, полковник, если вам угодно трактовать события так, я не возражаю. Просто мы очень волновались за своих друзей. И нам безразлично, почему о них позаботились. Нас радует сам факт.

Но я обратил внимание, что вы сделали все же кое-какие выводы из нашей беседы. В лагере новые лица. Много новых лиц. И все важные шишки. Похоже, вы решили использовать их в своей игре, как козыри, спрятанные в рукаве. Если я правильно угадал, хочу предупредить вас — ничего не выйдет.

Пэстор невольно показал свою заинтересованность:

— Вы желаете сказать, что, даже приставив оружие к их головам, мы не сможем вырвать у Императора ни единой уступки?

— Нет. Просто он нанесет в качестве мести удар удвоенной силы. Поверьте мне на слово. Я говорю так, потому что долго и достаточно близко общался с властителем. Угрозами от него ничего не добьешься, кроме вспышки слепой кровожадной ярости.

Пэстор такого рода психологию понимал: ведь таанские лидеры обладали подобным характером — угрозы только ожесточали их. Возможно, именно тут кроется ошибка. Они допустили ее много-много лет назад, поверив в сусальный образ Вечного Императора, нарисованный средствами массовой информации: он, дескать, и добр до мягкотелости, и демократичен, и печется об интересах и безопасности своих подданных, как добрый дядюшка, обладающий мудростью старца, за плечами которого не один век прожитой жизни. Все это было пропагандистской ерундой. Не исключено, что Вечный Император по жесткости своего характера более таанец, чем сами таанцы. Оставалось лишь гадать, до каких кровавых пределов дойдет властитель в своей мести, если таанцы истребят имперских военнопленных — в особенности высокопоставленных. Пэстору было страшно даже представить, что станет с его народом в этом случае. Просто он знал, что бы он сам сделал в такой ситуации на месте Вечного Императора.

Справившись с приступом дрожи, он покосился на Стэна, который спокойно вглядывался в своего собеседника, будто следя, как формируются, распадаются и перегруппировываются его мысли.

— Вы пришли ко мне не из-за Колдиеза, — наконец сухо проронил Пэстор.

— Нет. Колдиез — лишь один из пунктов разговора.

Стэн неспешно встал со скамейки и стал расхаживать из стороны в сторону, косясь на зеленые растения в гидропонических лотках.

— Вечный Император тревожится по поводу дальнейшей судьбы вашего народа. Теперь лорд Ферле мертв. Кто будет избран на его место? С кем придется вести дела властителю?

— А дела предстоят! — сказал Пэстор, не пытаясь скрыть сарказм в своем голосе. — Судя по всему, он вообразил, что мы теперь ляжем на спину и поднимем лапки? Как в старых глупых фильмах. Вождь погиб, и все племя утратило волю к сопротивлению. Трах-бах — и победа в кармане.

— Если вы так полагаете, — возразил Стэн, — то зря. Насколько я его знаю, он сейчас думает иначе. Он думает, сколько еще ни в чем не повинных таанцев ему придется убить, прежде чем вы поймете, что война проиграна... А ведь вы сами, Пэстор, на сто процентов уверены, что вы уже проиграли эту войну, не правда ли?

Вопрос застал Пэстора врасплох — в основном потому, что он был погружен в свои размышления. Но следовало ответить. Казалось, внезапно над ним собралась огромная черная туча и оттуда хлынули холодные потоки. Это был внезапный потоп — эмоции захлестывали. Поражение. Капитуляция. Унижение. Надо смотреть правде в глаза. Они проиграли. Язык не повиновался, и Пэстор лишь кивнул в ответ на прямой и страшный вопрос Стэна.

— В этом случае вы все свои усилия должны направить на подъем вашего мира из руин после капитуляции, — продолжал Стэн. — Добиться почетного мира, провести сложную дипломатическую работу. Вашему народу нужен настоящий трезвомыслящий лидер, который найдет в себе силы, не поступаясь достоинством, начать переговоры с Вечным Императором.

— И Вечный Император видит в этой роли меня? Пустые надежды. Мне не хватит голосов для избрания — разумеется, если предположить, что я вздумаю выставлять свою кандидатуру.

— Предположим, что вы ее все-таки выставите, — сказал Стэн. Оба прекрасно понимали, что этим последним замечанием Пэстор открывал дорогу переговорам.

— Император видит ситуацию следующим образом. Самым популярным лидером ныне является леди Этего. Ей доверяют все. Однако у нее в Совете слишком много противников, и нужного числа голосов для избрания на пост главы Верховного Совета она не наберет. В итоге фракции придут к компромиссному решению: избрать кол-

лективный орган на место председателя. Скажем, Этего и представители всех ведущих фракций. Полагаю, что ваше имя непременно окажется в любом списке кандидатур. Вот второй вариант.

Пэстор согласно кивнул.

— А третий вариант?

— Третьего не дано, — сказал Стэн. — Но, честно говоря, я уверен, что из коллективного управления ничего не выйдет — в истории тому тысячи примеров. Это приведет лишь к роковым и дорогостоящим ошибкам. Каждый станет спихивать ответственность на других — и все застопорится. Еще как бы не закончилось гражданской войной.

— Согласен, — кивнул Пэстор.

— Тогда единственный разумный вариант — избрать леди Этего, — сказал Стэн.

Пэстор своим ушам не поверил. Разумеется, Стэн прав, коллегиальное правление ни к чему хорошему не приведет. Но с какой стати Вечному Императору горячо поддерживать кандидатуру человека, который имеет репутацию его самого непримиримого врага из всех таанских аристократов? Леди Этего маниакально привержена идее бескомпромиссной войны с Империей... И тут до Пэстора дошло. Именно вот такое достоинство в таанском лидере — или слабость, в зависимости от точки зрения, — было на руку Вечному Императору.

Это словно локализация раковой опухоли, которую затем будет легко удалить одним взмахом скальпеля. Этего очертя голову поведет таанский народ к окончательному и быстрому поражению. И тогда меч выпадет из ее рук. Власть перейдет в руки другого человека, который исповедует умеренные взгляды, — и Вечный Император уверен, что этим человеком станет Пэстор.

— Пусть он не думает, что я предатель, — твердым голосом произнес Пэстор. — Я не предатель. Вы должны утвердить его в этой мысли.

— Обязательно, — пообещал Стэн.

Вслед за этим он решительно отправился в тень кустов. Но прежде чем исчезнуть, обернулся.

— Ах, чуть не забыл. Как у вас со здоровьем?

— Прекрасно, — отозвался Пэстор, не понимая, куда клонит чертов посетитель.

— Вам стоит трезвее смотреть на собственное здоровье, — сказал Стэн. — Я бы на вашем месте сразу после выборов захворал — такой болезнью, которая требует длительного отдыха. Вам бы сейчас было полезно отойти от дел и сойти с линии огня.

Пэстор не успел еще как следует оценить странный совет, как Стэн бесследно исчез, зайдя за кусты.

Престарелый секретарь дочитал некролог, и они перешли к первому пункту повестки дня. Этего и Вичман озирались на других членов Совета, готовясь к яростной схватке между собой. Пэстор знал, что все переговоры за закрытыми дверями завершились ничем — компромисс найден не был. Предстояла открытая схватка. Пэстор велел своим сторонникам во время дебатов отмалчиваться, ни на чью сторону не становиться. Приказ — голосовать за несомненного победителя. Но несомненного победителя быть не могло. Как только Этего прокатят в первом туре, идея единоличного правления будет похерена и начнутся дебаты вокруг триумвирата — кто в него войдет.

К счастью, когда дебаты выдохлись, так и не выявив явного победителя, кто-то подбросил идею такие важные выборы проводить не электронными карточками, а открытым опросом. Поставили на голосование кандидатуру Этего.

Счет голосов начался с того конца стола, где сидела сама Этего и ее сторонники. Ее противники находились на другом конце стола. Первые девять «за» прозвучали быстро. Потом очередь дошла до Пэстора.

— Воздержался, — машинально произнес секретарь, отлично знавший позицию Пэстора. — Следующий.

— Простите, — возвысил голос Пэстор. — Я не высказался.

Секретарь уставился на него, озадаченный неожиданной репликой.

— Я не намерен воздерживаться, — сказал Пэстор. — Я голосую «за».

Его слова были как удар молнии — после громкого всеобщего «ах» все разом заговорили, осознавая важность происшедшего. Секретарь далеко не сразу восстановил тишину. Голосование продолжилось.

Голоса Пэстора и его фракции имели решающее значение. Исход выборов стал ясен, никто уже не осмелился голосовать против. Этего была избрана единогласно — и стала главой таанского Верховного Совета. Эта победа была такой внезапной, такой быстрой, что все члены Совета как-то разом повеселели — нельзя сказать, чтобы все были довольны, но скорбь по поводу кончины лорда Ферле отошла на второй план. Все зашевелились, пожимали друг другу руки, хлопали друг друга по плечу и поздравляли себя с мудрым и скорым политическим решением. У них есть предводитель. Они не обезглавлены перед лицом противника.

— Позвольте задать вам один вопрос, миледи, — спросил один из членов Совета. — Из имперских средств массовой информации нам известно, что маршал Ян Махони направляется во главе флота в Пограничные Миры. Он поклялся вернуть Кавите Империи. Что вы намерены предпринять? Или вы еще не готовы ответить на данный вопрос?

Этего стала в свой полный — немаленький — рост и вся преобразилась. Теперь казалось, что она стоит в сиянии ауры харизматического вождя. Истинная героиня, водительница народов.

— Пусть попытается, — отчеканила Этего. — Я бивала его в прошлом. Да, ему случалось бежать от меня поджав хвост. Я отняла и Кавите, и все Пограничные Миры, как он ни тщился остановить меня. И я радуюсь возможности покончить с этим жалким воякой!

Все вокруг поддержали ее восторженными криками. Только Пэстор промолчал и поднял руки, призывая к вниманию. Этего взглянула на него с плохо скрытой ненавистью. Даром что он так неожиданно поддержал ее во время выборов и, в сущности, вывел на председательское место, застарелая ненависть к нему кипела в ее жилах. Этего бесила мысль о том, какую цену запросит этот человек за свою помощь. Однако она заставила себя натянуто улыбнуться.

— Да, полковник. Вы что-то намерены сказать?

— Мне хочется спросить: отчего Вечный Император придает такое огромное значение Пограничным Мирам? На мой взгляд, они не являются ныне достойной стратегической целью. Вы уверены, что тут нет подвоха? Не планируют ли нас втянуть в какую-то авантюру?

— Разумеется, Император намерен втянуть нас в авантюру, — сказала Этего. — Он нарочно раздувает значение Пограничных Миров с тем, чтобы победа имперских войск в этом районе — стратегически никчемная — выглядела как великое свершение, как перелом в войне.

— И если мы позволим себе принять сражение на его условиях, — подхватил Пэстор, — не превратим ли мы его вздорные мечтания в реальность?

— Для этого им нужно разгромить нашу армию, — резко возразила Этего. — А я обещаю, что этого не произойдет. Однажды я уже доказала, что могу наголову разбить наглецов. И сейчас я повторю свой успех. Обратим пропагандистское жало операции против самого Вечного Императора.

Этими обещаниями леди Этего намертво связала себя — и целиком заглотила приманку. Теперь Пэстор до конца понял коварство Вечного Императора. Однако пред-

ложение Стэна о долговременной болезни все еще казалось ему глупым.

— Перейдем к следующему вопросу, — объявила леди Этего. — В мое распоряжение попал некий список, весьма важный список. Он был выкраден из секретных файлов имперской разведки.

Члены Совета воззрились на листок компьютерной распечатки, которым размахивала леди Этего. Казалось, она в чем-то обвиняет их всех.

— Здесь семьдесят две фамилии. Это таанцы. Предатели. И я требую немедленного расследования и чисток. Я желаю, чтобы связи каждого предателя были прослежены. Никакой пощады. Вырвем эту заразу на корню. Мы не должны останавливаться перед высокими постами изменников...

Пэстор в первый раз кашлянул — репетируя симптомы своей затяжной болезни.

ГЛАВА 48

У этого кафетерия — в просторечии «свинюшника» — было несколько преимуществ, незаметных для глаза простого обывателя. На взгляд обычного человека — ветхое малопривлекательное здание, бывший склад, превращенный в дешевый кафетерий, грязный и пованивающий, притом расположенный в бедняцком соуардском районе с очень дурной славой. Если желаешь получить удар ножом между третьим и четвертым ребром, то лучшего места не найти.

В общем-то правильное описание.

Но были у этого «свинюшника» и свои преимущества. Скажем, обслуживали здесь не автоматы, а живые люди, которые, впрочем, на все смотрели сквозь пальцы — лишь бы кровь за собой вымывали. Пиво стоило всего-навсего десятую часть кредитки, алкоголь — половину. И, разумеется, никакого акцизного сбора с этого спиртного в имперскую казну не поступало.

Здесь любого привечали: мужчина ты, или женщина, или какая непонятная инопланетная зверушка — сиди себе сколько хочешь. Достаточно взять кружку дешевого пива — и хоть полдня балдей, один или с товарищами, никто тебе дурного слова не скажет. Тут было самое место продать втихаря наркотик, спланировать, как обчистить какой-нибудь склад или чью-либо «хату». Да и просто приятно потереться в обществе, чтобы не тосковать в своих четырех стенах.

А в глазах Чаппеля у этого кафетерия было одно очень специфическое достоинство. Он мог спокойно часами глядеть через тамошнее окно на глухую бетонную стену соседнего здания и слушать голоса. Каждый день эти голоса сообщали ему очередную порцию разоблачений гнусной и несправедливой деятельности Вечного Императора.

Тут надо, справедливости ради, отметить, что люди Сулламоры еще несколько недель назад убрали проекторы направленного гипнотического вещания. Теперь Чаппель слышал голоса, так сказать, собственного производства, и истории, поведанные ими, были предельно захватывающими.

Несколькими днями раньше он вдруг понял, что обязан что-то сделать. Что именно — неясно. Единственное, что лезло ему в голову, — использовать еще одно преимущество кафетерия, его близость к Центру Демократического Воспитания.

Любая война, даже самая «справедливая», имеет своих противников. Оппозиция включает в себя разную публику: начиная от искренних и убежденных пацифистов, а также просто холодных голов, которым ой как не хочется подставлять свою грудь под пули — неважно, во имя каких идей, и заканчивая темной публикой, которая не успела вовремя оседлать конька ура-патриотизма и теперь ютится на обочине политики.

Вечному Императору приходилось постоянно следить за собственной службой безопасности, сдерживать ее рвение. Напоминать, что не является врагом народа всякий, кто думает или даже говорит вслух, что Вечный Император — кусок дерьма.

В теории все было прекрасно. Начальство службы безопасности покорно соглашалось с властителем. А вот на практике излишнее усердие встречалось на каждом шагу. Во время тяжелой войны свобода слова и прочие гражданские свободы не поощряются нигде и никогда. И тысячи подданных Императора попадали в концентрационные лагеря, как злостные диссиденты, лишь за умеренные высказывания вроде того, что Вечный Император вряд ли знает ответы буквально на все вопросы.

Центр Демократического Воспитания представлял собой оппозиционную силу особого рода. Это общественное движение сплотилось вокруг убеждения, что Вечный Император слишком жестко реагирует на происки Таанской империи и надо было решать конфликт мирным путем. До самой войны Центр даже лоббировал выделение государственных бюджетных фондов на создание таких же центров на территории Таанского Союза — для роста взаимопонимания и дружбы

между населением двух государств. Собственно говоря, добрые люди, затеявший этот Центр, верили в то, что достаточно оказаться на территории таанцев и начать открывать местному населению глаза на кастовость их общества и жестокость эксплуатации низших классов, как таанцы или потребуют реформ, или немедленно восстанут. К счастью, фонды так и не были выделены и, образно выражаясь, ни один из новых миссионеров не закончил жизнь в котле у туземных людоедов.

Таанские власти — будучи тем, чем они были, — бурно приветствовали создание Центров Демократического Воспитания до тех пор, пока они находятся на территории Империи. И старались максимально использовать в своих целях простаков из этих центров.

К этому времени остался один Центр — в Соуарде. Вокруг него, разумеется, роились таанские агенты. Но Центр тем не менее не закрывали, ибо Вечный Император приказал его не трогать — правда, скрипнув при этом зубами. Ведь, с другой стороны, в Центре, который притягивал всех подлинных диссидентов, было легко наблюдать за ними и просто держать до времени под колпаком, прослеживая связи. Поэтому Центр кишел также и агентами имперской разведслужбы. Имперская контрразведка никак не могла сообразить, что если бы не активная работа ее агентов и не ее тайная подпитка деньгами диссидентской организации, то Центр закрылся бы еще несколько лет назад — хотя бы потому, что его членов считали политически ненадежными субъектами, которых даже на место полотеров следует принимать с оглядкой.

Чаппель прослышал о Центре совсем недавно. Впрочем, сам он не помнил, каким именно образом. А информация об этой организации была включена в передачи через проекторы направленного гипнотического вещания. Не то чтобы Суллама желал видеть Чаппеля в рядах этой организации — просто, когда человек дозревал для прихода в Центр, можно было начинать четвертый этап его обучения «демократии».

Беда заключалась в том, что на поверку Чаппель оказался более смышленым парнем, чем следовало из его досье, где он рисовался мрачным идиотом, помешанным на работе. Даже при всей его наивности в голове Чаппеля мелькнула мысль, что в Центр могли проникнуть вражеские агенты. И если он войдет в эту роковую дверь, то выйдет прямиком к эшафоту. Зловредный Вечный Император воспользуется этим как предлогом, чтобы схватить Чаппеля, предать пыткам и уничтожить в одной из газовых камер, где, согласно голосам, он уже истребил миллионы людей.

Но иного выхода нет, решил Чаппель.

Ощутив, что рядом кто-то остановился, Чаппель подался назад на стуле и испуганно выставил кулаки. Не то чтобы он постоянно ожидал нападения со стороны кого-нибудь из посетителей «свинюшника» — нет, завсегдатаи быстро смекнули, что у этого странного парнишки много не украдешь. Впрочем, в его глазах опытные спорщики и драчуны сразу усматривали опасные искорки, которые подсказывали, что этого психа лучше не задирать.

Быстро подаваясь назад, Чаппель краем глаза отметил, что незнакомец тоже не из местных, такой же чужой в этом заведении, как и сам Чаппель. Возраста среднего. Седовласый. Костюм строгий и дорогой. Хотя Чаппель и выставил кулаки, незнакомец не смутился, не отступил. Оно и понятно — на вид он был мускулистый, а на шее выделялся длинный шрам. Бывалый человек. Такого с первого удара не положишь.

Незнакомец оглядел Чаппеля пристальным изучающим взглядом.

— А вы нездешний, — произнес он сухим тоном.

Чаппель не сразу нашелся, что ответить. А незнакомец неожиданно улыбнулся — вполне дружелюбно.

— Да и я ведь нездешний. Судя по всему, я попал в затруднительное положение.

И он без приглашения сел за столик — напротив Чаппеля.

— Как это ни смешно, я заблудился. — При этом незнакомец рассмеялся густым басистым смехом бонвивана, который знает, что жизнь полна всякого рода неожиданностей, но в основном неожиданностей приятных. — Я вообразил, что внутренний компас поможет мне сориентироваться в чужом городе. Увы, генерал-полковник Суворов, вы в который раз ошибаетесь!

Чаппель тихо ахнул:

— Вы генерал?

— Уже сорок лет. Служил в инженерно-строительных войсках — сооружал военные базы у черта на куличках, в отдаленных мирах. Теперь в отставке. Так что звание сохраняю как славное воспоминание. Слава Богу, чертова Империя не догадалась отнять у меня и звание. Но с нее станется. Глядишь, и отнимут.

Так или иначе, я новичок на Прайм-Уорлде. И возомнил, что могу разгуливать без карты. Вот и заблудился. Хотел спросить у кого-нибудь дорогу, но тут все такая публика, что мигом затащат в темный переулок и покажут дорогу на небеса. Вы первый порядочный человек, которого я вижу за последние два часа.

Чаппель несколько смутился.

— Я был бы искренне благодарен вам, — продолжал человек, назвавшийся генералом Суворовым, — если бы вы проводили меня до ближайшей станции пневмопоездов. Мне хочется побыстрее убраться подальше от этих трущоб.

Чаппель с удовольствие откликнулся на просьбу.

На станции Суворов посмотрел расписание и разочарованно протянул:

— О-хо-хо, как это характерно для здешнего бардака!

Судя по расписанию, в тот район, где Суворов снимал квартиру, поезд отправлялся только через час.

— Вот, полюбуйтесь на этих чинуш. Им не приходит в голову пустить побольше поездов в районы, где живут приличные люди. И это во время, когда экономят топливо и на улицах нет ни одного такси!

— Трудности военного времени.

— Знаете, Чаппель, конечно, негоже такое говорить совсем незнакомому человеку, но все же налицо типичный пример недальновидности нашего Императора.

Чаппель горячо кивнул.

— Впрочем, вам не с чем сравнивать здешний бардак, — продолжал Суворов. — Вот если бы вы глотнули воздуха свободы, которая царит на планетах Фронтира! О, там люди сами устанавливают законы, поэтому и законы у них — людские.

Однако и там сволочей хватает. Меня угораздило слишком громко высказать свое «фу» по поводу какого-то очередного глупейшего решения Императора, ну и пошло-поехало...

Считай, мне повезло. Только попросили уволиться в отставку по состоянию здоровья. И конфисковали в пользу армии агроферму, которую я построил на собственные денежки. Вот так я и очутился на Прайм-Уорлде. Воображал, что с моим послужным списком и доброй профессиональной репутацией мне будут все двери открыты. Хренушки. Я в черном списке и хорошей работы найти не могу. Сломали жизнь, душу вынули... А впрочем, извините, никому не интересно выслушивать чужой скулеж.

Поскольку Чаппель остался с Суворовым ждать поезда, то генерал самым естественным образом пригласил его отужинать в привокзальном дорогом ресторане. За столиком выяснилось, что Чаппель — бывший диспетчер самого лучшего космопорта. Суворов был приятно удивлен.

— Я в жизни много чему научился. Когда застраиваешь необитаемые миры, приходится многому учиться. Но работа диспетчеров меня всегда поражала — это ж каким умницей надо быть, сколько всего разом в голове держать и как быстро реагировать! — Суворов сделал паузу, потом

спросил: — Не люблю лезть в чужие дела... Однако разрешите полюбопытствовать, что вы делаете в этом убогом районе? Если не хотите — не отвечайте.

Чаппель, разумеется, ответил. И поведал свою историю во всех подробностях.

Суворов пришел в ужас.

— Да-а, — протянул он, — ноешь, что у тебя нечего на ноги надеть, только до тех пор, пока не встретишь человека на протезах... С вами поступили действительно по-скотски.

И он заказал еще бутылку вина.

Чаппель, бывший трезвенником еще тогда, когда у него водились деньги, не очень налегал на вино. Суворов тоже.

— Знаете, — сказал Суворов за десертом, — я в жизни только об одном сожалею — что не было у меня сына. Вот умру — и имени некому передать... Но ничего, проклятый Император позаботится, чтоб я недолго по свету бродил.

Они выпили по стопке бренди, и Суворов расплатился.

Когда они вышли из ресторана, генерал рассыпался в извинениях перед Чаппелем. И как это его угораздило напоить своего проводника и нового друга! Да как же молодой человек вернется к себе домой в столь поздний час, и в таком состоянии и по такому опасному району! Нет, Чаппелю лучше переночевать у него. Да в квартире, которую генерал снимает, можно целый взвод на ночлег устроить!

Отяжелевший от еды и выпивки, Чаппель недолго спорил. И на следующий день вышло как-то так, что он не стал спорить, когда Суворов предложил своему новому знакомому пожить у него.

— Я думаю, мне еще не раз понадобится проводник на этой планете — а ты ее знаешь вдоль и поперек. К тому же с тобой приятно поболтать, сынок. И все, что ты открыл мне про Императора, — это чертовски интересно. Как говорится, век живи, век учись.

Через шесть недель Суворов подарил Чаппелю виллиган — и показал прежде опечатанный тир в подвале особняка, где можно было потренироваться в стрельбе.

ГЛАВА 49

Одномерному сознанию леди Этего соответствовали и ее спартанские апартаменты, они же и штаб-квартира. Мебели было мало, и вся она была неудобной. Тут не расслабишься, не отдохнешь, медленно не побеседуешь. Об-

становка располагала к стремительному обсуждению и быстрому принятию решений. Адъютанты являлись с докладами, переминались с ноги на ногу или, если получали позволение, садились на краешек жесткого стула и, нервно ерзая, выслушивали приказы и короткие комментарии, а затем поспешно удалялись, пропуская других посетителей, которые тоже не задерживались.

Единственным украшением ее стола был вставленный в рамку небольшой листок факса от Вечного Императора — с уже поблекшим текстом. Она держала это не как реликвию, а для того, чтобы постоянно иметь в фокусе зрения объект своей ненависти. Этего была бы, очевидно, несколько удивлена, узнав, что и ее противник сделал нечто подобное: ее фотография недавно сменила фотографию лорда Ферле на рабочем столе Вечного Императора.

На черной стеклянной стене позади Этего имелась огромная, постоянно изменяющаяся электронная карта Галактики с указанием успехов и неудач на фронтах. Позиции имперских войск были отмечены красным, таанских — зеленым. В последнее время зеленый цвет кое-где существенно потеснился — красный выдавливал его преимущественно в районе Пограничных Миров. Даже Эрибус, который находился у черта на рогах и был превращен, благодаря личным усилиям леди Этего, в совершенно неприступную секретную крепость, теперь целиком находился под надежным контролем вражеских войск.

В любую эпоху леди Этего была бы причислена к числу виднейших полководцев, если не к числу военных гениев. И после гибели лорда Ферле она снова и снова рассматривала звездные карты, отчаянно ища место для нанесения мощного и неожиданного удара, который повернет ситуацию вспять.

Хотя Этего никогда не слышала о Наполеоне, она бы горячо одобрила его решение высадиться в Египте, имея при себе тридцать пять тысяч солдат, — казалось бы, несуразно далеко от основного театра военных действий. И была бы искренне огорчена, узнав, каким фиаско закончились его попытки опрокинуть Великобританию с помощью десанта в Ирландии. Сами замыслы были блистательны, да вот исполнение подвело. И, как многих великих полководцев, ее угнетали детали — как все повернется в реальности, не подведут ли исполнители? Единственное, что было для нее яснее ясного, так это то, что потребуется серьезная подготовка перед ударом, где бы он ни был нанесен. Ибо ей нужна только победа. Лишь победа поможет нации воспрянуть духом.

Усугубляя подавленное состояние леди Этего, вокруг шныряли адъютанты, что-то тявкали, обращали

ее внимание то на одно, то на другое и все время настоятельно призывали ее подумать о расходах, связанных с каждым проектом. А по утрам наседали, среди прочих, и финансовые советники, которые скулили, что денег в казне нет, время очередных выплат союзникам и нейтралам снова пропущено.

— Пусть они подождут, — возмущенно огрызалась Этего.— Я не слыхала ни об одном банкире, который требовал бы возврата денег от Вечного Императора. А эта война обходится ему раз в пять-шесть дороже, чем нам.

— Есть разница, — возразил один из финансовых советников. — Вечный Император всегда в итоге возвращал долги. А у нас такой славы нет. И, кстати, он сражается на деньги, занятые под три процента. А мы — под пятьдесят процентов.

Леди Этего не знала, как отреагировать: приказать тут же казнить наглого советника или расплакаться навзрыд, даром что таанцы не отличаются плаксивостью. Ее солдатскую душу ранило то, что такой великий конфликт может свестись к борьбе кошельков и тощий кошелек потерпит поражение. Проклятые деньги! Но те же финансовые советники принимались утешать ее и твердили, что еще не все потеряно.

После битвы за Пограничные Миры — если она закончится таанской победой — они смогут занимать деньги под меньшие проценты, да и желающих финансировать их найдется куда больше. А пока что единственное, что остается, так это конфискации, усиленная экономия, распродажа всего ценного.

Да только ее советники умалчивали, что конфисковывать и распродавать почти нечего. В домах простых таанцев налоговые инспектора, уже не находя ничего ценного, снимали пластиковые перегородки, чтобы использовать как вторсырье.

Таким образом, не имея возможности энергично действовать ни в одном направлении, леди Этего направила все свое внимание на проблемы внутренние. Если нельзя вести масштабные военные действия, тогда она займется приведением в порядок собственного дома. Первым в списке неотложных домашних дел был заговор в армии — те самые семьдесят два предателя. Она занялась этим с холодным ликованием.

Таанская полиция уже схватила заговорщиков. Теперь хватали друзей и знакомых этих семидесяти двух мерзавцев. И с каждым днем находились все новые связи, всплывали новые имена и арестовывались новые люди. Леди Этего осознавала, что некоторые из попавших под чистку ни в чем не виноваты — просто имеют врагов, которые нашли предлог расправиться с ними. Но это ее не останавливало — лес рубят, щепки летят. Кроме того, у нее имелся

список доносчиков. Она уже приказала арестовать и некоторых рьяных стукачей. Набивая тюрьмы и лагеря, утверждая расстрельные приговоры военного трибунала, леди Этего на время отвлекалась от мрачных мыслей о временной неэффективности военных действий таанской армии. Так что репрессиями она занялась с жаром.

Лорда Вичмана она приняла в своих апартаментах именно в таком приподнятом настроении — сияющая, вдохновенная. Приветствуя ее, он невольно посокрушался: как жаль, что телекамеры во время выступлений Этего не способны донести до народа все ее обаяние, которое так мощно воздействует при личной встрече. Красивая, чувственная — и одновременно сгусток страшной энергии. Каждый миллиметр ее женственной, но вместе с тем монументальной фигуры являет взору подлинную героиню таанского народа. Достаточно было видеть ее, быть рядом с ней, чтобы понять всей душой, что нынешние трудности преходящи и победа достанется тем, кто ее заслуживает по справедливости.

Лорд Вичман явился, дабы помочь Этего каленым железом выжигать крамолу. Вичман принес собранные Ло Преком досье на инакомыслящих — тот накопил неимоверное количество материала о коррупции и преступлениях против народа.

Ло Прек изучил тысячи рапортов полицейских и агентов спецслужб и пришел к выводу, что Хиз захлестнут волной преступности и гнусного инакомыслия. Более того, в составе многих преступлений, которые казались на первый раз простеньким хулиганством, он учуял политические мотивы, ниточки, ведущие к важным коррумпированным сановникам. Что многие обвинены облыжно, значения не имело, ибо Ло Прек смотрел в корень, повсюду обнаруживая происки вражеской разведки. Оказывалось, что за уголовными преступлениями также стоит имперская разведка. В столь критической ситуации, когда виновен каждый пятый, арест нескольких невиновных уже не смущал.

Ло Прек проявил удивительные сыскные способности. Он доказал Вичману как дважды два, что Стэн не просто стоит за кулисами антиправительственного заговора, а лично возглавляет его. Тут Вичман все же позволил себе не поверить и решил до времени утаить эту информацию от леди Этего. Когда Ло Прек отчеканил все свои выводы, Вичман в душе усмехнулся: эк ты, однако, хватил! Одержимый, он и есть одержимый.

Вичман верил в происки имперской разведки, но не верил, что за всем плохим в Таанской империи стоит мифический Стэн. Впрочем, если ловля Стэна под-

стегивает служебное рвение Ло Прека — Бога ради. Ло Прек, конечно же, чокнутый, но из этого отнюдь не следует, что он дурак.

Пока леди Этего со все возрастающим энтузиазмом читала принесенные материалы, Вичман поздравил себя с прозорливостью — он верно поступил, когда принял Ло Прека в свою организацию.

— Это именно то, что нам нужно, милорд, — сказала леди Этего. — Я ценю вашу преданность делу. Если бы и другие... Должна признаться, меня разочаровывают даже некоторые члены Совета. Они норовят делать только самое необходимое. И ничего по своей инициативе не предпринимают. Не желают напрячься как следует в столь трудный для отчизны час! Порой мне кажется — они ждут, что я в одиночку выиграю им эту войну.

Вичман самодовольно выпрямился, но тут же счел нужным произнести несколько невнятных слов в защиту коллег. Леди Этего остановила его нетерпеливым взмахом руки.

— Возьмите, к примеру, Пэстора, — процедила она. — Он практически отошел от дел. Да, я знаю, он болен, но... Разумеется, я ему безмерно благодарна за поддержку. К тому же он продолжает вести интенсивную работу в Колдиезе. Успех его плана даже несколько удивляет. Я лично никогда не одобряла этот план. Однако, как ни странно, пленные — трусы и неженки — работают неплохо. Согласно последним цифрам, они перевыполняют производственные нормы.

Сведения, на которые она ссылалась, были подсунуты ей через Стэна и «Золотого червя» Вирунги. Фальшивые цифры скрывали тот факт, что заключенные работали из рук вон плохо, а после того, как в Колдиез привезли высокопоставленных пленных, дела пошли еще хуже.

Мысли о Колдиезе омрачали настроение Вичмана. Делу не помогало то, что люди, которых он заслал туда, хоть и с большими оговорками, но подтвердили ту благоприятную информацию, что так поразила леди Этего. И тем не менее он был твердо убежден в том, что под его руководством пленных в лагере Колдиез использовали бы с куда большей эффективностью. Особенно теперь, когда там собраны самые видные из военнопленных — сановники, высшие офицеры. Порой во сне ему представлялось, что бы он сделал с этой мразью, будь он комендантом лагеря. Что конкретно снилось, он забывал, но просыпался с приятным чувством морального удовлетворения.

Леди Этего вернула ему отменное настроение следующей своей фразой:

— Надеюсь, я и впредь смогу целиком и полностью полагаться на вас, милорд.

Вичман что-то проклекотал, однако стремительная Этего уже не прислушивалась. Она постучала пальцами по докладу Ло Прека.

— Мне бы хотелось, чтобы вы лично возглавили эту операцию. До настоящего момента результаты чисток меня мало удовлетворяют. Похоже, слишком много негодяев уходит от ответственности. У сети слишком крупные ячейки. Я все больше и больше не доверяю исполняющим мою волю чиновникам. Информация, собранная вашим человеком, лишь подтверждает, что у меня есть на то основания. Вполне возможно, что за неуспехами кроется нечто большее, чем простая лень и бездарность чиновников.

Вичман от растерянности не находил слов. Он был захвачен вихрем эмоций. Подумать только, его усилия одобрены такой героической личностью, как леди Этего! Он с радостью принял новые обязанности. Одновременно в дальнем углу сознания брезжила мысль: огромную власть он нынче получает!

Пока он справлялся с бурей чувств и искал достойные слова благодарности, Этего перескочила к новой мысли.

— Но одной вещи здесь не хватает, — сказала она, складывая папку с докладом Ло Прека. — В этом докладе есть недоговоренность. Некая ниточка оборвана. Как будто все ведет к чему-то, но в последний момент останавливается.

Леди Этего была совершенно права. Лорд Вичман аккуратно извлек из доклада ту часть, где утверждалось, что все нити заговора сходятся к одной персоне, а именно — к Стэну. Вичман сделал глубокий вдох и пустился в объяснения. Он сказал, что его сотрудник, Ло Прек, воображает, что за всеми этими темными делами стоит человек, когда-то убивший его брата. Леди Этего слушала внимательно и кивала.

— Кто этот человек, убийца его брата? — наконец спросила она.

Вичман назвал его.

Леди Этего нахмурилась. Имя казалось знакомым.

— Стэн? — переспросила она. — Вы имеете в виду командора Стэна?

Вичман подтвердил, удивленный тем, что она знает военный ранг Стэна. Однако не осмелился задать вопрос, потому что в следующий момент на ее лице появилось отсутствующее выражение, будто леди Этего пыталась что-то припомнить.

«Форез» изрыгал огонь. Стреляли из всех орудий, чтобы наконец уничтожить «Свампскотт». Леди Этего из-за плеча адмирала Деска зачарованно наблюдала за тем, как

вроде бы почти разрушенный линкор продолжал отстреливаться. Орудия и ракеты адмирала Деска работали без устали, как остервенелые молоты, гвоздили снова и снова — отлущивая все новые и новые секции «Свампскотта». И при этом «Свампскотт» продолжал бой, продолжал отстреливаться. Согласно радиоперехвату, командовал вражеским кораблем некий Стэн.

Казалось, Деска уже покончил с противником очередным залпом, но тот упрямо не сдавался. А потом в эфире раздался насмешливый голос: «Ну, как поживаешь, киска? Получай приветик». Она так и не узнала, что это был голос помощника командира — Алекса Килгура. Из разорванного чрева «Свампскотта» внезапно вылетели две ракеты «Видал». И через секунду «Форез» тряхнуло от мощного взрыва. Что-то тяжелое сорвалось со стены и размозжило череп адмирала Деска. Он рухнул на леди Этего, она упала, ударилась головой и потеряла сознание... Придя в себя, велела отрядить экспедицию на остатки «Свампскотта» — чтобы узнать имена всех погибших и живых. И лично убедилась, что Стэн погиб.

— Да, этот ваш человек с причудой, вы правы, — наконец сказала Этего Вичману. — Стэн мертв. Я лично убила его.

Потом она что-то припомнила и произнесла почти шепотом:

— Дважды.

— Простите, миледи?

— Дважды. Я как-то убила его, но потом он вернулся. И тогда я убила его снова.

Этего содрогнулась, словно отгоняла призрак.

Мгновение спустя она уже провожала Вичмана к двери. Он ушел — по-прежнему горя энтузиазмом по отношению к своему кумиру. Однако он не мог не задуматься, помня о последней фразе разговора, что за демоны смущают ночной сон леди Этего.

ГЛАВА 50

Стэн вжался в землю за бугорком, который был единственным, хоть и жалким прикрытием. Справа и слева на сто метров тянулось совершенно ровное пространство. Луч тюремного прожектора медленно полз по голой местности, разгоняя густые ночные тени. Стэну показалось, что этот луч остановился на нем, прежде чем двинуться дальше. В голове завихрились сумасшедшие мысли: а вдруг заложили? А что, если сейчас вспыхнет десяток направленных на него прожекторов, и из темноты выскочит дюжина таан-

ских охранников, которые схватят его и уволокут в Колдиез, где он годами будет гнить в одиночке, где его будут время от времени пытать и в конце концов казнят?

Чтобы взять себя в руки, Стэну пришлось прочитать мантру, как учили в отряде «Богомолов». И действительно, пульс замедлил свое бешеное биение, да и дышать стало легче.

Луч прожектора полоснул по нему и заскользил дальше. Стэн поднял голову и сторожко всматривался в темноту. Он мысленно прошелся по взгоркам и уклонам, которые вели на задворки лагеря, где и находился его тайный ход. Потом направился туда короткими бесшумными перебежками. По дороге ничего не случилось.

Однако перед тем, как отвалить камуфляж, прикрывавший дыру в земле, и нырнуть в туннель, Стэн невольно задержался, скованный ужасом. Казалось, все тело покрылось гусиной кожей. Но он пересилил страх, юркнул в дыру и быстро пропол по туннелю к подземным катакомбам тюрьмы. Добро пожаловать в лагерь!

Алекс отчаянно протестовал против задумки Стэна вступить в личный контакт с Вирунгой. Однако Стэн заверил друга, что операция проще простого — и он обернется к рассвету. Одна нога здесь, другая там.

— Да ты совсем свихнулся, приятель, — сказал Алекс. — Как же я пропустил начальные симптомы! Я же тебе рассказывал, чему учила меня в детстве моя милая мамочка. Первое: никогда не садись играть в карты с незнакомым джентльменом или с незнакомой леди... — Тут Килгур одарил Сент-Клер полномерной сверхобаятельной улыбкой. — Второе: никогда не ешь в месте, которое называется «У Кэмпбеллов». Третье: избегай комнаты с железной решеткой!

«Эх, черт! — думал Стэн. — Старина Килгур был как всегда прав. Надо же: заглянуть на часок-другой в Колдиез!» Кровь стыла в его жилах при одной мысли о каменном мешке, в который он может угодить. И когда он окончательно решил повернуть назад и дать деру, пока Бог бережет, он услышал звук шагов. Таанский часовой.

Не надо было отдавать телу приказ: замри! Стэн и без того примерз к месту. Через полсекунды сработала выучка. Стэн проворно повернул голову и быстро скосил глаза — как хищник на охоте. Чтобы узнать повадки дичи, наблюдать за ней нужно только вот так — искоса. И принимать решение до того, как встретишься взглядом со своей жертвой.

Стэн просчитал, что часовой пройдет примерно в полуметре от его головы. Часовой шел медленно — вяло шлепая подметками.

Он или плохо обучен, или страдает ленью или непроходимой тупостью. А может быть, это женщина-надзирательница. Хлясь-хлясь, хлясь-хлясь — часовой приближался, что-то напевая. По мере его приближения Стэн узнал мелодию — песенка про разлученных войной влюбленных, которая популярна среди низших классов, но часто звучит и в заведении Сент-Клер.

Тут на его пальцы — убрать руку он уже не успел — внезапно надавил сапог. Стэну хотелось выдернуть пальцы, но он удержался. А часовой, как назло, именно в этот момент остановился — прямо на пальцах Стэна, надавив на них всем весом тела. Более того, насвистывая, он немного повернулся на каблуках и опять замер, не сходя с пальцев Стэна.

Затем охранница — теперь Стэн разобрался, что это была женщина — что-то решила, двинулась дальше и через несколько шагов остановилась. Стэн поднял раздавленные руки — пальцы плохо слушались.

Но теперь охранница была повернута к нему спиной. Он вытянул шею и увидел поблизости что-то большое и белое. Голая задница!

Журчащий звук безошибочно подсказал, чем занята охранница. Пока она поднималась и оправляла юбку, Стэн поджал пальцы, и кинжал выскочил ему в ладонь. Соприкосновение с прохладной рукоятью действовало на нервы успокаивающе. И тут он уловил, как охранница испуганно дернулась. Он обнаружен! Стэн немедленно бросился на нее, словно морской хищник, который внезапно — с фонтаном брызг — выпрыгивает из воды.

Онемевшие пальцы одной руки впились в глотку охранницы, а рука с ножом нацеливалась ей в живот. В эту сотую долю мгновения Стэн различил лицо охранницы. Совсем юная, не старше шестнадцати. И стройненькая — нет, худая. Такая худая, что выглядела несчастным воробушком в просторной шинели. Ее предсмертно расширившиеся простодушные глаза были полны животного страха. Ребенок, но ребенок, который обречен умереть.

Не жалость, а осторожность Стэна спасла жизнь худенькой девчушке. Стэн мигом сообразил, что у него не хватит времени спрятать тело, и поэтому в последнее мгновение так и не вонзил нож под ребра охраннице. Вместо этого он дал работу своим онемевшим пальцам — прежде чем девчушка закричит и всех переполошит. Он надавил на сонную артерию охранницы и подхватил ее легкое тельце, когда она стала падать, мгновенно потеряв сознание. Потом осторожно положил ее на пол и проворно сделал ей укол быстродействующего снотворного.

Когда при следующем обходе сержант найдет ее спящей на холодном полу сном праведницы, он устроит настоящий трамтара-рам. Разумеется, изобьет ее в кровь за сон на посту. Однако что значат несколько сломанных ребер против вывернутых из живота и поблескивающих в свете звезд кишок!

Стэн убедился, что юная охранница лежит на полу в удобной позе, а затем двинулся прочь. В его голове навязчивым эхом отдавалась мелодия песенки, которую совсем недавно напевала эта девчушка.

Кресло обиженно скрипело под трехсоткилограммовым Вирунгой, когда он весело ерзал, выслушивая принесенные Стэном военные новости. Хотя Стэн старался рисовать не слишком радужную картину, он не мог не рассказать обо всем, что вселяло оптимизм, ибо н'ранья изголодался по обнадеживающим новостям.

Впрочем, о большей части своей деятельности на Хизе Стэн воздержался рассказывать, ограничился лаконичными сообщениями о главном. Но уж если что-то рассказывал, то позволял себе слегка приукрасить действительность, ибо знал, что Вирунга, передавая его истории друзьям, отберет только насущно необходимое.

В данный момент Стэн рассказывал своему бывшему командиру о приключениях Сент-Клер и Л'н — привирая совсем немного.

— ...и вот генерал Ланга кутит с парой своих адъютантов и дюжиной проституток женского и мужского пола, а тут — дзинь-дзинь — звонок. Государственной важности! Совершенно секретный! Гарантировать полную конфиденциальность! Ну, генерал, естественно, приказывает всей компании мигом выметаться, переключает свой телефон на суперсекретный канал со всякими электронными прибамбасами, которые исключают прослушивание, — и не успел пьяный рыгнуть, как генерал уже на связи с приемной самой леди Этего.

Ее адъютант все перепроверяет. С вами будет говорить леди Этего. Все ли в порядке? Нет ли любопытных ушей в платяном шкафу? Генерал лезет в шкаф, заглядывает под кровать и за занавески. Нет, говорит, все чисто. И тогда трубку на том конце берет Этего и приказывает генералу поднять свою жирную сановную задницу и сломя голову лететь в Приграничье, потому как там планируются большие дела.

Генерал, конечно же, слегка ерепенится. Дескать, дел накопилось, так сразу не получится. А на самом деле ему просто не хочется, чтоб его вышеупомянутая жир-

ная сановная задница шлепнулась на самое горячее место во всей Галактике. Норовит увильнуть.

Начинают они препираться. «За» и «против». Потом про то, какие корабли задействовать и куда двигаться. Короче, не отвертелся генерал. Одного бедолага не учел — что каждое словечко его разговора слышали чужие уши!

— В комнате... стоял... тайный... микрофон, — со знающим видом произнес Вирунга.

— А вот и нет! — возразил Стэн. — Эта комната служит постоянным местом генеральских развлечений. Так что его ребята и до и после его прихода проверяют каждую пядь на предмет «жучков».

— Тогда... как же?

— Л'н! — ответил Стэн. — Она слышала весь разговор. Все время, пока генерал разговаривал по телефону, она лежала в уголочке — свернувшись клубком. Прямо на виду. Генерал-то принимает ее за обыкновенное домашнее животное. Этакий крупный розовошерстный кот.

Вирунга в который раз рассмеялся. Но осекся и спросил встревоженно:

— Ты... уверен... что это... не вредно... для нее? Л'н... такая...

На сей раз он говорил прерывисто не из-за физиологических трудностей, а из-за нехватки словарного запаса для обозначения тех безобразий, которые Л'н приходилось ежедневно видеть в таком вертепе.

— Невинная? Застенчивая? Чувствительная? — попробовал подсказать Стэн.

Вирунга закивал.

— Вы не поверите, — сказал Стэн, — но от ее застенчивости и зажатости и следа не осталось. Она сделала головокружительный прыжок из Колдиеза на свободу и благополучно приземлилась на все свои четыре очаровательные маленькие лапки. Даже Мишель — я имею в виду Сент-Клер — диву дается, как расцвела Л'н. Теперь у нее лексикон портового грузчика. Или профессионального грабителя. От нее только и слышишь «чувак», «балдею», «не гони волну», а «дерьмо» и «засранцы» у нее в каждой фразе.

Вирунга удивленно заахал. Рассказы Стэна он впитывал буквально всеми порами. Проведя несколько лет в плену, Стэн отлично понимал, что уже через несколько дней вирунговская эйфория, вызванная ворохом услышанных новостей, спадет и сменится глубокой депрессией. И высокие стены Колдиеза станут давить еще пуще. А потом Вирунга — вместе со всеми, кому он передаст рассказы Стэна —

станет скорбно ворочать в голове мысль: выйдем ли мы когда-нибудь на свободу или обречены сгнить в этой дыре? И велика вероятность того, думал Стэн, что именно пессимисты окажутся правы. Даже будучи уверен в скором конце войны, Стэн отлично понимал, что всякое может случиться с заключенными в смутные времена перед капитуляцией.

Правда, был один план на этот счет — план, который мог сделать больше, чем просто разогнать хмарь депрессии, не только спасти жизнь максимальному числу военнопленных, но и обеспечить хотя бы небольшое подспорье имперскому десанту, который будет брать Хиз.

Разумеется, пятой колонны не получится — об этом мечтать не приходилось. Но пятый туз, припрятанный в рукаве... И есть надежда, что карта ляжет в правильную сторону и в нужный момент.

«Нет, положительно я стал думать, как Мишель — то бишь Сент-Клер — с ее чертовым казино... Ах эта Мишель!— будто чертик из ящичка, выскочили воспоминания о жарком теле. — Такая ладная фигурка. Мягкие нежные пальцы. Еще более мягкие губы. И этот ласковый шепоток в ухо... Нет, прекратить, командор. Или точнее — адмирал. Сосредоточься на деле. Помни, что ты теперь военный высочайшего ранга».

И все же адмиралу Стэну пришлось спрятать неуместно похотливую улыбку и нервно закинуть ногу на ногу. К счастью, Вирунга перебил его игривые мысли.

— Как... название... казино... Мишель... то есть Сент-Клер? Повтори?

Стэн пристально посмотрел на Вирунгу. Неужели он догадался? Но большое бровастое лицо сохраняло непроницаемый вид.

— Сакс-клуб. Почему вы спрашиваете?

— О... я просто... не ожидал... от молодой женщины... такой... любви... к музыке.

— А я не знал, что вы любите музыку, — удивленно заметил Стэн.

— Любил... Но теперь... уже не могу... больше... наслаждаться. — Вирунга похлопал себя по ушам. — Музыкальный слух... потерял. Старый... артиллерист. Обычное... дело. Гром... пушек... убил... тонкий... слух. А молодым... наслаждался... музыкой. И даже сам... играл. — Он сделал вид, что играет на воображаемом инструменте. — Немного. На саксофоне. Не на электронном. На обычном... саксе. С настоящими... клапанами. Как он... звучал! Не передать!

Какое-то время Вирунга задумчиво молчал — словно слыша жалобные причитания саксофона сквозь грохот тысячи орудий.

Надо сказать, что в Колдиезе произошло много перемен с тех пор, как Стэн впервые беседовал с Пэстором. Начать с того, что тюрьма очень быстро заполнилась до отказа разного рода видными военнопленными — от офицеров высшего ранга до дипломатов. Прибыло даже несколько губернаторов целых звездных провинций, которые по каким-то причинам угодили в плен. Таанцы рьяно складывали все свои золотые яйца в одну корзинку с прочными каменными стенами.

Слова Стэна насчет деликатного обращения с военнопленными Пэстор воспринял как руководство к действию. При переводе пленников в Колдиез он прибавил к их числу несколько своих верных агентов, которым было велено наблюдать за действиями охраны и докладывать о том, как обращаются с заключенными. Внедрил своих людей и в администрацию лагеря. С начальством он лично провел беседу, приказав строжайшим образом соблюдать все международные нормы обращения с военнопленными — подписав соответствующие договора, Таанский Союз никогда не соблюдал ни дух, ни букву этих законов, поэтому тюремщикам пришлось долго втолковывать, что означает обращаться с заключенными по-человечески. Накачка, последующий нажим и проверки были настолько строгими, что даже Авренти и Генрих — в особенности Генрих — и пальцем боялись тронуть заключенных.

Вдобавок ко всему Пэстор устроил себе офис в Колдиезе и взял за правило время от времени приезжать с неожиданными инспекциями. Во время этих наездов замеченные в грубом обращении с заключенными подвергались разносу в офисе Пэстора, а кое-кто был незамедлительно уволен со службы и послан на передовую.

Но с питанием заключенных возникали большие трудности. Экономическое положение Таана было близко к полной разрухе, и Держину было крайне сложно удерживать дневной рацион питания заключенных на сколько-нибудь сносном уровне. Возникали проблемы с охраной — платили мало, кормили плохо, и охранников не хватало. Приходилось нанимать или стариков, или юнцов. Плохое питание сказывалось на моральном духе охраны. Пленников кормили лучше, чем охранников, что тоже возбуждало ропот тюремщиков: что за жизнь? Хотя бы в морду можно было дать этим вражеским выродкам! А то и это не позволено!.. Запасы еды и разных вещей, найденные Кристатой и Стэном в катакомбах, позволяли заключенным не только подкармливаться са-

мим, но и подкармливать охранников, а также давать им щедрые взятки, дабы получать разного рода поблажки.

Для полуграмотных и необученных таанских охранников, голодных и затурканных начальством, заключенные мало-помалу стали ближе тюремной администрации. Случись в лагере бунт, большинство охранников могло бы инстинктивно выступить на стороне заключенных. Разве не заключенные их кормили? Разве не от них они имели в месяц больше денег на содержание своих семей, чем от правительства за год?

Кроме того, даже Этего хватало разума считать, что никакая полиция не сможет подавить слухи о близком конце войны — и не в пользу таанцев. Подобно Четвинду, многие охранники подумывали о своей дальнейшей судьбе и хотели добрым отношением к пленным подстраховаться на случай будущих потрясений.

Таким образом, в атмосфере веяли добрые ветры. Но как бы не случилась какая-нибудь мерзкая чертовщина, когда Таанский Союз будет действительно при последнем издыхании. Вот почему Стэн счел нужным рискнуть своей шкурой, пробраться в Колдиез и обговорить ситуацию с Вирунгой. Тот должен быть во всеоружии, когда наступит решающий момент.

Стэн рассказал Вирунге, что Соренсен был боевым компьютером отряда «Богомолов», и передал ему кодовое слово, активирующее Соренсена. Теперь Гааронк будет дублирующим компьютером. Что до того, как конкретно использовать Соренсена...

— Вы когда-нибудь поднимались на стены, чтобы следить за окрестностями? — спросил Стэн.

— Несколько... раз. Трудно... с моими ранениями, — сказал Вирунга, покрепче сжимая свою трость.

— Когда вы смотрите на город, что вы видите?

Вирунга рассмеялся.

— Недавно... большие... дыры... в земле. Наши бомбардировщики... поработали... хорошо!

— Согласен, — сказал Стэн. — Но я имел в виду не это. Я спрашиваю вас как бывалого артиллериста. Что вы замечаете, когда глядите на город?

Гигантские брови Вирунги заходили ходуном, глаза почти скрылись под ними. Потом он снова рассмеялся — на этот раз саркастическим, лающим смехом.

— Колдиез... господствует... над городом, — сказал он.— Если бы... у меня... здесь... были пушки...

Тут он даже смежил веки, представляя, как снаряды будут падать на Хиз. Снаряды его орудий. Вирунга

мигом очнулся от грез, однако Стэн заметил азартный блеск в глазах полковника. Да, тюрьма находилась на возвышенности, и отсюда можно было предельно эффективно обстреливать город. Но ведь в катакомбах хранилось достаточно оружия!

— Я... могу... добыть... пушки. Правда... они... очень устарели... и в плохом... состоянии. Я... постараюсь привести в порядок.

Вирунга посмотрел на Стэна — и в его взгляде сквозила решимость.

— Когда? Скажи... мне... только... когда?

Стэн подошел к огромному н'ранья — этакой мохнатой глыбине — и дружески похлопал его по плечу.

— Я сообщу точную дату. А пока готовься.

Вирунга лишь солидно кивнул. Но Стэн видел, что в своем сознании Вирунга уже командует батареей и снова наводит пушки на цель.

ГЛАВА 51

Стэн ускользнул из Колдиеза незадолго перед рассветом. Как и было запланировано, он спрятался в руинах вокруг старого монастыря и дождался, когда из пригородных трущоб потянутся на заводы толпы сонных рабочих. Две группы пришлось пропустить. Костюм на нем был не то чтобы дорогой, но уж очень не похож на полулохмотья этих работяг, вкалывавших, очевидно, на какой-нибудь красильной фабрике. Третья группа состояла из рабочих, одетых поопрятнее и не так нищенски. К ним и присоединился Стэн. Прислушавшись к разговорам, он сообразил, что это работники фармацевтического и оружейного заводов.

К тому времени, когда его попутчики проснулись в достаточной степени, чтобы спросить себя, что за незнакомец затесался в их ряды, они уже достигли центра города и Стэн благополучно смешался с толпами тех, кто спозаранку вышел отоваривать продуктовые карточки.

По дороге он купил сомнительного вида кусок жаркого — лучше, впрочем, не достать — и не спеша двигался в густой толпе прохожих в сторону Шабойи и Сакс-клуба. Еще два поворота, одна улица — и он будет дома и сможет наконец заморить червячка.

Вдруг толпа перед ним затопталась на месте, зло загудела. Прежде чем Стэн успел сообразить, что происходит, толпа вынесла его на следующую улицу, перекрытую

цепью зеленых полицейских мундиров. У Стэна сердце упало, потом подскочило, и он стал пробиваться обратно — работая локтями, отдавливая кому-то ноги и не успевая огрызаться. Однако и та улица, по которой он пришел, уже была блокирована цепью таанских полицейских. Облава!

Дородные полицейские наступали на толпу, помахивая дубинками, пряча лица за темными щитками шлемов. Толпа примолкла. Это молчание показалось Стэну странным. Потом оно сменилось вскриками тех, по кому уже прошлась полицейская дубинка с электрошоком, и глухим ропотом остальных.

Внушительный отряд полицейских отделился от основной массы и принялся рассекать толпу. Стэн пригляделся к знакам различия, и ему бросилось в глаза, что отряд состоит сплошь из сержантов. Они ястребами оглядывали толпу, всматриваясь в лица, и с выкриками: «Ты! Ты! И ты!» — выхватывали кого-то, отшвыривали назад к рядовым полицейским, которые хватали несчастного и в мгновение ока запихивали в полицейский фургон.

Стэн стал быстро-быстро пробираться через толпу к стене, чтобы вдоль нее юркнуть куда-нибудь между чьих-нибудь ног. Но едва его локоть вместо мягкой плоти ощутил твердость стены, как один из сержантов вызверился на него поверх толпы и, тыча дубинкой в его сторону, выкрикнул: «Ты!»

И через секунду трое полицейских вывернули Стэну руки за спину и поволокли к фургону.

Более миллиона человеческих тел жались друг к другу на гигантской центральной площади Хиза. Предполуденное солнце пригревало все сильнее и сильнее, и запахи пота поднимались над толпой, как дымка над доисторической топью.

С трех сторон площадь окружали исполинские телеэкраны высотой в несколько этажей. С четвертой стороны находилась высоко поднятая над площадью трибуна, за которой зияло пустое пространство — там некогда стоял провалившийся под землю дворец Верховного Совета.

Группу, в которую включили Стэна, поставили слева возле трибуны, чуть в стороне от остальной массы людей. В руки им дали большие плакаты. Все еще ожидая худшего, Стэн тупо смотрел на огромные кроваво-красные буквы, начертанные на транспаранте, который он держал. Надпись гласила: «Долой империалистическую гегемонию!»

Громила сержант погрозил дубинкой.

— Ну-ка махать лозунгом! — прогремел он тоном, которым он, видно, шугал новобранцев на плацу.

— Хорошо-хорошо! — проворно согласился Стэн и принялся размахивать транспарантом.

— Кричите: «Да здравствует победа!» — пророкотал полицейский.

— Как прикажете, — сказал Стэн.

И стал совершенно искренне орать: «Да здравствует победа!» При этом он еще пуще размахивал транспарантом. На душе у него воцарялся покой. Оказывается, дело не так уж плохо. Он-то думал, что попал в облаву, а от него требуется всего лишь кричать здравицы таанскому режиму перед телекамерами, выслушивать зажигательные речи ораторов, продемонстрировать единство таанского народа и правительства и тихо-мирно уйти домой. Ну, задержится на пару часов — невелика беда.

Затем он вспомнил, что в тоталитарном обществе коротких речей не произносят и один оратор может проговорить полдня. Так что задержится он на этой площади часов на пять-шесть. Тяжкое испытание после бессонной ночи, но ему случалось бывать и в более глупых ситуациях. Он решил не унывать и забавляться на всю катушку. К здравицам он стал подмешивать крутую брань, благо в общем крике никто ничего не улавливал.

Через пять часов Стэну пришлось констатировать, что он еще не излечился от своего патологического оптимизма. Толпа вокруг продолжала орать — даже с большим энтузиазмом, чем прежде, а если и показывала некоторые признаки усталости, дубинки полицейских немедленно подбавляли бодрости. Но к речам на трибуне еще и не приступали. Там было пусто.

Затем вдалеке раздался характерный подвывающий звук, который говорил так много бывалому пехотинцу. Стэн вжал голову в плечи еще прежде, чем у горизонта появился идущий на полной скорости боевой истребитель. Пролетев над руинами дворца, он низко-низко, на бреющем полете, прошел над толпой. Многие инстинктивно пригнулись.

Даже Стэну было трудно сдержаться и не грохнуться на землю, когда за первым истребителем последовала целая эскадрилья — и тоже на бреющем полете, а затем все небо потемнело от боевых кораблей всех назначений и конфигураций — вплоть до гигантских межзвездных линкоров. Это был парад военной мощи Таанского Союза.

Поначалу и на Стэна все эти корабли произвели сильное впечатление. Однако чем больше он приглядывался к пролетающим над ним кораблям, тем больше странностей замечал его цепкий и наметанный взгляд. Если приглядеться к каждому из кораблей, то обнаруживалось, что новых

почти нет, сплошь старые, покореженные в боях, латанные и перелатанные. Но, похоже, в толпах вокруг было мало глазастых специалистов, потому что народ реагировал совсем иначе, нежели Стэн. Теперь кругом восторженно кричали не по принуждению, а от души.

Через несколько минут небо очистилось, и профессиональный сарказм Стэна сменился подлинным страхом, ибо высоко в небе появилось три одиноких исполинских корабля. О, Стэну таких аппаратов еще не доводилось видеть. Эти новопостроенные боевые космические монстры превосходили все, что он видел прежде, а видел он в своей жизни немало. Закругленные обводы, черный — как черная дыра — корпус. И со всех сторон рельефные порты, за которыми таятся — что там таится? Какой мощи пушки? Какие ракеты?.. Стэну не удалось как следует разглядеть все детали, потому что корабли очень быстро исчезли из виду — ушли вертикально вверх.

Толпа даже перестала кричать — только гудела, охваченная гордостью и преклонением перед гением таанских строителей. Даже полицейские попритихли, и в их глазах заблестели слезы патриотического умиления. Что-то вроде религиозного откровения, подумалось Стэну. Да, толпа была как бы в трансе. Надо полагать, таанский Дух Святой предпочитал все, что эффектно взрывается.

Низкий жужжащий звук заставил Стэна встрепенуться, оторваться от своих размышлений и, подобно сотням тысяч людей на площади, завертеть головой в поисках источника странного звука. Жужжание доносилось со стороны дворцовых руин.

Стэн с любопытством наблюдал, как что-то ослепительно белое поднималось над руинами. Это нечто напоминало огромное колесо со спицами. Сперва оно зависло над руинами, вознесясь примерно на полкилометра в небо, — зависло на несколько минут. Потом из этого грандиозного оптического эффекта — чего-то вроде белого солнца, восставшего из пепла и этот пепел поправшего, — прямо из слепящей белизны выдвинулся огромный черный летательный аппарат и заскользил вниз, к помосту, на котором находилась трибуна.

Миллион голов запрокинулось, чтобы разглядеть черный аппарат, опустившийся на стальной помост. Перед самым касанием из брюха аппарата выдвинулись пружинистые лапы. Он приземлился в полной тишине. Щелкающие звуки изнутри, затем впереди отъехал красноватый люк и из чрева аппарата выдвинулись алые ступени.

Из гигантских акустических колонок (Боже, все на этой площади было гигантским, давящим каждого от-

дельного человека) полился военный марш. Из чрева аппарата появились несколько десятков таанских гвардейцев в парадной форме, которые чинно, чеканя шаг и высоко поднимая колени, спустились на платформу.

Они стали по периметру помоста. Стэн заметил, что у них не церемониальное, а боевое оружие и держат они его так, что могут в любой момент начать пальбу. Среди них оказались и офицеры — те не остановились, а продолжали сновать по платформе, напряженно шаря глазами по толпе. Очевидно, это работники службы безопасности, переодетые гвардейцами. Но цепкие глаза, очевидно, ничего дурного не заметили. В толпе царило единство — все горели любовью к своим вождям. Музыка звучала громче и громче — и вот наконец из глубины летательного аппарата появился первый член Верховного Совета.

Мало-помалу все руководство цепочкой потянулось к трибуне. Стэн узнавал их лица, не раз виденные по телевизору, и примечал, в каком порядке они станут на трибуне — кто ближе к центру, кто дальше, так можно было определить нынешнюю расстановку сил в Совете — кто в фаворе у председателя, чья позиция ослабела. Кроме бросающегося в глаза отсутствия Пэстора и Вичмана, расклад казался привычным.

Последовала пауза. Как бы заминка. Затем из глубины летательного аппарата выдвинулся первый воин в полном боевом облачении. Он был исполинского роста. За ним последовали другие — такого же устрашающего роста и вооруженные до зубов. Когда подразделение выстроилось справа и слева от люка, Стэн вспомнил, что уже видел когда-то этих исполинов. И тут на платформу ступила сама леди Этего. Очевидно, во всей Таанской империи только ее телохранители были выше ее самой.

С толпой произошло что-то невообразимое. Приветственный вопль грозил обрушить соседние здания.

Телохранители провели Этего в центр трибуны, но далеко от нее не отошли, готовые в любой момент при необходимости закрыть госпожу своими телами.

Леди Этего вскинула обе руки над головой, и народ на площади взорвался еще более громкими приветственными криками. Стэн ощутил себя таким одиноким в этой остервенелой миллионной толпе. Ему припомнилось, когда он в последний раз видел леди Этего. Это было на Кавите в начальные дни войны. И одета она была точно так же, как сегодня, — красный плащ поверх зеленого мундира.

Тогда она стояла в ста пятидесяти метрах от него. Он помнил, как вынул свой виллиган и прицелился. Ее

зеленый мундир оказался в перекрестье мушки. Он вдохнул, выдохнул воздух наполовину и положил палец на курок. Еще секунда, и шарик АМ-2 пробьет в зеленом мундире огромную дыру. Но тут один из телохранителей, которые вертелись вокруг Этего, как балерины на сцене вокруг примадонны, заслонил ее. И вслед за этим Стэн видел только белые мундиры телохранителей — красное и зеленое мелькало лишь уголками.

До сих пор Стэн не мог понять, почему он не выстрелил. Из трусости или потому, что действительно не было возможности уверенно попасть в цель? Сейчас, глядя на леди Этего, которая вознеслась на такую высоту, он корил себя и за трусость, и за неповоротливость. А впрочем, стоит ли жалеть. Что орел, что решка — в любом случае выигрыш не выпадал. И все же он не мог не фантазировать: а что бы произошло, если бы он тогда — убил? Кто бы сейчас стоял на сцене, исполняя главную роль? Вичман? Пэстор? Кто-то еще?

Тем временем леди Этего опустила руки и упивалась приветственными криками толпы. Затем коротким жестом призвала толпу к молчанию. Все разом затихли.

— Спасибо, соотечественники, — начала она свою речь. — Спасибо вам, что вы пришли на это праздничное торжество.

Стэн воровато покосился на соседей, надеясь обнаружить иронические искорки в их глазах. Нет, все очень серьезны. Никого не смущает тот факт, что они не сами сюда пришли, а их согнали дубинками полицейских. Да и никого не резанули слова «праздничное торжество». Праздновать в нынешней ситуации как будто нечего!

— Мой народ переживает трудные времена, — продолжала Этего. — Наша решимость и воля подверглись самому большому испытанию со времен Великого Стыда. Сегодня мы празднуем то, что эта решимость и эта непреклонная воля к сохранению нетленных ценностей таанского образа жизни, пронесенных нами через историю, — эта решимость и воля по-прежнему крепки в нас!

Однако мы не просто полны непреклонной решимости сберечь для истории генетический код нации. Мы готовы пожертвовать всем, дабы сохранить...

Она сделала эффектную паузу, чтобы последнее слово, стократно усиленное динамиками, хлыстом пало на толпу.

— ...честь!

— Честь! — взревела толпа. — Честь!

— Да, честь, — сказала леди Этего. — Пусть ни один иноземец не заблуждается касательно того, что это слово значит для всякого таанца. Для нас это не просто громкое слово, ибо оно требует жертв ради будущего наших

детей и детей наших детей. И мы пожертвуем всем ради нашей чести. Все мы лучше умрем, чем увидим честь нашей нации попранной.

Она сделала новую паузу, набычилась.

— Ибо без чести не может быть будущего. Утратив честь, таанский народ перестанет существовать как раса. И если нам придется всем до одного умереть, дабы утвердить высокое понятие о себе и отстоять свое понимание священной чести,— что ж, погибнем все, разве это важно? Пусть мы исчезнем, однако оставим яркий, несмываемый след в истории Вселенной!

И через тысячу лет, и через две тысячи лет живые существа будут читать о нас и восхищаться тем, как высоко мы вознесли понятие чести. Они будут проклинать себя за свою слабость и поносить себя последними словами, ибо никогда никакому живому существу уже не удастся вознести понятие чести столь же высоко — и поступать в соответствии с идеалом. Но дети наших далеких потомков могут сказать родителям: они же все умерли! И их родители кивнут головами: да, они погибли, все до единого. Однако они умерли... с честью!

Казалось, что прошло не меньше получаса, прежде чем толпа успокоилась и смогла слушать речь леди Этего дальше. Люди кричали, рыдали, обнимались, поднимали детей на руках, чтобы те могли лучше разглядеть исторический момент.

Леди Этего все это время невозмутимо стояла на трибуне, давая возможность морю эмоций успокоиться. Ее лицо не покидало суровое выражение. Она ждала.

— Итак, соотечественники, — продолжила она, угадав нужный момент, — я призвала вас сюда для празднества. Дабы прославить нашу преданность чести и подтвердить наше желание не уронить ее. Это будет трудно. Неимоверно трудно. Ибо наш враг потрясающе силен. Враг безжалостен — и не угомонится, пока не поставит каждого таанца на колени. Мы не раз блистательно побеждали этого врага, но и несли великие потери.

Впрочем, все это неважно. Я приветствую наших врагов. Как и вы должны благодарить судьбу за таких врагов. Ибо нашему поколению посчастливилось жить в годину решающих испытаний. Враг такой силы понуждает нас преодолеть все наши последние слабости. И когда мы преодолеем последние наши слабости, сильнее нас не будет никого. Очищенные и просветленные, мы победим.

Но если нам всем придется погибнуть... за нашу честь...

Последние слова были произнесены мягко, как слова заклинания или молитвы. Толпа затаила дыхание, как бы в предчувствии апофеоза речи.

Леди Этего медленно воздела руки в чистое таанское небо. В голове Стэна мелькнуло: «Как странно, она ни разу не назвала имени Вечного Императора». Этот прием умолчания был настолько хорош, что Стэн взял его себе на заметку — отличный пропагандистский трюк: сатанинская анонимность врага, его неназываемость.

— Торжественно обещаю вам, соотечественники, что я буду преследовать и гнать врага везде, где его встречу. Я вышвырну его из Пограничных Миров. Я выкурю его из Кавите, где он трусливо залег. И затем буду неустанно преследовать его до последних пределов Галактики, пока он не запросит пощады. Клянусь вам, соотечественники, я буду бороться всеми силами. Клянусь одержать победу. Быструю и восхитительную. Но я всего лишь человек, и у меня могут быть слабости. Какой-то изъян во мне может помешать мне выполнить задуманное.

И если я не оправдаю ваших упований, если я не вырву победу для вас...

Последовала долгая пауза.

— ...тогда я знаю, что велит мне долг чести!

Стэн был равнодушен к беснованию толпы. Черт с ними, с этими одуревшими простаками. Но, что ни говори, он впервые слышал государственного лидера, который обращался к своему народу — и искренне верил в правдивость каждого своего слова!

С тех пор как Стэн отправился в Колдиез, Сакс-клуб успел закрыться, открыться и опять закрыться. Через несколько часов он откроется вновь, а пока Алекс, Сент-Клер и Л'н с волнением ждали возвращения Стэна в пустом ночном клубе.

Чтобы скрыть свою тревогу, они занимались тем, чем солдаты занимаются в перерывах между боями с тех самых пор, как первый придурок поднял с земли камень и сообразил, что им можно швырнуть в своих соплеменников. Короче, они сидели, ворчали и переругивались.

— Нет, я не хочу жаловаться, — говорила Сент-Клер. — Дела заведения идут отлично, и мне по вкусу выбивать денежки из чертовых таанцев. Просто я человек, которому всегда важен результат.

— Верно, — поддержала Л'н. Она сказала это, быть может, слишком поспешно, но при этом подняла на Сент-Клер хитрую розовую мохнатую мордашку. В ее глазках был немой вопрос.

— А в чем, собственно, проблема, моя медовая? — спросил Алекс.

— В последнее время у меня такое ощущение, что мы топчемся на месте. Ну, подрываем их валюту. Хорошо. Организуем саботаж на производстве. Выкрадываем их секреты. И вообще гадим, где только можно. Прекрасно. Так и нужно. Мы им показываем, где раки зимуют.

— Ну, так в чем же проблема? — робко осведомилась Л'н.

— Я хочу, чтобы они взвыли, чтоб у них искры из глаз летели! — сказала Сент-Клер. — Я спрашиваю себя: в достаточной ли степени мы вредим нашему врагу!

— Ну, по этому поводу есть история про моего прапрапрадедушку... — начал Алекс.

К счастью, появление блудного сына прервало его рассказ.

У Стэна был ужасающий вид: волосы всклокочены, глаза ввалились, одежда висит, как на вешалке. И шел он — прихрамывая.

— Что произошло, черт возьми? — засуетилась Сент-Клер.

Стэн тяжело вздохнул, рухнул в кресло и отчаянным жестом указал на свой рот.

Алекс поспешил принести ему кружку доброго холодного пива. Стэн осушил кружку четырьмя глотками и со стуком опустил ее на стол. Алекс незамедлительно наполнил ее снова. Стэн отпил половину, рыгнул и сделал еще глоточек.

— Ну? — поторопила его Сент-Клер.

— В какую-то минуту показалось, что мне конец. Я попал в полицейскую облаву.

Трое его друзей пришли в ужас. Стэн сделал успокоительный жест.

— Оказывается, этим придуркам понадобился народ на демонстрацию — для изъявления патриотических чувств. И вот мы пеклись на главной площади больше пяти часов, пока не явилась леди Этего и стала промывать нам мозги, призывая к массовому самоубийству. Мы немножко подумали, а потом спросили: ладно, согласны, только можно нам сейчас разойтись по домам?

Черта с два. Эта Этего заявила, что сейчас будет представление театра марионеток, и следующие одиннадцать часов мы выслушивали душераздирающие исповеди врагов народа — нам их показывали на громадных экранах.

— Что за враги народа? — спросила Л'н.

— Да те самые, которых мы выдумали. К концу, когда этих типов казнили, я даже испытал к ним некоторую жалость.

— Жалость — не грех, — произнес Алекс. — Только не делай из нее привычки.

Стэн оставил эту реплику без комментария. Он попросил чего-нибудь поесть и за едой рассказал друзьям о своих приключениях в Колдиезе.

— И что мы предпримем теперь? — спросила Сент-Клер.

— Просто будем поддерживать надежную работу нашей агентурной сети. Поощрять коррупцию везде, где только увидим слабину. И не очень высовываться, чтобы не погореть.

— Тоска, — вздохнула Л'н. — Ты же обещал, что будет круто, что романтики будет выше крыши. Интриги! Опасности! Подпольные акции! Маэстро, я не подписывалась на такую скуку.

Все рассмеялись.

— Боюсь, нам пока придется играть по маленькой, — сказал Стэн. — До сих пор мы справлялись с делом без осечек. Мы готовы к великим свершениям, но придется ждать исторических событий, чтобы проявить себя. А эти исторические события от нас не зависят. Например, война в Пограничных Мирах. Или на Кавите.

Он встал и налил всем по кружке пива.

— Мы приготовили таанцам отменный капкан — рано или поздно он сработает.

ГЛАВА 52

Империя кое-чему научилась благодаря успешной бойне в системе Пел'е.

Маршал Ян Махони просмотрел предварительные планы бомбардировки перед вторжением в Пограничные Миры и рявкнул:

— Удвойте.

— Что удвоить, сэр?

— Все.

Начальник его штаба повел бровями и в точности выполнил приказ. Количество артиллерии, ракет и бомб, доставляемых в Пограничные Миры, было удвоено. А потом Махони удвоил и это количество.

Он боялся, что будет мало. Это и понятно — по мнению Махони, никогда не надо рисковать людьми там, где дело может решить бомба или десяток снарядов.

Он бы с удовольствием просто отутюжил бомбами и ракетами планеты, которые предстояло завоевать, — превратил бы их в пустыни с кратерами. То есть сделал бы то же самое, что он сотворил с планетами Эрибуса. Однако

в Пограничных Мирах было слишком много мирного населения. Хотя Махони и задавался вопросом, много ли этого мирного населения осталось после таанских активных военных действий по завоеванию этих миров, а затем и оккупации.

Да будь его воля... Но его воля была ограничена.

Шли дни — и наконец бомбардировки дали результат. Уже ни одна из планет Пограничных Миров, выбранная для десанта, не огрызалась ответным огнем.

Махони отдал приказ начать высадку — зная, что таанские защитники выберутся из-под руин и встретят десантников шквалом огня, как будто все эти бомбардировки для таанцев все равно что праздничные фейерверки.

Он оказался прав. Вот почему маршал Махони решил в итоге приказам не подчиняться.

По мнению Вечного Императора и его спецов из военно-психологической службы, возвращение Махони в Пограничные Миры должно было иметь крупный пропагандистский эффект. И пропагандистская машина заработала на полных оборотах.

Перед тем как маршальский корабль направился во главе флота к Пограничным Мирам, несколько артиллерийских отсеков было освобождено от пушек и наспех переоборудовано в пресс-центр. На борт взяли предельно возможное количество журналистов и телерепортеров.

Флагманский корабль должен был приземлиться на Кавите с четвертой волной наступающих. Предполагалось, что десант первой волны будет уничтожен полностью, вторая волна понесет огромные потери, но закрепится на планете, третья волна разовьет успех, после чего уже не страшно совершить посадку с телеоператорами и включить камеры. Кругом, разумеется, еще гремят взрывы, но риска для жизни не будет никакого.

Особенно для жизни Яна Махони, когда он — после посадки на Кавите — выйдет на переднюю платформу своего флагманского корабля и произнесет перед солдатами энергичную и возвышенную речь. Дескать, я открываю новый прекрасный мир или еще что-нибудь в этом роде. Специалисты по энергичным и возвышенным речам были включены в состав экипажа.

Да вот незадача — в час отлета Махони ни внутри флагманского корабля, ни рядом не оказалось. Он сидел, привязанный ремнями безопасности к креслу, в капсуле десантного космического корабля — рядом со старшим сержантом Первой гвардейской дивизии, славным ветераном, по слухам среди десантников, получившим столько ранений,

что на протяжении нескольких десятилетий все его члены и органы непрестанно заменялись новыми и в итоге он полностью обновил свое тело шестнадцать раз — неизменным оставался только мозг, который не менялся с тех пор, как лет сто или больше назад медики констатировали его клиническую смерть.

Махони успел забыть, какие неприятные перегрузки приходится испытывать, когда транспортный корабль, войдя в атмосферу, выстреливает капсулы с десантниками.

Незадолго до приземления они со старшим сержантом обменялись веселыми улыбками: дескать, нам, ветеранам, эти трудности до одного места! Ни тот ни другой не осознавали, до какой степени их улыбки напоминали предсмертную лицевую судорогу повешенного. Им некогда было разбираться в качестве своих улыбок, потому что в следующее мгновение капсула коснулась земли — как обычно, приземление было полумягким. Полумягким оно называлось потому, что при такой не полностью контролируемой посадке статистика допускала тяжелые последствия примерно в каждом десятом случае — вплоть до гибели десантников.

Мини-капсюли взорвались, и стенки капсулы разлетелись в разные стороны. Ремни автоматически отстегнулись. Махони схватил свой виллиган и выскочил на каменистую поверхность Кавите.

Потом разные источники утверждали, что, ступив на землю противника, Махони произнес благородную лаконичную фразу типа «Я все же вернулся» или «Сорок веков таращатся на нас». Все это пошлое вранье.

Его первыми словами был горестный вопль:

— О Боже! Я совсем позабыл, какая вонючая здесь атмосфера — смердит, словно подмышка дешевой проститутки!

Но тут он ничком бросился на гравий, потому что в нескольких метрах от него жахнула ракета.

«Честь» высадиться на Кавите первыми Махони поручил Первой гвардейской дивизии. Несколько лет назад, в начале Таанской войны, эта дивизия была практически полностью истреблена во время защиты Кавите. По личному приказу Вечного Императора при отступлении позаботились о том, чтобы забрать с планеты горстку оставшихся в живых солдат и офицеров Первой гвардейской. Герои образовали ядро новосформированной дивизии, обучили новичков и заработали честь вернуться в ад с первой волной наступающих.

Махони полагал, что эти чудом выжившие заслуживают привилегии — возможности лично отомстить

врагу. Тут он был, пожалуй, неисправимым идеалистом. «Стариков» в Первой дивизии осталось не больше дюжины — таанцы в свое время всерьез перемололи противника, а пополнение взамен погибших при штурме Нахи не успели как следует обучить.

Единственная «честь», о которой мечтали все потрепанные в боях десантники всех участвовавших в боях дивизий, — так это вернуться на Прайм-Уорлд, пройтись парадным строем под одобрительные крики толпы и следующие пятьдесят лет провести в каком-нибудь спокойном гарнизоне у черта на рогах. После того как первый многотонный снаряд разрывался совсем рядышком от десантника или десантницы, даже самые ярые вояки внезапно для себя начинали мечтать о нудной-пренудной гарнизонной жизни на тихих задворках Вселенной.

Как бы то ни было, десантники Первой гвардейской, неся ежедневно огромные потери, с боями продвигались по Кавите в сторону столицы. Битва была как бы зеркальным отражением той, в которой они некогда потерпели поражение. Теперь наступали они — превосходя противника и в вооружении, и в живой силе, имея неограниченные возможности пополнять запасы боеприпасов и безраздельно владея воздушным пространством планеты.

Но защитники планеты отнюдь не собирались сдаваться. В таанском языке выражение «К'акомит'р» обозначает одновременно «Я сдаюсь» и «Я больше не существую».

Большинство таанских солдат и офицеров избирали именно это — биться до последнего, цепляться за каждую пядь земли, а потом — при полной безвыходности — кончать самоубийством, унося с собой по возможности и жизни врагов. Махони лично видел, как один таанский рядовой, окруженный имперскими десантниками, сорвал кольцо мощной гранаты и сунул ее себе под шлем. Десантники не успели вовремя отбежать и полегли рядом с врагом.

Через час после этого случая к Махони подбежал один из его адъютантов, только что прилетевший на том самом флагманском корабле, который ждал и не дождался маршала. Адъютант имел при себе секретный пакет от Вечного Императора. Внутри оказалось закодированное послание — Вечный Император использовал старый код, который Махони мог мгновенно расшифровать со слуха и под ураганным вражеским огнем.

Вечный Император писал:

ХВАТИТ ИГРАТЬ В ИГРЫ, ВОЗВРАЩАЙСЯ К РАБОТЕ.

Махони горестно застонал, смял свой бронежилет, пояс с гранатами и запасными обоймами, швырнул

все это ближайшему десантнику и направился обратно к картам, компьютерам и военным советам.

Леди Этего выполнила свою клятву.

Все боеспособные корабли таанцев были сгруппированы и брошены в битву за Пограничные Миры. Она не задумываясь забирала резервы и снимала части из спокойных районов, оставляя их беззащитными.

Народ тряс плакатами, распевал патриотические песни, теленовости показывали, как все новые и новые грозные корабли уходят громить врага. Уверенность в разгроме ненавистной Империи крепла с каждым днем.

Но этой уверенности не испытывал безымянный таанский офицер из службы снабжения, который сидел в тесной душной комнатке устарелого космического крейсера. Он в сердцах выключил внутреннее радиовещание, передававшее бравурные сообщения, и заработал с экраном компьютера.

Итогом работы были следующие выводы:

КОМАНДА: укомплектована на 50%. 11% теоретически обученного состава. 4% имеет боевой опыт.

МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: 71% потребного для успешного выполнения задачи.

ВООРУЖЕНИЕ: 11% действующих орудий; 34% ракет готовы к бою.

КОРАБЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ: 61% в исправном состоянии.

Посмотрев на последнюю строчку, он исправил цифру на 58, ибо где-то во чреве корабля уже произошла новая авария в связи с общим износом всех систем.

Предполагалось, что взлеты всех военных кораблей, направляющихся в Пограничные Миры, транслируются по телевидению «живьем». На самом же деле Этего была слишком умна, чтобы позволить прямую трансляцию.

Вполне возможны несчастные случаи при взлете. А даже незначительные инциденты и небольшие сбои отрицательно действуют на моральный дух. Поэтому в новостях преимущественно показывали записанный на пленку взлет тех самых трех исполинских новых боевых кораблей, которые так поразили воображение Стэна во время парада. Правда, комментаторы провожали их в небо под все новыми названиями.

Что касается действительности, то лишь два из суперкораблей предназначались для боев в Пограничных Мирах. С третьим, который был призван заменить устаревший и покореженный в боях «Форез», бывший под командованием Этего, связывали иные планы.

Но ни один из двух суперкораблей до Пограничных Миров не добрался.

Первый, «Панипат», при повторном взлете поднялся на двадцать метров и вдруг пошел резко вниз — отказали два драйва Юкавы. Только искусство пилотов спасло корабль от непоправимых разрушений. При тщательном осмотре выяснилось, что не просто два драйва Юкавы вышли из строя — все эти драйвы в будущем грозили выйти из строя. Заодно выяснилось, что основной двигатель, работающий на АМ-2, способен давать лишь 50% проектной мощности.

Никаких объяснений этому не нашли — кроме того, что строили в лихорадочной спешке, заменяя многие стратегически важные материалы тем, что было проще достать. В результате технических и технологических компромиссов корабль нужно было ставить на доработку.

У второго суперкорабля, «Горги», никаких проблем со взлетом не возникло. Выйдя за пределы хизской атмосферы в сопровождении четырех кораблей эскорта, командир приказал включить основной двигатель.

Произошла какая-то странная ошибка.

«Горга» врезался в один из кораблей эскорта. На бесконечных просторах космоса случайные столкновения — дело небывалое.

Однако немыслимое — произошло.

Оба корабля взорвались, экипажи погибли полностью.

Прежде чем выйти на оперативный простор в Пограничных Мирах, таанский флот перегруппировался, чтобы вести нападение тремя последовательными волнами. В прежние времена — до того, как разгорелась война с Империей, — подобная перестройка стала бы огромным событием. Ее провели бы с помпой, четко и эффектно, чтобы командующий мог наблюдать, как синхронно двигаются корабли, образуя новые фигуры, и так далее. Не обошлось бы без взысканий провинившимся командирам — не так и не там вставшим в строй, не вовремя повернувшим. И обязательно раздались бы басистые разносы: вы роняете честь нашего флота, и так далее и тому подобное.

Однако строгих довоенных адмиралов, не говоря уже о командирах отдельных кораблей, не было в живых — их останки или носились по космосу рядом с остатками взорванных таанских кораблей, или были рассеяны в виде атомов по всей Галактике. И никаких красот при перестроении флота уже никто не требовал — лишь бы не потерялись или не развалились в пути.

Война и впрямь является искусством действовать с тем, что есть в наличии.

Ну и, разумеется, судьба была на стороне таанского оружия. А судьба, как известно, на той же стороне, что и Бог.

И вдохновленные подобными мыслями командиры таанских боевых кораблей атаковали превосходящие силы противника.

Впрочем, вторая волна атакующих таанских кораблей так и не достигла Пограничных Миров.

Адмирал Масон, командовавший шестью эскадрильями истребителей-перехватчиков, стоял на мостике своего новенького крейсера и ждал. Подстерегая врага, его корабли стояли в засаде — в пределах визуальной видимости друг от друга, чтобы не раскрывать себя радиообщением, все сигналы передавались вспышками прожекторов. Как только поступило сообщение о приближении противника, эскадрильи Масона немедленно сорвались с места. Нанеся первый совместный удар, они стали действовать раздельно. Командиры кораблей, служившие под началом Масона, были предельно вышколены и повиновались приказам, как автоматы. Однако они гордились тем, что Масон, хоть и жуткий сукин сын, но никогда не вмешивается во время уже завязавшегося индивидуального боя.

Таанский флагманский корабль, возглавлявший вторую волну атакующего флота, был разнесен на мелкие кусочки тремя ракетами, почти одновременно выпущенными с трех имперских истребителей. Флотилия противника была лишена командного центра.

Масон, скрипя зубами, доложил о первом решающем успехе своему командованию — и были тут же присланы еще девять бригад для полного истребления противника.

Один таанский космический крейсер, одиннадцать истребителей и огромное множество вспомогательных мелких кораблей прорвались через окружение имперских кораблей и устремились обратно к Хизу.

Адмирал Масон не мог не признать, что его соединение поработало на славу.

А на огромном удалении от этого места событий не менее успешно действовал адмирал Феррари.

Вовремя оповещенный о выдвижении таанского флота, он мог заранее основательно подготовиться. Адмирал не раз проигрывал на экране компьютера ход предстоящей атаки. Разведка поработала настолько хорошо, что он знал не только все о идущих ему навстречу вражеских кораб-

лях, но даже имел досье на командующего ими адмирала. Это был некий сукин сын по имени Хси, который, как выяснялось из его биографии, всю войну пилотировал один из департаментов военного министерства. И что же он такое натворил, что его пихнули в действующую армию?.. Феррари дальше внимательнейшим образом изучал его досье, не подозревая, что оно базируется на информации, собранной Стэном и Сент-Клер.

— Так, этот джентльмен, — думал Феррари вслух, — когда-то давно имел опыт военных действий и четыре раза успешно уходил от соприкосновения с имперским флотом. В этом и состоят его подвиги. Очевидно, у него высокопоставленные друзья, раз он выметнулся наверх, ничего собой не представляя. А за что же его отослали на время в министерское кресло? Ага, на втором этапе одного боя в космосе утратил контроль за подразделениями своих кораблей. Большие потери. Отставлен. Так-так, мерси за подробные сведения.

Феррари усмехнулся самому себе. Стало быть, адмиралу не удается второй этап боя. Запомним.

Феррари отменил предыдущий план боя. Теперь он знал, когда и как наилучшим образом атаковать адмирала Хси.

Адмирал Хси планировал использовать «гроздь» звездных систем Сулу как защитный экран для того, чтобы скрытно приблизиться к системе Калтор и самой Кавите. В этом случае никакие самые изощренные имперские системы слежения не зафиксируют его приближения — до самого начала решительной атаки.

Хси не принял во внимание, что и обратное утверждение верно: системы Сулу были непроницаемы для таанских детекторов и на экранах казались сплошным слоем астероидов.

Таанские детекторы не смогли вовремя зафиксировать находящийся в засаде флот Феррари — до самых последних секунд перед нападением. Феррари, впрочем, стремился к невозможному и был раздосадован, что его заметили прежде времени. Он хотел, чтобы первый удар был абсолютной неожиданностью.

Но и так все складывалось в его пользу, и Феррари отдал приказ атаковать.

Если смотреть на битву «сверху», видя ее как бы в двухмерном пространстве, флот Феррари ударил сбоку и рассек строй таанских кораблей, имеющий форму стрелы. Это называлось на военном жаргоне «поставить черточку на t». Все имперские корабли могли вести огонь во все стороны, а таанцам приходилось остерегаться, чтобы не попасть в своих, если снаряды и ракеты пройдут мимо вражеских кораблей.

Флот Феррари открыл бешеный огонь.

Хси приказал не ввязываться в индивидуальный бой, а отходить и перегруппировываться, чтобы образовать более эффективную фигуру.

Феррари велел своим кораблям не отставать от противника, и вскоре бой превратился в хаотичный. Подтвердилось, что второй этап боя — перегруппировка — так и остался слабым местом адмирала Хси.

Феррари одержал победу играючи. И опять лишь горстка таанских кораблей спаслась бегством.

Однако Феррари допустил одну ошибку. Решив преследовать адмирала Хси, он пренебрег своей обязанностью уведомить об этом маршала Махони, который пытался координировать все происходящее, находясь на Кавите. Своим уходом адмирал Феррари оставил зияющую дыру в обороне периметра Пограничных Миров. И Махони об этом не знал. А через три земных дня сквозь эту прореху беспрепятственно прошла третья волна таанских боевых кораблей.

Между ними и Кавите не оказалось ни одного корабля имперского космофлота.

Кто-то сказал, что героев можно назвать людьми, которые, будучи в здравом уме, предприняли безумный поступок.

Вильям Бишоп-Сорок Третий мог бы сказать об операции, за которую он получил Галактический Крест и свою вторую звезду, весьма нелицеприятные слова: в такое, мол, ввяжется только законченный псих, который, по болезни, себя таковым не считает.

До сих пор война щадила Бишопа.

Начинал он как гвардеец, пехотный сержант, который получал свою порцию славы и похвал от начальства за то, что появлялся в нужном месте в нужный момент. Наконец он сообразил, что, часто посещая места, где люди интенсивно стреляют в него, он рискует быть убитым. Тогда он попросился в летную школу.

Он мечтал стать пилотом, получить под свое командование какой-нибудь большой, нелепого вида космический транспорт, слегка помотаться по безопасным районам Галактики, а потом благополучно уйти в отставку и заняться любимой математикой. Если Бишоп и хотел получить еще одну медаль, так это за выслугу лет, а не за участие в какой-нибудь жутко опасной операции.

Однако в летной школе в нем открыли талант прирожденного пилота. Поскольку он такого таланта в себе не подозревал, то и не сообразил его скрыть. Впрочем, закончив подготовку в классе Стэна, Бишоп получил вожделенное назначение на безопасную работу.

Увы, ненадолго.

Очевидно, недалекие начальственные умы полагают, что человек с таким количеством боевых наград, выглядящий на фотографии в личном деле таким бравым молодцем, просто спит и видит, как бы ему снова рвануть в самое пекло. А может, кто-то, знающий историю, вообразил его славным продолжателем великих дел Вильяма Бишопа Первого.

Как бы там ни было, Бишопа нынешнего не просто перевели со звездного тихохода, перевозившего провиант и амуницию, на боевой десантно-транспортный корабль, но и стали стремительно повышать по службе.

Не успел он опомниться, как стал уже однозвездочным адмиралом и получил под свое командование два дивизиона десантных кораблей. Хуже того, его назначили ответственным за высадку на Кавите.

Во время такой операции ничего не стоит лишиться живота, мрачно отметил Вильям Бишоп Сорок Третий.

Впрочем, до сих пор высадка шла как по маслу. В понимании Бишопа «по маслу» обозначало, что лично он не получил ни единой царапины. Провидение отвело от его корабля таанские ракеты класса «воздух-космос», таанские истребители сыпались на землю, как окуренные пчелы с дерева, и даже атаки таанских камикадзе закончились ничем.

Бишопу подумалось, что так воевать — можно. Если Бог не выдаст и дальше, то останется выжить лишь во время последнего этапа войны — высадки на Хиз.

Как бы там ни было, ему удалось успешно высадить своих десантников на Кавите, поддерживающие транспортные корабли тоже были в порядке, а немногочисленные перехватчики отлично справлялись с разгоном таанских бомбардировщиков.

И тут взревели сирены тревоги.

Бишоп сломя голову бросился на капитанский мостик своего корабля, где ему доложили о приближении огромного числа таанских военных кораблей. Третья атакующая волна вражеского космофлота вот-вот выйдет на расстоянии ближнего боя.

Бишоп понял, что его сладкие мечтания были мечтами идиота. Тем не менее он не растерялся и отдал предельно четкие приказы:

— Соедините меня с командиром кораблей сопровождения. Командор, вы меня слышите?

— Так точно. Адмирал, на нас идет...

— Не слепой. На нас прет чуть ли не весь таанский флот. Слушайте приказ. Уходите с околопланетной орбиты навстречу противнику. Немедленно.

— Навстречу?

Бишоп разъяренно рявкнул:

— Вы что — в штаны наложили?

— У противника семь сверхтяжелых кораблей, больше десятка истребителей, двадцать восемь крейсеров... и еще... все перечислять, сэр?

— Нет. Выполняйте. — Затем он повернулся к своему штурману. — Уходим с орбиты. Включайте двигатели. Через десять секунд полное ускорение.

Штурман побледнел, но отчеканил:

— Еще распоряжения?

— А вам мало? Исполняйте!

Отдав нужные приказы, штурман повернулся к нему и позволил себе фамильярность, момент допускал:

— Билли, если знаете хорошую молитву — молитесь за нас.

Бишоп мотнул головой.

И импровизированная контратака началась.

Один бронированный десантно-транспортный корабль. Один крейсер. Двенадцать истребителей. Одиннадцать легких кораблей прикрытия. И семнадцать перехватчиков.

Против четырех объединенных флотилий таанского космофлота.

Ну разве не полное безумие?

Это и выглядело как безумие.

Поэтому таанский командующий кораблями третьего эшелона пришел в ужас, когда увидел, что ему навстречу прет горсточка имперских кораблей, как бы готовых на таран. Ему это показалось чудовищной ловушкой.

Ни один нормальный полководец не станет атаковать такими силами такого противника. Стало быть, это обреченные на гибель корабли, за которыми нагрянет весь имперский флот, как только таанские флотилии ввяжутся в малый бой и сломают свой строй.

Таанский адмирал не мог не восхититься дерзостью атакующих. По мужеству они стоят вровень с таанцами. Какое сердце нужно иметь, чтобы пойти на верную гибель, на считанные секунды или минуты задержать таанские корабли, чтобы дать возможность еще невидимому имперскому флоту зайти с удобной стороны и ударить всей мощью!

Адмирал передал цепочку приказов своим кораблям: «В контакт с противником не входить, перегруппироваться. Развернуться и идти обратно к системам Сулу».

Пусть, мол, имперский флот ударит в пустоту, а мы тем временем отойдем, чтобы предпринять позже фланговую атаку.

И четыре таанские флотилии послушно двинулись прочь. Логика их командующего казалась железной.

Но ошибочность своей логики таанский адмирал осознать не успел. На обратном пути к системе Сулу его корабли пересекли маршрут флота под командованием Феррари, который возвращался после разгрома Хси.

Пришлось принимать бой. Ни один из таанских кораблей не уцелел.

Бишоп смотрел на удаляющиеся таанские флотилии вытаращенными глазами. Еще несколько секунд, и огромный экран перед ним был пуст. Обычная картина звездной бездны — и ни одного вражеского корабля.

Может, они где-то сзади? Но и сзади было так же пусто.

Виньям Бишоп Сорок Третий, все еще не веря, что его безумный блеф удался, что верная смерть вдруг повернулась и драпанула прочь, вялым голосом отдал приказ возвращаться на стационарные орбиты вокруг Кавите. Он всерьез подумывал о преимуществах раннего выхода в отставку и уединения в каком-нибудь тихом монастыре.

Леди Этего, сгибаясь под ужасом происходящего, читала на экране страшные строки присланного открытым текстом рапорта из штаба на Кавите:

Имперские соединения прорвались на всех участках. Связь с боевыми единицами утрачена. Согласно последним донесениям, солдаты повсюду стоят до последней капли крови. Здесь, при мне в штабе, осталось только три охранника, боеприпасов нет. Идем в последнюю атаку. Свою вину за неудачу перед Верховным Советом и народом искуплю кровью.

Ланга.

Леди Этего отвернулась от экрана. Что ж, она тоже человек чести. И знает, что делать в подобной ситуации.

ГЛАВА 53

Без каких бы то ни было церемоний новый «Форез» покинул планету.

Но даже если бы леди Этего осталась во всей Вселенной последней из таанцев, она бы не смогла полностью отказаться от пристрастия к церемониям, которая у таанцев впитана с молоком матери.

Существовал ритуал ухода в бой, где воин решал погибнуть, но не отступить — следовало виском коснуться родимой земли. И выпить глоток ключевой воды. И

обязательно поклясться на оружии — желательно на оружии фамильном, с которым бились предки. Отдание почестей павшему герою также было связано с определенным неизменным ритуалом.

Леди Этего решила умереть по-своему.

Позже телерепортеры смонтируют какой-нибудь эффектный материал о ее геройской гибели — слепят из всяких архивных кадров. Или, может, самые предусмотрительные уже монтируют.

Ей было наплевать.

После того как «Форез» вышел из верхних слоев атмосферы, его капитан повернулся к ней — в его глазах поблескивали слезы. Он сказал, что ощущает себя как в сказке. «Форез», подобно Фениксу, возродился!

Этего тупо уставилась на него. Да, наконец вспомнилось: ведь был прежний «Форез». И этот капитан как-то очень напоминает капитана того корабля. Быть может, он и есть тот самый офицер. Прежний капитан был так покалечен, что ему заменили процентов девяносто тела. И если это был он, то теперь его и не узнать. А впрочем, плевать. Корабль, как любое оружие, лишь инструмент, которым можно убивать врагов.

Тем не менее леди Этего поощрила капитана холодной улыбкой и кивком. Если капитану по душе кануть в вечность с подобными возвышенными мыслями — да будет так.

Этего же была занята своими последними планами — тем, как ей героически погибнуть.

Всякая человеческая культура, которая восхищается убийством себе подобных, обязательно прославляет воинов, идущих на верную гибель. Но легендарные герои должны при этом погибнуть как бы не напрасно, а совершить что-то великое — скажем, задержать врага в каком-нибудь ущелье хотя бы на час-другой.

Это понимание геройской смерти было характерно и в древние времена — для жителей Земли. К примеру, Роланд вышел в герои, невзирая на свой вздорный характер и мелкое упрямство, которое его и погубило. В итоге он самым дурацким образом попал в западню, где его поджидал десяток сарацин, но поскольку он сражался до конца в безнадежной ситуации, легенда превратила этот десяток сарацин в миллион. И многие герои легенд и сказок, влипая в безнадежное положение по своей глупости или безалаберности, покрывали себя вековечной славой только потому, что не сдались.

Однако было исключение — японские камикадзе во время Второй мировой войны. Эти люди шли на

смерть сознательно, без глупой удали, в полном убеждении, что их смерть способна повернуть ход истории. Представители других культур твердили, что камикадзе — оглушившие себя алкоголем или наркотиками психи. И лишь у себя на родине они были восславлены как великие герои.

Таанцы больше других могли понять психологию японских камикадзе — если бы кто-нибудь помнил историю столь давних времен.

Тактический план леди Этего заключался в следующем — прорваться на Кавите. Как-то в ее воображении отпадали все трудности и рисовалось, что «Форез» пройдет сквозь имперский флот, будто нож сквозь масло, и доберется до Кавите. Ну а там — разумеется, смерть.

Смерть, которая каким-то образом повернет вспять неумолимый ход истории.

Команда корабля верила именно в такой упоительный финал. Фанатизм леди Этего был заразителен.

Самое главное для Этего было сохранить честь и как-то объяснить поражение. Что-то она сделала не так — но что? Война, по ее расчетам, уже должна была закончиться — победой таанского оружия. И вообразить другой исход было невозможно.

«Невозможно» было составной частью и ее последнего плана. С так и не вышедшего в космическое пространство «Панипата» сняли и перенесли на «Форез» все вооружение. Туда же перевели и цвет экипажа.

Но даже с такой прибавкой личный состав «Фореза» был недоукомплектован на двадцать процентов. Зато орудийная и ракетная мощь превышала проектную в полтора раза. Хотя тут тоже имелось «но»: все новейшие системы оружия были мало опробованы — сразу по выходе в космос произвели в лучшем случае один-два пробных выстрела из каждого.

Обычно такие сверхтяжелые корабли с пятью-шестью тысячами человек на борту выходили в район военных действий исключительно в сопровождении множества других кораблей— крейсеров, истребителей, не говоря уже об ордах легких кораблей — вспомогательных и разведывательных.

«Форез» шел в атаку в сопровождении одного крейсера и семнадцати истребителей.

Лейтенант Гилмер считал себя человеком очень умным. Он происходил из семьи, на протяжении многих поколений служившей в имперских вооруженных силах. Считалось, что каждый Гилмер обязан начинать свою карьеру в армии, независимо от его дальнейших планов. Лейте-

нант Гилмер с раннего детства знал, что ему предстоит стать офицером и командовать далекими экспедициями в чужие миры, где придется задавать перцу разным плохим дядям. Выбора не было: или становиться офицером и играть со смертью с возможностью выиграть, или лишиться огромного наследства, что было равносильно смерти.

Гилмер надеялся, что чертова война с проклятыми таанцами закончится раньше, чем он пройдет обучение и сможет стать пушечным мясом. Не повезло.

И Гилмеру пришлось идти в действующую армию.

Но у него созрел план, как и родителей ублажить, и свою юную розовенькую плоть не подставлять под пули и разрывы бомб и ракет. Он добровольно записался на патрульный корабль.

Его сокурсники по академии сразу прониклись безмерным уважением к нему — они не ожидали, что трусоватый маменькин сынок Гилмер самолично попросится в самое пекло. Даже самые храбрые не рвались на патрульные корабли, задача которых была находиться чуть в стороне от основного флота, дожидаться подхода основных сил врага — и становиться первой мишенью.

Люди на патрульных кораблях считались еще ближе к смерти, чем экипажи легких тактических кораблей. Шансы выжить на кораблях-приманках, согласно всеобщему убеждению, были ничтожны.

Гилмер и внезапное уважение приятелей переносил так же плохо, как прежде — их вежливое презрение. Он держался особняком и помалкивал.

В свою бытность первокурсником академии, скучая во время наряда, он провел на компьютере любопытное исследование, прикидывая, на какой корабль пойти служить в будущем. И сделал внезапное открытие: патрульные корабли оказались самыми безопасными. Облегченного типа, быстроходные и более верткие, чем даже истребители, не говоря уже о тяжелых и сверхтяжелых кораблях, патрульные аппараты отличались от такшипов тем, что лишь маневрировали, вызывали огонь на себя, выясняли силу противника и ускользали, увлекая врага в нужное место. А такшипы, помимо этого, вели обстрел, вступали в ближний бой. По статистике — за огромное число лет, по нисходящей до Муэллеровских войн, — выходило, что гибло лишь два процента патрульных кораблей. То есть даже меньше, чем военных грузовых кораблей. И большинство фатальных исходов, согласно подсчетам, произошло по вине бездарного пилотажа.

А пилотом Гилмер был как раз первоклассным. На этом сходились все преподаватели.

Таким вот образом он нашел себе спокойное местечко на передовой.

Правда, на его патрульном корабле царила препаршивая атмосфера. Двенадцать членов экипажа на дух его не переносили, хотя ни один из них не мог бы внятно объяснить почему. Капитан командовал в меру строго. Поощрения и наказания давались без колебаний, вроде как справедливо, в согласии с уставом. И все-таки что-то было не так.

Гилмер был весьма недоволен, когда его корабль включили во флотилию, которую посылали завоевывать Пограничные Миры. Но до сих пор он умел избегать опасности. Ему посчастливилось засечь несколько таанских одиночных боевых кораблей, совершавших рейды в глубины имперской территории. Выслеживали их и уничтожали корабли побольше, но награды перепадали Гилмеру. И с этими наградами ему, конечно же, будет проще начать штатскую карьеру — он мечтал стать кинопродюсером.

А штатская жизнь казалась не за горами — было ясно, что Империя очень скоро победит. Еще несколько недель — и все будет кончено. Самое время найти на корабле большие поломки, которые требуют многонедельного ремонта, и тем самым избежать участия в последней битве за Хиз.

Поэтому Гилмер, большая умница, был страшно огорчен, когда на экране перед ним вспыхнуло световое пятнышко. Оно было прямо по курсу и стремительно приближалось. Лейтенант увеличил изображение, и вдруг на экране возник исполинский «Форез». Экран-дублер подтверждал, что это не оптическая иллюзия. И не далее как через одну световую минуту орбиты двух кораблей пересекутся!

Его помощник уже сигнализировал о встрече идущей далеко позади имперской флотилии. Гилмер включил двигатель на полную скорость и ввел в компьютер задание начать хаотические маневры, уходя от обстрела. Он выполнил все возможное и замер без дела. Но так не сиделось. Тогда лейтенант приказал привести в готовность артиллерийскую систему и наобум запустить пару ракет — в черный космос, как в копеечку.

На любом патрульном корабле имелись четыре ракеты, хотя никто не воспринимал их как серьезное оружие. Это были метровые штукенции с примитивным электронным мозгом. В теории они должны были защитить беззащитный патрульный корабль от вражеского патрульного или легкого тактического корабля. Но настоящим оружием патруль-

ного аппарата были только его скорость и юркость. Ракеты стояли лишь для того, чтобы экипажу, если уж не удалось удрать, было не так обидно умирать — что-то вроде швыряния ботинок во врага, идущего на тебя с пистолетом.

Гилмер нервно кусал костяшки пальцев в ожидании свершения идиотской традиции их семейства: почетной смерти в бою. Но ничего не произошло. Ни один из таанских кораблей и носом не повел в сторону патрульной посудины, не говоря уже об обстреле или о настоящем преследовании.

Гилмер ликовал: что ни говори, он не только космический ас, но и великий тактик! Мгновение-другое лейтенант даже поиграл с мыслью: а не остаться ли ему в космофлоте по завершению войны? Нет, не надо быть таким тщеславным, успокоил он себя. Достаточно будет одного большого-пребольшого ордена, который он получит за эту операцию. Большего ему от армии не нужно.

И что вы думаете? Разумеется, он получил орден. Большой-пребольшой.

Леди Этего пощадила патрульный корабль по одной причине: она хотела, чтобы имперский флот знал о ее приближении. Чтобы они все ополчились на нее, чтобы битва была действительно достойной героя. Конечно, патрульная финтифлюшка предупредит основные имперские силы чуть раньше, чем планировала леди Этего, но тут ничего не попишешь: реальность всегда вносит коррективы в планы сражений.

Она так и не поняла, что ракета с патрульного корабля попала в борт «Фореза».

Младший офицер службы контроля за повреждениями доложил, что некий неизвестный предмет прошил внешнюю обшивку корабля неподалеку от кормы и нанес самые незначительные повреждения. Отсек блокирован, системы пожаротушения сработали. Пострадавших нет. На всякий случай из кормового цейхгауза временно эвакуирован весь персонал.

Офицер ума не мог приложить, что это было. Мелкий метеорит?

Махони мерил шагами свой командный центр.

Он был в ярости.

«Не было печали! Какой-то таанский придурок в сверхтяжелом корабле новой конструкции решил понаделать дел, прежде чем его разнесут на куски. Ге-е-рой! И никто не подсказал этому психу, что нынче войны так не ведутся. Героев нынче подпускают поближе, а потом прямой наводкой развеивают в межзвездную пыль. Прошли времена, когда на пулеметы ходили с голой грудью. Жаль, что

рядом с горе-героем погибает уйма людей, которые в герои отнюдь не рвутся. Так что этот героизм не стоит и выеденного яйца», — думал он, отдавая приказ всю мощь флота сосредоточить на приближающемся одиночке (несколько истребителей просто не в счет).

Но если бы он внимательнее проследил источник своей ярости, он бы понял, что в глубине души ему больше импонирует героическая дуэль, чем нынешние иезуитские методы войны, и злится он именно на беспомощность героев в теперешнюю эпоху.

Оператор ахнул и выкрикнул:

— Посмотрите на мой экран, сэр!

Махони сердито повернулся к нему.

— Какого дьявола! Тебя не учили докладывать по фор...

Но тут он осекся, потому что увидел то, что видел оператор на своем экране.

Это была леди Этего.

— Что за чудеса?

— Передается по всем каналам с идущего в нашу сторону таанского линкора.. Стоп-кадр. Ни звука, ни движения.

— Свят-свят-свят! — громыхнул Махони. — Ну-ка немедленно свяжите меня по горячей линии с Прайм-Уорлдом. Кодовое слово «рентген».

Это кодовое слово обеспечивало возможность незамедлительно напрямую связаться с Вечным Императором.

Не только волчата попали в тщательно подготовленную ловушку в Пограничных Мирах, но вот теперь и матушка-волчица, дерзкая зверюга, идет прямиком в западню.

Две флотилии легких тактических кораблей провели первую атаку. Атаковали под таким углом, чтобы подольше быть вне зоны поражения корабельной артиллерии «Фореза». Приказ был прост — уничтожить сверхтяжелый корабль противника.

Однако расчет оказался неверен: изощренная система наведения орудий «Фореза» работала так, что брала и вела цель, невзирая на то, под каким углом та приближалась.

Удар был сокрушительным. Уцелело лишь пять из двадцати пяти имперских такшипов.

Первая неудача была только первым маленьким неприятным сюрпризом. Затем выяснилось, что таанцы впервые построили тяжелый корабль, оборудованный внутренними ангарами для тактических кораблей.

Из открывшегося в брюхе «Фореза» люка вылетели шестнадцать суденышек. Но за время войны было пе-

ребито такое количество классных пилотов, что пилотировали эти юркие боевые машины — в сущности, полуавтоматические ракеты — зеленые юнцы, налетавшие в космосе от силы восемь тысяч часов. До войны таких считали бы любителями, которым самое время приступить к настоящей подготовке.

Таанские пилоты легких космических машин игнорировали искусство постоянного маневрирования и обманных движений — впрочем, при всем желании они бы не могли сравниться в этом с многоопытными имперскими асами, у которых были железные нервы и сотни тысяч налетанных часов.

Буквально через минуту все шестнадцать кораблей прекратили свое существование. Из их ракет в цель попала только одна, да и то — в свой собственный истребитель. Заодно действия этих аппаратиков нарушили боевой порядок таанских кораблей сопровождения.

Стоявшая на капитанском мостике Этего сохраняла непроницаемый вид. От тактических кораблей она и не ожидала многого, но погибнуть так бесславно... Впрочем, факт есть факт. И она отдала следующий приказ.

Начальник корабельной артиллерии уже принял решение, какой системой вооружения воспользоваться на ближайшем этапе боя. Он приказал подготовить к запуску «Нахкел» — самонаводящиеся массивные ракеты класса «корабль-корабль» среднего радиуса действия.

Но и тут все было не так, как надо. Таанские ракетчики, за выбытием старых и опытных, обучались все больше на тренажерах. И, соответственно, в реальном бою робели, путались и допускали ошибки. Одни операторы дали координаты цели с ничтожным отклонением, наводчики это отклонение своей неумелостью увеличили, а компьютерщики, которые отлаживали электронику самих ракет, допустили ошибки в программировании. К тому же при самом запуске то и дело заклинивало систему подачи ракет со склада. Ракетные двигатели тоже подвели — строгая бортовая статистика показала, что лишь семьдесят один процент сработал.

Ракеты уходили в сторону противника дюжинами, не причиняя существенного вреда. Кончилось тем, что, по недомыслию одного новичка, замкнуло цепи памяти главного компьютера, и запуск ракет прекратился. А вот имперские тактические корабли запускали свои ракеты типа «Кали» предельно точно. Одна из ракет взорвала на «Форезе» уже пустой корабельный ангар. За несколько минут бригады пожарников сумели потушить пожар

Однако первая имперская флотилия была потрепана во время боя — лишь пять кораблей остались не задеты и отступили. Тааанцы все свое внимание перенесли на вторую имперскую флотилию, у которой был приказ уничтожить корабли сопровождения «Фореза».

Им это практически полностью удалось.

Таанские истребители маневрировали независимо друг от друга. После того, как огонь ракетами типа «Нахкел» оказался не слишком эффективным, на «Форезе» было решено предоставить истребителям защищаться самостоятельно. Девять истребителей были уничтожены, прежде чем линкор спохватился и начал поддерживать их своим огнем.

Двадцать радиоуправляемых ракет дальнего радиуса действия были выпущены с «Фореза» и занялись поиском целей. Однако тяжелые корабли имперской флотилии, четко подчиняясь общему командованию, выплюнули из своих недр антиракеты класса «Фокс». Эти антиракеты создали сперва помехи в управлении таанскими снарядами, а затем и детонировали их с большого расстояния.

Имперские такшипы получили возможность начать новую атаку. И четыре из них занялись вражеским крейсером.

Своими выстрелами они раскололи крейсер надвое. Половинки завращались раздельно, но продолжали двигаться по инерции вперед. Через три земных года их случайно встретят далеко-далеко отсюда патрульные корабли. Разумеется, к этому времени весь таанский экипаж, переживший бой, уже погиб. В половинках крейсера, потерявшего возможность послать сигнал SOS, сохранился воздух, какие-то запасы еды и воды, но не на три года неуправляемого путешествия по Галактике.

Имперские такшипы нанесли еще один удар и повернули обратно. Они сделали достаточно много. За ними шли тяжелые корабли, которые докончат дело.

Этого приказала выпустить первые ракеты по тяжелым имперским кораблям с большого расстояния.

Двенадцать самонаводящихся исполинских ракет вышли из своих портов и включили двигатели, работавшие на АМ-2. Каждая ракета имела по нескольку ядерных боеголовок с зарядом, который мог уничтожить город размером со столицу Хиза. Ракеты — настолько нового типа, что еще не получили кодового названия, — действовали отменно. Они проигнорировали все заградительные антиракеты, их сенсоры не были сбиты с толку истребителями, которые маневрировали перед тяжелыми кораблями, экранируя собой пе-

ленгаторы противника. Правда, система разделения боеголовок в последний момент не сработала.

Однако разрушения были значительными.

Два имперских линкора были уничтожены — развеяны в пыль. Еще один получил такие повреждения, что позже пошел на переплавку.

Один крейсер был также уничтожен. Другой сильно поврежден. Еще четыре крейсера повреждены настолько, что вышли из боя.

Махони был прав, высоко оценивая убойную силу нового таанского суперкорабля.

Вслед за этим имперские корабли запустили в сторону «Фореза» тридцать ракет типа «Кали», которыми управляли вручную многоопытные операторы. Атака оказалась неудачной и захлебнулась из-за собственной чрезмерной силы. Ракеты «Кали» мешали друг другу, операторы быстро потеряли контроль над их движением — в итоге многие цели не достигли, а столкнулись друг с другом и взорвались. Но все эти взрывы происходили в непосредственной близости от «Фореза», а потому кое-какой вред все-таки нанесли.

Последний из таанских истребителей погиб в этом хаосе взрывов. Да и сам «Форез» получил две пробоины. Однако линкор продолжал неостановимо двигаться вперед — на полной скорости и стреляя из всех своих орудий.

Историки любят нудно спорить о том, кто конкретно убил того или иного великого полководца. Когда-то всем плешь проели, кто из пилотов бросил ту бомбу, что убила японского адмирала Исороку Ямамото — Ланфиер или Барбер?

Вот и после гибели леди Этего и «Фореза» не прекращались споры — чей удар оказался роковым.

Было два претендента.

Офицер имперского истребителя по фамилии Бриенниус. Она запустила ракету типа «Кали» и поставила ее в выжидательную позицию точно по курсу вражеского линкора. В нужную секунду она активизировала ракету, и та взорвала свой термоядерный заряд у самого сердца «Фореза», нанеся непоправимый ущерб.

На самом же деле пожарные и ремонтные службы за несколько минут справились с нанесенным ущербом.

Вторым претендентом был капитан такшипа по фамилии Алексис. Он решил, что пока большие корабли ведут бой, его космический комарик может пребольно ужалить. И выпустил сперва ракету ближнего боя, чтобы она экранировала идущую за ней более крупную. Это удалось—

«Гоблин» попал в носовую часть флагманского корабля таанцев.

Однако действия не этих героев стали причиной гибели «Фореза».

Историки так и не узнали, что леди Этего и «Форез» погибли из-за трусливого лейтенанта Гилмера.

Та метровая ракета, что разорвалась, так и не пробив броню «Фореза» до конца, сыграла роковую роль.

Когда локальный пожар, казалось, был потушен, системы пожарной тревоги не зафиксировали тления среднего слоя обшивки в районе цейхгауза. Медленный пожар, не замечаемый датчиками, потек по среднему слою обшивки в сторону носовой части. И при ударах ракет «Кали» и «Гоблин XII» через трещины проник сразу в десяток отсеков.

В конце концов огонь восторжествовал и катился по кораблю, прожигая перегородки. На капитанском мостике уже не успевали реагировать.

Очень скоро огонь добрался до запасов АМ-2.

Через несколько миллисекунд «Форез» из материи превратился в энергию.

Леди Этего могла бы гордиться своей смертью.

Хоть она и не проникла в самое сердце вражеского лагеря, она командовала своим кораблем до конца, и все подчинялись ей до последнего момента. И погибла прямо на капитанском мостике. Практически мгновенно.

Вместе с пятью тысячами солдат, находившимися на борту «Фореза».

Что ж, на войне случается умирать и более страшными способами. Леди Этего была ответственна за то, что миллионы людей опробовали все эти способы.

ГЛАВА 54

Леди Этего умерла, не запятнав своей чести. И за эту гордую смерть огромное число людей заплатили своей жизнью. Ее символический героический акт привел к тому, что мгновенно Таанская империя разлезлась по всем швам — властная иерархия распалась. Оставшиеся руководители делили власть, препирались друг с другом, пустили события на самотек, а толпы высыпали на улицу, ища виновных в происшедшей трагедии. Разъяренный народ объявил охоту на всех в военной форме — от офицеров до унтеров,

ибо кто же, как не они, предали родину. Недавний заговор военных был у всех в памяти.

Бывших в увольнении военных с боевых кораблей отлавливали на улицах и забивали до смерти. Многотысячные толпы собирались у казарм и баз, выкрикивая протесты, рыдая, вырывая себе волосы на голове и бросаясь на колючую проволоку под током. Во многих местах ограждения были прорваны и пробиты — защищаясь, солдаты стреляли в толпу. Сотни бунтовщиков погибли, но остальные не унимались. Солдаты все больше склонялись брататься с населением. Многие переодевались в штатское при первой возможности и присоединялись к толпам, штурмующим правительственные учреждения, вылавливали и убивали своих офицеров. Полицейские участки горели, разбегающихся полицейских догоняли и забивали насмерть. Персонал узлов связи, который не подчинялся приказу покинуть рабочие места, забивали камнями. И уже совсем непонятно, почему из поездов вытаскивали машинистов и вешали на столбах, обливая мертвые тела керосином и поджигая.

Большинство членов Верховного Совета попрятались у себя по домам, не пытаясь подавлять бунт, ибо опереться им было не на кого. Взбунтовавшийся люд убивал сперва их телохранителей, потом слуг, потом семьи, а затем и их самих.

Когда толпы перебили всех высших чиновников, они взялись за богатых торговцев, большинство из которых в самом начале заварушки успели бежать, прихватив свой капитал. Били витрины магазинов, вламывались внутрь, грабили, растаскивали товары со складов. Здания горели, и очень скоро столица напоминала средневековый город, отданный на трехдневное разграбление завоевателю.

Только Шабойа, и Сакс-клуб в том числе, как ни странно, не подверглись набегам мародеров. Стэн и Алекс избрали верную тактику. Всякий раз, когда толпы намеревались ворваться в кварталы, отданные пороку, агенты Стэна и Килгура увлекали народ за собой, обещая более легкую поживу и новых кандидатов на растерзание в других районах города. Сент-Клер и Л'н жались за спинами Стэна и Алекса, а те наблюдали с крыши ночного клуба за происходящим вокруг. На четвертом этаже Стэн и Алекс установили мощную радиостанцию и, уже ничего не опасаясь, вели постоянные переговоры со своими многочисленными агентами. Было ясно, что Хиз готов к вторжению имперских войск.

Беспорядки продолжались около двух недель — вплоть до момента, когда Махони наконец взломал таанскую оборону. Стэн и Алекс узнали об этом в полдень.

Внезапно на всех волнах их приемника появился голос Махони. Его массированное открытое вторжение в эфир заменило кодированное секретное обращение — не было времени на конспирацию. К тому же Махони уже не боялся громогласно объявить, что скоро начнется штурм Хиза.

— В настоящий момент, — заявил он Стэну и Килгуру,— мне наплевать, кто нас подслушает. Пусть знают, что я скоро буду на Хизе. И если я прорычу об этом во весь голос, в открытом эфире, таанцы наложат в штаны — и не сумеют докопаться, к кому конкретно обращены мои слова. Итак, по первому моему слову начинайте операцию.

— Как мы ее назовем? — спросил Стэн.

— Ну-у... скажем, операция «Черный Кот».

— Разве вы предполагаете неудачу?

В своем командном центре Махони по-волчьи оскалился.

— Нет, я думаю о мертвом коте. Которого швыряют в могилу врага.

Стэну не нужно было уточнять, чью могилу Махони имеет в виду.

Алекс и Стэн встревоженно вскочили на ноги, когда голос вдруг пропал из эфира. Несколько выматывающих секунд они тщетно ждали продолжения. Потом совсем другой, девичий голос вдруг затараторил: «Институт «Черный Кот». Повторите. Институт «Черный Кот». Повторите. Вы меня слышите, ребята? Повторите. Институт «Черный...»

Стэн рявкнул в эфир: «Сообщение принял!» — и отключил приемник, потому что девичий голос продолжал бубнить то же самое.

Стэн оглянулся на свой отряд — еще не веря, что наступила заключительная фаза операции и скоро все кончится.

Трое друзей — даже ерепенистый Алекс — пожирали его глазами в ожидании приказов. Стэн попытался сложить в голове какую-нибудь историческую речь, что-то достойное адмирала, прозревающего впереди успешный бой и окончательную победу. Впрочем, адмиралом-краснобаем он не будет. Пошла она куда подальше, эта история! Ну ее, лживую суку!

— Друзья, вы знаете, что должен делать каждый из вас,— только и сказал Стэн.

И все трое помчались выполнять свои задания.

Сент-Клер и Л'н надлежало оповестить своих главнейших агентов. Алекс уведомит Четвинда, чтобы его головорезы были подле Колдиеза, готовые действовать по первому приказу.

А Стэн займется Пэстором.

Он набрал нужный код на системе управления передатчиком, таймер запищал, после чего Стэн нажал

кнопку, чтобы в определенное время в эфир ушло заранее подготовленное обращение к Пэстору.

Глава личной службы безопасности Лемэй нашел Пэстора в оранжерее, где тот мирно вскапывал грядки. Рука Лемэя дрожала, когда он передавал Пэстору зашифрованное сообщение. Что было в шифровке, Лемэй понятия не имел. Но, ясное дело, что-то чрезвычайно важное, потому что хозяин велел дежурить у приемника в подвале круглосуточно, прослушивая эфир на определенной волне. Все услышанное фиксировать и доносить Пэстору. И, как на грех, Лемэй подвел его.

Лемэй, будучи чрезвычайно предан своему хозяину, последние две недели весь извелся, опасаясь за его безопасность. Как ни странно, толпа, громившая особняки всех членов Совета, обошла своим гневом жилище Пэстора. Однако вся эта нервотрепка настолько вымотала Лемэя, что он уснул возле приемника и проспал долго. Так что он не знал, как давно началась передача шифровки и насколько он опоздал принести ее своему боссу. За такой промах он готов был принять и смерть, если Пэстор прикажет его расстрелять. И то, что на шифрованное сообщение внимание Лемэя обратил один из охранников, еще больше усугубляло вину начальника пэсторовской службы безопасности. За это его следовало расстрелять дважды. Тот факт, что охранник, доложивший о шифровке, был новичком и хитрым лизоблюдом, никак не менял сути дела.

Лемэй сбивчиво объяснил все это Пэстору, закончив тем, что смиренно ожидает самого сурового наказания. Только выпалив все это, он заметил, что полковник не обращает на него ни малейшего внимания.

Пэстор в четвертый раз перечитывал шифрованное сообщение. Он был бледен как смерть, кровь застыла в его жилах. Все его умственные способности на какое-то время отказали. Пэстору приказывали срочно ехать в Колдиез. Там ему и его доверенным лицам среди тюремного персонала предписывалось оставаться впредь и тщательно следить, чтобы ни один из военнопленных не пострадал вплоть до приземления имперских десантников и передачи тюрьмы коменданту, которого назначат новые оккупационные власти. Пэстор должен был сдать тюрьму десантникам Махони.

Несколько секунд в голове Пэстора вертелось: лучше смерть, чем это. Потом он вспомнил леди Этего и удручающий результат ее смерти. Секунду спустя полковник уже отдавал соответствующие приказы Лемэю.

* * *

Старшему сержанту Шор выпала честь быть первым десантников из имперских сил вторжения, который обратился к таанскому крестьянину. Транспортник Шор был одним из кораблей Первой гвардейской дивизии, которые приземлились по периметру хизской столицы.

Лейтенант, командующий кораблем, выбрал для посадки прелестное ровное зеленое поле. Старший сержант Шор первой спрыгнула на землю из открытого люка. Сбежав на мускулистых ногах по аппарели вниз, с виллиганом наготове, она быстро озиралась в поисках потенциального врага.

— Сойди с моих клубней! — произнес чей-то хриплый голос.

Старший сержант резко повернулась, готовая нажать на курок. И тут у нее челюсть отвалилась от удивления. Перед ней стоял тщедушный коренастый человечек, одетый в зелено-коричневое тряпье — типичный домотканый наряд таанского крестьянина. Розовые ноздри его носа-кнопки яростно трепетали. Он угрожающе потрясал мотыгой в сторону незваной гостьи. Затем Шор разглядела, что существо это мохнатое, а на передних его лапах длинные когти.

— Что вы, черт побери, говорите? — выдавила из себя Шор.

— Не ругайтесь в моем присутствии! — сурово сказал Лей Ридер Кристата. — Великий Создатель не любит ругани.

— П-про-о-остите, — промямлила Шор.

Она совсем растерялась, когда появились и другие «крестьяне».

Трое из них, даром что в домотканых зелено-коричневых нарядах, принадлежали к жителям Империи. Остальные были таанцы — мирные таанцы. Стэн был бы сначала очень удивлен, а потом очень обрадован тем, что план Кристаты оказался в точности выполнен. Кристата сумел не только благополучно бежать, но и, обратив в свою веру, уговорил целую таанскую деревню не сопротивляться имперцам и встретить их благожелательно, потому что зла от них не будет.

— Так вы сойдете с наших клубней, или нам придется жаловаться вашему командованию? — спросил Кристата.

Все еще до глубины души пораженная, Шор угрожающе сказала:

— Вы хоть понимаете, что идет война?

Кристата презрительно фыркнул.

— Война, как и правительство, — это развлечения для существ низшего порядка. Для тех же, кто принадлежит Великому Создателю, всякие войны и правительства под запретом. Мы не участвуем в этом ничтожном копошении.

Остальные крестьяне поддержали его слова, с энтузиазмом потрясая мотыгами. Шор удивлялась, по-

тела и не знала, как реагировать. Кристата сжалился над ней. Он положил свою мотыгу на землю и подошел к старшему сержанту.

— Похоже, вы очень устали, — участливо сказал он. — Возможно, кроткий последователь Великого сумеет помочь вам снять тяжкий гнет с души.

И Кристата занялся присоединением старшего сержанта Шор из Первой гвардейской дивизии к числу новообращенных.

Болезнь Пэстора и его решение временно удалиться от дел с самого начала казались Вичману подозрительными. И доклады о растущей активности Пэстора в Колдиезе только увеличили эти подозрения. Поэтому Вичман мало удивился, когда молодой краснощекий охранник, которого Вичман не так давно внедрил в личную охрану Пэстора, пришел с сообщением о получении странной шифровки, после чего его хозяин вместе со всеми своими людьми внезапно сорвался в бывший монастырь, превращенный в тюрьму для военнопленных.

Но в чем цель этой поездки в Колдиез? Что конкретно задумал Пэстор?

Тут все части загадки сложились вместе в уме Вичмана, и он вскипел от бешеной ненависти. Пэстор — предатель! И собирается откупиться от имперцев их военнопленными, дабы в будущем стать марионеткой Вечного Императора.

Что мог он, Вичман, предпринять в столь отчаянной ситуации? Леди Этего, последний таанский герой, пала в сражении. И тут Вичману показалось, что своим предсмертным шепотом леди Этего завещает ему свою мантию героя.

О да, он примет героическую эстафету, он подхватит выпавший из ее рук меч!

И Вичман поклялся хотя бы ценой своей жизни сделать так, чтоб к приходу имперских войск ни один из военнопленных не остался в живых.

Ло Прек нырнул за полуобвалившийся сарайчик, находившийся на одном из подходов к Колдиезу. За плечом у Ло Прека висела десантная винтовка. На поясе — запас патронов. Он толкнул дверь сарайчика, и та подалась с таким громким визгом, что Ло Прек невольно сжался — казалось, звук разнесся на километр.

Старший капитан быстро взобрался на чердак, нашел дыру в крыше и осторожно выглянул. Отсюда входные ворота тюрьмы были как на ладони. Просмат-

ривалась и мощеная улочка, которая вела вверх по склону к старому собору.

Ло Прек устроился поудобнее и стал ждать.

То, что ждать придется, быть может, очень долго, его не смущало. Чего-чего, а терпения ему не занимать! Именно терпение помогло выследить убийцу брата — для чего понадобилось преодолеть миллионы миль и потратить несколько лет. И вот желанный момент близится, он это чувствовал. Ло Прек в своих размышлениях пошел дальше. Он понял, что, если состоится финальный бой за Колдиез, без Стэна тут не обойдется.

И Ло Прек будет ждать в засаде.

Он зарядил винтовку и проверил прицел.

ГЛАВА 55

Своим спасением Колдиез — а это сотни и сотни военнопленных, среди которых львиную часть составляли высшие сановники и офицеры, — был обязан, как ни парадоксально, любовью Вирунги к музыке, размеры которой тот скрывал даже от Стэна.

В свое время молодой Вирунга увлекся духовыми инструментами до такой степени, что его отцу, замученному просьбами сына, пришлось выложить огромные деньги, чтобы с самой Земли доставили древний инструмент под названием саксофон. И вот молодой Вирунга совершил малую революцию. Музыка н'ранья того времени основывалась на системе тридцати девяти тонов, и каждое сочинение состояло из двух частей. Первая часть — несколько нот, повторяемых с вариациями, и каждая фраза заканчивается в новом ключе. Во второй части эти же вариации проходили в первоначальном ключе.

Н'ранья обожали спускаться с деревьев, собираться толпами и слушать эту предельно формализованную музыку. Молодое поколение находило ее до тошноты скучной. И вот Вирунга первым ввел новый подход — полная импровизация, которая не сковывает музыканта никакими правилами. Новый стиль назвали и'зз, но эту музыку приходилось исполнять втайне — где-нибудь на опушке. И только со временем бунтарская музыка стала легальной.

Вирунга, обожавший импровизации, не растерялся, когда в сонате «Стэн», написанной в ключе свободы, внезапно зазвучали неожиданные и малоприятные обер-

тоны. Он сумел справиться с главной темой и, разыграв все не по нотам, все же добраться до гармоничного благополучного финала.

Первые действия были предприняты в подвалах Колдиезе. Самые опытные бойцы из военнопленных вскрыли давно забытые всеми ящики со старинным оружием, которые находились в подвалах. И началось обучение всех тех, кто был здоров и крепок.

Поворчав, Вирунга позволил Краулшавну и Соренсену подготовить азимутные карты и набросать предложения о том, как использовать артиллерию. Сам он провел много часов, запершись с Держиным и Авренти, обсуждая то, что может случиться и как избежать опасностей. Авренти, как-никак профессионал, уже просек, что пора переходить на сторону будущих хозяев. А частые наезды Пэстора, который настаивал на гуманном отношении к заключенным, ободряли Держина и толкали к все более тесному сотрудничеству с заключенными. Проблемой оставались Генрих и горстка охранников, верных таанскому режиму. Но проблема не столь уж острая — вооруженные пленники вкупе с Четвиндом и прочими подкупленными или запуганными охранниками как-нибудь справятся с малым числом тупых фанатиков.

Подготовка и обучение в подвалах завершились, как и планировалось, к моменту высадки первого имперского десанта на Хиз. После того как корабли Махони атаковали столицу, в лагере взвыла сирена тревоги — общее построение — и начался второй этап операции. Заключенные, невзирая на крики охранников, строились медленно. Вирунге приказали произвести перекличку. Было и на глаз видно, что очень многие отсутствуют в строю. Таанский сержант, из твердолобых, начал злобно орать, но в следующий момент уже лежал на земле с перерезанным горлом.

Его убил Соренсен. Кодовое слово, которое Махони сообщил Стэну, не только активировало робота, но и включило те участки его памяти, в которых хранились навыки бойцов спецотряда «Богомолов».

Начальник охраны лагеря Генрих с другого конца площади увидел, что его подчиненный убит. В следующий момент он увидел, как из-за спин товарищей выдвигаются вооруженные пленные. Другие вооруженные узники появились на балконах зданий вокруг центрального плаца. Генрих выкрикнул команду открыть огонь и схватился за свой «виллиган», но Четвинд оказался быстрее. Он облапил майора сзади, вспомнил все обиды, которые претерпел за свою долгую биографию охранника от начальства — подонков вроде Генриха, и

сжал вырывавшегося начальника охраны со всей своей медвежьей силой. Затрещали ребра, изо рта Генриха хлынула кровь. Четвинд разжал руки, и Генрих забился в агонии на земле.

Четвинд метнулся к ближайшему укрытию, а между военнопленными и лояльными охранниками завязалась перестрелка. Силы были неравны, через несколько минут с шавками Генриха покончили.

Вирунга молча стоял в стороне, глядя на бойню и не кланяясь пулям. Когда воцарилась тишина, он обратился к Авренти и Держину, рядом с которыми жались растерянные охранники, не желавшие стрелять в пленных.

— Началось, — сказал Вирунга. — Складывайте... оружие... на землю. Возвращайтесь... в свои казармы. Ждите... дальнейших... приказов. Будете... слушаться... ни один из вас... не пострадает.

И когда лорд Пэстор прибыл со своими людьми в Колдиез по приказу, который содержался в шифрограмме, тюрьма уже находилась во власти заключенных. Его приняли крайне любезно и пригласили пока что оставаться в самом сухом и безопасном подземелье.

Так закончился второй этап операции.

Казалось, третий этап будет самым простым, даже почти опереточным. Заключенные взбираются на высокие стены крепости и поворачивают орудия дулами на столицу.

Теперь пленникам Колдиеза — впрочем, уже нисколько не пленникам, а скорее хозяевам — оставалось одно: спокойно дожидаться подхода имперских войск. Таанцам уже не до Колдиеза, а если кто и сунется, то его нетрудно шугануть несколькими прицельными выстрелами с крепостных стен.

Однако эта третья и заключительная фаза восстания оказалась не такой легкой. Вместо тишины и пения птичек военнопленные внезапно услышали рокот танков, которые ползли в их сторону, вверх по склону.

Лорд Вичман. И его головорезы. Помимо танков, он привел несколько десятков самоходок, а также не менее батальона солдат в транспортных гравитолетах. Тем, кто находился в Колдиезе, следовало бы благодарить судьбы, что у Вичмана не было ни времени, ни возможности в хаосе последних часов добыть тактическое ядерное оружие. Тогда бой завершился бы в две минуты.

Первый выстрел пушки с крепостной стены — перелет. Танк повел дулом — и одним выстрелом снес пушку, которая была установлена в дозорной будке.

Новоприбывшие войска прибыли не для инспекции. А для бойни.

Вирунга кинулся к передатчику — сообщить Стэну о происходящем. Далее придется импровизировать, как в старые добрые времена, когда Вирунга играл и'зз.

Стэн пережил долгий и мучительный разгром в Пограничных Мирах, но так и не выработал иммунитет против ситуаций, когда обрушивается весть о том, что ты в дерьме и никакого выхода нет.

Он стоял в центре Сакс-клуба возле передатчика, который только что принес страшную весть из Колдиеза. Стэн отлично понимал, что против бронетехники восставшие военнопленные бессильны. И ничем — абсолютно ничем! — он не может помочь. Поддерживая постоянную связь с имперским десантом, он знал, что наступление захлебнулось. Десантники блокированы и ведут тяжелые бои. Понадобится по меньшей мере три дня, чтобы сломить сопротивление таанцев. И прикрыть Колдиез с воздуха имперскими истребителями не получится — противовоздушная система Хиза пока работает отлично. Посылать такшипы — значит обрекать их на верную гибель. А другие корабли заняты на самых значительных участках сражения — без них десантников на земле попросту перебьют. Что касается ракетного удара, группа Вичмана была так близко от стен Колдиеза, что даже взрыв ракеты, скорее всего, погубит заключенных, если она хоть немного отклонится от курса.

Стэн метнул взгляд на окно. Было ясно и без прогноза погоды, что моросящий дождь и туман предвещают бурю. Тем временем Килгур вывел на большой экран топографическую карту района Колдиеза.

Сколько раз он взбирался по этим склонам, когда был заключенным! Странно видеть все это с птичьего полета...

— Дай боковой вид, — приказал Стэн Алексу.

На экране возник вид сбоку — с красивым очерком старинного собора на самом верху горы.

— Как ты думаешь, Вичман собрал цвет таанской армии?— спросил Килгур.

— Отнюдь нет. Наскреб по сусекам, что попало.

Должно быть, Килгур прав. А вдруг — нет?

Всматриваясь в склоны холма, на котором находились крепость Колдиез и столичные пригороды, своими улицами упиравшиеся в подножие холма, Стэн вдруг вспомнил кое-что. В голове блеснула идея. Но для успеха нужна была одна вещь.

Он спросил о ней Килгура.

— Ну конечно, все там и осталось.

— И никто не украл?

— Даю голову на отсечение. Ни один таанец туда не сунется — даже самые отчаянные мародеры.

— Есть у нас под рукой пара исправных гравитолетов?

— Разумеется.

Килгур первым устремился к двери.

Стэн намеревался провести оставшиеся дни в этом зале, как паук, раскинувший сеть. Отсюда командовать сетью агентов и носа не казать на улицы города. Но не вышло.

Он посмотрел через зал на Сент-Клер, которая удрученно покачала головой, потом пожал плечами и кинулся вниз по лестнице.

Килгур, уже в полном боевом облачении, поджидал его у гравитолета вместе с двумя агентами Четвинда. Оба гравитолета были старенькие, покореженные, однако на ходу. Стэн быстро взобрался в тот, которым управлял Алекс, и они помчались по улицам в сторону монастыря-тюрьмы.

— А почему ты так уверен, что все на месте? — спросил Стэн.

— Помнишь четвероногое, которое мы видели в тот день, когда прибыли в столицу?

Стэн поднапряг память и вспомнил лошадь, брошенную таанским офицером.

— Лошадь?

— Молодец, приятель. Что делает лошадь после того, как сдохнет?

Стэн пожал плечами.

— Она воняет. Очень сильно воняет. Так что туда ни один нормальный человек не сунется.

Предположение Килгура о слабости вичмановского отряда было правильным.

Танком, который снес настенное орудие крепости, управляли юнкера-недоучки, и попали они в дозорную башню чисто случайно. Их непрофессионализм подтвердило следующее действие: они остановились, въехав на кучу щебня. Пока юнкера оглядывались и не спеша наводили пушку, брюхо их танка было оголено — торчало над кучей щебня.

Но это брюхо было единственным местом танка, уязвимым для простой противотанковой мины старого образца (а только такие и были у бывших заключенных). И Вирунга дал команду стрелять.

Танк загорелся. Его экипаж погиб при взрыве мины.

Обездвиженный вражеский танк загородил узкий проезд вверх, к крепости. Вся бронетехника Вичмана оказалась блокирована внизу — неожиданное счастье для бывших заключенных.

Но теперь следовало ожидать атаки пехотинцев.

Впрочем, и пехота была собрана Вичманом, что говорится, с бору по сосенке — юнкера из столичных военных училищ, легкораненые из резерва, нестроевая рота. И все же своим количеством и современным вооружением они представляли страшную угрозу для повстанцев в Колдиезе.

Именно это и было на уме у Вичмана.

Однако попытка малообученных и плохо организованных пехотинцев пройти дальше — выше танка, перегородившего дорогу, была легко отбита ураганным огнем со стен крепости. Вичмановская пехота залегла за буграми и руинами. Второй атаки не последовало.

Вместо этого вичмановский батальон стал спешно строить баррикады, перегораживая улицы у подножия холма.

«Стройте, стройте, — ухмылялся про себя Вирунга, — мы контратаковать не собираемся!» Если таанцы затевают осаду— замечательно. Повстанцы Колдиеза смогут продержаться до подхода имперских сил.

Возможно. А теперь нужно заняться теми пушками, что имелись на стенах. Вирунга был бы рад поверить, что эти старинные пукалки можно использовать с толком и всерьез назвать артиллерией...

В сумерках Стэн и Алекс лежали на крыше одного из многоэтажных домов у подножия холма, где располагался Колдиез.

Далеко на склоне, полускрытый в руинах, находился тот самый большой гравитогрузовик. Килгур был прав, даже сюда доносило запах — от грузовика нестерпимо смердело.

Вичмановские юнкера постреливали в сторону тюрьмы. Бывшие заключенные отстреливались. Редкая беспорядочная пальба.

Стэн дождался темноты и отправился с Килгуром в путь короткими перебежками. Вскоре они достигли еще дымящегося танка, который блокировал дорогу наверх. Килгур обежал машину и жестом спросил Стэна: здесь?

Стэн жестом же ответил: еще десяток метров.

И тут они чуть было не погибли.

Несмотря на энергичные протесты Вирунги, что он не хочет терять свой боевой компьютер, Соренсен принял решение устроить врагу засаду. Собрав ветеранов-десантников, в темноте выскользнул из крепости и занял позицию неподалеку от сгоревшего танка.

Соренсен понимал, что люди Вичмана попытаются ночью добраться до танка, чтобы починить его, а потом или повести вперед, или убрать с дороги. А поскольку в

вичмановском отряде не могло быть много толковых специалистов, то стоило перебить их при попытке отремонтировать злосчастный танк.

Когда Соренсен увидел, что к танку прокрались два человека, он выхватил кинжал из-за пояса и уже хотел махнуть своим людям: вперед! — как вдруг заметил, что те двое обменялись знаками на языке жестов, принятом в отряде «Богомолов». Что за чудеса? Неужели таанцы переняли имперские приемы? Он шепотом отдал приказ схватить тех странных двоих.

Несколько бывших заключенных выдвинулись из темноты, нацелив автоматы на Стэна и Килгура. Из-за их спин вышел Соренсен и шепотом приказал:

— Документы!

Стэн сообразил, что это не таанец. Таанец не стал бы шептать в такой ситуации.

— Мы имперцы.

— Пусть второй сделает шаг вперед.

Ночное видение Соренсена резко ухудшилось из-за тягот жизни в Колдиезе, и он не узнал Килгура.

— Да никак Соренсен! — прошептал Килгур.

Этого было достаточно для идентификации. Соренсен мигом узнал его по акценту и манере говорить. И махнул своим ребятам отойти в укрытие, а сам богомоловским жестом спросил Стэна: нужна помощь? Тот отказался. Двоих не так быстро заметят.

Они с Килгуром быстро вскарабкались по склону к грузовичку, возле которого лежала дохлая лошадь. Стэна чуть не вывернуло от смрада. Действительно, ни один мародер не сунулся к грузовичку. Бочки с полужидким машинным маслом никто не тронул. Стэн и Килгур проворно выкатили их и разлили масло вдоль дороги.

В сопровождении одного из бойцов Соренсена они поднялись к крепости и шмыгнули в приоткрытые для них железные ворота. Стэн надеялся, что найдется достаточно воды, чтобы выкупаться. Ему казалось, что он до сих пор припахивает падалью.

Ночью люди Вичмана подвели к танку несколько машин, плотным огнем оттеснили группу Соренсена и отбуксировали танк вниз. Дорога оказалась свободна.

Стало быть, утром следовало ожидать атаки.

И Вирунга вытащил на стены весь запас своей артиллерии.

Нельзя сказать, чтоб этот запас был очень велик.

В катакомбах нашли четыре старинные пушки. Не лазеры и не мазеры, а орудия, куда закладывают снаряд и дергают за шнур, чтобы выстрелить. Вирунга сперва думал, что это чисто церемониальное оружие, но нашел прицел — такого допотопного образца, что ему смешно стало. Однако если есть прицел, стало быть, из орудия стреляли всерьез.

Откатные механизмы, конечно, заржавели. И Вирунга, от греха подальше, закрепил пушки намертво на железных балках стен.

Эти четыре пушки Вирунга назвал батареей «А».

В батарею «Б» входило восемь многоствольных противотанковых минометов. Боеприпасов к ним хватало. Однако броню современного танка эти мины не пробивали.

Батарея «В» была и того слабее.

Словом, крохотные переговорные устройства, которых Стэн много натащил в Колдиез, были единственными по-настоящему современными аппаратами у защитников крепости, не считая виллиганов. Но и то хорошо. Это обеспечивало взаимодействие боевых групп.

Когда первый танк противника пополз вверх, в сторону крепости, Вирунга начал бой.

— Батарея «А», товсь! По противнику, огонь!

Орудийный командир первой пушки взял под прицел гравитолет с таанскими юнкерами. Он затаил дыхание и рванул пусковой шнур. Снаряд упал в пяти метрах от машины противника. Вирунга, артиллерист бывалый, дал нужный совет, и третий снаряд перевернул гравитолет противника.

Вирунга довольно усмехнулся.

И остальные три пушки плевались огнем, порой даже попадая в цель. Но от брони танков и самоходок снаряды отскакивали, как вишневые косточки.

Стэн понял: если что и остановит танки, так это пролитое на камнях масло.

И действительно, первый же танк, который добрался до крутого участка дороги, облитого маслом, забуксовал. Гусеницы крутились, а машина не двигалась.

Бывшие заключенные покатывались от хохота, трясясь за зубьями стены. Но высовываться, чтобы получше рассмотреть происходящее, под плотным огнем противника не очень-то получалось.

И тут защитникам Колдиеза крупно повезло.

Снаряд батареи «В» угодил под башню первому танку, который бессильно буксовал на дороге. Взрывом машину подбросило и развернуло поперек дороги, башню

снесло. Опять узкий проезд оказался блокированным кучей металлического лома.

На батарее «В» царило ликование. Справедливости ради надо сказать, что в тот день больше ни один снаряд этой батареи не достиг цели.

Вичман приказал пехотинцам начать атаку.

Перебегая от одного укрытия к другому, таанцы двинулись вверх по склону. Но последний стометровый участок им придется преодолевать по совершенно открытой местности.

Стэн вел неспешный снайперский огонь, методично укладывая таанских недотеп, словно манекены на учениях в тире.

Однако дело защитников Колдиеза было обречено.

Петля вичмановского войска медленно и упрямо стягивалась. Противник превосходил их и в живой силе, не говоря уже о технике.

Старший прапорщик Ринальди Эрнандес спрашивал себя: если он выживет в плену и когда-нибудь получит в руки оружие, сможет ли он стрелять в людей, хотя бы они и принадлежали к тем, кто убил его внука?

Смог.

Где-то в катакомбах Эрнандес разжился огромным ружьем — приставленное к ноге, оно было вровень с его плечом. Это было старинное однозарядное ружье с допотопным же оптическим прицелом.

Но музейный экспонат на диво хорошо стрелял.

Эрнандес взял на мушку таанца за рычагами управления гравитолета. Глубоко вдохнул. Наполовину выдохнул — и нажал на курок. Ружье дернулось, больно ударив в плечо.

Килгур, впервые увидев это ружье, назвал его «динозавром».

— Это не динозавр, а ружье, которым можно и динозавра повалить, — уточнил Стэн.

— Нет, это ружье, которым динозавры воевали между собой, — оскалился Килгур.

Потирая плечо, Эрнандес покосился на вражеский гравитолет. Водитель взмахнул руками и сполз с сиденья. Эрнандес поставил аккуратную метку на камне около себя. Двадцать седьмой.

Он поискал новую жертву. Внизу таанский сержант зафиксировал легкое движение на стене и нажал на спусковой крючок своего виллигана.

Три заряда вспороли живот Эрнандеса.

Бойня продолжалась.

Вирунга инстинктивно пригнулся, когда прозвучал взрыв, мощным эхом прокатившийся по крепостному двору. За взрывом последовали душераздирающие крики.

Одна из пушек взорвалась. Погибло больше тридцати защитников крепости зараз. Медики побежали оказывать помощь раненым.

Вирунга сохранял невозмутимое выражение лица. По крайней мере среди этих массивных стен взрывы приносят минимальный ущерб. Но мало-помалу и остальные три пушки будут уничтожены. Колдиез не сможет продержаться больше суток.

А ночью Вичман заминирует стены.

Вичман отдавал очень точные приказы. Не имея почти никакого боевого опыта, он учился на глазах, стремительно. «Эх, — думал он, — я мог бы больше пригодиться Родине, если бы не протирал кресло в Совете, а пошел простым командиром в боевое подразделение. И кто знает...»

Но было смешно думать, что он один мог бы изменить ход войны.

Однако хотя бы сейчас он в силах отомстить сполна и показать имперцам, что и умирающий таанец кусается. День клонился к вечеру, Колдиез уже горел со всех концов. А если где и были темные места, по ним шныряли шесть таанских прожекторов. Пулеметы и орудия самоходок били по крепости. Ответный огонь ослабевал. «Всех, всех уничтожим, и очень скоро», — думал Вичман.

Его план срабатывал.

Когда огневые точки в крепости были подавлены и оттуда стреляли только из ручного оружия, Вичман послал своих взрывников. Они подвезли на самоходках около десяти тонн зарядов. Следующая атака, которая начнется перед самым рассветом, будет решающей.

Но лорд Вичман до рассвета не дожил.

Ночью Стэн прокрался в лагерь противника и четырьмя выстрелами из «виллигана» разорвал тело Вичмана на куски.

Это был настоящий подвиг, и Стэну лишь с большим трудом удалось бежать — благодаря тому, что он знал систему тайных ходов, ведущих в Колдиез, и вовремя юркнул под землю. Однако в крепости его ждало горестное известие.

Катастрофа близилась.

Вирунга ввел его в курс дела. Они видели и слышали, как устанавливают взрывчатку. Когда таанцы

откатились назад, четыре храбреца из крепости — мужчины и женщины — попытались добраться до взрывчатки, но были скошены пулями и остались лежать неподалеку от ворот.

Про себя Стэн подумал: если бы они и добрались до взрывчатки, им бы ничего не удалось сделать. Современные заряды так ограждены разными ловушками от тех, кто попытается их разрядить, что и не всякий робот справится с обезвреживанием. А тут в темноте, наспех — верная смерть.

— Я приказал всем отойти от крепостной стены, — сказал Вирунга. — Если стены не придавят нас, после взрыва мы вернемся на огневые рубежи... У тебя нет предложений получше?

Стэну сказать было нечего. И Килгуру, который вернулся из разведки часом позже. Они стали искать стену покрепче, за которой можно было бы укрыться.

Хотя Вичман погиб, его солдаты довершали начатое.

Взрыв состоялся в назначенную минуту.

Взрывная волна разрушила остатки строений у подножия холма. По силе это напоминало землетрясение; имперские десантники, которые вели уличный бой в двух километрах от холма, невольно кинулись ничком на землю, вообразив, что это тактический ядерный взрыв. А пыль от взрыва поднялась в небо на три километра — несмотря на так и не прекратившийся моросящий дождь.

Стена, смотрящая на столицу, рухнула почти целиком. Однако каким-то чудом погибли только шесть защитников Колдиеза. Что ни говори, в старые времена строили на славу.

Таанцы кинулись в новую атаку.

Но бронетехника опять не смогла поддержать их в полную меру: огромные многометровые куски стены преграждали дорогу вверх. И лишь скользящие над поверхностью гравитолеты могли помочь пехоте своими мелкокалиберными пушками.

Несколько ошарашенные тем, что они по-прежнему живы, защитники Колдиеза вылезали из своих нор и возвращались через руины на передовые позиции. Они занялись отстрелом водителей гравитолетов — и вскоре все гравитолеты были выведены из боя. Первая атака таанской пехоты захлебнулась.

Но вторая волна наступающих продвинулась вперед и залегла за камнями.

Третью волну вновь поддержали пушки гравитолетов.

Защитники Колдиеза медленно отступали и наконец были вынуждены спасаться бегством.

Вниз, в катакомбы.

— Да, очень удобное местечко для того, чтобы отбросить копыта, — прокомментировал Килгур, с кислым видом оглядывая мрачный подвал. — И могилку копать не надо.

Вирунга проследил, чтобы все оставшиеся в живых спустились по каменной лестнице вниз, затем подковылял к Стэну. Тот поспешно реорганизовал бойцов в пятерки и каждой отвел огневую позицию: защищать вход на лестницу, лестничные площадки, отдельные коридоры.

Все, что могло задержать пули, стаскивали в баррикады.

Понукать людей не было нужды, равно как и повышать их боевой дух. Все понимали, что таанцы пришли не для того, чтобы взять их обратно в плен. Предстоял бой до последней капли крови. Весь вопрос заключался лишь в том, много ли врагов удастся утащить с собой в могилу.

Килгур с помощью Стэна выкатил на середину коридора огромный валун, положил на него свое оружие и боеприпасы.

Стэн проделал то же самое.

— Не знаю, хватит ли у таанцев мозгов додуматься до этого, — сказал Килгур, — но я бы на их месте не рисковал своей шкурой, а пустил сюда отравляющий газ. Ведь у нас ни одного противогаза.

Стэн про себя подумал: «Быть может, такой исход был бы самым безболезненным».

— А еще они могут просто-напросто замуровать нас ко всем чертям. То-то будет досада! Мамочке даже косточек моих не пришлют. К тому же я боюсь закрытого пространства, так их растак!

Стэн оскалился — он хотел улыбнуться, но получилось черт-те что.

Как ни странно, ждать им пришлось крайне долго.

Ничего не происходило. Наверху слышались глухие выстрелы, взрывы. Видать, таанцы прощупывают руины, боятся подойти ближе. Неожиданно стрельба и взрывы усилились — как будто там шел упорный бой. Потом шум прекратился, сменившись одиночными выстрелами. Затем — мертвая тишина.

Стэн оторопело зыркнул на Килгура.

— М-да, — произнес Алекс. — Что-то придумали. Что-то крутое. Или дают нам помолиться напоследок.

Но оба, не сговариваясь, схватили по гранате и стали медленно красться вверх по лестнице — к выходу из катакомб.

Чуть они выглянули, обрушился шквал огня.

— Свинство, — завопил Алекс. — Тут хрен помолишься.

Стэн уже приготовился швырнуть гранату, как вдруг стрельба прекратилась и усиленный репродуктором голос проорал на ломаном таанском:

— Сдавайтесь. Сопротивление бесполезно. Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками.

Стэн и Алекс заулыбались как сумасшедшие. Стэн крикнул на имперском:

— Мы свои, братцы! Не стреляйте, выходим.

— Только по одному. Без оружия. И не рыпайтесь. Сейчас разберемся, кто вы такие.

Стэн сорвал с себя пояс с оружием и медленно вышел, готовый юркнуть обратно, если это провокация.

Из-за камней выглянули два гвардейца-десантника — пугливо глядя красными, воспаленными глазами. На их лицах лежал слой серой пыли.

Стэн и Алекс кинулись к парням — целовать. Те неловко подставляли щетинистые щеки.

Защитники Колдиеза были спасены.

Завершающим ударом командовал однозвездный генерал. Имперские силы провели сокрушительную атаку при поддержке бронетехники и прорвали таанскую линию обороны.

Они не остановились, чтобы расширить брешь в обороне, а двигались вперед по улицам столицы, уничтожая все, что шевелилось, был ли то солдат или мирный житель.

Следующая волна атакующих расширила брешь.

И наконец имперские части, пройдя город насквозь, ударили Вичману в тыл.

Стэн и Алекс стояли на главной площади Колдиеза и слушали возбужденный рассказ генерала. Генерал очень гордился и собой, и своими войсками.

«Что ж, он имеет на то право, — подумал Стэн, валившийся с ног от усталости. — Вот отосплюсь месяцев шесть и почувствую благодарность. И, может быть, даже угощу этого человека пивом. И поставлю по кружке пива или по стопке чего покрепче всем, кто меня тут выручил. А сейчас и мыслям в голове ворочаться лень».

Стэн повернулся к Килгуру — предложить где-нибудь прилечь и продрыхнуть пару суток. И увидел, что его друг внезапно вскинул винтовку к плечу.

Ло Прек прицеливался тщательно. Он присоединился к наступающим и вошел в Колдиез. В пылу

сражения, а потом всеобщего ликования никто не спросил его: приятель, а ты кто такой?

Он быстро прокрался в собор и устроился у окна. Очевидно, Стэн на стене или на площади. С места, где затаился старший капитан, просматривалась вся крепость — Стэн обречен.

Ло Преку было плевать на разрушения, произведенные имперским и таанским оружием. Война есть война. И в конце концов он вознагражден за долготерпение. Внизу, на площади, стоит человек, убивший его брата. Когда Стэн очутился в перекрестье прицела, сердце Ло Прека пело, и он прицеливался неспешно — зная, что больше одного выстрела сделать не удастся.

Стэн и гвардейский генерал кинулись ничком на землю, а Килгур одним выстрелом разнес окно собора.

— Что это было, черт возьми? — спросил Стэн, поднимаясь и отряхиваясь.

Килгур опускал свою винтовку, а из окна свесилось мертвое тело.

— Поганый снайпер, — сказал Килгур.

Стэн мотнул головой и крякнул. Баста. Для него война закончена.

Труп Ло Прека был подобран группой таанских жителей, которых отрядили собирать мертвые тела.

Под надзором имперского инспектора санитарной службы труп Ло Прека погрузили на грузовой гравитолет и вывезли на загородное кладбище, где и кремировали — вместе с тысячами безымянных жертв последних военных действий.

И на том война закончилась.

ГЛАВА 56

Документ о капитуляции представлял собой небольшой кусок белого пергамента. Он был очень коротким. Потому что никаких условий в нем не оговаривалось. Капитуляция была полной и безоговорочной.

С того момента, как этот документ подпишут обе стороны, бывший Таанский Союз оказывался на милости победителя — Вечного Императора.

Документ лежал на небольшом, покрытом скатертью столике. За ним сидел лично Ян Махони — пред-

ставитель Вечного Императора и отныне генерал-губернатор того, что до сих пор называлось Таанским Союзом. Этот столик и стул были единственной мебелью в совершенно пустом банкетном зале «Нормандии».

Именно здесь произошел тот роковой инцидент, который привел к началу войны. Тогда этот банкетный зал загромождали столы, уставленные деликатесами для приема цвета таанскqй дипломатии. И тогда предполагалось подписать документ совсем другого рода — декларацию о мире. Сам Вечный Император председательствовал на обеде в честь таанских высокопоставленных гостей. Увы, последовал вызванный предательством кровавый инцидент.

Теперь Император не показывался. Его нарочитое отсутствие должно было подчеркнуть унижение таанцев. Вместо Императора за столом сидел Махони. За его спиной стояли навытяжку два адъютанта. Вдоль стен выстроились ряды высших имперских офицеров.

В дальнем конце зала, за наспех сооруженными ширмами, скрывались несколько телевизионных бригад, которые должны были снимать исторический момент.

И вот раздвинулись створки парадного входа, и в зал вошел полковник Пэстор. Из всех членов таанского Верховного Совета в живых остался он один. Через минуту он превратится в простого гражданина. Согласно указу Вечного Императора, как только будет подписан документ о капитуляции, все ранги и титулы бывшего таанского государства будут отменены.

В медленном скорбно-торжественном проходе к столику в центре зала Пэстора сопровождали двое таанцев, один — в мундире офицера таанской таможенной службы, второй — в мундире генерального почтмейстера. Чиновников более высокого ранга не нашлось. Сам Пэстор, согласно требованию Вечного Императора, был одет в штатское.

Наконец Пэстор остановился перед столиком. Махони поднял голову — и это было единственным движение в зале после того, как Пэстор замер на месте. Махони и Пэстор встретились глазами, глядя друг на друга исподлобья.

Пэстор знал, что имперские солдаты поставили на всех площадях большие экраны, которые сейчас показывают крупным планом каждое его движение. И миллионы таанцев наблюдают за ним. Его долг — как-то сберечь и свою, и их честь. До каких пределов унижения ему позволено дойти?

Второго стула не было. И никто не предлагал.

Махони, не вставая, придвинул бумагу к Пэстору.

— Подписывайте! — коротко велел он.

Пэстор дрожащей рукой дотянулся до ручки и поставил на документе свое имя. Махони передвинул документ в свою сторону и тоже подписался. Затем кусок пергамента был отдан адъютанту. Лишь после этого Махони снова поднял глаза на Пэстора. Глаза, полные ненависти. Однако именно эта ненависть внесла успокоение в душу Пэстора. Как раз ее он понимал.

— Это все, — сказал Махони.

И в гробовом молчании гражданин Пэстор повернулся и вышел вон.

Адмирал Стэн шагал взад и вперед по коридору. Из динамиков в обоих концах коридора несся голос комментатора, который рассказывал взахлеб о происходящем в банкетном зале. Шагая по коридору, Стэн поглядывал на дверь, которая вела в апартаменты Вечного Императора. В любой момент Стэна могли вызвать к верховному главнокомандующему. Стэн был одним из немногих, кто с точностью знал, что Император находится на борту «Нормандии».

— Говорит, что он режиссер этого спектакля, — передал Махони слова властителя, — и просто обязан быть где-то поблизости, в последнем ряду, даже если ему нельзя лично появиться на сцене.

Стэн понимал обуревавшие Императора чувства и не мог не восхищаться его силой воли: в такой момент остаться за кулисами! На его месте Стэн похерил бы все протоколы и обязательно пошел бы поглядеть, как противник корчится в последней агонии.

Но не это было предметом размышлений Стэна, покуда он мерил шагами коридор. У него в голове роилось множество вопросов, которые, впрочем, сводились к одному: что босс поручит ему сейчас? Стэн был сыт по горло секретными операциями, подготовкой тайных убийств и прочим официально благословленным насилием. Он достаточно наубивал в своей жизни, от мысли о новом насилии уже мутило. И ему надоело, что им постоянно манипулируют. Надоело отдавать приказы и видеть, как люди гибнут, пытаясь их выполнить. Впервые на нем красовалась новенькая адмиральская форма, а уже и она ему надоела. Стэну смутно виделась жизнь, никак не связанная с армейской службой. Он мог только гадать, способен ли он жить спокойной мирной жизнью вне армии, но так приятно было хотя бы помечтать об этом.

Сент-Клер и Л'н были заняты продажей Сакс-клуба. Быть может, ему стоит присоединиться к ним, если они вложат деньги в какой-то бизнес. Да черт возьми, Ида

для него заработала процентами такой капитал, что он может купить несколько улиц игорных домов!.. Или заняться шоубизнесом? Бр-р! Что-то не тянет. Нужно посоветоваться с Килгуром. А то объединиться и на пару затеять что-нибудь на одной из далеких планет Фронтира, поглядеть, как живут и что затевают тамошние аборигены.

Тут створка двери с легким шипением отошла, и охранник-гурк жестом пригласил его внутрь.

Стэн зашел и вытянулся по стойке «смирно» у порога. Вечный Император нажал на клавишу, и телеэкран перед ним погас.

— Вольно, адмирал, без формальностей! — нетерпеливо бросил властитель. — Сыт по горло церемониями. Надеюсь, вас не обижает, когда я говорю, что все эти солдафонские штучки у меня вот где сидят.

Стэн рассмеялся, нисколько не обидевшись, и сел в кресло — не спрашивая разрешения у Его Величества. Император встал, взял бутылку стрегга и два стакана. Наполнил оба стакана до краев.

— До того, как я погоню вас отсюда, у нас будет время осушить по стаканчику, а потом еще по одному. Как только эти поганые таанцы уберутся с «Нормандии», я отдам приказ лететь прочь.

— Направляетесь домой, сир? — спросил Стэн.

— Черта с два, — ответил Император. — Прежде придется выполнить миллион формальных обязанностей. Вы знаете всю эту петрушку: пожимать руки, целовать детишек, позволять фотографировать себя с людьми, которых я разрешаю считать важными персонами, благодарить моих союзников за то, что они сто раз заносили нож для удара мне в спину, но так и не осмелились осуществить задуманное... Ну и всячески раздувать свою популярность всеми доступными средствами.

Да, не видать мне Прайм-Уорлда в ближайшие шесть месяцев! И я заранее устал от всей этой белиберды. Что ни говорите, настроение у меня совсем неподобающее.

Он встал, чтобы произнести тост.

— Выпьем за неподобающее отношение.

Стэн чокнулся со своим эксцентричным боссом, и оба опрокинули в себя море огня — чистый стрегг штука забористая. Император налил еще по стакану.

Итак, выпьем и это — и гуляй, Стэн, иди на все четыре стороны. Неужели... свобода?

— Вот когда я вернусь из этого дурацкого рекламного турне, тогда завертится настоящее дело. И мне потребуется помощь.

Стэн понял, что мечту о свободе можно оставить.

— Мне приходилось перестраивать мою чертову Империю не один раз, — продолжал Император. — Но я не думал, что на этот раз дела обстоят так погано. Пойми правильно — я знаю, что именно надо перестраивать. Но после этой войны рядом совсем не осталось толковых людей, которые в состоянии помочь мне в этом.

Сулламоре и его прихлебателям только бы набить собственную мошну. Бездарные хапуги. Честным бизнесом они бы и гроша не заработали. Живут коррупцией. Короче, мысль о них не повышает мне настроение. Нужна свежая кровь, талантливые парни вроде тебя. Будет трудно. Подожмем яйца лет на пятьдесят—шестьдесят, но потом свое возьмем. Так, чтоб мы могли гордиться новым, очищенным миром.

Стэну разговор не понравился с самого начала; когда же в него заскочило это «мы», он встревожился не на шутку.

— Извините, Ваше Величество, — сказал он, — но я не уверен, что смогу оправдать ваши ожидания.

Император остановил его нетерпеливым жестом.

— Об этом не волнуйся. У меня миллион идей.

— Я не о том волнуюсь, — сказал Стэн. — И не хочу казаться неблагодарным. Однако... — Он заробел, но все же решился: — Видите ли, у меня большие сомнения насчет того, где и как я намерен провести ближайшие пятьдесят—шестьдесят лет. Одно кажется несомненным — не на военной службе. Мне тоже военная рутина надоела не меньше, чем вам — рутина императорская.

Властитель рассмеялся:

— И к какой же карьере молодца клонит?

— Точно не знаю, — промолвил Стэн. — Надо пока уйти на покой. Пару годков просто поболтаюсь без дела. Хочу поглядеть со стороны, куда ветер дует.

Император пристально посмотрел на Стэна. Потом улыбнулся, тряхнул головой и молча чокнулся со своим собеседником. Аудиенция подошла к концу.

Стэн осушил стакан и встал. Поставив стакан, он отдал Императору честь. Очевидно, в последний раз. Император встал и тоже четким движением поднял руку к виску.

— Через шесть месяцев, — предрек он, — безделье вам осточертеет. А к тому времени я как раз вернусь домой. Вот тогда и загляните ко мне.

Уверенный на все сто, что Император заблуждается в своих расчетах, Стэн повернулся на каблуках и вышел вон.

ГЛАВА 57

Вечный Император не спеша спускался на землю по трапу «Нормандии». Телохранители-гурки шли вокруг него тесной толпой. Выйдя из люка корабля, властитель на секунду остановился и облегченно вздохнул. Его приказ был выполнен — никаких толп встречающего народа в соуардском главном космопорте Прайм-Уорлда. Лишь немного в отдалении стояли его персональный гравитолет и машины сопровождения, чтобы ехать в мрачный бункер под руинами замка.

Пора что-то делать с этими руинами, напомнил он себе. Следует по-настоящему ускорить работы по восстановлению дворца. Он тосковал не по внешнему великолепию дворца, а по тому комфорту, который был внутри, по возможности действительно уединиться от всего мира. Как будет приятно предаться давней безумной мечте — воссоздать рецепт лака, которым великий Страдивари покрывал свои скрипки.

В какие-то моменты Император ощущал, что, если кто-то опять подойдет к нему с просьбой решить то-то и то-то или обратить внимание на горестное положение того-то и того-то, он просто расплачется навзрыд. Беда в том, что Императоры, которые позволяли себе публичные проявления слабости, очень недолго оставались вечными. Однако именно по-детски расплакаться — вот чего ему хотелось временами. Когда казалось, что уже никакие силы не вызовут улыбку в момент, когда на него устремлена сотня телекамер. Когда рука опухала от рукопожатий. О, с какой силой ему жали эту несчастную руку, стараясь выказать свое восхищение и доказать, что считают его великим героем!

Он подумал о другом герое и весело заморгал, усмехнувшись уголками рта. После одной битвы адъютант того героя сказал своему начальнику: «Отныне вы стали великим героем». «Но если бы я проиграл эту битву, я стал бы величайшим мерзавцем в истории человечества», — ответил тот. Как же звали того героя? А Бог его знает. Кажется, какой-то пруссак. В истории было столько героев — всех и не упомнишь.

Вечный Император внутренне встряхнулся и зашагал в сторону своего гравитолета. Несколько лет назад он бы завалился спать на несколько суток, а потом переоделся бы Рашидом, чтобы улизнуть из дворца и пропустить стаканчик-другой в «Ковенанторе» и переспать с Яниз. Но ни «Ковенантора», ни Яниз больше не существует. Из-за предательства. И любимое место отдыха, и любимая

женщина погибли. По его вине. И он как-то с этим смирился. И как-то забыл.

Мастер раздваиваться. Мастер скрывать свои подлинные мысли. Ба! Разве не в этом твоя беда, инженер Рашид? Ты дьявольски усложняешь каждую мелочь. Будь проще, глупее — и, может быть, миллионам твоих подданных будет легче дышаться. И было бы меньше трупов. И меньше тех, кто превозносит его на коленях. А это, пожалуй, хуже смерти.

Идя к своей машине, Вечный Император чувствовал груз каждого дня из своей жизни, которая длилась вот уже три тысячи лет. А потом заметил улыбающееся лицо Сулламоры и даже тихо застонал. Затем чуть было не застонал уже громко, когда Сулламора схватил его руку и стал ее пожимать.

— Добро пожаловать домой, Ваше Величество, — елейным голосом пропел Сулламора. — Мы гордимся вами!

«Еще бы вам мной не гордиться, — отметила про себя рашидовская часть сознания. — Вы спите и видите, как бы своими интригами втравить меня в новую войну с кем-нибудь, чтобы наживаться на военных поставках». Но вечно-императорская часть его сознания повелела губам сперва улыбнуться, а затем сложиться в вежливые слова благодарности.

— У меня маленькая просьба, — продолжал Сулламора.— Знаю, как вы торопитесь домой, но...

Император поднял брови. Он был готов взорваться гневом. Однако он так устал, что язык не ворочался. И вяло махнул рукой Сулламоре: продолжайте.

— Это касается персонала космопорта, — затараторил Сулламора. — Они ждали вас несколько часов, чтобы увидеть...

Император посмотрел туда, куда показывал промышленник, и увидел небольшую группу портовых служащих, которые сгрудились у главных ворот.

О нет! Опять улыбаться и жать руки! О-о-ох!..

— Нет, не могу, Танз, — сказал Император. — Пусть с ними пообщается Махони. Он задерживается на «Нормандии». Выйдет через минуту-другую.

Властитель уже занес ногу на приступку гравитолета, но Сулламора настаивал:

— Это будет совсем не то, Ваше Величество. Они хотят именно вас видеть. Я понимаю, эти люди не настоящие воины и так далее. Однако и они старались во время войны. Поэтому я бы очень вас просил...

Вечный Император сдался и двинулся к воротам. Он хотел побыстрее покончить с этим, а потому зашагал быстро, и его гуркам пришлось поспешать на своих коротких ногах.

По мере того как он приближался, небольшая толпа разразилась криками ликования. А Император, как профессионал, который не привык разочаровывать публику, нацепил ослепительную улыбку и стал пожимать руки. Он у каждого спрашивал имя, пожимая руку, ласково брал человека другой рукой за локоть. Это двойное рукопожатие казалось наиболее теплым. К тому же можно левой рукой незаметно контролировать силу, с которой человек трясет твою руку.

Пройдя примерно треть шеренги служащих космопорта, властитель подошел к очень бледному молодому человеку с чрезмерным блеском в глазах. Император спросил его имя и наградил стандартным двойным рукопожатием. Он не расслышал невнятно произнесенное имя, поэтому не мог повторить его, а просто добросердечно улыбался юноше.

Потом потянул свою руку.

Молодой человек ее не отпускал.

Вечный Император не успел и на одну десятую долю секунды удивиться, потому что сразу увидел, как левой рукой молодой человек вынимает пистолет. Император резко качнулся назад, но пистолет уже громыхнул — четыре раза подряд, хотя Император ощутил только страшные удары в живот— и никакой боли...

Гурки повалили Чаппеля и вонзили в него десяток кинжалов. Убийца был мертв, но его палец в последней судороге давил на курок уже разряженного пистолета. Все произошло так быстро, что толпа не успела что-либо осознать и броситься врассыпную.

Сулламора стоял пригвожденный к месту тем, что он находится так близко к месту убийства, даром что убийство заказано им самим. Танз стал наклоняться на одно колено рядом с лежащим на земле Императором.

На форме Императора были небольшие пятнышки крови — там, где вошли пули. И в какое-то мгновение Сулламоре показалось, что властитель странным образом не пострадал.

Но в следующее мгновение сомнения рассеялись. Император был мертв.

И тогда оказалось, что Тайный Совет нарвался на джокера в императорской колоде.

Имплантированная в тело властителя бомба взорвалась. Сила взрыва была запланирована тысячи лет назад. Сулламора мгновенно погиб. И все гурки. И вся рыдающая толпа. И все в радиусе одной восьмой километра...

При всех взрывах происходят случайные странные вещи, и этот не был исключением. Неделей позже

сотрудник патологоанатомической лаборатории нашел лицо Чаппеля. Да-да, только лицо. Причем без единого пятна или ссадины.

Лицо Чаппеля улыбалось.

ГЛАВА 58

Махони прижал большой палец к сенсору, который считывал отпечатки, и створка двери в личный кабинет Вечного Императора с легким шипением отошла в сторону.

Махони заколебался — входить ли? Вероятно, это последняя возможность. Этот сенсор пропускал и прежде всего нескольких человек — и в ближайшие час-два Махони будет оставаться тем, кому доступ сюда позволен.

Но затем память аппарата будет изменена, старый список людей с допуском заменят новым. И нет ни малейшей надежды на то, что его имя попадет в этот новый список. В этом Махони был столь же уверен, как и в том, что происходит что-то не то. Эта уверенность появилась у него уже тогда, когда он бросил горсть земли на гроб Вечного Императора и отступил, давая возможность другим также отдать погибшему последние почести.

Пять оставшихся в живых членов императорского Тайного Совета стояли чуть в стороне от небольшой группы высших сановников, допущенных на похороны. Рядом высились розовые кусты, спешно посаженные садовниками во исполнение последней воли Императора касательно его погребения.

Однако на каждом кусте был только один распустившийся цветок. И заметив эту особенность кустов, Махони вдруг осознал присутствие Совета Пяти.

Они стояли сплоченной группой, поодаль от остальных, как будто боялись смешаться с толпой. Они не говорили между собой, у них были замкнутые, суровые лица. Такое впечатление, как будто они ощущают чувство какой-то вины, подумалось Махони. Потом отмел эти мысли, как свойственный ему наивный романтизм.

Однако этот визуальный образ запал ему в голову, и он вспомнил о тех пятерых, что держались особняком, когда узнал из вечерних новостей, что созвана экстренная сессия Парламента.

«Друг мой, что же в этом особенного? — тут же подумал он. — Ведь и в самом деле обстановка требует

экстренного сбора... Момент, конечно, ответственный, но, Ян, старая ты ирландская задница, разве ты не понимаешь, в чем тут закавыка? Сессию Парламента созывает Тайный Совет!»

Даже не будучи юристом, Махони отлично понимал, что тем самым Совет превышал свои конституционные полномочия. Ладно. Но почему же ни один член Парламента не выступил с резким возражением? Да и почему весь Парламент не отказался собираться по чьей-то указке? А ларчик просто открывается, очень просто. Все в сговоре.

Император убит, и Махони знает, чьих рук это дело. Это отнюдь не тот дурачок, о котором без конца рассказывают в новостях, вновь и вновь анализируя обстоятельства покушения. Нет, это не Чаппель.

Разумеется, он спустил курок, он исполнитель. Но заказывали убийство те люди, что стояли сплоченной пятеркой у могилы Вечного Императора. И ничего Махони не мог с этим поделать — даже пожелай он, ему места в новом обществе не найдется.

Герой битвы за Кавите отлично понимал, что пора ему садиться на свою лошаденку и подобру-поздорову уносить ноги из города, пока его не начали благодарить всерьез.

Махони вошел-таки в личный кабинет своего покойного друга, и сам толком не зная, зачем сюда явился. Быть может, в безумной надежде найти какой-нибудь ключик к пониманию того, что произошло?

Он так привык к тому, что его хозяин просчитывает все ходы, всегда стелит соломку, прежде чем упасть. Мог ли властитель на этот раз не все предусмотреть, мог ли не знать заранее?..

Махони в отчаянии оглядел длинные ряды книг по всем отраслям знаний, к которым Вечный Император прибегал за справками.

В кабинете столь многое напоминало о причудах его друга. Вот старинные заводные игрушки на пружинах. Вот ряды мешочков с пряностями, набор кухонной утвари — свидетельство бесконечных кулинарных экспериментов неуемного повара-императора. А вон листы нот с какими-то заметками на полях. Э-эх, целая рота сыщиков за год не найдет тут заветного ключика...

От досады Махони решил выпить. А что еще остается?

Он подошел к рабочему столу Императора и потянул на себя ящик, где тот всегда держал бутылку с виски. Махони отметил про себя странность — печать с бутылки не была

сорвана. А Император никогда не ставил в ящик стола неапробированную бутылку, обычно отпивал хотя бы глоток.

Махони пожал плечами, взял тяжелый хрустальный стакан и потянулся за бутылкой. Когда он приподнял ее, от дна отделилась бумажка и упала на пол. Адмирал наклонился, чтобы рассмотреть бумажку, увидел знакомый почерк и чуть не выронил записку из рук.

Махони рухнул в кресло. Он вертел кусок бумаги — не веря глазам своим. Лицо его побагровело, пот заливал лоб, сердце выскакивало из груди.

Короткая записка предназначалась ему. Она гласила:

«Не пропадай из виду, Ян. Я скоро вернусь».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА

Названия первой, второй и третьей книг представляют собой титулы Августа при его победном продвижении от римского сенатора до владыки великой империи. Принцепс означает «Предводитель», Император значит «Военачальник», а Pater Patriae переводится как «Отец отечества». Название четвертой книги — «Идущие на смерть приветствуют тебя» — знаменитый клич римских гладиаторов, которым они отдавали почести своему императору перед тем, как вступить в кровавую бойню римского цирка.

КНИГА ПЕРВАЯ. ПРИНЦЕПС

ГЛАВА 1

Корабль казался чудовищным. Каждая из сторон десятиугольника составляла около километра. Но на борту находился лишь один человек. Он неподвижно плавал в неглубоком бассейне, расположенном в центре отсека. Его глаза, голубые и безразличные, как у новорожденного ребенка, были открыты.

Прошло некоторое время.

Сработал клапан, и жидкость вытекла из бассейна. Одна из стенок откинулась. Человек сел и спустил ноги на пол, двигаясь медленно и осторожно, проверяя себя, словно инвалид, долгое время перед этим прикованный к постели.

Пол был теплым. Он мог бы сидеть так и минуту, и час, и день, пока не зазвучал голос, исходящий отовсюду:

— Еда и питье находятся в следующей каюте!

Человек послушно заставил себя встать на ноги. Пошатнулся, затем выпрямился. На низком столике рядом с бассейном-кроватью лежал голубой комбинезон. Человек взглянул на него мельком и шагнул к стене. На ее гладкой и чистой поверхности не было ничего, кроме круглой кнопки. Он притронулся к кнопке.

Стена превратилась в экран.

Что это? Видеофон? Экран радара? Монитор компьютера?

Снаружи было пространство... Или не пространство? Черное и в то же время всех цветов радуги, оно резало глаза. Экран снова превратился в стену, когда человек еще раз нажал кнопку. Все еще голый, он шагнул через дверь. Здесь был накрыт столик на одного.

Человек поднял крышку над одним блюдом и ковырнул еду пальцем. Пожевал, затем проглотил. Выражение его лица оставалось неизменным.

Он вытер пальцы о бедро и побрел в другой отсек, где заметил кресло с мерцавшим на нем стальным шлемом со странными усиками-антеннами. Сел в кресло и надел шлем.

В комнате появились другие люди. Нет. Он сам был там, с ними, теперь одетый в какое-то подобие униформы. Другие люди улыбались, смеялись и пытались его потрогать. Он позволил им это и вдруг услышал, как сам произносит слова, понять которые был не в состоянии.

В толпе выделялся один странный тип с очень бледным лицом и лихорадочно блестевшими глазами. Бледнолицый протянул ему ладонь для рукопожатия. Потом внезапно выхватил из своей одежды что-то сверкнувшее металлом.

Человек почувствовал удары в живот, почувствовал, как падает навзничь, почувствовал боль. Боль нарастала и нарастала до тех пор, пока... все не пропало.

Человек снял шлем. Он опять оказался в том же отсеке, в том же кресле.

Голос зазвучал вновь:

— Земное время с момента деактивации: шесть лет, три месяца и два дня.

Выражение лица человека слегка изменилось. В мозгу промелькнула мысль: «Неправда! Пять лет опоздания». Но потом он отбросил эту мысль как бесполезную. Что значит «опоздания»?

— До отправления — десять корабельных дней.

Человек согласно кивнул головой и прошел в отсек-столовую, так как опять проголодался.

ГЛАВА 2

Это была маленькая тихая планетка в неописанной системе, вращающаяся вокруг умирающей желтой звезды. Система не имела сколько-нибудь значительной истории, находилась вдалеке от главных торговых и туристских трасс, и вообще гости здесь были редки.

Много земных лет тому назад имперский картографический отряд провел на месте отрывочные изыскания и нашел планету малоинтересной. Офицер-исследователь отметил, что она имеет размер около 0,87 от размера Земли, соответствующую силу тяжести, нормальную земную атмосферу и находится в трех астрономических единицах от своего светила. Климат — от тропического до субарктического. Самым опасным хищником на планете было тихое, похожее на кошку создание, которое, как оказалось, никому не может принести вреда.

Было также отмечено, что «существ с высшей формой развития не обнаружено».

Планете присвоили наименование Исследовательский Мир ХМ-Х-1134, и в течение нескольких столетий другого имени у нее не было, хотя вряд ли это кого-нибудь интересовало.

Свое теперешнее название планета получила благодаря неугомонному предпринимателю, который построил особняк в зоне умеренного климата для себя и для своих единомышленников. Какое-то время он носился с идеей превратить поместье в уединенный курорт, потом спроектировал космопорт. В конце концов миссионер разорился и канул в неизвестность.

Но планете до этого не было никакого дела. Она деловито вращалась и покачивалась на своей орбите так же, как и миллиарды лет назад. Каждые несколько сотен миллионов лет или около того ее сотрясали космические обломки; при этом гибли все формы жизни, чересчур расплодившиеся, и зарождались новые.

Планета стала известна как Мостик. Истоки этого названия были похоронены вместе с незадачливым предпринимателем и его причудами.

Стэну она нравилась. Более пяти лет он исследовал побережья, болота, обширные степи и пустыни планеты, ее леса и ледники, иногда с энергичными компаньонами, иногда — в одиночку. Случались здесь и приключения, даже редкие свидания с любимыми женщинами. Но ничего так и не склеилось. Не попалась ему ни одна, похожая на отважную Бэт из его юности. Или на рациональную Лайзу Хейнз. Или на заядлую картежницу Сент-Клер.

В последние годы Стэн вдруг обнаружил, что жизнь проходит мимо. Он впал в мрачное настроение и никак не мог встряхнуться — ругал себя, поносил самыми последними словами. Ведь у него есть все, о чем только можно мечтать, не так ли? Цыганка Ида, старая сослуживица по спецотряду «Богомолов», присматривала за деньгами. Так что Стэн с Алексом вышли из лагеря для военнопленных до неприличия богатыми. Пока они там томились, Иде при-

шлось повертеть своим необъятным задом, постоянно реинвестируя их все увеличивающуюся зарплату, и в конце концов она сколотила два кругленьких состояния.

Алекс осел в шикарнейшем имении на своей родине в Эдинбурге.

Стэн получил собственную планету.

Ну и удружила Ида, спасибо, черт побери! Да ладно, цыганка тут ни при чем. Как сказал бы Махони: «Не пролейте молоко, что дала корова!» Махони припомнил бы Стэну, что он выдернул его из заводского мира Вулкана, спас юного дэлинка от выжигания мозгов... Махони усмехнулся бы и заметил, что Стэн прополз через грязь и дерьмо от рядового пехотинца до бойца смертоносного отряда «Богомолов», и до командира гвардейцев личной охраны Императора, и до героя войны с Тааном, и наконец до адмирала. Он коснулся бы и моря крови, за которое Стэн был лично в ответе, и сказал бы ему, что тот еще молод, что ему надо собраться с духом и вернуться к делам.

Но Махони мертв...

Старый босс Стэна, Вечный Император, посмеялся бы над ним, налил бы стаканчик виски, чтобы разогнать кровь в жилах, и отправил бы его сразиться с подходящим врагом. Что это за враг, не имеет большого значения; достаточно, чтобы этот тип угрожал миру и безопасности Империи, которая процветала последние три тысячи лет.

Но и Император мертв...

Когда Стэн последний раз видел Императора, то поклялся ему, что его военная карьера завершена. И это несмотря на обещание множества наград и еще более важной работы по ликвидации последствий Таанской войны, которая сильно подорвала устои Империи.

Вечный Император тогда усмехнулся и сказал Стэну, что тот просто переутомился, и это вполне объяснимо. Он сказал, что вызовет Стэна, когда тому надоест мирная жизнь. По мнению Императора, на это понадобится не более шести месяцев.

Это был один из тех нечастых моментов, когда Император ошибся. Ровно полгода — день в день! — Стэн блаженно поднимал утром голову от подушки, похлопывал теплое женское тело, лежавшее рядом с ним, и шептал своему отсутствующему боссу: «Не-ет! Ни за что!»

А неделей позже Вечный Император был злодейски убит...

Произошел один их тех дурацких случаев, которые страшили Стэна, когда он командовал гвардейцами личной охраны Императора. Какие бы меры предосторожности ни предпринимались, абсолютной безопасности такому извест-

ному человеку, как властитель Вселенной, никто гарантировать не мог. Даже неистовая преданность гуркских стрелков не являлась надежной защитой. Маленькие люди с длинными кривыми ножами, которые держали в страхе недругов Императора на протяжении последних тридцати столетий, были беспомощны в определенных обстоятельствах.

Император возвратился на Прайм-Уорлд героем-завоевателем. Миллиарды и миллиарды жителей его далеко раскинувшейся Империи наблюдали на своих экранах, как властитель вышел из флагманского корабля, как по бетонной дорожке направился он к кортежу ожидавших гравикаров, которые должны были умчать его домой. Танз Сулламора, крупный промышленник-судостроитель и самый уважаемый член Тайного Совета, был рядом с ним.

Стэн припомнил все, что он видел на экране видеофона в своем особняке. Голос комментатора уже охрип от бесконечного описания победоносного возвращения. Протокол, сообщил он скрипучим шепотом, не предусматривал в этот момент никаких церемоний. Император направляется на заслуженный отдых. А через неделю или около того предстоит торжественная церемония по случаю победы над Тааном. Жители всех уголков Империи соберутся для чествования своего властелина. Не будет никаких репрессий, заявил Император, даже против самых ненадежных подданных.

Стэн не верил ни слову из сказанного. Он слишком хорошо знал своего босса. Конечно, начнутся чистки. Будет лишь краткий, мимолетный перерыв, пока Император переключит свое внимание с военных действий на работу правителя величайшей капиталистической системы в истории.

Но будет еще и грандиозное шоу. Император всегда отличался блистательными речами.

Вскользь Стэн отметил небольшую группу служащих космопорта в самом углу экрана. Они выстроились в некоторое подобие линии, ожидая пожатия руки Императора. Стэн был доволен, что его бывший босс направлялся в противоположном направлении. Не то чтобы здесь таилась реальная опасность. С чего было бы атаковать Императора теперь, когда война уже завершена? Но все же...

В подобных ситуациях инстинкты Стэна всегда одерживали верх над остальными чувствами. В такой куче тел было бы невозможно обеспечить Императору надежную защиту.

Потом он заметил, как Сулламора привлек внимание властителя и повел его к линии встречающих.

Стэн непроизвольно застонал. Танз, наверное, указал Императору, что группа служащих космопорта

ждет несколько часов, чтобы поприветствовать своего правителя, и не стоит их разочаровывать.

Мгновение поколебавшись, команда Императора уверенно повернулась к группе встречающих. Они двигались быстро. Очевидно, Императору хотелось исполнить эту формальность как можно скорее. Охранники торопливым шагом заспешили за ним.

А потом Император шел вдоль строя той мягкой элегантной походкой, которой он всегда ходил среди своих подданных; на его молодом лице сверкала обаятельная отеческая улыбка, высокая мускулистая фигура перемещалась от одного встречающего к другому, обе руки были протянуты вперед для рукопожатий встречающих.

Внезапно Стэн заметил, что изображение расплылось. Что произошло? Донеслись характерные щелчки пистолетных выстрелов, и Вечный Император начал падать назад. Камера закружилась во всеобщем смятении. Потом картинка стала резкой — но только на мгновение. Он увидел, что Император лежит на дорожке.

Сердце Стэна замерло, перехватило дыхание в груди. Властитель... мертв?

Затем экран расцвел ярким белым цветком, и Стэн услышал начало могучего взрыва.

Связь прервалась. Когда она была восстановлена, Стэн получил ответ на свой вопрос.

Вечный Император убит. Убит сумасшедшим, как было сообщено. Неким мятежником по имени Чаппель, который действовал в одиночку из каких-то болезненных побуждений— либо в отместку за якобы проявленное неуважение, либо в надежде войти таким странным способом в историю.

Наряду с бесчисленными миллиардами других граждан Стэн стал невольным свидетелем того, что произошло.

В голове не укладывалось, что Императора больше нет. Хотя находились немногие, которые считали, что любое живое существо должно быть бессмертным или хотя бы близко к этому. Были, правда, странные одноклеточные существа — обычно крайне ядовитые, — которые разрушали своих хозяев, а следовательно, и себя; они теоретически могли жить вечно — так же, как и очень немногие обитатели морских глубин и верхних слоев атмосферы. Но это все мелочи. Для большинства существ — и в том числе для человека — жизнь в конечном итоге предполагает и смерть.

А Император был человеком. В этом не было и не могло быть никаких сомнений.

Но насколько каждый мог помнить, Император был всегда. Вы могли соглашаться или не соглашаться с

его политикой, но Император вел удобное и непрерывное существование. Даже наиболее резкие и радикально настроенные ученые скрежетали зубами, когда столетие за столетием прослеживали невероятный путь его царствования. И не случайно слово «Вечный» было официальной приставкой к титулу Императора.

И еще было нечто такое, на чем стоит заострить внимание. Обычный человек может прожить две сотни лет, только если ему очень повезет. Поэтому даже подумать, что кто-либо значительно старше, просто невероятно.

Стэн лично знал этого человека большую часть отведенной ему жизни. На вид Императору было не более тридцати пяти. Его глаза блестели, как у юноши. Иногда он даже насмешливо ссылался на свой преклонный возраст. Мало было таких вещей, над которыми Вечный Император не осмелился бы посмеяться. Для него не было ничего святого, особенно он сам.

Иногда, впрочем, Стэн видел его страшно утомленным. Чаще это стало случаться ближе к разгрому Таанских миров. Лицо властителя прорезали темные морщины, а глаза внезапно могли так отрешенно расшириться, что каждый, кто ни взглянул бы на него в эти минуты, поверил, что этот человек видел и бывал в местах, которые бесконечно далеки от любого существа, когда-либо жившего на свете. И каким-то образом вселялась уверенность, что он еще очень долго будет существовать после того, когда и память о тебе навсегда утеряется в бесконечном течении времени.

Через два дня после убийства Императора члены Тайного Совета один за другим взошли на сцену, торопливо установленную на высоком основании у руин замка.

Только одного члена Совета не было здесь — Сулламоры. Верно служивший покойному, он погиб во время взрыва, который уничтожил все живое в радиусе более ста метров. Зачем Чаппелю понадобилось устраивать такой чудовищный взрыв после того, как он застрелил Императора, никто сказать не мог — мол, непостижимые поступки безумца. Дело осталось тайной за семью печатями, поскольку и сам Чаппель пал жертвой своего злодеяния.

Пять великих промышленных магнатов стояли перед многочисленной толпой, собравшейся на площади. Перед их появлением было подробно, в мельчайших деталях объяснено, кто они и что из себя представляют.

Здесь был Кайс — высокий, стройный, седовласый тип, который контролировал большинство отраслей, включая и творческую интеллигенцию. Он был из рода г'орби, чрезвычайно смышленой расы, и, по-видимому, являлся главным оратором в Тайном Совете. Затем присутство-

вала Мэлприн. Она заправляла гигантским конгломератом, включавшим в себя сельское хозяйство, химическую и фармацевтическую промышленность. Рядом стоял Ловетт, отпрыск гигантского клана банкиров. И наконец — близнецы Краа: одна чрезмерно толстая, другая болезненно худая; они держали под контролем основные шахты, фабрики и металлургические заводы Империи.

Кроме Сулламоры, в Совет вначале входил и еще один человек. Но барон Волмер погиб нелепой смертью незадолго до конца войны.

У Кайса был сухой мягкий приятный голос. Сухой мягкий приятный голос с прискорбием известил, что Парламент тайным голосованием принял решение потребовать от пяти магнатов, чтобы они управляли Империей в момент страшной опасности. Никто из членов Совета не стремился к этой тяжелой обязанности, и, конечно же, ни один из них не чувствует себя вполне достойным того доверия, которое ему оказали.

Но они убеждены, что именно теперь другого выбора нет. В этом ужасном хаосе должен быть восстановлен порядок, и они приложат все силы, чтобы править мудро и справедливо до того момента — и очень скорого, — когда будут проведены свободные выборы, призванные определить, насколько правильно руководили они Империей в отсутствие Его Величества, принявшего смерть мученика.

Члены Совета отдают себе отчет, продолжал Кайс, что в лучшем случае это слабое решение, но они долгие часы ломали головы и не смогли найти иного выхода. Была создана комиссия для того, чтобы изучить сложившуюся ситуацию и внести свои предложения. И он, и другие члены Совета ожидали предложений со стороны влиятельных деятелей науки так же страстно, как и любой другой, имеющий глаза и уши. Но то, чего от них ожидали, так и не сделано до сих пор, может занять уйму времени и вызвать бурные дебаты.

Кайс посоветовал потерпеть и поклялся, что продолжит дело великого человека, который спас их всех от угрозы рабства со стороны Таанских миров.

Друг за другом выходили и остальные члены Совета и делали точно такие же заявления, добавляя лишь мелкие детали — например, дата похорон, которые будут пышнее и богаче, чем какие-либо похороны раньше.

Императору оказали новые посмертные почести, и был объявлен год траура.

Стэн нажал кнопку выключения экрана и присел поразмышлять.

Даже не требовалось его психологической подготовки в «Богомоле», чтобы понять, что он стал свидетелем переворота и захвата власти. Итак, Тайный Совет с неохотой согласился править до тех пор, пока не состоятся свободные выборы.

В свое время Стэн уже не раз помогал деспотам с такими же пустыми обещаниями. Хотел бы он знать, сколько пройдет времени до первого удачного хода. И какой ход в конечном итоге будет удачным. И каким будет следующий ход. И дальше, ход за ходом, пока вся система не лопнет. Он предположил, что постоянная, набирающая силу война будет идти до конца его дней.

На карту поставлена абсолютная власть. Стэн понимал, что все определяет Антиматерия-2 — АМ-2, топливо, на котором основана цивилизация. Это и источник дешевой энергии, и ключ к вооружению, и практически единственный способ межзвездных путешествий. Без АМ-2 масштабы торговли были бы сведены до границ звездной системы, по которой грохочут страшно медленные двигатели Юкавы.

Но Стэн ничего не мог поделать. Вечный Император мертв. Да здравствует Император!.. Стэн скорбел по нему. Не как по другу; никто не мог назвать Императора своим другом. Ну тогда как по товарищу по оружию.

Стэн запил и продолжал пить целый месяц, чередуя виски и стрегг — два любимых напитка Императора.

А потом он попытался наладить свою жизнь. Не так уж и заботил его тот хаос, в котором находилась Империя.

Он приобрел себе столько АМ-2, на сколько смог наложить лапу, и еще задолго до того, как начались перебои. Стэн не мог нарадоваться своей прозорливости. Причины перебоев его не касались. Он допускал, что члены Тайного Совета в бесконечной мудрости выбрали прежний курс к дальнейшему утяжелению своих и так не легких кошельков.

Стэн попробовал немного заняться бизнесом. Это пришлось ему не по душе. Затем он испытал бесконечную серию мимолетных радостей — подобно Императору, у которого было множество увлечений. Стал блестящим кулинаром, хотя и знал, что никогда не сравняется в этом искусстве с властителем. Оттачивал мастерство работы с инструментами и строительными материалами. Его угнетала недостаточная роскошь вокруг, он изучал и усовершенствовал свою планету.

Стэн и Алекс переписывались, каждый раз обещая друг другу скоро встретиться, но это «скоро» никак не наступало. А так как контроль за АМ-2 ужесточился, то мечта о путешествии становилась все более и более призрач-

ной, и когда они это поняли, «скоро» уже больше не упоминалось в их письмах.

Ян Махони — один из немногих настоящих друзей Стэна— вел тихую жизнь военного историка, а потом погиб в нелепом несчастном случае. Стэн слышал, что он утонул, а тело его так и не нашли. Какая злая ирония судьбы в бессмысленной смерти человека, который множество раз ухитрялся выжить в самых невероятных ситуациях!

Последний год добровольного отшельничества Стэна оказался самым тяжелым. Его постоянно преследовало мрачное настроение, а также навязчивое чувство тревоги. Кого ему опасаться, он и понятия не имел. Врагов у него не было... Но тревога не проходила. Каждое жилище, которое Стэн устраивал себе на Мостике, было окружено все более и более изощренными и, как он должен был сам признать, необычными охранными устройствами, включая и смертельно опасные для любого существа растения, привезенные им из какой-то чертовой дыры, названия которой он уже не помнил. Они разрастались как бешеные в безмятежной природе Мостика. Время от времени приходилось выжигать весь периметр, чтобы держать растения под контролем.

Не так давно он устроил себе новое жилище в северо-западном секторе второго крупнейшего материка в зоне умеренного климата.

«Умеренного» — слабое и ничего не выражающее определение для этого местечка среди четырех крупных озер. Здесь всегда дуют жестокие и холодные ветры. Много месяцев в году снег надежно укрывает землю и сгибает деревья в лесу. Но по какой-то причине это место оказалось очень притягательным для Стэна. Наверно, из-за смертоносных растений, которые цвели в холодном и сыром климате.

Стэн выстроил несколько соединенных между собой куполов крепостного вида на берегу одного из озер. Один купол был отведен под кухню и кладовку, где Стэн готовил и хранил свою еду, потрошил мелкую дичь или чистил странных, имеющих форму пули, но вкусных обитателей озера. В гидропонных баках, которые занимали часть купола, росли овощи. Во втором куполе была мастерская, битком набитая всевозможными инструментами и строительными материалами. Здесь Стэн еще хранил и изготовлял свое оружие, так же как и следящие приборы, с которыми он всегда возился. Последний купол содержал его жилые комнаты и спортивный зал. Многие часы Стэн проводил в зале и вне его в бесконечных тренировках.

Он отделал стены жилых комнат натуральным деревом, срубленным в собственном лесу, смастерил скамейки, шкафы и все вещи из этого же материала. Когда работы закончились, купол приобрел такой домашний вид, что Стэн был ужасно доволен. Но чего-то все-таки не хватало. Он напряг свою память — и наконец воскликнул: «Эврика!». Не хватало камина. После нескольких мучительных и очень дымных экспериментов камин был готов. Он получился гигантским, вмещавшим двухметровые поленья. Тяга у камина была адская, и он давал чудесные, радующие взор отблески.

Женщина, которая жила у Стэна несколько месяцев, говорила, что камин напоминает ей что-то давнее, виденное прежде... Нет, не вспомнить. Стэн мучил ее расспросами, но она лишь призналась, что камин напоминал ей вещь из магазина уцененных товаров. Судя по тону ее голоса, Стэн понял, что она имеет в виду вычурность и сентиментальность. Он приуныл, но промолчал.

Через неделю или чуть позже он возвращался после какого-то дела из леса. Стоял прекрасный пасмурный день, легкий снежок сыпал с небес и укрывал деревья. Стэн подал голос, и женщина открыла дверь, встречая его. Она стояла в дверном проеме, в отблесках огня, освещавших ее сзади, и Стэн понял наконец о чем она думала. Ведь он тоже вспомнил.

Когда-то давно его мать продлила свой контракт на шесть месяцев, чтобы купить картину. Деревенская девушка, заброшенная на такие далекие от нее заводы Вулкана, отдала полгода своей жизни за то, что, по ее мнению, было произведением искусства.

Это был зимний пейзаж. Стэн вспомнил снег, падавший на маленькую гроздь куполов, и дверь, которая распахивалась, встречая рабочих из леса или с поля, и яркий мерцающий огонь, сверкавший за открытой дверью...

Самое ценное сокровище матери. Через восемь месяцев она погибла...

Стэн непроизвольно воссоздал эту картину. Под каким-то предлогом он выпроводил женщину из своего дома. Было глупо винить ее в проступке, когда она даже понятия не имела, что совершила его. Просто Стэн больше не мог терпеть ее рядом.

Это случилось, когда хандра достигла пика. Месяц за месяцем душевные раны кровоточили. И без психолога Рикор можно было понять, что с ним происходит. Стэн и сам знал. Но ничего не менялось. Он даже назвал четыре озера в честь своей давно погибшей семьи.

Самому большому водоему, где возвышалось его жилище, Стэн дал имя Амос, как у отца. Следующее в цепочке озеро получило название Фрида, в честь его матери, затем шли Аад и Джос, в память брата и сестры.

Стэн сел и углубился в размышления, надеясь, что его состояние — не более чем длительная лихорадка, которую надо перетерпеть, пока не ослабнет вирус и болезнь не отступит.

...В пяти сотнях миль к северу яркий световой луч прорезал ночное небо, словно подавая кому-то знак. На мгновение задержался над замерзшей землей и поспешил к озерам и пристанищу Стэна.

Затем возник шар, висящий среди звезд. Могучие приборы окутали планету мощной электронной завесой, которая заблокировала сторожевую сигнализацию Стэна и подала ей сигнал, что все спокойно.

От шара отделился луч, очень похожий на первый, и распространился в том же направлении.

На землю опустилась небольшая космическая шлюпка, заляпав снег черной грязью. Откинулся люк, и из шлюпки возник темный силуэт. Натянув зимнюю одежду и обувь, человек выпрямился, затем нерешительно взглянул на лыжи, не вязавшиеся с его грузной фигурой, с опаской вдохнул воздух, очень напомнивший ему Кадьяк на далекой Земле. Потом неожиданно незнакомец увидел легкий след над горизонтом — еще один корабль, стремительно летящий по небу.

Человек повернулся и заторопился по снегу, двигаясь, как невесомый танцор, несмотря на свои внушительные габариты. Окинул окрестности опытным глазом и пошел извилистым курсом, даже не стараясь скрывать свои следы. На это не было времени.

Внезапно, без видимых причин, он свернул к маленьким холмикам на снегу. За его спиной в это время, с легким треском пробив ледяную корку, приземлился другой корабль. У кромки деревьев путь преградила почти неприметная горка. Человек остановился. Застонав от разочарования, он двинулся сначала в одном направлении, затем в другом. Казалось, что маленькая возвышенность была непреодолимым препятствием на пути к опушке леса. Почему-то человек считал, что его путь перекрыт.

Люк второго корабля распахнулся, и на землю спрыгнули семь темных фигур. Надлежащим образом уже экипированные, они беззвучно объяснялись на пальцах; о чем-то договорились и поспешили в сторону человека. Семерка двигалась неровным клином, направляющим был са-

мый высокий из них. Они безо всяких усилий скользили по снегу на гравилыжах легким размеренным шагом.

Если бы кто-то преградил им путь, они, без сомнения, действовали бы наверняка. Эти охотники привыкли брать крупную дичь.

Их добыча стояла на коленях возле холма, что-то старательно выкапывая из земли голыми руками. Пальцы незнакомца замерзли и не повиновались — тяжелые, неповоротливые. Ему пришлось остановиться и потрясти руками, чтобы вернуть их к жизни. Позади него двигались фигуры.

Наконец на свет вышла серебристая нить, покрытая снежной пылью, настолько тонкая, что мог бы позавидовать любой паук. Человек подышал на нитку; теплая влага от его дыхания осела на нить и тут же замерзла.

Когда он решил, что нить достаточно толста, уже пришедшими в чувство руками вытащил крошечный приборчик. Ногтем открыл заднюю крышку, получив доступ к программному устройству. Вставил специальный штифт в несколько отверстий, дождался звукового сигнала, свидетельствовавшего, что прибор заработал.

Человек закрыл крышку, прошептал молитву и медленно, очень медленно протянул приборчик в сторону нити.

Лазерный луч пробил своим теплом морозный воздух и прорезал борозду на снегу в нескольких миллиметрах от его коленей. Человек вздрогнул, но не поддался побуждению отдернуть руку или поторопиться. Он знал, что если ошибется, то дыра, прожженная в его теле, будет не самым худшим последствием.

Ему было необходимо попасть к Стэну, пока Стэн сам не попался.

Маленькие зажимы захватили нить. Человек задержал дыхание, выжидая. Сверкнул еще один лазерный выстрел. Каблук одного из снежных ботинок взорвался — сдетонировал крошечный заряд АМ-2.

Наконец писк из приборчика сообщил, что все в порядке.

Человек бросился через проволоку в лес, когда стрелки уже прицелились. На том месте, где он стоял мгновение назад, образовалась дыра.

Как только он исчез, команда охотников быстро кинулась вперед. Скользя вокруг холмов, их жертва скрылась. Преследователи перескочили через проволоку и приземлились на другой стороне. Их направляющий подал какой-то знак, и клин разделился. Охотники рассыпались по лесу.

Стэн расхаживал по комнате. Он был раздражен. Достал древнюю книгу в кожаном переплете, уставил-

ся на название, но не смог его разобрать. Бросил книгу назад на стол, шагнул к огню и склонился над ним, к жаркому и сильному пламени. Ему по-прежнему было холодно, и пришлось подбросить в камин еще одно полено. Что-то было не так, но он не мог понять, что именно.

Стэн вгляделся в ряд мониторов сторожевой системы; все лампочки светили спокойным зеленым светом. Но почему у него такое чувство, что его обманули?

По телу Стэна поползли мурашки. Рассудок подсказывал ему, что он ведет себя, как старый нытик: боится темноты, подпрыгивает от каждого шороха... «Не обращай внимания!»— приказывал Стэну разум. Но внутренний голос требовал не расслабляться.

Стэн не поверил показаниям мониторов и перешел на ручное слежение. По-прежнему все спокойно. Он сканировал сектор за сектором. Ничего. Уже чувствуя отвращение к самому себе, он вновь перешел на автоматическое наблюдение. Лишь на миг лампочки моргнули желтым цветом, а затем опять засветились ровным зеленым. Что это было?

И снова он переключился на ручное управление. Зеленый, черт побери! Опять на автомат!.. На этот раз никакого намека на желтый цвет, все было изумрудно-зеленым. Должно быть, ему показалось.

Стэн прошел к выходу, распахнул дверь и выглянул наружу. Все, что он мог увидеть, это снежную пустыню, сверкавшую в лунном свете. У него было несколько следящих приборов, спрятанных в деревьях на расстоянии прямой видимости. Проверив приборы, Стэн сумел разглядеть лишь собственную тень, выглядывавшую за дверь. Никто не мог остаться не замеченным с любой стороны дома.

Чувствуя себя самым последним идиотом, он вытащил из тайника возле двери миниатюрный «виллиган», снял с предохранителя и шагнул из дома. Вокруг царили тишина и покой.

Стэн сантиметр за сантиметром обследовал местность. Казалось, все было в порядке. Он снова поставил оружие на предохранитель, сказав себе, что надо выкинуть к чертовой матери эту штуковину и успокоиться. Однако старые навыки так просто не забываются.

Он сунул «виллиган»за пояс, вернулся в дом и захлопнул тяжелую дверь. Стэн повернулся к огню, только когда сила инерции довела дверь на смазанных петлях до конца.

И замер, не услышав щелчка замка.

Вероятно, он толкнул дверь недостаточно сильно. Да. Видимо, так. Он сильно сжал пальцы правой руки.

Мускульные ножны, в которых хранился хирургически имплантированный нож, сократились, и тонкое смертоносное лезвие скользнуло на свое привычное место в ладони. Пальцы обхватили рукоятку.

Чтобы поддерживать форму, Стэн иногда играл с собой в такую игру. Он представлял, что позади него кто-то стоит. Скрывающегося неминуемо должно выдать дыхание, или малейшее движение, или шорох одежды. Дело в том, вколачивали в него старые инструкторы отряда «Богомолов», что любое вторжение в пространство изменяет и возмущает это пространство. Больше тепла. Изменение давления. Да и неважно, какие именно изменения произошли. Главное, что чувства должны их распознать.

Стэн повернулся, падая в сторону, чтобы уйти от выстрела, и в то же время резко взмахнул ножом.

Лезвие ножа имело в толщину всего пятнадцать молекул, оно могло резать сталь, словно ломтик сыра. А сквозь мясо и вовсе проходило без сопротивления. Если на тебя опускается рука с оружием, то эта рука, все еще сжимающая оружие, будет аккуратно отрезана. Она шлепнется на пол, твой враг будет молча смотреть на тебя, расширив глаза от изумления, а затем впадет в глубокий шок, когда кровь хлынет из разрезанных артерий. Через несколько секунд он уже будет мертв.

Между тем Стэн пытался уловить любое угрожающее присутствие рядом. Какое движение ему сделать, когда он достигнет пола, выяснится по углу следующей атаки, если она вообще будет.

Стэн резанул ножом по воздуху. Продолжая падать, он представил себе первое убийство и сосредоточился на втором. Еще один удар по пустому воздуху. Тяжело дыша, с отведенной в сторону ногой, он стоял, уставившись на почти прикрытую дверь. Конечно же, рядом никого не было. Никогда не было.

Нож опять спрятался в руке.

Ухмыльнувшись и тряхнув головой, Стэн шагнул к двери, чтобы закрыть ее полностью, праздно подумав, что пора бы и пообедать.

Только лишь он коснулся кнопки замка, дверь стремительно двинулась на него. Тяжелое дерево ударило плашмя.

Стэн опрокинулся назад и, ударившись об пол, пытался повернуться, чтобы освободить руку с ножом. Он сжался в комок и вертелся не переставая. Докатившись до стены, прыжком стал на ноги и рубанул рукой, даже прежде чем из нее показался нож.

— Стэн, черт возьми! — раздался голос. — Остановись!

Стэн застыл в изумлении. Что за дьявол? Не может быть! Это...

— А ну-ка соберись, парень! — произнес Ян Махони. — За мной по пятам гонится команда «Богомолов». Если все тебе объяснять, мы оба сыграем в ящик. Давай двигайся!

Стэн двинулся.

Стэн и Махони нырнули в туннель, который тянулся от скрытого люка за камином к небольшой группке деревьев примерно в восьмидесяти метрах от основного купола. Туннель был тускло освещен и имел множество поворотов — так и было задумано. Они услышали, как кто-то выламывает камни из камина, пытаясь до них добраться. Стэн старался не думать о том, что он, как проклятый, трудился над камином несколько месяцев, таская тяжеленные каменья с берега озера.

Он был бесконечно благодарен Богу за ту навязчивую идею, которая управляла им, заставив сконструировать запирающийся вход в туннель. Когда охотники все же прорвутся внутрь, освещение не позволит им легко достичь цели, а многочисленные изгибы и повороты сделают эту задачу еще труднее. Они значительно уменьшат действие любого взрыва. А теснота во много раз замедлит любое продвижение.

Конечно, еще остается газ. Но Стэн предусмотрел в своем потайном проходе мощные вентиляторы, которые нагнетали свежий воздух. Атмосфера во всем туннеле обновлялась каждые несколько секунд.

Наконец они достигли тупиковой пещеры, где можно было остановиться. Здесь на специальных полках было разложено аварийное обмундирование и оружие.

Выход находился уже совсем рядом. От нажатия кнопки крышка люка могла бесшумно откидываться. Снаружи выход был искусно замаскирован землей, кустами и камнями. Туннель обрывался возле могучей группы деревьев на самом берегу замерзшего озера.

Стэн торопливо начал натягивать снаряжение, жестом приказал Махони подобрать пару гравилыж.

Несильный взрыв встряхнул туннель, когда охотники наконец прорвались через камин.

— До этого конца они тоже доберутся, — сказал Махони

— Знаю, — ответил Стэн.

Он нажал кнопку.

Волна холодного свежего воздуха хлынула внутрь, когда открылся люк. За ними он должен был захлопнуться автоматически.

Стэн установил заряд взрывчатки, срабатывавший от прикосновения, под самой кромкой выключателя. Простая и коварная мина-ловушка.

— Найдут ведь! — сказал Махони.

— Конечно, найдут, — ответил Стэн, — но это их задержит.

— А, может быть, нам...

Стэн поднял руку, оборвав Махони.

— Не обижайся, — проговорил он, — но об этом туннеле я знаю все. Если помнишь, кое-какой опыт у меня есть.

Махони приумолк.

Некую часть своей жизни Стэн провел, подготавливая подкоп под лагерь военнопленных в Колдиезе. Ясное дело, что как Большой Икс — командир освободительного комитета — он сделал чуть больше, чем просто подкоп.

— Ну, давай руку!

Стэн поднял капот старенького снегохода, переоборудованного под ракетный двигатель. Вместе они вытолкали его к выходу. Пощелкал переключателями, установив на навигаторе извилистый курс, затем приказал Махони отступить назад, когда он запустит двигатель. Наружу вырвались волна выхлопных газов и облако дыма. Махони закашлялся и захрипел.

— Да, потихоньку на нем не подкрадешься, — сухо заметил он. Стэн промолчал.

Затем он выскочил из машины, отпрыгнув в сторону. Вездеход рванулся вперед с громким ревом и через мгновение выехал из туннеля. Стэн проводил его взглядом.

Гусеницы вездехода выбрасывали клубы снежной пыли, когда он мчался вперед, прямо к деревьям. Из двигателя сыпались искры, в ночной темноте это выглядело устрашающе.

Внезапно вездеход накренился набок. Темноту разорвал лазерный луч, и в борту машины появилось несколько дыр.

— Вперед! — прошептал Стэн.

Теперь и они с Махони выскочили наружу. Стэну хватило времени, чтобы заметить, как один встревоженный охотник отвернулся от вездехода и поднял свое оружие.

Охотник вдруг дернулся, и на его груди появилось ровное отверстие. Махони сделал еще один выстрел по напарнице охотника, но та бросилась в сторону. Пока она приходила в себя, Стэн и Махони уже скрылись.

Боец отряда «Богомолов» продвигалась вперед, хрипло выкрикивая инструкции команде, которая оставалась внутри купола. Она обнаружила следы, ведущие в глубь леса. Идти по ним было не трудно, следы резко выделялись, в лунном свете они отливали темно-синими.

Вдруг она что-то почувствовала позади себя. Женщина выпрямилась, поднимая оружие и пытаясь повернуться... Через мгновение она уже лежала на снегу, а из красного разреза на ее горле лилась кровь.

Стэн вытер лезвие ножа об одежду.

— Или я старею, — спросил он Махони, вышедшего из-за дерева, — или новые девицы уже не так хороши, как прежде?

Махони взглянул на труп охотницы. Как бывший шеф корпуса «Меркурий», куда входили отряды «Богомолов», он испытывал смешанные чувства при виде своего человека в таком состоянии. Затем он посмотрел на Стэна.

Тот немного постарел, на лице появились морщинки, но тем не менее казался даже более крепким, чем раньше. Тверже. Его темные глаза еще глубже утонули в глазницах. Взгляд стал немного горьким, но в нем все еще можно было заметить искорки циничного юмора.

Острый кинжал исчез в руке Стэна.

Махони пожал плечами.

— У тебя же была практика. Осталось пятеро. Что-то сомневаюсь я, что с ними будет все так просто, парень. Надеюсь, какой-нибудь план у тебя есть?

— Есть, — бросил Стэн.

Не говоря больше ни слова, он сунул ноги в крепления гравилыж, включил их и настроил подъемную силу таким образом, чтобы висеть в нескольких сантиметрах над снегом. Он отталкивался только от деревьев, втыкая палки так, чтобы не оставлять следов.

Немало странных вещей видел Махони в своей долгой жизни, но густой лес, через который вел его Стэн, занял первое место в персональном списке странностей.

Деревья здесь были на самом деле не деревьями, хотя и имели форму деревьев. Их основной ствол начинался над тем, что на расстоянии казалось гигантской корневой системой по меньшей мере трехметровой высоты. Вблизи корневая система больше походила на гигантские клубни. Они были такими необъятными, что Махони подумалось, сколько же веков должно пройти, чтобы выросло так много листвы и образовались огромные луковицы для воды и питательных веществ. Потом он узнал, что весь процесс занимает всего несколько лет.

Ветви были покрыты мехом и казались мускулистыми — если бы растения имели мускулы. И они извивались, словно щупальца, хотя выглядели жесткими и крепкими, словно дерево. Длинные иглообразные листья оканчивались острыми колючками и были покрыты тонкой влажной пленкой. Исключительно странно для местного климата. Почему эта жидкость не замерзает?

Махони протянул руку к дереву, чтобы потрогать.

— Нельзя! — остановил его Стэн. Он увидел озадаченное лицо Махони и сжалился над ним, но только немного. — Они не любят, когда их тревожат.

Ничего больше не объясняя, Стэн подтолкнул Махони вперед.

Вдруг большая белая тварь с кожистыми крыльями, пронзительно крича, пронеслась по небу. Видимо, встревоженная кем-то, она кружилась в лунном свете.

— Идут, — сказал Стэн. — Я уже боялся, что мы их потеряем.

— Невероятно, — проговорил Махони. — Они, наверное, говорят с базовым кораблем. — Он указал на ночное небо рядом с птицей.

Махони имел в виду корабль, который, как он смог оценить, находился на стационарной орбите, очень и очень низкой.

— С этим мы что-нибудь придумаем, — пробормотал Стэн.

Прежде чем Махони успел спросить, что именно, он увидел нож, вновь скользнувший в ладонь Стэна.

Стэн осторожно приблизился к одному из странных деревьев. Выбрав ближнюю из низко висящих веток, подался вперед, сверкнуло лезвие ножа. Махони мог поклясться, что видел, как ветка сама чуть-чуть двинулась к Стэну, лишь только он протянул к ней руку. Но это движение было такое незначительное, что он усомнился. Капли влаги на листьях набухали большими бусинами, стекая, как капли слюны, и казалось, что листья дрожат, словно зубы от испуга.

Стэн бросился вперед и ударил. Из раны потекла влага, и ветка потянулась к Стэну, пытаясь обвиться вокруг него. Но он отскочил назад, на безопасное расстояние.

Махони почувствовал, как кровь застыла у него в жилах. Жидкость, вытекавшая из раны, шипела и пузырилась на снегу.

— Теперь оно точно взбесится, — только и сказал Стэн.

Он повторил операцию еще несколько раз, все время с одним и тем же результатом: дерево дергалось в агонии, едва не доставая Стэна. Через несколько мгновений оно все было в болезненном движении. Судорожно корчились сучья, сочилась едкая жидкость. Но оказалось, что раны постоянно затягивались, и через несколько секунд дерево затихло.

Когда Стэн впервые встретил эти растения в своих путешествиях, его оттолкнул их внешний вид и привлекла их натура. Они обладали защитной системой, которая могла понравиться только бывшему бойцу отряда «Богомолов».

Иногда он находил их совершенно восхитительными — из-за острых листьев и едкого сока. Будучи ата-

кованным, дерево выбрасывало еще более отвратительную жидкость в место, где его ударили. Это продолжалось примерно пятнадцать минут. Некоторые существа развили в себе терпимость к обычному соку и быстро обкусывали небольшие кусочки листьев, передвигаясь на новое место, пока растение не начало реагировать. Листья по вкусу немного походили на кабачки или томаты.

Но повадки растений этим не ограничивались. Возможно, радикальные изменения климата заставили их искать новые средства существования. Почему бы не питаться существами, которые их едят? Суперэффективная клубневая система хранения полезных веществ постепенно превратилась в систему плотоядную. Конечно, должны были пройти многие годы, пока мясо и кровь разных видов заменили им питательные вещества из воды и почвы и стали обычным угощением.

И теперь в ответ на атаки Стэна они будут атаковать всех и все, что к ним приблизится. Например, людей из отряда «Богомолов».

Махони услышал страшный визг. Это был не одиночный вскрик, он продолжался и продолжался, становясь все более ужасным с каждой минутой.

Сверкнул лазерный выстрел. Тишина. Махони передернулся.

— Осталось четверо, — прокомментировал Стэн. Махони промолчал.

Они приблизились к кромке льда. Изо льда торчали камни.

Наступали предрассветные сумерки, и свет был еще слабым, но Махони смог различить линию деревьев на противоположном берегу озера. До нее было не больше километра, около двух минут ходу на их лыжах, если, конечно, не споткаться.

Они со Стэном вынудили оставшихся в живых охотников гнаться за собой всю ночь. Иногда Махони казалось, что Стэн хочет оторваться от них. Но потом он замедлял ход — специально, и снова можно было услышать за спиной погоню. Теперь, думалось Махони, пора бы им и устать... Черта с два! Устал он сам.

Была только одна хорошая новость, которая согревала душу. Отряд «Богомолов» до сих пор не получил подкреплений. Отсюда может быть только один вывод: на борту командного корабля нет ни единого человека в резерве.

У Махони было время лишь вкратце обрисовать Стэну обстановку. Ни слова о себе. Только о событиях последнего времени.

Тайный Совет доведен до отчаяния. Он разослал такие же команды во все концы Империи. Их задание — захватить и доставить всех, кто был приближен к Императору, чтобы раскрыть его величайшие тайны.

Стэн был поражен.

— Что я-то могу знать, черт меня дери? Конечно, я командовал его личной охраной. И у меня было по горло хлопот во время Таанской кампании. Но это все дела давно минувших дней. Ничего такого, что стоило бы вынюхивать. Ты уже и думать забыл об этом, а тебя, может, за это ищут!

— Дело в АМ-2, — объяснил Махони. — Они не могут найти, куда припрятал его наш босс.

Стэн пробормотал:

— Но я считал... Я имею в виду, что каждому известно...

— Все слишком правильно, парень, — сказал Махони. — Все мы так думали. Однако АМ-2 закончился.

На мгновение Стэн погрузился в раздумье, пожевывая сухую питательную палочку. Затем озабоченно проговорил:

— Алекс! Его тоже будут искать. Мы должны...

— Я уже позаботился об этом, — успокоил Махони. — Послал ему предупреждение. Надеюсь, Алекс уже получил его. У меня не было времени проверить.

Он кивнул в темноту в направлении охотников. Дальнейших объяснений не понадобилось. Махони был лишь на полшага впереди их, когда добрался до Стэна.

— Когда освободимся, надо будет послать пару слов Килгуру, — продолжал Махони. — Договоримся с ним, где встретиться.

Стэн усмехнулся.

— Не надо, — сказал он. — Алекс знает, где нас найти.

Махони хотел спросить, откуда, но тут в темноте леса что-то хрустнуло.

Они вышли на берег озера Амос. Стэн намеревался подождать, когда немного рассветет, чтобы переправиться. Махони ругнулся — похоже, этот безумец не найдет покоя, пока его не заметят.

Рука Стэна сжала запястье адмирала, затем отпустила. Пора было двигаться.

Когда они поднялись, чтобы сделать бросок, Махони заметил маленький черный шарик в руке Стэна. В центре его виднелась яркая красная точка — нажимной переключатель.

Беглецы вылетели на поверхность льда. Ветер в спину дул с такой силой, что почти не нужно было отталкиваться палками, чтобы поддерживать скорость. Ледяной воздух прорывался сквозь одежду, находя лазейки даже там,

где их не должно было быть. Мороз кусал через эти лазейки мелкими острыми зубами.

Махони подумал, что его легкие так застыли, что ни одна уважающая себя молекула кислорода больше в них не полезет.

Лед прямо перед ними взорвался, образовав плотное облако мелких частиц, которое стало буквально душить их, когда беглецы вплыли в него. За взрывом последовал щелчок лазерного ружья. Это уже плохо. Охотники их обнаружили. Но это было и хорошо — известно расстояние.

Далекий берег приближался. Прямо перед собой Махони смог заметить засыпанные снегом деревья. Без промедления они выскочили на каменистый берег. Махони прижался к земле, обнимая промерзший грунт, словно любовник. Лежа на земле, он заметил, как Стэн покатился, не теряя врага из вида. Справившись с одышкой, адмирал отважился выглянуть, затем пригнулся, так как заряд АМ-2 раскрошил камень прямо перед ним. Но все же ему хватило времени разглядеть, что охотники рассредоточились по местности так, что он не мог бы сделать ни одного приличного выстрела. Тем не менее он поднял свое оружие.

— Не теперь! — прошептал Стэн.

Его палец покоился на красном пятне шарика. Костяшки пальца побелели, когда он вжал контакт.

Машинально Махони окинул взглядом озеро, но увидел, что охотники продолжают двигаться. Затем весь центр озера вздыбился с ужасным грохотом. Глыбы льда размером с небольшой дом поднялись в воздух. Махони различил тела, вернее, то, что раньше было телами; они, вращаясь, взлетели вверх и затем шлепнулись в ледяную воду.

Он не знал, была ли смерть людей моментальной или же долгой и мучительной. Если кто-нибудь из них и кричал, крика не было слышно за ревом, подобным реву взлетающего космического корабля.

А потом Стэн сел и вытянул еще одну палочку из своего рюкзака.

Махони выругался про себя и беспокойно поглядел на небо.

— Ну, с нашим захватом все ясно, — сказал он. — И другую команду они посылать не будут. Даже если бы она у них была. Корабль-матка обнаружит нас сверху и разбомбит к чертовой матери. По крайней мере, я бы так и сделал.

— Я тоже об этом думал, — кивнул Стэн, — но у нас есть это. — Он указал на белый корабль, паривший над поверхностью озера. — А еще у нас есть два запасных — твой и этой команды. Для отступления должно хватить, как полагаешь?

Махони понял, к чему он клонит. Надо двигаться. Адмирал приготовился вставать. Стэн остановил его.

— Я умираю от голода. Другого шанса у нас, может, и не будет. Давай-ка поедим!

Махони и сам чувствовал, как от голода свело болью кишки. Да и не удивительно, черт побери!

И они сели обедать.

ГЛАВА 3

Помещик Килгур, бывший младший офицер Алекс Килгур (Первая гвардейская дивизия, в отставке), в прошлом оперативник спецотряда «Богомолов», выполнявший различные задания от эксперта по подрывным работам до снайпера и инструктора подпольных организаций, включая задачи, поставленные лично покойным Вечным Императором, разглагольствовал:

— И вот дождь проливной льет и льет, день за днем он льет. И соседи сказали маленькой старой бабушке: «Тебе бы лучше уйти куда повыше!» «Нет, — ответила она. — У меня есть вера. Господь обо мне позаботится. Господь защитит».

Был чудесный вечер. Невысокий и весьма упитанный мужчина в живописной шотландской юбке развалился на диване, положив ноги на специальную подушечку. Справа от него было удобно разложено угощение на выбор — оловянный кувшин со старым виски, вывезенным с Земли за ошеломительную цену — ошеломительную для всех, кто не так богат, как Килгур, — и литровая кружка легкого пива.

Огонь мерцал в камине, таком огромном, что три человека могли стоять в нем во весь рост. Снаружи зимний штормовой ветер бился в стены таверны «Мастер Броди» со всем неистовством северного безумия, на которое способна планета Эдинбург, родина Алекса Килгура.

Прекрасный вечерок! Алекс пропустил уже четвертый — нет, пятый стаканчик. С ним были добрые друзья, друзья, которым еще не надоел весь репертуар историй Килгура. Миниатюрная официантка скромно поинтересовалась, не найдет ли господин Килгур времени проводить ее до дома, через грязь и слякоть.

Было безопасно, тихо и мирно. Однако исключительно в силу старой привычки Алекс всегда садился спиной к стене, а его левая рука, спокойно лежавшая на колене, была в нескольких сантиметрах от мини-«виллигана» на бедре.

— А дождь все шел и шел, и воды поднимались. И смыло уже ее свиней, пронзительно визжавших. И коровы ее тоже поплыли из своего загона. А на дороге показался гравикар.

«Мамаша! — раздался крик. — Тебя затопит, надо уходить!» «Нет, — прокричала она в ответ, — я не уйду. Господь меня спасет».

А вода все поднималась и поднималась, и дождь все лил и лил как из ведра. И куры ее уже взлетели на крышу. И затопило ее дом до второго этажа. И тут появилась лодка. «Миссис, вам надо уходить! Мы спасем вас». И снова прозвучал ее ответ: «Нет, нет. Бог меня спасет».

Но дождь все продолжал идти. И вода все прибывала и прибывала. И затопила уже и третий этаж. Тогда старушка взобралась на крышу, к своим курам. И тут появился спасательный гравитолет. Из него высунулся человек. «Мать! Мы прилетели спасти тебя!»

Но она была непоколебима. Как и прежде. «Нет, нет. Господь меня спасет!»

А дождь все продолжал идти, и наводнение все разрасталось. И она утонула. Погибла.

И вот попадает она на небеса. А ее уже ожидает Бог. И эта маленькая старенькая леди — она плюнула Богу прямо в лицо. И закричала при этом: «Как же ты мог, Господь? Ведь я просила у тебя помощи. А ты так и не пришел!»

Зазвонил видеофон. Служитель ответил.

— Алекс! Это тебя. Из гостиницы.

— Вот черт! — проворчал Алекс, но все же поднялся. — Займите мое место. Ничего в нем хорошего нет, но все равно займите!

Алекс прошел за стойку бара. Он сразу узнал лицо на экране видеофона — один из операторов связи в отеле, где он останавливался, когда приезжал в город.

— Ваш маленький Алекс слушает, — сказал он.

Оператор был растерян:

— Господин Килгур! Это сообщение получено из вашего замка. Передавался текст. Правда, кажется, он немного искажен.

— Давайте его сюда. Может, мы вместе как-нибудь расшифруем.

Оператор пощелкал клавишами. По экрану побежали буквы: «XRME TRACD BYDG RRDG» и еще целая страница в том же духе.

У Алекса на лице появилось озабоченное выражение.

— Простите, господин. Вот все, что мы получили.

— Это помехи, я вижу. Сейчас вернусь в гостиницу. Свяжусь со своим поместьем оттуда. — Он выдавил из себя улыбку и выключил связь. — Проклятый ураган! Связь испортил!

— Они, наверное, попробуют еще связаться.

— Да. Попробуют. — согласился Алекс. — Скажете им, пусть подождут, я в сортир!

С улыбкой на губах Килгур, пошатываясь, двинулся к туалету. На ходу он окинул глазами немногих людей в таверне. Нет. Все знакомые — если, конечно, это не давно задуманная тщательная операция. Идя в умывальную комнату, он постарался изобразить из себя совсем пьяного и стал шататься еще сильнее.

Потом он начал действовать. Оперся ногой на умывальник, попробовал на прочность — его вес должен выдержать. Хорошо. Оттолкнувшись, вспрыгнул на высокое, похоже, запертое окно. Ржавые на вид петли легко повернулись, а защелки просто отвалились. Килгур ползком выбрался на узенький карниз. Внизу был переулок. Алекс подбирал себе пивные не только из-за теплой компании, услужливых официанток и хорошей выпивки.

Какое-то время он лежал неподвижно. Ни ветер, несущий ледяные иголочки, ни наметаемый снег, ни мороз его не волновали. Он пытался заметить хоть какое-нибудь движение. Ничего.

Большая часть поступившего сообщения и в самом деле была искажена. Но искажена намеренно, чтобы скрыть подлинный смысл. Это был старый шифр отряда «Богомолов», и читалось сообщение так: «Миссия провалена. Немедленно возвращайтесь на точку встречи».

Сразу возникало множество очень интересных вопросов. Например, такой. Килгур сейчас формально не военнослужащий. Он не поддерживал никаких связей ни с Империей, ни со сверхсекретным отделом «Богомолов» с момента своей торопливой отставки сразу после убийства Императора. Итак, кто же пытался с ним связаться?

Второй вопрос: почему они воспользовались обычным кодом общего назначения? Кодом, который являлся частью стандарта SOI, известного уже много лет. А надо ли Алексу, чтобы его нашли?

Килгур выругал сам себя — на старости лет стал небрежным и невнимательным. Последние несколько дней он чувствовал, как по спине иногда начинают бегать мурашки. Если бы он прислушался к этому, то понял бы: за ним наблюдают, за ним следят, рядом есть кто-то с плохими намерениями!

«Так нет же, парень. Ты как городской петух на прогулке... Ну все, Килгур, хватит. Твоя матушка говорила, что с годами человек становится подобен подслеповатому волу. Ну найди же какой-нибудь выход!..»

И еще одно его очень опечалило: друзья так и не дослушали историю до конца.

...И поглядел на нее Господь, и был он очень расстроен.

«Бабуля! Как же ты можешь говорить, что я не спасал тебя? А кто же тогда послал тебе и гравикар, и лодку, и гравитолет?»

Молча усмехнувшись, Алекс спрыгнул вниз, прижался к высокой серой стене, затем, как из двери, рывком вышел на улицу, словно человек, занятый поздними делами, у которого на уме только и было, как поскорее добраться домой и какая мерзкая сегодня погода.

Вдруг в темноте на другой стороне улицы кто-то шевельнулся.

Алекс быстро оценил плюсы и минусы. В нормальном земном мире его мускулы, привыкшие к трехкратной силе тяжести, помогли бы ему найти простое решение — либо акробатическое, либо кровавое...

Но тут он совсем другой человек. Конечно, у его преследователя будет тот же минус, если, правда, он не из мира, где сила тяжести еще больше.

Килгур рискнул оглянуться. «Хвост» садился в коммерческий гравикар. Машина поднялась и поползла по улице позади него.

Килгур поморщился. Если это попытка убийства, то сани наберут полную мощность, поднимутся над тротуаром и размажут его о высокую каменную стену. Несчастный случай.

Он прислушался, но генераторы Маклина в гравикаре не набирали оборотов.

«Попробуем-ка мы узнать, что это за ребята», — подумал Алекс.

Пройдя три перекрестка, он свернул в узкий переулок. Очень узкий. Фактически просто выход во двор. Настолько крутой, что проехать по нему нельзя, он просто заменял длинный лестничный марш.

Алекс прибавил шагу. Переулок заканчивался небольшим внутренним двориком, из которого выходили еще четыре закоулка. Килгур выбрал один из них, нырнул в темноту и выждал момент.

По лестнице спускались две фигуры. Первое волнение прошло, и Алекс присмотрелся к ним. Вот дьявол! Не было у него никакого выигрыша в силе. Либо за ним

гналась пара гигантских земных горилл, либо его преследователи были одеты в мощные боевые доспехи. Эти доспехи представляли из себя работавшую на АМ-2 машину убийства, которая с помощью специально обученного персонала превращалась в аппарат, намного более страшный, чем обычный гусеничный бронетранспортер. Специальные усилители мускулатуры делают владельца костюма во много раз сильнее и выносливее любого обычного солдата. Костюм выдерживает попадание пули обычного стрелкового оружия и даже среднего размера шрапнели.

Против бойца в такой экипировке Алекс был во много раз слабее, чем человек из мира с нулевой тяжестью против него самого. Да еще их двое. Потрясающе!

«Бог спасет...»

Килгур бросился бежать зигзагами по переулкам с бешеной скоростью, и мысли его неслись так же быстро.

Как его выследили? А вдруг они чем-нибудь его пометили?

Он вышел из лабиринта переулков на улицу. Было уже очень поздно, и улицы были пусты. Алекс заметил, как впереди приземлился гравикар, и еще трое монстров перекрыли возвышенность впереди. Пришлось опять свернуть в переулок.

Но кто же за ним гонится? Иногда такие боевые костюмы и попадали в руки отдельных доморощенных полководцев, но эти, как показалось Алексу, были серийными имперскими. Что это значит? Выходит, чем-то он не угодил властям. Но только не местным властям планеты Эдинбург — у Килгура было слишком много влиятельных друзей на высоких должностях, чтобы его не предупредили, — а властям во внешнем мире.

Допустим самое худшее. Пусть это Империя — вернее, те чертовы слабоумные подонки, что взяли власть после гибели Императора. Пусть так. Но на кой дьявол все это нужно Тайному Совету, а?

«Значит, так, — рассуждал Алекс. — Чего они от меня хотят? Если меня просто намеревались убить, то у них была куча возможностей за последние дни, недели и месяцы. У них на службе более чем достаточно парней, которые еще помнят, как подложить бомбу или глядеть через прицел. Но я-то пока живой. Живой! Если бы им был нужен какой-то мой документик, они бы послали парня для мужской работы. Так что эти ребята в модных костюмчиках наверняка из «Богомола». И нужен им я сам, а не мои мысли. А костюмчики-то им здесь не очень подходят. Ведь трехкратная сила тяжести здорово давит на их косточки. Так что задачка будет совсем простая, с минимумом криков и сломанных конечностей. Ладно, хватит ворочать мозгами. Я не думаю. Я ни о чем не

думаю. Но я не хочу, чтобы меня припечатали к стене или проткнули моей же шпагой. Не хочу я умирать с песней, как саркастичные викинги или как там их?»

Буря разыгралась еще крепче.

«Так, двое сзади — это раз. Трое дублеров — это два. Плюс должна быть еще команда в непосредственном резерве. Вывод: уложить всех пятерых, пока им не представилась возможность позвать на помощь. Пятеро мужиков. Пятеро из лучших бойцов Империи. Да еще в спецкостюмах, в которых можно пройти сквозь толстенные стены моего замка — и ни один волосок не упадет с их голов!.. Все нормально, парень. Все нормально!».

Алекс продолжал двигаться. Достаточно быстро, чтобы ребята из «Богомола» оставались сзади, но и не слишком быстро, чтобы они не подняли тревогу, решив, что он от них отрывается.

Его путь петлял по окраинным переулкам города. Алекс уже хорошо освоился с булыжниками, которыми традиционно мыслящие строители (пусть проклянет их Бог до двенадцатого колена), вымостили улицы, когда Эдинбург был только открыт.

«Сначала достанем веревочку...»

Веревочка нашлась — бухта пятимиллиметровой проволоки на какой-то стройплощадке. Алекс схватил ее и потянул. Проволока оказалась немного длинновата — около шестидесяти метров.

Он спрямил маршрут, снова направившись к центру города. Булыжники были острыми и со всех сторон скользкими от дорожной грязи. Он опять привел своих преследователей к Верхней улице и вышел на открытое место. Шагнул на середину дороги, остановился и повернулся. Преследователи тоже были теперь на открытом месте.

«Они знают, что я вооружен. Но не знают, чем. Думают, обычное оружие». Он встал на колено, оружие в правой руке, левая рука подпирает правую, вот левая рука уперлась в колено... вдох... выдох... задержать дыхание... нажать!

Щелкнул выстрел «виллигана». Пулей был миллиметровый шарик АМ-2 мощностью, как у космического корабля. Заряд ударил человека в спецкостюме в ногу — и нога взорвалась. АМ-2 — это вам не обычная армейская пуля.

«Черт побери! — подумал Алекс удивленно. — Сто метров, а я попал. Стэн не поверит... Осталось четверо...»

Теперь маски были сброшены. Противник открыл ответный огонь. Килгур понял, что у них более легкое оружие и они все еще пытаются взять его живым.

Конец проволоки был надежно привязан к фонарному столбу, в полуметре от земли. Бойцы отряда «Богомолов» двигались гигантскими десятиметровыми прыжками, поднимаясь на пригорок. Алекс бросился бегом к «своей» улице — не слишком отрываясь от преследования, конечно.

Узкий переулок шел вниз под углом в пятьдесят градусов и был покрыт льдом. Здесь никто бы не смог просто идти, оставалось лишь бежать. Но Алекс мог — он использовал провод как лыжный подъемник, только наоборот, чувствуя, как изоляция огнем обжигает его руки.

Килгур затормозил, споткнулся, почти упал, но все же устоял.

Двое преследователей бросились вниз по переулку прямо за ним. Один человек врезался в стену, упал и остался лежать без движения перед Килгуром. Другой колесом катился между небом и землей, полностью потеряв контроль над собой.

Алекс выстрелил в него, как только тот грохнулся на землю. Потом Килгур снова пошел прежним путем, быстро и легко.

Сквозь шум бури он услышал выстрел и упал плашмя, перекатившись через спину. Один из бойцов взлетел над крышей.

— Ну, парень, ты висишь прямо как тучка, — пробормотал Алекс.

Он три раза выстрелил прямо в центр «тучки». Двигатель костюма заглох, выбросив вверх, прямо в грязные облака, тонкую струю газов.

— Еще один. Еще один. Осмотрись-ка, парень!

Никого. Так и не зная, жив ли последний боец, пошел ли он за помощью к своей чертовой команде или же у него сломался боевой костюм, Алекс проделал остаток пути до Верхней улицы. Теперь все, что ему требовалось, — это выбраться из города, во внешний мир, и направиться к секретной точке встречи, о которой, кроме него, знал только один человек во Вселенной.

Алекс Килгур исчез с планеты Эдинбург.

ГЛАВА 4

Борьба за власть — всегда весьма сложный процесс со сложными мотивами. Социоисторики написали про это целые библиотеки, снова и снова анализируя прошлое, пытаясь найти идеальные формулы и говоря, что такое-то направление верно, а такое-то — явная чушь.

Чтобы получить власть, заключались браки и рождались на свет наследники престола. Такое часто происходило в королевских семьях.

Но ради власти люди и убивали друг друга или десятилетиями держали соперников на цепи.

Еще одной излюбленной забавой был геноцид, один из немногих по-дурацки простых способов достижения преимущества. У геноцида есть только один недостаток, утверждают историки. Чтобы сохранить достигнутое преимущество, его надо применять постоянно.

Бывало, что к власти политики приходили и без убийств, в силу стечения обстоятельств. В таких случаях путь к власти был путем постоянных и непрекращающихся уступок. Учитывались голоса и точки зрения очень многих. Только тогда принимались решения. Маленькая искусная ложь — и каждый верил, что ему хорошо. Конечно, под «каждым» здесь понимается каждый, имеющий какое-нибудь влияние. А правителю только надо позаботиться, чтобы у этих «каждых» было достаточно косточек мнимого успеха, которые можно подбрасывать толпе подчиненных. Здесь действует такое правило: чем меньше человек имеет, тем меньше ему надо, и, чтобы его удовлетворить, бывает достаточно и перспективы лучшей жизни.

Есть и другие способы, но в конце концов они сводятся к предыдущим.

Более надежный путь к власти, как утверждают историки,— это обладание вещами, которых люди желают более всего. В древние времена это была пища или вода. Удачно проложенная дорога может решить ту же задачу. Так же работал во все времена и секс, создавая соответствующие условия. Что же касается ценного имущества, то его приходится содержать в безопасном месте и охранять от всевозможных пришельцев.

У Вечного Императора был АМ-2 — абсолютное топливо и краеугольный камень безграничной Империи. Достаточно только манипулировать краником, чтобы осуществлять полный контроль. Его политика поддерживалась крупнейшими вооруженными силами всех времен. Император хранил АМ-2 в надежном месте.

Более шести лет прошло после гибели властителя, а его убийцы так и не смогли найти это место. Им грозила потеря той власти, которую они получили путем цареубийства.

Но даже если бы они получили ключ к хранилищу АМ-2, вероятно, и тогда Тайный Совет привел бы Империю к катастрофе.

В результате Таанских войн — крупнейшего и самого дорогостоящего конфликта в истории — Импе-

рия оказалась на грани экономического краха. Казна Вечного Императора была почти пуста. Дефицит, вызванный чудовищными военными расходами, был так велик, что даже при самых благоприятных условиях властителю понадобилось бы не меньше столетия, чтобы заметно снизить его.

Когда Император был еще жив, Танз Сулламора и другие члены Совета предложили свое решение: заморозить заработную плату на уровне ниже довоенного, создать искусственный дефицит товаров и резко повысить цены на них.

А еще обильный налог на АМ-2.

Путем этих и других мер государственный долг будет быстро выплачен, и здоровье системе гарантировано на века.

Император отклонил эти предложения. А то, что отверг Император, обжалованию не подлежало. Послевоенные планы Его Величества предусматривали прямо противоположный подход.

Покойный, так никем и не оплаканный Танз Сулламора беспристрастно и в подробностях доложил взгляды Императора своим товарищам-заговорщикам: заработная плата должна расти своим естественным путем. Война сделала рабочую силу, а в особенности квалифицированную, дорогой. Это вызвано резким повышением вкладов в бизнес.

Цены же, с другой стороны, должны быть заморожены, делая товары доступными новым процветающим поколениям.

Конечно, война нанесла запасам Империи чудовищный урон. Чтобы смягчить его, Император намеревался временно снизить цены на АМ-2, причем немедленно — чтобы удешевить перевозку товаров. Через некоторое время, полагал он, стабильность будет достигнута.

Магнаты промышленности уже представляли свое будущее как ряд продолжительных успехов — и вдруг перед ними возникла перспектива длительного затягивания ремней и экономного расходования своих средств. Дармовые барыши и большущие прибыли должны были остаться в прошлом. Следовало форсировать производство, чтобы выдержать конкуренцию и получить в длительной перспективе хоть какую-то выгоду.

Для членов Тайного Совета это было неприемлемо. Они проголосовали «против» — с помощью оружия.

Однако это решение не было единодушным. Волмер, молодой заправила средств массовой информации, ужаснулся, узнав про план заговора. Он не хотел принимать в нем участия, несмотря на то что с Императором, как и остальные члены Совета, согласен не был. Сам не имея никаких способностей, Волмер был горячим сторонником искусства убеждения. Но у него постоянно происходили

целые баталии с репортерами, политическими экспертами и специалистами по общественным связям в его империи информации. Все это было получено Волмером по наследству, так что способности здесь ни при чем.

Как и большинство богатых наследников, Волмер считал себя гением. Роковая слабость! Даже такой тупица, как Волмер, был в состоянии оценить опасность разрыва отношений со своими соратниками. На беду, яркий свет воображаемого таланта затмил этот факт. В результате Волмер оказался первой жертвой тщательно подготовленного заговора. Архитектором заговора стал любимчик властителя Танз Сулламора.

Большую часть своей профессиональной жизни Сулламора лизал пятки Вечному Императору. На протяжении десятилетий он видел в своем правителе человека без недостатков. Конечно, он не считал Императора святым и не испытывал к нему сентиментальных чувств. Он считал властителя холодным и расчетливым тираном, способным достигать своих целей любыми средствами. И тут Сулламора был абсолютно прав.

Ошибался он только, когда ударялся в крайности. Религией Сулламоры был бизнес, а верховным жрецом этой религии был Император. Сулламора верил, что Император непогрешим, что он мгновенно подсчитывает шансы и действует без колебаний. И результат всегда был безошибочен. Он также полагал, что у Императора те же цели, что и у него самого и у каждого капиталиста в Империи.

К их великому сожалению, многие другие считали так же. Но Бессмертный Император вел свою собственную игру. Со своими правилами. Со своей победой. В одиночку.

Что же касается непогрешимости, то даже сам Император так не думал. На самом деле, когда он составлял планы, он предусматривал и ошибки — как свои собственные, так и чужие. Вот почему дела в основном решались в его пользу. Вечный Император был мастером длительных прогнозов.

— Ты тоже так сумеешь, — говорил он как-то в шутку Махони, — лет через тысячу.

Таанская война была одной из величайших ошибок Императора. Он знал это, как никто другой. Но конфликт был таким жестоким, что Императору пришлось быть искренним и с Сулламорой, и с другими. Он начал размышлять вслух, отыскивая логику при своих преданных советниках. Как еще он мог узнать их мнение?

Вот так властитель обнаружил неуверенность в себе и признал свои многочисленные ошибки.

Это был страшный удар для Сулламоры. Оказалось, что его герой — колосс на глиняных ногах. Ореол святости померк. Сулламора утратил веру.

Убийство бывшего кумира было его реваншем. Чтобы обезопасить себя, промышленник держал детали заговора в строжайшем секрете. Свои фланги он прикрыл, потребовав, чтобы ответственность за это друзья-заговорщики несли в равной степени. Они все поставили подписи в документе, где признавали свою вину. Каждый получил копию этого документа, так что предательство было немыслимо. Детали убийства Волмера, вербовки Чаппеля и последующей смерти Императора оставались неизвестными другим заговорщикам.

Члены Тайного Совета, как и большая часть Империи, наблюдали за развернувшимися в космопорту событиями по экранам видеофонов. И не было более заинтересованных зрителей, чем они. Они видели, как королевский кортеж свернул к линии встречающих в Соуарде. Они приветствовали Сулламору, своего тайного героя. Они находились в предвкушении рокового выстрела. Напряжение стояло невероятное.

Наконец, Император был мертв. Операция завершена!

Последовавший взрыв удивил их так же, как и всех остальных. Бомба — прекрасный завершающий штрих, но совершенно невероятно, что Сулламора пошел на самоубийство. Члены Совета предположили, что этот сумасшедший, Чаппель, устроил взрыв просто для надежности покушения. Да, бедный, бедный Сулламора. Несчастный случай.

Хотя для них теперь это означало увеличение доли при дележе, заговорщики чистосердечно скорбели. Как глава всего транспорта и наиболее важного кораблестроения, Танз Сулламора был незаменим. Им теперь очень не хватало его опыта хитроумных уловок, так же как и его знаний имперской политики. Смерть Сулламоры означала, что все это придется изучать им самим. А учиться не очень-то хотелось.

Император хранил АМ-2 в гигантских хранилищах, искусно разбросанных по Империи. Из хранилищ заправлялись большие танкеры, которые сновали туда и сюда в зависимости от потребностей и приказов Императора. Он один контролировал количество и регулярность поставок топлива.

Восстань кто-либо против него, и Император мгновенно разорил бы бунтовщика. Подчинись ему, и поставка будет своевременной и по умеренной цене.

Члены Тайного Совета быстро увидели недостаток этой системы, как только дело коснулось их собственного выживания. Ни один из них не верил другим настолько, чтобы отказаться от полного контроля. Так как они поделили АМ-2 в равных долях, это гарантировало, что промышленность, контролируемая каждым из них, получит дешевое топливо. Оно также использовалось, чтобы карать врагов и награждать или подкупать союзников.

Другими словами, власть разделилась на четыре части.

Временами все члены Совета соглашались, что это явная угроза их будущему. Вначале они бесшабашно кутили и веселились. Имея свободное топливо, они значительно увеличили свое богатство, строя новые заводы, подминая под себя своих конкурентов или подкармливая корпорации, которые были им полезны.

Император устанавливал цены на АМ-2 по трем группам. Самое дешевое топливо подавалось в развивающиеся системы. Следующая группа — топливо для общественного пользования, чтобы правительства могли обеспечивать основные нужды своих народов. Третья, самая высокая цена устанавливалась на топливо для чисто коммерческих целей.

Тайный Совет назначил одну высокую цену для всех, кроме себя и своих ближайших друзей. Результатом явились прибыли, которые превзошли самые смелые их мечты.

Но им не давала покоя одна неприятная мысль. Долгое время они старались об этом не думать. Хранилища должны были пополняться. Но кем? Или чем?

В прошлом космические корабли-роботы, связанные в поезда невообразимой длины, появлялись на складах, до краев наполненные АМ-2. Много сотен лет никто не интересовался, откуда они появлялись. Вместо вопросов были предположения. Кому надо — должно быть, знают. Знают важные люди. А важные люди — это те, кто выполняет приказы Императора.

Когда погиб Император, корабли-роботы приходить перестали.

В тот момент АМ-2 был единственным сокровищем, которым обладали члены Тайного Совета. И оно не прибавлялось.

Прошло много времени, пока они задумались об этом. Тайный Совет был так занят текущими делами, что считал ситуацию временной.

Они послали своих подчиненных к чиновникам топливной службы. Бедные чиновники находились в полной растерянности.

— Вы — и не знаете? — спрашивали они.

Какое-то время Тайный Совет и себе боялся признаться: нет, не знают.

Были допрошены сотни служащих. Каждый документ, каждая закорючка, нацарапанная Императором, изучались и проверялись.

Ничего.

Положение дел стало тревожным. Члены Совета слегка запаниковали.

Они и сами — скрытные существа, рассуждали члены Тайного Совета. Это — своеобразный вид искусства, в котором каждый из них достиг мастерства на пути к успеху. Следовательно, Император должен быть самым скрытным из них. Доказательством тому служит долгое царствование властителя и моментальный крах при попытке разобраться в его системе.

Предпринималось множество других попыток, каждая более серьезная и отчаянная, чем предыдущие. Начала зарождаться настоящая паника.

Наконец, был создан «Комитет по изучению проблемы» из наиболее способных исполнителей. Задача ставилась двойная. Во-первых, найти АМ-2. Во-вторых, оценить наличные запасы антиматерии и дать рекомендации по ее рациональному использованию, пока не будет решена первая задача.

К сожалению, вторая задача затмила первую более чем на год. Если бы Император был жив, он покатился бы со смеху от такой глупости.

— А сколько у вас, господа, нефти? — спросил бы он. — Только не лгите мне. Это против интересов Империи.

Совет и понятия бы не имел, какого черта ему понадобилось бы знать о такой бесполезной и пустяковой вещи, как нефть. Но, наверное, они бы все-таки уловили, к чему он клонит.

На любой вопрос Члены Совета всегда лгали — темнили, как выражались в старину. Сразу же после вопроса они важно надувались, преисполненные значимостью своей власти.

А что же тогда говорить об остальной части Империи? Какой правды можно было ждать от Совета, если вся Империя жила в нищете и скудости?

На самом же деле каждый встречный запросто бы дал ответ. Запасы лихорадочно таяли. Антиматерии было в наличии меньше, чем когда-либо раньше.

Кроме этого, у Совета хватало других проблем. Во время Таанских войн Императору приходилось иметь дело с ненадежными союзниками или с теми, кто упорно занимал выжидательную позицию. Когда ход событий менялся, все они клялись в вечной преданности Императору. Это, однако, не мешало им по-прежнему быть несогласными. Население многих систем и раньше-то никогда не испытывало трепета перед имперской государственностью, а во время войны в особенности.

И мир не внес автоматически ясность в разногласия. Перед своей гибелью Вечный Император уже обратил внимание на это. Но проблема была чрезвычайно сложной, чтобы разрешить ее в сложившихся обстоятельствах.

Для его самозваных преемников это было еще более сложно. Если уж временные союзники не верили, что Вечный Император принимает близко к сердцу их интересы, то кто, черт побери, для них эти новые парни? Тайный Совет правил по указу Парламента, а большинство обитателей Империи весьма цинично относилось к Парламенту. Они считали, что он нужен только чтобы ставить печати на императорских приказах. Да и сам Вечный Император не препятствовал такому мнению.

Здесь крылась одна из причин его таинственной силы. Он был исследователем и поклонником древних царских политических систем. Цари были одними из последних на Земле правителей, чья власть осуществлялась с помощью Бога. С миллионами крестьян обращались как со скотиной. Дворяне были посредниками между царем и крестьянами. Именно они держали в руках плетку и распределяли еду, чтобы только плебс не умер от голода.

Крестьяне не всегда были покорными. В истории полно примеров их яростных восстаний. Но крестьяне неизменно обвиняли в своих бедах помещиков. И именно их вешали они на столбах, а не царей.

Царь же был отцом родным. Примером благородного человека, который только и думает о своих подданных. Это все дворяне, пользуясь добротой Императора, скрывают от него свои дурные дела!.. И как только царь узнает, как ужасны страдания народа, он немедленно их прекратит.

В этом не было ни капельки правды, и тем не менее это действовало.

Кроме последнего царя, который был откровенно презираем своим народом.

— Поэтому он и был последним, — сказал как-то Император Яну Махони.

Один из тех маленьких уроков истории, которых не получили члены Тайного Совета.

Хотя, если бы они и узнали об этом, вряд ли бы все поняли. Очень немногие бизнесмены разбирались в политике — вот почему они оказывались ужасными правителями.

Еще одна огромная и мучительная проблема стояла перед ними — что делать с Таанскими Мирами.

Для Кайса, близнецов Краа и других все было просто. Таан побежден, победители получают трофеи — и так далее.

Дело закончилось разорением. Заводы были разграблены и пущены на слом, запасы истощены, многие народы ввергнуты в рабство. Большую часть доверия, которого и так-то было немного, Совет растерял, введя войска

на территории бывших врагов. Разграбление таанских планет давало постоянную прибыль. Но, так и не поздравив друг друга с процветанием, Тайный Совет обнаружил, что все эти доходы уходят на ветер.

Вечный Император сказал бы им на это, что тирания никогда не приносила прибыли.

Экономическое чудо — вот к чему стремился Император. По крайней мере, так он себе это представлял. Конечно, он не исключал и репрессий. Надлежало провести широкомасштабную чистку. Не должно остаться и следов от культуры, которая стремилась к войне.

Но эту культуру чем-то надо было заменить. Стремление сражаться следовало свести к стремлению соревноваться друг с другом. Далее требовалось оказать помощь, не менее широкомасштабную, чем чистка. По мнению Императора, обитатели Таанских миров благодаря присущей им целеустремленности должны завоевать такой авторитет, что очень скоро Таан станет одним из наиболее важных капиталистических центров его Империи.

Именно Таану надлежало стать одним из крупнейших потребителей АМ-2.

Но тут замыкался логический круг проблем Тайного Совета. Где же АМ-2?

ГЛАВА 5

Кайс получил штормовое предупреждение, прежде чем корабль приземлился в Соуарде.

Главный космопорт Империи был почти пуст. Задний его пятикилометровый угол был загроможден буксирами, и из-за пятен и полос ржавчины на их массивных боках казалось, что они бездействовали многие месяцы.

Несколько лайнеров, как он заметил, были изъедены болезненной окалиной, которая атакует все космические корабли, если оставить их без должного присмотра. Кайс не увидел рядом никого из рабочего персонала. Когда-то — живое, пульсирующее сердце Империи; сейчас — древняя старуха, давно растерявшая смутные воспоминания о былых любовниках.

Его ожидала сияющая фаланга военных кораблей, резко контрастировавших с упадком, поразившим Соуард. Высокий седой тип с красной отметиной на голове — знаком отличия рода г'орби — сердито тряхнул своей

гладкой головой и скользнул на сиденье служебного гравикара. Он знаком приказал женщине-водителю трогаться.

Гравикар и его эскорт прожужжали к въездным воротам и приблизились к зияющему чернотой огороженному кратеру, образованному взрывом бомбы, которая унесла жизнь Императора. Существовал серьезный план построить на этом месте мемориал властителю. Кайс и сам настаивал на этом — отдать дань памяти человеку, на котором базировалась его собственная власть и власть его коллег. Средства были немедленно выделены, нашли и скульптора. Все это произошло во время его последнего визита сюда, более чем год назад. И до сих пор работа ни на йоту не продвинулась.

Еще больше грязи встретилось Кайсу, как только они миновали ворота. Пустые склады. Закрытые магазины с окнами, завешенными от посторонних глаз шторами, где когда-то сияющие товары привлекали поток посетителей. Когда он проезжал, на него глазели нищие и толпы бездельников. Неуклюжая толстуха в лохмотьях тупо разглядывала флажки, развевающиеся над транспортом Кайса. Она взглянула ему прямо в глаза, затем сплюнула на разбитую мостовую.

Кайс наклонился к водителю.

— Что случилось? — Он кивнул на запустение вокруг них.

Ей не требовалось лишних пояснений.

— Не беспокойтесь, мистер Кайс, — проворчала она. — Это все бездельники. Работы кругом полно, а работать не хотят. Им бы только лишь сосать наши титьки. Только ноют и стонут, когда с ними разговаривают порядочные трудолюбивые люди: «Нет работы, нет денег!» Был бы жив Вечный Император, царство ему небесное, он бы давно вправил им мозги!

Женщина вдруг запнулась, сообразив, что Кайс может понять ее высказывание как критику в адрес Тайного Совета. Затем она снова взяла себя в руки. Льстивая улыбка расплылась на широком лице.

— Вы только не думайте!.. Вы делаете все, что можете! Ужасные времена, сэр! Ужасные. На вашем месте я не верила бы ни одному их слову! Я и муженьку своему говорю...

Кайс оборвал водителя. Он не возражал против ее слов, его раздражал ее язык. Как раз это стало причиной ее увольнения близнецами Краа. Были вещи, которые выводили из себя даже их.

Причиной, по которой Кайс возвратился в метрополию после такого долгого отсутствия, стал вызов на экстренное заседание Тайного Совета. Шеф комиссии по проблеме АМ-2 собирался доложить подробные детали изуче-

ния его комиссией топливной ситуации. По сути дела, он должен был в точности доложить, когда будут завершены поиски запрятанных Императором источников.

Кайс надеялся, что на этот раз услышит лучшие новости, чем наводящий тоску доклад, с которым он ознакомился незадолго перед тем, как покинуть метрополию.

Решающая задача была провалена.

То, что при этом Империя понесла потери, Кайса не волновало. Важное доверенное лицо Вечного Императора, некто адмирал Стэн, и его бессменный адъютант Алекс Килгур ускользнули из наброшенной на них сети.

Идея устроить охоту на всех, кто был близок к Императору, принадлежала не Кайсу. Возможно, это предложили близнецы Краа. Но не в том дело. Кайс немедленно заметил, что это кратчайший путь и к решению его собственной проблемы. Окружить их всех, просканировать мозги, и — вуаля! Все секреты Императора выйдут наружу!

Однако чтобы запустить идею в действие, понадобились многие и многие месяцы. И сделал это Кайс. Его положение было тяжелее, чем у других. Его и до сих пор изумляло, какую же инерцию понадобилось преодолеть, имея дело с правящим советом из пяти человек. Он и его коллеги привыкли всем заправлять сами, без компромиссов и консультаций.

Отряды «Богомолов» вернулись без добычи. Результат нулевой. Зеро. Ни одного следа или намека на источник АМ-2. Вообще ничего.

Кайс анализировал длинный список подозреваемых и не уставал восхищаться, насколько скрытным все же был Император. Стало очевидно, что помочь им могут очень и очень немногие. Ни одного из этих немногих не было среди добычи «Богомолов». И не хватало двоих самых главных.

Маршал в отставке Ян Махони. Официально он числился погибшим, но у Кайса имелись основания сомневаться в этом. Таких причин было несколько. Наиболее важным было мужество и сила воли этого человека.

Из архива корпуса «Меркурий», подчиненного Махони, выяснилось, что это исключительно хитрый тип, для которого не составляло труда изобразить свою собственную смерть и затем оставаться вне поля зрения сколь угодно долго. Единственной зацепкой, которую сумел обнаружить Кайс, была его непоколебимая преданность Императору. Это делало Махони потенциально опасным — если, конечно, он жив. Считая, что его смерть — лишь прикрытие, можно было предположить только один мотив действий Махони: ад-

мирал подозревал Тайный Совет в убийстве своего бывшего хозяина.

Вторым из наиболее важных подозреваемых был адмирал Стэн, человек, вначале командовавший личной охраной Императора, гуркскими стрелками, которые, как ни странно, все ушли в отставку немедленно после гибели Императора и вернулись на свою родину в Непал на Земле. Во времена таанского конфликта Стэн был важной фигурой и весьма темной лошадкой.

Кайс так же досконально изучил досье Стэна. Там были чудовищные пробелы! Очень странно. Тем более странно потому, что эти пробелы казались сделанными по личному приказу Императора. А разве не подозрительно, что этот человек внезапно стал неслыханно богатым — как и его компаньон Килгур, хотя и в меньшей степени? Откуда взялись такие деньги? Вознаграждение? Может быть, от самого Императора? Но за что?

Все сходилось одно к одному: Стэн был одним из очень немногих, кому Император доверял свои секреты. Когда адмирал находился в своем отдаленном изгнании, Кайс потребовал, чтобы для его пленения была направлена отборная группа захвата. Он получил гарантии, что будут посланы лучшие из лучших. Похоже, ему навешали лапшу на уши. В конце концов, что же за отборные бойцы? Уничтожены одним человеком? Чушь!..

Кайс затаил злобу. Кое-кого придется сурово наказать.

Выехав на улицу, он заметил трех босоногих существ в грязных оранжевых робах. Они держали свой путь сквозь пеструю толпу, раздавая какие-то листки и за что-то агитируя. Через звукопоглощающие окна автомобиля Кайс не мог слышать, о чем они говорят, но это ему и не нужно было. Он знал, кто они: члены секты Вечного Императора.

По всей Империи нашлось бессчетное число личностей, которые твердо верили, что Император не умер.

Одни, очень немногие, считали, что это был заговор его врагов: Император, мол, похищен и содержится под строгой охраной. Другие заявляли, что это хитрая уловка самого Императора: он намеренно инсценировал свою гибель и спрятался до тех пор, пока его подданные не поймут, насколько тяжело им без него. Тогда наконец он вернется, чтобы восстановить порядок.

Сектанты придерживались абсолютно противоположного мнения. Они верили, что Император и в самом деле бессмертен, что он священный эмиссар Высших Сфер, который облачен в человеческое тело лишь для удоб-

ства транспортировки его пылкой души. Его смерть, утверждали они, была лишь добровольным мученичеством, жертвоприношением Всевышнему за все грехи смертных подданных. Они также твердо верили в его воскресение. Вечный Император, проповедовали они, скоро возвратится к своему доброму царствованию, и все опять будет хорошо.

Кайс был близок по духу к сектантам. Ведь он тоже верил, что Император жив и должен возвратиться.

Кайс был бизнесменом и презирал все мнения, основанные на желаниях, а не на трезвом рассудке. Но здесь... Если Император в самом деле мертв, то Кайсу конец. Поэтому он и верил. Если думать иначе, можно свихнуться.

У этой веры были древние истоки, касавшиеся вопроса бессмертия, или, по крайней мере, долгой жизни. Например, часть легенды о Мафусаиле, основанная на особенностях его рода.

Кайс, так же, как и весь род г'орби, был результатом слияния двух различных форм жизни. Первые имели тело, такое же, как у Кайса, — высокие, статные, серебристые существа, чьим главным качеством было крепкое, почти сверхъестественное здоровье и способность к приспособлению и поглощению любых видов энергии. Увы, тупые, как растения. Вторые представляли из себя такое же красное пятно, которое пульсировало на его голове. Вначале они были не чем иным, как простейшими стойкими формами жизни; в лучшем случае их можно было сравнить с вирусами. Впрочем, назвать их вирусами не совсем точно. Их силой была исключительная агрессивность, способность пронзать защитные протеины любой встретившейся клетки и вводить потенциал для развития интеллекта. Основной их слабостью были генетические часы, которые просто останавливались в среднем при возрасте в сто двадцать пять лет.

Вскоре Кайсу предстояло «умереть»: его мозг превратится в небольшой потемневший шар из протухших клеток, а тело — стройный костяк, который осуществляет все свои естественные функции, — может продолжать существование еще столетие или около того, но оно будет уже не чем иным, как тараторящей и несущей околесицу оболочкой.

Когда Кайс разделил свой жребий с другими членами Тайного Совета, он стремился не к власти — к спасению. Богатство его тоже не привлекало. Он хотел лишь жизни. Разумной жизни.

АМ-2 его не волновал, хотя он ни разу не намекнул об этом своим коллегам. Разоблачить себя означало подписать свой смертный приговор.

Когда был умерщвлен Император и началась охота за теми, кто хоть что-то знает о неиссякаемых источниках топлива, Кайс с таким же рвением искал нечто другое: что сделало Вечного Императора бессмертным?

Вначале он надеялся найти ответ на этот вопрос в архивах Императора, так же, как другие надеялись найти там тайну АМ-2. Но ни того, ни другого там не оказалось.

Когда было совершено убийство, Кайсу исполнилось сто двадцать лет. Это означало, что жить ему оставалось всего пять лет. Теперь прошло немногим более шести лет — а Кайс был все еще жив!

В годы интервенции он был близок к истерике, думая о своих умственных способностях, постоянно помня о часах, завод которых кончался. Даже малейшая погрешность памяти ввергала его в панику. Каждая забытая мелочь наводила черную тоску, которую трудно было спрятать от своих коллег. Вот главная причина того, что он так много времени проводил вдали от метрополии.

Он имел не больше понятия о том, почему он еще жив, чем о величайшем секрете Императора. Еще ни одно существо его вида не протянуло дольше естественной границы. Впрочем, не совсем так. Один был — согласно тому мифу о Мафусаиле г'орби.

Легенда возникла в древние времена, когда зарождалась эта переплетенная форма жизни. В эту давнюю, темную эру мир являлся сплошным хаосом, гласит история. И тогда появилось существо, которое совершенно отличалось от других. Имя его утеряно. Это поставило реальность его существования под большое сомнение, но сделало легенду еще более захватывающей.

Согласно мифу, существо заявило о своем бессмертии еще будучи подростком. А через сто или более лет тот г'орби прославился как удивительный мыслитель и философ, затмивший величайшие умы своего времени. В год, когда должна была окончиться его жизнь, все королевство прильнуло к часам, ожидая с минуты на минуту вестника, объявляющего о кончине знаменитости.

Прошел год. Затем еще один. И еще. До тех пор, пока его бессмертие не стало признанным фактом.

Первый — и единственный — долгоживущий г'орби стал правителем королевства. Наступила великая эпоха возрождения, продолжавшаяся много столетий, может быть, тысячу лет. С того времени будущее расы было обеспечено — по крайней мере, так утверждают сказители легенд.

Но больше всего Кайса интересовала финальная часть легенды — предсказание, что однажды родится

новый Мафусаил и что этот бессмертный г'орби приведет своих подданных к еще большим успехам.

В последнее время Кайс задумывался, не он ли этот избранник. Правда, такое случалось только в моменты самых истерических его фантазий. Более вероятно, что дополнительное время, доставшееся ему, — не что иное, как небольшое генетическое отклонение, и в действительности в любой момент надо ждать смерти.

Если же ему все-таки суждено иметь будущее, надлежит взять его в свои руки. Необходимо овладеть секретом и стать новым спасителем своего рода.

Кайс выглянул в окно. Гравикар двигался через рабочие кварталы из высоких однообразных домов, выходящих на широкую улицу. На улице были в основном пешеходы. Перебои с АМ-2 привели к отмене движения общественного транспорта, много меньше стало и маленьких коробков-автомобильчиков, столь любимых представителями среднего класса.

Кайс обратил внимание на длинную очередь, змеившуюся из соевого магазина. Потрепанная табличка вверху указывала цену в десять кредиток за унцию. Состояние таблички делало смешным даже эту грабительскую цену. Двое вооруженных полицейских охраняли вход в магазин. Кайс заметил женщину, выходящую со свертком под мышкой. Толпа тут же загудела на нее, вцепившись в сверток. Здоровенный полицейский торопливо зашагал вперед.

Машина Кайса проехала мимо, прежде чем он успел заметить, чем кончилось дело.

— Ну прям как в те голодные бунты, — послышался голос водителя. — Ясное дело, безопасность стоит дорого, вот цены и кусаются, так ведь? А им этого не объяснишь никак. Вот я и муженьку своему...

— Что еще за бунты? — прервал ее Кайс.

— Не слыхали? — Женщина покрутила головой, разинув рот от изумления, что член Тайного Совета может что-то не знать.

— Мне докладывали о волнениях, — сказал Кайс, — но не о бунтах.

— Ну да, волнениях. Хрен редьки не слаще. Вот, значит, как это называется — волнения. Собралось двадцать, нет, тридцать тысяч ленивых грязных типов и начали это... волноваться. Ну, копы быстренько подъехали, с полсотни прибили. Потом, ясное дело, еще три-четыре тыщи расстреляли...

Взбешенный Кайс пропустил все остальное мимо ушей. У него были совершенно четкие взгляды относительно своих коллег по Тайному Совету. С метрополии и всех ее обитателей им следовало пылинки сдувать! В сердце Им-

перии нехватки чего бы то ни было должны обнаруживаться в последнюю очередь. Когда же он услышал о «волнениях», мнение Кайса стало еще яснее.

Но ведь близнецы Краа и другие уверяли его, что все хорошо. Было, мол, несколько небольших сбоев в системе снабжения, вот и все. Снабжение и порядок восстановлены.

Ну ладно!.. Не столько ложь возмутила Кайса, он и сам был мастер приврать, но это было намеренное искажение фактов. Если уж Тайный Совет не в силах контролировать ситуацию в нескольких километрах от своего дома, то что уж тогда говорить об успешном правлении во всей широко раскинувшейся Империи? А если они провалятся, Кайс будет обречен на нечто значительно худшее, чем любой ад, который они могут только себе представить.

И еще один безмерно раздражающий фактор: если положение действительно так ужасно, что запасы пищи во всей Империи подошли к концу, то почему члены Тайного Совета продолжают похваляться своим собственным богатством?

Он тихо выругался, увидев прямо перед собой остроконечные шпили, украшавшие высокие здания финансового района. Это была недавно построенная штаб-квартира Тайного Совета.

— Офигенно, да? — вновь раздался голос водителя. Она по ошибке приняла его ругательство за возглас восхищения.— Вы, парни, должны гордиться этим домом. Ничего подобного в Метрополии больше нету. Особенно после того, как императорский старый замок взорвали. Я знаю, вы еще не видели его... А внутри-то там каково! Фонтаны! С настоящей цветной водой! А прям посередке посадили обалденное дерево! Рубигиноза, что ли, называется. Есть, правда, нельзя.

— Чья идея? — спросил Кайс сухо и неопределенно.

— Не знаю... Дизайнера, наверно. Как же его звали-то? Это... Звито, что ли? Ну, парень рукастый! Одно дерево чего стоит, метров пятнадцать—двадцать высотой. Выписали откуда-то с Земли. Испугались сначала, что оно высохнет тут и осыплется. Так специально его приспосабливать стали. На трех или четырех разных планетах. Кучу денег угрохали. И ничего, принялось. Я слыхала, за последние два-три месяца еще на два метра вымахало. Это дерево — прямо гордость и радость метрополии, точно вам говорю. Кого угодно спросите.

Как только гравикар замедлил ход, Кайс увидел ринувшуюся к нему толпу нищих. Клин полицейских, вооруженных дубинками, оттеснял их назад.

«Конечно, — подумал он. — Кого угодно спросите...»

Доклад секретаря комиссии по АМ-2 начался. На столе перед ним была тридцатисантиметровая стопа документов, результат многомесячной работы.

Он медленно читал по слогам противным голосом. Секретаря звали Лаггут, но по взглядам, которые бросали на него члены Тайного Совета, можно было догадаться, какими эпитетами они его награждают. Кайс и другие в нетерпении столпились у стола. Вероятно, это была самая важная лекция в их жизни. Поэтому никто из них не возражал, когда помощники подносили Лаггуту все новые и новые кипы бумаг. И никто не удивился, что вступительная часть заняла целый час.

Это случилось во второй час — второй час пристального внимания тех, кто обыкновенно требовал от своих подчиненных, чтобы вся информация была спрессована в три предложения или еще меньше. Если эти три предложения их устраивали, подчиненные могли продолжать. Если же нет, то не исключалась и стрельба.

После первого часа доклада секретарь комиссии стрельбы избежал. Члены Совета обдумывали сказанное. У Кайса настроение изменилось к худшему.

Но он уловил в докладе несколько иное, чем другие. Сквозь всю эту болтовню проглядывала реальная опасность.

Кайс уловил ее, заметив дрожь в голосе и нервное подергивание Лаггута. Он перестал вдумываться в суть и стал обращать внимание на слова. Они были бессмысленными. Предумышленная бюрократическая чепуха для отвлечения внимания.

Близнецы первыми прервали докладчика. Толстая прочистила горло, издав звук вроде отдаленного грома, подала свои массивные телеса вперед и выставила огромный подбородок размером с кулак здоровенного мужика.

— Ну ты, ублюдок! — прорычала она, и это были единственные приличные слова в ее выступлении. Далее последовал поток такой изощренной ругани, что кроме возгласа «Пошел ты в жопу!» бедный докладчик ничего не понял.

Лаггут побледнел. Он понимал, что неприятности будут. Но чтобы такие!

— Иди к чертовой матери! — перевел на обычный язык Ловетт. — Где топливо?

Лаггут глубоко и безнадежно вздохнул. Потом он изобразил на лице широкую улыбку.

— Прошу прощения, милостивые господа. Но ученые... Я... В будущем я попытаюсь...

Теперь заверещала тонкая Краа. У нее был визгливый и неприятный голос с хищными нотками.

— Тринадцать месяцев, — выпалил Лаггут. — И это крайний срок.

— Значит, ты утверждаешь, что, хотя твоей комиссии не удалось найти АМ-2, теперь ты знаешь, когда вы его найдете? Правильно? — Ловетт был гением в подведении итогов.

— Да, сэр, — промолвил секретарь. — Ошибки здесь быть не может. За тринадцать месяцев мы добьемся успеха. — Он похлопал по толстой кипе бумаг.

— Звучит многообещающе, если это правда, — вступила в разговор Мэлприн. Движением руки она остановила инстинктивный порыв Лаггута защитить свою работу.

Мэлприн правила чудовищно громоздким конгломератом. Нельзя сказать, что правила она хорошо, но у нее было более чем достаточно оружия, чтобы оставаться на своем месте сколь угодно долго.

— А каково ваше мнение, сэр Кайс?

Мэлприн страстно любила развертывать дискуссии, держа при себе свое собственное мнение так долго, как только возможно. Кайс недавно предположил, что у нее и вовсе нет своего мнения и она тянет время, чтобы выяснить, откуда ветер дует.

— Во-первых, я хотел бы задать сэру Лаггуту вопрос, — сказал Кайс. — Очень важный, как я полагаю.

Секретарь жестом показал, что он готов к вопросу.

— Сколько АМ-2 имеется у нас в настоящее время на руках?

Лаггут быстро и невнятно забормотал, затем начал долгую абстрактную дискуссию. Кайс прервал его.

— Позвольте мне перефразировать вопрос. Учитывая сегодняшнее потребление, как долго еще будет в запасе АМ-2?

— Два года, — ответил Лаггут. — Не больше.

Ответ потряс собравшихся. Не потому, что был неожиданным. Но его можно было сравнить со смертным приговором, с точным знанием, в какой именно момент приговор приведут в исполнение. Только Кайс остался невозмутим. Такая ситуация не была для него в диковинку.

— Тогда, если ты врешь насчет тринадцати месяцев... — снова начала Мэлприн.

— Тогда, подруга, АМ-2 кончится менее чем через год после этого, — вставила тощая Краа.

Лаггуту ничего не оставалось, как кивнуть головой. Только Кайс знал, почему этот человек так напуган. А было это потому, что он лгал.

Лгал не о двухлетнем запасе АМ-2. Этой оценке как раз можно было верить. А вот тринадцать месяцев...

Дерьмо! Лаггут и его комиссия знали о том, где Император держал АМ-2, не больше, чем шесть лет назад, когда комиссия приступила к работе. А почему он лгал? Да чтобы сохранить свою дурацкую голову на плечах. Достаточная причина?

— Успокойтесь, — обратился Кайс к тощей Краа. — Бессмысленно пытаться выпрыгнуть из пропасти, когда вы уже достигли дна.

Обе Краа уставились на него. Несмотря на их жестокий характер, взгляды эти не были злыми. Они надеялись получить от него помощь. Они и понятия не имели о его личных проблемах.

— Сэр Лаггут надеется за тринадцать месяцев обнаружить источник АМ-2, — сказал Кайс. — Может быть, это так, а может быть, и нет. Но я знаю, что делать, чтобы получить уверенность.

— Да? Как это? — спросил Ловетт.

— У меня есть новый план действий. Мои ученые работали над проектом несколько лет. Это новый инструмент для архивистов.

— Даже так? — спросила толстая Краа, более тупая из двух, если «более» вообще возможно.

— Мы собирались послать его правительству. С помощью новшества можно уменьшить время поиска документов на сорок процентов.

В комнате послышался приглушенный шум голосов. Члены Совета уловили мысль Кайса. Тем более, все, что он говорил, показалось им правдой. Если ложь и была, то только в его действительных намерениях.

— Я предполагаю, что мы с сэром Лаггутом объединим усилия, — продолжал Кайс, — и выполним поставленную задачу. Что вы скажете? Я готов к иным предложениям.

Иных предложений не поступило. Дело было сделано. А что касается других дел — проваленной миссии по захвату адмирала, ужасной жизни, свидетелем которой стал Кайс на улицах метрополии, — они были оставлены без рассмотрения. Кайс добился, чего хотел.

Был поднят еще только один вопрос, и то чисто случайно.

— А об этом чертовом двухлетнем запасе? — спросила тощая Краа.

— Да, что?

— Может, подумать, как растянуть его?

— Еще урезать нормы? — спросил Ловетт. — Я считаю, мы и так уже...

— Нет! Не пори чепухи! Урезать не будем.

— Что тогда?

— Мы его достанем.

— Где достанем? У кого? — Кайса заинтересовала захватывающая дискуссия.

— У кого? — переспросила толстая Краа. — Да у того, черт побери, у кого целая куча, вот у кого!

— Ты хочешь сказать, украсть, что ли? — поинтересовалась Мэлприн, также заинтригованная.

— А почему бы и нет? — сказала тощая Краа.

Вот так. Они все согласились. А почему бы и нет, действительно?

ГЛАВА 6

Первой задачей Стэна, когда они вырвались с планеты Мостик, было скрыться.

Махони предлагал свой план спасения, но Стэн его отклонил, предпочитая свое собственное тайное укрытие, где, как он надеялся, будет ждать Алекс, если его вовремя предупредили. Именно в том потайном месте Стэн впервые заметил результат истощения АМ-2 и некомпетентности Тайного Совета.

Фарвестерн был и до известной степени до сих пор оставался транспортным узлом вблизи центра галактики. Раньше клиент — отправитель грузов мог получить здесь любые услуги и воспользоваться чем угодно — от корабельных верфей до мелочных лавок, от игорных домов до складов, от отелей до служб безопасности. Все это шумело и крутилось в громадном скоплении апартаментов. Впрочем, «апартаменты» — не слишком точное описание того, что предлагалось из жилых помещений. Торговые агенты, которые всегда толпились вокруг Фарвестерна, принимали своих клиентов где угодно — от небольших астероидов до списанных и разоруженных военных кораблей. На Фарвестерне и вокруг него совершались почти все легальные и абсолютно все нелегальные сделки, включая и анонимные.

Несколько лет тому назад Стэн и Алекс с одной из миссий «Богомолов» проездом были на Фарвестерне. Им пришлась по душе его веселая анархия. А особенно они полюбили маленькую планетку по имени Поппаджо. Планеткой сообща владели двое мошенников: Моретти и Манетти. Почти безуспешно попытав счастья в разных местах, они обследовали Фарвестерн и решили, что тот вполне им подходит. Теперь возникал вопрос: какие услуги они могли

бы здесь предоставить? Ответ нашелся: роскошь при анонимности. Они справедливо рассудили, что всегда найдутся существа, которые, будучи здесь проездом, хотели бы получить хорошее обслуживание и при этом предпочитали, чтобы их присутствие не афишировалось. Это могло относиться и к преступникам, и к исполнителям дел, которые лучше держать в строгом секрете, пока операция не завершена.

Моретти и Манетти тихо богатели. В минувшую войну они удвоили свои состояния.

Теперь дела пошли немного хуже: не настолько плохо, чтобы бросить их, но неустойчиво. Друзья удержались на плаву только благодаря благосклонности многих существ — от магнатов до космических странников. Еще находились клиенты, которым нужно было оставаться в тени.

Моретти и Манетти помогали им. Все комнаты имели отдельные входы. Гости могли обедать в общей столовой, а могли и оставаться в своих комнатах. Секретность была гарантирована. Их кормили самой лучшей пищей, которую только можно было найти, от земного бифштекса до экзотического желированного гипоорнина. Все подавалось в атмосфере и при силе тяжести, привычной гостям.

Когда Стэн и Килгур проезжали через Поппаджо, они договорились между собой, что в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств, если дела пойдут из рук вон плохо, здесь будет их секретное место встречи.

Когда корабль Стэна вошел в систему Фарвестерна, ни он, ни Махони нисколько не были похожи на военных. По сути дела, они вообще ни на кого не были похожи.

У того человека, кто по какой-то причине считает, что его трудно узнать, часто бывает слишком много неприятностей. Все, что необходимо (если, к сожалению, Бог не наградил вас лицом эстрадного идола или уродливым телом), — это, во-первых, оказаться непохожим на самого себя и, во-вторых, оказаться похожим на кого-то другого. Одежда должна быть не бедной, не богатой. Еда — обычная, которую едят все. Путешествия — не в первом классе, не в четвертом. Попытайтесь стать тем мифическим существом, которое называют «средним гражданином».

В корпусе «Меркурий» такую тактику неизвестно почему называют «Великий Лоренцо».

Стэн и Махони сейчас были бизнесменами, достаточно удачливыми, чтобы их корпорация предоставила им корабль и топливо, но не настолько, чтобы иметь собственного пилота, а корабль у них был старенький и немного побитый. Три дня работы в специальной подпольной

мастерской — и белоснежная яхта Стэна превратилась в совершенно другое судно, коммерческого класса. Если, конечно, не заглядывать в двигательный отсек или в компьютерную каюту или не обратить внимание, что некоторые из отсеков гораздо уже, чем надо, а за переборками скрывается столько оружия, что хватит на оснащение небольшой армии.

Махони волновался, что корабль можно будет проследить по его номерам. Стэн был просто счастлив обнаружить, что его бывший шеф все-таки не знает всего. И корабль, и все персональные номера на нем были трижды чистыми — еще один результат профессиональной бдительности Стэна, которая теперь начала приносить плоды.

Так они достигли планетки Поппаджо и были приняты господами Моретти и Манетти как долгожданные и долго отсутствовавшие родственники, законченные, но уважаемые авантюристы.

Поппаджо еще мог выжить, но Фарвестерн — нет. Коммерческий поток превратился в тоненький ручеек. Из-за перебоев с топливом и сокращением армии даже имперские корабли стали здесь большой редкостью. Большое количество орбитальных станций поставили на прикол, а их персонал был отправлен на одну из планет Фарвестерна или еще дальше.

— Мы выкарабкаемся, — оптимистично заявлял Моретти. — Мы похожи на старый шахтерский городок, где запасы угля подходят к концу. Приезжает группа эмигрантов и обнаруживается, что рубать уголек никто не хочет. Все желают заниматься лишь обслуживанием. В конце концов уголь заканчивается, а шахтеры уезжают на новое месторождение. Но владельцы прачечных остаются — и все становятся миллионерами, обстирывая друг друга.

Ему это казалось ужасно смешным. А Стэну было не до смеха. Все, что он услышал и увидел с тех пор, когда они с Махони бежали с Мостика, свидетельствовало о медленном разрушении Империи. Еще в своей изоляции на Мостике он чувствовал, что оно началось, но лично стать всему свидетелем — совсем другое дело. Жители Империи присмирели — или были усмирены.

Уменьшение энтропии как закон термодинамики хорошо и приемлемо, но как социальное явление это чертовски страшно.

Махони обрисовал ему положение вещей настолько подробно, как только мог. Миры, планетные системы, звездные скопления, даже некоторые галактики впадали в спячку, отказавшись от контактов. По собственному желанию, отклоняя бездарное руководство Тайного Совета? Из-

за войны? Или, что едва ли возможно, пораженные какой-то болезнью?

Стэн прекрасно понимал, что АМ-2 служил тем цементом, который скреплял Империю. Без могучих запасов энергии практически невозможно осуществлять звездные путешествия. И, конечно, поскольку АМ-2 был очень недорог — цены устанавливались Императором — и вполне доступен, что опять-таки устанавливалось Императором, каждый мог без особых затруднений заниматься абсолютно всем, чем ему вздумается — межзвездные коммуникации... вооружение... заводы... производство... Список можно продолжать и продолжать.

Когда же Император погиб, поставки АМ-2 прекратились.

Стэн с трудом поверил этому, в первый раз услышав новость от Махони. Да и до сих пор у него сохранились сомнения. Он предполагал, что Тайный Совет — в целях личного обогащения и из-за некомпетентности — просто перекрыл кран подачи АМ-2.

— Неправда! — втолковывал Махони. — Они и представления не имеют, где топливо. Вот почему Совет стремится тебя поймать, так же как и всех остальных, кто был близок к Императору, а потом будет нежно выдергивать вам ногти, пока вы не откроете Великий Секрет.

— Да они идиоты чертовы!

— А кто спорит? Смотри-ка, парень. Вся Вселенная свихнулась. Кроме меня и тебя. Хе... хе... хе... И я тоже медленно свихнусь, если ты не сбегаешь за бутылочкой и не откупоришь ее.

Стэн выполнил приказ. Только как следует отпил сам, прежде чем передать бутылку Яну.

— Сгоняй-ка еще за одной. И смотри, если эти привычки уже записались тебе в ДНК, твои дела плохи!

Стэн снова подчинился приказу.

— Порядок, Махони. Мы нализались, — сообщил он через некоторое время.

Махони фыркнул:

— Ни в одном глазу, мой мальчик! Но все еще впереди.

Раздался стук в дверь.

— Ваш приказ выполнен, сэр!

Махони вскочил на ноги, выхватив из рукава пистолет, и двинулся к двери.

— Спокойно, маршал, — сухо проговорил Стэн. — Открыто!

Пауза, затем дверь распахнулась, и на пороге показался Алекс Килгур с подносом выпивки в руках. Он казался расстроенным.

— Я думал, может, вы захотите повторить, — сказал он с надеждой.

Стэн и Алекс взглянули друг на друга.

— Как близко они к тебе подобрались? — спросил Стэн.

Килгур рассказал ему о засаде и битве на обледенелых улицах.

— Я решил, что раз предупреждение было послано общим кодом, как мы договаривались, то, значит, послал мне его ты.

— Я, — сказал Махони.

— О такой возможности я тоже думал, сэр.

— Быстро думаешь, мистер Килгур. Ладно, ребята. Мой рассказ — и план — займут не много времени. Какова наша цель, вернее, цели, вы поймете, когда я все объясню.

Махони начал с того, что с ним случилось, с того дня, когда погиб Император. Он тогда увидел Большую Пятерку стоящими у свежего холма, могилы Императора, и понял, что видит перед собой пятерку убийц.

После некоторых сомнений Махони все-таки решил поделиться очень важной деталью. После убийства Императора он прошел в кабинет властителя, откупорил бутылку с бурдой, которую Император величал «виски», и собрался произнести тихую, глубоко личную поминальную речь. К донышку бутылки была прикреплена написанная рукой Императора записка: «Не пропадай из виду, Ян. Я скоро вернусь».

Махони остановился, ожидая полного недоверия. Он и дождался его. Правда, недоверие на лицах обоих мужчин было замаскировано выражением яркой заинтересованности.

— Очень интересно, маршал. Сэр, а как вы себе это представляете? Вы хотите сказать, что человек, которого убили, был двойником Императора?

— Нет. Убили самого Императора.

— Так он все-таки выжил? После того, как в него всадили дюжину пуль или около того, а потом еще и взорвали!

— Ни черта подобного, Стэн. Он был мертв.

— Так, значит, он вылез из могилки, чтобы оставить вам любовную записочку, да? — спросил Алекс.

— И опять не так. Он, конечно, мог оставить инструкции одному из охранников. Или дворцовых слуг. Но я спрашивал — никто ничего не знает.

— Ладно, Ян, давайте на минутку про записку забудем. Вы сами-то понимаете, что сейчас говорите? Либо вы спятили, либо вступили в ту секту, которая бродит кругом и твердит, что Вечный Император бессмертен. И не забывайте, что шесть лет с гаком — достаточный срок, чтобы одуматься.

— Может, и так. Вы намерены слушать дальше?

Килгур осушил стаканчик спиртного, но продолжал смотреть на Яна настороженно.

— В тот день у меня возник свой собственный план: подняться против Тайного Совета.

— А вы думаете, они не сообразили, что у вас на них зуб?— спросил Стэн.

— Думаю, сообразили. И предпринял все возможные меры защиты.

Махони рано подал в отставку. Тайный Совет в своем сумасшедшем стремлении избавиться от раздувшейся за время войны и чрезвычайно дорогой армии был более чем рад отпустить любого, не задавая лишних вопросов.

Стэн кивнул — точно так же и их с Алексом выбросили в отставку и предали забвению.

Совет был тем более счастлив отпустить маршала Махони— любимца Императора, архитектора победы, а вдобавок еще и главу корпуса «Меркурий» — Имперской разведки — в течение многих и многих лет.

— Но мне не хотелось, чтобы они втайне опасались от меня какого-нибудь неприятного сюрприза. И я придумал себе прикрытие.

Прикрытием Махони, громко разрекламированным, стала идея выпустить полную биографию Вечного Императора, величайшего из людей, когда-либо живших на свете. Этот план вполне был на руку Совету.

— Черт его знает, зачем мне это понадобилось, но я должен был это сделать.

Махони углубился в архивы, собираясь посвятить один год исследованию Древних Времен. Между тем он заметил, что Совет уже потерял к нему интерес и можно перейти к своей подлинной цели.

Немного стесняясь, Махони признался Стэну и Алексу, что ему всегда нравились научные исследования и корпения за документами. Возможно, если бы все сложилось иначе и он не был бы из военной семьи, Махони так бы и копался всю жизнь в архивах, создавая какую-нибудь очередную «Полнейшую историю».

Он был не первым, не сотым и не тысячным, кто создавал биографию Императора. Однако ему удалось открыть нечто интересное. Все биографии врали.

— Ну и что с того? — равнодушно спросил Стэн. — Если бы вы были приближенным Бога, вам разве не хотелось бы, чтобы все говорили о вас одно хорошее?

— Да я не об этом, — махнул рукой Махони. — Биографов подталкивали написать об Императоре. Среди

них была масса неаккуратных и ленивых историков, но почему-то их работа поощрялась. Они заключали выгодные контракты. По этим работам снимали фильмы. И так далее и тому подобное... Я вот что вам скажу, парни: ни одному из них ни разу не дали даже посмотреть на архивные материалы.

— Так чего было скрывать нашему покойному шефу?

— Да почти все, черт возьми! Начиная с того, откуда он взялся, и кончая тем, куда он делся. Можно провести всю жизнь, пытаясь разобраться в семнадцати или восемнадцати тысячах версий одних и тех же событий, причем каждая из них явно была одобрена Императором. Упомяну два самых темных пятна, не считая того, где находится этот чертов АМ-2. Первое — практическая бессмертность нашего любимого прохвоста; во всяком случае, бессмертность до гибели. А второе — что его уже убивали раньше.

— Но вы же только что сказали...

— Я сам знаю, что сказал. И все же повторяю: он уже умирал раньше. Погибал. Разными способами. Несколько несчастных случаев. По крайней мере, два покушения.

— А вы говорили, не было двойников!

— Я и сейчас говорю. Вот что происходило, по крайней мере, в тех случаях, которым я нашел документальное подтверждение. Во-первых, Император погибал. Во-вторых, немедленно после этого всегда происходил дьявольской силы взрыв, который разрушал и тело Императора, и все вокруг. Точно так же, как та бомба, которая взорвалась после выстрелов Чаппеля.

— И так каждый раз?

— В каждом случае из тех, что мне известны. А затем прекращалась подача АМ-2. Так же, как теперь. А потом Император возвращался. И возвращал АМ-2. И все опять шло своим чередом.

— Ян, — после паузы сказал Стэн. — Допустим на минутку, что вы правы. Надолго он обычно пропадал? Только не подумайте, что я поверил хоть одному слову из того, что вы тут наговорили.

Махони выглядел взволнованным.

— После несчастного случая — примерно на три-четыре месяца. После убийства — на год или на два. Видимо, этого времени было достаточно, чтобы люди поняли, насколько он им необходим.

— Но теперь-то уже шесть лет прошло, — заметил Алекс.

— Я знаю, спасибо.

— Так вы, значит, верите, что Император собирается возникнуть однажды на розовом облачке или из

какой-нибудь дурацкой морской раковины и мир снова станет веселым и счастливым? — съехидничал Стэн.

— Ты мне не веришь, — произнес Махони, потягивая пиво. — Может быть, тебе стоит взглянуть на документы? Я их спрятал неподалеку.

— Нет. Не могу я вам поверить. Ну ладно. Что у вас есть еще?

— Ты помнишь свою подругу Хейнз?

Стэн помнил. Она была полицейским, и они вместе расследовали странное покушение на убийство, с которого, собственно, и начались Таанские войны. А еще они были любовниками.

— Она до сих пор служит в полиции. И до сих пор в Метрополии. Только теперь она уже шеф полиции, — сообщил Махони.

Он пошел к ней за разрешением получить досье на Чаппеля, убийцу Императора. У него было стопроцентное прикрытие — вышедший первый том биографии Императора имел грандиозный успех.

— Полная брехня, конечно, — заверил он Стэна и Килгура. — Но, во всяком случае, твоя Хейнз такая же принципиальная, как и раньше. Я задал ей несколько вопросов, и она поняла, что бывший шеф разведки еще не впал в старческий маразм, удовлетворяя личное любопытство. Между прочим, Хейнз сказала, что единственная причина, по которой она пойдет на это, — твои добрые слова обо мне. А ты не помнишь молодого человека по имени Волмер?

Стэн помнил и его. Волмер был владельцем конгломерата средств массовой информации, точнее, «наследником престола» империи прессы и членом Тайного Совета. Однажды ночью его убили у дверей сомнительного придорожного бара в портовом городе Соуарде.

Официальная версия — он был замешан в коррупции, связанной с военными делами. Более циничная и популярная — что Волмер испытывал странное пристрастие к лицам своего пола и любого другого, кроме женского, и был зарезан обманутым сутенером.

Хейнз располагала иными материалами. Она выследила наемного убийцу-профессионала. Ей было наплевать на этого исполнителя, но она хотела разузнать, кто его нанял. Хейнз получила от исполнителя достаточно фактов, чтобы возбудить дело. Молодой человек согласился сотрудничать с полицией.

Лайза горела энтузиазмом. Ее мало волновало, когда ежедневно десятками резали друг друга существа из недоразвитых миров. Но когда они оставляли трупы на

улицах метрополии и пугали мирных горожан, тогда уже надо было принимать меры.

Молодой человек сознался, что именно он убил Волмера. Правда, имя жертвы держалось в секрете; киллер только позже узнал, на кого он поднял руку. Хейнз хотела узнать, кто ему заплатил. Убийца назвал имя человека из малоразвитого мира, теперь уже покойного. Хейнз отправила киллера в камеру, попросив припомнить дополнительные факты и попытаться понять, что все это означает. Этой же ночью в тюремной камере убийца «покончил с собой».

— Это все, что стало известно полиции?

— Да, все. Так кто же прикончил Волмера? Может, его коллеги по Тайному Совету? Может, Волмер не согласился с какими-то их планами? Пока не знаю. Но это была первая жертва из членов Тайного Совета. Потом погиб Сулламора — при взрыве после убийства Императора. Одна забавная вещь об этом Чаппеле. Он из Службы управления космопорта. Я кое-что разузнал: видимо, ему казалось, что Император преследует лично его.

— Да. Я тоже видел документы. Клинический случай.

— Так-то оно так. Но Чаппеля заставили стать таким. Кто-то сыграл с его судьбой. До сих пор никому не известно, почему он внезапно лишился работы и стал на путь бродяжничества.

— Служба управления, порты, перевозки — это были владения Сулламоры, он отвечал за транспорт в Тайном Совете. А теперь и он тоже мертв. — Стэн приготовился выпить еще, но передумал и подошел к видеопанели. — Да, Махони, любопытные вы добыли факты... А может, и у вас тот же тяжелый случай, что и у этого Чаппеля? Может, это просто преступные разборки? О чем говорят последние операции «Богомолов»? Давайте-ка заполним пробелы. Что произошло потом? И подумаем, что происходит теперь.

Махони продолжал.

Примерно в то же время, когда он поговорил с Хейнз, он начал чувствовать какую-то опасность. Совет, как понял отставной маршал, так и не раскрыл секрет источника АМ-2. Махони считал, что теперь лишь вопрос времени, когда они начнут собирать всех подозреваемых и искать этот секрет в их мозгах.

— Сканирование мозгов — очень неприятная процедура. Бывает, что и смертельная. Вот я и умер. Инсценировал кражу всего состояния, заплатил вору десять процентов денег, которые он украл, и умер. Утонул. Дурацкий несчастный случай. Ходили слухи, что это произошло как раз потому, что я разорился.

Мертвый и невидимый, Махони начал работать. Частью его работы был поиск своих старых сослуживцев, всех, кто хоть что-нибудь мог знать об Императоре.

— Многие из них до сих пор на службе. И большинство считает, что мы движемся к абсолютному хаосу. Единственный выход — сместить Тайный Совет.

Стэн и Килгур обменялись взглядами.

— Да! Тогда мы получим доступ ко всему, что оставил Император в Метрополии. Я знаю... знал этого человека. Он должен был где-то спрятать свой секрет. Вот наш единственный шанс, — заключил Махони. — Не исключаю, что вы правы. Может, я и свихнулся, веря, что Император вернется, что он вечен. Но простите мне мое старческое чудачество. Если ничего не делать, через несколько поколений Империя исчезнет.

Стэн в упор смотрел на Махони не слишком теплым взглядом.

— Не будет большого вреда, если вы дадите сказать Килгуру. — раздался голос Алекса. — Все, что вы хотите от нас, так это отправить на тот свет пять существ, которым довелось править известной вам Империей?

Махони предпочел не заметить сарказма.

— Точно так. Не импичмент. Не суд. Не массовые волнения. Вот зачем вы мне сейчас потребовались, ребята. Это только прелюдия к большой операции, и вам надлежит сыграть ее. Чисто ли, не чисто, но с пятью трупами в финале.

Стэн и Алекс сидели, не говоря ни слова. Потом сказали Махони, что им необходимо переговорить, и выставили его за дверь. Но разговоров было не много. Они хлопнули еще по стаканчику и заказали кофе.

Стэн приводил свои мысли в порядок. Можно ли как-нибудь добраться до Тайного Совета? Да, твердила его заносчивость «Богомола». Что ж, допустим. Но его беспокоили слова «не чисто». Он всегда вспоминал своего первого сержанта, который говорил, что ему нужны солдаты, которые могли бы «помочь солдатам противника умереть за свою родину».

Тайный Совет пытался убить его и, вероятно, украл уже все его состояние, довел до нищеты. Так? Но в конце концов, деньги — это не важно. Их можно заработать, а можно и потерять. Так же и убийство. Раз уж стрельба прекратилась, Стэн, который гордился своим профессионализмом, зачастую мог выпить пивка за здоровье бывших врагов. Настолько ли плохи члены Тайного Совета, чтобы оправдать их убийство?

«Определим, что такое плохо,— думал он. — Плохо — это то, что не работает. Итак, идем дальше. Был ли Тайный Совет некомпетентным? Безусловно. Особенно если поверить тому, что поведал Махони». Но миры, где бывал Стэн, от Вулкана до подразделений имперской армии, более чем часто управлялись лицами некомпетентными.

Империя катилась в пропасть. В третий раз.

Стэн, ветеран сотен битв за тысячи миров, так и не мог себе представить аморфное понятие «Империя». Все, что знал Стэн, так же, как и его отец, и отец его отца — Вечный Император. Представляя себе Империю, Стэн всегда на самом деле думал о нем.

Он давал присягу. Даже дважды. «...Защищать Вечного Императора и Империю, не щадя своей жизни, подчиняясь законным приказам, следуя традициям Гвардии, как того требует родина». Первый раз он присягал, когда его принял на службу Махони, целую вечность тому назад, на Вулкане. Но он давал клятву и еще раз, когда его официально утвердили в должности начальника личной охраны властителя.

И Стэн помнил об этом. Если члены Тайного Совета пытались убить Императора, и неудачно, обязан ли он выследить их и, если необходимо, убить? Конечно. А уверен ли он, что Тайный Совет убил Императора? Да, безусловно.

Он вспомнил старую таанскую пословицу: «Служба тяжелее свинца, смерть легче пуха». Не помогло.

Его клятва оставалась в силе, это его долг.

Стэн чувствовал себя в затруднительном положении. Он искоса взглянул на Килгура и откашлялся. О таких вещах громко не говорят.

Алекс тоже избегал смотреть Стэну в глаза.

— Конечно, есть выбор, — пробормотал он. — Можно наплевать на все с высокой колокольни и забыть. Позволить Вселенной вертеться, как она вертелась. Но не хотел бы я провести остаток дней, пугливо озираясь... Ты, парень, растерял уверенность. Мы сможем это сделать! Нет проблем. А сделаем, так моей матушке не надо будет страшиться ходить на базар. Так-то! Ведь Империя идет коту под хвост, а, Стэн?

Стэн в ответ ухмыльнулся. Так лучше. Пусть настоящие причины останутся при нем.

Он протянул руку.

— Ну вот, можно и выпить со спокойной совестью, — вздохнул Килгур и нашарил бутылку. — Уж и не знаю почему, но житуха такая мне по душе. Вот, приняли смелое решение, прямо в номере отеля. Толстяк, одетый,

как бродячий коммерсант, и худой парень, похожий на сутенера. Теперь нас связала клятва, сверкающие доспехи и реющие знамена.

Он выпил.

— Да, между прочим... а каким образом мы свернем башку этим мерзавцам?

Так Стэн и Килгур заключили союз с экс-маршалом, который, как они оба считали, маленько спятил.

ГЛАВА 7

Человек уставился на экран. Его руки по-прежнему лежали на коленях.

— Вы не начали тест, — произнес голос, похоже, с некоторой укоризной.

— А что произойдет, если я не подчинюсь?

— Не получите информацию. Начинайте тест.

— Не буду.

— У вас есть причины?

— Да. Я уже проходил его. Три... нет, четыре периода сна тому назад.

— Все правильно. Тест завершен.

Экран погас.

— Все тесты усвоены. Параметры субъекта приемлемы, — сказал голос.

Очень странно. Впервые он обращался словно не к нему, а к кому-то другому.

— Вы готовы к следующей ступени.

— У меня есть несколько вопросов.

— Задавайте. Ответов, правда, может и не быть.

— Я на корабле. Есть ли еще кто-нибудь на борту?

— Нет.

— Ваш голос синтезирован?

— Естественно.

— Вы только что сказали, что у меня... приемлемые параметры. А что было бы в противном случае?

— В ваших же интересах ответа не получите.

— Попытаюсь сформулировать иначе. Какие ограничения установил вам ваш программист?

— В ваших же интересах ответа не получите.

— Спасибо. Тем не менее вы ответили. Еще вопрос: кто вас запрограммировал?

Тишина, только привычный гул корабля.

— Ответ очень скоро возникнет сам собой, — произнес наконец голос. — Довольно вопросов. — Запертая до этого панель в стене открылась. — Вы можете пройти в коридор. В его конце будет корабль. Вы можете войти в него и приготовиться к старту.

Человек побрел по коридору. В конце действительно был вход в небольшой корабль, рассчитанный на одного человека. Он уселся в наклонное кресло. Крышка люка захлопнулась, и он почувствовал движение.

— Это наша последняя связь, — вдруг снова раздался голос. — На корабле четыре автоматические навигационные системы. Каждая из них — определенного назначения. После выполнения своей функции система самоуничтожается и приводится в действие следующая. Не волнуйтесь. Не пытайтесь воздействовать на систему. Ваша конечная цель и пункт назначения будут очевидны. До свидания. Желаю вам удачи.

Человек вздрогнул. Желаю удачи? От машины?

ГЛАВА 8

Хондзо — небольшая, но довольно решительно настроенная раса торговцев. Их происхождение связано с ранним периодом становления Империи. Они заселили систему в нескольких световых годах от Дюрера, места действия одной из знаменитых баталий Таанской войны. Так их родиной стало не вполне удобное скопление звезд и планет с очень ограниченными коммерческими ресурсами. Но для хондзо это не было препятствием. Их вышедшие из океана предки занимались островной торговлей и издревле славились мастерством посредничества в любой сделке. Корабли у них были собственной конструкции, хотя и собирались на верфях Сулламоры, — легкие, не слишком быстрые, но работавшие почти в любой атмосфере, лишь бы нашлись товары для купли или продажи.

Хондзо являлись также одними из самых бережливых существ в Империи. Их собственные ресурсы были так ничтожны, что они запасали их и ревностно охраняли. В особенности АМ-2. Время от времени это даже немного действовало Вечному Императору на нервы. Так как цены на топливо поддерживались запасами, которые он контролировал, его слегка задевало большое количество антиматерии, которое они держали при себе. Всякий раз, когда он позволял ценам снижаться, хондзо первыми вставали в очередь за АМ-2.

Впрочем, после нескольких перебранок с бестолковыми существами властитель махнул на это рукой. Император понял, что лучше не обращать внимания на эту странность. Хондзо — превосходные торговцы, они предельно честны, а их система слишком мала, чтобы иметь какое-то значение.

И еще одна вещь о хондзо. Они были чрезмерно обидчивы. Особенно если дело касалось того, что они считали своей собственностью. Короче говоря, если их обидеть, они способны были сражаться, несмотря на явное превосходство противника.

Когда Тайный Совет обсуждал проблему, они пришли к единодушному выводу: Краа сделали правильный выбор, решившись пойти на воровство у хондзо.

— Мы с сестрицей это дельце обмозговали, — сказала толстая Краа. — Эти скупые идиоты припрятали все в одном месте. Надо лишь послать корабль. Перебить всех к чертовой матери и домой, домой! С кучей АМ-2.

— Я не думаю, что следует действовать так прямо, — возразила Мэлприн.

— Какого черта? А почему нет-то? Эти хондзо просто выродки, всем известно.

— Хороший план, в гробу мы видали всякие дипломатии!— хихикнул Ловетт.

Кайс заметил, что накал страстей в зале намного выше обычного. Может, потому, что ожидалось хоть какое-нибудь действие? Или обстановку накалила мысль о вооруженном разбое?

Кайс и его коллеги за свою долгую карьеру принимали участие в многочисленных кражах. Но они всегда на расстоянии, на бумаге и хоть с какой-то долей законности, притянутой за уши легионами нанятых официальных экспертов и юристов. Кайс должен был признать, что это не оставляло его спокойным. Он способен к переживаниям так же, как и остальные.

— Попробуем. Пошлем достаточно кораблей, чтобы провернуть это дело, как предлагают наши коллеги. Но впереди мы пустим один маленький кораблик. Почти невооруженный. И недорогой. И этот кораблик намеренно нарушит их границы.

— Ясное дело, они разозлятся, — подхватила тощая Краа. Ей понравился план Кайса. — А мы повиляем задницей, заставим их стрельнуть...

— И нанесем ответный удар! И погромче! Имеем право, — закончил Ловетт.

Планом были довольны все. Как ни странно, у близнецов возникли серьезные опасения.

— Нам нужно надежное прикрытие, — сказала толстая. — Чтобы не было заметно, что все это подстроено.

— А может, устроить что-то вроде экономического совещания на высшем уровне? — предложила Мэлприн.

Она никогда не увлекалась экономикой, но чутьем обладала.

— Сделаем так, и сразу убьем двух зайцев.

За столом послышался одобрительный шепот. Ситуация ухудшалась стремительно, все страшились того, что будет дальше.

Мэлприн предложила выпустить краткий отчет, из которого бы следовало, что непрерывно падавшая до этого экономическая кривая достигла своего минимума и в конце концов начинает расти.

Итак, решено было созвать Тайный Совет на экономическое совещание, которое, как объявили, установит основные направления развития Империи на ближайшие шесть-семь лет.

Встречу предполагалось обставить как важнейшее событие со времени смерти Императора. Полное освещение всеми средствами массовой информации. Никаких препятствий. Установили и место проведения будущей встречи. Для максимальной безопасности ее решили устроить на Земле, в старом рыбацком лагере Сулламоры. Там члены Совета могли собраться и невинно обсуждать вещь первостепенной важности — благосостояние общества. А в этот момент безоружный корабль Империи подвергнется не спровоцированному нападению.

Краа заметили, что добыча должна составить космический поезд длиной от десяти до пятнадцати километров. «Обалденная куча АМ-2», — сказала тощая.

Кайс согласился. Это действительно немыслимо много.

Махони ворвался в номер Стэна, счастливо бурча себе под нос все, что ему запомнилось из средневековой баллады: «Пусть мои глаза... что-то там, та-та-та-та, в этот день... что-то там... та-та-та, на зеленых холмах...» Он подошел к видеодисплею Стэна и щелкнул клавишами. На экране появилось: «Новый курс Империи. Большая Пятерка собралась на Экономическую Встречу в историческом уединенном месте».

Стэн внимательно прочитал сообщение, Алекс заглядывал ему через плечо.

— Пора действовать, — сказал Стэн. — Подходящий случай.

Махони просиял.

— Никогда не мог взять в толк, почему эти черные шляпы считают, что прятаться безопаснее всего на природе. Может, из-за того, что они в прошлом городская шпана?

— Черт его знает, — бросил Килгур. — Но дайте мне болото и спрячьте в нем маленький камешек, а сами подождите минутку, и я буду просто счастлив отыскать его.

ГЛАВА 9

Сообщение Тайного Совета стало спусковым крючком для последней встречи «заговорщиков» Яна Махони. Теперь у них появилась мишень и срок, когда ее требовалось поразить.

Этот заговор чересчур затянулся, чтобы Махони был спокоен. Практика показывает, что чем меньше прошло времени и чем реже встречаются между собой вовлеченные в заговор, тем меньше вероятность, что операция будет провалена или развалится сама собой, без постороннего вмешательства.

Мысленно маршал ставил слова «заговор» и «заговорщики» в кавычки, ведь от заговора здесь было совсем немного.

В своих «исследованиях» Махони обращал взоры ко многим из былых соратников. Раз уж он очень кстати «скончался», его тайные путешествия из галактики в галактику участились.

Цель их была проста. Как только он устанавливал контакт с одним из своих старых знакомых по службе, начиналась игра. Махони пытался привести каждого из них кратчайшим путем к нужному ему выводу. Согласны ли они, что все дела Империи летят к черту? Если согласны, то задумывались ли о том, что можно сделать? И вообще, нужно ли что-то делать? Собираются ли они принять участие в активных действиях на благо Империи?

Эта работа отняла время — много времени. Слишком часто натренированный мозг Махони принимал тревожные сигналы, и маршал обрывал контакт.

От каждого кадрового офицера высокого ранга, от каждого штатского чиновника он требовал того же. Если Тайный Совет вдруг лишится власти, что нужно делать?

В идеале Махони стремился к тому, чтобы каждый вовлеченный в заговор мобилизовал все силы своей команды на то, чтобы:

— поддерживать общественный порядок;

— разоружить или другими способами нейтрализовать все боевые формирования, верные Тайному Совету, начиная с аппарата безопасности;

— контролировать средства массовой информации и препятствовать доступу в них приверженцев Тайного Совета;

— поддерживать Временное правительство.

Махони очень неясно представлял себе будущее устройство общества. Может, свободная федерация, руководимая членами Парламента, не продавшимися Тайному Совету, представителями оппозиционных систем и галактик и другими, которых еще предстоит поискать. А возглавить федерацию мог бы абсолютно неподкупный манаби.

Закулисные беседы скоро пришлось прекратить. Очень немногие хотели знать точную механику того, как Тайный Совет должен «лишиться власти». Узнав бывшего «кровавого» шефа разведки, собеседники зачастую вообще считали, что самой блестящей идеей будет арестовать его.

Если уж решено сразиться с Тайным Советом, то какое бы правительство его ни сменило, оно должно решить две очень простые задачи. Во-первых, приостановить сползание Империи в пропасть и, во-вторых, найти АМ-2.

Махони знал, и каким не должно быть Временное правительство: военным. Поразмыслив, он часто приходил к выводу, что справился бы с ролью нового правителя — так же, как и его товарищи. Именно поэтому военных и близко нельзя подпускать к правительству, пока они чувствуют в себе хоть малейшую тягу к власти.

Все это отнимало кучу времени. Не только потому, что действовать приходилось крайне осторожно — в конце концов, это было подстрекательство к государственной измене,— а в основном из-за невероятной прослойки бюрократии между правителем и народом.

Махони всегда гордился своей командой. Каждый, кто служил под его началом, мог в любой момент тесно пообщаться с шефом. Теперь же его поражало многочасовое ожидание в приемных своих бывших друзей — подчас лишь для того, чтобы убедиться, что их нет на месте.

Шло время, и росла опасность провала. Он не пытался винить тех, кто не желал принимать участия в операции. Среди них были такие, кто просто считал, что военным не место в политике. Другие верили, что проблемы временные и рано или поздно Тайный Совет все исправит; ведь все, что происходило, считали они, это неизбежный послевоенный хаос, усугубленный гибелью Императора. Третьи вообще одобряли деятельность Тайного Совета — таковы, мол,

обстоятельства. Наконец, были и такие, кого Тайный Совет просто подкупил. Не говоря уже о тех, кто всего-навсего трусил, в том числе и среди коллег Махони — военных.

Никому, кроме Стэна и Килгура, не говорил отставной маршал о своей потаенной вере в то, что Император вернется. Их мероприятие и так выглядело достаточно безумным — тут и к психиатру ходить не надо. Он беседовал примерно с тысячей человек. Впереди была финальная часть — для большинства из них это возможность собраться вместе для завершающей операции.

Такая встреча была чрезвычайно рискованной. Махони, как ему думалось, уменьшил опасность разоблачения, устроив встречу не только на видном месте, но и у самого сердца чудовища: в системе Клизура, исключительно военизированной группе миров. Стэн много лет назад проходил здесь тренировки.

Одну из небольших планет системы специально приспособили для проведения военных игр еще несколько веков тому назад. Военные игры без солдат, без кораблей. Это, как слышал Махони, называлось раньше «штабные учения». Игра была предложена маршалом флота Вентвортом, давним и преданным другом Яна.

Очевидно, то, что соратники Махони безо всяких подозрений смогли собраться со всех уголков Империи, делало игру совершенно уникальной.

Итак, дано:

текущий статус вооруженных сил (коренное разоружение, последовавшее за окончанием Таанских войн);

текущая экономическая обстановка (уменьшение запасов АМ-2);

текущая политическая ситуация (мягко выражаясь, большая часть населения понимала, что Тайный Совет ведет Империю к пропасти).

Ситуация:

широкомасштабная угроза Империи, вплоть до новой мировой войны.

Задача:

в течение двух земных лет решить каждую из проблем, возможно, военными средствами.

Короче говоря, игра должна была воспроизвести начальную стадию перемен, только в отсутствие Императора и с ограниченными запасами АМ-2.

Такое широкомасштабное упражнение, хотя в нем и не участвовали военные ниже командоров, не могло не привлечь внимания Тайного Совета.

Поначалу члены Совета выразили недовольство, что игра будет разыграна по реальному историческому сценарию, но в конце концов они поняли, что военные должны знать, пусть это и неприятно, насколько в действительности ограничены запасы топлива. Это означало, что сам Тайный Совет обеспечит встрече и игре полную безопасность, к чему как раз и стремился Махони.

Их надежды еще более укрепились, когда Вентворт предложил использовать в игре не только военных, но и гражданских специалистов. Все они, конечно, были неоднократно проверены: высшие офицеры в отставке, экономисты, эксперты по логистике и даже несколько сонных предсказателей будущего. Кайс был весьма удивлен, что военные, которых он привык считать твердолобыми, как их компьютеры, способны принимать у себя гостей «из других миров».

Вот так генералы и адмиралы, маршалы и специалисты по разведке со своими помощниками и адъютантами собрались на Клизуре-12 — вместе с гражданскими лицами, среди которых был пожилой улыбчивый человек, представленный как специалист по боевому духу. Махони избрал себе псевдоним Стефан Поттер.

Игра и на самом деле была сыграна, и затем повторена еще два или три раза с разными участниками. Первая игра была сочинена заговорщиками Махони, следующие были разыграны простофилями, которые так никогда и не узнали, что в схеме Махони служили тщательно продуманным прикрытием. Было бы еще лучше, если бы игру сыграли только один раз, с неприметным кораблем на орбите, где укрылись бы главные заговорщики. Но слишком многие знали Яна Махони, и он прекрасно понимал, что единственный путь удержать колеблющихся, скептиков и нерешительных — быть среди них самому, лично, разделяя с ними опасность.

Серой безликой массой прибывали бывшие сотрудники корпуса «Меркурий», завербованные Махони. Они должны были обеспечивать безопасность.

Махони предполагал, что, когда игры привлекут внимание Тайного Совета, власти установят тайное наблюдение за всем и всеми. Он оказался прав. Но его собственным специалистам было по силам обнаружить «жучки» и обезвредить их. Причем часть датчиков и микрофонов оставили на месте. Иногда какое-то время они выдавали сигнал, что там, где они установлены, ничего не происходит. Другим «жучкам» давали информацию, записанную на настоящих учениях, переработанную и с заново синтезированными голосами. Скажем, генерал Икс будет обсуждать со своим

шефом проблему, перевезет или нет тот или иной транспорт его войска. А на самом деле в это время генерал Икс будет сидеть с Яном Махони и беседовать о том, какие его части будут задействованы, когда наступит День Игрек, чтобы захватить казармы с личной охраной одной из близнецов Краа.

Обнаружили и несколько агентов контрразведки. Они быстро были вычислены, и за каждым их шагом следили. Только у одного агента возникли определенные подозрения, и того незаметно ликвидировали, прежде чем он успел послать сообщение или получить какие-либо указания.

Махони явно был разочарован своими врагами — он и видел, и слышал, и соображал лучше, еще когда был помощником командира патруля в отряде юношей-патриотов.

Всем заговорщикам сообщили, когда намечено провести операцию. Кроме того, им было приказано держать свои отряды в боевой готовности. Нашлись и такие, которые хотели большего. Они, конечно, доверяли Махони, но эти существа очень немногое принимали на веру.

Специально для них на сцене появлялся Стэн. Для большинства он был лишь просто герой раннего этапа Таанских войн. Однако, видимо, сам факт, что адмирал желает лично руководить рейдом на Землю, удовлетворял многих колеблющихся.

Подозрения мучили в основном тех высокопоставленных лиц, в поведении которых угадывалась подготовка разведчиков. Подозрительными они были по той причине, что большинство из них слышало о Стэне или знало его — если не лично, то по слухам.

Ближе к концу игрищ Стэн встретился с Махони и проводил его в абсолютно проверенную комнату. Совершенно открыто он спросил маршала, действительно ли тот верит, что все эти существа готовы выполнять приказ, когда приказ поступит.

— Конечно, нет! — поспешно ответил Махони. — Как сказал бы твой любимчик-головорез: «Я может, и бешеный, но не полоумный!» Допустим, что приказы выполнят семьдесят пять процентов. Тогда не только будут уничтожены убийцы Императора, но и власть захватим безболезненно. Пятьдесят процентов... Крови будет уже больше. Но я думаю, все обойдется. Если, конечно, те, кто наложил в штаны со страху, не попытаются нас остановить.

— А меньше?

— А если меньше, парень, то лучше молиться Богу и готовиться удирать. А теперь, адмирал, пора и тебе действовать. Собирай своих помощников и начинай устраивать любые репетиции, которые найдешь нужным.

Когда они с Алексом улетали с Клизура-12, Стэн сделал собственный прогноз.

Он даже меньше, чем Махони, надеялся, что заговор удастся во всей его полноте. Слишком много людей в него вовлечено, слишком много времени прошло, а Стэн ни капли не верил в заговоры, в которых заговорщики имели какие-то личные интересы, как бы громко это ни отрицалось на людях. Все генералы и адмиралы — паршивые диссиденты.

Так что, посчитал он, меньше, чем пятьдесят на пятьдесят. Черт, а ведь для «Богомолов» не так уж и плохо! Ладно. Уничтожим Тайный Совет, а там как пойдет, так и пойдет. Это другим решать.

Жаль, что Стэн никогда не встречался с бригадиром Мэвис Симс...

ГЛАВА 10

Стэн был в совершенно дерьмовом настроении. Он отключил воспроизведение и скинул шлем. Сдерживаясь, чтобы не швырнуть его через комнату, выглянул на дождливую улицу.

Чертовски паршивые инструкции! Выполнять их может только самоубийца.

На душе и так было препаршиво — заложил данные разведки в интерактивный компьютер, и машина не выдала ничего нового, кроме операций, в которых он сам принимал участие и выжил.

А еще настроение могло испортиться из-за дождя. Из лесистой провинции под названием Орегон солнце, казалось, было изгнано навсегда. Погода здесь менялась от мрачной пасмурной через моросящий дождик к ливню... И вот уже новая гроза. Впору было напиться. Но и Стэн, и члены его команды объявили сухой закон, пока не добьются успеха.

Поднял настроение Килгур. Распахнув дверь в комнату Стэна, он бодро проговорил:

— Пошли-ка отсюда, босс! Ты тут сидишь, толстеешь и глупеешь. Так и одышка стариковская появится.

Стэн натянул спортивные ботинки, прихватил плащ, и друзья вышли на улицы Кус-Бея. Этот городок и сам по себе мог быть причиной депрессии Стэна. Одно дело — тысячелетние руины. Но домишки возрастом всего сотню-другую лет — совсем другое. Люди жили здесь и до того, как Кус-Бей стал загнивающим поселком с ветхими домами и разбитыми мостовыми.

В городке, как узнал Стэн, насчитывалось около двадцати тысяч жителей — фермеров, лесорубов, мореплавателей. Но это было много лет тому назад. Теперь здесь жило менее тысячи: горстка рыбаков, какие-то богемные личности, заработавшие кредитки за пределами Земли, да несколько племен, которые жили обособленно, своим собственным натуральным хозяйством. Другие аборигены поставляли к столу туристам, прибывающим поглазеть на большие игры, рыбу под названием лосось. Они восхищались ее борцовскими качествами и осторожностью (услышав такое описание, Стэн поначалу решил, что речь идет о каком-то лесном хищнике). Впрочем, он нашел ее вкусной — так же как и крабов, устриц, окуня и уродливую рыбу по имени осетр.

«Можно было бы устроить классную рыбалку, — подумал Стэн. — Берешь небольшой заряд взрывчатки, швыряешь его в заводь — и получай обед для целого взвода». Но эти люди использовали леску, тонкую, как нитка, вручную вырезанные пластиковые приманки, напоминающие насекомых, и спиннинговые катушки. Часто они просто фотографировались со своей добычей, а потом отпускали ее. Очень странно.

— Куда сегодня двинем, босс?

— А, какая разница. Кругом одно и то же. Развалины, скалы и деревья.

Килгур махнул рукой, и они двинулись в путь, поднимаясь на вершину холма.

Друзья немного пробежались, потом прошли полкилометра, пробежали еще десяток километров. Полчаса упражнений, потом бегом назад. Стандартная дистанция для имперских боевых отрядов.

Стэн продолжал размышлять об этой унылой провинции Орегон. Исторически сложилось, что она всегда была местом мечтаний о времени будущем и разрухи во времени настоящем. Ее теперешний упадок был обусловлен тремя причинами: нечеловеческим, по крайней мере для Стэна, климатом, постоянной утечкой молодежи, которая не могла найти работу дома, и, наконец, Вечным Императором.

Последнему фактору было только три сотни лет. Примерно в двадцати пяти километрах к северу от Кус-Бея находилось устье реки Ампкуа. Император решил заняться здесь рыбной ловлей. Он оказал политическое давление на правителей провинции, и они подарили ему реку навечно — от истока до того места, где она впадает в океан. Это стоило целого состояния в виде взяток и обещаний.

Мало-помалу обитатели всех городов вдоль реки и

ее притоков были вынуждены уехать. Они получили богатую компенсацию, однако же...

Когда-то в устье Ампкуа стоял маленький городок — Редспурт, Ридспорт или что-то вроде этого; теперь это был город-призрак. Вдоль реки стояли и другие руины, прежде некогда населенные, — Скоттсбург, Ампкуа, Розберг и так далее.

Конечно, Император есть Император, но Стэна почему-то бросило в дрожь от такой демонстрации власти. Почему — не так важно. Главное, что выше по реке были рыбацкие угодья Императора и в нескольких километрах от них — мишень Стэна.

В те дни, когда покойный Сулламора обожествлял Императора, он подделывался под своего правителя как только мог. Император рыбачил — значит, и Танз тоже. Но там, где Император счастливо наслаждался уединением, лесом и жизнью в палатке вблизи излюбленной лососями быстрины, Сулламора чувствовал себя жалким и несчастным. Его рыбацкий лагерь стал роскошным загородным имением со всеми изысканными удобствами, которые этот властитель мог себе позволить. Сулламора, конечно, и представить себе не мог, какую службу он сослужит Тайному Совету, решив, что Земля, рыбалка и дикая жизнь — стоящая идея. Когда был затеян заговор Тайного Совета, поместье Сулламоры стало идеальным уединенным убежищем для его проведения.

Сулламора уже распался в молекулярную пыль, но поместье его оставалось — мишень Стэна. Всего через несколько дней прибудут члены Тайного Совета. Стэн был готов.

Зная место и время, он начал собирать свою команду. С доступными, полностью преданными ему имперскими головорезами проблем не было. Когда закончились Таанские войны, отряды «Богомолов» были чрезмерно многочисленны. Многих сократили. И эти солдаты, которые, к слову сказать, попали в спецподразделения отнюдь не из-за своей миролюбивой натуры, пустились на поиски приключений.

Отобрать подходящих для Махони было несложной задачей. Он брал только полностью ему знакомых. Если бы и произошло предательство, то наверняка не с их стороны. Все хорошо знали репутацию бывшего шефа корпуса «Меркурий». Так как большая часть солдат начала свою службу до Таанской войны и сумела выжить в бойне, конечно, им был известен и Стэн, как почти легендарный командир.

Первое, что попытался узнать Стэн у приданного ему Яном Махони специалиста по Земле, — это каковы туземцы планеты, на кого или на что они похожи.

Обычные земные люди, был ответ.

Дополнительные сведения?

Больше сказать нечего.

Стэн ухмыльнулся. Он спросил специалиста о местной фауне и получил вежливый ответ: «Обычная пищеварительная система, основанная на кислороде». Эксперта пришлось вытолкать в шею, а Алекса усадить за исследовательскую работу. Кроме таланта убивать, у Килгура ведь были и другие таланты. И, что совсем неплохо, Алекс однажды уже служил в церемониальном подразделении Гвардии на самой Земле, перед тем, как найти себя в тайных «мокрых» делах.

Ожидая Килгура, Стэн стал размышлять о Деликатном Искусстве Убийства.

Простейшим способом разделаться с Тайным Советом была ракета. Обычная или ядерная ограниченного радиуса действия — не имело значения. В любом случае ничего не выйдет. Во-первых, небо и космос над местом проведения встречи Пятерки наверняка насыщены военными кораблями. Маловероятно, что ракета сможет пройти через них. Но если и пройдет — убежище Сулламоры почти наверняка защищено. А Махони потребовал никого не оставлять в живых.

Как насчет ракеты «земля—земля»? Запустить ее с безопасного расстояния, настроить самонаводящуюся боеголовку на подрыв дома, и... Маловероятно. Сомнительно, что Тайный Совет, публично объявив о своем сборе, не защитит себя всеми возможными средствами.

Придется использовать классическую технику: кулак, нож, ручная граната и выдержка или, как неделикатно выражался Алекс, «засада, топоры и задница».

Вот где понадобится спецподготовка «Богомолов». Лучше всего подойдут древние оружие и тактика; буквально удар из прошлого. И, как часто бывало прежде, Стэн составил свой собственный план. Специалисты по безопасности знают все самые изощренные способы диверсии и готовы бороться против них — и часто забывают, что кто-то может напасть с луком и стрелами вместо лазера.

Явился Килгур, загруженный микрофишами, пленками, и даже античными книгами по естественной истории. Они продолжали работать. За два дня Стэн накопил достаточно информации, чтобы приступить к отбору команды. А потом все они прибыли на место и рассеялись тут и там по побережью Орегона: ударная группа из десяти существ и трое специалистов по разведке и рекогносцировке.

Первыми приехали двое — гуманоиды земного типа, мужчина и женщина. Изображая семейную пару, вы-

шедшую на пенсию, Ларри и Фэй Артшулеры приобрели кафе-бар на побережье.

Третий человек прибыл в Кус-Бей под видом странствующего художника. Когда он не путешествовал по окрестным холмам со своим мольбертом, то подрабатывал на сделанных в виде лодки грависанях, которые использовались для спортивной рыбалки. Псевдоним — Хавел.

Потом прибыли Стэн и Алекс. Стэн выступал в роли предпринимателя, страдающего от сильного нервного расстройства. Его сопровождал санитар — Килгур. История, которую рассказывал Алекс в пивнушках, пьяно хихикая и потягивая при этом кофе, была такова. Его босс верил, что предки его происходили из этого района Старой Земли. Алекс при этом добавлял, что эта навязчивая идея — только составная часть помешательства его подопечного. Рано или поздно бизнесмену взбредет в голову, что его предки пришли откуда-то еще, и они отправятся дальше.

Глава процветающей корпорации, пусть даже находящийся на лечении, не может позволить себе удалиться от дел. Это оправдывало наличие у него изощренных средств связи. Секретность переговоров обеспечивалась применением личного кода. Код был вполне доступным коммерческим шифром, и Стэн предполагал, что криптографы Совета легко его разгадают. Но комбинации кодовых групп, так же, как и сами группы, позволяли Стэну держать связь с Махони и Центром. Передатчик намеренно имел плохую антенну, и его сигналы, к счастью, короткие, заглушали все в округе, чтобы члены команды могли его слышать.

Корпорация в действительности существовала. Что бы ни приказал Стэн, все выполнялось служащими компании. Кодированные сообщения писались очень тщательно и правдоподобно. Стэн, как и все, кто когда-нибудь имел дело с шифровальной техникой, слышал историю о коде, который был раскрыт, когда преступник заказал пять с половиной слонов.

Килгур, распространяя свою легенду по деревне, обнаружил двух агентов из службы имперской безопасности. Один из них — деревенский констебль, слишком образованный, чтобы быть тем, за кого он себя выдавал. Другой содержал бар и чересчур усердно собирал всяческие сплетни.

Четверо других мужчин и женщин из ударной группы жили в развалинах города в устье Ампкуа. Они совсем не скрывались. Их имена были Монтойя, Вальдива, Корум и Акаши. Эта четверка выдавала себя за членов секты Императора, совершавших паломничество по всем местам, ко-

торые Бессмертный осчастливил своим присутствием. Они, конечно, должны были совершить путешествие вверх по реке до его рыбацкого лагеря.

Несколькими днями позже их обнаружил в местах, где Вечный Император забрасывал насадку, смотритель реки. Уходить они отказались. Охранник вызвал подкрепление. Смущенно улыбаясь, сектанты сдались охранникам и были бесцеремонно доставлены в Ридспорт.

Несколькими днями позже четверка вернулась и повторила свою церемонию. Охранник, немного обеспокоенный, сделал ряд запросов по видеофону — и выяснил, что секта совершенно безвредна. Покойный Вечный Император считал сектантов если и заблуждающимися, то полезными членами общества, поскольку их вера одобряла милосердие и добрые дела.

Когда их в первый раз выпроводили, пришел приказ Службы охраны: когда они вернутся, выпроводить их опять. Мол, если хотите, можете посадить их в тюрьму — если, конечно, в вашей дикой местности найдется тюрьма; в общем, решайте сами. Смотритель, которому не по душе была работа полицейского, предпочел оставить сектантов в покое, тем более те наверняка скоро закончат свои ритуалы и двинутся дальше.

Вскоре он получил запрос от имперского поста безопасности в убежище Сулламоры. Наружное наблюдение заметило сектантов. Офицер Службы безопасности, выслушав объяснения смотрителя, рассмеялся, и в деле была поставлена точка.

Охранник привык к четверке. И они сердечно приветствовали его, когда он заступал на свой пост.

Однажды он заметил старенькие грависани, покидавшие рыбацкий лагерь. Они были мало похожи на те, что обычно доставляли провизию и строительные материалы. Можно было предположить, что сектанты после долгой стоянки переехали дальше.

И действительно, они исчезли. Смотритель обнаружил их отсутствие, но его больше интересовало странное ластоногое, которого он заметил и попытался сфотографировать. Такого он никогда еще не видел. Тюлень? Морской лев? В тех немногих справочниках-определителях, которые он смог достать, ничего похожего не было.

Смотритель потратил уйму времени — и совершенно безрезультатно, — пытаясь сфотографировать ластоногое и отправить снимок в музей.

Млекопитающее, очевидно, проделало путь от устья реки до того места, где начиналось поместье, куда

вход для него закрыт. Смотритель надеялся, что ружья охранников минуют «ее» — он почему-то романтически предполагал, что это именно «она», и надеялся, что у нее хватит ума нырнуть поглубже, когда появятся охранники.

На самом же деле это многополое создание интеллектом по крайней мере вдвое превосходило самого смотрителя. Кличка: Флеза.

Смотрителя мало интересовали крылатые создания, будь то млекопитающие или птицы. Поэтому он даже не обратил внимания на двух зверюшек, похожих на летучих мышей, промелькнувших неподалеку от поместья. Конечно, не заметил он и миниатюрных телекамер, висящих на их шейках. Две «летучие мыши» хотя и не блистали умом, были весьма полезны «Богомолам» для воздушной разведки. Они умели разговаривать, но их язык был набором малопонятных писков — попробуй произнеси такое имя! Поэтому в списках спецподразделений они значились под номерами, хотя сотрудники обычно давали им парные имена, например Фрик и Фрэк, Гог и Магог и так далее. С парой таких существ Стэн работал и раньше. Этих же звали Дам и Ди.

Стэн воспользовался воздушной разведкой, чтобы построить точную «модель» цели. Пока ее, в сущности, не было, а такая модель просто необходима для интерактивной шлемовой системы. Перед заброской на Землю он уже изучил все, что было известно о поместье, но этого оказалось мало.

Килгур занимался обработкой двух стареньких слуг, которые работали на Сулламору, когда промышленник пытался убедить сам себя, что рыбалка доставляет ему удовольствие. Это дало много сведений — не исчерпывающих, но достаточных, чтобы каждый член команды мог надеть шлем, настроенный персонально для него, и отработать «атаку». Движения каждого из них записывались и передавались Стэну. Хотя шлемы выдавали информацию с множества датчиков, результаты получались очень странные. Прорвать заграждение... Почувствовать своими руками колючую проволоку. Преодолеть ее. Перебить охрану. Свернуть за угол... И все гасло. Информации недостаточно. Еще несколько метров — и воспроизведение возобновлялось.

К счастью, многоопытные в военных делах «Богомолы» научились приспосабливаться к этим не вполне совершенным имитационным системам. К тому же ситуация значительно улучшилась, когда стали доступны данные от Флезы, Ди и Дам и появилась уверенность, что создана действительно полномасштабная модель для реальных практических действий.

Сектанты откровенно скучали. Шли тренировки, и делать им уже было нечего. В сущности, они были невидимы — ни для наземного наблюдения, ни для воздушной разведки, в любом диапазоне волн. «Церемонии» сектантов не прошли напрасно. Они вырыли наклонный туннель глубиной около десяти метров, в конце его построили большую камеру. В ней хранилось оружие и имущество, привезенное на грависанях. Конечно, мало хорошего в том, что охранник заметил, как сани отъезжали, но ничего, бывает.

Теперь четверка выжидала.

Подземная камера служила пунктом сбора перед штурмом.

Было и еще два члена команды: н'ранья — огромные трехсоткилограммовые человекоподобные существа, которые стали лучшими артиллеристами Империи. Во время Таанских войн, само собой, некоторые из н'ранья стали опытными, бесстрашными «Богомолами». Стэн был в восторге от таких сослуживцев. Они не только могли легко перенести в одной руке все необходимое для Первой Фазы штурма, но еще были и прекрасными оружейниками.

— Обезьяны? — удивился Махони, когда Стэн сказал, что он хочет использовать н'ранья. — Нет, парень, не сойдут. Да и за медведей их никто не примет.

Стэн все-таки придумал для них прикрытие. Сотни лет тому назад существовала абсурдная легенда о существе, называемом Снежным человеком или Большеногом. По прибытии в Кус-Бэй Стэн намеревался оживить эту легенду. А пока приказал двум мифическим монстрам притаиться, но оставить повсюду гигантские следы. Н'ранья выжидали, живя в лесистых горах неподалеку от Ампкуа.

Стэн вернулся с прогулки в совершенно другом настроении. Похоже, поработали они недурно. Втайне он полагал, что шансы даже лучше, чем пятьдесят на пятьдесят. Все было готово. Потом неприятный холодок пробежал по пояснице и поднялся по спине. Погода? Возможно. Однако стоило в двадцатый раз продумать все детали плана.

За четыре дня до начала операции прибыли остальные сообщники Стэна. Их прибытие обеспечил сам Тайный Совет.

Сообщники Стэна были имперскими журналистами. Члены Совета требовали максимального освещения своей встречи. Они отобрали самых громогласных и в то же время самых немых псевдожурналистов, которых только смогли найти. Журналисты гарантировали, что будут превозносить любое коммюнике Совета как Священное Писание. Настоящим же репортерам прибыть не разрешили.

Тайный Совет был доволен явным интересом, проявляемым публикой к совещанию на высшем уровне. Они считали, что общественное мнение начинает поворачиваться вспять, и не понимали, что интерес-то вызван их уединенностью. Когда лидер скрывается в месте, которое журналисты окрестили «Розовым Садом», все, что он говорит или делает, привлекает внимание — но нисколько не меняет мнения о нем.

«Пресса» устремилась на Землю. Тут же журналисты испытали первое разочарование: им не позволили проникнуть внутрь имения и предоставили жилье в наспех построенных бараках. Их начальство начало уже ворчать — где репортажи?

Да о чем репортажи-то? Ведь Тайный Совет еще не прибыл. Обо всем — был ответ.

Настоящий репортер или обозреватель мог бы написать статью под названием «Что бы это значило?». Но не те жалкие писаки, которые прилетели на Землю. Они пыжились, отыскивая «колорит»: «Человеколюбие покойного Сулламоры», «Небольшое поместье на Земле, где он припадал к природе и Вечному Императору», «Жестокость его смерти» и так далее.

Это быстро осточертело, и борзописцы впали в безумие: «Красоты Орегона» (наверняка возрастет поток туристов), «Необычные земные создания», «Суровый народ морского побережья» и тому подобное. Нашелся осел, который вздумал взять интервью у Стэна. Тот с улыбкой уклонился.

Все гравикары от развалин Сан-Франциско до полярных районов, которые можно было зафрахтовать, были зафрахтованы и перевозили операторов, инженеров, репортеров... Имперская служба безопасности подтянула сюда все силы и не обращала внимания на данные космической, воздушной и наземной разведки где бы то ни было, кроме охраняемой территории. Конечно, зачем перегружать компьютеры Безопасности незначительной информацией?

Оставалось тридцать шесть часов... Стэн начал действовать.

По радио было передано простое, лишенное всякого смысла кодовое слово. Махони получил его и понял, что команда на пути к цели. С этого момента и до окончания миссии связи с ударной группой не будет.

Сигнал нашел дорогу к холмам и руинам, и члены команды пришли в движение.

За одним исключением: Килгур. Холодок в районе поясницы Стэна все никак не проходил. Килгур был отделен от ударной группы. Вперед пойдут десятеро вместо одиннадцати.

Получив это сообщение, Алекс рассвирепел. Он стукнул рукой по столу, и двухдюймовая доска из твердого дерева раскололась. Его лицо пробежало все цвета радуги, начиная с пурпурного.

— Почему? — вскрикнул он.

— Я хочу, чтобы ты был рядом. Это приказ.

— Не забывай, ты уже не адмирал, и я не офицер. А помещик Килгур из рода Килгуров требует — и получит — объяснений!

Стэн объяснил. Он чувствовал, будто кто-то заглядывает ему через плечо.

— Тогда вообще отложи операцию, — предложил Килгур. — Не могу я сражаться с дурацкими призраками-невидимками. Или давай изменим план.

— Времени нет, — сказал Стэн. — Ничего лучше я придумать не смог. А другой такой возможности не будет.

— Будет. Годом раньше, годом позже... — Потом он попытался зайти с другой стороны. — Ведь мое ружье в драке сделает больше, чем задница здесь!

Стэн не отвечал.

Алекс уставился на друга долгим взглядом.

— Такое сильное предчувствие, да?

Стэн кивнул.

— Ну, надеюсь, ты не ошибаешься, парень...

Килгур тяжело вздохнул и выбежал под дождь.

Стэн и другие проследовали в бункер в лагере Императора. Особого «прикрытия» ни у кого не было — вся операция через сорок восемь часов завершится. В противном случае...

Днем раньше в атмосферу Земли вошел корабль. Его вход был рассчитан так, чтобы воспользоваться кратковременной неизбежной «мертвой зоной» для спутниковых систем наблюдения. Впрочем, «корабль» — не совсем верное определение; скорее два корабля, состыкованные вместе.

Неподалеку от орегонского побережья такшипы разъединились. Один из них сразу лег на дно на глубине более пятидесяти саженей. Его приборы должны были ретранслировать сигналы сердитого, взволнованного и теперь немного даже запаниковавшего Алекса, притаившегося на берегу.

Пилот второго корабля, также сперва покоившегося на дне, получил сигнал. Он всплыл и открыл входной люк. Тут же в него шмыгнули Ди и Дам, а несколькими секундами позже в люк плюхнулась Флеза. Она уже обследовала все, что можно было обследовать из воды, да и рисковать перехватом сигналов видеокамер Ди и Дама сейчас было нельзя, как бы ни требовались данные воздушной разведки.

Корабль погрузился под воду, а через некоторое время, этой же ночью, опять воспользовавшись «дырой» в зоне наблюдения, покинул пределы земной атмосферы.

Миссия была в самом разгаре.

ГЛАВА 11

Сенсор-передатчик был сродни идиоту с мегафоном. Его тайком установили на древний-предревний спутник, часть того космического утиля, который делает путешествия внутри системы и за ее пределами такими романтичными. За несколько дней до исторической Встречи на борт спутника поднялся техник. Он сориентировал прибор, включил его, задержался на мгновение, подивившись примитивнейшей машине — дурацкому оптическому компьютеру, и был таков.

Прибор пока выжидал, игнорируя поток кораблей, приближающихся к планете. Не то. Слишком малы. И слишком мало.

Затем он словно проснулся.

Корабли!.. Много кораблей... Много больших кораблей.

Сенсор-передатчик промычал свое сообщение дважды на обусловленной частоте и расплавился, превратившись в груду пластмассы.

Стэн выключил приемник и швырнул его в кучу хлама в центре бункера.

— Наши клиенты идут. Пора и нам!

Команда схватила поклажу, включая длинные тяжелые цилиндры в пухлых рюкзаках, и направилась к наклонному тунелю. Все они были одеты в фототропную униформу, которая, ко всему прочему, давала и некоторую защиту от инфракрасных датчиков систем обнаружения.

Хавел нажал кнопку, и узкий луч осветил график движения спутников-наблюдателей.

— На полтора часа чисто. Потом спутник будет над нами.

— Все равно использовать верхнюю защиту, — распорядился Стэн.

Вальдива спросила:

— А эти... м-м-м... медведи, которых ты упоминал. Они в темноте видят?

Один из н'ранья разразился смехом.

— Нет. Но обнять их было бы интересно!

Обнять? Медведи были первыми в команде по силе. Не говоря уже о тех орудиях убийства, которые несли бойцы. Цилиндры с пусковыми установками и прицелами плюс у каждого армейский нож, лучевое оружие одноразового действия, три типа гранат и «пушки» в виде коротких бочонков, заряженные чрезвычайно мощными взрывчатыми пулями из АМ-2, — отличный аргумент в кабацком споре.

Стэн в последний раз оглядел их нору-укрытие. Через десять часов зажигательная бомба уничтожит лишнее имущество, пустые банки с сухим пайком, гражданскую одежду.

Все члены команды, кроме н'ранья, с тех пор, как они прибыли на Землю, носили специальные мембранные перчатки, чтобы не оставлять ни малейших отпечатков пальцев. Их квартиры в'Кус-Бее были тщательно вычищены. Даже анализ на ДНА ничего не даст.

Кроме того, у каждого члена команды на поясе был закреплен «датчик жизни». При любых изменениях в организме хозяина — таких, как смерть, — он должен был сдетонировать, не оставив даже трупа для вскрытия.

За исключением цилиндров, все это было нормальное снаряжение для любой миссии спецподразделения «Богомолов».

Бригадир Мэвис Симс давала ту же присягу, что и Стэн. Но интерпретировать ее она предпочла по-другому.

Мэвис лишилась сна с тех пор, как вернулась с фальшивой военной игры, где была завербована заговорщиками. Пять поколений Симсов верно служили Империи. Не зря фамильный девиз рода, правда, немного смущавший своей кривостью, гласил: «Верность до самой смерти». Ни один из Симсов никогда не нарушал его.

И теперь, очередной бессонной ночью, бригадир Симс приняла решение, что и она не отступит от этой клятвы.

Возбужденная атмосфера в комнате связи скоро сменилась унылой тоской. Военные техники нервно суетились несколько часов, пока имперские корабли приближались к системе Хондзо. Когда началось маневрирование, члены Тайного Совета заняли свои места — буквально в первых рядах.

На командира флота обрушился град выразительных команд. Ответы поступали краткие, похожие на боевые сводки.

Световую панель во всю стену сплошь усеивали мигающие красные и зеленые огоньки, отмечавшие продвижение флота.

Это было чертовски внушительное зрелище — вначале. Затем веками отработанная практика, совершенно необходимая для любой широкомасштабной операции,

дала себя знать. И машина медленно завертелась. Медленно... Медленно... С бесконечными обратными отсчетами времени на каждом этапе.

Затем часы снова поставили на ноль, изготовившись для решающего момента.

К тому времени, когда флот замедлил свое движение, затаился и начал готовить наживку для Хондзо, Тайный Совет, казалось, забыл обо всем на свете. Уже не в первый раз за последние два часа Кайс сравнивал эту акцию с теми немногими военными фильмами, которые ему довелось посмотреть. Теперь он понимал, почему их создатели избегали даже малейшего намека на реальные события.

Судя по фильмам, военной верхушке для стратегического планирования и выбора цели требовалось примерно три минуты. Далее обычно следовала сцена «что все это для нас значит», в которой каждый герой размышляет о смысле своей жизни. Если герой ласковый и сердечный, то обычно он погибает. Если он злой и циничный, он должен в конце концов наверняка увидеть свет в конце туннеля.

Целые легионы кораблей бросались в фильмах в пламя молниеносных операций. Стандартный сюжет требовал моментальной победы, следовавшей за поражением, когда, казалось, все было потеряно. И, наконец, отвага и хитрость героев побеждают всех врагов.

Кайс не любил фильмов. Но это шоу нравилось ему еще меньше.

Он слегка шевельнулся, когда маленький кораблик пересек невидимую линию, обозначавшую начало территории Хондзо. В любой момент мог последовать громкий протест со стороны небольшого, однако хорошо вооруженного патрульного корабля, а вслед за тем и настоятельное требование покинуть территорию.

Было решено, что передовой корабль пропустит мимо ушей это предупреждение. Если он продвинется достаточно далеко, то патруль хондзо наверняка откроет огонь. А затем на беспомощных хондзо за их опрометчивость падет гнев имперского флота.

Шло время, а ничего не происходило.

Краа распорядились принести еще еды. Большой банкетный стол опустел уже дважды. Большую часть всего сожрали и выпили близнецы. Они ели до тех пор, пока кожа даже толстой Краа не готова была лопнуть. Они извинились, так как худой надо было помочь доставить «сестрицу» в сортир.

Послышались громкие рыгающие звуки. Затем обе вышли, сияющие и довольные.

Поначалу Мэлприн, Кайс и Ловетт чувствовали лишь отвращение. Но после второго такого случая в них, как ни странно, проснулся болезненный интерес к происходящему. Видимо, это зрелище было более захватывающее, чем то, что происходило сейчас на большой панели устройства связи.

Когда ожидавшие выбирали себе угощение, раздался трескучий голос. Голос хондзо!

— Центр — неизвестному кораблю. Пожалуйста, представьтесь!

Корабль не отвечал, и возбуждение в комнате связи разгорелось с новой силой. Каждый из пятерки в нетерпеливом ожидании подался вперед.

— Центр — неизвестному кораблю. Вы нарушили наши границы. Вернитесь! Повторяю, вернитесь!

И снова ответа не было, в точном соответствии с планом. Кораблик на большом экране неуклонно продвигался вперед. Техник, наклонившись к Кайсу, прошептал, что хондзо переходят от простых предупреждений к полной боевой готовности. В любой момент может быть пущена ракета.

Потом раздался громкий рев отчаяния — несмотря на все прогнозы, патрульный корабль отступал!

— Неизвестный корабль, — раздался голос командира хондзо. — Берегитесь. Мы зарегистрировали нарушение нашего суверенитета. И об этом немедленно будет доложено соответствующим инстанциям!

— Что за чертовщина? — проворчала одна из Краа. — Почему эти ублюдки не стреляют?

— Чертовы трусы! — заорала другая. — Ну стреляй, ты, дерьмо! Огонь!

Несмотря на это ободряющее высказывание, хондзо предпочли поступить по-своему. Их корабль показал хвост и был таков.

Члены Тайного Совета подавленно молчали. Несчастные техники испуганно озирались, ожидая, что сейчас им предстоит оправдываться.

— Что делать? — прошипел Ловетт.

— Ну и черт с ними! Все равно наступать! — заявила толстая Краа.

— Не знаю, — сказала Мэлприн. — Стоит ли? Я имею в виду, не меняет ли происшедшее наши планы?

Кайс считал, что меняет, — но уверен не был. В конце концов, они так близко. Патруль маленький, флот на месте. И совсем рядом — запас АМ-2.

В этот момент экран потемнел и дал совсем другое изображение. Встревоженные члены Тайного Совета увидели лицо шефа корпуса «Меркурий» Пойндекса.

Он не попросил извинения за вмешательство.

— Меня предупредили, что команда заговорщиков-убийц в этот момент прибыла на место и готовится к удару. Господа, вы немедленно должны передать себя в руки сотрудников службы безопасности. Для паники причин нет. Если вы будете следовать нашим рекомендациям, все будет хорошо.

Члены Совета затряслись, когда дверь с треском распахнулась и в комнату вломились сотрудники службы безопасности в масках. А затем пятерых правителей всего, чем раньше правил Вечный Император, как маленьких детей, увели в укрытие.

Где-то в удаленной системе Хондзо флот ожидал указаний.

Команда приближалась к имению покойного Сулламоры. Сначала они двигались быстро. На рассвете укрылись в речной пещере, которую точно указала Флеза, съели безвкусный обед и попытались заснуть.

Объяснялись они только на пальцах, даже шепота не было. Такие сигналы несли избыточную, очевидную информацию типа «Цель на земле», но помогали хоть как-то прорвать завесу молчания.

Теперь все, что было над головой, должно рассматриваться как враг.

Лишь только стемнело, они двинулись дальше. В десяти километрах от имения команда встретила первые пассивные датчики сигнализации. С помощью электроники датчикам быстро дали понять: «Ты ничего не видел!» — и команда пошла вперед.

Датчики стали попадаться чаще и более чувствительные. Но и их удалось успешно обмануть. Затем показалась старая дорога, по которой ходил патруль. Время его прохождения было точно зафиксировано Дамом и Ди.

Системы безопасности оказались до смешного просты. Протопали пятеро патрульных — по всей видимости, «Богомолы». Опять пронесло. Один из н'ранья наклонился к Стэну и пренебрежительным знаком показал: «Хоть танцуй».

Снова вперед. В километре или около того от поместья Стэн обнаружил высотку с неплохим обзором и прекрасным укрытием от наблюдателей.

— Здесь. Встаем, — подал он знак.

Были открыты цилиндры и извлечены две ракеты. Внешне они походили на стандартное имперское вооружение. Малого радиуса действия, самонаводящиеся, автономные, класса «земля-земля». На деле это было не так. Жидкое горючее было заменено в них на меньшее количе-

ство медленно сгорающего твердого топлива — ракетам предстояло стартовать с очень близкого расстояния. Мощность заряда боеголовки увеличена. Механизм самонаведения тоже выброшен; освободившееся пространство занял дополнительный заряд. Оставлено место лишь для примитивной системы наведения, расположенной у хвоста ракеты.

Раздвинули телескопические стойки, соединили их в крестообразную пусковую установку. Артшулеры освободили свои рюкзаки. Каждый из них содержал катушку с двумя километрами тончайшей мономолекулярной проволоки. Один конец проволоки соединили с ракетой, другой — с установленным на штативе прибором ночного видения, снабженным небольшим джойстиком. Н'ранья были готовы.

Остальная часть команды сбросила фототропную униформу, под которой оказалась имперская военная форма, в точности такая же, как у гвардейцев, охранявших поместье. Стэн жестом направил их вниз, к подножию холма.

Кругом датчики. Заградительные барьеры, включая и архаичную колючую проволоку, и мины-ловушки. Охранники. Все просто. Никаких проблем. Не слишком ли просто?

Стоп. Сигнал — движение ладони вниз.

Не нужно. И так все ясно. Команда залегла. Прямо перед ними было последнее заграждение — и зона лагеря!

Теперь должна начаться кровавая баня — желательно, конечно, только для одной стороны.

В начале операции, когда Стэн нажмет клавишу на приборе связи, будет запущена первая ракета. Вторая пойдет следом через десять секунд. Стэн чувствовал (и не зря), что любая самая современная система наведения будет засечена и тут же блокирована, поэтому он и воспользовался примитивной. Ракеты наводились по проводам, которые тащили на себе Артшулеры.

От проводных систем отказались тысячи лет тому назад в связи с их явным несовершенством. У них было множество недостатков: надо, чтобы оператор оставался на одном месте и вел ракету до самой цели. Он должен находиться на расстоянии прямой видимости от мишени. Со стороны мишени его тоже могли заметить и принять меры.

Для Стэна это не было проблемой — он мог нанести ответный удар.

Проволока могла за что-то зацепиться или оборваться? Только не эта проволока.

Если ракета будет двигаться с большой скоростью, оператор может направить ее выше или ниже цели или, что еще хуже, позволить ей вообще выйти из зоны управ-

ления. Поэтому ракета должна быть медленной. Это дает противнику дополнительное время, чтобы обнаружить и уничтожить ракету, а заодно и ее оператора. Впрочем, Стэн надеялся на благополучный исход.

Во-первых, ракеты последовательно накроют территорию мишени, приведя к хаосу, пожарам и панике. Стэн и его команда ворвутся в этот хаос с криками «Свобода!», готовые на убийство. Они должны лишить всех членов Совета любой возможности выжить, а затем перерезать связь и вернуться на базу.

Прибор связи также подаст сигнал Килгуру; оставшийся на дне корабль всплывет и отправится к условленному месту встречи. А потом они все полетят домой и смогут от души напиться.

Ну, хватит мечтать, парень! Пошли.

Стэн нажал кнопку. Одна секунда...

Первая ракета стартовала и на бреющем полете пошла на главный дом поместья.

Три секунды...

Фэй Артшулер перебросила через проволоку «колбасный» заряд взрывчатки и дернула шнур подрыва.

Шесть...

Первая ракета «ползла» со скоростью всего двести километров в час.

Восемь...

Заряд сработал, образовав в проволоке целые ворота.

Десять...

Стартовала вторая ракета.

Стэн закричал:

— Гранаты!

Команда дружно выдернула чеки и швырнула гранаты на территорию поместья.

Тринадцать...

Стэн первым вскочил на ноги и бросился к дыре в проволоке. Возможно, это спасло ему жизнь.

Пятнадцать...

Взорвались гранаты. Гигантские вспышки распространили помехи в оптических и других диапазонах спектра. Восемнадцать секунд...

Имперская служба безопасности захлопнула ловушку. Показались двое грависаней, громыхнули многочисленные атомные ружья. «Ракетчик» высунулся из своего бункера, следя за целью.

Двадцать одна...

Первой ракете Стэна оставалось четыре секунды до взрыва.

Датчики ядерных ружей грависаней обнаружили цель. Урановые пули прорезали воздух, и ракета была разбита вдребезги.

Двадцать четыре...

«Ракетчик» обнаружил пусковую площадку. Двадцать кассетных снарядов ушли в ночную тьму. Оба н'ранья исчезли в страшном взрыве. Вторая ракета, потеряв управление, взмыла вертикально вверх.

Двадцать девять секунд...

Пяткой ботинка Акаши наступил на мину, поставленную здесь менее часа назад. Ногу оторвало зарядом, а шрапнель скосила Монтойю. Близкий разрыв задел Стэна, подбросил его в воздух и швырнул назад, на проволоку. Обмякнув, он повис на заграждении.

«Датчик жизни» Монтойи сдетонировал пурпурной вспышкой в темноте.

Тридцать одна...

Высоко над головой Стэна взорвалась вторая ракета, не принеся никому вреда.

Тридцать шесть...

Пулеметы на грависанях нацелились вниз... Клацнули магазины, автоматически меняя боекомплект, и вновь открылся огонь на поражение. Ларри и Фэй Артшулеры были разрезаны почти пополам.

Тридцать девять...

Снайпер поймал в прицел бегущего Хавела... Нажал на спуск. Заряд АМ-2 пробил грудную клетку Хавела.

Сорок две...

Корум и Вальдива бежали зигзагами, уворачивались, стреляли... Пушки нашли их и уничтожили.

Стэн очнулся лежащим плашмя. Оглушенным. Дезориентированным. Он попытался встать на ноги, и рефлексы «Богомола» взяли верх.

Стэн побежал вперед, перекатился через голову, для чего-то продолжая сжимать в руках «виллиган». Разрывные пули прошивали пространство в нескольких сантиметрах над его головой, и он вынужден был вернуться в укрытие.

«Здесь безопасно, оставайся здесь, — приказывал ему разум. — Они тебя не увидят. Не найдут».

Тело отказывалось подчиняться.

Он вырвался из своей военной сбруи, выдернул чеку гранаты и вместе с одеждой швырнул назад, к проволоке. Взорвалась первая граната, от нее сдетонировали остальные.

Стэн поднялся. Побежал, спотыкаясь.

«Прочь! Ты проиграл. Шевелись!»

А другие?

«Какие, к черту, другие — они погибли! Выполняй мой приказ!»

Из дыма показался патруль из пяти человек. Поднять ружье. Прицелиться. Нажать на спуск — и в красное облачко врагов!.. Заряды АМ-2 прорвали колючую проволоку и уничтожили датчики сигнализации.

Вперед, за проволоку, раздирая кожу!

Шум воды. «Беги, черт побери! Тебе совсем не больно».

Береговой уступ. Прыжок — опасаясь камней, надеясь на воду.

Ни то, ни другое! Удар об упругую преграду... Царапающаяся подушка из ржавой колючей проволоки.

«Где твой нож, парень? Режь!»

Нечем резать. Нож почему-то не выходил из своих «ножен», и Стэн всем телом с шумом кинулся вперед. В воду, и дальше, через мель. Сзади кто-то стрелял. Брызнули пули.

«Глубже. Ныряй! Глубже! Задержи свое дурацкое дыхание. Зачем тебе кислород? Теперь на поверхность. Вдох, и опять вниз. Плыви, как только можешь. Позволь течению нести тебя. Прочь. Вниз по реке».

Он сунул руку в карман, нащупал крошечную коробочку, сорвал крышку и нажал кнопку.

«Плыви, ты же можешь! Вниз по течению. Там Алекс, он уже спешит к условленному месту встречи».

Стэн понимал, что ему не дойти.

Килгур в ожидании мерил шагами рубку. Шагать приходилось немного — не больше четырех шагов, и во что-нибудь упрешься... Такшип стоял на берегу реки в условленном месте. Входной люк был распахнут.

Приказ звучал четко и точно: оставаться на месте, пока до рассвета не останется один час или же пока не обнаружат. Если никто не прибудет, уходить в океан, однако оставаться вблизи устья реки. Члены ударного отряда будут пытаться, если не сумеют достичь места встречи, идти к развалинам Ридспорта.

Неподалеку Алекс услышал адские звуки боя. Он в очередной раз проклял Стэна, но потом прервал поток ругательств, так как зажужжал прибор связи.

На экране появилось изображение территории мишени. Сразу за ее пределами мигал крошечный красный огонек — с реки. С самой середины, как показывала карта.

— Вот дьявол! — от души выругался Килгур.

Свет — и сигнал — передавал стандартный прибор тревожной сигнализации. Такие приборчики были у

каждого члена команды, и каждый имел приказ воспользоваться им, только если не будет никакой возможности добраться до места встречи, — но уж никак не вблизи территории мишени.

И вот мигает огонек. Один.

Алекс увеличил изображение, чтобы разглядеть, есть ли другие. Ничего.

Его пальцы нащупали микрофон.

— Я — место встречи. Ко мне!

Молчание было ему ответом, хотя огонек продолжал мигать. Килгуру понадобились доли секунды, чтобы понять, что это ясный и четкий приказ действовать. Еще секунда, и он поднял корабль на Юкаве — будь проклят тот, кто заметит факел, — и двинулся вперед, вверх по реке.

Вспыхнул экран. Шесть грависаней!

Алекс убрал одну руку с рычагов управления и нажал гашетку. Грохнули пушки корабля. Такшип взвыл, цепляя верхушки деревьев леса, уже почти врезался в них, когда Алекс снова взял в руки управление. Он промчался сквозь падающие обломки грависаней, и тут из динамиков грянул голос:

— Неизвестный корабль! Немедленно приземлитесь, или будет открыт огонь!

Алекс был вынужден подняться из ущелья. Заложил крутой вираж и нажал клавишу «Общий залп» на панели выбора оружия. Залпом вырвались восемь ракет «Гоблин-19». Он еще нашел время отметить, что системы наведения этих антикорабельных ракет среднего радиуса действия активировались, и вернулся к панели управления. Затем снова спикировал в ущелье.

Отвесные скалы проносились мимо, и Алекс чуть не перелетел мигающий огонек и не попал в охраняемую зону их мишени. Он повернул корабль — стабилизирующие и навигационные жироскопы взревели от нагрузки, — вырубил энергию и перешел на двигатели Маклина. Высоко над головой рос гриб ядерного взрыва.

Алекс уже распластался на крышке люка. Прямо перед ним чуть выше по течению плавало неподвижное тело. Килгур вытянулся во всю длину и схватил шершавый комбинезон. Втащил тело на корабль, вернулся к рычагам управления и на полной мощности набрал высоту, прорвавшись сквозь ядерный гриб — все, что осталось от имперского военного корабля.

То ли помогла природная реакция Килгура, то ли везение шотландца, но корабль покинул планету, ворвавшись в космическую тишину на полной мощности двигателей АМ-2.

А в крошечной рубке лежал без сознания Стэн. Его мозг был почти отключен; да и тело, выполнив свой долг, тоже отключилось, ожидая ремонта.

ГЛАВА 12

Библиотекаршу и ее коллег занимали весьма печальные мысли: что им делать, когда — или, точнее, если — уедет их хозяин. Кто подумывал о самоубийстве, кто планировал полную смену профессии. Сама библиотекарша видела два варианта будущей карьеры: либо пойти работать в одну компанию по производству порнофильмов, либо стать наемным убийцей.

Ее работа внезапно превратилась в каждодневный кошмар.

Раньше ничего подобного не было. В сущности, когда она получила эту должность, ей все только завидовали.

Своей прошлой работой старшего библиотекаря крупного университета она была недовольна — не хватало времени для собственных научных исследований и публикаций, да и ее квалификация была избыточной для такой работы. И вдруг, как гром среди ясного неба, появился агент по найму — «охотник за головами». И предложил, как ей показалось, совершенно фантастическую работу — с жалованьем примерно втрое больше ее теперешнего.

— Вы не против переезда в другую систему?

— Нет.

Казалось, «охотник» был нисколько не удивлен, как будто знал о ней абсолютно все.

Предлагалась работа личного библиотекаря.

Женщина возразила — она не собиралась провести жизнь затворницей, зарывшись в пыльных архивах.

Ничего подобного, объяснил ей агент. Он предложил ей посетить планету Йонгджукл и поближе ознакомиться с новой работой. Оплаченный билет в оба конца. Он даже предложил сопровождать ее, но она отказалась. Библиотекарша была вполне привлекательна, и агент явно расстроился.

Библиотека занимала целый особняк и была единственным зданием на огромной территории. Но основной дом затмевал своими размерами библиотеку. Уединенный, с более чем тысячей квадратных километров охраняемых земель. Апартаменты, предназначенные ей, были роскошны. Плюс имелся персонал: повара, уборщики, садовники.

Нельзя сказать, что библиотекарша находилась здесь в заточении. Ей предоставили гравикар, а до бли-

жайшего крупного города не более чем час-два лету. Свободное время? Сколько угодно, лишь бы это не вредило работе. Если ей вдруг понадобится помощь, она могла нанять столько сотрудников, сколько необходимо.

Компьютеры? Сканеры? Читающие роботы? Полный комплект. И регулярное представление новых моделей.

Она спросила, позволят ли ей продолжить свои собственные исследования. Несомненно. Сможет ли она принимать гостей? Если захочет. Однако, если выезжать за пределы территории, необходимо брать с собой прибор связи. Готовность к работе — круглосуточная, нужно быть готовой явиться по первому требованию. Конечно, это маловероятно.

Такое предложение казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Она чувствовала себя героиней какого-нибудь слащавого фильма.

В особенности потому, что в особняке никого не было. Никого, кроме обслуживающего персонала. И никто из них никогда не видел хозяина.

Когда библиотекарша вернулась в свой родной мир, то первым делом спросила «охотника за головами»: «На кого я буду работать?»

Мужчина объяснил. Особняк — и все его земли — являются частью фамильного имения. Чьего? Я не могу вам этого сказать. Но особняк должен оставаться у семьи и поддерживаться в порядке. А если нет, то уж поверьте мне на слово, дорогая, может рухнуть целая коммерческая империя.

Главой семейства является молодой наследник, продолжал агент. Возможно, вы никогда и не увидите его. Он чрезвычайно занят и предпочитает жить поближе к центру Империи. Но это человек незаурядный. В один прекрасный день он может и объявиться. Один либо со свитой — в этих случаях он потребует абсолютной секретности. Агент пожал плечами. Должно быть, замечательно быть настолько богатым, чтобы вести такой образ жизни.

— А если я соглашусь на эту работу... — начала женщина.

— Вы можете заключить контракт на неделю, месяц или на год, — прервал ее агент.

— ...Должна ли я держать это в секрете?

— Вовсе не обязательно, — ответил он. — Примерно раз в год разговоры вокруг поместья становятся излюбленной темой видеоновостей планеты. Говорите все, что пожелаете,— скрывать тут нечего.

Обуреваемая смутными опасениями, она приняла предложение.

На протяжении одиннадцати лет жизнь ее была раем. Ежедневно поступало головокружительное количество материалов. По-видимому, неизвестный наследник выписывал все научные, политические и военные журналы в Империи. Материал просматривался, аннотировался и большей частью отбрасывался компьютером-сканером, у которого, судя по всему, был совершенно изысканный вкус. Эта машина, как подумалось однажды женщине, словно была запрограммирована на обеспечение свежей информацией кого-то, только что восставшего из могилы.

Компьютер имел два системных модуля. Один из них располагался в опечатанной комнате, другой был в распоряжении библиотекарши. Опечатанная часть, как однажды стало известно женщине, содержала некоторую информацию, недоступную для остальной системы.

Ежегодно все файлы за истекший год удалялись. Затем машина все начинала вновь, собирая, анализируя и сохраняя.

Так продолжалось около пяти лет.

Но шесть лет тому назад компьютер вдруг изменил свой режим и начал сохранять все подряд. Библиотекарша заметила это лишь в конце года. И немного запаниковала. Может, она что-то сделала не так? Ей не хотелось терять свою работу. И не только потому, что она была счастлива в этом мире, встретив и полюбив прекрасных товарищей, но и потому, что ее публикации лились непрерывным потоком, на зависть намного хуже оплачиваемым и намного больше работавшим коллегам.

Человек на другом конце контактного телефона тревоги успокоил ее.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Продолжайте работать.

И она продолжала.

Но теперь несчастная библиотекарша совсем растерялась. Ведь, ко всеобщему изумлению, объявился наследник, существование которого, как она полагала, было просто мифом.

На небольшой посадочной площадке однажды приземлился маленький кораблик. Из него вышел один человек, а корабль немедленно улетел прочь.

Человека встретила охрана.

— Сэр, это частные владения...

А незнакомец произнес слова — те самые, по которым персоналу надлежало узнать хозяина.

Никто не понимал, что ему делать, и каждый внутренне сжался от страха за свое место.

Прибывший попросил проводить его в дом. Он принял душ, переоделся и попросил что-нибудь перекусить. Затем позвонил и попросил показать ему библиотеку.

В большом зале он тактично сказал библиотекарше, что будет очень признателен, если она оставит его одного, но будет наготове. Потом отомкнул дверь в опечатанную комнату со вторым пультом управления компьютером. И началось безумие.

Казалось, наследник просматривал все, что было, и хотел еще большего. Библиотекарше пришлось нанять помощников.

Хозяин оказался чудовищно любознательным. И она снова подумала о нем как о восставшем из мертвых. Нет, поправила она себя. Он словно проспал целую вечность, как в тех древнейших звездных кораблях, которые летали еще до изобретения АМ-2.

Шло время. Наследник питался довольно скудно, спал мало, но впитывал в себя информацию, словно губка. Однажды, когда на мгновение дверь в зал была открыта, библиотекарша увидела перед хозяином пять экранов с непрерывно меняющимися изображениями, а шестой поток данных доносил ему синтезированный голос. Времени поспать не хватало даже штату библиотеки.

Затем внезапно все прекратилось. Человек вышел из комнаты, оставив дверь открытой, и сказал, что его клонит в сон. Библиотекарша сонно ему кивнула в ответ: мол, и меня тоже.

Он распорядился, чтобы она отключила систему. Женщина и ее столь же отупевшие ассистенты разбрелись по своим комнатам.

Библиотекарша заметила странную вещь, но осознала ее лишь несколькими днями позже. Когда она проходила через помещение, где был установлен второй пульт компьютера, ей показалось, что машина отмечает файлы, а затем удаляет все подряд.

Впрочем, какая разница? Главное — поспать.

Человек выскользнул через неприметные ворота, и вскоре поместье осталось позади. Вдоль дороги стеной тянулась ограда территории особняка.

Он испытывал легкое сожаление. Компьютер сообщил, что, когда он исчезнет, персоналу будет выплачено большое вознаграждение, и за еще большую плату им предложат исчезнуть отсюда навсегда. Особняк, библиотека, служебные постройки через две недели будут разрушены до основания и снесены. Затем голые земли передадут в дар местным властям, чтобы они использовали их так, как им заблагорассудится. А жаль, красивое место. Впрочем, компьютер

сообщил ему, что по Империи разбросаны еще десять таких же.

Теперь он знал шесть лет истории. И все. Планов у него не было. Пока не было. Зато ему дали место назначения.

Позади человека вспыхнул свет. Его обгоняли скрипучие грависани, груженные продукцией ферм, предназначенной для рано открывающихся магазинов. Человек поднял руку.

Машина с шипением остановилась. Водитель выглянул и распахнул дверцу.

Мужчина забрался внутрь, и грависани взмыли в воздух.

— Чертовски рано для прогулки, — заметил разговорчивый водитель.

Человек только улыбнулся в ответ.

— Вы что, вкалываете на этого богатея из дворца?

И снова человек улыбнулся.

— Нет. С богатыми мы говорим на разных языках. Так, просто мимо проходил. Странник божий. Спасибочки за то, что подбросили.

— Куда же путь держишь?

— В космопорт.

— Я погляжу, багажа у тебя маловато для путешествия.

— Ищу работу.

Водитель насмешливо фыркнул.

— Ну, счастливо тебе, дружище. Только отсюда ни черта никто не летает. И сюда не прилетает. Невеселые времена для космодромной обслуги.

— Ничего, что-нибудь да найдется.

— Какая уверенность, надо же! Нравятся мне такие парни!.. Между прочим, я Винклорс. — Водитель протянул ладонь. — А ты?

Человек пожал его руку.

— Мое имя Рашид.

Он откинулся на шершавую пластиковую спинку сиденья и уставился туда, где небо было освещено огнями, — в сторону космопорта.

КНИГА ВТОРАЯ. ИМПЕРАТОР

ГЛАВА 13

Через час после рассвета служба безопасности позволила пяти членам Тайного Совета выйти из своих бронированных бункеров на окутанную туманом землю. Они уставились на воронки, оставшиеся от нападения, на два ряда укрытых трупов погибших охранников, на порванную колючую проволоку и поцарапанные шрапнелью здания. Они не могли видеть вершины холма, где тянулся вверх дымок от пусковой установки н'ранья. Не видели и такшипа Алекса, обрушившего радиоактивный след вслепую запущенных «Гоблинов» на поверхность Земли.

Четверо из них были в бешенстве — как такое могло произойти?

Пятый, Кайс, силился разобраться в своих чувствах. За все эти годы никто не пытался уничтожить его физически. Поломать карьеру и жизнь — сколько угодно.

Но — бескровно, в залах заседаний...

Они все были оскорблены. Кто и за что?

За яростью Краа, очень близко знакомых с физическим насилием, скрывалось коварство.

— Нам нужны главари. Ведь это заговор, а не забастовка какая-нибудь!

— Я согласен, — вставил Кайс.

— Настоящие главари подождут, — сказала тощая Краа. Она в точности поняла, на что намекала ее сестра. — До понедельника подождут, во всяком случае. Сперва надо расправиться с негодяями, совершившими это злодеяние. Хондзо!

— К черту наш маленький кораблик, — проговорила толстая. — Сейчас у нас отличная причина для праведного гнева.

Ловетт, как всегда, подвел итог:

— Вот уж действительно заговор. Это намного хуже, чем любое нарушение границ каким-то там кораблем!

— Я отдаю приказ флоту, — заявила Мэлприн и скрылась в помещении.

— Правильно — кивнула одна из Краа. — Сначала захватим АМ-2. А потом передавим потихоньку всех, кто на самом деле пошел против нас.

— И их, — согласилась ее сестра, — и кое-кого еще. Хороший повод для генеральной уборки в доме.

Любопытное явление — получается, как будто некоторые формы и организации начинают жить своей жизнью, совершенно независимой от тех, кто дал им жизнь первоначально. Причем как уж сложилась их судьба с самого начала, так и не изменить ее до самого конца. Это же относится и к армейским подразделениям.

Прекрасный пример — Седьмая кавалерийская бригада. Бездарное командование сразу после образования части привело к колоссальным потерям в первом же бою. Затем на протяжении столетий Седьмую пополняли людьми и модернизировали — поставили на колеса, оснастили летательными аппаратами, — и все равно бригада была постоянно обречена на бездарное командование и регулярные поражения.

В качестве более современного примера можно привести имперский 23-й флот, коему надлежало атаковать миры хондзо и захватить их запасы АМ-2. Когда начались Таанские войны, 23-й потерпел сокрушительное поражение, в основном из-за некомпетентности своего адмирала, которому, правда, хватило благородства пасть смертью храбрых на поле боя.

Был сформирован новый флот. Он воевал весь остаток войны, укомплектованный, в лучшем случае, весьма посредственно, и был известен в имперских службах лишь как любопытный пример возрождения.

По совершенно непонятной причине 23-й оставался в действии и после окончания войны, когда намного лучшие, более известные и удачливые подразделения были расформированы, а их боевые знамена пылились на складах.

Его адмиралом — в недавнем прошлом вице-адмиралом флота — был некто Грегор, сменивший на посту своего предшественника Масона, когда тот отказался выполнить приказ Тайного Совета и был смещен с должности.

Как ни странно, оба командира, и новый, и старый, сталкивались раньше со Стэном. Масон встречался с ним и в летной школе, и в особенности когда был командиром штурмовиков во время Таанских войн. Удивительный человек: без жалости и сострадания ни к врагам, ни к своим собственным бойцам, но один из лучших руководителей, которых когда-либо имела Империя.

Грегор начал свою военную карьеру с неудачи. Он обучался в школе Гвардии вместе со Стэном, однако был признан негодным к службе, когда на посту командира тренировочной роты отдал приказ — строго по учеб-

нику и совершенно неверно. Грегор вернулся в один из туристских миров, где его отец был далеко не последней шишкой. Старик повздыхал, а потом поставил очередную галочку в списке провалов сына и постарался подыскать ему такое место, где испортить что-либо просто невозможно.

Папаша Грегора оказался оптимистом. К началу Таанских войн Грегору было совсем невмоготу. Организацию, где работал, он развалил, семью разрушил... Банкротство на всех фронтах.

Но в военную пору Империя принимала почти любого. Приняла она и Грегора — и даже присвоила ему звание.

В это время Грегор обнаружил путь к успеху: в первую очередь думай о приказах, которые получаешь. Если они не откровенно дурацкие, выполняй их беспрекословно. Пусть тебя считают твердым, непреклонным, даже жестоким. Никто во время войны не будет интересоваться обращением с военнопленными.

Вскоре Грегор стал продвигаться по службе. Он решил, что государственная служба — в особенности с его политическими связями, которые он старательно завязывал — это то, что ему надо. И в особенности в условиях недостатка АМ-2.

Он получил назначение в 23-й флот.

Масону, в действительности сильному человеку, хватило двух недель, чтобы догадаться, что Грегор не только некомпетентен, но и предназначен в будущем исполнить роль Кортеса, когда тот уничтожил ацтеков.

Он оказался прав. К сожалению.

Тайный Совет тщательно выбирал, кому из адмиралов командовать атакой на Хондзо. В известном смысле выбор был сделан правильно. Масон выполнил бы приказ и использовал достаточно силы, чтобы убедить хондзо, что превосходят их и по численности, и по оружию.

Но близнецы Краа вдруг решили, что, в дополнение к другим талантам, у них открылись способности военачальников. Их концепция «хорошей тактики» была столь же искусной, как и путь, которым они разрешали трудовые споры в шахтах.

Масон подал в отставку. Чувствуя отвращение ко всему, он решил на длительный срок исчезнуть и помогал своим старым друзьям-отставникам ремонтировать древние военные космические корабли для музея. Этим он спас себе жизнь.

Секунды спустя после приказа Тайного Совета Грегор послал 23-й флот в атаку.

Флот выглядел довольно внушительно, хотя часть вооружения была в нерабочем состоянии, ожидая запас-

ных частей, которые никак не подвозили. Сами корабли были укомплектованы процентов на семьдесят или того меньше.

Наступивший мир нанес тяжелый удар по вооруженным силам, в особенности по их персоналу. Тайный Совет никого ни принимал на службу, но поощрял каждого, кто хотел бы уйти. А хотели этого многие. Оставалась лишь небольшая горстка искренне преданных космическому флоту.

С другой стороны, трудные времена на гражданке заставили пойти во флот отбросы общества — тех, кто не мог выжить самостоятельно. К тому же люди были доведены до крайности. Жалованье им платили от случая к случаю, часто накладывались взыскания, а привилегии то назначались, то отбирались совершенно случайным образом. Мораль стала лишь словом в словаре между словам «мор» и «морда».

Для первой атаки были избраны десять миров — как пример политики устрашения. Два из этих миров служили «складами» АМ-2; на остальных восьми планетах стояли столичные города системы. Для обоих видов целей оружие и порядок боевого развертывания были одинаковыми.

Сначала «ковровая» бомбежка нейтронными бомбами центральных районов городов и пунктов управления «складами». Мгновенно ничего живого — и взрывами не будут повреждены запасы АМ-2.

Ни Грегору, ни членам Тайного Совета в голову не приходило, что перед началом боевых действий не мешало бы объявить войну. Или хотя бы предупредить мирное население.

Грегор нанес массированный удар, чтобы вынудить врага сдаться. Тут и была первая его ошибка: он испепелил всех лидеров хондзо, способных вести переговоры с Империей. Вторая ошибка: ему показалось, что он напугал хондзо до паралича. Неистовый гнев часто может быть поначалу принят за ужас.

Флот Грегора вышел на стационарные орбиты и расставил патрули вокруг складов с АМ-2. Затем они подвели захваченные корабли, которым надлежало образовать «космический поезд».

Совет недооценил запасы топлива. Конвой должен был растянуться по крайней мере на двадцать километров от головного «вагона» до «хвоста».

Кошмар начался, когда хондзо не смогли более терпеть.

Казалось, у них не было ни лидеров, ни генералов, а сопротивление ширилось. Рабочие, выписанные для погрузки АМ-2, похоже, все были заодно и готовы скорее умереть, чем работать. Они ломали все подъемные механизмы и транспортеры, саботировали роботов и компьютеры.

Грегор в отместку попытался взять заложников. Увы, на хондзо это не действовало.

Император смог бы объяснить Тайному Совету, почему это происходит. Хондзо были практичными торговцами, но, прежде чем они поняли, что выгодно подписанная сделка может быть острее меча, им очень по сердцу приходились режущие предметы как средство разрешения спора.

В качестве рабочей силы на планетах-складах использовали ссаженных с кораблей хондзо. То есть практически высадили небольшие ударные силы — отряды, взводы, роты, нерегулярные подразделения. Началась односторонняя партизанская война. Имперские солдаты не могли вести огонь в лабиринте зданий — каждое здание представляло собой чудовищную бомбу. Хондзо не испытывали ни жалости, ни страха.

Сам флот был атакован теми патрульными силами, что были у хондзо, — легкими корабликами, управляемыми тремя отважными мужчинами или женщинами, с бомбой в грузовом отсеке. Камикадзе — «священный ветер» — начали действовать.

Казалось, все хондзо как один затаили дыхание и услышали из туманного прошлого слова: «Погибаю, но не сдаюсь...»

Это была осада... и в то же время не осада. Осаждающие прибывали — и гибли.

Битва... и в то же время не битва, а бесконечная серия убийств в темных переулках. Казалось, что способа остановить врага нет. Послать истребители, чтобы обуздать «нехороших ребят»? Хондзо атакуют и истребителей. Паршивой космической яхты с кабиной, набитой взрывчаткой, достаточно, чтобы вывести из строя истребитель. Три, шесть, десять таких посудин...

Грегор взмолился о подкреплении. Однако подкрепления ему дать не могли.

Корабли были, и люди тоже. Они стояли в системе Аль-Суфи. Не хватало топлива. Лишь заправившись, они могли поддержать Грегора. А у Грегора топливо было — только не вывезти.

Кроме того, даже до системы Хондзо стали доходить слухи. Слухи из самой Империи. Что-то там происходило. Хорошо всем известных руководителей вдруг снимали с должностей и отдавали под суд. Приходили слухи и о казнях.

Все, что могли делать палубные команды 23-го флота, — это вкалывать как бешеные и молить Бога, чтобы последний транспорт был загружен, пока они еще живы.

* * *

Мэвис Симс не ожидала награды за предательство своих бывших коллег-офицеров; просто выполняла свою присягу на верность Империи.

Она понимала, что в лучшем случае ее карьера завершена, а друзья от нее отвернутся.

На деле было хуже. Цареубийство, даже попытка цареубийства имеет свои собственные законы, от следствия до наказания, законы, ограниченные только тем, сколько гуманности может себе позволить правитель. Робер Франсуа Дамьен, замученный и разорванный на четыре части лошадьми, был тому ярким примером.

Сам Вечный Император мало обращал внимания на состояние расследования после неудавшегося заговора Хаконе. А члены Тайного Совета были куда менее святыми в этом вопросе, чем покойный Правитель или, если уж на то пошло, стареющий Людовик XV.

Когда Симс решила раскрыть заговор Махони, она связалась с самым высокопоставленным офицером контрразведки, которого знала, и поведала ему о плане покушения. Где и когда. И не более того.

Что же случится потом... Она не могла себе представить. И не задумывалась об этом.

А случилось то, что Симс была арестована, а мозг ее систематически сканирован. Экспертам-«следователям» было не важно, выживет Симс или нет.

...Так... Десять офицеров за столом. Записать лица. Знает ли Симс их имена? Записать имена. Следующая встреча. Так. Кто-то выступает. Кто?..

Один из следователей узнал его.

— Черт побери, Махони! Но он же умер!..

Продолжаем сканирование... Вечеринка... Черт! Та группа в углу не смотрит на нее. Лиц не видно.

— Вот дьявольщина! Это же опять Махони!

— А что там за коротышка в штатском за ним?

— Не знаю. Гляди-ка, он говорит, а Махони слушает.

— Запись звука есть?

— Нет. Симс только проходила мимо этой комнаты.

— Узнать все о коротышке. Всякий, кого слушает Махони, непременно должен попасть в поле зрения Тайного Совета.

Когда все было кончено, около восьмисот из примерно тысячи заговорщиков и их помощников, присутствовавших на военной игре, были опознаны. Среди них Махони и Стэн.

И, когда все было кончено, тело Мэвис Симс кремировали. Ее досье исчезло из имперских архивов.

Оборвалась цепочка из пяти поколений верноподданных — в ночи и тумане.

Таково, между прочим, было условное название операции — «Ночной Туман». Составили и размножили списки разыскиваемых. Заговорщиков надлежало взять силами не только сотрудников корпуса «Меркурий», но также и частными вооруженными отрядами членов Тайного Совета.

Некоторые из заговорщиков уже были арестованы и публично допрошены. Некоторые из них под угрозой расправы с их близкими, а чаще просто напичканные наркотиками, признали, что заговор действительно организовали хондзо под предводительством генерала по имени Махони. Затем им позволили умереть.

Другие просто исчезали. Невинные или виноватые, все офицеры Империи были запуганы до безумия. Все они знали, что может начаться операция «Ночной Туман-2». Или «Ночной Туман-3»...

В списке, составленном на основе сканирования памяти Симс, значилось восемь сотен имен. Позднее выяснилось, что убито было по меньшей меры семь тысяч.

У кого же нет врагов? Каждый из членов Тайного Совета, кроме Кайса, решал свои собственные проблемы, когда список проходил через него, и число имен в списке росло.

Когда списки легли на столы сотрудников службы безопасности, которым было поручено заниматься поиском преступников, любому офицеру ничего не стоило добавить еще одно имя. Или два. Или шесть.

Конечно, случались и ошибки.

Детский писатель по имени Уайт, любимый и уважаемый, к сожалению, проживал в том же пригородном районе, что и отставной генерал Уэйт. В полночь в дом писателя ворвались. Писателя выволокли из постели и расстреляли. Жена писателя попыталась остановить убийц и тоже была застрелена.

Когда обнаружилась ошибка, командир отряда убийц, оперативник корпуса «Меркурий» Клейн долго смеялся и с удовольствием потом рассказывал о недоразумении друзьям.

ГЛАВА 14

Алекс увидел, как чудище подняло свою голову от подноса с мясом и налитыми кровью глазами уставилось на Стэна. Над кровожадным лицом нависли

гигантские брови. Существо вытерло запекшуюся кровь с губ длинной щетинистой бородой и ухмыльнулось каким-то своим грязным мыслям, обнажив при этом широкие желтые зубы.

Потом неуклюже поднялось на ноги, и доспехи заскрипели под весом многочисленного оружия. Чудище сделало три шага вперед, касаясь пола бугорчатыми волосатыми лапами. Оно было метровой толщины и весило не менее 130 килограммов. В торсе высотой всего полтора метра таилась могучая сила. Мускулы этого создания, несомненно, были такими же твердыми, как у Килгура, несмотря на то что Алекс вырос в мире с необычайно большой силой тяжести. Позвоночник чудища был искривлен, и туловище держалось на ногах, словно кривой древесный ствол.

Существо поднялось во весь рост, держа огромный рог, наполненный стреггом. Его рычание заполнило зал, словно взрыв небольшой бомбы.

— Клянусь бородой моей матушки! — прогрохотало оно.— Не могу поверить!

Существо проковыляло к столу и нависло над Стэном. Хмельные слезы брызнули из зияющих дыр, которые бхоры называли глазами. Заплакав, словно лохматый ребенок, Ото прижался к Стэну. Его дыхание, разбавленное стреггом, казалось, могло содрать кожу с лица самого закоренелого космического волка.

— Я тебя люблю, как брата! — прорыдал Ото.

Вождь бхоров повернулся к пирующим подданным и взмахнул своим рогом, выплеснув целую лужу, которая могла бы утопить маленького человека.

— Мы все любим его как брата! — громогласно всхлипнул он. — Скажите ему, братья и сестры. Или мы не бхоры? И будем скрывать гордые чувства?

— Нет! — раздался единый вопль более чем сотни собравшихся здесь воинов.

— Поклянитесь в этом, братья и сестры, — прогремел Ото, обращаясь к остальным. — Клянемся отмороженными задницами наших отцов — мы тебя любим, Стэн!

— Клянемся... — раздался ответный рев.

Ото бросился к Стэну и зарыдал.

Алекс вздрогнул. Он не завидовал такой популярности Стэна у этих существ.

В огромном зале было и несколько воинов-людей, разбросанных среди бхоров. Из всех пар восхищенных глаз, уставленных на Стэна — возвратившегося героя, — одна пара глядела на него с особым интересом.

Девушку звали Синд. Она была очень-очень юной и очень-очень красивой. Она была просто чертовски привлекательна. А кроме того, слыла мастерицей в наивысшем искусстве — искусстве убивать. Она была снайпером.

Ее личное оружие начинало свою жизнь обыкновенной имперской снайперской винтовкой, теперь уже ставшей редкостью. Винтовка стреляла стандартными пулями с АМ-2, но пули выталкивались не лазерным лучом, а линейным ускорителем. Автоматически выбиравший мишень прицел переменной мощности определял расстояние до цели. Затем его можно было подстроить вручную, например, если выбранная цель прикрыта каким-то предметом. Такое оружие могло стрелять даже из-за угла. Винтовка никогда не поступала в продажу и не шла на вооружение союзников Империи. Синд приобрела ее на черном рынке, а затем усовершенствовала по своему вкусу — приклад был переделан под ее руку, вес ствола увеличен для лучшего баланса и меньшей отдачи, установлен двойной спусковой крючок, добавлена сошка и так далее.

Винтовка и сама по себе была тяжелой; усовершенствования Синд сделали ее еще тяжелее. Но, несмотря на свою изящную фигурку, Синд могла час за часом тащить ее по холмам и горам без видимых усилий. Невозможная, казалось бы, для обычного женского организма сила достигалась введением особых гормонов.

Основная проблема этой винтовки заключалась в том, что ее снаряжение, как и всякая другая форма АМ-2, было в настоящее время большим дефицитом. Поэтому Синд тренировалась с любым другим оружием, которое попадалось ей под руку, и могла выследить и уложить любого чем угодно, от арбалета до лучемета.

Как и большинство воинов-бхоров, она прошла тренировки по всем видам боевых искусств. На корабле, например, она была вахтенным офицером и испытала себя в нескольких боевых стычках.

Молодая женщина была из дженнисаров, точнее, из экс-дженнисаров. Дженны подчинялись строжайшим военным законам и служили ударной силой теократической монархии Таламейна, которая некогда с невероятной жестокостью правила планетами в созвездии Волка. Волчьи миры, теперь контролируемые бхорами, всегда являлись маленьким источником постоянных неприятностей Вечного Императора. Маленьким только потому, что эта система находилась на самых задворках Империи. Впрочем, с точки зрения бхоров, они были не так малы. Их культуру быстро сводили на нет кровожадные дженны. Бхоры оказались на грани вымирания.

За много лет до рождения Синд далеко за пределами Волчьих миров было сделано важное открытие. Обнаружили новое месторождение Империума-Х — вещества, которое могло экранировать АМ-2, а значит, и управлять этим стратегическим материалом. Однако пути грузовых караванов пролегали вблизи оживленных маршрутов людей Таламейна и его боевого отряда — дженнисаров. Одурманенные навязываемой им жестокой религией — поклонением Таламейну, — дженны стали затычкой в исключительно важной бутылке.

Стэн и Алекс руководили тогда командой «Богомолов», посланной, чтобы вытащить эту затычку. В последовавшей кровавой разборке Стэну в конце концов удалось воспользоваться брешью в геополитике, столкнув друг с другом двух конкурирующих первосвященников. Погибли оба.

К ужасу Стэна, в результате объявился третий религиозный лидер, настолько же сильный, насколько и вероломный. Он был еще и знаменитым героем — воином, аскетом, философом, что притягивало фанатиков даже больше, чем преклонение перед Таламейном.

И вдруг этот новоявленный лидер объявил последователям, что он сам и есть Таламейн, затем разоблачил свою собственную религию как погрязшую в грехах, призвал народ к миру... и потом покончил с собой!

Весьма удачный поворот событий. Впрочем, удача в этом случае была обеспечена жестокой атакой на оплот «пророка», за которой последовала тщательно продуманная Стэном беседа с глазу на глаз, а также инъекция гипнотического препарата в вену, после которой «пророк» был запрограммирован на покаянную речь и последующее самоубийство.

С неохотного благословения Вечного Императора, Ото и его бхоры были признаны новыми хозяевами Волчьих миров.

Многие историки до сих пор согласны, что это было проделано просто блестяще. Бхоры позволили другим существам думать и говорить все, что они захотят, лишь бы это не мешало жизни созвездия Волка и не разжигало новой вражды.

Как ни странно, несмотря на свои древние корни, религия Таламейна потерпела крах, когда пала власть пророка. Помогло тут и то, что зрелище двух дерущихся «богов» было настолько смехотворным, что это поняли даже крестьяне, возделывающие дальние земли.

Дженнисары же стали крестоносцами без креста. Они пришли к новому, мирному образу жизни, но одновременно и стыдились, и гордились своими древними традициями.

В такой семье и выросла Синд. Предания старины ей рассказывали тихонько, в семейном кругу, среди

старинного оружия, украшавшего стены, а временами и громко, на сборах всего клана, которые проводились в уединенных местах.

Синд выросла на старых традициях, она была из тех прежних дженнов, у которых в крови кипела любовь к оружию. С детства девочка презирала обычные игры других маленьких дженнов. Игрушечное оружие было ее любимой забавой. Видеокниги о великих битвах и героических подвигах волновали ее куда больше, чем волшебные сказки.

Так что не удивительно, что, когда Синд выросла, она пошла добровольцем в армию бхоров. Да, к старым врагам своего народа... но ничего лучшего просто не было.

Ее инстинктивное умение обращаться с оружием быстро завоевало симпатии бхоров. Теперь, как только где-нибудь разгорался конфликт, требующий вмешательства вооруженных сил, Синд была среди первых добровольцев — и брали ее тоже среди первых. На ее молодость скидок не делали. Скорее всего, это даже было плюсом, поскольку Синд любила схватки больше, чем стрегг, то могучее и злое зелье, к которому давно пристрастился Стэн, а затем, с его «подачи» и Вечный Император. Бхоры поощряли увлечение юной Синд и хвалили ее на своих грандиозных пирушках и пьянках.

Когда бхоры пьяно плакали и поглаживали своего явно смущенного друга, Синд с обожанием глядела на великого Стэна. Ведь подвиги именно этого человека восхвалялись на попойках бхоров более, чем чьи-нибудь еще. Не было такого бхора, который прошел бы мимо Стэна, не бросив восхищенного взгляда или замечания, даже если он и не имел к тем событиям прямого отношения. Истории о великих свершениях пересказывались вновь и вновь, и каждый раз Стэн и Алекс озарялись все большей и большей славой. Особенно Стэн.

Он оказался моложе, чем представляла себе Синд; она ожидала увидеть седого бородача, полного степенного достоинства. Правда, он оказался и более красивым.

Ото отошел в сторону и беседовал с Алексом Килгуром. Синд заметила, как Стэн рассеянно оглядел комнату, и подумала, что никогда не встречала такого одинокого человека. Девушка всем сердцем почувствовала те воображаемые ужасы, что были у него на душе. Ей захотелось поговорить со Стэном, успокоить его.

Взгляд Стэна скользнул мимо нее... а затем... О Боже! Он взглянул на нее!

Лицо Синд вспыхнуло. Как жаль, что взгляд его не задержался!.. Смог бы он понять, чего она стоит? Понял бы, что единственная ее страсть — верная подруга,

дальнобойная винтовка? Наверняка понял бы. Великие воины, подобные Стэну, прекрасно разбираются в таких делах. Синд решила, что им каким-то образом обязательно надо встретиться. Она вернулась к еде, не подозревая еще, каким ужасным недостатком может быть молодость.

Алекс осушил свой рог и позволил Ото вновь его наполнить. Вожак бхоров отвел его в сторонку и начал пьяно расспрашивать. Сильно беспокоит его настроение Стэна, сказал Ото; печаль Стэна так глубока, что Ото бессилен развеять ее. Он сказал Алексу, что, напомнив Стэну их первую встречу, получил в ответ лишь слабую улыбку. Бхоры тогда раздали пленных дженнов по всем кораблям и казнили их древней затейливой казнью бхоров.

— Помнишь лицо того дженна, когда мы запихивали его в пусковую трубу? — спросил Ото. Алекс помнил. — Клянусь косматой бородой моей матушки, это была забавная картинка! Его рожа так и перекосилась от страха! Ну и помучали мы его тогда здорово! А потом кишки наружу выпустили и душу на небеса отправили. Эх, славные денечки были!

Он хлопнул Алекса по спине своей лапищей, словно полутонной дубиной. Даже Килгур чуточку рассердился. Но прежде чем Ото подумал, что и Алекс разделяет мрачные мысли Стэна, тот расхохотался во все горло, вспоминая эти кровавые времена.

— Так что же с нашим Стэном-то, а? — спросил Ото. — Огня в нем прежнего что-то нету. Покажи мне существо, которое обидело нашего брата, и клянусь тебе, мы прикончим его!

Алекс был бы счастлив, если бы все было так просто и проблемы Стэна разрешались бы с помощью старинного бхорского Благословения. На самом деле приятнее было думать о кишках, плавающих в космосе, чем разделить хотя бы наименее мрачные из мыслей, мучавших Стэна с тех пор, как они улетели с Земли.

Килгур мчался так, словно врата в рай закрывались, а за ним по пятам гналась толпа демонов.

Это не слишком большое преувеличение. Если бы Алекс не действовал так быстро, их не только бы нашли, но и схватили.

Килгур наплевал на осторожность и законы физики. Его такшип закладывал такие виражи, что каждый сустав отзывался мучительной болью. Он использовал все свои уловки и по пути изобрел несколько новых, чтобы избежать обнаружения. Ускользнув, он передал Махони быстрое «Рви когти!» и затаился, растаяв, словно призрак. Махони должен был сам о себе позаботиться.

«Этот мужик привык и не к таким переделкам!» — подумал Алекс, хотя и не без симпатии. Махони ему нравился. Впрочем, кроме надежды, он ничем не мог помочь маршалу. Если все они останутся живы — а это, надо сказать, очень проблематичное «если», — у них было куда отступать, точка встречи на случай опасности. Не на Поппаджо. Они согласились, что если их миссия будет провалена, то не стоит испытывать судьбу дважды в одном и том же месте. Но пока очень сомнительно, что все это может пригодиться.

Килгур полагал, что ярость Тайного Совета будет так велика, что они не пожалеют средств и пойдут на все, чтобы загнать их в угол. И он был прав. Так где же им спрятаться, куда приткнуться? Для подобного укрытия требовалось два важнейших элемента. Во-первых, их там никто не должен искать. И, во-вторых, что еще важнее, — если кому-нибудь и взбредет в голову искать, их со Стэном не должны выдать.

Чтобы вычислить такое место, много времени не понадобилось. Стэн тут был не помощник. Что поделаешь, парень совсем раскис. Алекс пристегнул его ремнями к койке в крошечном лазарете корабля и запустил программу «Травма». Медицинские приборы тут же зажужжали и засвистели. Звуки были ужасно назойливыми и мешали сосредоточиться. Но в конце концов, пока такшип метался туда-сюда, скрываясь от погони, приборы стихли. Килгур заглянул в лазарет. Бледность Стэна несколько спала, но он все еще был без сознания — бедный парень.

Наконец Алексу пришло в голову замечательное укрытие. Вряд ли на свете нашлись бы другие существа, которые были бы в большем долгу перед Стэном. И он взял курс на созвездие Волка — к бхорам.

Где-то на полпути Стэн уже мог встать на ноги. Собеседником он, конечно, был тем еще. Каменное лицо. Не говорит ни слова. Иногда Стэн будто бредил — невнятно бормотал.

Поначалу Алекс думал, что все это потому, что Стэн еще только на пути к выздоровлению. Но затем компьютер лазарета сообщил ему, что дальнейшего лечения не требуется. В конце концов Алексу пришлось признать, что душевная рана, которую получил его друг, гораздо сильнее физических. Она-то и вывела его из строя.

У него не было ни малейшего представления, что с этим делать и даже как заговорить со Стэном на эту тему. Он просто стиснул зубы и оставил все как есть.

Затем однажды Стэн сам заговорил. Они тогда обедали — в полной тишине. В последнее время у Стэна

появилась привычка за едой взглядом утыкаться в свою тарелку. Не говоря ни слова, не глядя по сторонам. Пища для него потеряла свой вкус и была лишь топливом, необходимым организму. Краешком глаза Килгур наблюдал за товарищем.

Стэн сунул в рот какой-то кусок. Пожевал. Проглотил. Еще кусок. Механический процесс. Вдруг он прекратил жевать, его лицо потемнело от ярости. Стэн выплюнул пищу, словно это был яд, вскочил на ноги и выбежал прочь, громко хлопнув дверью.

Алекс решил не обращать на это внимания. Он выждал некоторое время, а потом прошел в каюту товарища. Дверь была распахнута, и Стэн расхаживал взад и вперед, растрачивая энергию злости. Алекс подождал за дверью, пока он немного успокоится. Стэн увидел его, остановился, затем встряхнул головой.

— Прости меня, Алекс, — сказал он.

Килгур решил клюнуть на приманку и встряхнуть Стэна по мере сил.

— Давно пора! — воскликнул Алекс с притворным раздражением в голосе. — Он, видите ли, прощения просит, черт!

И продолжал раззадоривать Стэна.

Оказывается, тот испортил ему, Алексу, обед. И вообще такой ужасный компаньон, что довел бедного Алекса до мыслей об убийстве. Или самоубийстве. Он ведет себя как мальчишка, заявил Алекс, и пора бы уже взяться за ум, который еще остался, задуматься, как он измучил других, например своего самого давнего и дорогого друга Алекса Килгура.

В начале своей затеи Алекс чувствовал себя распоследним дерьмом — кусая парня, которому и без того тяжело. Но потом его вдруг осенило. Ведь Стэн обратился к нему, черт возьми! Значит, ему надо поговорить.

Впрочем, Стэн и не слушал. Его голова склонилась вниз, а кулаки сжались так, что побелели костяшки пальцев.

— Я провалил дело, — просипел Стэн. — Из-за меня они все погибли!

— Ага! — кивнул Алекс. — Но ведь всякое бывает. Не первый раз. И не последний.

Килгур понимал, что не давало Стэну покоя. Теперь, когда товарища наконец прорвало, Алекс попытался представить их действия в перспективе. Он говорил о других заданиях, которые провалились, оставив после себя горы трупов. Он напоминал о куда худших временах, когда они были свидетелями, а зачастую и инициаторами намного большего количества смертей.

Алекс понимал, что говорить все это Стэну — все равно что плевать против ветра. Но должен был попытаться.

Конечно, не в том дело, кто виноват. Более чем шесть лет тому назад Стэн принял решение оставить карьеру военного. Таанский конфликт обошелся неслыханно дорого — как по жизням, так и по деньгам; вообще, по всему. Даже на их собственном совершенно незначительном уровне. Стэну и Алексу пришлось пожертвовать столькими жизнями, что отвратительный вкус крови будет всегда их преследовать. Стэну настолько опротивела роль мясника, что он не только решил подать в отставку, но и порвал отношения с единственной семьей, которую он знал, — армией.

Примерно те же соображения определили и решение Килгура. Но у него был Эдинбург, была семья и старинные друзья.

Усугубляющим фактором явилась добровольная ссылка Стэна. Неважно, что и там он продолжал упорные тренировки; он не мог не связывать вину за провал операции с тем, что вышел из формы. Следовало отговорить Махони от идеи поставить его во главе штурмовой группы, помочь Яну найти кого-нибудь еще — не такого усталого и ожесточенного.

Алекс выложил все это Стэну. Он его уговаривал. Он проклинал его. Ничего хорошего не выходило. Да и как могло выйти? Алекс понимал, что в подобном положении и он чувствовал себя так же.

Молчание продолжалось. Продолжалось всю оставшуюся часть полета. И потом тоже.

Синд исправно посещала многочисленные пиры, которые бхоры устраивали в честь вернувшихся героев войны с дженнами. Она не знала, что главной причиной этих банкетов была неуклюжая попытка Ото развеять тоску Стэна и положить конец его самобичевания. И все же девушка не могла не заметить, каким мрачным выглядел Стэн, каким безразличным ко всему окружающему, словно в глубине души постоянно терзался такими муками, которые нормальному существу и представить-то трудно. Ей это казалось ужасно трагичным— и романтичным.

Наконец она набралась смелости разделить возвышенное одиночество Стэна. Поразмыслив, как лучше подать себя, Синд купила новый костюм — настолько откровенный, что ей становилось не по себе от одной мысли, что он будет висеть в ее шкафу. Когда она все же надела его и взглянула в зеркало, то готова была загородиться простыней, чтобы не видеть себя в нем. Она приукрасила свое и без того безукоризненное лицо самой дорогой и экзотической

косметикой, какую только смогла достать, и в довершение всего побрызгалась духами; как гарантировала ей продавщица, мужчины просто падают к ногам женщины, лишь только почувствуют этот изысканный запах.

Синд снова осмелилась предстать перед зеркалом. Господи, просто дешевая уличная шлюха!.. Если это и есть то, что нужно мужчинам, то они... они должны... Она так и не придумала, что же они должны, но была уверена, что с такими мыслями можно дойти до чего-то действительно ужасного.

Ну и черт с ним! Пусть принимает ее такой, какая она есть.

Синд долго стояла под душем и соскребла всю эту оскорбительную краску. Затем выбросила пошлую вещь, которая так позорила ее гардероб. Вместо этого выбрала одну из своих лучших униформ; пошитая из материала, похожего на кожу, она выглядела так, будто чудище, которое прежде носило эту кожу, было выведено специально для юного и прекрасного тела Синд.

Ее лицо было свежим и блестящим после душа, а щеки пылали от дерзких мыслей, которые проносились в голове.

И снова Синд поглядела на себя в зеркало. О, хорошо! Вот это должно подействовать.

На самом деле она и не могла прийти к более верному решению. У Стэна однажды уже была любовница из этой части Империи. Ее звали София. Прекрасная девушка стремилась любой ценой попасть в столицу, ко двору. Стэн помог ей добиться цели. Прошло довольно долгое время, пока он и София не встретились вновь во время приема, устроенного Марром и Сенном.

Косметика и парфюмерия, которыми пользовалась Софи, не сильно отличались о тех, которыми пользовалась Синд, разве что были намного дороже. Что касается платья, то София не носила вообще ничего, кроме разбросанных кое-где золотистых блесток. Увидев такую красотищу, Стэн сделал то, чего она менее всего ожидала, — сломя голову помчался в объятия лейтенанта полиции, некоей Лайзы Хейнз, женщины, которая была намного больше ему по душе.

Синд знала, что этот пир будет полуофициальным, то есть перед обычной обжираловкой выстроится торжественная линия встречающих для приветствия почетных гостей. Использовав все свои связи, вымолив одолжение у знакомого бхора, она добилась места в конце строя.

Ото пригласил Килгура и Стэна в зал и повел вдоль строя. Поработав начальником личной охраны Императора, Стэн отлично разбирался во всех тонко-

стях дипломатических приемов. Он жал каждому руку, заглядывал в глаза и мило улыбался — улыбкой слабой, но вполне удовлетворительной. Затем переходил к следующему встречающему.

К тому времени, когда очередь дошла до Синд, Стэн уже торопился к столу. Он одарил девушку небрежным рукопожатием, улыбнулся и приготовился двигаться дальше.

Синд задержала его руку. Только лишь на мгновение, которого оказалось достаточно, чтобы привлечь внимание Стэна, но не рассердить его. Он неожиданно заметил, что смотрит на необыкновенно милую девушку в военной форме, с лицом, свежим, как сама природа, глазами ясными и невинными и трезвым серьезным взглядом, свойственным лишь наивной юности.

Синд второпях заговорила, чтобы успеть высказать Стэну все, пока он не двинулся дальше:

— Адмирал Стэн, знакомство с вами — величайшая честь для меня. Я изучила в подробностях ваши действия во время войны с дженнисарами и должна признать, что в восторге от вашего военного гения и личного мужества. Вы для меня непререкаемый авторитет и пример для подражания.

Стэн не сразу нашелся.

— Спасибо, — наконец проговорил он. И собрался идти дальше.

Но Синд еще не закончила.

— Вдруг у вас найдется свободная минутка, — продолжала она. — Я буду очень признательна, если вы сумеете долю ее уделить мне. У меня столько вопросов, которые надо вам задать. Да их на моем месте задал бы любой воин. Впрочем...

Затем она улыбнулась своей лучшей улыбкой — той, что никак нельзя назвать жалкой, а, напротив, озаряет все комнаты. Не нужно было пристально присматриваться, чтобы понять, что тут подразумевалось нечто большее. На месте Стэна только мертвец не сообразил бы, что эта юная леди считает его весьма привлекательным и очень даже не против разделить с ним постель.

Теперь он уже не улыбался. Напротив, он от всего сердца поблагодарил ее и спросил имя. А получив ответ, пообещал, что обязательно вспомнит ее и будет счастлив с ней встретиться — конечно, если будет время. Напоследок он вновь улыбнулся девушке слабой грустной улыбкой. Этим он хотел сказать: увы, откуда ему, времени, взяться?..

Только потом он двинулся дальше. Пока Стэн дошел до своего стола, он уже почти позабыл ее — но не совсем. Хотя девушка и была очень юной, Стэн-то был

не каменный. Он был польщен. Казалось, даже походка его изменилась и шаги стали легче.

Синд наблюдала за уходящим Стэном. На ее взгляд, встреча прошла прекрасно. Все получилось, как ей хотелось. Миссия выполнена. Приглашение сделано — и принято.

Теперь главное — сделать так, чтобы у Стэна нашлось время.

Стэн метался во сне, тонкая простыня опутала ему ноги.

Во сне он возвратился на Вулкан, когда семнадцатилетним дэлинком прятался от социопатрулей барона Торесена. Стэн прятался с Ороном, вождем малолетних преступников. Он страшно устал от долгого и напряженного бега.

И вдруг почувствовал, как стройное тело скользнуло на мягкий матрас... Бэт! Ей тоже семнадцать. Нагая и очаровательная, стремящаяся к нему. Прелестная. Такая прелестная!..

Стэн задохнулся в глубинах своего сна и вдруг ощутил в руках податливое извивающееся тело. Что за черт? Он пристально вгляделся. Конечно, это не Бэт... Но она очаровательна!

Девушка застонала и прижалась к нему. В какой-то момент Стэн почти ответил ей. Он все еще был погружен в свои сны. А сны вдруг стали явью — поэтому он и не сопротивлялся.

«Кто же это, в конце-то концов?» Он вдруг припомнил юную наивную девушку в строю встречающих. Как там ее?.. Синд? Э, парень! Берегись, адмирал. Она не из тех, с которыми переспал и забыл. Такую в постель только затащи, начнет права потом качать. Красивая, ласковая... Да, но... Никаких «но», болван! Дело-то серьезное. Зачем тебе лишние обязательства?

И Стэн отстранил-таки Синд. Она начала было возражать, но он мягко прикрыл ей рот ладонью.

Путь, который она выбрала, не самый лучший. Он, конечно, польщен и уверен, что Синд — самая прекрасная из женщин в Империи, но он сейчас не в том положении, чтобы начинать какую бы то ни было связь. Так что хотя он не забудет этого момента до конца своих дней, Синд все же придется забрать свою одежду и уйти.

Не сразу, но Синд подчинилась. Когда она ушла, Стэн в сердцах трахнул кулаком по подушке. Этой ночью он так и не смог заснуть. Только терзали его уже не кошмары проваленной операции.

Что же касается Синд, она, безусловно, была задета. Да что там, оскорблена в лучших чувствах! Од-

нако влюбилась еще сильнее, как никогда. Он так уважительно относится к ней, что нашел в себе силы отказаться от ее ласк!.. В мечтаниях девушки Стэн перешел из ранга героя в ранг божества.

«Ничего, еще придет мое время, и результат будет совсем иным», — утешала себя Синд.

Килгур не присутствовал на этой встрече, но подготовил ее он. Ото был проинструктирован и почти трезв.

Вождь бхоров попросил Стэна прогуляться с ним возле небольшого озера в красивой долине неподалеку от его резиденции. Место было выбрано не случайно — озеро являлось памятником жертвам бхоров в войне против дженнов.

Прогуливаясь вокруг озера, Ото вроде бы хотел попросить совета Стэна, как ему быть дальше с созвездием Волка. И так же не случайно, что все планы на будущее он связывал с изобилием АМ-2. Его собственной идеей было напомнить — с безжалостными подробностями — о тех невзгодах, которые испытывали жители Волчьих миров во время правления «этих придурков из Тайного Совета». Чрезвычайные лишения вызваны не только сокращением запасов АМ-2, (как полагал Ото, подстроенным умышленно Тайным Советом), — но и всеми бедами, связанными с прекращением добычи и экспорта Империума-Х. Ото также не преувеличивал, говоря, что предвидит время, когда Волчьи миры как культура перестанут существовать, и это может произойти через год или около того, не позже. Планетные системы будут отпадать одна за другой, пока все они не станут одиноки, как в Древние Времена, когда никто не мог наверняка сказать, есть ли еще где-нибудь жизнь за пределами атмосферы.

Стэн слушал внимательно — и не только из вежливости. Все, что говорил Ото, было правдой. Хотя Стэн и не знал, что тут можно поделать.

Когда они обошли вокруг озера, Стэн заметил, что его поверхность странно мерцает. Такого он еще никогда не видел. Дно озера словно состояло из гигантских черных плит, отполированных до зеркального блеска. На поверхности плит заметны были какие-то оспины. Поначалу Стэн даже не разобрался, в чем дело, и решил, что это водоросли. А потом вдруг понял — имена! Имена погибших бхоров, увековеченные здесь их братьями и сестрами, отцами и матерями, любимыми и друзьями.

Когда Стэн осознал, что означает это озеро, он почувствовал, как к глазам подкатывают слезы.

Ото сделал вид, будто ничего не замечает.

— Буду откровенен, друг мой, — проговорил вождь бхоров и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Для меня не секрет, как ты страдаешь. Сказать тебе, что это обычное страдание старого солдата, — не поможет. Сказать, что это не более чем честолюбивая обида за прошлые операции, которые многие годы проходили без сучка и задоринки, — тоже бесполезно.

Вот еще одно глупое сравнение. Должен тебе признаться: к сожалению, не все бхоры избирают славный... гм-м... Путь Воина.

Стэн приподнял бровь, но удержал свои мысли при себе.

— Был у меня дядя. Портной. Только не улыбайся! Клянусь отмороженной задницей моего папаши, не было на свете живого существа, которое любило бы так работать с одеждой, как тот самый дядя, о котором я говорю. Прошло много лет. Приятных и полезных лет. А потом у него стали болеть руки. Суставы пальцев покрылись большими нарывами. Такими толстыми и болезненными, что работать он уже не мог. Ты понимаешь, какой трагедией было это для моего дяди?

Стэн кивнул. Он понимал.

— Что ему следовало делать? Прекратить работу, которая доставляла ему столько радости? Или залить глаза проклятым стреггом и пить до тех пор, пока не отступит боль — и только тогда продолжать свою работу?

Стэн ответил, что дядя наверняка выбрал последнее. Он знал, что стрегг, названный в честь древнего врага бхоров, имеет свойство заглушать боль.

— Тогда ты ошибся! — проревел Ото. — Он этого не сделал. Он все бросил. И умер — ожесточенным и разбитым. Это проклятие и стыд нашей семьи. Клянусь, никому и никогда я в этом не признавался!.. Ну разве что по пьянке. Но трезвым, клянусь тебе, я никому этого не говорил. Никогда!

Стэн начал чувствовать себя дураком. Его друзья разговаривают с ним, как с малым ребенком! Что ж, может, они и правы. Может, он действительно нуждается в хорошей встряске. Бедняга Ото так старается.

— Так чего же тебе надо? — в упор спросил Ото.

— Что? — растерялся Стэн.

— Чего ты хочешь? Эти... твари, которые сидят теперь на месте Императора. За ними должок. Или они не враги тебе? Или они не заслужили твоей ненависти? За что ты их жалеешь-то? Убей их!

— Уже пробовал, — нерешительно проговорил Стэн.

— Ну так попробуй еще! Не будь таким, как мой дядюшка.

Стэн хотел сказать, что убийство, по сути, ничего не изменит. И не решит — по крайней мере для него.

Но он не знал, как объяснить это своему грубому и неотесанному другу.

— Ты хочешь больше, чем просто смерти? Так, что ли? — спросил неожиданно его грубый и неотесанный друг.

Стэн задумался. Чем глубже он задумывался, тем больше злился.

— Они убийцы, — прошипел он. — Больше чем убийцы. Когда они убивали Императора, они же убивали всех нас. Скоро мы все будем жить, как скоты. Будем сидеть у пещеры и колотить камнем о камень, чтобы добыть огонь.

— Хорошо. Ты разозлился. А теперь подумай, как свести счеты.

— Свести счеты — это не то, что я хочу.

— Клянусь бородой моей мамы, мы к этому еще вернемся. Но чего же ты хочешь, скажи! А потом погрузимся на мои корабли и посмотрим, как их души полетят к дьяволу в ад!

— Я хочу... справедливости, — в конце концов промолвил Стэн. — Я хочу, черт побери, чтобы каждое существо в Империи знало о преступлениях Тайного Совета. Их руки в крови. Справедливости я хочу, черт возьми. Справедливости!

— Лично я в справедливость не верю, — мягко произнес Ото. — И ни один настоящий бхор не верит. Эта красивая сказочка создана для других, более слабых существ, которые ищут высшей правды, потому что их собственная участь ничтожна. Но у меня широкие и терпимые взгляды. Если справедливость — твое лакомство, наложи и мне тарелочку, поедим вместе. Давай решай. В каком виде ты представляешь эту твою справедливость? И клянусь отмороженным задом папаши, если ты опять полезешь в кучу эмоционального навоза, я лично тебе ноги выдерну. Одну за другой.

Стэн не нуждался в такого рода уговорах. Внезапно он вдруг осознал, какой же справедливости ему хочется.

— Готовь корабли, дружище! — сказал он.

Ото восхищенно заревел:

— Клянусь длинной косматой бородой моей матушки, это для нас счастье. Выпьем за их души в аду!

ГЛАВА 15

Компьютер был мечтой бюрократа. Как центру хранения информации, ему не было равных на общедоступном рынке. Но самое выдающееся его качество заключалось в методе поиска информации.

Руководитель исследовательской группы пришел к Кайсу с предложениями еще десять лет тому назад. Кайс провел тогда с группой четыре месяца, выдав все мыслимые возражения и целый шквал «но» касательно теоретических пределов машины. Однако он не нашел ни одного изъяна.

Тогда Кайс отдал приказ запустить проект в производство. Он был настолько дорогим, что в другое время Кайсу пришлось бы искать компаньонов, чтобы разделить риск. Конечно, такая идея какое-то время у него была. Но новый компьютер в случае успеха принес бы такую громадную прибыль, что Кайс отбросил мысль о партнерах.

Еще более важным, чем прибыль, было потенциальное влияние. Компьютер был единственным в своем роде устройством и так основательно запатентованным, что ни одно юридическое лицо даже мысли не могло допустить о его копировании без риска — нет, без полной гарантии — проиграть состояние, репутацию и благополучие армии юристов Кайса.

С самого первого момента Кайс знал, что новая машина сможет заменить целую систему, которую обычно использует каждое правительство в Империи. А условия продажи будет диктовать он и только он.

Как только компьютер запустят в производство, его, Кайса, влияние будет расти так же быстро, как и его богатство. В конце концов, только одной компании — его компании! — будет позволено производить обслуживание и периодическое усовершенствование. Короче говоря, посмей стать на пути Кайса — и твоя бюрократическая система рухнет. Само государство пойдет у него на поводу!

Почти каждое действие любого общественного существа порождает запись. Вопрос: что делать с этой записью, чтобы другие смогли ее просмотреть в случае нужды. Если запись — одна-единственная, никаких проблем — положи ее под камешек, пометь его, и тот, кому дадут указания, сможет ее найти.

Но документы плодятся быстрее, чем тараканы. Первобытные люди быстро исчерпали наскальное пространство для рисунков и вышли из пещер, пергаменты с записями заполонили библиотеки, клерки так набивали архивы, что лопались ящики картотек, и даже теперь, в современной Империи, данные переполняли память самых больших компьютеров.

Но и это еще не самая сложная проблема. Всегда можно добавить новые банки данных. К тому же современные системы ушли далеко вперед от волоконной оптики, так что быстродействие машин тоже не помеха.

Однако есть еще одно препятствие, преодолеть которое не смог никто: как найти один маленький байт информации, скрытый в такой ее массе? По слухам, в легендарной Александрийской библиотеке работало несколько сотен служителей, чтобы находить в шкафах свитки, которые заказывали ученые посетители. Проходили дни и даже недели, пока находился нужный свиток. Ученым это явно не нравилось, так так приезжали они, как правило, с нищенским бюджетом. Их многочисленные горькие жалобы пережили даже пожар, который уничтожил библиотеку. А ведь это было в далеком прошлом, когда люди знали не так уж много.

Во времена Стэна эта проблема выросла в таких пропорциях, что могла привести в замешательство математиков-теоретиков, размышлявших об основах Вселенной.

Рассмотрим вот такой маленький пример: проклинаемый всеми интендантский сержант получил приказ улучшить рацион команды новобранцев. Их моральный дух упал до такого уровня, что сержант сам попал под пристальное внимание командиров. Были даны рекомендации — много-много рекомендаций, и все их надлежало выполнить. Одна из таких рекомендаций касалась наркопива. Но не просто любого наркопива. Его командир припомнил одну марку — имя которой уже стерлось из памяти, — с каким удовольствием они глотали это пойло перед победоносным сражением сотню лет назад или даже раньше!

Вот такой был намек. И ничего больше.

Сержантик бросился действовать. Запустил свой верный компьютер. И дал задание найти проклятое пиво. Список, который он получил, наверняка содержал и марку, любимую его командиром, — захороненную в миллионе или даже больше вариантов, и не было никакого способа ограничить поиск. Не давать же командиру пробовать каждое из них на вкус, проведя за этим занятием несколько жизней. Хотя и приятное, это решение, очевидно, было невыполнимо.

У компьютера Кайса здесь вообще не возникло бы проблем. Ведь его проектировали с учетом того, что человеческий разум имеет свои пределы. Компьютер действовал очень запутанным путем, с большими и малыми скачками логики... Впрочем, любое простое объяснение принципа его действия заранее обречено на неудачу.

В основном он был обучен действовать как шахматный мастер в игре против талантливого новичка. Мастер, готовя ходы вперед, просчитывает тысячи вариантов ответа оппонента. Но в единственной игре вполне вероятно, что победит дилетант. Его ограниченные способности в

данных обстоятельствах могут стать для него плюсом. Мастеру с тем же успехом стоит бросать кости, чтобы определить, на какую дурацкую уловку собирается пойти этот тупица.

— Когда Кайс продемонстрировал сэру Лаггуту, председателю комиссии по АМ-2, свое детище, тот был счастлив. С такой машиной можно отследить даже путь блуждающего электрона в полете сквозь звездный шторм.

Следующее сообщение, однако, так же быстро ввергло Лаггута в пучину отчаяния.

— Забудьте про АМ-2, — сказал Кайс. — Меня это не интересует.

Лаггут возразил: мол, задачу поставил перед ним Тайный Совет! Более того, все будущее Империи зависит от запрятанного Вечным Императором золотого запаса АМ-2! Даже когда рейд на Хондзо будет завершен, трофейное топливо только отсрочит неизбежный кризис максимум на семь месяцев — не считая расходов топлива, которые неминуемо потребует осуществление кражи само по себе.

— Вы что, еще не выучили урок? — спросил Кайс. — Секрет Императора умер вместе с ним. Нам никогда не удастся раскрыть его. По крайней мере, тем путем, которым мы идем.

Затем он поведал Лаггуту, какое он принял решение.

Лаггут отчаянно протестовал. Он подумал, что Кайс сошел с ума, хотя вслух ничего подобного предположить не осмелился. Однако заявил, что немедленно должен доложить остальным членам Тайного Совета и получить их разрешение на прекращение поисков и начало новой работы.

Кайс не взорвался, не стал угрожать Лаггуту или ругать его. Вместо этого он просто вызвал служительницу. Через мгновение та появилась, толкая перед собой тележку, нагруженную бумагами. Это была копия доклада, который не так давно Лаггут делал перед Тайным Советом. Доклада, в котором он сообщил, что АМ-2 будет обнаружена в течение тринадцати месяцев.

Кайс прохаживался по комнате, пока Лаггут глазел на свой доклад и обдумывал свои многочисленные грехи.

— Вам не хотелось бы изменить выводы в этом докладе? — спросил в конце концов Кайс.

Лаггут промолчал.

— Есть у меня команда моих собственных людей, чтобы заняться этим. Они найдут все это... интересным, — добавил Кайс.

Губы Лаггута дрогнули. Он хотел что-то ответить, но снова промолчал. Да и что он мог сказать? Каждая

страница доклада была выдумкой. Он мог тогда назвать срок и два месяца, и шесть... Или вообще — никогда.

— Так попробуем поработать вместе? — промурлыкал Кайс.

Безупречная логика! Сэру Лаггуту пришлось изменить свое мнение.

Старушка была восхитительна. Длинные волосы спадали до самой талии. Она просто излучала здоровье. Ее высокий пронзительный смех особенно очаровывал Кайса, потому что звучал даже после самых слабых его шуток. Причем звучал совершенно без фальши.

Несмотря на почтенный возраст, который исследователи оценивали лет в сто пятьдесят, фигура ее была хороша и оранжевые одеяния отнюдь не висели на ней, как на вешалке. Если бы Кайс происходил из рода людей, то, наверное, нашел бы ее очень привлекательной. Впрочем, откуда ему знать о таких вещах?

Звали главу секты Вечного Императора Зоран.

Зоран и ее группу уже довольно давно разыскивали люди Кайса. Это была нелегкая задача. Большинство сектантов жили обычной жизнью и занимались обыкновенной работой, одевались и в основном вели себя, как и все остальные. Единственное их постоянное отличие — настроение: они всегда были веселыми и жизнерадостными. Казалось, нет таких препятствий и неприятностей, которые в состоянии их расстроить. Шеф маленькой частной армии Кайса утверждал, что если будет вдруг объявлен немедленный конец света, сектанты беззаботно рассмеются и отправятся по делам: натянут оранжевые одеяния, скинут башмаки и отправятся по улицам, в последний раз проповедуя свою чудную веру.

Зоран разъясняла Кайсу некоторые тонкости святого учения, не переставая все время улыбаться:

— О, мы, конечно же, не считаем, что Вечный Император — Бог. (Усмешка.) Или, по крайней мере, подобие Бога. (Усмешка еще шире.) Скорее он эмиссар, понимаете? (Опять усмешка.) Представитель Высших Сфер.

Кайс поинтересовался, что это за Высшие Сферы.

— Очень хороший вопрос. Они везде, я так полагаю. (Смешок.) И они священны. (Тридцать секунд непрерывного смеха.) Конечно, это общее представление. Его можно принимать, а можно и не принимать. Если вы принимаете его — можете их увидеть. В вашем разуме. А если нет... (Снова долгое хихиканье.) ...тогда вы, конечно, вообще ничего не увидите.

Кайс улыбнулся — первая его настоящая улыбка за целую вечность.

— Похоже, я один из тех слепых, — сказал он.

— О нет. Не совсем. По крайней мере, не полностью, — промолвила Зоран. — Иначе мы бы с вами не разговаривали.

Кайс был этим озадачен. Откуда в ней такая уверенность?

Его убеждения пошатнулись. В какой-то опрометчивый момент он почти что поверил ей.

И все же не поверил.

— Конечно, могут найтись такие, кто скажет, что вы собираетесь нас использовать. — Во время очередного смешка Кайс вздрогнул. — Но как вы бы это сделали? Все, что у меня есть, — это бренное тело. — Зоран драматически скользнула руками вниз по своим одеждам, подчеркивая отличную фигуру. — И оно заполнено восхищением Высшими Сферами. (Слабая улыбка.) Пользуйтесь, если хотите. (Улыбка пошире.) Более чем достаточное удовольствие для каждого.

— А не станет ли удовольствие еще больше, — спросил Кайс, пытаясь не быть слишком льстивым, — если, подобно вам, станут верить многие?

В этот момент Зоран не усмехнулась. Она изучала собеседника взглядом острым и ясным.

Кайс почувствовал себя подопытным кроликом.

— Вы правы в своих предположениях, что мои чувства не так уж далеки от ваших, — продолжал он. — Я ничего не знаю о Высших Сферах. И о богах или божьих посланниках. Но я действительно верю в одну вещь. Очень твердо верю. В то, что Вечный Император все еще с нами.

Наступила тишина. Затем Зоран быстро проговорила:

— А почему вам так необходимо верить в это?

Кайс не ответил. По крайней мере не ответил прямо. Он приготовился завершить разговор с женщиной.

— Вы перестали смеяться, — все, что он сказал ей.

— А что у вас было на уме, когда вы хотели помочь другим услышать наши мысли? — поинтересовалась старуха. — Деньги?

Кайс сказал, что это могли бы быть деньги и на ее счету.

— Временное пособие?

Кайс ответил, что, как член Тайного Совета, он действительно в состоянии оказать такую помощь.

— Чего же вы хотите взамен? — спросила женщина.

— Только того, что вы дали бы мне и без этой поддержки, — сказал Кайс. — Мне нужна информация. Я бы хотел, чтобы меня извещали, когда любой из ваших членов — не важно, в каком месте Империи он находится, — встречается с Императором.

— Вы правы, — кивнула Зоран. — Никто из нас не будет скрывать такого рода информацию. Это ведь то, в чем мы пытаемся убедить других, не так ли?

Вопрос ответа не требовал.

— Вы будете завалены информацией, — промолвила она через некоторое время. — Наша религия, если можно так выразиться, зачастую привлекает многих индивидуумов с... скажем так, с буйной фантазией.

— Я понимаю, — сказал Кайс.

Зоран посмотрела на него долгим взглядом. Затем позволила себе разразиться своим диким, звонким хихиканьем.

Сделка была заключена.

Кайс продолжал раскидывать свои сети в мутных водах — и вглядывался во тьму, все еще надеясь уловить хоть отблеск большой серебристой тени Вечного Императора, мелькнувшей в пучине. Занятие было мучительным и бесцельным.

Он очень напоминал теперь умирающего от голода, покупающего на последние гроши лотерейный билет. Надежда на успех операции казалась вполне безвредной. По крайней мере хоть на время можно было забыться в мечтах. Но эта надежда являлась лишь тоненькой оболочкой горькой пилюли.

Кайсу было не привыкать контролировать себя. Он прекрасно понимал причины своего подавленного настроения и поэтому спешил. Пока его коллеги неистово занимались кровопусканием у себя дома и в мирах Хондзо, он все фишки поставил на другую, секретную игру.

Лишь единственную фишку он оставил для подкупа некой личности, потенциально самой сложной и опасной изо всех: полковника Пойндекса, шефа корпуса «Меркурий». Но в конце концов определив, какова будет цена, Кайс ни секунды не колебался.

Лицо полковника застыло в холодной маске, как и тогда на экране, когда он объявлял о раскрытом заговоре. Пойндекс напряженно вслушивался в каждое слово Кайса. Он не моргал, не улыбался и даже не сдвинулся со своего места.

Кайс осторожно коснулся своих личных надежд, а затем подкрепил их логическими выводами. Император, как известно, уже исчезал — он не сказал «умирал» — ранее. И всегда возвращался. Аналогичная история с АМ-2: подача прекращалась, когда властитель погружался в небытие, и возобновлялась, когда он появлялся вновь. Этот факт отмечен в документах, и отмечен как группой Лаггута, так и компьютером Кайса. Крупные исторические изменения в подаче АМ-2 точно соответствовали по времени легендам и мифам о смерти Императора.

Кайс закончил и вернулся на свое место. Выражение его лица было таким же неприступным, как и у шефа разведки.

— А я-то думал: зачем вы встречались с этой Зоран? — сказал Пойндекс. — Сейчас мне понятно.

Кайс сделал вид, будто не удивлен тем, что Пойндекс, видимо, постоянно следит за каждым членом Тайного Совета. Он был в курсе, что подобные реплики — одна из любимых уловок полковника: нанести решающий удар, казалось бы, самой обычной фразой.

— Вот и мне показалось, что вас это озадачило, — парировал Кайс. — Поэтому я решил с вами побеседовать.

Он намекал, что знает о такой «опеке» и за опекунами в свою очередь следят. Ложь, но ложь искусная.

Полковник понимающе кивнул.

— К сожалению, — нарочито разочарованно начал Пойндекс, — я не вижу, как бы я смог вам помочь. Возможности моего департамента... — И снова показное разочарование. — Боюсь, вы их переоцениваете.

Пойндексу не было необходимости вдаваться в подробности о страшной ответственности его ведомства и о дополнительных трудностях, возникших в результате таких вещей, как обернувшееся катастрофой предсказание, что хондзо будут безопасными противниками.

Ловетт незамедлительно подвел бы итог словам Пойндекса. Сделка — если она будет совершена — потребует дополнительных расходов и привлечения большого числа специалистов. Кайс же собирался пригласить к сотрудничеству одного, и только одного. Он надеялся, что цена будет столь высока, что никто, даже шеф разведки, не сможет устоять.

— Я со своими коллегами долгое время обсуждал это, — сказал он. — Мы согласились единодушно в том, что некоторые взгляды и мнения совершенно не представлены в Тайном Совете. Короче говоря, мы ощущаем недостаточно полную осведомленность.

Пойндекс приподнял бровь — первое проявление его эмоций. Видимо, потому, что глава разведки понятия не имел, куда клонит Кайс. Он немного раздраженно заставил свою бровь встать на место, словно кот, расправляющий сердито вздыбленную шерсть.

Кайс остался доволен. Пойндекс подвластен контролю. Все в порядке.

— А что бы вы сказали, — произнес Кайс, — если бы я предложил вам стать шестым членом Тайного Совета?

И с удовольствием наблюдал, как мастер шпионажа, разинув рот, стал похож на вытащенную из воды рыбу!

ГЛАВА 16

Сэр Эку парил над кромкой озера. Солнце было жарким, и восходящие потоки влажного воздуха от мемориала бхоров позволяли ему летать без особых усилий: легкое подрагивание крылышками для устойчивости, взмахи кончиком трехметрового хвоста для того, чтобы не терять из вида маленькое существо, прогуливающееся перед ним по траве.

В большинстве других случаев манаби в аналогичной ситуации был бы счастлив. Теплый воздух и солнце очень приятны, вид кругом — великолепный. Он оценил — как это может только манаби — контраст своего темного тела с красными крыльями и снежно-белыми чувствительными усиками на фоне зеркальной поверхности озера с берегом из мелких камешков и густыми сине-зелеными лужайками.

Сэр Эку весьма неохотно согласился на эту встречу. По его мнению, дальнейшее сотрудничество с любым из выживших заговорщиков не только бессмысленно — быть свидетелем трагического провала маршала Махони, — но и чрезвычайно опасно. Однако отказаться от приглашения было так же, если не более, рискованно.

Одно неосторожное слово от заговорщиков, умышленно или совершенно случайно оброненное, может впутать в это дело и манаби, независимо от их роли в предыдущем заговоре. Нетрудно вообразить, какова будет реакция Тайного Совета. А именно воображение приносило манаби самую большую радость — и самые крупные неприятности.

Стэн прилагал все силы, чтобы выглядеть невозмутимым и ни в коем случае не показать собственной неуверенности, хотя чего-чего, а этого было предостаточно. Он уже угрохал неделю на предварительные переговоры с сэром Эку. Дипломатия — безумно сложное искусство. Все, что знал и умел Стэн, пришлось пустить в дело. Первые дни они без конца прощупывали друг друга, ходили кругами, осторожно пытаясь сблизиться. Уйма дискуссий — и ни одна из них не затрагивала существа вопроса.

Уверенности в своих силах не способствовал и тот факт, что Стэн имел дело с самым выдающимся и опытным дипломатом из расы эфирных существ, которые, даже еще не выйдя из детского возраста, считаются виртуозами по уклонению от прямых вопросов.

Перед приездом сэра Эку Стэн много советовался с Килгуром и Махони. Даже теперь два его друга прикладывали все усилия, чтобы запустить основную часть плана

в действие. Оружие, амуниция, топливо и запасы были давно собраны. Бхоры все знали назубок, а терпение Ото подходило к концу. Когда Стэн произнес «готовь корабли», то вкладывал во фразу довольно символический смысл. К тому времени, когда он объяснил это понимавшему все буквально вождю бхоров, Ото уже был готов срываться с места с горсткой бесшабашных головорезов и на первом попавшемся кораблике мчаться в бой.

Самоубийство — это больно, убеждал его Стэн. В конце концов до воинственных бхоров что-то дошло, и они чуть-чуть успокоились.

Стэн почувствовал большое облегчение, когда удалось разыскать Махони. После семидесяти пяти лет работы шефом корпуса «Меркурий» Яну не составляло большого труда на много шагов опережать своих преследователей.

Махони не сидел на месте. На несколько дней он «ложился на дно» в тщательно выбранном укрытии, затем выныривал, чтобы оглядеться и узнать, что происходит, и снова переезжал, пока не возникли подозрения. Когда наконец Стэн и Алекс нашли его с помощью старого приятеля-контрабандиста Ена Вайлда, их бывший шеф сменил уже больше десятка укрытий и легенд. «Чем чаще передвигаешься, — всегда говорил Ян, — тем меньше подлинности требуется от фальшивых документов».

Бывший командир Стэна тотчас увидел ценность его плана. Ключевыми фигурами здесь были манаби с их незапятнанной репутацией и честностью. Без их согласия план будет иметь намного меньше шансов на успех. Однако, в свете предыдущего катастрофического поражения, Махони убедил Стэна самому вести переговоры; он, мол, может вступить в игру позже. Стэн согласился — скрепя сердце. В одном он не сомневался: каков бы ни был результат, он не откажется от своего плана. И все же сэр Эку отчаянно нужен.

Сегодня настал решающий день. Все или ничего. Цель его была проста и не требовала абсолютной победы. Достаточно вбить клин и открыть такую щель, чтобы проблеснул лучик удачи.

Для решения поставленной задачи Стэн видел только один путь. Во-первых, надо привлечь внимание манаби.

Еще подходя, он сделал приветственный жест и опустился на колени в траву. Затем разместил на земле маленький черный кубик, аккуратно сдавил его грани и отодвинулся назад.

Кубик начал раскрываться. При этом воздух всколыхнулся — сэр Эку подлетел поближе, невольно заинтригованный.

Стэн не поднял глаз. Вместо этого он продолжал увлеченно следить за разворачивающимся кубом. Представление начинается, господа!

Куб превратился в небольшой голографический дисплей: очень близкая к реальной жизни форма искусства, которой Стэн увлекался большую часть жизни. То, что он выбрал в качестве подарка для дипломата манаби, не являлось в полном смысле слова шедевром. В свое время Стэн воспроизводил целые древние города и заводы, с движущимися рабочими и жителями, проживавшими свои запрограммированные жизни. На создание же этой голограммы ушло не более шести часов, хотя, конечно, Стэн был уже большим мастером в своем хобби.

Нельзя сказать, что самая сильная сторона голодисплеев — изощренность или точное копирование действительности. Иногда они привлекают формами и красками, гармоничностью движений, потаенным смыслом...

В подарке для сэра Эку не было ни первого, ни второго, ни третьего.

Кубик исчез, и на его месте появилась лужайка — своеобразная арена, окруженная деревянными скамьями, на которых сидели толпы аплодирующих зрителей. Они были одеты в земные костюмы начала двадцатого века, и, если прислушаться, можно было услышать их комментарии. По толпе туда и сюда сновали торговцы, предлагавшие самые разнообразные угощения и напитки. Тут и там проказничали компании маленьких оборванцев. Но все это было пустяком по сравнению с маленьким странным предметом, который возник в центре.

Внезапно предмет вздрогнул и выплюнул облачко дыма. Последовало отрывистое «Трах-тах-тах».

Стэн почувствовал, что манаби еще приблизился. Чувствительные усики пощекотали его плечи, когда сэр Эку почти уселся на него, чтобы лучше видеть происходящее.

Услышав первые звуки, подростки перестали безобразничать и помчались к заборчику, окружавшему поле.

Еще одно «Трах-тах-тах» — и все стало понятнее. Старинный летательный аппарат готовился подняться в воздух. Спаренные крылья были соединены стойками, короткими и толстыми. Прочный маленький пропеллер спереди. Крошечный пилот сидел в открытой кабине. Такой же маленький механик в комбинезоне крутанул руками пропеллер. Когда раздался очередной грохочущий звук, механик отскочил в сторону. Пропеллер продолжал вращаться, а двигатель вначале чихал и распространял запах касторового

масла. Затем звук мотора стал ровнее, механик выдернул из-под колес «башмаки», и самолетик двинулся по полю.

Внезапно раздался рев, и аппарат рванулся вперед. Взлетной полосы машине, чтобы покинуть стадион, явно не хватало. Стэн почувствовал напряжение крылатого существа за его спиной. Пилот дернул штурвал на себя, и самолет резко взмыл. Толпа облегченно вздохнула.

Стэну показалось, что нечто похожее он услышал и за своею спиной.

«Давай-давай, сэр Эку! — подумал Стэн. — Ты же еще ничего не видел. Самое интересное впереди».

Пилот биплана начал свое бесстрашное действо с серии виражей, петель и бочек.

— Это же невозможно на такой машине! — услышал Стэн шепот сэра Эку. Он ничего не сказал в ответ.

Затем самолет вошел в длинное пике — прямо к самой земле. Толпа зевак пронзительно завизжала от ужаса. Сэр Эку, которому о гравитации было известно буквально все, помочь ничем не мог, но затрепетал крылышками. Он подал свое тело еще на несколько сантиметров вперед. А биплан все падал и падал. В последний момент, когда сэр Эку уже просто не мог безучастно наблюдать, пилот вышел из пике, почти чиркнув крыльями аппарата по земле.

Толпа облегченно загудела, затем гул перешел в бурную овацию.

— Замечательно! — выдохнул манаби.

Пилот приветствовал своих поклонников очередной продолжительной серией переворотов, петель и виражей. Затем полет стабилизировался, и звук мотора изменился. Самолет прочертил по небу грациозную дугу. За ним струился белый дым. Постепенно хвост дыма превратился в четкую картину. Надпись на небе!

— Что он говорит? — Сэр Эку уже был эмоциональным пленником Стэна — по крайней мере в конце представления. Стэн опять промолчал.

В конце концов пилот сделал свое дело. Дымовые буквы висели над полем, подобно высоко летящему стягу. И вот что было на нем начертано:

ЛЕТАТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ
В ВОЗДУШНОМ ЦИРКЕ.

Стэн быстро шагнул вперед и сдавил бока дисплея; он снова стал черным кубиком.

— Ну, что скажете?

— Они действительно это делали? — спросил сэр Эку.

Ответа он не ждал. — Вы знаете, я никогда раньше не

задумывался — какой трагизм из-за ошибки генов быть прикованным к земле!.. Боже, как отчаянно они хотели летать!

— Существа всегда готовы идти на большой риск, — сказал Стэн, — ради глотка свободы.

Манаби долго молчал. Взмах крыльев — и сэр Эку отправился в долгое, медленное скольжение над водой. Стэн знал, что он всматривается в имена на блестящем дне озера, имена навечно приземленных бхорами. Еще один взмах, и дипломат пустился в обратный путь.

— Где вы это взяли? — спросил Манаби.

— Сделал, — ответил Стэн. — Это всего лишь кино. Но забавное.

— Когда?

— Прошлой ночью.

— То есть вы действительно сделали это для меня... — Это был не вопрос, а констатация факта.

— Да.

Манаби помолчал.

— Ах... — проговорил он наконец. — Что ж, приступим. Отличное начало, адмирал.

— Спасибо. И вы правы, приступим. Но прежде позвольте сделать маленькую преамбулу. Честно говоря, я приготовил целую речь — в духе лучших дипломатических традиций. А потом решил: к черту! Я должен говорить только то, что думаю.

— Продолжайте.

— Между нами существует некая двусмысленность. Вот уже неделю я пытаюсь сообразить, как бы иносказательно донести до вас свой план. А вы пытаетесь сообразить, как найти наилучший способ отказать мне. Другими словами, мы оба прикованы к земле и ни один не делает ни малейшего движения вперед, не говоря уже о том, чтобы взлететь над стадионом.

— Совершенно точно.

— Но дело в том, — медленно произнес Стэн, — что вы более приземлены, чем я.

Манаби сделал удивленный жест.

— Видите ли, с моей точки зрения, вам не дает покоя наша предыдущая акция. Вы не можете избавиться от мысли о ней. Что, если мы собираемся вас шантажировать? Занесем, так сказать, дубинку, чтобы добиться вашего согласия?

— А вы... собираетесь?

Стэн не спешил отвечать на вопрос сэра Эку.

— Нет. — сказал он наконец решительно.

— Вы говорите за всех?

— Да.

— Почему вы так... великодушны? Или это временно?

— Если мы проиграем, в дерьме будет каждый. Включая даже сторонников Тайного Совета... Нет, решение не временное. Но главный мой довод — это преданность. Однажды вы уже оставили свою нейтральную позицию, чтобы поддержать Императора. Вот почему вы вообще не уклонились от встречи с Махони, когда он к вам пришел. Из той же преданности. В самом деле, сейчас для нас самое лучшее — это логика. Та самая логика, которая однажды уже привела вас на сторону Императора. Понимание того, что любое будущее без него невозможно, позволило вам поддаться на уговоры Яна. Разве не так?

— Согласен.

— Теперь вы увидели, что план Махони рухнул. Печально. Между тем по всей Империи устраиваются облавы — для сканирования мозгов и последующей бойни. Не удивительно, что вы боитесь иметь дело с нами. Я бы тоже боялся.

— Вы приводите гораздо лучшие аргументы в мою пользу, чем в вашу, — заметил сэр Эку. — В моем понимании это означает: вам есть что сказать.

— Вы правильно поняли, — кивнул Стэн. — Начнем с того, что последние события — это мое поражение. Мое, а не Махони. Да, он осуществлял общее руководство, но именно я, как дурак, вовремя не отступил. Провалил план я, а не маршал Ян Махони.

— Замечательно, что вы взваливаете вину на свои плечи, но это только усиливает мои сомнения; похоже, и встреча с вами — большая ошибка. Есть ли у вас — как это вы любите выражаться — туз в рукаве?

— Может быть. А может, и нет. Все, что у меня сейчас в действительности есть, — это ваше внимание. Позвольте сказать вам, что произойдет дальше, если вы будете продолжать сидеть за вашим забором. Мы-то обо всем забудем. А вот Тайный Совет? Сколько времени пройдет, пока их параноидальная месть не доберется до манаби? Кроме того, ситуация с АМ-2 становится все хуже и хуже. Скоро они станут искать новые возможности. Хондзо — это только начало, за ними последуют другие. Как много АМ-2 хранится на складах в вашей системе? Достаточно, чтобы соблазнить Совет?

Сэру Эку отвечать было не обязательно. Они оба прекрасно знали, что топлива у манаби более чем достаточно.

— Сумеете вы остановить их? Есть у вас для этого необходимые средства, не говоря уже о духе? Подчеркиваю: я говорю не о смелости, а именно о духе. Сможете ли вы уйти в подполье все до единого, зарыться в землю,

умирать за каждый квадратный сантиметр родной территории? Способны ли вы на это? Готовы ли?

И опять ответа не требовалось. Манаби были дипломатами, а не воинами.

— Что же вы предлагаете? — спросил сэр Эку. Это не означало, что он уже готов на все, он просто хотел выслушать Стэна. Но теперь, когда Стэн видел, как манаби потянулся за приманкой, он решил немного подразнить его, не торопиться снимать с крючка крупную рыбу.

— Я хочу, чтобы вы только наблюдали и ждали. Мне надо кое-что сделать. Потом я смогу доказать вам, что у нас есть и средства, и дух. А взамен...

— Ну, говорите!

Клюет! Сэр Эку попался.

— А взамен я хочу, чтобы вы нашли возможность встретиться со мной еще раз. Или с Махони. Возможно, я буду занят. Тогда вместо меня придет Ян. Если вы не против. Хотя бы на это вы согласны?

Ну как мог сэр Эку отказать? Не мог.

Вместо этого он попросил еще раз включить голодисплей. Ему не терпелось посетить воздушный цирк, где летать мог каждый.

Все получилось в точности так, как предсказывал Стэн. Не успел сэр Эку возвратиться домой, как нашел там просьбу встретиться с членом Тайного Совета. В действительности даже не просьбу, а ультиматум.

Члены Тайного Совета пространно обсуждали, как им договориться с манаби. Они до сих пор ни в чем их не подозревали. Но идущие чистки и затянувшееся вторжение на суверенную территорию хондзо произвели шум по всей Империи. Совету позарез нужно было привести все в порядок, успокоить общественность, по крайней мере хоть на время. А чтобы сделать это, им нужна была поддержка Манаби. Очень нужна.

Разгорелся небольшой спор, кого послать на встречу. Сперва оптимальной казалась кандидатура Мэлприн, поскольку у нее были удивительные дипломатические способности — по крайней мере, удивительные для промышленника. Но даже она видела здесь большие трудности. Если сэр Эку почувствует хоть малейшую их слабость, дело пропало, сказала Мэлприн. Выступать необходимо с позиции силы. Тут им пригодится мастер подводить итоги.

И они послали Ловетта.

Ловетт преднамеренно избрал для встречи маленький запущенный парк. Здесь было мало места для ма-

невров грациозного манаби, и дипломат с трудом преодолел забор; тут же частицы пыли и грязи стали оседать на его чувствительных усиках.

Ловетт выжидал, пока сэру Эку действительно станет не по себе. Здоровый черный блеск тела манаби стал серым, приятный красноватый оттенок перешел в болезненно-оранжевый. Только тогда Ловетт обратился к нему.

— Мы хотим получить от вас заявление, — начал он. — У меня с собой копия того, о чем идет речь. Подпишите документы прямо сейчас. Прочитать можете их позже, на досуге.

— Очень заботливо с вашей стороны, — сказал сэр Эку.— Но хотелось бы знать, что именно мы должны одобрить.

— Дело касается убийства и заговора. Сами понимаете. Вы должны осудить это. Ну и так далее.

— Это мы действительно осуждаем, — согласился сэр Эку.— Тревожит как раз «и так далее».

— О, там сущая ерунда. Список виновных. Призыв к их осуждению. Вот так. Да, и еще... Хондзо. Мы надеемся, что все здравомыслящие существа поддержат наши усилия по захвату АМ-2. И не позволят дикарям иметь такие запасы топлива, чтобы делать с ними что угодно и когда угодно. Я считаю, что наши действия вполне законны. Нам принадлежат права на АМ-2. Поэтому мы имеем право следить, чтобы запасы его использовались правильно.

— Понимаю, — сказал манаби. Конечно, он и в самом деле все понял.

— Теперь все ясно? Вопросы будут? — Тон Ловетта был угрожающим, намеренно. Он безошибочно давал понять, что произойдет, если сэр Эку откажется. — Мои друзья по Тайному Совету должны точно знать, кто на чьей стороне находится. Времена сейчас крутые. И действия тоже потребуются крутые. Вы либо с нами, либо с хондзо. Договорились?

Сэр Эку не считал, что они договорились. Однако было бы достаточно глупо признаться в этом. Поэтому он предпочел объяснить. К сожалению, торопясь на встречу, он позабыл захватить с собой официальную санкцию его собственного правительства. Это ужасная промашка с его стороны. Но такая формальность необходима. Он ведь пока не может официально говорить от имени всех манаби. А разве не этого хочет Ловетт?

— Да. Я хочу, чтобы все было законно. Чтоб не осталось ни одной лазейки, которой могли бы потом воспользоваться подлые законники! Хорошо. Доставайте все бумаги, которые вам необходимы, делайте все, как положено. Только быстро. Я ясно выражаюсь?

Сэр Эку ответил, что Ловетт формулирует свои мысли совершенно недвусмысленно.

Ультиматум Тайного Совета поставил Махони в положение, как выразился Килгур, «дрозда на ветке». Если Ян еще смутно догадывался, что такое «дрозд», то уж не имел совершенно никакого представления, на каких ветках любит сидеть эта птичка. Впрочем, кое-что стало ясно, когда на встрече с манаби обошлось без недельных предварительных преамбул.

Сэр Эку прибыл точно в назначенное место. Без предисловий он заявил, что требования Ловетта зажали народ манаби между скалой и твердой поверхностью. Оба выбора были неприемлемы.

Ян не сказал: «Мы вас предупреждали». Не стал он и занимать время сэра Эку соответствующими утешениями. Вместо этого он был так же прям, как и манаби. И сразу обрисовал в общих чертах главный план Стэна.

Молодой адмирал задумал суд над убийцами. Суд этот надлежало провести независимому трибуналу, состоящему из наиболее уважаемых существ в Империи. Благонадежность в прошлом каждого из представителей должна быть вне всяких сомнений. Для того чтобы гарантировать правомочность всех действий суда, Стэн предложил сэру Эку выступить в роли независимого эксперта. Ему одному позволялось профессионально оценивать, что улики и свидетельские показания безупречны. Во время работы суда Стэн и Махони приложат все усилия, чтобы обеспечить безопасность каждого из членов трибунала.

— Насколько возможно это сделать? — спросил сэр Эку.

— Полной безопасности гарантировать нельзя. Поэтому я и сказал: приложим все усилия. Не более того.

— Что ж, понятно, — сказал сэр Эку. — И справедливо.

Махони не удивился ответу. Он предлагал намного более надежные гарантии, чем та, что дана Тайным Советом.

Затем Махони сказал, что они со Стэном позаботятся о том, чтобы все детали процесса освещались настолько широко, как это только возможно. Именно Стэн предложил, чтобы каждый — не важно, далеко или близко он находится — имел бы возможность ознакомиться с беспристрастными подробностями судебного разбирательства. Ну и, разумеется, Тайный Совет также сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать такой открытости.

— Вы дадите им возможность защищаться? — спросил сэр Эку.

— Да, конечно.
— А если они откажутся?
— Что с того?
Сэр Эку на мгновение задумался.
— Да, действительно.

Разумеется, что, если трибунал объявит обвинительный вердикт, это еще не будет означать, что члены Тайного Совета смиренно отдадутся в руки своих тюремщиков. Здесь Стэн стремился добиться морального перевеса. Корректно проведенное решение суда пробьет так много дыр во власти Тайного Совета, что все союзники от них отвернутся. Что им мог предложить Совет, кроме АМ-2? Да и это добыть ему оказалось не под силу.

— А кто будет выбирать членов суда? — спросил затем сэр Эку.

Махони ответил, что только манаби обладают достаточным авторитетом. То же самое касается и механики встреч с потенциальными членами суда. Сэр Эку должен попытаться тайно облететь одну систему за другой и при этом не оставить никаких следов. Ему предоставляется полная свобода действий, не только из соображений справедливости и секретности, но еще и по чисто практическим причинам. Кто еще, в отсутствие Вечного Императора, обладает опытом в делах подобного рода?

У сэра Эку были свои соображения по поводу Вечного Императора, но он не стал делиться ими с Махони. Как бы он был удивлен, если б узнал, что и Махони думает о том же.

Когда Манаби был склонен согласиться, Махони мысленно прошелся по второй части плана Стэна. Он не стал объяснять, почему на встрече отсутствует Стэн. И хранил молчание не из-за недоверия, а руководствуясь старинным непререкаемым правилом корпуса «Меркурий»: «Знать только необходимое». Кроме того, Махони не был уверен, что сэр Эку согласится с ними, знай он о миссии Стэна. Если Стэн и на сей раз проиграет, шансов не будет никаких, а независимый трибунал станет пустым звуком.

— И последний вопрос, — промолвил сэр Эку. — Какова юридическая основа этого трибунала? Что делать, если мы не сможем найти подходящие законы?

— Ничего, — сказал Махони. — Стэн знал, что вы спросите об этом. И попросил передать вам, что и понятия не имеет, что тогда делать. В нашей команде нет имперских ученых-юристов.

— В самом деле, нет, — согласился сэр Эку. — Мои трудности сейчас в том, что я не могу предста-

вить себе обстоятельств, в которых Император позволил бы такому случиться. Он никому бы не разрешил править таким образом. И трудность в том, что Совет правит именем Императора. С теми же самыми законами.

— Ну, не знаю, — сказал Махони. — Наша Империя так стара, что нечто подобное наверняка хотя бы раз уже происходило.

— Думаю, вы правы, — кивнул сэр Эку. — Тогда все, что нам нужно... Очень хорошо. Так и сделаем.

Маршал флота Ян Махони почувствовал огромное облегчение, словно большой груз упал с души.

Они с манаби обдумали еще кое-какие детали, и настало время расходиться. На прощание сэр Эку произнес фразу, которая озадачила и сперва встревожила Махони.

— Да... Вот еще что. У меня есть просьба для вашего молодого адмирала.

— Какая?

— Передайте ему, что мне бы хотелось встретиться с ним еще раз. Независимо от результатов его миссии. И я надеюсь, что есть все-таки место, где все могут летать.

— Он поймет? — удивленно спросил Махони.

— О да... Он поймет.

ГЛАВА 17

Человек, который называл себя Рашидом, всматривался в объявление: «Нужен опытный повар. Работы много, плата низкая, работа тяжелая, еды навалом».

Рашид слабо улыбнулся. По крайней мере написано честно.

Вывеска над ветхим зданием сияла разными цветами, и каждый из них до боли бросался в глаза: «ЧАЙНАЯ-СТОЛОВАЯ «Последний выхлоп». Владелец — ДИНГИСВАЙО ПЭТТИПОНГ».

Троица крепко поддавших космоплавателей вывалилась из двери соседнего бара и побрела, шатаясь, по разбитому пластиковому тротуару. Рашид вежливо улыбнулся и уступил дорогу. Один из троих виновато взглянул на него, но прошел мимо.

Его улыбка стала шире, когда донесся знакомый вой драйва Юкавы с корабля, поднимавшегося над полем прямо за изгородью. Водитель продуктовых саней был прав — космопорт полон кораблей, которые долгое время не

взлетали и, похоже, никогда уже не взлетят. Но транзитные корабли все же проходили.

Рашид вошел в забегаловку. Кроме десятка столов, стойки бара и очень маленького смуглого человечка, в зале ничего не было.

— Сэр Пэттипонг?

— Ты из полиции?

— Нет. Я ищу работу.

— Повар?

— Да.

— Нет. Ты не повар. Разве может быть повар, где никто не может ножом пользоваться! Слишком здорово для этой глуши повара иметь.

Рашид не отвечал.

— Где ты работал раньше?

Рашид пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Пэттипонг кивнул.

— Может, и повар. Повар никогда не говорит, где работал. Мало ли... Жена... Дети... Выпивка... Полиция... Ладно, пошли. Посмотрим.

Владелец провел Рашида на кухню, пристально наблюдая за его реакцией.

— Да. Я все это построил для хоро-о-о-ошего повара. Книдарианца. Работал тут два... Нет, почти три года. Ушел потом. Оставил меня тут с ванной на кухне.

Книдарианцы были разумными водными полипами, похожими на кораллы. Поэтому Пэттипонг и выстроил специальную кухню в виде пустовавшей теперь огромной ванны, окруженной всеми необходимыми приспособлениями.

— Нехорошо. Взять хорошего повара знаешь как трудно!

Рашид вскарабкался по лесенке в бассейн.

— Жарь пару яиц. Совсем просто, — приказал Пэттипонг.

Рашид включил плиту и поставил сковородку на огонь. Смазал сковороду рафинированным маслом из горшочка, стоявшего по соседству, выхватил — одной рукой! — два яйца из другого горшочка и неуловимым движением разбил их на сковородку, отбросив скорлупки.

Пэттипонг невольно одобрительно кивнул.

Рашид убавил огонь и подождал, пока яйца на сковородке зашипят. Хозяин пристально следил за его руками. В нужный момент Рашид резко взмахнул сковородкой. Яйца плавно перевернулись не зажаренной стороной вниз.

Пэттипонг улыбнулся.

— Ты повар! Никто так правильно теперь не умеет!

— Желаете что-нибудь, кроме яиц?

— Нет. И яиц не хочу. Терпеть не могу яйца. От яиц я постоянно... — Он неопределенно похлопал руками по заднице. — Все их любят. А я только подаю. Все, у тебя есть работа. Ты теперь повар.

Рашид оглядел грязноватую кухню.

— Готовить потом. Завтрак через час. Чистить сперва. — Он, казалось, уже перенял обороты речи Пэттипонга.

Пэттипонг задумался, затем тряхнул головой.

— Теперь чистить. Готовить потом. Я помогу.

Так зародилась легенда о «яйцах по-пэттипонгски».

Пэттипонг назвал это блюдо в меню яйцами по-императорски. По какой-то причине название взволновало Рашида. Он мягко возразил. Пэттипонг приказал ему возвращаться на кухню.

— «Императорские»... хорошее название... Таиланд... Император... Императорские слоны...

Началось все со скуки. На завтрак посетителей почти не было, а до обеда оставалось несколько часов. Рашиду не настолько хотелось спать, чтобы возвращаться в крошечную комнатушку для отдыха, к выпивке его не тянуло, гулять тоже было лень. И тогда он стал заниматься выпечкой.

Рашид к выпечке относился примерно так же, как Пэттипонг к яйцам. Чертовски непредсказуемая штука! Никогда точно не сообразишь, какие ингредиенты нужно изменить, чтобы приспособиться к температуре, влажности и атмосферному давлению, и почему вдруг караваи получаются пресными и безвкусными.

Но во всем бывают исключения; так получилось и на этот раз.

Еще за неделю или около того он замесил тесто — теплая вода, мука, немного сахару и дрожжей — и оставил подходить в неметаллической посуде.

Это было основой того, что называлось английскими булочками. Делать их совсем несложно. Примерно на каждые восемь булочек доводишь чашку молока до кипения, добавляешь щепотку соли, чайную ложку сахара и две чашки бисквитной муки. Взбив все это как следует, Рашид дожидался, пока объем не увеличится вдвое, потом добавлял еще одну чашку муки и позволял тесту снова подняться.

Открытые с обоих концов цилиндры наполнялись тестом примерно до половины. Рашид предпочитал не упоминать, что эти короткие цилиндры были использованными консервными банками с едой для домашних животных; даже в этой дикой глуши кто-то мог бы брезгливо скривиться.

Он смазывал маслом нагретый противень и ставил на него цилиндры. Как только тесто в открытом конце цилиндра подрумянивалось, переворачивал цилиндры и, когда тесто поджаривалось с другого конца, вынимал формы из печи, обжигая при этом пальцы.

Рашид еще добавлял масла и ждал, пока булочки почти почернеют, прежде чем выложить их на стеллаж и остудить.

Следующим его изобретением была прекрасная копченая ветчина, нарезанная тоненькими ломтиками и вымоченная в винно-масляном соусе.

— Самое лучшее — это ветчина с Земли. Из Вирджинии. Или из Керри.

Пэттипонг изумленно выпучил глаза.

— Вот уж не знал, что ты и на Земле бывал!

Рашид запнулся.

— А я... собственно, и не был. Просто так думаю.

Потом вдруг сам выпучил глаза.

— Как же так, Дингисвайо? Ты сейчас говорил...

— Нормально, да? Случайно сорвалось. Столько тут трудностей. Как с яйцами. Обстановка сложная. Кроме того... меньше говоришь, люди думают, ты не понимаешь. Сами говорят больше.

— Здесь, — сказал Пэттипонг, жестом показывая вокруг и вновь переходя на обычный язык, — не помешает любое, пусть самое маленькое, преимущество.

Это было правдой. Хотя движение в космопорте почти замерло, оставались еще портовые грузчики, пилоты, проститутки...

И каждый день всякие негодяи искали приключений. Приключения же часто состояли в том, чтобы выпустить кому-нибудь кишки в сточной канаве. Пэттипонг всегда держал длинный, остро наточенный нож без ножен под кассовым аппаратом.

Рашид вернулся к своему творчеству. Вымоченная ветчина кладется в горячую печь. У него был лимонный сок, красный перец, щепотка соли и три яичных желтка, ждущие своей очереди в миксере. Рашид растопил в маленькой кастрюльке масло, а затем будто включил какой-то таймер в голове. Поджарить булочки. Яйца — в кипящую воду. Булочки — готовы. Ветчину положить на булочку. Ровно две с половиной минуты — и яйца шлепнуть на ветчину.

Он включил миксер и влил растопленное масло в приготовленную смесь. Сосчитал до двадцати, выключил миксер и готовый голландский соус вылил поверх яиц.

— Вуаля!

Пэттипонг осторожно попробовал.

— Неплохо, — неохотно признал он. — Но все равно яйца!

Рашид испытал свое блюдо на посетителе — пилоте, который был достаточно пьян, чтобы стать подопытным кроликом. Мужчина попробовал, удивился, мигом умял тарелку и заказал вторую. Он клялся, что это сразу отрезвило его, и готов был все начать сначала.

— Прямо как пилюли от похмелья! Великое открытие. Лекарство новое. Ты это... продавай наложенным платежом.

— Ладно, будет тебе, — фыркнул Рашид.

Пилот пришел на следующий день — с шестью товарищами.

Потом в столовую повадилась ходить портовая полиция. Рашид почему-то чувствовал себя неуютно, сам не мог понять почему. Ели они, конечно, «на халяву».

Рашид приступил и к другим блюдам, которые он называл «чили» и «цыпленок-табака». Он убеждал Пэттипонга, что посетителям нужно больше, чем стандартные блюда космопортовской забегаловки.

— Ты говоришь. Я слушаю. Я делаю кэрри. Как моя мама делала. Посетитель пробует — я радуюсь. Месть за трепотню.

Кэрри Пэттипонга могло бы и не быть таким жгучим, но все же и его оценили по заслугам.

— Знаешь, почему я тебя послушал? — спросил Пэттипонг. И показал рукой за раздаточное окошко.

Рашид выглянул. Зал был полон. Пэттипонг выставил столы и стулья даже на тротуар. Рашид и раньше замечал, что работы у них прибавилось, но и представить себе не мог, что до такой степени. Изменился и контингент. По-прежнему заходили драчуны и скандалисты, но появились и костюмы, а также роскошная униформа портового начальства. Были здесь даже оранжевые робы членов секты Вечного Императора. Почему-то Рашид опять почувствовал себя неловко, как и с полицейскими, и тоже по совершенно непонятной причине.

— Наш «Последний выхлоп» — теперь бойкое местечко. Пока. Потом они найдут новое место. И раньше было так. И опять будет. Надо придумать что-то еще. Знаешь... Эти люди хотят... Такие насекомые, что ли... Над цветочками летают. Пропадают потом.

— Может, бабочки?

— Ты что, бабушки не летают!.. Хватит шуток. За работу.

И Рашид вернулся к плите. Очередной заказ на проклятые «яйца по-императорски». Похоже, он начинал разделять отвращение Пэттипонга.

Рашид был доволен, что Пэттипонг богатеет, но его самого деньги нисколько не интересовали. Он... словно чего-то ждал.

Кого? С какой целью? Кабы знать...

Процветание их предприятия заметили и другие.

Был поздний вечер. «Последний взрыв» открывался рано и закрывался поздно — но это было уже слишком: посетители в полночь!

Рашид чертовски устал. Он только что закончил возиться с печкой, сейчас надо все хорошенько почистить, убрать — и к себе в комнатушку, умыться, хлопнуть стаканчик да и рухнуть на постель без сил. У них появился новый работник — пекарь, один из бесчисленных родственников Пэттипонга, — однако Рашид считал, что выучить его печь труднее, чем безногого научить танцевать.

Из зала донесся шум спора. Наверное, снова ограбление. На такой случай Пэттипонг держал на виду фиктивную кассу; на самом деле почти все деньги немедленно поступали в надежно запрятанный сейф. Проще добровольно отдать несколько долларов из кассы, чем вступать в драку. И значительно безопаснее. На следующее утро Пэттипонг обратился бы в портовую полицию, и та без труда нашла бы грабителей и возместила бы ему убытки. Или хотя поотбивала бедолагам руки-ноги.

Но тут ситуация была иной.

Рашид прихватил здоровенный тесак, положил его на полку у выхода и заглянул в зал. Он мигом понял — сам не зная почему — что произошло. Четверо громил. Фальшивые улыбки и явные угрозы.

Он шагнул к Пэттипонгу.

— Пошел вон, поваришка. Это не твое дело, — буркнул один из грабителей.

— Защитнички? — спросил Рашид, не обращая внимания на угрозу.

Пэттипонг кивнул.

— Мы платим. Нас не трогают. Мебель не ломают. Посетителей защищают.

— Связаны с серьезным рэкетом? — спросил Рашид.

— Эй, ты! Тебе же сказано: уматывай отсюда!

— Я их раньше не видел. Нет, не связаны. Старый босс в тюрягу залетел. Новые между собой грызутся.

— Хорош болтать! Мы тебе предложили. Умные люди соглашаются.

Пэттипонг взглянул на Рашида.

— Как думаешь, заплатить?

Рашид медленно покачал головой. Он неожиданно схватил тяжелый стеклянный горшок с кипятком и выплеснул его в лицо ближайшему громиле. Пэттипонг приложил второго — здоровенного двухметрового детину — по зубам. Тот грохнулся плашмя.

Третий грабитель схватил стул. Стул взлетел верх... Рашид поднырнул под него, ударив противника головой. Тот бросил стул и согнулся. Рашид двойным ударом по шее свалил его.

Пэттипонг наполовину вытащил свой длинный нож — и тут правила игры изменились. Рука четвертого грабителя скользнула за пояс. Пистолет.

Рашид резко повернулся вправо. Два шага назад по направлению к кухне. Дотянулся рукой до полки. Повернулся... Ствол пистолета поднимался, палец тронул спусковой крючок. Рашид взмахнул тесаком.

Нож вошел в голову бандита с тупым звуком, похожим на удар по трухлявой деревяшке.

Пэттипонг кинулся к двери.

— Только не в полицию! — предостерег его Рашид.

Пэттипонг вернулся в зал. Голова его нервно подергивалась.

— Это нехорошо.

— Они ведь тоже...

— Ты не понял. Не то плохо, что он убит. Плохо, что неаккуратно. Грязно. Тебе два-три часа на уборку. День долгий был. Я спать. — Пэттипонг шагнул к видеофону. — Позвоню брату. Возьмет тела. Оставит где-нибудь у полиции под носом. Пусть эти трое потом объясняют наличие четвертого.

Он пробежал пальцами по клавишам видеофона.

— А ты неплохой боец. Для повара.

Рашид уставился на стонущих людей и на то, что только что было человеком. Он снова почувствовал... почувствовал в себе словно постороннего наблюдателя. Он уловил... Оставь, какая разница.

Рашид взялся за уборку.

Два человека сидели у стойки Пэттипонга, оба одетые в то, что после чистки, штопки и глажения можно было бы с натяжкой назвать формой.

Один из них, судя по всему — бывший капитан со следами золотой ленточкой на фуражке. Рашид заметил, что от времени ленточка позеленела, даже почернела и выглядела так, будто обросла ракушками. Этакое малень-

кое существо, похоже на кролика, с дергающимися кроличьими повадками.

Другой тип, большой и неуклюжий, с потертыми нашивками корабельного офицера на рукаве. На плече у него Рашид разглядел еще одну нашивку: «Гороховые линии».

Оба пили кофе и спорили. «Капитан», если он и в самом деле был капитаном, с нежностью вглядывался в батарею бутылок со спиртным за стойкой бара. Его напарник тряс головой. «Кролик» вздыхал и жалобно что-то бормотал. Рашид смог разобрать лишь крохи из того, что он говорил.

— Команда неполная... проклятый агент... реактор протекает... груз арестован... о клиенте вообще никогда не слыхал. Нехорошо, старший помощник. Все нехорошо.

Рашид, будто бы намереваясь протереть стойку, подошел поближе.

— Контракт надежный? — спросил старший помощник.

— Утром получил аванс, — неохотно проговорил «кролик».

— Тогда чего волноваться? Грузовики с гарантированным топливом придут, кэп. И какая разница, что мы перевозим?

— Ни к чему, чтобы в конце карьеры меня взяли на перевозке контрабанды.

Помощник вгляделся в шефа.

— Карьеры? Какой карьеры?.. Пэттипонг! Еще кофе!

Пэттипонг наполнил чашки.

— Где тут у вас лучше всего найти работников, если что?

— Для вас? Для вашей компании? Наверное, в портовой тюрьме.

— Спасибо, Пэтти. Ты мне тоже нравишься.

— А какие вакансии у вас есть? — спросил Рашид.

Помощник внимательно всмотрелся в Рашида.

— Механик. Повар-связист. Второй инженер. Если у тебя есть документы.

— А какой связью вы пользуетесь?

— Да самой древней в мире: «Вэ-Икс 314». Твой дедушка такой уже не застал. Мы зовем аппарат «Заика Сузи».

— А жалованье каково?

— Стандартное. Три сотни в месяц.

— Три сотни — зарплата зеленого мальчишки.

— Больше не дам. Твое дело.

Пэттипонг махал ему рукой из кухни.

— Извините, — сказал Рашид.

Капитан что-то промычал. Старшина остановил его.

— А повар-то ты хороший?

— Закажите что-нибудь.

— А как насчет связи?

— Проверяйте, — сказал Рашид. — А вашу Векси просто надо заземлить хорошенько — мигом заикание пройдет.

Он вернулся на кухню.

— Ты что, пьяный? Колес наглотался? Чем тебе здесь-то плохо? — спросил его Пэттипонг.

— Ничем, Дингисвайо. Просто... пора уходить.

— Подумай. Я тебе повышу жалованье. Дам тебе... четверть пая. Нет, восьмую часть... Оставайся!

Офицеры опять негромко спорили.

— Эти двое... Джарвис, Моран. Плохие. Слабаки. Пьяницы. Морана разжаловали из шкиперов за убийство. Корабль... Типа «Сантана». Утиль. Сертификаты подделаны. Даты просрочены давно. Какой груз берут, им плевать. Плевать на команду.

— Похоже, меня ждут приключения.

— Ты болван! Приключения в кино. А на деле — попадешь в дерьмо.

— Эй, повар! — прорычал Моран. — Ладно. На четыреста пятьдесят согласен?

Ожидание закончилось.

ГЛАВА 18

Ужасы и бедствия остались позади. В конце концов весь захваченный АМ-2 был погружен на грузовые корабли, и 23-й флот смог взять курс на Аль-Суфи, а потом домой.

Но даже вырвавшись из предательской системы, люди продолжали погибать. Хондзо установили на одном из грузовиков мину-ловушку с датчиком забортного давления. Она сработала, когда грузовик взлетал, и взрывом вывело из строя еще два грузовых корабля и один из истребителей, обеспечивающих прикрытие.

Уже за пределами атмосферы был поражен имперский корвет. Космический лихтер хондзо с единственной ракетой в своем грузовом отсеке просочился сквозь защиту флота и выжидал. Ракета поразила корвет, и только тогда один из крейсеров Грегора уничтожил лихтер и его команду. Правда, к этому времени хондзо сражались и убивали, уже не думая о победе, а просто для того, чтобы отсрочить хотя бы на несколько часов чью-то смерть. А может, и приблизить...

Адмирал Грегор приказал флоту идти стандартным конвойным строем — по хрестоматии, тактически правильно. Флот образовал трехмерную фигуру в виде гриба с

широким основанием. Ножкой гриба служили грузовики, окруженные лучевой защитой. Шляпку образовывали тяжелые корабли, крейсеры и эсминцы прикрывали флот спереди. Основание составляли два эскадрона тяжелых крейсеров, обеспечивавших безопасность с тыла. Они пока не использовались, но потенциально были необходимы.

Настроение Грегора омрачали данные, поступающие с монитора боевого компьютера. На его взгляд, все новости были плохими, за одним исключением: топливо.

Основные и резервные баки кораблей флота были наполнены под завязку — вероятно, единственные в космосе с таким запасом топлива в эти дни. Теоретически Грегору, вероятно, следовало пренебречь требованием Совета экономить АМ-2 и развить на пути к Аль-Суфи полную боевую скорость. Ну хорошо, идти пусть и не с полной боевой, но хотя бы с максимальной крейсерской, на которую были способны транспортные корабли.

Все же адмирал этого не сделал. Его флот понес слишком большие потери от партизан хондзо. Потери варьировали от простого нарушения целостности корпуса, покоробленных камер сгорания и пробитых баков до всего, чего достигла изощренная изобретательность хондзо, чтобы разрушить или покалечить имперские корабли. Два крейсера пришлось даже состыковать вместе и снабдить внешним двигателем от одного из вспомогательных судов Грегора.

Флот еле тащился — тащился со скоростью, всего в пятьдесят раз превышавшей скорость света. А это означало, что 23-й флот уязвим для звездной атаки.

Грегор уже подумывал бросить все корабли, которые не могли двигаться с предельной для транспортов скоростью, но подумав, содрогнулся и отказался от такого решения.

Адмирал решил, что единственным спасением его карьеры будет возвращение на Аль-Суфи с АМ-2 — со всем запасом АМ-2. Это ему поможет. Скорее всего.

Нахмурившись, он подводил итоги.

Захват системы Хондзо дался ему невероятно дорого.

Потери в людском составе всех категорий — двадцать семь процентов. Потери кораблей всех категорий — тридцать пять процентов. Если принять во внимание его и так ослабленную боеготовность еще до операции... Грегору расхотелось заниматься такой арифметикой.

Второму адмиралу было не легче. Фрэйзер со штабом расположилась на трех из миров Аль-Суфи, получив четкий приказ: оставаться на месте до прибытия 23-го

флота. Заправиться из транспортов с АМ-2. Объединить силы с 23-м флотом. Продолжить следование в сектор Прайм-Уорлда. Дальнейшие приказы будут отданы позже.

Она прекрасно представляла себе, в каком состоянии находится 23-й флот. Грегор, конечно, пытался придать своим докладам видимость благополучия. Но так как полная ложь была здесь недопустима, Фрэйзер ожидала прибытия честной компании инвалидов.

Фрэйзер, напористый лидер, верила в высказывание Нельсона: направляй корабль прямо на звук выстрелов, и найдешь выход из любого трудного положения. Она охотно нарушила бы приказ, подняла бы корабли и пошла на помощь израненному флоту Грегора.

Но сделать этого не могла. Общие запасы АМ-2 — не более чем на полдня пути для всех ее кораблей.

Нельзя сказать, что Фрэйзер была счастливым адмиралом.

А 23-й флот возвращался домой. Навигационный отдел Грегора предложил окольную извилистую трассу от сектора Хондзо к Аль-Суфи. Грегор отклонил это предложение.

Причины были достаточно весомыми: состояние его кораблей, слишком несовершенные навигационные приборы, чтобы следовать по предполагаемому сложному маршруту, и, наконец, его страх, что недостаточно опытные офицеры не сумеют удержать строй конвоя. Нет, решил он. Ему ни к чему дополнительные обвинения, если вдруг, к примеру, два его боевых корабля столкнутся.

Кроме того, Грегор начал возвращаться к своей привычной уравновешенности. Он называл это уверенностью в собственных силах, но его персонал предпочитал слово «самонадеянность».

Да и кто в нынешние времена может бросить вызов имперскому флоту? Даже при подобном состоянии «полубоеготовности». Практически никто. У кого хватит топлива, чтобы рискнуть сражаться? Чтобы украсть энергию, нужна энергия.

Курс будет прямым или настолько прямым, насколько позволят навигационные траектории при использовании двигателей на АМ-2.

Проходили вахта за вахтой. Грегор чувствовал себя правым. Негативные контакты: всего два. Об одном было доложено как о небольшой эскадрильи легких атакующих кораблей.

Патруль? Рейдеры? Даже не зная этого, Грегор не беспокоился. Двадцать третий флот слишком силен, чтобы нападать на него.

А второй контакт был забавным. На пути случайно попался торговый корабль. К незнакомцу приблизился эсминец. Волноваться было нечего — простой торговец из какой-то неизвестной культуры по имени бхор. Корабельному разведчику — он же по совместительству офицер по почте, цензуре, спорту и отдыху — понадобилось немало времени, чтобы проверить документы. Бхоры? Он удивленно присвистнул. Ох и далеко же занесло бедолаг от дома в поисках удачного бизнеса!

Стэн внимательно вглядывался в проекцию гриба с массивным основанием. Он повернул ее на триста шестьдесят градусов, пробормотал что-то, затем поймал в фокус свой «торговый» корабль-разведчик. Стэн не обратил внимания на то, что со второго экрана немедленно пропала вычисленная раскладка сил. Он уже ее запомнил.

На третьем экране горела надпись: «Анализ боя готов». Ее он тоже проигнорировал. Стэн поднялся и начал расхаживать взад и вперед. Четыре дня понадобятся имперскому флоту, чтобы с текущей скоростью достичь расположения его отрядов, готовых к атаке.

Килгур и Ото сидели рядом. Алекс был занят своим собственным компьютером; Ото поглаживал бороду и тоже всматривался в этот гриб.

— Прямо идут. По прямой. Ничего не ожидают, — сказал вождь бхоров.

— Не ожидают, — согласился Стэн. — Я тоже.

Он взглянул на экран Килгура. Алекс прокручивал ежечасную сводку от флота Стэна.

Флот. Восемьдесят три корабля. Большинство из них военные, но девять кораблей легче, чем соответствующие по классу имперские крейсера, и все предназначены для обороны и заграждения. Остальные же были вооруженными торговыми и вспомогательными кораблями. Вооружение, электроника и навигационное оборудование по крайней мере на целое поколение, а то и на все пять отставало от имперских кораблей. Это нехорошо.

Еще хуже положение с топливом: максимальный радиус действия на полном ходу — одиннадцать земных дней. Заправка флота почти опустошила запасы созвездия Волка. В настоящее время флот был «запаркован», отключив все несущественные системы, и прятался от обнаружения имперским флотом за «черной дырой» — сколлапсировавшей звездой.

Экран погас, затем выплюнул ненужное предупреждение: «Максимальное время движения... при существующих условиях... в запаркованном состоянии — два земных

столетия. В нормальном режиме двигателей — одиннадцать часов. В боевом режиме...»

Стэн не смотрел на эти цифры. Он сосредоточил свое внимание на «грибе». Это был не его стиль построения конвоя — тяжелые корабли расположены спереди. Лучше вести их снаружи строя, неподалеку от центра, чтобы в любом направлении ответить на ложный удар. Ложный. Хм-м-м. Так, адмирал. А с чем ты собираешься проворачивать свои уловки? Восемьдесят три корабля, не забыл? Против... Против слишком многих.

А на экране шляпка «гриба» вдруг начала взад и вперед скользить на ножке, словно вращающийся волчок. Килгур просиял.

— Алекс, черт побери! Прекрати эти шуточки!

— Насчет этих шуточек, как ты сказал, у меня другое предложение. Или предложения мне тоже прекратить?

Ото поднялся:

— Клянусь засиженной мухами бородой моей матушки, нам надо избавиться от этих мелочных пререканий. — Он выпучил глаза на соседний экран. — До контакта — полжизни. У нас уйма времени. Хватит и чтобы выпить, и даже чтоб опохмелиться. Я пошел за бутылкой.

Он толкнул ладонью массивную дверь и выскользнул прочь.

— Прости, Алекс, — сказал Стэн.

— Не бери в голову. Так хочешь знать, что я думаю-то? Есть такая мыслишка, босс. Даже план есть.

Вращение «гриба», продолжал Алекс, произошло из-за того, что он имитировал почти одновременную атаку со всех сторон на имперский флот. Они стали крутиться, крутиться, и в конце концов потеряли управление.

— Все, что мне теперь нужно для моего плана, просто пустячок: еще две... ну, может, три сотни кораблей.

Вернулся Ото с бутылкой стрегга.

В голове Стэна бродил какой-то замысел. Он опустил нетронутый рог.

— Теперь моя очередь, — проговорил Стэн. — Во-первых, я знаю, куда ударить. Сюда. — Он ткнул пальцем в изображение флота на экране.

— Здорово. Здесь они неповоротливы.

— И даже знаю как. К черту корабли. К черту оружие. К черту весь этот паршивый АМ-2, который они захватили. Подумай о людях — против кого мы идем?

— У тебя крыша поехала. Мы идем против Империи, — сказал Ото. — Лучше выпей стрегга, дружище!

Стэн пропустил реплику мимо ушей и продолжал:

— Что же за воины сейчас перед нами? Скорее всего, и офицеры, и команда представляют собой странную смесь из опытных ветеранов войны, карьеристов и совсем зеленых добровольцев.

— Были в истории факты, которые свидетельствуют в твою пользу, — медленно промолвил Алекс.

— Второе. Их адмирал, кто бы он ни был. Приказы и распоряжения. Верные или неверные, это военные приказы. Торговый кораблик? Реакция — тяжелые корабли приближаются к району угрозы, один идет на сближение с неизвестным, два других выдвигаются вперед для прикрытия. Все, как учили в школе летного персонала. Теперь дальше, Алекс. Если я дам тебе... четыре корабля, сможешь устроить две инсценировки?

Алекс задумался:

— Я-то смогу. Но это будет не высший класс. Мало времени, мало приборов для хорошей иллюзии.

— Повторяю: вспомни, с кем мы имеем дело. Разве этот гриб не станет скользить и крутиться?

— Пожалуй. — Килгур осушил свой стакан и встал. — Только надо ударить сильно и быстро... Так, кажется у меня срочное свидание с техниками — свежие данные получить. Прошу прощения.

Он вышел.

Ото покачал головой. «Сильно и быстро»... Это означало, что они израсходуют все топливо и зависнут в пространстве, если не смогут захватить груз.

Стэн уловил его мысль.

— Не волнуйся. Если мы проиграем, вытолкнем Алекса за борт, дадим ему весла, и пусть гребет домой.

Ото усмехнулся и причмокнул губами. Предстоящая битва обещала быть быстрой и жестокой. У него родилось дополнение к плану Алекса. Есть ли у флота связь с адмиралом? Вполне возможно. А можно ли ее быстро засечь? Почти наверняка. А проанализировать, влезть в нее и заглушить? Если есть передатчики достаточной мощности, то можно. Так.

— По крайней мере четыре из моих кораблей способны крикнуть как следует и послать их к черту... шепотом, — вслух сказал Ото.

Крикнуть... шепотом? Стэн был поставлен в тупик аналогиями Ото и спросил, что он имеет в виду.

Ото объяснил. Когда он закончил объяснения, Стэн допил свой стрегг и прокрутил в мозгу идею — жестокую, кровавую, практичную. А чего еще ожидать от воина-бхора — или от бойца отряда «Богомолов»?

— Кадровые солдаты, — размышлял Стэн вслух, — наверняка захотят реванша. Новобранцы... пожалуй, тоже, особенно, если им здорово досталось от хондзо, как я слышал. Наполни-ка рог, дружище. Кажется, моя голова начинает наконец работать. Позволь одно маленькое дополнение к твоему великолепному плану. Нам понадобятся шесть, может быть, восемь твоих лучших...

Спустя наносекунду после получения приказа Синд взвилась на дыбы. Ее непосредственный командир сообщил, что она отобрана для выполнения особого задания. Ей надлежит оставить себе лишь нож и пистолет и взять специальное оружие для последующей битвы — битвы, которой будет командовать сам адмирал Стэн.

А оружием ее оказалась маленькая камера с передатчиком. Шутка? Нет, не шутка. Должно быть, чертовы бхоры... Только она была среди них человеком. Остальные семеро в специальном подразделении были бхорами — все такие же головорезы, как и Синд.

Она отказалась подчиниться приказу. Офицер пожал плечами и приказал ей оставаться под домашним арестом.

— Этот номер не пройдет, женщина.

— Почему нет? Я имею право!

— Ну так подавай протест, если хочешь. Мне приказано отобрать восемь самых лучших бойцов. Восьмерых, которые, наверное, будут посланы в самое сердце битвы. Восьмерых, которые должны выжить в этой драке. Вот почему я выбрал тебя.

— К черту комплименты! Я буду протестовать!

— Сколько угодно. Приказы исходят от самих Великого Ото и адмирала Стэна.

Синд низко опустила голову. Стэн? К чему эта комедия?

Нет! Не будь ребенком. Стэн — это Стэн. Значит, должна быть причина.

Когда сумеешь понять ход мысли Стэна, вот тогда ты точно станешь на Путь Воина.

ГЛАВА 19

Двадцать третий имперский флот был атакован всего за один корабельный день до входа в безопасное пространство.

О приближении сообщили на Аль-Суфи, и, ожидая встречи, Грегор расслабился. Он объявил состоя-

ние повышенной готовности — для трети состава флота. Остальным было приказано заниматься уборкой и наведением порядка. Грегор считал себя гуманным командиром и знал, что его солдатам не хотелось бы прийти в порт оборванцами.

К тому же, если здесь установлены видеокамеры, то грязь и бардак на кораблях не добавят чести и самому Грегору.

Первая атака застала адмирала, когда он наслаждался наведенной чистотой.

— Все наверх... По боевому расписанию... Рейдеры атакуют!

Грегор стоял на мостике, одетый в белый парадный мундир, и отдавал приказы. Он быстро анализировал сообщения на экранах.

— Сэр! Я уже приказал выдвинуть строй вперед в направлении угла атаки противника согласно вашим текущим инструкциям.

Грегор обругал дежурного по кораблю и вызвал на мостик офицера службы оповещения.

— Просканируйте атакующих.

Офицер выглядел озадаченным. Он медленно жал на клавиши, словно припоминая забытые команды, которые должен был знать назубок. Ничего не произошло. Атакующие продолжали приближаться, двигаясь откуда-то сверху. Он запустил другую программу... Рейдеры исчезли! На экране остались только два корабля.

Грегор накричал на капитана флагмана и прервал офицера службы оповещения, когда завыл очередной сигнал тревоги. Еще один строй атакующих двигался снизу. Грегор взял командование на себя и приказал выдвинуть боевое подразделение вниз навстречу неприятелю.

Казалось, что шляпка «гриба» вращается, так как боевые корабли изменили свой строй, выдвинув вперед крейсеры и эсминцы. При этом произошло два столкновения — крейсер чиркнул по эсминцу, а два других эсминца врезались друг в друга. Правда, на крейсере кое-кто выжил.

В центре оповещения офицер, продолжая выполнять приказ, наблюдал за атакующими. На четвертой попытке сканирования, когда он уже поверил, что атака реальна, второй ряд рейдеров растворился с экрана. И опять остались только два корабля-приманки.

На мостике воцарилось напряженное молчание. Затем снова завыл сигнал тревоги, и началась третья атака. По масштабам она была больше предыдущих, похоже, нападал целый флот.

— Флагман!

 — Да, сэр.

— Что с вашими электронными средствами опознавания? Есть, черт возьми, уверенность, что нас снова не дурачат?

Офицер бросился выполнять распоряжение. Грегор предпочел выждать несколько секунд, прежде чем начать новый маневр. А между тем двойной ряд приказов и их последующих отмен продолжал раскачивать шляпку «гриба», так как капитаны кораблей и командиры эскадронов все еще пытались определить направление атаки.

Третья атака оказалась реальной.

Стэн пропускал мимо ушей трескотню боевых команд и сосредоточил внимание на главном экране капитанского мостика. Он атаковал строем в виде серпа. Ему бы очень не помешали еще несколько сотен кораблей — полумесяц был чересчур тонким.

Стэн, в надежде, что имперские воины окажутся достаточно глупы, чтобы решить, что он планирует охват, хотел растянуть концы полумесяца за пределы силового защитного экрана флота.

«Гриб» флота выглядел несколько потрепанным. Часть его шляпки сдвинулась навстречу нападавшим. Один сегмент, словно не услышав приказа, перестроился в нормальное конвойное положение. Крейсеры в задней части ножки действовали достаточно умело, прикрывая транспорты, и основание раскачивалось.

— Связь! Все меня слышат? — спросил Стэн.

— Все корабли на приеме.

— Стэн — всем кораблям! Оставаться на местах, как приказано.

— Ждем... ждем... Все корабли готовы, сэр.

— Связь! — обратился он к другому офицеру. — Что они там делают?

— Их детекторы нас засекли. Два.... шесть залпов. Пять — мимо, одно попадание.

— Килгур! Ответь мне.

— Расстояние сокращается... Семь секунд... Три... Есть!

— Всем кораблям! Пуск!

Флот бхоров выплюнул ракеты — но не одновременно. Стэн приказал вести последовательный огонь — сначала из наиболее удаленных кораблей, затем из передних. Когда ракеты покинули самые передовые корабли бхоров, офицеры-ракетчики задних уже перезарядили и нацелили свои установки. Запустили не слишком много ракет — по крайней мере для решающей битвы, — но все они должны были достичь цели одновременно.

— Алекс! Я хочу использовать тот клин между тяжелыми кораблями. Первая секция... В самостоятельном режиме... Когда будете готовы — пуск!.. Связь! Что они делают?

— Да ни черта, клянусь бородой матери!

— Докладывай нормально!

Бхор изо всех сил пытался войти в роль бывалого хладнокровного имперского офицера.

— Незначительные запуски... В основном направлены против приближающихся ракет. Поправка. Массовый залп! Центральный пункт электронного слежения перегружен.

На экране были видны вспышки между двумя сближающимися флотами: управляемые вручную противокорабельные ракеты. Скорее всего, типа «Кали». Их надо перехватить, иначе они попадут в цель.

Впрочем, это не занимало даже часть внимания Стэна. Он отбросил мысль: «А что если не повезет именно мне?» — и вглядывался за пределы вспышек.

Потом он вдруг ухмыльнулся и произнес комментарий, который бы не одобрили в среде высшего кадрового офицерства.

— Килгур! С тебя бутылка. Этот мерзавец действует по учебнику!

Грегор так и действовал. Существовало много возможных вариантов развития событий. Наилучшей возможностью для него было превратить передовой купол в подобие острия копья или даже в линейный строй и атаковать неприятеля по центру: разорвать полумесяц толщиной не более двух кораблей и расчленить флот Стэна на части.

Но это означало бы оставить транспортные корабли под охраной только одного крейсера. Несомненно, Грегор читал о битве при Каннах. Ситуация складывалась аналогичная — с одной разницей: Стэн был не Ганнибал, и у него не было тяжелых кораблей, чтобы сомкнуть рога полумесяца и поймать нападающих в капкан.

Вместо этого адмирал выстроил свой флот в линию, очевидно, готовя встречный охват, такой, как турки применили у Лепанто. Неплохо. Правда, со временем это должно было разрушить флот бхоров. Но — именно со временем.

Брешь, которая возникла, еще когда строй имперского флота образовывал купол, до сих пор сохранилась, пока корабли перестраивались, приглашая Стэна для удара.

— Всем кораблям! — приказал Стэн. Он передавал открытым текстом, не имея времени ни на кодирование, ни на переводчиков для бхоров. Он надеялся, что реакция имперского адмирала будет такой же замедленной, как и прежде.

— Есть, сэр!

— Дайте-ка изображение этой дыры в имперском флоте,— приказал он офицеру связи, — на экраны всех кораблей.

— Передано, сэр!

— Хорошо... Всем кораблям, примите точку назначения... Доложить о готовности.

— Все готовы, сэр.

— Маневр... начали!

Капитаны бхоров, каждый из которых мог бы провести транспорт с единственным двигателем над садовой аллеей, мигом выполнили приказ. Полумесяц Стэна перегнулся и превратился в клин. Это походило на выступление команды акробатов, но на экране была видна большая разница — по флоту наносили удары. Огоньки, отображавшие отдельные корабли противника, меняли цвета. Попадание — потеряно управление... Попадание — повреждение двигателя... Или вовсе тухли и исчезали с экрана.

Стэн не обращал на это внимания. Так же не обращал он внимания и на бормотание младшего офицера по вооружению на его собственном корабле.

— Мы атакованы... До попадания девять секунд... Выпускаю противоракету...

Все же он почувствовал дьявольское облегчение, когда услышал:

— Есть! Ракета уничтожена.

Имперский флот выплевывал ракету за ракетой во все стороны. Не хотелось бы Стэну оказаться в центре этого калейдоскопа, который постоянно изменял свою форму и рассыпался на кусочки.

— Состояние флота! — потребовал он.

— Пятьдесят одна единица докладывает о полной боевой готовности.

— Этого достаточно. — Позже еще будет время спасать уцелевших и оплакивать потери.

— Ото! Ты вышел на их командную частоту?

— Точно. Готовы работать.

В стороне от основной зоны контроля установили большой экран. На нем возникло изображение имперского адмирала, отдающего приказания. Ото заглушил звук. Стэну померещилось, что он узнает адмирала. Впрочем, нет... Невозможно.

— Команда Сарла... Вперед! — приказал он.

— Есть!

— Команда Дженкидд... Вперед!

— Атакуем.

— Всем кораблям. Индивидуальное управление. Определять мишени и действовать самостоятельно.

И началось настоящее сражение. Бхоры завертелись в ближнем бою, как шайка пиратов Дрейка против целой армады. Это было наилучшее применение их талантам. Большинство из этих торговцев имели громадный опыт сражаться в одиночку против троих бандитов. Сражаться и побеждать, всегда неожиданно набрасываясь на врага по всем направлениям с помощью ракет и электроники, так же бесстрашно и свирепо, как делали их предки.

Благодаря постоянным приказам Грегора и опыту, полученному во время Таанских войн, большинство имперских кораблей ожидали обычного боя с противником, выстроенным в обычный боевой порядок. У этой же битвы симметрии, логики и ясности было столько, сколько в безумной пьяной оргии.

Стэна не занимал ход сражения. Бхоры не могли победить — рано или поздно количественное преимущество противника даст о себе знать, — но на это они и не рассчитывали.

У него были две боевые команды. Сарла — два крейсера, наспех переоборудованные в штурмовые транспорты, и Дженкидд — одиннадцать легких сторожевиков-корветов и патрульный корабль. Как высчитал Стэн, как раз столько кораблей нужно было, чтобы управлять пленными транспортами. Уж Стэн-то знал, как Империя проводит свои конвои, поэтому все сторожевики были оборудованы электроникой и приборами для этого.

Имена ударным командам Стэн дал в честь древних почитаемых богов бхоров — для поднятия боевого духа. Если победа только возможна, эти две команды добьются ее.

Теперь он выжидал — если выжиданием можно назвать попытку удержаться прямо на хаотично болтающемся мостике корабля, носящегося в самой гуще дикой драки.

Команда Сарла. Два штурмовика приближаются к поврежденному боевому кораблю ровно настолько, насколько позволяют инструкции по безопасности. Ракета бхоров взрывает большую часть кормы корабля, и люки штурмовиков распахиваются. Разведчики вытягивают тросы, и все три корабля связываются вместе. Бхоры в скафандрах берут на абордаж имперский корабль.

— Первая волна прошла, — послышалось донесение.

— Ото!

Изображение имперского адмирала на экране погасло и было заменено блестящим произведением ис-

кусства, которое обмануло бы даже многоопытного изготовителя видеофильмов.

Имперский корабль был уже превращен в месиво попаданием ракеты. Большая часть команды погибла, когда ракета штурмовика оставила корабль без атмосферы. Экипаж был в скафандрах, но многие не успели опустить забрала шлемов и натянуть рукавицы. В полном снаряжении сражаться нелегко.

Затем бхоры разорили корабль. У них был четкий приказ: пленных не брать. Снимать все на камеру.

Офицеры и команда имперского корабля погибли до последнего. Синд и другие операторы засняли их смерть, фильмы смонтировали с целью усиления эффекта в рубке управления Стэна, а затем пустили по имперскому каналу связи.

Отчасти это было сделано для воздействия на боевой дух молодых бойцов, когда экраны на кораблях показали воинов, так похожих на них самих, сдающихся с поднятыми руками. Их закалывали, словно стадо свиней. Некоторые корабли сразу отключили этот канал и на много секунд остались без связи и управления, пока не была задействована аварийная частота. Другие корабли оставались на связи, позволяя каждому убийству навсегда врезаться в память членов их экипажей.

Команда Дженкидд. Корабли для управления транспортами были легко вооружены и оснащены. Они не могли оказать большого сопротивления оружию бхоровских сторожевиков. Шесть из одиннадцати прекратили огонь после того, как были атакованы. Еще два были поражены, но продолжали сражаться тем оружием, которое имели. Три оставшихся были разбиты в щепки. Бхоры потеряли один корабль.

Техи поднялись на борт шести кораблей и приняли управление транспортами с АМ-2. Сторожевики приблизились к грузовым судам. Однако этого было недостаточно. Если не «выкрасть» остальные транспорты — весь груз АМ-2, — то операция Стэна будет очень близка к провалу. Но бойцы команды Дженкидд были находчивы.

Два все еще ведущих огонь корабля в конце концов были вынуждены сдаться. Их взяли на абордаж и захватили. Каким-то образом электронные кудесники бхоров вышли на командные частоты двух поврежденных кораблей.

Командир группы Дженкидд отдал приказ. Конвой — ножка «гриба» — медленно оторвался, так как корабли бхоров увели транспорты в сторону.

Эскадрилья тяжелых крейсеров поздно отреагировала на удар, но все же отреагировала. Они перестроились для ответной атаки. Стэн увидел приготовления к контратаке на своем экране и вышел в эфир.

— Всем единицам флота. — приказал он. — Цели указаны. Цель первой очереди. В автономном режиме. Вперед!

Он не стал дожидаться подтверждения.

— Ото! Вторая фаза!

Ото щелкнул переключателем. Предварительно записанный сигнал забил командную волну противника. На экране возник суровый, до зубов вооруженный Ото, окруженный другими грозными бхорами. Тут могло быть и изображение Стэна, но он знал, что выглядит далеко не так страшно, как Ото.

Голос вождя бхоров прогремел:

— Всем имперским кораблям! Продолжать сопротивление бесполезно. Предлагаем вам сдаться. Просигнальте синежелтыми ракетами, если хотите спасти свою жизнь. Сдавшиеся в плен корабли будут оставлены невредимыми.

Стэн не был настолько глуп, чтобы вообразить, что эта дешевая уловка сразу заставит имперский флот выбросить белые флаги. Он добивался лишь дальнейшего замешательства.

И своего добился. Несколько кораблей подчинились. Некоторые из них тут же были обстреляны другими имперскими кораблями. На других запаниковавшие экипажи подняли мини-бунты, что создало их офицерам не меньшие трудности, чем опасность извне.

Тридцать девять кораблей бхоров врезались в строй крейсеров, создав еще одну неразбериху. Тем временем украденные транспорты были выведены из зоны боевых действий и шли полным ходом.

«Пора», — решил Стэн.

— Всем кораблям! Выйти из связи!

«Наступил переломный момент. Я украл их паршивое золото. Теперь у Империи два выхода. Как же там этих чертовых бхорских богов зовут-то? Ну, не важно... Любой бог, который обратит на меня внимание... Доставь мне счастье, прошу тебя! Пусть этот паршивый адмирал останется верен учебникам до конца!»

И Грегор не подвел. Восстановив в конце концов вторую резервную систему связи со своим флотом, он должен был отдать приказ преследовать нападавших, индивидуально либо эскадрильями. Но он не отдал его. Возможно, он слышал о Хаттине, где Саладин заманил армию крестоносцев в пустыню и там порубил ее в капусту. Кто знает, вдруг где-то поблизости устроена на него засада?

Он приказал всем единицам своего флота перегруппироваться — по элементам, по эскадрильям и затем в основной строй флота. Но такая перегруппировка требовала хотя бы минимального руководства. В этом же сражении

указаний явно не хватало. Корабли искали своих лидеров. Все линии связи отвечали жалким блеянием. Еще больше сумятицы добавляли неисполнимые, а то и противоречивые приказы Грегора.

Силы Стэна пошли в отрыв. Команда Сарла, не потеряв ни одного бойца, уже отступила на свои штурмовые корабли. Синд стояла в тишине на главной палубе. В этот день она действительно кое-чему научилась у Стэна. С сего момента она решила ходить перед ним на задних лапках, прислуживать ему. Чтобы изучить как следует, а потом... Она улыбнулась сама себе.

Казалось, бегство Стэна удалось. Он проявил немного гуманности и приказал десяти кораблям взять на борт выживших с покалеченных кораблей бхоров. Когда смогут... если смогут.

Наступил самый щекотливый момент. Разогнавшись до полного хода, его корабли скоро начнут двигаться без энергии.

Он отдал новые приказания. Корабли бхоров приблизились к захваченному конвою. На каждом из них ожидали лучшие специалисты по топливу. Только у двух кораблей опустели баки, и у Стэна были полностью заправленные суда, чтобы состыковаться с ними и передать топливо.

— Ну, адмирал! И дельце же мы с тобой провернули, закачаешься!

Стэн усмехнулся, затем заставил себя переключиться на другой лад.

— Потери?

От такой победы было не много радости. Он потерял почти половину своих сил.

К нему подошел Ото.

— Лучше, чем я ожидал. Хуже, чем я надеялся. Но так распорядились боги.

Стэн кивнул. Возможно. Вот только какого дьявола им быть такими жестокими?

— Не забывай о добыче, Стэн.

Стэн не забывал. Теперь у него было топливо, чтобы продолжать войну.

КНИГА ТРЕТЬЯ. PATER PATRIA

ГЛАВА 20

Уже через пять минут после того, как Рашид попал на «Сантану», он невольно подумал, что Пэттипонг мог бы добавить несколько ярких штрихов к описанию того дерьма, в котором Рашид очутился. И еще он подумал — почему это описание заняло у него столько времени.

По всему, спешка была ужасной. И капитан Джарвис, и Мэйт Моран явно стремились уйти в область сверхскоростного времени, лишь только попадут в поле. Похоже на то, думал Рашид, что, если они замешкаются, разбирая другие варианты, кроме немедленного взлета, в игру вступит какая-то другая недобрая сила.

«Сантана» уже в течение нескольких поколений не квалифицировалась как транспортное средство. Должно быть, она давным-давно числилась в утиле, когда ее хозяин вдруг решил, что в ржавом корпусе корабля еще теплится жизнь и он может принести прибыль.

Красота тут вообще не ночевала. Когда портовый гравитолет доставил Джарвиса, Морана и их нового кока к космическому причалу, Рашид попытался понять, каково назначение «Сантаны»... Безуспешно! Корабль состоял из трех продолговатых «желудей», скрепленных друг с другом поперечными балками на передних и задних концах. В середине, между «желудями», высился длинный цилиндр, выдвинутый вперед. Двигатели и топливный отсек, догадался Рашид. Но почему спереди? Может быть, труба первоначально предназначалась для иного, нежели АМ-2, топлива? Да нет, исключено. Какой интерес переделывать столь древнего динозавра? Никто не взял бы его на комиссию.

В одном из «желудей» находились служебные помещения и каюты экипажа, остальные два служили грузовыми отсеками. Жилой отсек казался столь же загадочным изнутри, как вся «Сантана» представляла собой головоломку снаружи. Рашид несколько раз заблудился, прежде чем нашел камбуз и свою каюту. Проходы были либо перегорожены,

либо резко обрывались стенками, согласно причудливой фантазии нового владельца корабля.

Рашид миновал отсеки, набитые какими-то механизмами, к которым давным-давно никто не прикасался, — их, видимо, дешевле было изолировать от системы и оставить торчать на своем месте, вместо того чтобы разбирать и вытаскивать на свалку. Короче, приблизившись к своему «королевству», Рашид ожидал самого худшего. И все же оказалось, что он был слишком оптимистичен. Двухконфорочная плита, похоже, топилась дровами — такой она была древней.

Впрочем, видом своей каюты Рашид остался доволен. Конечно, в ней царила свинская грязь, но по крайней мере личная каюта. Привилегия кока.

Койка — если только продавленный тюфяк у стены заслуживал столь громкого имени — имела ремни безопасности. Рашид на полном серьезе, граничащем с абсурдом, решил, что обязательно пристегнется к койке перед взлетом. Таким образом, если «Сантана» рассыплется, а это, похоже, должно произойти очень скоро, он хотя бы обеспечит себя заметной издали кладбищенской плитой.

Рашид, скривившись, подумал, что это, безусловно, входит в число приключений, обещанных Пэттипонгом, и стал ждать взлета.

Космические корабли не скрипят в полете, разве что в фильмах каменного века да в неловких любительских кинозарисовках. Однако «Сантана» скрипела и кряхтела в пространстве, словно одушевленное существо. Да и сам Рашид слегка покряхтывал и постанывал.

До тех пор, пока не врубили Юкаву, «низ» находился, судя по показаниям генераторов Маклина, не меньше чем в полудюжине различных направлений. «Сантана» шла в атмосфере, и командир тянул ее на Юкаве — дьявольская потеря энергии, однако переход на АМ-2, когда эта калоша ползет сквозь воздух, был равносилен самоубийству.

Прозвучал зуммер вызова:

— Кухня, хватит греть задницу. Обед для офицеров через час. Затем — для команды.

Рашид вышел на камбуз, где его встретил Моран.

Сразу бросилось в глаза, что помощник капитана носит оружие. Моран провел кока к кладовке, отпер ее и предложил выбрать нужные продукты.

— На сколько персон готовить?

— Из этих запасов — на меня, шкипера и первого механика. Продукты для команды хранятся в другом месте. Рассчитывай жратву на двенадцать рыл.

Рашид не удивился, обнаружив, что продукты в запирающейся кладовке совсем не такие, как на продовольственном складе команды. Офицерский рацион был стандартным корабельным, в то время как съестные припасы команды состояли, похоже, из солдатских продуктов длительного хранения, таких просроченных, что экипаж давным-давно должен был взбунтоваться. Да. При подобной кормежке бунт неминуем.

Рашид прикинул меню из того, чем располагал. Он был классным поваром по части изготовления сносных блюд из дерьма. Гением кулинарии его считали по праву. Но ведь он не был богом!

Из специй оказался лишь какой-то слащавый тягучий синтетический соус. Соль... Так ведь все эти допотопные солдатские припасы, скорее всего, как обычно, законсервированы солью. Остальные приправы, имеющиеся в кладовой, за давностью лет потеряли всякий вкус и аромат.

Комбинируя дерьмо различных оттенков, Рашид состряпал нечто, похожее, как он надеялся, на рагу и поставил на плиту — вот и офицерский обед.

Как оказалось, лезть вон из кожи было совсем не обязательно. Джарвис дрых в своей каюте, вознаградив себя за усилия, которые пришлось приложить, чтобы заставить «Сантану» еще раз взлететь; Моран принял пищу — если безостановочное, в темпе конвейера, сметание в рот всего, что стояло перед ним на столе, можно назвать трапезой, и доблестным движением употребил салфетку. Первый механик — им оказалась угрюмая женщина по имени Д'Вин — поковырялась в тарелке, встала и опять исчезла в недрах двигательной установки. Она, как и Моран, была вооружена.

Затем пришло время иметь дело с командой. Страшновато...

Пока, правда, ничего — по крайней мере в течение шести вахт, до тех пор, пока члены экипажа не протрезвеют настолько, чтобы перестать появляться за столом и терпеть то, что он перед ними выставляет.

Время Рашида проходило за уборкой камбуза и в размышлениях о разных вещах.

Что он здесь делает? Или, вернее, почему он считает, что он там, где надо? Ответа не получалось.

Чистить камбуз!.. Моран отклонил просьбу Рашида, чтобы ему позволили надеть скафандр, задраить камбуз, стравить оттуда воздух и выпарить в вакууме жировой нагар, налипший повсюду.

— Во-первых, я не уверен, исправны ли клапаны-натекатели. Во-вторых, мне не хочется рисковать — а вдруг корабль развалится? В-третьих, где гарантии, что мы

потом сможем загерметизировать камбуз? В-четвертых, ни одна свинья здесь не оценит твоих усилий. И, в-пятых, ты вконец запудрил мне мозги. Убирайся с мостика и больше не вздумай найти повод для безделья.

Рашид вышел.

Этим вечером Моран со злым видом выдавил из себя похвалу — его ужин оказался вкуснее, чем обычно. Рашид мягко пояснил, что воспользовался новой приправой. Глюкоза, кетоновые тела, минеральные вещества, жиры, креатин... Он не успел упомянуть про мочевую кислоту, когда Моран велел ему заткнуть пасть. Может, и к лучшему.

Команда, протрезвев, узрела в Рашиде своего нового врага и сосредоточилась на войне с ним. На корабле было абсолютно нечего делать, разве что молиться о посадке, когда наконец можно будет смотать удочки. Этот опечатанный груз... он еще принесет им хлопот — в свое время. Порт назначения, пока неизвестный... Наверняка какая-нибудь дыра — «Сантана» возила только такие грузы, которые больше никто не брал и с которыми никто, кроме самых отчаянных, не высаживался.

Офицеры... Джарвис неизменно находился в одном из трех состояний — либо он был пьян и невидим, либо видим, но все равно пьян, либо же — трезвый — торчал, съежившись, на своем мостике, подобный тени.

Моран... По милости этого суки-помощника вряд ли можно надеяться, что в изоляторе остались еще медикаменты. Рашид даже любовался — умом, конечно, не сердцем — повадками Морана. Старпом был неспособен отдать приказ, не подкрепив приказание зуботычиной. Иногда боль от удара не утихала час, иногда — целые сутки. Однако он никогда не выводил человека из строя так, что тот не в силах был стоять вахту.

Д'Вин... Ей все было до лампочки; она занималась лишь двигателями. И ко всем из команды была равнодушна. Влезала в одну щель и вылезала из другой, вся в моторной смазке...

Время трудное для каждого звездоплавателя-дальнобойщика. Вот и отводят душу на коке. Почему-то он ответственен за те помои, которыми их кормит. Никому дела нет, что бедолага ступил на борт всего за час до отлета...

Рашид, сколько мог, не обращал внимания на недовольство, оскорбления, а впоследствии и угрозы. Но потом произошли следующие события. Неожиданно в переборку над головой Рашида ударилась миска; вдогонку за ней полетел метатель. Кто-то подскочил к Рашиду с ножом. Нож тут же был разломан на два куска, и Рашид попытался

сделать то же с его хозяином. Еще два члена команды прыгнули на Рашида и поймали стойку для сушки посуды.

«Исключительно живучие ребята», — подумал Рашид уже в середине вахты, услышав, как под его дверью завозились, пытаясь встать. Когда инцидент был исчерпан, он вызвал свободных от вахты и велел перенести «мстителей» в изолятор. Накладывал повязки, как умел. Чтобы поправить свернутый на сторону нос одного из них, не было ни приспособлений, ни знаний; Рашид успокоил себя тем, что это будет не первый и не второй, а по крайней мере десятый человек с кривым румпелем на борту. Третьему он вправил ногу, а на следующий день, когда Моран стал грозиться посадить вышедшего из строя на гауптвахту, упросил помощника приписать его на время к камбузу для кое-какой помощи.

Делать в полете было почти совсем нечего. На нормальном корабле в это время проводится обслуживание техники, обработка груза и так далее, и тому подобное... На «Сантане» это никого не заботило. Отдрай ржавчину на своем участке— и гуляй по всему кораблю, где хочешь. Это-то и было паршиво — команде, свободной от вахты, задавали слишком мало работы. Моран был просто дряной задира, а не помощник капитана; лишь бы подчиненный не попадался ему на глаза да вовремя выходил на вахту, на остальное ему было наплевать. «Очень, очень глупо», — думал Рашид.

Обстановка все более накалялась. Команда перестала жаловаться вслух, люди ходили угрюмые. Они собирались по двое-трое в коридорах и пустующих помещениях, очень тихо беседуя друг с другом. Эти беседы могли быть лишь об одном: либо об убийстве, либо о мятеже. Либо о том и другом сразу.

Рашид, прячась за большим котлом, пытался следить за такими группками и подслушивать. Как он понял, заводилами были трое. Сначала они скрывались в тени, но потом ему удалось их выследить. Один был из той компании свободных от вахты, которые недавно напали на Рашида. Все, что интересовало Т'Орстена — так его звали, — это буза; он провозгласил, что главным актом его представления станет буза на камбузе. Он мечтал мелко-мелко нашинковать корабельного повара, лишь только представится удобный случай.

Вторым вожаком было существо женского пола, драчливое от природы, по кличке Хулиганка. Бедняжка чувствовала себя несчастной оттого, что Моран сильнее и дерется больнее, чем она.

Третья приводная пружина, тоже слабого пола, была устроена посложнее. Техник-моторист Питкэрн. Она старалась не отличаться от других, и в большинстве случаев

ей это удавалось. Но Рашид распознал нотки некоей образованности, звучавшие в ее речи. Он стал обращать внимание на женщину, и это было замечено.

Как-то раз Рашид наткнулся на нее, когда выходил из своей каюты.

— Я хотела бы поговорить с тобой насчет обеда, — начала она и указала на переговорное устройство.

— Все в порядке, — ответил на ее знак Рашид. — Моран или кто-то другой вставил туда индуктивный датчик, но теперь он больше не действует.

— Не слишком ли умно для работника котлетного фронта?

— Почему? Просто осторожность...

— Член ПДТ?

Рашид отрицательно покачал головой:

— «Гороховые Линии» не нанимают членов профсоюза. По крайней мере, тех, кто хвастается профбилетом.

— Вроде тебя?

— Трудновато оставаться активистом, сидя на берегу пару лет. Кроме того, в тех местах, где я работал, организация профсоюза была немного рискованной затеей.

Любопытство Рашида в отношении Питкэрн было удовлетворено. Профсоюз докеров и транспортников, сокращенно ПДТ, переживал трудные времена. Он был известен как воинствующая, необъяснимо агрессивная организация. Задыхающаяся экономика Империи давала начальству все возможности не только навязывать любому нанимающемуся в космопорт контракт с обязательством неучастия в профсоюзе, но и составлять черные списки профактивистов и организаторов.

— Я вот о чем хотела поговорить... Все это дерьмо больше невозможно терпеть, — произнесла Питкэрн. — Если Моран не забьет нас до смерти, так Джарвис с перепою наведет корабль прямым курсом на черную дыру.

— Бунт — не самое лучшее средство исправить положение.

— Никто о бунте и не говорит. Пока.

— А какие еще варианты у вас... у нас имеются? Я не вижу, чтобы какая-нибудь согласительная комиссия выглянула из норы, где она прячется.

— Ишь какой шустрый, — усмехнулась Питкэрн. — Просто люди еще не созрели для этого.

— И сколько же человек входит в комитет по претензиям?

— Десять. С тобой будет одиннадцать.

— Неплохой старт. Но на деле с нами слишком немногие. Поднять черный флаг — значит лишиться выбора. Особенно если в борьбе будут убиты или выброшены за борт офицеры. Начальство непримиримо относится к

таким вещам. На нас объявят сезон охоты — бессрочный сезон, и в конце концов мы все спляшем на рее.

— Ты так говоришь, будто уже разок пробовал.

Рашид открыл было рот, чтобы сказать: «Ну да, около тысячи лет тому назад», — но осекся. Откуда, к черту, это все прет? Он же не Мафусаил.

И он ответил иначе:

— Приходилось читать... Ну ладно, допустим, такого логического завершения не будет, мы победили, дерьмо сгинуло. Что дальше? Корабль в наших руках. На борту примерно половинный запас горючего. И еще груз. Что это нам даст? Наша калоша плохо подходит для занятия контрабандой, а единственное место людей, вставших на путь пиратства, — мультфильмы.

Рашид помолчал, затем продолжил:

— Положим, мы направились в гавань контрабандистов и сумели ее найти. Что делать с кораблем и грузом? Или того лучше: что это будет за место? Какая дыра? Пустыня с каннибалами или что-то наподобие, где мы наконец подвесим Морана вверх тормашками, уйдем с корабля и заживем припеваючи с тем барахлом, что привезли?

— Да, любопытные вопросики, — произнесла Питкэрн после раздумья. — Нам нужно больше денег. С тем, что мы имеем сейчас, ничего не выйдет. Проблема — как не попасть впросак, не сойти с ума... Да еще кровь на корабельных переборках...

— Ты носишься со своим профсоюзом, как... Всего лишь двенадцать болванов. Мне кажется, у тебя не будет особых проблем, удерживая их под каблуком, — сказал Рашид.

— Какое-то время, — кивнула Питкэрн, — я смогу это делать. Однако не вечно же они будут такими послушными. Нам нужна дополнительная информация, и побыстрее.

Четверо корабельных суток спустя новая информация появилась. Портом назначения был Каирен, а точнее, его столица — Дьюсабл.

— Скверно, — заключила Питкэрн. — Я вела там огработу. Минут двадцать. Если в этой проклятой планетной системе и есть хоть один сравнительно честный работяга, то мне он не встретился... или она, или оно. Да вдобавок у них страшное засилье праведности. Если мы покинем корабль в этих местах, то сядем на мель и просидим долго-долго. Тебе известно что-нибудь о Дьюсабле?

Рашид почти уже сказал «нет», но осекся, потому что совершенно неожиданно почувствовал, что знает чертову тучу всяких разностей про Дьюсабл и его обще-

ственное устройство. Правда, он никак не мог вспомнить, был ли он когда-нибудь в Каирене или читал о нем...

— Знаю немного, — соврал он. — Так, чуть-чуть. Теперь очень неплохо выяснить, что за груз мы везем.

— Я спросила у Морана и схлопотала по зубам.

— Боги помогают лишь тем, кто сам себе может помочь.

— Ну и молись своим богам! Что касается меня, я придерживаюсь Джека Лондона. Мы потихоньку пройдем сквозь шлюз, заблаговременно отключив сигнал тревоги. Моран будет пялиться на негорящую лампочку, а мы побудем снаружи, пока не придумаем, как добраться до места, где есть воздух.

— Шлюзовой сигнал отключен уже с неделю. Я точно знаю, что по крайней мере один скафандр не протекает, и прямо сейчас проверю второй.

— Здорово! Просто отлично. Сначала «подслушка», теперь шлюзовой сигнал тревоги... Да ты не кок, а шпион экстракласса! Хорошо. Сейчас первая вахта. Моран дрыхнет, как труп, и будет спать, если никто не станет ломиться в его каюту.

Тихо, как только могли, они пробрались в воздушный шлюз. Рашид сморщился от режущего уши свиста воздуха и воя привода крышки люка. Беглецы вылезли наружу, стараясь не греметь подошвами присосок по корпусу. Питкэрн нацелила приспособление для метания кошки и спустила курок; фал зацепился за поперечную балку. Перебирая по веревке руками, они добрались до грузового отсека и залезли внутрь, затем открыли забрала, разыскали ломики и принялись за распаковку.

— Благослови меня, проклятую, пресвятая Матерь Божия!— ахнула Питкэрн, когда они победили крышку первого ящика. — Значит, есть на Дьюсабле кто-то, на кого праведность не давит.

Трюм был набит роскошными товарами: деликатесы, ликеры, дорогие вина... Целый ящик с драгоценностями.

— А нас держали на помоях, когда все это было рядом! Я уж постараюсь не упустить счастье! Сорву маску с Морана и дам приказ о его изгнании с борта. А дальше?

— Интересно... — Рашид осматривал коробки. — Обрати внимание: нигде нет имени заказчика, ни на одной наклейке. Только лишь «Согласно инструкциям по перевозке, данным капитану».

— Ну и отлично. Так что же дальше делать-то?

— Наверное... Я думаю, бунтовать.

— Теперь это действительно легко устроить. А что мы сделаем с товаром? Контрабандисты неплохо заплатят за такое.

— Может, это и вариант. Сначала бунт, вопросы потом.

Бунт прошел безболезненно — в широком смысле этого слова, конечно. Приказы Рашид получал четкие и ясные, потому что из двенадцати заговорщиков действовали лишь четверо — те, которые не окончательно свихнулись.

С Джарвисом все вышло просто. Хулиганка, когда была ее вахта на мостике, дождалась, пока капитан не утомится торчать в форменном кителе, увешанном тяжелым оружием, и не повесит свою амуницию на гвоздь... В тот же момент Джарвиса и приложили. Точнее, к затылочной части черепа капитана, туда, где расположен продолговатый мозг, был с известным размахом приложен кусок мыла, засунутый в чулок. Кэпа отнесли в каюту и, поискав там оружие и взяв запечатанные инструкции по перевозке, заперли.

Моран потребовал чуть большего напряжения сил. Одна из служащих, избранная на это дело за худобу, замаскировалась под трубопровод, проходящий над дверью в каюту Морана. Когда тот, разбуженный по вызову на вахту, выходил из своей каюты, она прочла короткую молитву и свалилась ему на голову. Взрыв брани, происшедший прежде чем Моран собрался размазать «наживку» по всему коридору, дал Рашиду, Питкэрн и Т'Орстену достаточно времени, чтобы упаковать Морана в сеть. Как-то случайно вышло, что в борьбе старпома ударили киянкой по голове, и Моран отключился.

Они знали, что в его каюте обязательно спрятано оружие, поэтому заперли помощника в пустовавшем помещении. Опреснитель там действовал, а еду просовывали через узкую щель под дверью.

Рашид потрогал пальцем свою разбитую губу и отправился в недра двигателя искать Д'Вин. В руке он держал «пушку» Морана — совершенно бессмысленный предмет. Д'Вин угроз просто не понимала. Единственное, о чем она попросила, так это, когда бунтовщиков поймают и станут пытать, чтобы они рассказали, что она оказала сопротивление.

— Мы не намерены представать перед судом, — сказал ей Рашид. — Но в случае чего обещаю поддержать вашу честь.

Мятежники держали военный совет в офицерской столовой. Перед этим Рашид и Питкэрн с удовольствием подобрали меню для праздничного стола. Спиртного взяли по полбутылки на человека, хотя Рашид думал, что это многовато.

Он был прав. Однако Питкэрн сделала так, что только она и повар носили оружие. Т'Орстен замычал от ярости, услышав, что он не сможет вышвырнуть Морана за борт, не сможет закатить оргию с шикарными блюдами и напитками, не сможет отомстить Д'Вин...

Рашид дал ему немного порычать, но когда увидел, что вместо того, чтобы спустить пар, Т'Орстен, наоборот, заводится и становится просто наевшимся мухоморов берсерком, оглушил его. Т'Орстена посадили в помещение, соседнее с «камерой» Морана, а затем все вернулись обратно в столовую.

Рашид распечатал инструкцию по перевозке, прочел, поднял брови и передал бумаги через стол Питкэрн.

— Похоже, из этого ясно, что делать дальше, — сказала она, немного побледнев. — Надо искать скупщика, побыстрее сдать корабль вместе с грузом и смотаться куда подальше.

Она прочла вслух:

— «Посадка в секторе Бе-бе, посылка сигнала Бу-бу (широковещательный, скоростной). Выгрузка груза только персоналом, имеющим полномочия лично от тирана Йелада, ниже образец его подписи». Да это хозяин целой планетной системы, черт подери! А мы просто заберем его игрушки. Милое дело!

Тут в мозгу Рашида что-то зашевелилось. На самом дне. Йелад, Йелад...

— Пролетарии отдельно взятой «Сантаны»! — провозгласила Питкэрн напоследок. — У вас есть все, чего можно лишиться, в том числе и своих цепей.

— Нет, — сказал Рашид. — Нет. Я думаю, надо доставить груз по назначению.

И, не обращая внимания на выпученные глаза и разверстые от удивления рты, он взял бутылку и налил себе праздничного напитка. Дела, похоже, пошли совсем неплохо...

ГЛАВА 21

Тайный Совет со смятенной яростью отреагировал на ограбление конвоя, перевозившего АМ-2. Преступление против Империи — их Империи — выглядело тем более ужасным, что они сами крали горючее. Добавьте к этому чудовищную цену в деньгах и жизнях, все те надежды, которые они связывали со многими сэкономленными месяцами времени, что должна была дать перевозка грузов с помощью

АМ-2, и наконец испытанное ими унижение от того, что кучка пиратов побила имперские вооруженные силы.

Весь ход нападения был — загадка на загадке. Замешаны ли в нем хондзо собственной персоной? Никто не знал. Краа предположили, что они были недалеки от истины, когда выдвинули против хондзо обвинение в заговоре с целью убить их. Состав налетчиков также был совершенно загадочным. Что бхоры делали так далеко от дома? Мэлприн не сомневалась, что они всего лишь наемники. Добавочный вес ее аргументам придавало то, что человек, мелькнувший на экране во время террористической вылазки бхоров, был опознан: Стэн. Опознан в маленьком человечке, одетом в гражданское платье, при игровой войне заговорщиков; экс-«Богомол», многолетний сотрудник и, вероятно, близкий друг человека, которого они долгое время считали мертвым, — маршала флота Яна Махони, замышлявшего убить их еще на Земле. Связывая Стэна и Махони воедино, большинство членов Совета были уверены, что последний и есть источник, пусть и находящийся за занавесом, всех их проблем.

Они старались не выпячивать причины противостояния — такие, например, как и весьма большую вероятность, что Махони подозревает их в убийстве Вечного Императора. Поэтому они очень осмотрительно клеветали на Махони, особенно в присутствии новенького в их руководящем органе — полковника Пойндекса.

Если последний и предполагал, что его коллеги страдают манией преследования, то держал это про себя. Он вошел в Тайный Совет, вполне готовый пользоваться своей властью над меньшими мира сего и, никогда не забывая об этом, не делал попыток умерить злобу Совета.

Тайный Совет жаждал увидеть головы на шестах, и немедленно.

Пойндекс использовал все свое умение, чтобы расширять непрерывную «чистку». Был составлен новый, значительно больший список подозреваемых. Разосланы охотники, дабы выследить заговорщиков и предать «быстрому суду». Пойндекс тщательно следил, чтобы на охотничьих ордерах как можно реже появлялась его подпись; в крайнем случае после всех остальных.

Чистка редеющих рядов союзников Совета шла не очень успешно. Многие жертвы имели друзей и связи в кругах, принимавших решения, и Пойндекс знал, что с этим ничего нельзя поделать. Он логично рассудил, что Совет необходимо удовлетворить задолго до того, как он сам начнет захлебываться пролитой им кровью, и прилагал все

усилия, раздувая список подозреваемых за счет лиц, не имеющих существенного значения.

В одной лишь области он осторожно сдерживал вожжи. Когда Совет начинал выискивать новые мишени из числа тех, кто воровал АМ-2, Пойндекс осаживал назад.

— Мне кажется, с этим делом надо повременить, — говорил он.

— Но по каким причинам? Назовите хоть одну! — горячился Ловетт.

— После инцидента с хондзо, — пояснил Пойндекс, — даже дураку ясно, что реальная цель вашей атаки — АМ-2. И что они не виновны ни в каком заговоре.

— Я разделяю ваше мнение, — произнесла Мэлприн.

— Проклятие! — взорвалась одна из близнецов Краа. — Что такое хондзо, что такое дюжина хондзо для простого обывателя? Горстка машущих кулаками — и все! Каждая собака знает это. Они не пользуются особой симпатией.

— Возможно, — кивнул Пойндекс. — Но если мы сразу же нападем на другую систему, богатую АМ-2, независимо от объявленного повода, наши союзники почувствуют себя потенциальными мишенями.

— И правильно, — сказала толстая Краа. — Мы с сестрой можем предложить хороших кандидатов.

— Ни капли не сомневаюсь, — ответил полковник Пойндекс. — И, я думаю, ваши данные необходимо будет пустить в дело. Только не сейчас. Пока еще не время. Иначе мы потеряем слишком многих из тех, кто нас поддерживает.

Все сочли его совет мудрым. Однако, чтобы укрепить свои позиции, Пойндекс предложил несколько особо кровавых акций; это очень помогло удержать Совет в относительном спокойствии. Пойндекс также содействовал Совету в его огромных усилиях по привлечению к правосудию виновных в кражах АМ-2.

Пойндекс учуял и гнилую рыбу, которую Совет пытался спрятать. Это был Ян Махони, бывший шеф того же отдела разведки, которым сейчас командовал Пойндекс. Очень интересно! Был ли этот Махони просто жулик? Возможно. А возможно, и нет. Почему коллеги так боялись старого адмирала?

Пойндекс был уверен, что вскоре он узнает потаенные пружины всего этого и ответ будет полезен для него. А тем временем, как новый член Совета, полковник прилагал максимум усилий, чтобы ему угодить.

Кроме Пойндекса в Тайном Совете была еще одна сравнительно довольная делами личность: Кайс.

Работая в Совете, он не был в силах скрывать свою скуку. Его ни на йоту не интересовало, что из всего этого получится, хотя Кайс и старался казаться заинтересованным и высказывал свое мнение в дебатах, когда его на это толкали. Но в тот день повышенной злобливости он получил очень хорошие новости.

База данных его необычайного компьютера наполнилась, так сказать, до краев — не без помощи Лаггута, Пойндекса и целой толпы выведывателей и разузнавателей. Компьютер перемалывал данные неделями и вот наконец выдал все факты, слухи и полуслухи, которые могли послужить обнаружению Вечного Императора.

Кайс почти боялся задать вопрос компьютеру. Верить, как верил он, конечно, очень хорошо, но ведь вера — не конкретные факты. Как ученый-исследователь, Кайс знал это лучше, чем кто бы то ни было. Не безумно ли — быть уверенным, что Вечный Император не умер? Верить, вопреки известному, невзирая на свидетельства очевидцев, на то, что убийство было заснято на пленку?..

Ответить на эти вопросы мог только компьютер. В него ввели данные о предыдущих покушениях на Императора со всеми подробностями.

Ну а вдруг окажется, когда Кайс даст запрос, что программа компьютера непростительно слаба? Кайс с определенностью знал, что если сейчас он не совсем свихнулся, то такой исход обеспечит ему психолечебницу. Но если он не задаст свой вопрос, то никогда не услышит ответа...

Кайс ощущал себя в положении человека, кому сказали, что его жизнь и смерть предрешены, и чтобы узнать судьбу, он должен всего лишь взглянуть в магический хрустальный шар. Заглянуть в него было так же трудно, как и не сделать этого.

В конце концов Кайс принял решение.

Компьютер выдал ответ: с вероятностью девяносто процентов Вечный Император жив.

Узнав такие новости, Кайс был готов действовать.

Далеко-далеко от этих мест имелось еще одно существо, испытывающее чувство необычайного счастья.

После встречи с Махони сэр Эку очень много работал. В то время как его ассистенты корпели на легальных направлениях, древних и современных, он осторожно закинул удочку согласно предложению Стэна о том, что необходимо создать беспристрастный трибунал для допроса Тайных Советников по поводу убийства Вечного Императора.

Конечно, такой вопрос не мог прозвучать прямо. Однако, работая с узким кругом систем и организаций, где гарантировалось отсутствие утечки даже намека на информацию о его нелояльности, сэр Эку чувствовал, что бродит где-то на удалении от своей цели.

Он знал, что, если организация такого трибунала объявлена, должны быть лица, которых он сможет убедить присоединиться к акции. Это наверняка очень трудно, но отнюдь не невозможно. Однако прежде чем начинать подобные переговоры, манаби нуждался в законном базисе для такого органа. Иначе все дело становилось бессмысленным.

И сэр Эку нашел нужный прецедент.

Как он и предполагал, ответ пришел из времени первых дней Империи. Это было тысячелетия назад, так давно, что большинство из того, что называлось сегодня Империей, не существовало. Места ныне густонаселенные, считающиеся самым центром, тогда были дикими пограничными районами, где и не ночевали закон и порядок. Могло пройти лет шесть, а то и больше, прежде чем в такой район прибывал имперский выездной судья, чтобы разрешить местный конфликт.

Вечный Император отлично знал, что нельзя откладывать решение ситуации до момента, когда нарыв созреет. Поэтому он стимулировал создание местных магистерских советов, уполномоченных решать практически все гражданские проблемы. Решение такого совета могло быть опротестовано в апелляции к региональному имперскому губернатору, но срок слушания ее был столь чудовищен, что мало кто пользовался этой возможностью.

В случаях серьезных, угрожающих жизни преступлений Император был много более осторожен. Сэр Эку читал его опасения между строк. Тюрьмы и казни легко становились инструментом мести. Не похоже, что Император сильно беспокоился о моральной стороне дела, просто он не хотел, чтобы нераскрытые преступления вели ко все большей нестабильности, кровавой вражде и распространению войн.

По этой причине магистерские советы были ограничены в своих полномочиях. Если перед советом представал подозреваемый в серьезном насильственном преступлении, совет лишь уточнял, имело ли место преступление на самом деле, квалифицировал его и определял, ответственно ли лицо, представшее перед советом, за это преступление. Для получения доказательств магистерский совет был уполномочен вызывать свидетелей, в том числе — силой, если необходимо, арестовывать подозреваемых и подвергать репрессиям

тех, кто противодействует следствию. А если преступник считался особо опасным, Совет имел право задерживать его в тюрьме до тех пор, пока не прибывал имперский судья для рассмотрения дела.

Система работала настолько хорошо, что Император поддерживал ее существование много сотен лет. Посему сэр Эку имел миллионы прецедентов, на которые мог опереться.

Законодательный инструмент он нашел. Единственное, в чем он теперь нуждался, — это судьи.

ГЛАВА 22

Огромное существо в полицейской форме расхаживало по доку. Коп был в очень плохом настроении. В дальнем конце площадки молчаливо стояла корявая «Сантана». Люки ее оставались накрепко задраенными, несмотря на все усилия заставить кого-нибудь оттуда — хоть кого-то! — откликнуться.

Лейтенант Скиннер бормотала непристойности — шепотом, бросая мрачные взгляды на бездельничающих рабочих, которые нагло посмеивались над ее затруднением. Поганая команда штрейкбрехеров помалкивала. Если юмор толпы перерастет в насилие, им неоткуда ждать помощи — слишком далеко они забрались. Экономические меры тут не срабатывали. Профсоюз докеров и транспортников слишком силен и карман у него чересчур глубокий даже теперь, во времена ужасающей безработицы.

Скиннер никак не могла взять в толк, что же произошло. Капитан отделения сказал ей, что работа предстоит плевая. Небольшая услуга тирану Йеладу, и вдобавок она зачтется в послужной книжке лейтенанта Скиннер.

Все, что от нее требовалось — извлечь груз из «Сантаны». Кое-какие «приватные» вещицы тирана. Как обычно, Скиннер могла по своему усмотрению выполнять эту работу. То, что лейтенант решила использовать для этого рабочих, не состоящих в профсоюзе, вряд ли необычно и не могло выглядеть провокацией. В подобных случаях подрядчик приходит к служащему соответствующего профсоюза, и тот оценивает, сколько народу необходимо для выполнения работы. Взятка устанавливается как удвоенная их оплата; затем штрейкбрехеры допускаются к выгрузке, а служащий профсоюза распределяет деньги между теми, кто обычно обрабатывает тюки. Хороший вкус держи при себе. Это единственное правило. Скиннер несколько раз сама

«подцепляла» таких подрядчиков, находясь при исполнении обязанностей по обеспечению правопорядка на Дьюсабле.

Но что, черт побери, все-таки произошло? Они подкатили к грузовому кораблю, а оттуда никто не показался. Скиннер дала нетерпеливый гудок — мол, что застряли? Безответно. Еще гудок, и снова нет ответа. Что за игры? Денег достаточно, чтобы заплатить всем, начиная от шкипера «Сантаны»...

Из своей конторки вышел служащий профсоюза. Глаза темные, словно дерьмом налиты.

— Убирайтесь отсюда! — выкрикнул он.

— Что за черт? Мы ведь договорились, ты что, забыл?

— Конец договору. Единственная причина, что я еще разговариваю с вами, вместо того чтобы послать ребят начистить вам рожи, это ваши деньги. Вот я и предупреждаю по-хорошему — убирайтесь сейчас же!

Скиннер начала раздуваться, чтобы более убедительно походить на стража порядка, хотя и так была весьма внушительных пропорций. Однако прежде чем она успела довести свой гнев до нужного накала, раздались приветственные выкрики. Лейтенант стремительно повернулась, чтобы встретить грудью новую напасть, — и остолбенела с разинутым ртом.

Здесь был солон Кенна! Он шел, окруженный помощниками, в большой толпе докеров, а рядом суетились телевизионщики из новостей. Полубог. Скиннер знала, что наступил момент, когда ей надо исчезнуть из виду. Нынешний год — год выборов. Конкретно выборы должны состояться через две недели, отчего положение становилось еще более щекотливым. Особенно из-за того, что Кенна был противником Йелада на выборах. Чертов отделенный капитан! Скиннер поспешила ретироваться.

Солон Кенна занял позицию перед кораблем. Это был крупный пожилой мужчина, носивший свой огромный живот, как подобает закаленному политику. Нос его распух от многочасового общения с батареями бутылок, однако глаза смотрели живо и реакции были быстры. А еще он отличался широченной улыбкой — как у лягушки, заглатывающей добычу.

Повернувшись к любимым своим телерепортерам, Кенна включил улыбку на полную мощность.

— Я не буду больше говорить о вероломстве моего оппонента. Пусть вместо меня говорят факты. Сами за себя. Скоро они заговорят, скоро! Сейчас я объясню бедным, но честным труженикам там, внутри, с которыми так дурно обошлись, что они среди друзей, и они появятся с чудовищными доказательствами алчности тирана Йелада.

— Погодите секунду, босс, — произнес репортер. — Вы уверены, что хотите говорить о вероломстве? Я имею в виду, что, назвав один раз половую тряпку валяющимся мешком, можно зайти очень далеко. Впрочем, не знаю. Слова имеют разные значения. Люди могут подумать, что вы пошутили.

— Не берите в голову, — ответил Кенна. — Напишите так, как считаете нужным. Я полагаюсь на ваше профессиональное чутье.

— Еще вопрос. Зачем мы вызываем этих парней? Мы ведь не считаем, что они мятежники, правильно? Я хочу сказать— вы это не подразумеваете?

— Совершенно нет. То, что мы здесь видим, — несправедливость в чудовищной форме.

Солон хотел продолжить, но в это время из толпы докеров раздались радостные возгласы: грузовой люк корабля открылся и из него вышла измочаленная команда.

Рашид стоял в стороне, наблюдая с профессиональным интересом за разворачивающимися событиями. Питкэрн держалась как главный объект для интервью. Остальные бунтовщики внимали кивкам и подмигиваниям Питкэрн и Рашида, уверенные, что все они сделали доброе дело.

Но гвоздем программы был незаконный груз. Кенна осматривал его с видом ценителя. Выражение лица солона менялось от скорбной печали до гнева и негодования на жадность тирана, транжирящего скудные запасы АМ-2 на предметы роскоши, в то время как остальное население умирает от голода.

«Неплохо, — подумал Рашид. — Пусть даже парень и проявил скверную привычку бросаться причудливыми словами, когда не надо. Не так уж важно, что он злоупотребляет языком. Те, которым он предназначил свою речь, не понимают этого. Они могут обидеться только потому, что он действует слишком уж с помпой. Между прочим, он почти заглотил наживку».

Рашид еще раз удивился, откуда он так много знает о подобных вещах, но загнал свое недоумение вглубь со странным ощущением, что за ним кто-то или что-то наблюдает издалека.

Он заметил, что Питкэрн указывает на него. Кенна поглядел и улыбнулся волчьей усмешкой. Рашид не понял, что это значило, однако вскоре все выяснилось. Солон жестом велел съемочной группе отойти и направился к нему. Рашид решил не мельтешить и играть теми картами, которые выпали.

Кенна навис над Рашидом, освещая полдока своею улыбкой.

— Как дела, друг? Я — солон Кенна, смиренный слуга этих несчастных трудолюбивых созданий.

Затем, когда Рашид пожимал протянутую руку, Кенна придвинулся поближе и прошептал:

— У меня есть несколько слов к прибывшим. Нам необходимо поговорить — позже.

— Да, вы правы. Надо поговорить.

Система Каирен состояла из примерно дюжины малонаселенных сельскохозяйственных миров и одной большой портовой планеты — Дьюсабла. Именно здесь Танз Сулламора испытал свою вторую фортуну — в кораблестроении. Заводы, в три смены грохотавшие во время войны, были теперь безлюдны. Кризис с АМ-2 поразил практически весь Дьюсабл.

Топливный кризис — это скверно для какого хочешь мира. Но для Дьюсабла он явился настоящей катастрофой, потому что планетная система Каирен была дремуче отсталой. Теперь здесь существовала одна лишь индустрия — политическая. Вряд ли было хоть одно существо на планете, не считавшее, что смысл его пребывания в сем мире — попечительство и руководство. Руководить желали все — от судомойки и швеи до полисмена и предпринимателя, от девочки для увеселений и до регионального начальства. Ну и, конечно, сам тиран Йелад тоже был попечителем.

Политическая система здесь была громоздка и продажна до самой верхушки, но действовала веками, причем неплохо.

Йелад правил уже тридцать лет. Его влияние было настолько велико, что, казалось, он абсолютно непобедим. Хотя пусть он и выигрывал с легкостью каждые четыре года на выборах, это не означало, что его оппоненты так уж беспомощны.

В системе государства были провозглашены «противовесы» и органы контроля, но это ничего не давало, так как все эти институты отличались не меньшей коррумпированностью. Ниже тирана Йелада стоял Совет солонов. Каждый его член вел группу регионов — отделений; избирателей, живших там, он опекал, давал им работу, советы и помогал своим влиянием. Хороший солон делал так, чтобы никто не оставался без его опеки. Если у кого-то возникали затруднения с деньгами на продукты, он направлялся к капитану отделения. Туда же шли супруги в случае пьянства или грубого поведения другой половины. Каждому гарантировалась бесплатная койка в больнице. Налоги были вообще отменены.

Вместо этого повсюду текли реки взяток. Из рук проститутки в руки сутенера, оттуда — к полицей-

скому. Полисмены тоже платили — за проезд в богатые курортные зоны, где можно поживиться. Еще они платили за звание, делавшее их стоящими выше по лестнице получения взяток. Боссы гангстеров платили в два конца: с одной стороны — полиции, а с другой стороны — политикам. И все они платили капитанам отделений, которые, в свою очередь, пополняли кошелек солона, контролирующего данный регион.

Солоны делились поступавшими деньгами с основными лидерами, которые реально руководили всем. Примером такого лидера и являлся тиран Йелад. Он пришел к власти как реформатор, так же, как и тиран, бывший у власти до него.

В нынешних выборах новым многообещающим реформатором стал солон Кенна, президент Совета солонов и злейший враг Йелада. Сила Кенны проистекала от профсоюзов, в частности ПДТ. Вот почему после трех неудачных попыток встать у кормила Кенна был убежден, что в этом году удача ему улыбнется. Орды безработных являлись его ударным кулаком. Кенна тузил этим кулаком Йелада более полугода. Но сейчас, за две недели до конца матча, требовалась чистая победа. Если Кенна не сумеет достать противника нокаутом, то сойдет с дистанции своего столь долгого забега; разве что чудо поможет ему.

Кенна надеялся, что таким чудом станет Рашид. И, чем дольше они беседовали, тем крепче росла в нем уверенность в этом.

Рашид спросил его о положении с финансами — насколько полон кошелек предвыборной кампании Кенны?

Тот ответил — денег достаточно. Рашид покачал головой и посоветовал ему набрать больше, намного больше. Кенна спросил — зачем.

— Первый закон, — ответил Рашид. — Деньги — материнское молоко политики.

Такой ответ сказал многое. Этот человек явно не новичок в политике. Кенна видел слишком много кампаний, проигранных по причине нехватки денег. Рашид, очевидно, опытный деятель уличного масштаба, который понимает, как игра ведется — от самого верха и до самого низа, вплоть до сточной канавы.

Кенна обнаружил, что ему легко быть откровенным с Рашидом, потому что... Потому что тот понимает, черт побери! Парень понимал!

Следующий вопрос, однако, вернул солона к действительности.

— Почему вы рассказываете мне все это? Чего от меня ожидаете? Я всего лишь корабельный повар и, в известном смысле, повар мятежный.

— Перестаньте, — прервал его Кенна. — Бросьте это. Здесь вы среди друзей. Кроме того, я уже в курсе. Я знал о вас, когда вы еще находились в полете.

— Кто вам рассказал?

Рашид решил, что это проверка — значит, он клюнул.

— Имя я не могу назвать прямо, — ответил Кенна. — Вы знаете это так же хорошо, как и я. Информация дошла до меня... по теневым каналам. Мне сообщили, что прибывает «Сантана», причем с таким грузом, который я, если не желаю свалять дурака, должен проинспектировать. И, что самое главное, меня предупредили, что на борту присутствует человек, играющий роль судового кока. Он — великолепный политический стратег.

Кенна взглянул на Рашида и продолжал:

— Я не могу рассказать вам, как мы взаимодействуем. Вам достаточно знать, что есть очень влиятельные лица вне нашего мира, поддерживающие нас. И что спасение — на этом пути.

Рашид размышлял. Почему-то все это ему было небезразлично. Еще он удивлялся, отчего лица из внешнего мира не проинформировали также и его. Но он похоронил эту мысль.

Это была еще одна проверка, может быть, последняя.

— О'кей. Договорились. Я поднимаюсь на борт.

Кенна глубоко, с облегчением вздохнул.

— Кто еще участвует в забеге? — спросил Рашид.

— Только один соперник. Солон Уолш. Он не имеет шансов, хотя и искусен в политике так, будто занимался ей с рождения. Но он молод. И глуп.

— Каков его главный пункт?

— Реформа, — сухо произнес Кенна. — Он пытается похитить моих сторонников, как я догадываюсь. Ведь реформа— это моя платформа. Уолш явно не в силах выработать свою собственную идею.

— По всей вероятности, за ним стоит Йелад, — сказал Рашид. — Предназначение Уолша — отвлечь от вас сторонников.

Кенна испугался, но заставил себя сохранить спокойствие. Это было единственное, что он мог сделать.

— Хорошо... Вот как мы будем действовать, — произнес Рашид. — Нам нужны три вещи. Во-первых, нам нужен Болван или Марионетка. Во-вторых, нужна Идея. — Он сделал затяжной глоток из бокала с бренди, который Кенна не уставая наполнял.

— А что же третье? — спросил солон.

— Непринужденность, — ответил Рашид. — И тогда мы возьмем победу.

ГЛАВА 23

Самоуничижение и кротость, пожалуй, никогда не были присущи миру. Но порой они способны перевернуть его почище самого катастрофического землетрясения.

Наполеона мучил геморрой. Ночь перед исторической битвой он плохо спал и на следующий день ходил сонный. Двадцать пять тысяч его солдат погибло тогда, и он перестал быть императором.

Так случилось, что три женщины-шифровальщицы сговорились — и секреты Третьего Рейха оказались раскрыты. По меньшей мере десять миллионов немцев погибло тогда.

Кстати, говорила Зоран, похихикивая, один из фанатично преданных культу сектантов принес сенсационную новость. Появилась новая святыня, потрясающая ум легковерностью приверженцев секты. Это не гора, на вершине которой Вечный Император явился своим сторонникам, и не груда костылей, брошенных за ненадобностью после того, как он явил чудо.

— Хлеба могли бы служить сравнением.

Кайс глядел непонимающе.

— О, мои извинения, — сказала Зоран. — Был такой древний культ на Земле — Христеры. Так вот, хлеба — одно из чудес, в которые они верили. Моя сумасшедшая новость претендует на нечто чуть-чуть меньшее. Яйца (Громкий смешок), для обездоленных. Не миллионы, и не для того, чтобы насытить голодных. Для посетителей.

На планете Йонгджукл в космопорту располагается маленький ресторанчик, рассказывала Зоран.

— Я не смогла найти его на карте, но полагаю, что он где-то там.

Как сообщал помощник Зоран, там готовили еду точнехонько во вкусе Великого Императора, используя его собственные рецепты.

— Или по крайней мере такие, — добавила она, — которые были опубликованы до того, как Вечно Первый решил на время исчезнуть. Небольшой... фетиш (Смешок.) для нас? Я сама готовила такие блюда и наслаждалась.

Кайс заинтересовался. Действительно, Вечный Император любил представлять себя поваром-кулинаром.

Но чтобы Зоран готовила такие же блюда... Нет, это ерунда. Тут надо быть кулинаром с особой фантазией.

— Ах нет, рецепты переданы хозяину ресторана одним загадочным поваром, который появился у него, поработал немного, а потом исчез. Мой чудак рассматривает это как знамение. Он истово описывает человека в белом фартуке, и конечно, это описание именно такое, какого можно ожидать от человека, мечтающего о чуде. Ох, ну ладно. Когда Император сочтет нужным вернуться из своего пребывания в Горних Сферах, я спрошу, не провел ли он там все время наедине с грязным котлом и половником.

Кайс связался с Йонгджуклом и приказал самым опытным психоаналитикам побеседовать с членами нового культа, а также с посетителями того ресторанчика, которые могли видеть повара. Описания, конечно, различались, но в общем они с достоверностью соответствовали внешности Вечного Императора. Кайс решил опросить владельца ресторана, однако тот отказался общаться и даже вышвырнул лазутчиков вон из своего кабачка. Название кабачка, кстати, было «Последний выхлоп».

Кайс приказал организовать слежку за владельцем ресторана, человеческой особью мужского пола по имени Пэттипонг, но слежка провалилась — Пэттипонг переоделся и смылся до закрытия своего заведения, так что автоматы электронного наблюдения не сработали. Филеры, поодиночке и группами, пытались сесть ему на хвост, но он оторвался. На следующий день он пришел к открытию «Последнего выхлопа», улыбаясь как ни в чем не бывало и выказывая полное непонимание такого повышенного внимания к своей персоне.

Кайс хотел было выписать ордер на арест Пэттипонга, но сам себя остановил: «Ты на что-то вышел. Момент решающий. Не надо паниковать. Не спеши с решениями».

Он приказал Лаггуту с командой программистов ввести в компьютер и проанализировать все — абсолютно все! — события, происшедшие на Йонгджукле за шесть лет, и сосредоточить внимание на последних нескольких месяцах. Если таинственный повар — именно Император, вряд ли он будет долго использовать эту захудалую планету в качестве своей базы.

Компьютер обнаружил особняк — или то, что осталось от особняка. Поместье в течение нескольких поколений принадлежало одной чрезвычайно богатой и очень таинственной, удалившейся от мира семье, ни разу не наведавшейся в свое владение. Недавно, однако, там сел корабль,

из которого вышел только один человек — по всей видимости, наследник семейства. Он пробыл в уединении очень недолго и затем исчез. Усадебная прислуга была уволена, дом снесен, а земельный участок передан государству. Особняк и его владельцы уже были темой заметок о тайнах и загадках в местной прессе. Снос дома привлек новый интерес публики лишь на день. Однако последующих новостей не поступало, и любопытство к событию быстро угасло.

«Особняк, — волнуясь, размышлял Кайс. — С одной из лучших библиотек и компьютером».

Этого было достаточно; он приказал арестовать Пэттипонга. Двое опытных оперативников Йонгджукла пошли брать худенького человечка. Дингисвайо Пэттипонг прикончил обоих и снова исчез, на этот раз окончательно.

Кайс пребывал в дикой ярости. Усилием воли он заставил себя продумать все еще раз. Это не катастрофа. Человеческий разум не справился с задачей, но искусственный интеллект...

Кайс «прокрутил» Йонгджукл, соседние планеты и окрестный галактический сектор через все программы анализа, которые только были; он нашел то, что искал.

Поиск Кайса почти завершился.

ГЛАВА 24

Начали с Марионетки.

Рашид оставался сзади, пока в течение часа Кенна вел подготовительную работу с солоном Уолшем. Даже востроглазая помощница Уолша, Эври, перестала обращать на него внимание во время брачной игры, которую ее босс вел с Кенной.

По профессиональному мнению Рашида, Уолш имел все задатки идеального кандидата. Молод, прилизанно-приятная наружность, говорит без запинки, взгляд спокойный и чистый. Одежда без пятен от пищи; благодаря аккуратной прическе, имевшей очаровательную манеру слегка растрепываться после нескольких минут разговора, Уолш выглядел естественно, без напряженности. Видимо, в этих вопросах прислушивался к совету специалистов.

Честность из него прямо лезла наружу — это единственное, на что способен человек с низким коэффициентом интеллекта. Столь замечательный, открытый взгляд — следствие того, что глубже хрусталика и сетчатки боль-

ше ничего нет. Однако глупость может оказаться главным преимуществом кандидата — до тех пор, пока он слушает умных людей. Как понял Рашид, в данном случае умным человеком была Эври.

— Я поражен, узнав, что между нами так много общего,— сказал Уолш, когда круговерть политических танцев поулеглась. — Например, у меня и мысли не возникало, что вы настолько прочувствовали этот подход к вопросу выплат. Да! После такого разговора все наши аргументы друг против друга рассеялись, как прах: — Он для убедительности щелкнул в воздухе пальцами.

Солон Кенна соорудил мягкую, отеческую улыбку:

— Недоразумение, только и всего. Видите, что получается, когда двое честных людей побеседуют откровенно?

— Получается хорошее дерьмо, вот что выходит, — вмешалась в разговор Эври.

Уолш метнул на свою помощницу нервный взгляд; он был готов зажать ей рот рукой, если она произнесет еще хоть слово в том же духе. Отлично. Клиент обработан.

— Но при чем здесь мы? — Эври пошла в атаку. — Каковы ваши предложения? Должны же быть предложения, иначе вы не стали бы напускать весь этот дым. Если думаете, что солон Уолш примет все всерьез и раскинет шатер в вашем лагере... Не знаю... Что у вас на уме?

Кенна отработал этот выпад, глазом не моргнув. Еще очко в его пользу. Рашид все четче видел план.

— Прямо в точку, как всегда, юная Эври! — осклабился Кенна. — Если позволите, господин Рашид поможет мне в разъяснении нашей позиции. Нельзя даже передать словами, насколько он заслуживает доверия.

Эври сузила глаза, когда Рашид присоединился к игре.

— Солон Кенна и я изучили возможные пути. Все согласны, что нашему обществу нужны перемены. Тиран Йелад просто не способен больше проводить реформы. Беда в том, что, как ни снимай колоду, верхней картой оказывается он. А это потому, что Уолш и Кенна бьют друг друга. Разве я не прав?

Эври кивнула. На ее губах появилась тень улыбки.

Рашид понял, что она означает. Необходимо взяткой перешибить взятку от Йелада, а вдобавок и его послевыборные обещания.

— Итак: единственное, что предполагает солон Кенна, — это уйти со сцены. И передать свою поддержку вам. — Рашид кивнул в сторону ошалевшего Уолша.

Изумленное бормотание понеслось из трех ртов.

Рашид вернул собрание в нужное русло и разъяснил подробности. Кенна передает изрядный куш своих предвыборных денег Уолшу, которому надлежит проводить свою кампанию на высоких оборотах, расклеивать повсюду свои плакаты, активно выступать с предвыборными выступлениями. Но это — лишь для виду. Действительно крупные суммы следует направить в те несколько сильных отделений, где имеется большое количество независимых избирателей — людей, держащихся до конца с тем, чтобы в результате получить наибольшие деньги.

Тем временем Кенна должен вести борьбу вяло, и его поддержка начнет утекать.

— За два дня до выборов, — продолжал Рашид, — Кенна выходит из игры. Говорит, что на него нашло прозрение и т. д. Что прозрение это вызвано убедительными речами его главного оппонента — солона Уолша. И затем передает свои голоса вам.

Сразу на этом не сошлись, о нет. Надо было обеспечить железные гарантии того, чтобы не произошло предательства в последнюю минуту. Договорились. Далее были улажены остальные неясности. Уолш становился тираном, а за это Кенна должен был получить еще большее влияние. Эври ни слова не произнесла о «зарплате». Ее больше интересовало пребывание у власти, находясь в тени трона тирана.

— Всего этого недостаточно, — сказала Эври. — Даже если мы объединим силы, Йелад будет иметь преимущество в голосах. Слишком много независимых. Допустим, мы как-нибудь преодолеем и это. Но Йелад — броненосец непотопляемый. Он всегда окажется наверху, что бы мы ни делали, используя голоса мертвых.

То, о чем упомянула Эври, было старым добрым обычаем, принятым на Дьюсабле. Существовала даже такая шутка, что никто в действительности не умирает насовсем. Свидетельства о смерти сбрасывались в компьютерный банк Йелада, и имена усопших фигурировали в избирательных списках. Если люди Йелада видели, что счет идет не в его пользу, они подключали голоса мертвых. Или не мертвых, а живых, эмигрировавших из Каирена, которые также сохранялись в списках избирателей.

Конечно, Йелад не слишком откровенничал по этому поводу. Миллионы и миллионы несуществующих избирателей — это все же чересчур. Надо было создавать видимость. Поэтому команда Йелада внимательно следила за ходом голосования — задача нетрудная, благодаря нарочито устарелым методам регистрации голосов.

Во-первых, каждая взрослая персона по закону обязана голосовать. Система отделений и взаимных выплат не могла бы работать, если бы каждый не участвовал в игре, физически или хотя бы морально. Во-вторых, каждый избиратель регистрировал у солона свой выбор. На участки голосования приходили с паспортами, и по ним регистрировались избирательные бюллетени для проверки их впоследствии капитанами отделений. Как много для тайного голосования! В итоге избирателей буквально за уши тащили на участки, в отличие от большинства жителей остальных частей Империи, которые голосовали на дому, по компьютерной сети. Такая система открывала перед главным вором типа Йелада множество любопытнейших путей для надувательства.

— Как нам этого избежать? — спросила Эври.

— Решим, — твердо заявил Рашид. — Конечно, довольно сложно, зато делает игру интересней. Но нам следует некоторое время держать наши намерения в тайне. Если вы не возражаете.

Никто не возражал. Рисковал Кенна. Эври знала, что никто не будет сердиться на Уолша — тот ведь всего лишь Пустышка, манекен.

Сделка совершилась.

Рашид взялся за следующее: Проблему.

Йелад олицетворял собой статус-кво, Кенна — работу для масс, а Уолш — ничего, кроме пустых слов. Требовалась Проблема.

У Рашида был задуман трюк «гринго». Никто из присутствующих, кроме него, не знал происхождения слова, но понимал, что оно значит. Нападая на кого-то находящегося извне, большого и далекого от вас, можно списывать на него все беды и обвинять во всех грехах, не рискуя получить достойный ответ.

Таким образом, объектом нападок Уолша, его Проблемой стал Тайный Совет. По вине Совета после смерти Императора началась повсеместная неразбериха. По вине Совета разразился кризис с горючим, приведший к столь трудным временам. Йелад будет вынужден встать на защиту Совета — если он этого не сделает, всемогущий Имперский Совет измолотит его в прах.

Когда Рашид изложил свою идею Кенне перед встречей с соперником, тот так разволновался, что задумал отказаться от сделки с Уолшем и запустить под этим флагом свою собственную кампанию. Рашид остудил его пыл, указав, что поскольку Кенна имеет весьма высокий пост президента Совета солонов, Тайный Совет будет чрезвы-

чайно раздражен его атакой. Им совсем не нужно внимание такого рода, строго предупредил Рашид. Эта мысль заставила самого Рашида почувствовать себя как-то неуютно, хотя снова он не мог понять почему.

— Пусть это сделает Марионетка, — говорил Рашид. — Они решат, что он просто хватается за соломинку, так как не видит способов победить. Им будет наплевать, что там болтает Пустышка, и они проворонят всю ситуацию.

Разъяснять затею Уолшу не было необходимости — Эври все поняла; и этого было достаточно.

Кенна находился в приподнятом состоянии духа, когда они уходили из бара. Все было на мази.

Рашиду хотелось, чтобы Кенна сохранил хорошее настроение, поэтому он стал расхваливать данное ими представление.

— Трюк, который вы только что провернули, — изобретение мастера, — сказал Рашид. — Он называется «росстомас».

— А что это означает? — поднял брови Кенна.

— Это значит, что теперь все дураки в этом городе на нашей стороне.

Кенна смеялся на всем пути до штаб-квартиры.

Затем были еще встречи с ключевыми фигурами, которых предстояло подкупить, впутать или завлечь — или и то, и другое, и третье вместе. Результаты были на радость одинаковы.

Одну встречу, однако, Рашид решил провести самостоятельно, в одиночку.

Это была встреча с Пэйви — гангстерским боссом. Она имела известность самого жесткого, осмотрительного и никому ничего не прощающего представителя преступной знати Дьюсабла. Ее вотчиной являлись несколько крупнейших независимых отделений. Много денег прошло через ее руки, но грязных следов не оставили. Пэйви командовала пороками всех мастей — начиная от проституции мужской и женской и до самых сильных наркотиков. Ее финансовые акулы были самыми сильными и опытными. Ее воры были самыми ловкими. К тому же Пэйви была красива, как античная богиня.

Облегающее платье превосходно сидело на ней. Формы миниатюрной фигуры были столь совершенны, что даже самые высокие мужчины смотрели на нее снизу вверх. Темные волосы, коротко постриженные «шапочкой», угольно-черные глаза с жесткими мерцающими алмазными искорками изощренного ума...

Встреча проходила в уютной маленькой комнатке где-то в глубине огромного — в один квадратный ки-

лометр — прибежища пороков, которое Пэйви называла просто Клуб.

Она приказала своим ассистентам — типичным головорезам — удалиться из комнаты после первого обмена любезностями.

Еще раньше Рашид был обыскан (даже за зубы заглянули, как коню!) на предмет ношения оружия в бронированном помещении рядом со входом в Клуб. Хотя, собственно говоря, Рашид мог сломать эту длинную стройную шейку одной рукой, что и сама Пэйви, конечно же, знала не хуже его. И все-таки она отослала телохранителей. По ее глазам Рашид понял, что женщина поняла его намерения. Он пришел сюда для сделки, а не для убийства.

Когда они остались вдвоем, Пэйви наполнила бокалы своим любимым ароматическим ликером, сбросила отделанные драгоценностями домашние туфли и уселась на мягком сиденье, поджав под себя ноги. Качнула в воздухе бокалом в сторону Рашида и отпила глоток. Рашид последовал ее примеру.

— А теперь расскажите мне, что у вас на уме, — с ленивой улыбкой пропела она.

Рашид невольно подумал, что так мурлычет смертельно опасный хищник.

Он рассказал программу. Проблема, сообщил Рашид, состоит в том, что нельзя точно сказать, как все выйдет.

Пэйви кивнула.

Люди Кенны весьма удовлетворительно провели подготовку. Оставалось сказать главное — что от нее требуется, и лишь вкратце обрисовать основные моменты; подробности можно будет отработать позже.

Чем дольше он говорил, тем чаще улыбалась Пэйви. Ей такое нравилось. Кому-то это обойдется в очень приличные деньги. Пару раз она посмеялась, а после поведала Рашиду, чего она хочет взамен, — назвала сумму, которой хватило бы осчастливить небольшую планету сроком на год. Рашид уменьшил эту сумму на четверть — только потому, что чувствовал: она не поверит, если он не попытается это сделать.

И тут Пэйви удивила его.

— А каков ваш интерес? Что вы попросили у Кенны?

— Я не говорил с ним об этом, — был ответ.

— Очень мудро, — сказала Пэйви, кивая. — В случае победы вы сможете получить от него примерно столько же, сколько хочу я.

Рашид понял, что она права. Конечно, Кенна задавал ему такой вопрос: что он хочет получить за свою работу? И весьма насторожился, получив ответ: «Потом раз-

беремся». Так зачем же он делает все это? Рашид и сам не мог понять.

Пэйви расспрашивала о других политических баталиях, в которых он участвовал, как один вор расспрашивает другого о секретах ремесла, давая возможность уходить от всего, что могло изобличить. Но не в этом заключалась проблема. Насколько Рашид мог понять себя, это были первые выборы, в которых он участвовал как эксперт; поэтому, рассказывая, он вдохновенно врал. Из него лились байки о политических событиях, где победы чередовались с отчаянными неудачами и ошеломляющими поворотами. И, довольно странно, но когда Рашид плел свои небылицы, а Пэйви не давала пустеть бокалам, ему казалось, что это совсем не ложь.

Наконец стало совсем поздно. Пора уходить. Рука Пэйви нерешительно плавала над кнопкой вызова телохранителей, чтобы те сопроводили Рашида к выходу. Вдруг лицо ее озарила странная улыбка. Пэйви разрумянилась, губы ее были мягкими, глаза дикими и голодными...

— Если хотите, можете остаться, — очень мягко прошептала она.

Длинные ее ногти поглаживали тончайшую ткань платья. От скрипящего звука Рашида продрал мороз по коже.

Он обдумывал ее требование — потому что это было именно требование.

Что привлекло к нему женщину столь неожиданно? Он видел причину. Близость его к власти — реальной власти. Но ведь он всего лишь Рашид. Разве не так? Где она, эта власть? И вдруг он понял. Внутри. Власть была внутри его существа.

Только не надо спрашивать почему и зачем. Пока не надо.

Он остался.

Сорок пятое отделение относилось к числу малонаселенных. Так было не всегда. Главное занятие обитателей окрестных трущоб состояло в заполнении рабочих мест по программам общественных работ, которые предоставлял тиран. До кризиса с АМ-2 все на Дьюсабле были так или иначе привлечены к этим работам.

Строились мосты — дублеры совершенно исправных арок в нескольких метрах рядом. Строились ненужные дороги, такие же ненужные высотные сверкающие общественные здания, что всегда сопровождалось хорошей оплатой и снабжением.

А причина в том, что каждый раз, когда сочинялись раздутые платежные ведомости, для оправдания

расходов требовались все новые конторы. Министерства постоянно воевали друг с другом за дополнительные ставки и служащих, наращивая свою власть, и за шикарные офисы, где эти служащие должны сидеть, тем самым увеличивая свой престиж.

Так что нужда в рабочих местах существовала всегда и была огромной. Сорок пятое отделение неизменно славилось выбиванием максимально высокой оплаты для самых захудалых предприятий. Большие прибыли здесь заставляли всех пошевеливаться.

Но затем наступили тяжелые времена. Йелад был вынужден сбросить 45-е отделение с телеги финансирования рабочих мест. Жители стали возмущаться. Длинные очереди обиженных целыми днями стояли у дверей капитана отделения. К концу дня начальство успевало принять очень немногих.

Так что когда над окрестностями 45-го раздалось жужжание гравитолета начальства, это было встречено с тихим, но острым интересом. Окна машины были закрыты и затемнены; впрочем, никаких сомнений насчет того, кто находится внутри, не возникало — над радиатором развевался флажок тирана Йелада.

Машина двигалась медленно, как бы инспектируя закрытые магазины и предприятия с вывеской «Продается». Обитатели, бродившие по улицам — а их было много, поскольку работы было мало, — гадали о цели визита. Может, великий тиран привез великий сюрприз — например, премиальный контракт? Несколько потрепанных машин двинулись следом за правительственным экипажем на почтительном расстоянии от него.

Машина тирана свернула на дорогу, ведущую к дому капитана отделения. Ага! Хорошие новости.

Неожиданно гравитолет прибавил газу, как будто пассажир дал резкое приказание шоферу ехать отсюда.

В этот момент маленький пухленький мальчик стрелой метнулся через улицу вдогонку за мячиком. Гравитолет несся по дороге. Ребенок испуганно поднял невинные глаза и застыл на месте. Машина пока что вполне могла затормозить. Прохожие закричали слова предостережения ребенку. Матери завизжали, заранее сочувствуя возможному горю...

Дитя повернуло и неловко качнулось в спасительную сторону. И тут, как нарочно, машина ускорила ход. Будто намеренно!..

Гравитолет ударил ребенка, и, под громкие крики ужаса, тельце его, закувыркавшись в воздухе, упало

на землю; хлынула кровь. Машина резко стала. Из нее выскочил одетый в униформу водитель. Прохожие сбегались к месту происшествия, но шофер выхватил пистолет и крикнул, чтобы никто не подходил. Они повиновались.

Водитель подошел к лежащему ребенку, оглянулся на машину. С шипением открылось боковое стекло, и люди увидели, будто кто-то внутри повелительно машет рукой. Шофер подхватил тельце и сунул его в машину, как какой-нибудь предмет.

В толпе раздались крики протеста. Водитель прорычал ругательство и угрожающе махнул оружием. Но толпа была в ярости. Все рванулись к гравитолету. Водитель вскочил в машину, и она унеслась, оставив позади разъяренных избирателей. Избирателей, которые теперь ненавидели само имя тирана Йелада — того, который презирал их настолько, что запросто давил их потомство.

Рашид швырнул пилотку на заднее сиденье машины. Тело, валяющееся там, зашевелилось, и ребенок сел.

— Дай тряпку, черт тебя побери! — потребовало дитя.

— Первый акт прошел очень удачно, — сказал Рашид, передавая назад ветошь. Мальчик стал обтирать бутафорскую кровь.

При близком взгляде в лицо мальчика на нем сразу обнаруживались морщины; циничные глаза быстро перебегали с предмета на предмет. «Малец» зажег огромную сигару, глубоко затянулся и, выдохнув, наполнил салон вонючим облаком.

Малыш творил дела на этом свете лет уже пятьдесят, не меньше.

— Сможешь на бис? — спросил Рашид.

— Нет проблем. Раза три-четыре, пока не слишком утомлюсь. А потом могу стать немного небрежным — понимаешь, что я имею в виду?

Рашид ответил, что понимает.

— Как насчет небольшого антракта и свидания со стаканчиком? — спросил «ребенок».

— Нет. Сначала в тридцать шестое.

«Ребенок» гадко ругнулся, но Рашид не обращал внимания. Все равно актер был очень доволен своим представлением.

Лейтенант Скиннер чувствовала себя так, будто ей кто-то помочился в карман. Полицейский, сидящий в луже!.. Шел день сбора, и первые неурядицы ввергли ее в отвратительное расположение духа.

Обычно она начинала свой обход с маленького, аккуратно прибранного секс-магазинчика. Заведение было частным, так что делиться с владельцем не приходилось. Кроме всего прочего, она опекала там одного миловидного профессионального юношу, с которого брала специфическую плату в каждый день сборов вот уже сколько месяцев.

Однако сегодня ни владельца магазинчика, ни молодого бычка на месте не оказалось. Испуганный и смущенный управляющий пробормотал, что с них сегодня уже один раз собирали. С час назад приходили два очень страшных громилы-полисмена. Приходили как раз за «выжимками» — сказали, что Скиннер сегодня выходная. Они говорили так убедительно — управляющий, подойдя прихрамывающей походкой поближе, показал синяки, разукрасившие его физиономию, — что нельзя было не поверить. Еще они «подоили» и мальчонку и сказали, что он теперь будет работать в другом месте.

Скиннер поняла, что подлец-управляющий не лжет; особенно это стало ясно после того, как она — из чисто профессиональных соображений — собственноручно нанесла несколько ударов ему в корпус и челюсть. Сделав это, Скиннер как буря вылетела из магазинчика, горя жаждой мщения.

Но постепенно ярость осела. Месть дастся очень нелегко. Капитан ничего не знает об этом ее маленьком золотом родничке. Раздосадованная так, будто кто-то и впрямь помочился ей в карман, теряясь в догадках, кто эти «перехватчики», Скиннер продолжила обход.

И в каждом месте картина повторялась. Скиннер начала понимать, что тычки и затрещины, которые она в таком количестве раздавала в обмен на деньги, обернулись против нее.

Пуская пар из своего огромного клюва, подобно паровозу, Скиннер направилась к полицейскому участку, чтобы связаться с отделенным капитаном. Похоже, началась драка на межведомственной почве.

И тут Скиннер получила еще один большой удар. Это оказалась не простая междоусобная драчка, и велась она не из-за общей зоны обслуживания. Началась открытая война!

Кто ее объявил и ведет, ни одна душа не знала, пока не стало слишком поздно.

Ким — юная блондинка с невинными глазками и не столь невинным телом. Она принадлежала к тому числу нехороших личностей, которые промышляли обиранием других за пределами родного отделения. Губы, влажные как у

Лолиты, примечательные бедра, выдающаяся грудь — этого достойного набора вполне хватало для того, чтобы подцепить на улице простака. Дальше пускался в ход паралитический газ, а то и острый нож, который она умудрялась прятать под своей более чем миниатюрной юбкой.

А еще Ким была золотым яблочком для своего папаши и маленькой героиней родных окрестностей. Как хорошо воспитанное дитя, Ким всегда притаскивала добычу домой, папе. Служила она надзирательницей в швейном цехе на «буферном предприятии» Йелада, что давало ей большое влияние.

Но одной ночью случилось маленькое недоразумение. Полисмены «подцепили» Ким, когда она была как деревянная, перебрав наркопива настолько, что не могла произнести и слова членораздельно, чтобы удостоверить свою личность. Поэтому ее забрали в кутузку и составили протокол. Ко всеобщему смущению, не оказывалось иного выхода, кроме как подавать на полицию в суд. Никто этого не любил делать, даже недруги тирана Йелада. Но, в конце концов, «выжимки» на Дьюсабле должны оставаться сладкими для всех, а не то весь кувшин прокиснет.

Вообще-то подобные недоразумения случались и раньше. Все должно было обойтись «малой кровью». Местному суду надлежало объявить полисменам выговор за задержание совершенно невинной девушки, а Ким следовало возвратиться домой под крылышко любящего отца и продолжать свои прогулки по ночным улицам в поисках простофиль.

Но — так не произошло. Судья признал девочку виновной по всем предъявленным в протоколе статьям и завел дело.

Под вопли возмущения, которые последовали за этим (они были подхвачены и раздуты на потребу публики оплаченными Кенной телерепортерами), судья исчез из города, чтобы начать новую, весьма зажиточную жизнь, оставив тирана Йелада «держать чемодан». Чемодан с неприятностями.

Эври превозносила Рашида до небес за удавшуюся «грязную операцию».

— Погодите, — говорил Рашид. — Это еще только цветочки!

В двух десятках главных отделений «выжимки» настолько прокисли, что дела там пошли очень серьезные.

Полисмены доили полисменов, гангстеры доили всех подряд, магазины бомбили, на публичные дома совершали налеты, игорные дома замучали облавами или взрывами бомб. Сила билась о силу, а в месте их столкновения всегда оказывались невинные; не следует забы-

вать, что на Дьюсабле каждый подходил под определение «невинный».

Кульминацией всеобщего недовольства стал марш матерей в защиту невинной Ким.

Две тысячи рассерженных женщин вышли на улицы отделения. Они несли огромные плакаты с ангельским ликом непорочного дитяти. Были и вопли, и сопли, и даже колоритное выдергивание волос. А рядом была команда новостей Кенны.

В новостях тысячный раз прокручивались — для тех, кто сидел дома, — подробности грязного инцидента. Повсюду висели фотоплакаты, на которых одурелый папа Ким крупным планом вышагивал во главе парада. Папа выглядел великолепно — утомленный наркопивом, с глазами, красными после резвых игр с вакуумной манжетой в школе удовольствий, куда он зарулил по наводке людей Рашида... Короче, он был само воплощение немой скорби.

Выкрикивая проклятия, женщины собрались у дворца тирана. Там их ожидала фаланга полицейских. Блюстители были в полной экипировке для борьбы с уличными беспорядками — в шлемах, со щитами, дубинками, газом и тепловыми ружьями.

Женщины приблизились к шеренге полисменов. Шум и крики усилились. Телевизионщики лихорадочно записывали происходящее на пленку.

Неожиданно из боковой улицы вывернул большой гравифургон. Из него высыпали полицейские, одетые в форму охраны тирана, раздавая направо и налево удары дубинок. Женщины выли и орали от боли, а настоящие полицейские ошарашенно стояли, не понимая, что это за «черти из машины». Когда матери восстановили свои ряды и, разъярившись, возжаждали крови, лжеполицейские поныряли в фургон и скрылись из виду.

Эта битва вошла в историю Дьюсабла. В инциденте, который видела вся планета, сотни женщин получили ранения.

Доброе имя «Йелад» быстро становилось синонимом слова «дракх».

«Марионетка» рвал на ходу подметки, действуя в чемпионском стиле. Лучшие спецы и сочинители речей, которых только можно было купить за деньги, организовали просто цунами нападок на Тайный Совет. Художники с психологами создали рекламные транспаранты, останавливающие бешеного быка на всем скаку. Рашид с головой ушел в работу, подравнивая, придерживая, где надо, и собирая всю «упряжку» воедино.

Карта солона Уолша вступила в игру.

Уолш начал с довольно грустной телебеседы о трудном существовании на Дьюсабле, оставив открытым вопрос о том, кто в этом виноват. При следующем своем появлении на экранах он уже стал в позу разгневанного гражданина, которого предали. Он кипел от возмущения, вызванного фактами, которые только что стали ему известны. Системе Каирен умышленно недодают горючее! Премиальные контракты отнимаются! После своей пламенной речи солон Уолш громогласно воззвал к справедливости: сейчас Дьюсабл нуждается в твердой руке, проповедовал он. В таком правителе, кто не подвержен влиянию дьяволов из Тайного Совета.

Тиран Йелад реагировал на эту вакханалию мягко. Он был удивлен скользкой дорожкой, на которую встал Уолш в своей кампании. Но Эври уверила Йелада, что это — часть плана обескровливания поддержки Кенны. Поскольку Йелад лично передавал деньги для «банка» кампании Уолша, он был ободрен этими словами. А что касается нападок на Тайный Совет — какое ему дело? Да и самому Тайному Совету, величественным особам, входящим в него, совершенно наплевать на нападки такой шавки, как кандидат Уолш.

И только лишь для того, чтобы показать активность, Йелад дал команду слегка подкорректировать свои речи и несколько раз проводил выступления, в которых звучали негромкие интонации в защиту Тайного Совета.

Рашид сделал так, чтобы непропорционально раздуть эти слабые намеки. В небесах повисли гигантские плакаты с защитительными речами Йелада, и громовый голос произносил цитаты оттуда.

А затем Рашид и его команда начали щедро подсыпать навоз в молотилку общественного мнения: «выжимки» протухали, полиция погрязла в междоусобных битвах, гангстеры нападают повсюду... И так далее, и тому подобное.

Йелад был слишком занят лихорадочным затыканием дыр и не замечал, что солон Кенна, его архивраг, еле-еле ведет свою кампанию.

За трое суток до выборов тиран созвал чрезвычайное совещание — доверие к нему пошатнулось.

Йелад имел внешний вид мяча — кожистый сверху, кожистый снизу, а в середине надутый пузырь. Его портной сделал так, что эти дефекты не столько скрадывались одеждой, сколько подчеркивались. Сама одежда была из материи чуть-чуть выше среднего сорта. Жил Йелад в том же маленьком домишке, где он рос еще ребенком. Он был ласков с матерью, хорошо отзывался о своей жене и

понимал все неприятности, в которые попали его любимые дети, то есть граждане. Короче, были применены все те же уловки, что исправно работали многие десятилетия.

Психологи тирана вбивали в головы граждан нехитрую мысль: как человек из народа, Йелад обладает многими человеческими изъянами, но в той же мере и многими доморощенными достоинствами. Это была одна из причин, по которым он побеждал срок за сроком. (При этом, конечно же, не следовало принимать во внимание огромные сферы его влияния и сбора дани, а также гигантский, хорошо отлаженный аппарат.)

Однако в тот вечер ничего не было отлажено. Йелад стоял перед собравшимися «под шафе» — одна из многих дурных привычек, заработанных им за годы легких побед.

— Что вы себе позволяете! Вы что, не знаете, кто за всем этим стоит? За что я вам плачу, вонючки?! Вы ленивые недоноски, поэтому и облажались. Шваль у моих ног!

Он метал громы и молнии, а помощники трусливо сгрудились в стадо, пережидая ужасающий шторм. Но Йелад никак не мог остановиться.

— Я объясню вам, кто устраивает заварухи. Это чертов Кенна! Хитрый тихоня... Ну хорошо!.. Хорошо, посмотрим, кто кого, посмотрим. Я отпускаю все тормоза. Вы слышали?! Тупые недоразвитые ошметки дерьмовых недоносков... Вот кого я имею.

Лишь после многих, многих «Да, сэр...» и «Простите, сэр...» он остыл настолько, что смог, скрежеща зубами, отдавать осмысленные приказания. В сложившемся цейтноте ему нужен был мандат доверия. И не просто, а исторического значения.

Команды головорезов и экипажи избирательных участков были удвоены, численность подкупленных избирателей почти утроена. Готовые восстать, ждали приказа включиться в предвыборную борьбу «мертвые души». Этот резерв вызывался лишь при финальном подсчете голосов.

Денег у тирана Йелада хватало. Чего ему не хватало — это организованности. После стольких лет постоянных побед он затребовал слишком малочисленную, как оказалось, команду для управления ходом выборов. Теперь он приказал удесятерить силы. И вся эта толпа, разом ринувшись в работу, смешалась, как бывает в велосипедном «заломе», образовав кучу-малу.

Но самая скверная вещь произошла еще раньше, на следующий после собрания вечер. Меньше чем за сорок восемь земных часов до выборов.

* * *

Рашид спокойно наблюдал со стороны, как Кенна выплывает на большую уличную трибуну. Глаза Рашида скользили по собравшимся. Он удостоверился, что его ребята работают, мельтеша в необъятной толпе. Событие снимали все службы новостей планеты. Даже прикормыши Йелада были тут как тут, лишь только просочились сведения о предстоящем через несколько часов выступлении Кенны с речью о том, что Дьюсаблу грозит застой экономики. Репортеры позабыли о боссах, кому они должны сохранять верность, обезумев от самого пьянящего из ароматов — запаха политической бойни.

Кенна занял свое место. Раздался гром рукоплесканий, организованных «группой скандирования». Солон скромно раскланялся и вяло поднял руку, улыбаясь и прося прекратить овацию:

— Стоп, стоп. Я не заслужил такого изъявления любви.

Парни из «группы скандирования» снова нажали на педаль, лишь только толпа начала думать, что пора перестать рукоплескать. Овации стали еще громче. Рашид терзал ладоши толпы минут тридцать, а затем жестом приказал, чтобы овации пошли на убыль.

Кенна, улыбаясь, поблагодарил всех за такое неожиданное выражение поддержки, а затем состроил на лице маску печальной мудрости. Он кратко обрисовал свою карьеру на поприще служения народу, не забыв упомянуть ни одной из тяжких схваток за интересы общества; потом признался, что ошеломлен трудностями ведения нынешней кампании. Он уже в летах, сказал Кенна, и осознал, что не в силах нести груз обязанностей, который на него возложит имя... должность тирана.

Толпа притихла. Затем народ начал шевелиться. С разных концов слышались крики: «Нет!.. Нет!.. Нет!..»

Были они порождены магией Рашида, ибо возникли не в глотках «группы скандирования», а действительно раздались из народа.

Наконец солон Кенна приблизился к завершению речи. Выдержав драматическую паузу, он произнес:

— Я очень внимательно слушал речи моих оппонентов. И пришел к выводу, что только один голос звучит громогласно за нас всех. Поэтому я объявляю... Я снимаю свою кандидатуру и...

Толпа яростно взревела, но Кенна самим своим видом праведника заставил ее стихнуть.

— И передаю свою поддержку, ваше доверие — наиболее обещающему из всех разумных существ Дьюсабла...

Вот теперь настала очередь Пустышки выйти на сцену, к изумлению всей планеты.

Солон Уолш подошел к коллеге. Слезы блистали у него на глазах — это Рашид посоветовал Эври надушить слезоточивым веществом бутоньерку в его петлице.

— Я передаю тебе... нащ новый тиран... жизнь нового века... Солон Уолш!!!

Народ сошел с ума. Завязались драки. Бригады репортеров ползали друг по другу, стремясь сделать фото поближе; отставшие показывали окружающим чудеса в спринтерском беге с тяжелой аппаратурой на шее.

Эпицентром всего этого умопомрачения была изумительная картина в обрамлении ораторской трибуны. Лишь только репортеры осознали это, они вышли из народа, вернее, вырвались из толпы, обратно к трибуне, чтобы запечатлеть картину, расшибая себе лбы и залезая на плечи коллег, лишь бы заполучить свое профессиональное удовольствие.

А она стоила того, эта великая композиция для предвыборного плаката, — солон Кенна и солон Уолш, рыдая от счастья, обнимают друг друга за плечи в едином порыве любви.

Рашид подумал, что представление удалось на славу. В прошлом он делал, конечно, и много лучшие, но в конце концов, надо допустить, что... Тут его ум совершил маленький, но бешеный скачок. Когда он делал лучше? Для кого?.. Но тут рев толпы отвлек его, и он вновь с головой погрузился в заботы.

Теперь предстояла самая трудная часть операции — надо (всего лишь!) украсть победу на выборах.

День выборов рождался под гром бешеных воплей тирана Йелада. Глаза его были словно чайные блюдца, налитые кровью, — следствие гонки за иудой Уолшем в течение всей предыдущей ночи. Наконец помощники утихомирили Йелада настолько, что он сумел внятно произнести приказ контратаковать.

Йелад брякнулся за свой стол и полностью открыл кран незаконных действий. Уверенность в себе и доверие избирателей быстро возвращались. Его политический арсенал мог заставить ахнуть даже покойного Императора.

Избыток пара подходил к концу. Тиран сосредоточился и заказал кувшин крепчайшей заварки, чтобы подготовить нервы к длинному дню и долгой ночи впереди.

В этот момент в офис ворвался один из его помощников. Он имел нехороший, испуганный вид. Скверные новости из 22-го отделения — одного из самых надежных опорных районов Йелада, с миллионом «железных» голосов в кармане и двумястами тысячами голосов из могилы.

Потеряв от ужаса способность перерабатывать информацию, помощник докладывал очень плохо, то бишь рассказывал все, что случилось, с самого начала, с мельчайшими деталями. Йелад заорал, чтобы тот сразу говорил суть, но бедняга настолько запутался, что пришлось, стиснув зубы, велеть ему начать рассказ снова, с начала и по порядку.

Двадцать второй район находился на острове, окруженном морем фабричных стоков. Для рабочих, то есть для ста процентов избирателей, существовало лишь два маршрута следования домой и на работу — через большие мосты, построенные на голом энтузиазме и принесшие огромные деньги в виде взяток лет двадцать тому назад.

— Да, да! Черт побери, мне это известно. Быстрее рожай из своей дерьмовой задницы!

— Ну, значит... — Помощник запнулся на полуслове. — Один из них только что рухнул.

— Дьявол!.. — только и смог выдохнуть Йелад. Передвижение избирателей скоро приведет к тому, что по второму мосту нельзя будет протолкнуться. И, хотя обошлось без жертв, народ может испугаться и не выйти голосовать.

Йелад единым духом всосал в себя полкувшина подкрепительного.

День начинался не лучшим образом.

Пока Йелад пытался собрать свои извилины, Рашид проник в темную глубину подземелья большого здания, где находилась компьютерная система подсчета голосов всей планеты.

Подлиза-служащий проводил его бригаду из трех гуманоидов со специальным техническим образованием к бронированному помещению. Открылась тяжелая дверь. Взглядам пришедших предстала путаница приборных панелей, оплетенных старомодными оптоволоконными кабелями. Дело оказалось совсем легким. Но Рашид знал, что в политике все легко, надо лишь приложить силы в нужный момент.

В день выборов там, где раньше две тысячи женщин шагали в демонстрации в защиту чести невинной Ким, поднявшееся над городом солнце осветило пятнадцать тысяч разгневанных матерей — они двигались в марше, организованном от двух отделений. Перед ними полз целый гравифургон с полицейскими.

Три часа матери шли от одного отделения к другому, сзывая избирателей всех рас и полов под полотнища, на которых трепетал на ветру лик замученной выродками из полиции девочки-налетчицы.

Потом они все пошли отдавать свои голоса. Шестьдесят тысяч голосов. Некоторые особенно разгневанные дамы проголосовали раз по сто — до тех пор, пока избирательные участки не закрылись.

Солон Кенна на рассвете пробежался по докам и помещениям бюро трудоустройства ПДТ. Он сыпал деньгами так щедро, что, будь это стапельная смазка, можно было спустить на воду целую флотилию крейсеров. И, тряся каждому руку и наполняя ему карман кредитками, глядел собеседнику прямо в глаза и говорил напутственно:

— Идите голосовать. Задайте им перцу!

Рабочие массы длинными колбасами вылезали из проходов.

Накал избирательных страстей и уличных драк не стихал до глубокой ночи.

Солон Уолш обращался к толпам сидевших у телевизоров торжественно, с юной честностью. Но гнев его был так велик, что крепкая длань Уолша дрожала. Зажатый в руке, перед камерой трепетал обрывок бумаги с последними леденящими душу фактами.

— Еще одно предательство, дорогие мои сограждане. Тайный Совет в своей мудрости дошел до того, что приказал девальвировать наши деньги вполовину! Что скажет по этому поводу мой трусливый оппонент, тиран Йелад?

Стоявший поблизости мог видеть, что на бумажке нацарапано лишь несколько слов — напоминание, написанное рукой Рашида. Подчеркнутые жирно слова гласили: «Не улыбайтесь, когда будете это говорить».

Нахмуренные брови Уолша были верхом артистизма.

Чрезвычайную пресс-конференцию Йелада, на которой он собирался опровергнуть обвинения Уолша, назначенную на полдень, пришлось отменить. Пришли совсем дурные вести из 22-го отделения — оставшийся мост пошел крупными трещинами.

В итоге из 22-го проголосовать сумели лишь сотен семь избирателей. Это означало, что Йелад не сумеет подбавить слишком много голосов здешних мертвецов.

Первый из нескольких сотен гравифургонов с подставными избирателями проник в столицу только с наступлением темноты. Это свое подкрепление Йелад собирал по всей планете. Голосующих возили от участка к участку, где они подписывались за тирана и получали талончик за

каждый акт волеизъявления. Потом талончики выкупались у них за наличные. Имелись искусные профессионалы, способные обежать от двух до трех сотен урн до полночи, когда избирательные участки закрывались. Весьма приличный приработок.

Рашидова команда дожидалась в подворотне, пока проедет первый гравиавтобус. Громилы, как туча, вылетели из темноты, размахивая дубинками и бутылками с горючей смесью. Пассажиров вытащили наружу и побили; кузов машины был сброшен с гравишасси и повален набок, а затем подожжен. Пылающий остов его преграждал дорогу другим машинам.

Нельзя сказать, чтобы баррикада оказалась действительно нужна — остальные машины были либо так же быстро разгромлены, либо показали хвост и исчезли за городской чертой.

Кто-то размолотил сейф на борту одной из машин и вытащил оттуда фальшивые бюллетени. Еще одна строка к списку черных дел Йелада.

Джиллия — закаленный, с двадцатилетним стажем ветеран кампаний крепких рукопожатий и грязных трюков. Но в последнее время он что-то стал уставать и подумывал об уходе. Он решил прекратить изъявлять лояльность Йеладу, вот только проведет эту последнюю кампанию. Тем более что специалисты предрекали самые простые выборы из всех, что были.

Кенна не имел шансов, так что все обязанности, выпадающие на долю Джиллии, можно будет выполнять намного менее тщательно, чем обычно. Если обделывать дело с умом, он вернется с выборов едва ли не богаче самого тирана.

Когда Джиллия приказал передней машине свернуть к 103-му отделению, он уже знал, что был дурачком с розовой попкой, размечтавшись о легких денежках. По слухам выходило, что повсюду на Дьюсабле Йелад терпит неслыханную утечку голосов. Отряды наведения порядка, выходившие выдать немножко тумаков кому следует, сами их получали. Некоторые схватки перерастали в настоящие сражения. Джиллия собственными глазами видел пылающий в огне пожара офис Йелада в отделении. А шел лишь первый час ночных предвыборных гонок... Горящие баррикады и орущие толпы преградили ему путь в восемь отделений.

Тем временем высшие приближенные Йелада, видимо, решили, что самое великое дело — орать на своих. Никогда раньше начальство окружной комиссии не встречало Джиллию такими истерическими воплями. Команды

вольных избирательных скакунов-наездников подвергались неслыханному нажиму. Заходы с участка на участок показывали, что доверие к Уолшу огромно и растет неуклонно. Этот процесс следовало поворачивать вспять, и, дьявол побери, побыстрее!

Работой Джиллии было обеспечивать, чтобы сторонники оппонента не смогли добраться до избирательных участков.

Как и повсюду, престарелые и немощные на Дьюсабле более других склонны к совершению актов гражданской воли. К сожалению, таким общественно-активным существам зачастую трудно даже доползти до урны.

Существовал традиционный механизм для решения этой проблемы. Капитан отделения составлял списки тех, кто стар и немощен, а затем передавал их команде поддержки того или иного кандидата, соответственно принадлежности. Вечером в день выборов по отделениям проезжали машины, на которых были написаны имена кандидатов, забирали стариков и калек, доставляли в участок для совершения гражданского долга, а затем привозили домой.

Джиллия, как и его соратники, не сомневался, что все будет в порядке, как всегда. Ближе к вечеру он взял двадцать машин под свое задание. На машинах уже было накрашено: «Солон Уолш». Игру собирались вести по традиционным правилам. Лазутчики добыли во вражеском стане списки и график поездок. Теперь Джиллии надо поскорее разослать своих ребят на этих машинах по отделениям. Они объедут все улицы, будут стучать во все двери, если понадобится, и понапихают полные гравифургоны старичья. А потом выкинут их на обочину где-нибудь километрах в пятидесяти от дома и, понятное дело, от места голосования.

Подъезжая с ребятами к деловому центру 103-го отделения, Джиллия провел инструктаж. Кавалькада машин рассыпалась; все разъехались по указанным Джиллией квадратам. Сам он со своими двумя мальчиками на побегушках занялся тем же делом.

Пожилая особь, явно с избирательскими склонностями, приветствовала их, когда они подъехали к первому ряду домов, у своей двери со смущенной улыбкой:

— Почему... Что вы здесь делаете, юноши? Я уже отправила свои общественные надобности...

Джиллия решил, что его «надевают». Он вздохнул. Всегда найдутся отдельные граждане, которые под любым предлогом уклоняются от голосования. Ну да ладно. Теперь следует ее слегка пришибить — как честному работнику избиркома. А не то заподозрят... Джиллия занес было руку

для удара — дряхлое существо отпрянуло назад с прытью, весьма для его возраста удивительной. Вот ведь дерьмовая старуха! Теперь придется вылезать, гнаться за ней...

— Не надо! — вопила престарелая сволочь. — Это ошибка!

— Никакой ошибки, леди, — проворчал Джиллия, загнав ее в угол и устанавливая в позу для порки. И тут он остолбенел — старуха сунула ему под нос карточку избирателя, где было проштемпелевано имя Уолша, время и дата голосования. О черт! Старая перечница действительно справила свою нужду...

Все-таки Джиллия врезал ей. Он был слишком встревожен происшедшим, поэтому коронный удар не получился — лишь свалил старушку на землю с тем, чтобы она могла получить заслуженный пинок под ребра.

Но вдруг, когда ботинок Джиллии уже шел на сближение со старушечьим боком, жесткая рука сгребла его за воротник, и он узнал, что ощущает цеп, когда им молотят.

Джиллия шмякнулся на землю и попытался откатиться в сторону, чтобы ускользнуть от следующего тумака, но опоздал, и вместо «кувырк» у него вышло «шлеп». По животу заехали дубинкой, и воздух у Джиллии неожиданно весь кончился.

Бедняга, корчась, силился вздохнуть; красные пятна застилали взор. Но сквозь туман он сумел разглядеть стоящую над ним с ухмылкой молодую женщину с крутыми плечами, крепкой шеей и рельефной лепки мускулистыми руками. Откуда-то сбоку раздавалось злорадное квохтанье старой гусыни. В этот момент молодуха перехватила дубинку поудобнее и врезала... Перед тем, как тело ощутило удар, боль пронзила его и наступила тьма, Джиллия услыхал перепуганные вопли своих мальчиков-побегайчиков.

Часом позже бесчувственное тело Джиллии валялось в дальнем лесу, примерно в полусотне километров от избирательного участка. Поблизости вылеживалась вся братва из его команды.

А тем временем трофейные машины уже разъехались по вотчинам Йелада, перекрашенные в его цвета и под его именем. Мастера нечистых дел Рашида работали быстро. И четко.

— Не могу допустить, чтобы хорошую идею выбрасывали на свалку, — говорил Рашид, глядя на Эври.

Пэйви с удовольствием включила в работу свою рать.

Йеладовцы атаковали за час до закрытия участков. Три сотни молодцов налетели на штаб-квартиру Уолша, получив приказ оторвать все головы, разгромить все кабинеты, а также унести все документы, которые сумеют найти.

Малочисленная охрана на улице перед зданием оказала лишь символическое сопротивление, быстро была рассеяна и улетучилась. Костровые занялись разведением огня, куда следовало пошвырять мебель, документы и все остальное, что горит. Налетчики спешно соорудили железный таран и разнесли им двойные двери. Еще мгновение — и «бойцы» Йелада проникли внутрь.

Отряд спешил вверх по лестнице, и Рашид смеялся, смотря на это. Не успела первая волна атакующих докатиться до того места, где он стоял, как был подан сигнал. Из укрытий повыскакивала группа шоковой терапии и устремилась в контратаку. Их было пятьсот, и все такие же, как у Йелада, — крупные, смышленые и любящие делать другим больно.

Рашид поймал своего первого «подопечного» прямо за его дубинку. Раздался сухой хруст — дубинка переломилась в руках повара. Второго он схватил, метнувшись в сторону, за ухо, которое использовал в качестве управляющего рычага для выполнения команды «ложись». Ухо осталось в руке Рашида, а его бывший владелец застрял головой в ступеньках. Рашид швырнул оторванное ухо прямо в лицо остолбеневшего третьего хулигана, только-только успел дать ему ногой в пах и потянулся было к четвертой кандидатуре, как увидел, что силы Йелада захлебнулись в волне контратакующих.

Дело шло хорошо. Ничего на свете Рашид так не любил, как старое доброе голосование ручным способом.

Лейтенант Скиннер появилась на последнем избирательном участке Уолша буквально за несколько минут до закрытия. Несмотря на поздний час, она совсем не спешила.

Ночь во время выборов была одним из любимых времен года Скиннер. Для нее всегда находилась масса приятнейших делишек, а уж «выжимки» кучами валились.

Но сегодня она была полисменом без определенных занятий. Все кончилось, «соус» иссяк. Скиннер чувствовала себя ограбленной и нищей; да и ее капитан хныкал, что ему не лучше. Ну и черт с ним! Она была уверена, что тот жалуется просто из осторожности. Коллеги в отделениях рыдали над своими собственными несчастьями — а они были такими же.

По причине вышесказанного лейтенант патрулировала малой скоростью в совершенно безнадежном расположении духа. То, что она видела, нисколько не улучшало скверное настроение. Мало того что взяток никто не давал, так еще каждый норовил если не напасть, так плюнуть ей в глаз.

Главной задачей Скиннер было принимать «левых» голосовальщиков Йелада, когда они прибывают на

участок. Ей и шестерым вспомогательным существам надлежало быстро опорожнить грузовик с прибывшими, обеспечить незамедлительную и правильную процедуру голосования и снова загрузить машину, чтобы возможно скорее отправить на следующий участок.

Но — почти никто не показывался. Скиннер позвонила узнать, что стряслось. Пронзительный голос на той стороне прокричал, что просто небольшая путаница произошла, задержка в некотором роде. Скиннер сказала: «Ладно» — и повесила трубку.

Истеричность говорившего не добавляла спокойствия. Она позвонила снова и услышала тот же ответ. На третий раз оказалось, что все линии забиты. Скиннер с тоской поняла, что это произошло по всему Дьюсаблу — видимо, все блюстители, как и она, в панике разом поснимали трубки.

Ну и ладно. Она больше не будет высовываться, закончит дежурство, пойдет домой да и нарежется по поводу окончания выборов.

За весь вечер пришло лишь несколько грузовиков. Впрочем, невелика радость — на участках их ждали сюрпризы. Вовсю гуляли проститутки всех полов: они сеяли разврат под такой мощной охраной гангстеров-сутенеров, что Скиннер удавили бы насмерть, реши она вмешаться. Торговцы удовольствиями высоко держали марку; в воздухе прямо-таки разливалось обольщение. Дело было сделано — забыв про Йелада, наемные избиратели встали в очередь голосующих за Уолша. Оплата — несколько приятных минут в темном уголке. И никаких талончиков.

Скиннер ничего не могла поделать. У нее как будто пропали все мускулы. А вскоре она вообще стала чувствовать себя рогатой. Дойдя до последнего участка, она уже не знала, то ли она слишком обмочилась, что выросли рога, то ли наоборот.

Когда она увидала своего миленького парнишку, обслуживающего голосующих, у нее отвалилась челюсть. Ах, ну как она могла пройти мимо? Вся злость улетучилась при виде его курчавых волос и мягких очертаний рта.

Лейтенант Скиннер выудила из кармана карточку избирателя и встала в очередь. Черт с ним! Ее голос пойдет в пользу Уолша.

В Каирене, а особенно на Дьюсабле, существовал удивительный закон физики. Он вступал в действие во время каждых выборов. Сразу после закрытия избирательных участков — однако никогда не раньше этого срока —

главный компьютер системы баллотирования начинал «зависать» и «циклиться». А затем полночи вообще стоял, пока бригады высококлассных техов суетились в его чреве и качали головами над чашками горького кофе.

В определенное природой время из машинного зала раздавались крики победы, и компьютер сам запускался, подсчитывал голоса и выплевывал распечатку результатов. На протяжении этого финального акта не было случая, чтобы машина «зависала». Результат всегда соответствовал ожиданиям: Йелад выигрывал.

Тиран ежился в огромном кабинете, сидя вместе со своими первыми помощниками. Несмотря на кошмар, который преследовал его весь день и вечер, настроение Йелада вроде бы наладилось и стало даже празднично-светлым. Этому помогало то, что он был пьян. А в еще большей мере помогало то, что физический закон Дьюсабла вступал в свои права. Спасен благодаря ломающемуся компьютеру!

Йелад хихикнул, отхлебнул порядочно из бутылки и рявкнул старшему счетной комиссии, чтобы тот приступал к делу. На столе перед Йеладом засветился экран. Сейчас он увидит то, что нужно!

Компьютер был запрограммирован так, чтобы сначала велся правильный подсчет голосов. Сломанный сразу, компьютер мог бы внести сумятицу в действия. Вначале компьютер обсчитывал голоса оппонентов — это давало Йеладу знание, каковы силы врага. Лишь затем велся подсчет голосов Йелада, и планка победы корректировалась миллионами «голосов из могилы», что были в его распоряжении.

Но надо быть аккуратным. Если надувательство окажется слишком явным, дурацкие вопросы будут задавать ему весь первый год нового срока. В этот раз Йелад был очень осторожен. Он до боли хотел отомстить Уолшу за его вероломство. Он похоронит маленькую ложь под обвалом исторических масштабов.

Услышав стон регистратора, Йелад встрепенулся. Что за черт?

Уолш наступал повсеместно. Лучшим словом для описания ситуации могло бы служить «наводнение». В отделении за отделением он шел к победе...

Через полчаса Йелад вдруг протрезвел. Он в глубочайшей заднице!

Планка Уолша оказалась настолько высока, что Йеладу пришлось подключить всех жмуриков, которые когда-либо были занесены в его файлы. Он с усилием взял

себя в руки и хлопнул разом полбутылки. Ну хорошо же! Он сделает все, что нужно. Что бы ни случилось, он все равно останется тираном.

Йелад нетерпеливо приказал регистратору начать обсчет отделений; тот устроился попрочнее в кресле — впереди целая ночь вычислений.

Ночь вышла неожиданно короткой. Уже через час начала проявляться жуткая правда.

Голосов за Йелада почти не было!

Позже он понял, в чем дело. Кто-то покопался в компьютере. И по всему Дьюсаблу, когда верный Йеладу избиратель нажимал кнопку, проклятая машина приписывала голос в пользу Уолша, а не в его. Официальный итог Йелада составил менее полумиллиона голосов.

В эту ночь покойники Дьюсабла с облегчением отдыхали в своих гробах.

Так кончился Йелад. С тех пор его звали не иначе как «Йелад, Который Обвалился».

Рашид не присутствовал на победном приеме, устроенном Уолшем и Кенной. Вместо этого он провел совершенно секретную беседу с солоном Кенной в своем офисе. Настало время назвать цену.

Мысль пришла ему, когда он наблюдал за ходом выборов по ящику. Эта мысль сопровождалась ошеломляющим чувством срочности. Он должен действовать! И быстро.

Когда Рашид чуть ли не бежал на свою наспех организованную встречу с Кенной, плотный туман, клубившийся в его мозгах все это время, начал редеть и вовсе улетучился.

Он прошел Последнюю Проверку.

Кенна легко принял то, что потребовал от него Рашид: быстрый корабль с полным запасом АМ-2, старт через шесть часов. Кенна подумал, что это и не цена вовсе. Он полагал, что Рашид будет клянчить чемоданы денег. И нельзя сказать, что его работа того не стоила. Так что, если посмотреть с этой стороны, требования Рашида были столь мизерными, что даже заскорузлая душа Кенны почувствовала какие-то угрызения.

— Вы уверены, что мы не можем сделать для вас что-то еще?

— Вероятно, можете, — был ответ. — Не знаю. Но сейчас, в сию секунду, сделайте только это. И — наслаждайтесь победой. Я еще вернусь к вам.

И Вечный Император пожал руку необычайно обрадованному политику.

ГЛАВА 25

Ключ к королевству выглядел маловпечатляюще — намеренно.

Это была маленькая луна, одна из десятков таких же, чуть побольше или чуть поменьше, которые вращаются вокруг Юпитера. Ее главными отличительными чертами являлись, во-первых, полное отсутствие коммерческой ценности, а во-вторых, то, что от нее было два шага до открытого космоса.

Луна эта была оборудована несколько веков назад. Выбрали ни для чего не пригодный астероид подходящих размеров. Бригада космических экскаваторщиков прорыла по всей поверхности астероида каналы, куда затем были уложены кабели, а каналы засыпаны. Затем бригаду уволили, строго-настрого предупредив, что они выполняли работу по засекреченному правительственному проекту. Наняли другую бригаду для постройки небольшого подземного бункера, а в пяти километрах от него, в месте, отгороженном от бункера высоким скальным гребнем — подземного дока.

В бункере установили генераторы, электростанцию и какие-то сложные и неизвестные системы связи. Контракт кончился, и вторую бригаду также уволили. По прошествии достаточно большого времени те, кто работал на астероиде, стали думать, что «секретный проект» был мифом, просто каким-то провалившимся замыслом исследователей.

Буксирами астероид подтащили на нужное место рядом с газовым гигантом и запустили на орбиту. Позже там силами команд отряда «Богомол», которые не знали о прошлой истории астероида, были установлены мониторы наблюдения охранной системы.

Существовало еще четыре таких «ключа», разбросанных по Вселенной. Об их местонахождении знал только Вечный Император. Назначение у всех было одно. И к системам связи имел доступ только Император: там стояли все мыслимые устройства сканирования — от анализаторов кода ДНА до приборов распознавания отпечатков пальцев, и даже экзотический классификатор Бертильона. Если в бункер входил кто-то чужой, все аппараты и системы сплавлялись в одну невообразимую кучу.

Устройства связи были нацелены на корабль — где-то в другом пространстве, а также на горнодобывающие кораблироботы рядом с ним. По сигналу из бункера можно было изменить команды, которыми центральный корабль управлял роботами, и начать отгрузку АМ-2.

Еще из бункера велось управление длинными составами роботов-танкеров. При «нормальных» обстоятельствах, например, при случайной смерти Вечного Императора, танкеры можно было направить в условленные порты-склады. А при других обстоятельствах — куда-нибудь еще. Для поощрения верных и наказания отступников. Или наоборот, в зависимости от того, что решил Император. Для него это был наискорейший и самый надежный способ сохранить свое влияние.

Вечный Император прокрался в систему спутника. Он не спеша, по нескольку раз опросил хитроумные сенсоры, сканеры и датчики, которыми по его требованию был оборудован корабль, предоставленный благодарным Кенной. Если хоть один датчик покажет, что в систему было вторжение — если обнаружится, например, брошенный горнопроходческий корабль, буксир или даже слишком любознательная яхта, — решение будет единственным. Немедленный уход и движение к спутнику, который обусловлен как запасной КП.

Наружные датчики ничего не показали. Император изменил дугу сканирования — прямо над самой системой. Снова ничего. Успокоенный, Император приблизился к газовому гиганту. Датчики молчали.

Он подошел к луне со стороны, противоположной бункеру, и юркнул по направлению к доку. Порты были свободны; на датчиках — чисто. Он сел.

Император оделся для выхода, убедился, что механизм жизнеобеспечения скафандра заправлен, и двинулся к убежищу.

Пройдя всего полпути до гребня, он стал шепотом ругать себя за маниакальную подозрительность. Очень нелегко идти, касаясь земли, в мире с почти нулевой тяжестью. У него не было ни малейшего желания выскочить над горизонтом как раз под прицел кого-нибудь, кто сидит на куполе, а то и вообще запустить себя на орбиту. Императора беспокоило, как бы не пришлось возвращаться к поверхности на реактивном ранце — слишком уж его будет легко засечь, если там ловушка.

В нескольких сотнях метров от входа в убежище, в такой же пещере с входом, запертым скользящим камнем, он остановился. И просидел там целых шесть земных часов, наблюдая.

Ничего. Путь чист.

Заунывно гудела система жизнеобеспечения, поддерживая в скафандре тепло и улавливая влагу, выделявшуюся из пор. Император потел. Пальцами он бессознательно

коснулся своей груди. Там, под скафандром, кожей и мышцами, жила бомба.

Он расстегнул кобуру на поясе и вытащил маленький приборчик. Выставил наружу щуп, похожий на палочку. Быстро подошел к зоне прохода в бункер, вставил щуп в почти незаметное отверстие и нажал кнопку. Через мгновение крышка люка откинулась. Император ощутил вибрацию почвы под ногами от работающего привода люка.

Он вошел в пещеру; дверь за ним скользнула на свое место. Зажегся свет. Император осмотрел приборную панель — здесь тоже не было сигналов, говорящих о чужом вторжении. Отопители заработали на полную мощность, в убежище начал накачиваться воздух. Очень хорошо.

Подойдя к двери, властитель приложил к ней палец. Дверь отползла в сторону. За ней была чудесная вещь: комбинированное устройство «миниспальня-миникухня-скафандр». Он закрыл эту дверь и бросил взгляд на приборную панель. Атмосфера — девяносто пять процентов от земной. Температура— приемлемая. Можно отстегнуть гермошлем.

Давал себя знать голод. Император надеялся, что запасов пищи достаточно. Сначала надо поесть, а потом активизировать связные устройства.

Он остановился на пороге рубки связи и глянул внутрь. Мир пошатнулся в его глазах! На рабочей стойке находилась, поблескивая, не готовая к действию аппаратура, а масса сплавившегося, уже холодного металла. Мгновенно в мозгу засвербил сигнал-мысль:

«Наблюдение... Ловушка... Раскрыт... Самоуничтожение! Самоуничтожение!»

Но кто-то внутри заспорил:

«Нет. Надо подождать. Ловушка не подтверждена. Слишком много времени. Не возобновлять программу без смертельного повреждения объекта! Возврат в ждущий режим! Свертывание программы!»

Бомба не сработала. Не сработала она и тогда, когда распахнулась дверь чулана и голос оттуда произнес:

— Мои специалисты по безопасности оказались не такими умницами, как уверяли.

Взору Императора предстала фигура в скафандре, высокая и тощая. Рука в металлической перчатке поднялась и отстегнула шлем. Внутри был Кайс.

Снова возникла мысль-приказ — и снова каким-то образом программа самоуничтожения была свернута.

— Я единственное живое существо здесь. Кроме вас, конечно, — произнес Кайс.

Император решил еще раз подумать. И промолчал, уверенный, что голос его дрогнет, если он заговорит.

Кайс, не дождавшись ответа, продолжил:

— Ваше продвижение сюда, чтобы возвратиться на трон,— очень умно. Это напоминает мне одну земную легенду. Я читал про человека по имени Тесей.

— Выходит, не так уж и умно, — парировал Император.

— Неправда. От любого, кто ищет вас, если даже он один только вас встретит, требуется сначала безумная вера. Вера в то, что вы не умерли. А еще нужны неимоверные ресурсы.— Кайс указал на остатки аппаратуры. — Прошу прощения за некомпетентность моих сотрудников. Хотя я уверен, что остальные станции, кроме этой, в полной сохранности. Еще можно возобновить отгрузку АМ-2. Впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

Император размышлял над сказанным. Ситуация становилась... ну, не известной из прошлого, но, похоже, влезала в рамки понимания и возможного управления ею. Первое допущение: Кайс планировал провалить дело и предать своих сообщников-заговорщиков. Нет. Он сказал, что АМ-2 для него ничего не значит. Кайс хочет чего-то иного.

— Вы сказали, что нас здесь только двое. Вопрос мой очевиден: что мешает мне просто застрелить вас и исчезнуть?

— Зачем? — ответил вопросом на вопрос Кайс. — Месть? Слишком малозначительный мотив. Особенно, если учесть, что наша попытка... изменить систему правления... провалилась.

Вот как? Мгновенный анализ: предыдущие слова Кайса «Вы не умерли», а теперь вот это... Ситуация улучшается. Кайс понял не все.

— Ну а если вы все-таки пожелаете удовлетворить свой каприз... — Кайс ткнул пальцем в передатчик у себя на ремне. — Стандартный блок телеметрии. Если он прекратит подавать сигналы жизнедеятельности моего организма, здесь появится команда поддержки. Не думаю, что вам удастся убежать из их сетей.

— Вы делаете несколько больших допущений, господин Кайс. Известно, что в некоторых случаях я люблю побаловать себя. Привилегия Императора, уж извините...

— Это верно. Вначале, когда я установил, куда вы направляетесь, я подумывал о засаде. Сам бы я при этом был где-нибудь в безопасном отдалении. Ружье с транквилизатором или газ... Что-то наподобие. Мгновенно парализовать вас и удерживать под наркотиками, пока не станет возможным управление мыслями... Но потом я решил,

что задуманный мной план не сработает — вы слишком многих ловушек избежали в прошлом.

Кайс замолк, потом продолжал:

— Кроме того. Если бы я делал вам предложение в насильственной обстановке, вы почти наверняка его отвергли бы.

— Слушаю вас.

— Прежде всего, предлагаю вам свою чистосердечную преданность и поддержку. Я сделаю все — и извне, и изнутри, чтобы уничтожить Тайный Совет. Не хочу убеждать вас, что только моя помощь может привести к исходу, который я считаю неизбежным. Но я могу значительно ускорить их падение и, вероятно, уменьшить долю разрушений, которые они нанесут, пока будут биться в агонии. А когда Империя будет восстановлена, я предлагаю вам свою постоянную верность.

— Вывертывание наизнанку, — сказал Император, — может стать привычкой.

— Этого не произойдет. В том случае, если вы выполните свою часть нашего договора. Но это как возможность. Может быть, вы предпочтете, чтобы вам мое присутствие не напоминало о... о том, что сейчас произошло. В таком случае я приму изгнание, что никаким образом не уменьшит мою готовность помогать вам всеми мыслимыми способами.

Кайс ненадолго замолк.

— Но я могу предложить вам и кое-что более существенное, — продолжал он. — Весь мой вид, при вашем свободном согласии, будет вам... «слуги» — неточное слово. Но, по сути дела, это именно то, чем мы будем для вас, если вы можете представить себе раба, который прыгает от радости, завидев цепи. Это также легко достигается.

— Ваш народ, — сказал Император, — без сомнения, будет принят доброжелательно, если решит безоговорочно поддерживать мою Империю. Если только я не упускаю чего-то... легко достижимого, как вы только что выразились.

— О нет.

— Хорошо. Что, собственно, я должен вам дать? — спросил Император, хотя неожиданно, с тошнотным чувством понял, что знает ответ.

— Жизнь! — сиплым голосом сказал, запнувшись, Кайс.— Бессмертие. Вы, может быть, понимаете трагедию смерти. Но если она разыгрывается в заранее известное, биологически определенное время, причем в такое, когда особь находится на высоте своих сил и знаний... Это трагедия моей расы. Я прошу — и для всего моего народа также — вечной жизни. Бессмертия, такого, каким обладаете вы. Я

предлагал вам сделку. Нет, неправильно. Как ваш подданный я прошу вас о подарке.

И Кайс неловко упал на колени.

Наступила тишина. Тишина, растянувшаяся, казалось, на годы.

— Несчастное вы создание, — наконец произнес Император.

Кайс встал.

— Как вы можете не принять это? Как вы можете игнорировать мою логику? Мои обещания?

Император заговорил, тщательно подбирая слова:

— Логика... Обещания... Что с ними делать? Послушайте, что я скажу вам. Я — да, я бессмертен. Но... — Он коснулся своей груди. — Это не тело. Вы просите то, чего я дать не могу. Ни вам, ни любому представителю любой расы или вида.

Глаза Кайса будто взорвались.

— Это правда?

— Да.

Кайс поверил, но продолжал пристально смотреть на Императора. Чувствуя себя неловко, тот отвернулся. Снова возникло долгое молчание.

Вечный Император рылся в глубинах своего запаса трюков.

— Вероятно... может быть, есть компромисс. Я хочу сделать предложение со своей стороны. Вы поможете мне сокрушить Тайный Совет, а я найду ресурсы для развертывания программы, финансируемой не хуже «Проекта Манхэттен». Эта работа может продлиться несколько поколений. Такая программа, если решение в конце концов будет найдено, не сумеет помочь вам или вашим современникам. Но это — лучшее из того, что я в состоянии сделать.

Император повернулся лицом. Кайс стоял неподвижно.

— Это, конечно, не может удовлетворить, — начал Император, — по сравнению с... — и остановился.

Г'орби стоял как изваяние. Император сошел с места, куда был направлен взгляд Кайса. Тот не повернул ни головы, ни глаз. Император шагнул к нему и провел перед лицом рукой — никакой реакции.

«Наверное, шок от осознания, что нет Святого Грааля для него и его вида», — подумал Император.

Рот Кайса приоткрылся. Оттуда закапали пищеварительные флюиды.

Император обеспокоенно бросил взгляд на индикатор жизнедеятельности Кайса. Нет, физиологические показатели в норме.

Властитель закрыл стекло гермошлема и поспешил к выходу, но затем обернулся.

Идиот, в которого превратился Кайс, так и стоял на том же месте, поддерживая свой скафандр, будто вешалка.

— Несчастное создание, — повторил Император.

Это была лучшая эпитафия, которую он мог произнести, и единственное, на что имел время.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ИДУЩИЕ НА СМЕРТЬ ПРИВЕТСТВУЮТ ТЕБЯ

ГЛАВА 26

Ученые мужи на Ньютоне носили на лице выражение непреходящего недоумения, присущее, как некогда выразился один студент сельскохозяйственной академии, корове, внутрь которой дородный осеменитель запихнул кулак в стерильной перчатке.

Перед открытием Трибунала это выражение постепенно сменялось таким же озадаченным взглядом, переходящим в радостное изумление. Как в свою очередь выразился Килгур, корова словно осознала, что вместо кулака у нее внутри то, что надо.

Никогда в пыльной академической истории, насчитывавшей тысячи профессоров, тяжко трудившихся на поприще науки, университет не привлекал к себе такого внимания.

Когда произошла преднамеренная утечка информации о предстоящих событиях, репортеры со всех концов Империи рванулись наперегонки в Ньютон — запечатлеть ожидаемый крах Тайного Совета. Ньютоновскую администрацию буквально похоронили под кучей заявок на разрешение присутствовать, и не только от репортеров, а и от политических экспертов, студентов, историков и просто любопытных.

Стэн, Алекс и Махони метались как сумасшедшие, заставляя службу безопасности «просеивать» через себя миллионы заявок. Задача была особенно трудна вследствие того, что по замыслу-то и требовалось привлечь к работе Трибунала максимальное внимание. Они пытались удержать информацию в руках, включая и сотни других мелочей, до публичного открытия.

А пока интервьюеры осаждали декана Блайза, его факультет и студентов из многих колледжей, составлявших структуру университета. Не было ни одного мелкого факта, скучного ответа или невнятно-серых мазков описания, которые не пригодились бы для голодных до новостей средств массовой информации. За короткое время каждый обитатель Ньютона побывал в роли звезды экрана.

Информационный голод был в особенности силен потому, что, хотя сэр Эку и раскрыл основные цели

Трибунала, сидя на заседании Тайного Совета, но сохранил в тайне суть обвинений ото всех, кроме судей. Все были уверены, что обвинение связано с АМ-2. Другими словами, заговор с целью обмана. Сэр Эку мог себе представить изумление публики, когда будут обнародованы действительные обвинения — в заговоре с целью убийства.

Сэр Эку выбрал Ньютон за его долгую историю и репутацию внепартийного заведения. Однако он ожидал необычайных трудностей в деле убеждения декана Блайза согласиться принять у себя Трибунал. Как ни странно, после уточнения деталей режима безопасности соглашение было достигнуто быстро. Помогло то, что Блайз, прежде чем заняться высшей школой, служил имперским генералом. И, наверное, более важным оказалось то, что Ньютон был одним из первых заведений, с которых Тайный Совет начал урезания бюджета. За первыми ограничениями последовало множество других. Тайный Совет все подстригал и подстригал ассигнования, пытаясь удержать экономику на плаву.

Остальное решило пожертвование изрядного количества АМ-2, украденного Стэном.

Большую аудиторию оборудовали быстро. На возвышении установили длинный стол для судей Трибунала. Место позади предназначалось для группы обеспечения законности. Заткнули все дыры, через которые могли бы просочиться террористы. К техническому персоналу пресс-служб, налаживающему линии связи, приставили охрану.

А тем временем боевые корабли бхоров рассредоточились по всей системе Джура со столичной планетой Ньютон и патрулировали наиболее вероятные секторы атаки.

В разгар подготовки прибыли члены Трибунала со своей свитой. Стэн и Алекс лично встречали каждого и приставляли к нему телохранителей, которые с этого момента тенью следовали за подопечным.

Сэр Эку выбрал троих судей; несмотря на большую опасность, недостатка в добровольцах не оказалось. Депрессия, развязанная действиями Тайного Совета, становилась такой глубокой, что многие системы боялись за свое выживание куда больше, нежели страшились имперских экономических мер.

Три системы, которые сэр Эку в конце концов выбрал, были одни из самых уважаемых в Империи, так же, как и три выходца из них, которые составили Трибунал.

Первым прибыл Уорин из огромного аграрного мира под названием Риания. Это было разумное существо

крупных размеров, с медленным мышлением. Тугодум. Тело его, сплошь покрытое тяжелыми костяными пластинами, служило обиталищем мыслительной системы с тремя мозговыми центрами. Способный переваривать целые горы противоречивой информации, медлительный и обстоятельный, Уорин всегда носил с собой массу думающей аппаратуры. Кроме того, он был абсолютно непредубежден в том, что касается преступлений, инкриминируемых Тайному Совету.

Второй, Ривас, прибыл из удаленного пограничного мира Джоно. Ривас — худощавый человек, стремительный и остроумный, выделялся своей способностью найти компромисс там, где его, кажется, и быть не могло. Эта способность очень важна и уважается в диком Джоно, где порой разных точек зрения насчитывается больше, чем спорщиков.

Он предупредил сэра Эку о том, что, несмотря на все презрение к нынешним деяниям Тайного Совета, он не абсолютно уверен, что его члены действовали лишь из своекорыстных побуждений. Его мнение о Кайсе, например, было весьма положительным. С точки зрения Риваса, тот зачастую демонстрировал добропорядочность и честность.

Третий и последний член Трибунала, пожалуй, пользовался самым большим уважением. Ее звали Апус, Матка-Королева Ферномии. Она была очень старой и нисколько не беспокоилась по поводу того, что титул ее не является символом королевской власти. Множество ее дочерей и внучек надзирали над миллиардами женских и несколькими миллионами мужских особей, составлявших народ сектора Ферномии. Несмотря на возраст, здоровье Апус было отменным, стройные журавлиные ноги ее — все шесть — были крепки, а жвала столь же эластичны и сокообильны, как в дни юности.

Она призналась сэру Эку, что считает ничтожествами членов Тайного Совета, а особенно — двойняшек Краа, которые несколько лет назад надули ее народ с правами на минералы, но сэр Эку знал совершенно точно, что это никак не повлияет на беспристрастность ее суждений.

Каждого из троих разместили в подходящем для него по условиям, хорошо охраняемом жилище. Перед самым началом заседания Трибунала сэр Эку встретился с судьями для уточнения правил, которыми они будут руководствоваться в работе.

Было обговорено, что должен существовать рефери Трибунала. Ему надлежит надзирать за тем, чтобы все доказательства были представлены честно и взвешенно. Ни одно из его указаний не могло быть изменено. Он же будет представителем общественности в Трибунале. Все вопросы следует

адресовать только ему, и лишь он получит право отвечать — после консультации с тремя судьями. Кроме того, было согласовано, что сэр Эку отвечает за сбор доказательств и присутствие свидетелей. Тройка доверила ему право привести к присяге на верность суду офицеров, которые будут ему помогать.

После этого сэр Эку быстро расставил точки над «i», уточнив последние детали.

Когда Стэн явился по вызову в сад — обиталище сэра Эку, он обратил внимание на то, насколько усталым выглядит старый дипломат. Усики-рецепторы манаби трепетали от нервного истощения, внешние покровы приобрели нездоровый серый оттенок.

Впрочем, у Стэна не оказалось времени на разговоры о здоровье — сэр Эку приказал ему поднять правую руку.

Стэн сделал, как велено.

— Клянетесь ли вы поддерживать и сохранять неразрывную связь слушаний Трибунала с древними законами Империи, под священной сенью которых мы действуем?

Стэн поклялся.

— В таком случае властью, данной мне, назначаю вас главным офицером Трибунала, — речитативом, нараспев проговорил сэр Эку.

Хоть Стэн и знал прекрасно, что должно было произойти, все же он почувствовал какую-то робость, слушая строгие слова сэра Эку. Он с неловкостью понимал, что старый дипломат знает цену каждому произнесенному им слову. Этот Трибунал не должен стать фарсом.

Когда Стэн покидал сад, у входа ожидали своей очереди Алекс и Махони. Они скрылись внутри и через несколько минут вернулись, такие же притихшие и задумчивые, как Стэн.

Троица в молчании возвращалась к себе. Неожиданно от группы охранников, стоявших поодаль, отделились несколько солдат и стали на их пути. Стэн непонимающе взглянул на охранников, окруживших их.

Старшей группы была Синд. Глаза ее беспокойно блестели — она старалась исполнять свои обязанности подобающим образом. Девушка стала перед Стэном и четко отдала воинское приветствие.

— К вашим услугам! Сэр...

— О чем ты говоришь, девочка? — вдруг охрипнув от недоумения, произнес Стэн.

— О том, что мы — ваши телохранители, — с трудом подавляя радостную улыбку, ответила Синд. —

Если будут какие-нибудь пожелания или нарекания, пожалуйста, говорите мне. Я начальник вашей охраны.

Стэн пробормотал, что у него нет никаких пожеланий. Он не требовал себе охраны, ему не нужны телохранители. И вообще...

— Приказ сэра Эку, сэр, — последовал ответ.

Прежде чем Стэн успел что-нибудь возразить, два его товарища взорвались хохотом.

— Ты уж лучше подчинись, мой юный друг, — подкалывал его Махони.

— Конечно, конечно, парень, — подал голос чертов Килгур. — Ты отважная и благородная персона. Имеешь ли ты право рисковать драгоценной своей жизнью, как главный офицер суда, а?

Лопаясь от гордости за порученное дело, Синд эскортировала друзей до комнат, где они поселились.

Стэн думал об убийстве. Две будущие жертвы гоготали справа и слева от него.

Открытие Трибунала откладывалось уже который час — тысячи зрителей текли к залу. Расписанные места были очень скоро заполнены, и духота в зале превышала все возможности кондиционеров. Снаружи тысячи любопытных сражались за то, чтобы подобраться поближе к видеоэкранам или хотя бы стать на расстоянии слышимости от больших громкоговорителей, вынесенных из зала.

Солдаты расчищали широкие проходы в толпе для съемочных групп. Их воинский темперамент подвергался суровому испытанию, когда они всего лишь толкали и пихали, вместо того чтобы проламывать черепа или просто открыть огонь. Наконец порядок был восстановлен.

В наступившей тишине все, кто имел шеи, вытягивали их изо всех сил, чтобы увидеть пустующую пока кафедру. Предвосхищение события, единственного в своем роде в истории Империи, охватило весь зал.

Над кафедрой нависал огромный портрет Вечного Императора. Он был написан в романтическом духе и лучился героикой. Любимый стиль покойного Танза Сулламоры — во всем, кроме глаз. Стэн вздрогнул, поглядев в эти глаза. Они буквально сверлили насквозь, проникая в душу.

Стэну знаком был этот взгляд. «Ну-с, ничтожное существо разумное, — как бы спрашивали глаза, — что ты имеешь сказать самому себе?»

Ледяная хватка взгляда Императора, слава Богу, разжалась — сэр Эку, помогая себе хвостом, взобрался

на трибуну. Толпа издала единый звук — звук неосознанно затаенного дыхания. За манаби следовали трое судей Трибунала. Они заняли свои места за столом.

Когда судебные приставы выкатили тележки с документами дела, по залу пробежал сдавленный шепоток. Декан Блайз занял место на сцене в дальнем правом ее углу. Его обязанностью было надзирать за непорочностью компьютера, куда заводились все записи слушания дела.

Перед сценой замельтешили репортеры, делая символическую серию снимков — сначала Уорин, потом Ривас, Королева-Матка и, наконец, сэр Эку.

Престарелый дипломат подождал несколько мгновений и заговорил.

— Слушания настоящего Трибунала объявляю официально открытыми.

Такая простая фраза, но она вырвала у толпы общий вздох. Каждый знал, что с этого момента любое произнесенное слово являлось прямым вызовом власти Тайного Совета.

— Мы собрались для слушания доказательств по тяжелым обвинениям, выставленным против руководящего органа Империи. Тот факт, что настоящие слушания проводятся под вооруженной защитой с целью охранить нас от вышеуказанного органа, не оказывает никакого влияния на решения ни одного из членов Трибунала. Все трое судей согласны в сем и публично клянутся в этом. — Пауза. — Моим первым официальным действием в настоящем слушании будет приглашение сюда всех и каждого члена Тайного Совета, чтобы опровергнуть доказательства, которые будут предъявлены, или же дать иной ответ. И это не пустой звук с моей стороны. Я лично просил всех и каждого из них откликнуться... А теперь я зачту билль обвинения:

«Члены Тайного Совета, вы обвиняетесь в заговоре с целью убийства Вечного Императора. В ваше отсутствие заявление о невиновности автоматически...»

Остаток его слов потонул в криках и шуме толпы. Часа три после этого порядок восстановить было невозможно.

Прошло не так уж много времени, и Трибунал объявил о перерыве в один день. Судьи лишь бросили жребий, дабы определить, кому из них представлять обвинение, а кому — защиту.

Матка-Королева Апус, та, что презирала Краа, стала их официальным адвокатом. Стэн был изумлен, насколько быстро и толково она справлялась с делом, несмотря на свою ненависть к двойняшкам, равно как и к их коллегам.

Ривас, питавший симпатии к Кайсу, стал обвините-

лем Тайного Совета. В его торжественно звенящем голосе проскальзывали нотки горькой иронии, когда предъявлялось очередное доказательство вины Совета.

Стэну ничто так не нравилось, как стоять в толпе, быть очевидцем событий и наблюдать, как творится суд праведный. Он думал, что то же должно чувствовать любое нормальное разумное существо, которому выпало счастье оказаться сейчас здесь.

Но, как мог бы сказать бхор, судьбу не проведешь. «В кузнице богов, — говорил однажды Ото, облачаясь в свои боевые доспехи, — наш рок быть молотом, когда им бьют».

ГЛАВА 27

Пойндекс не относился к разряду существ темпераментных. Давным-давно он навсегда утолил свою агрессивность — на детских игрушках. Восторженность осталась позади вместе с отрочеством. Не было ни одной эмоции, которую он не мог бы удержать под контролем. Амбиции — вот единственный плод, который Пойндекс взлелеял на нейтральной почве сада своей души. Единственной радостью его была власть. К ней он стремился. Так же, как и его коллеги по Тайному Совету, взбешенные «потрясающе лживыми утверждениями» Трибунала сэра Эку, полковник теперь впервые в жизни познал эмоцию страха. Он увидел, что власть ускользает от него.

Посмотрев телерепортаж из зала суда, где сэр Эку зачитывал обвинение в убийстве, Пойндекс ощутил, что это правда. Чувство пришло откуда-то из кишок. И, поспешая на экстренное совещание Тайного Совета, он с каждым шагом становился в этом все более уверенным. Ощущение стало еще отчетливее, когда он вошел в несуразно огромное здание, спроектированное специально для штаб-квартиры Тайного Совета. Странное башнеобразное дерево, росшее во внутреннем дворе, выглядело увядающим и больным. Пойндексу, существу, которому не дано было мыслить образно, состояние рубигинозы говорило лишь о начале умирания.

В том, что убийство Императора — не акт сумасшедшего одиночки, логики хоть отбавляй. Заговор очень и очень вероятен. Кто больше всего от этого выигрывал? Ответ слишком очевиден...

Пойндекс вошел в зал заседаний. Атмосфера там была яростной. Обе Краа сидели багровые от злости. Ловетт молотил кулаком по полированной поверхности

стола и вопил, требуя кровопролития. Мэлприн извергала необычный для себя поток непристойностей по поводу чудовищной лжи, прозвучавшей на Трибунале.

При виде такой реакции Пойндекс понял, что инстинкт его не обманул. Он глядел в лица тем, кто убил Вечного Императора.

А к чему бы еще так бесноваться? Если обвинение ложное, то это всего лишь «приемчик», который пытаются провести их недруги. Все члены Тайного Совета — твари, в интригах искушенные; они не раз встречались с подобными грязевыми ваннами.

Пойндекс также отметил выражение их физиономий, когда они набирали воздух между приступами яростного рева. Представить себе невозможно, какими испуганными взглядами уличенных в преступлении обменивались члены Совета. Пальму первенства во всем этом взяли Краа. От волнения близнецы вдруг поменялись ролями. Поглощавшая обычно горы пищи тощая, как вилка, половина Краа вдруг прекратила свои бесконечные походы к холодильнику, зато толстая стала поминутно выбегать из зала — ее тошнило.

Вот когда Пойндекса пронзил ужас. Он только-только достиг цели, к которой так долго стремился. Став членом Тайного Совета, Пойндекс воплотил свою мечту о великой власти. Он знал, что сможет еще более усилить и сосредоточить ее в своих руках — надо лишь разобраться, какие кнопки нажимать. У Пойндекса никогда не было и мысли стать великим тираном, единоличным правителем; он предпочитал оставаться в тени, где безопаснее. Так же, как и Кайс, полковник не любил служебные побрякушки-символы; пусть друзья-приятели греются под любым солнцем, какое им приятно. Пойндекс знал, что получить то, чего желаешь, много легче, будучи дающим, а не берущим.

Перед тем как были обнародованы обвинения Трибунала, Пойндекс только-только начал оправляться от шока, вызванного потерей наставника. Когда Кайса, а точнее, тот бормочущий пень, которым он стал, привезли из его таинственной поездки, Пойндекс понял, что лишился главной поддержки в духовной борьбе с остальным Советом.

Но понемногу коллеги становились все более зависимыми от полковника. Они внимательно слушали его холодные советы по всем вопросам — и не только то, что касается военного дела или разведки, но и по имперской политике. Не было и речи о занятии поста Кайса кем-то кроме него.

Пойндекс размышлял о том, как восприняли происшедшее с Кайсом остальные члены Совета; их реак-

ция казалась ему более чем странной. Они приняли это так спокойно, почти легко. Серьезных вопросов не задавали, а быстренько упекли бедное создание в сверхсекретный военный госпиталь для умалишенных. Они и вправду выглядели так, будто испытали облегчение от метаморфозы г'орби. Пойндекс решил, что Кайс, видимо, был наименее виновным из всех и мог выдать.

Пока Тайный Совет планировал контрнаступление, Пойндекс лихорадочно соображал, как бы получше прикрыть свой тыл — это прежде всего... Видно было без очков — вне зависимости, чем все кончится, — что членов Совета разнесут в прах. Что или кто их уничтожит — Трибунал и его сторонники или кто-то еще — не важно. Дело их рано или поздно закончится крахом.

Пойндекс с определенностью знал, что не пойдет ко дну вместе с ними. Посему, пока его коллеги спорили, он копался в своем багаже приемов выживания.

Краа предложили разослать флот по всем направлениям. Любая система, хотя бы чуть-чуть замешанная, должна была быть разбита и занята имперскими войсками. Ловетт и Мэлприн одобрительно зашумели.

Пойндекс подождал немного, прежде чем взять слово, — пусть немного стравят пар.

- Я разделяю ваше негодование, — сказал он. — Несмотря на то что мое имя отсутствует в этих чудовищных образчиках лжи, я рассматриваю атаку на любого члена Совета как атаку, направленную против всех нас. Но надо посмотреть в лицо реальности. Горючего не хватит — даже на одну десятую того, о чем здесь говорилось.

Слова его были встречены тишиной протрезвления. Сказанное Пойндексом — правда.

Они начали сужать размах операции — понемногу, шаг за шагом следуя уговорам Пойндекса, который старался делать это не слишком явно. В итоге решено было ограничиться одной лишь целью — Ньютоном. Туда посылался карательный отряд, а оставшихся в живых, если таковые будут, предполагалось доставить в столицу для примерного наказания.

Мэлприн выступила с предостережением, что войска могут быть не полностью лояльны, учитывая недавние воинские чистки. Пойндекс знал, что она также беспокоится, как бы обвинения в убийстве не заронили искру революции. Все остальные очень хорошо поняли ее слова.

В конце концов постановили, что в экспедиционный корпус должны войти лишь самые верные Тайному Совету части.

Прежде, чем соглашение было достигнуто и флот послан, Пойндекс намеренно выбросил предупредительный флаг — сделал официальное заявление для записи в протокол.

— Я уверен, что это должно быть сделано, — заявил он.— Однако считаю ошибкой не указать на опасность данной акции. Есть соображения в пользу того, чтобы просто игнорировать всю ситуацию. Вы уже издали приказ об исключении из общественного сознания всех сведений о процессе, затеянном Трибуналом, в масштабе Империи. Продолжите в том же духе. Не откликайтесь. Дайте им ускользнуть. Мы сможем потом легко арестовать возмутителей спокойствия по другому поводу. Кроме того, сама по себе атака может вызвать обратную волну. Наши союзники могут испугаться. Уверен, что вы сами это понимаете. Я всего лишь хочу указать на то, что даже мелкие детали не следует упускать из виду.

— Ну и черт с ними, союзниками дурацкими, — каркнула одна из Краа.

— Если мы не отреагируем, некоторые глупцы могут решить, что эти возмутительные обвинения — правда, — сказала Мэлприн.

— Послать флот! — рявкнул Ловетт.

Пойндекс послал флот. Однако, раздавая приказы, он вызывал своих самых доверенных помощников. Надо было свершить великое дело прикрытия своей задницы.

Пойндекс вынужден был опережать события; иначе он будет подмят ими.

ГЛАВА 28

Капитан имперской Гвардии в оставке Хосфорд поднялся на холм, слегка отдохнул, поел и дал себе целых пять минут на то, чтобы перевести дух перед тем, как пуститься вниз, через следующую долину, а затем вверх на дальний гребень.

Он не только чувствовал себя слишком толстым и старым для своего поручения; само поручение было совершенно пустым и неблагодарным.

В Империи осталось лишь две нетленные ценности. Первая — пуля и бомба, доказавшие свою власть даже над Бессмертным. Вторая — гурки.

Гурки, да будет вам известно, лучшие солдаты, которые когда-либо существовали на свете, и не только среди людей. В большинстве миров все думали, что более смертоносный вид разумных существ появиться не может, а

если появится, то хотелось бы надеяться, что они будут так же твердо стоять на стороне Империи. Для многих-многих, кто видел гуркских солдат на экране, слова «гурки» и «Империя» значили одно и то же.

Тайный Совет хотел вернуть их — и потому, что желал иметь абсолютно верных и неподкупных телохранителей, и для того, чтобы «узаконить» свое правление в глазах общественности. Тайный Совет стремился к легитимности.

Отсюда и проистекала миссия капитана Хосфорда.

Хосфорд был — годы, жизнь, несколько жизней тому назад, так ему казалось, — командиром гуркской личной охраны Императора. Очень многообещающий офицер, рожденный для высокого звания — как, без сомнения, и любой, кого подбирают для службы в качестве капитана Гвардии.

Служба была увлекательной и, как впоследствии это узнал и Стэн, заместивший Хосфорда на его посту, совершенно не оставляла места для личной жизни.

Все шло хорошо до тех пор, пока Хосфорд не влюбился. Влюбился глубоко и страстно. Так сильно, что обклеил стены своего жилища портретами Мэви.

Мэви никогда ничего такого не говорила, но Хосфорд сам понимал, что оказался перед выбором: или служба — или любовь.

Он испробовал все возможности как-то выйти из положения. В армии не любят тех, кто вдруг резко ломает планы, выстроенные в его отношении. Поэтому единственное назначение, которое ему предложили, когда он обрывал провода в поисках чьей-нибудь благосклонности, было, по сути, ссылкой — должность в приграничной зоне. Хосфорд принял пост, и Мэви поехала с ним.

Само собой, в Гвардии продвижение ему уже не светило. Он отказался от офицерского звания, не стал оставаться сверхсрочно, когда начались Таанские войны, и скитался всюду вместе с Мэви. Он думал, что блуждания его бесцельны, но однажды, вычертив кривую своих перемещений, понял, что (и это совершенно логично) все время стремился поближе к Земле.

И к гуркам.

К гуркам, которые, может, и становились богатыми, когда, выжив после имперской службы, возвращались домой, но страна их, Непал, так и оставалась примитивной провинцией. Таким ее сохранял царь, заявлявший, что его династия восходит к временам, когда родились боги гор. Он обязан защитить Непал и его народ. Защитить и сохранить. Страна являлась священным местом — от пиков Джау-

лагири, Аннапурна и Джомолунгма и до долины Лумбини, места, где родился Гаутама Будда. На практике это означало, что непальцев изо всех сил отговаривали от излишней цивилизации. Они, конечно, теперь уже не мерли от сонной болезни и туберкулеза, и продолжительность их жизни возросла, пусть и не соответствовала стандартам цивилизованной части Империи; но все равно, они влачили примитивное племенное существование.

Хосфорд хотел им помочь.

Осесть в Непале ему не разрешили — в страну не допускали никого из иностранцев, за исключением ограниченного числа кратковременных визитеров. Он с Мэви нашел пристанище в Дарджилинге, когда-то части многонациональной страны под названием Индия.

Находясь там, он делал что мог — способствовал развитию образования в Непале, оказывал посильную помощь старым солдатам, помогал деньгами и работой поникшим духом, близким к самоубийству молодым людям, которым отказали в военной службе.

Ему и другим бывшим гуркским офицерам было позволено бывать в Непале два раза в год для раздачи пенсионных денег, распространения технических знаний и набора молодых солдат — последнее прекратилось шесть лет назад, после того, как Император был убит и гуркские солдаты вернулись домой. Каждый год Хосфорда посылали в качестве представителя Тайного Совета, чтобы еще раз попытаться набрать рекрутов. И каждый раз его встречали улыбками, выпивкой и словами: «Мы служим Императору. Только Императору».

Первые два раза он пытался убеждать: Император мертв. Неужели они теперь прекратят свои воинские традиции?

Ему отвечали так: «Нет, капитан. Мы не глупцы. Вернется Император, вернемся и мы. Но служить Тайному Совету? Никогда. Он не стоит и волоса из подхвостья яка».

Почему Хосфорд возвращался сюда снова и снова? Поручение Тайного Совета служило скорее поводом. Кроме этого, он оставлял деньги деревенским старейшинам для нужд поселка. Но даже просто быть в Непале, с непальцами, быть в горах — причина достаточная.

— Еще один год, — проворчал отставной капитан. — Еще одна поездка. Еще один отказ. Наверное, последний. Иначе мое тело найдут через много лет где-нибудь на склоне холма, когда сердце не выдержит.

Путь его лежал вперед, к гуркскому центру в деревушке Похара. Хосфорд переместил поудобнее тяжелый рюкзак с пачками денег и двинулся дальше. Он знал, что

увидит с вершины следующего холма: центр, а там уже ждут его старые друзья. Каким-то образом они всегда заранее узнавали о его появлении. Пожалуй, это можно приписать как их острому чутью, так и возрасту. Старейшиной деревни был экс-хавилдар Манкаджири Гурунг, который, если он только не был собственным сыном, был двухсот пятидесяти лет от роду, судя по имперским записям. Их... Но хватит об этом.

Похара неожиданно оказалась звенящим сплавом шума, музыки и молодости. Около тысячи юношей, как подсчитал Хосфорд, стояли навытяжку и слушали выкрики старых людей, отдававших приказания. Это было воинское формирование. И если они опозорят свой клан или капитана Хосфорда, их запечатают в бочки и скатят в верхние воды священного Ганга, чтобы они навсегда исчезли в море.

Перед строем стоял Манкаджири. Он отсалютовал; Хосфорд ответил на приветствие. Хотел подождать с вопросами, но не сдержался.

— Это... новобранцы?

— Какие есть. Дикие альпийские ромашки по сравнению с вашими солдатами, капитан. Однако будут новобранцами, если ваш внимательный глаз их допустит. Медицинские карты ждут вашей проверки.

— Отчего такие перемены?

— Перемены? Нет, ничего не изменилось.

— Но вы говорили, что никогда не будете служить Тайному Совету.

— Так было сказано, так оно и есть. Эти люди будут служить Императору. Он возвращается. Мы нужны ему.

Капитан Хосфорд почувствовал холод, спускающийся вниз по позвоночнику; куда с ним тягаться ледяному ветерку с ближайшей горы!

— Ну и как долго продлится это ворчанье и скрипение, когда же наконец закончится Трибунал? — поинтересовался Килгур.

Махони пожал плечами:

— Когда каждый законник получит свой день и когда Тайный Совет найдет ответ на каждый вызов.

— Мне совершенно непонятно, — сумрачно пробурчал Килгур, — что делать после окончания всей этой тягомотины. Сорвали меня с Эдинбурга... Они, наверное, на то и рассчитывали. Нет, это не суд, где правит закон.

— Алекс! Мы ничего не слышим, — сказал Стэн.

— Ты собираешься направить меня на путь истинный во имя чье-то святое? Нет и нет. Все разваливает-

ся, и в душе я уверен, что все обрушится и не будет нам уютного местечка среди «Богомолов». Духом продажные, вот мы кто. Мне не подходит мир, где я нужен больше как злодей, чем тот, кто сохраняет и утверждает традицию. — И Алекс чиркнул большим пальцем себе по горлу.

— Ты закончил, Пещерник Килгур? Мы сейчас офицеры, присягнувшие законному суду, — сказал Стэн. — Пока юристы раскидывают и прикидывают, что к чему, нам надо добывать конкретные доказательства, чтобы им было что пережевывать, когда устанут говорить насчет того, был ли уместен запрет на строительство моста Магна Карта.

— Я не закончил. Но затыкаюсь.

Все трое сидели, разглядывая изображения на экране.

— Я прочесал все частым гребнем, — начал Стэн. — Старался прочесть все — ну по крайней мере основное, — что появилось в связи с Тайным Советом, начиная с его учреждения и вплоть до Императора. У меня есть еще команда, которая делает то же по отношению к сегодняшним дням; они ищут преступления, возможно, связанные с этим делом. Вот, возьмем два особо кровавых преступления. Первое — убийство Волмера. Почему он был заморожен? Нам известно, что его убрал профессионал по заказу преступного босса, ныне мертвого. Убийца также исчез. Верно?

— Так говорила Хейнз.

— Ты думаешь, она...

— Нет.

Все трое сидели, будто на отдыхе. Это было так знакомо — обычная планерка команды «Богомолов» перед началом операции. Только сегодня дело касалось цареубийства и измены на высшем уровне.

— Может, с ней стоит поговорить еще раз?

— Может.

— Итак, кто-то появляется в Прайм-Уорлде, — Стэн размышлял вслух. — Волмер, один из Тайного Совета, оказывается убитым. Почему? Может быть, выдал кому-то заговор? Или пытался захватить всю власть для себя лично?

— У нас слишком мало информации, чтобы гадать.

— Да. Вводные: непосредственно перед убийством Волмера на Земле прошло совещание Тайного Совета. Единственный случай, когда, насколько я смог определить, они встречались не в столице. По крайней мере, судя по опубликованным в печати сообщениям.

— Надо проверить.

— Визит на Прайм — это второе, — продолжал Стэн. — Я не уверен, что мы извлечем что-нибудь

путное из смерти Волмера. Но проверить действительно стоит. — Он вздохнул. — Теперь о более важном. Император погиб от руки сумасшедшего убийцы. Чаппель. Клинический случай. Есть ли вероятность, что он — действительно псих-одиночка? И что Тайный Совет, уже сговорившийся о будущем захвате власти, просто воспользовался возможностью?

— Нет, — тусклым голосом отозвался Махони. — Они действовали слишком быстро. А смышленых среди них нет; кроме, может быть, Кайса.

— Согласен. Я пробежал твои заметки, Ян. Ты проследил всю жизнь Чаппеля день за днем; и вдруг он исчезает за месяц до того, как вновь объявляется, уже с оружием в руках. Это что — твое упущение? Не сумел собрать материал? Пришлось уехать, прежде чем ты закончил работу?

— Нет. Он исчез. Знаю лишь, что его видели в компании — дважды — с парнем, который выглядел богачом... Кажется, следует приобщить к делу алкоголь. Мысль начинает работать.

— Ах, вот оно что... — поймал идею на лету Стэн; он поднялся налить Махони стаканчик, затребованный столь витиевато.

— То, что нужно. Отбросим на время предварительную ерунду. Тогда получаем: Сулламора завершил заговор «мокрым» делом. Погиб при взрыве. — Бульк, бульк. — Кого волнует, был это несчастный случай или нет. Интересно то, что Танз Сулламора слишком хорош для того, чтобы даже встречаться с тем, кто будет нажимать на курок. Так что здесь должен быть посредник. — Махони взглянул на Стэна: — Предполагаемый профиль... Ну-ка, запиши это.

Стэн щелкнул клавишей рекордера.

— Профессиональный разведчик. Установлено — чистая, классическая операция. Найти или создать психопата, нацелить его в нужном направлении и поставить в нужном месте с нужным оружием. Чаппель не имел контактов ни с организацией заговорщиков, ни с кем-либо из высшего эшелона.

— Ну допустим, — сказал Алекс. Оба они со Стэном надели сейчас шапочки Профессиональных Скептиков. Правды нет, одни лишь враки — только при таком подходе можно проникнуть в любого рода интригу.

— Мне этот способ известен давно. Осталось найти агента-посредника. Беда лишь в том, что последние несколько лет я управлял солдатами, а не шпионами вроде вас, клоуны несчастные! — Махони глянул на Стэна и Алекса, затем продолжил: — Короче, ищем профессионала. Сперва я проверил имперские спецчасти: «Меркурий», «Богомолы»— ничего.

— Проверил... А может быть, ты стал сентиментален и защищаешь свои старые родные службы?

— Император был моим другом, — жестко оборвал Махони. — Сотри. Это не для рубрики «Срочно в номер».

— Существует множество профессионалов, никак не связанных с имперскими государственными службами, — заметил Килгур.

— Верно. Но вернемся к нашей проблеме. Небольшой торговый трюк. Вы хотите иметь безопасный дом, уйти, выключить команду из работы или желаете чего-нибудь еще такого же гнусного. Вы не найдете хранилища ценностей в трущобах, если вы любитель или преступник. Находите себе приятное, богатое, если возможно, богемное соседство, где никому нет дела, кто это там пришел и чем он занимается, и где все заняты собственными делами и хвастаются ими.

— Итак, богач-агент объявляется в трущобах. Болтает на ушко Чаппелю всякое, — а тот всегда думал, что он создан для великого. Прячет своего психопата пока что в Прайм-Уорлде, без сомнения, — подытожил Стэн. — Учит его, вооружает... в красивом, безопасном, богатом особняке где-то в богатом, безопасном предместье. Опять тут же, в метрополии.

— Чертова столица, — сказал Махони. — Читайте по моим губам и вслушивайтесь в то, что я скажу. Богач... богач... Богач. Сколько профессионалов использует богатство как инструмент? Их не может быть много, не так ли?

— Здешняя вселенная чертовски велика, — сказал Стэн.— Но живых существ мало. Худосочная субкультура.

— Мне уже пришли на ум некоторые имена.

— Отлично. Держи их при себе, Ян. Ты на пути к цели. Любопытно, как ты расколешь агента? Если, конечно, найдешь его?

Махони усмехнулся медленной улыбкой.

— Извини, — поспешно сказал Стэн. — Я учу отца делать детей... Выключаю запись. Вернемся к нити моих рассуждений. Если бы я был заговорщиком, я старался бы, чтобы собраний было как можно меньше. Передо мной стоит одна проблема — конференция на Земле перед тем, как был убит Волмер. Второе или третье собрание? Мне кажется, что Сулламора должен был информировать всех, когда он заполучил своих уток — Чаппеля, агента-посредника, — о возможных вариантах. Встречу вряд ли собирались провести официально — риск подслушивания. А теперь внимание, я делаю большой логический скачок. Никто из членов Совета не доверяет другим.

— Какой тут скачок! Если бы они доверяли, было бы еще больше гадости.

— Так вот, если эта встреча состоялась, то ее провели на нейтральной, совершенно чистой земле. Вопрос: проходили ли у Тайного Совета подобные собрания?

— Значит, кое-кого направляют в Прайм, — сказал Алекс.— Предположение. Любители-заговорщики заметают за собой следы, но никогда не думают о том, чтобы проложить ложную лыжню. Встреча на Земле? Как она была организована? Не случайно и не вдруг, это яснее ясного. Поэтому я — пардон, кто-то — едет в столицу почитать газеты. Если в них ничего нет, значит, собрание заговорщиков состоялось. Ага? Так же дело обстояло и со всеми другими собраниями, которые проводились перед тем, как шлепали императоров, — прошу пардона, сэр.

— Ладно, — согласился Стэн. — Не исключено. Может, у кого еще есть внезапное озарение? Мы можем оставить группу регистрации на месте, следить за Грехами После Большого Взрыва.

— Ну, я пакуюсь, — сказал Алекс, допив.

— Валяй, — отозвался Стэн. — Только не на Прайм-Уорлд. Туда еду я сам.

— Это правильно! Всем понравится. Ты — известная и желанная мишень... Не строй из себя героя!

— Совсем и не строю. В столице все расследования идут через Хейнз, по крайней мере должны проходить. С кем она лучше всего сработается, как ты думаешь?

— Даю тебе в долг наставление по пользованию матрацем, любовные поэмы Бернса и гнутый штопор. Ну, а я-то куда должен ехать?

— Я уже говорил, что мы теперь офицеры суда. Но у нас очень маленький штат. Я бы чувствовал себя куда спокойнее с несколько большим личным составом. Скажем... тысяч десять!

Килгур пораскинул умом.

— А сколько АМ-2 я могу истратить?

— Кроме того, что мы должны вернуть бхорам... того, что нам понадобится здесь, а также для флота прикрытия бхоров — остальное твое. Но чтобы все было тип-топ!

— Снова отца учишь, паренек? Я возьму Ото для перевозки. Есть мысли, где можно будет поискать.

— Ото не трогай. Он занят. Ух, представляю твою поездку!..

— Чего улыбаешься, парень? Что-то не нравится мне эта улыбка...

— Доверься мне, лорд Килгур. Будешь в восторге.

* * *

Корабли искорками мерцали в пространстве, будто стая гольянов, вьющихся вокруг наживки — системы Джура. Затем стая «рыбок» разделилась на две, и обе флотилии пошли на парковочную орбиту. В отличие от рыб, корабли были все разные, не блестели серебром и в большинстве своем имели необтекаемую форму.

Первая флотилия высадила один корабль на Ньютоне. Стэн ждал его.

Ен Вайлд, король контрабандистов, а в этот момент их парламентер сошел с трапа. И снова Стэн не мог надивиться на его вид — не пират и дебошир, а клеркчишка какой-то, а то и вовсе архивариус.

Совещание было очень коротким — просто заявление о союзнических действиях. Контрабандисту для хорошей жизни нужны четыре вещи: закон о торговле, транспорт, хитрость и, наконец, богатый клиент. Тайный Совет привел в расстройство первое и второе. Как бы ты ни был смышлен, говорил Вайлд Стэну, если нечем залить баки, то выгоднее заниматься выращиванием картошки на своем поле у дома. С другой стороны, чего хорошего, если ты и достал горючку, а заказчик не может заплатить?

— Ну и что же ты можешь мне обещать, Стэн? Помимо доступа к АМ-2 ты, похоже, имеешь и... остальное?

— Не столько, как в добрые старые дни. После смерти Императора поток АМ-2 пересох. Но с Тайным Советом, будь он проклят, все окончательно развалится. Мне кажется, трудно представить себе, что то, что укротит этот полный бардак, может быть хуже, чем то, что мы имеем сейчас.

— Контрабандисты, допустим, на худой конец и в хаосе могут существовать, — протянул Вайлд. — Кто-то все равно должен возить грузы. Сгодимся. Для разведки... перевозок... в крайнем случае — как боевые корабли. Вы можете рассчитывать на нас. Некоторое время — пока не станет скучно или пока мои веселые анархисты не решат, что пришло время слушать не меня, а другого.

Когда Стэн поехал наносить визит на флагман второй флотилии, он потребовал, чтобы с ним был Алекс, — месть за то, что Килгур приклеил к нему не только телохранителя, но вдобавок и почитательницу.

Он надеялся удивить Алекса. Однако затея сработала не слишком удачно.

— Подколоть, значит, решил... Меня, твоего товарища... Эх ты, жизнехранитель ничтожный. Такой прямо замечательно умный малый, думает обо всем, заботит-

ся... Совсем скурвился парень. Твоя правильная фамилия — Кэмпбелл, вот!

— Возможно. Но ты знаешь лучшего пилота? Или группу, в которой лучше всего раскроется твой потенциал как руководящего (я цитирую) офицера суда (конец цитаты)?

— Скорее язык мой сгниет, чем я соглашусь с тобой. И не буду повторять очевидное, когда откроется этот паршивый шлюз.

С той стороны «паршивого шлюза» их ждала Ида. Она стала еще толще — если это только возможно — и, судя по всему, не отказалась от склонности к свободным, разлетающимся цыганским платьям, но уж ткань платья была самой наилучшей. Сшито на заказ — хотя непонятно, как можно пошить платье на дирижабль.

И еще одна заметная перемена — ее невероятный жаргон приблизился к нормальной речи. Правда, не намного.

Ида издала возглас счастья, глядя на своего давнишнего командира по отряду «Богомолов», и успела звонко чмокнуть Алекса, прежде чем вспомнила их постоянную, беспричинную, наполовину шуточную (но наполовину всамделишную) вражду.

— Ты этого привез...

— Ему плохо, когда за ним не присматривают.

— Сейчас главное другое, — сказал Алекс. — Кто хозяин, а кто слуга? Я имею в виду — фактически...

Ида отвела их к себе. Убранство кают-компании на доисторическом морском судне, возможно, и более роскошно, но здесь было просто неописуемо. Гобелены, кресла; столы ломились, еле видные под целой галактикой блюд с деликатесами.

— И все это очищается за десять секунд, — хвасталась Ида. — Если активно действовать. То есть если нужно действовать активно. Это — активная станция; она несет противоракетную батарею — мы на ней стоим. Под полом у нас пусковые установки. Вот здесь командно-тактический центр чрезвычайных ситуаций. А ванная легким движением руки превращается в пункт медицинской стерилизации.

Она взглянула на Алекса и вспомнила:

— Вы знаете, у нас есть шотландец с Земли. Настоящий, исконный шотландец, а не поганая подделка, что лелеял, судя по рассказам, наш покойный император, царствие ему небесное. «Скоч» называется. А для тебя, Килгур, есть пиво моего собственного изготовления. Хотя ты и это не сумеешь оценить...

Ида Кальдераш была румынкой. Точнее, румынской цыганкой. Ее раса и культура до сих пор суще-

ствовали и процветали; народ жил, как прежде, вне традиционного общества и его правил и, как всегда, имел необычайно острый нюх на деньги. Но теперь вместо караванов они пользовались космическими кораблями — для торговли, контрабанды и просто для странствий в погоне за приключениями и выгодой. Их традиционный закон, «Крис», требовал от них уважать верность и семью, а также платить добром за добро. Среди своих, конечно. Но даже и в своей среде эти законы были скорее заповедями, которые мало кто соблюдал.

Для цыган было неслыханным делом служить в армии, что уж там говорить о суперсекретных «Богомолах». Как и почему очутилась Ида в команде «Богомол-13» под командой лейтенанта Стэна, было большой загадкой, расколоть которую вряд ли кому удастся. Она исполняла обязанности пилота и специалиста по электронике. А еще была их неофициальным специалистом по банкам, карточным играм и «вкладам». К моменту завершения задания все «вклады» ликвидировались, а члены команды некоторое время вели весьма обеспеченную и экзотическую жизнь.

Когда «Богомол-13» расформировали, а Стэна направили в имперскую Гвардию, Ида отказалась продлевать контракт и исчезла среди своих цыган. Объявилась она — заочно — после того, как Стэн с Алексом сбежали из таанской тюрьмы Колдиез и вернулись на Прайм-Уорлд. Всплытие Иды на поверхность, как она объявила, произошло в связи с тем, что она получила доступ к их заработку, который удерживался, пока оба наших героя считались «пропавшими без вести», и «вложилась». Как и куда она «вложилась», объяснения не последовало, но Стэн и Алекс стали сказочно богаты. И опять будут сказочно богаты, когда Тайный Совет окажется сметенным и они перестанут считаться беглыми преступниками.

Ида нашла странную концовку для своего рассказа — повернулась к ним задом и задрала все свои юбки.

— Девица так и не носит панталонов, — философски заметил Алекс.

— На пиру будут мои родичи, — сказала Ида. — Им интересно узнать, как сильно я врала, рассказывая о двух бродягах. Ты уж не огорчи их, Алекс.

Она отвела их в сторонку и налила три хрустальных бокала.

— За издохшее прошлое... И за то, чтобы это поганое настоящее поскорее к нему присоединилось.

Ида неожиданно посерьезнела.

— Твое послание, Стэн, принято одобрительно.

— Я и не ожидал, что будет такой результат.

— Ты ждал лишь меня и, от силы, моих родственников?

— Честно говоря, на большее я не рассчитывал.

— Времена изменились, и не только для вас, адмирал. Я теперь — барон, вождь племени. Другие воеводы слушают меня, хоть я и баба. У меня большой вес.

— По-моему, такое множество людей — скорее показуха. Хотя вес у тебя действительно большой... Шутка, шутка! — поспешно извинился Стэн. — Насколько я знаю — и ты учила меня тому же, — цыгане никогда не собираются вместе, чтобы делать одно большое дело.

Он скептически посмотрел на Иду.

— Это правда. То есть то, что мы такие, было причиной ужасных трагедий моего народа в прошлом. А теперь грядет новая.

Ида пустилась объяснять. Может, цыгане и стоят в стороне от общественной жизни, однако они внимательно следят за тем, что происходит.

— Осторожная разведка, — усмехнулась она. — Проклятый Тайный Совет, погубивший Императора, решил, что мы паразитируем, как вши, на теле политики. В основном потому, что у нас всегда в достатке АМ-2, чтобы держаться на плаву. Члены Совета считают, что у нас топлива больше, чем надо. Забывают простую истину: если цыган лишить возможности вести кочевую жизнь, они погибнут. Так вот, издан всеобщий приказ — захватывать наши корабли, отнимать груз, конфисковывать горючее. Что станет потом с людьми, не важно...

— Гвардейцы не будут делать такого, — уверенно заявил Алекс.

— Гвардия теперь не та. Одни — да, не будут. А другие... почему нет? Знаешь, сколько народу считает, что жизнь во Вселенной значительно улучшится, если не будет нас, а значит, не будет похищений их кур, золота и дочерей? Ужасно много. Но мы не собираемся дожидаться сложа руки. Не собираемся и становиться невидимками или прятаться. Твой Трибунал — чертовски тонкая соломинка, Стэн, но это единственное, за что мы можем ухватиться в теперешней вонючей трясине. И потому будут праздник, и речи, и споры, и — возможно — поножовщина, черт ее дери. Но не думай плохого. Кончится все нашей клятвой в вечной верности. Или по крайней мере до тех пор, пока Тайный Совет не станет дохлым куском мяса, или вы неосмотрительно покинете здешний сарай и переберетесь жить на небеса...

— Ну, хватит об этом, — Ида заставила себя быть веселой. — Значит, я ставлю эту лохань на рекрутский курс, да? Вы ведь бездомные, так, что ли?

— Нет, девица. Многодомство вредит здоровью. Пью с одного краю, потому беды не знаю. Помогает держать систему в порядке.

— Ты чертовски прав, — согласилась с Алексом Ида. — Так наливай же, адмирал! Проклятие, ну как вам это нравится! Поганый босяк Адмирал Флота Граненых Стаканчиков, за работу!

Стэн разлил спиртное.

— Никогда не мечтал стать барменом. А вообще-то дважды тебе спасибо. Первое — за заботу о наших денежках. А второе... за все это.

Ида и Алекс осушили свои бокалы. Стэн лишь пригубил.

— Я не могу дольше оставаться, — объяснил он. — Предстоит небольшое путешествие. Одному. Без ансамбля.

— И где же это, адмирал, в каком вонючем уставе сказано, что вы не можете путешествовать в компании с маленьким похмельем?

Стэн поразмыслил. Правда, нигде не сказано.

И согласился.

ГЛАВА 29

Стэн высадился в космопорте Прайм-Уорлда под двумя «крышами»: с ужасным шрамом и с ужасной задачей.

Шрам он устроил себе с помощью безвредного паразита, хирургически вживленного под кожу лица. Шириной два сантиметра, живописным зигзагом вился он от угла лба к глазу и далее до подбородка. Как завещал «Великий Лоренцо», лучшая маскировка — простая, которую не сдует порывом ветра. Любой, кто глядел на Стэна, видел лишь этот ужасающий рубец, как бы ни старался заставить себя не обращать внимания. Стэн и раньше применял подобные трюки — от красного накладного носа до лысины или просто наголо выбритой головы, и это почти всегда срабатывало.

Больше всего Стэна заботило, как бы, когда он уедет из Прайма, его новый сожитель по организму не решил, что нашел себе постоянное обиталище.

— А что, парень, это довольно модно, — ободрял его Килгур. — Если такое произойдет, сделаем тебе повязку на глаз, и топай в пираты.

Ужасная задача, а точнее — Безнадежный Поиск, была так же проста. Правдивая часть легенды Стэна гласила следующее. По окончании Таанских войн в столице

объявился некто Д'вид Розмонт. Шикарный, громко разговаривающий, широко живущий предприниматель, он разрекламировал свой новейший бизнес — переделку имперских кораблей, а именно — дьявольски юрких такшипов в роскошные яхты. Вопреки совершенной изначальной абсурдности замысла, Розмонт расцвел. Буквально за полтора мгновения.

Отдел по борьбе с мошенничеством полиции Прайм-Уорлда проявил к Розмонту интерес — его компания, соорудившая всего одну-единственную яхту, выставленную на всеобщее обозрение, очень смахивала на игру в «пирамидку». Розмонт тут же исчез, оставив после себя голые счета в банке и ангар с тремя катерами. Все это было правдой, с которой измученный перелетом и похмельем, но дружелюбно посматривающий на всех человечек с уродливым шрамом на лице появился в столице.

Неправдой же было то, что звали этого человека Элизах Браун.

Стэн-Браун был аккредитован как частный расследователь, работающий в юридической конторе где-то в отдаленном мире между Затеряйском и Тьмутараканью. Он разыскивал состояние Розмонта по просьбе его наследника. Браун знал, что Розмонт еще не объявлен официально мертвым, однако наследник утверждал, что тот пал жертвой в грязной игре, похуже чем «пирамидка», и был «прокачен» с добычей. Браун же был уверен, что этот наследник, человек, между прочим, и так не бедный, накачался наркотиками. Но — работа есть работа. А вдобавок, лепетал он чиновнику, выписывающему двухмесячную въездную визу, у него появилась возможность полюбоваться на столицу, центр всего и самый чудесный мир во всей Вселенной.

— Видать, фильмов насмотрелись, господин Браун. Или же вы — любитель истории. Метрополия совсем не похожа на ту, какой она была раньше, и с каждым днем становится похожа все меньше. — Чиновник с опаской сверкнул глазами через плечо — убедиться, что никто другой не слышал его в общем-то совсем невинное замечание.

Стэн перехватил этот взгляд и не удивился. Служба безопасности Тайного Совета шуровала здесь на полную катушку.

Стэн замечал шпиков везде. Дворники, в упор не видящие мусор на улице, зато внимательно рассматривающие каждого, кто прошел мимо; неумелые официанты с большими ушами; продавцы, которые ничего не продавали, лишь слушали; бесчисленные вахтеры; консьержки, задающие вопросы, от которых закачаешься...

Короче, полный комплекс мер госбезопасности для борьбы с несуществующей угрозой. Мер очень дорогостоящих. Тайный Совет платил всем этим информаторам, платил деньги, которых у него и так отчаянно не хватало.

В который раз Стэн удивлялся странному стремлению многих разумных существ шпионить за своими близкими по любому поводу.

Решительно никто из них не думал о том, что будет, когда — не если! — Тайный Совет падет. Стэну вспомнились бунты на Хизе в конце Таанских войн. Чернь не только губила тех, кто стоял вне ее однообразной толпы; нет, они мстили даже своим на процессах в таанском гестапо.

Стэн не сожалел о них. Просто он хотел, чтобы его «крыша» подольше оставалась не разобранной, чтобы он успел войти в дело, найти то, что искал, и убраться восвояси.

Кое-какие меры предосторожности, кстати, он принял. Власти не знали всего. Махони сообщил ему о нескольких совершенно безопасных покинутых домах, которые должны были сохраниться. Один по крайней мере точно остался, там Стэн и припрятал запасной набор фальшивых документов.

Затем он продолжил разыгрывать роль Брауна. Поселился в недорогом отеле, разыскал хозяина того ангара и заснял три корпуса, ржавевших внутри. Разговаривал с вкладчиками и знакомыми исчезнувшего Розмонта. Сходил в Отдел по борьбе с мошенничеством; там ему дали допуск в архивы, зарегистрировали как посетителя и выдали номерной пропуск.

Через несколько дней Браун познал первую растерянность, а затем у него появились и подозрения. Он начал верить в правоту своего клиента. Розмонт не просто исчез. С ним что-то произошло. Он имел несколько более чем неприятных знакомых в захолустной части города. Возможно, произошло убийство. Или самоубийство? Розмонт, объяснял Браун, был в очень подавленном настроении незадолго до своего исчезновения, а затем неожиданно взбодрился. «Наверное, нашел потайной выход», — предположил эксперт из Отдела и дал Брауну имена некоторых своих знакомых из отделения, занимающегося убийствами.

Браун робко попросил разрешения побеседовать с шефом отдела.

— Вы помешанный; только угробите понапрасну и свое, и ее время. Впрочем, наша начальница очень терпима, разговаривает со всеми, какими бы свихнутыми они ни были.

Браун сказал, что беспокоится, как бы майор Хейнз не оказалась слишком занята, особенно в теперешнее

тяжелое время, и поэтому подготовил краткое резюме своего расследования, а с ним — список вопросов, которые он хотел задать. Подклеил к бумажкам копию своего пропуска, и машина закрутилась.

Стэн чувствовал себя очень погано. Он собирался использовать — и поставить под угрозу — своего друга, а в прошлом любовницу.

Он часто удивлялся, какие у них тогда были отношения. С одной стороны, обычная, «нормальная» связь, какие Стэн имел всегда. Но, с другой стороны, они стали любовниками в обстоятельствах совместного расследования заговора. Их любовь так ничем и кончилась — Стэн ушел на войну, попал в плен, сбежал и вернулся на поле боя. Хейнз призвали в военную разведку, и как-то так вышло, что они никогда не встречались вновь. Он иногда думал, еще до того как Тайный Совет объявил его вне закона, протоптать к ней тропку, просто чтобы увидеть... Увидеть что? Все ли там еще на месте?

«Наверное, — думал он, — прав Килгур. Оба они моральные уроды, и свою чрезмерную мораль, нужную для того, чтобы не сломаться, участвуя в еженощных грязных сражениях, они вырастили шиворот-навыворот, «головкой вниз». Не надо быть таким излишне нравственным. Честные разведчики доверяли, а потом гибли. Когда все кончится, пойди и вступи в Лигу Очищения, если будешь сильно переживать».

Прошло два дня, прежде чем его вызвали в офис Хейнз. Обстановочка там была такая, что озябнет и сверхновая звезда.

— Господин Браун, — произнесла Хейнз. — Я просмотрела вашу записку и вопросы. Просмотрела наши архивы. Все, чем располагает мой департамент, показывает, что вы забрели в тупик.

— Очень возможно, — сказал Стэн. — Разрешите, я буду записывать? — И, не дожидаясь ответа, вытащил потрепанный диктофон и включил его, а затем придвинулся к Хейнз для беседы.

Хейнз нахмурила брови, но продолжала объяснять Брауну: думать, что исчезновение Розмонта было не тем, чем кажется, — тупиковый путь в расследовании.

Стэн нажал другую кнопку на аппарате.

— «Жучок» подавлен. Моя машинка теперь передает туда синтезированную болтовню.

Хейнз обошла вокруг стола, и Стэн почти схватил ее в объятия, но она с усилием отстранилась.

— Я замужем, — сказала она очень тихо. — И счастлива.

— Последние слова она добавила совсем беззвучно.

Еще один мир иллюзий, мир «может быть...» потух.

— Я... рад за тебя, — произнес Стэн.

Хейнз попыталась улыбнуться.

— Мне жаль... Надо сказать, я думала... об этих вещах. О том, что было. И... Жалко. По крайней мере, я могу пытаться лгать. Скажем, наша былая связь останется для меня прекрасным воспоминанием. Подчеркиваю — воспоминанием.

— Да. Так лучше всего. Наверное. Но кто написал этот диалог? Звучит, как в мыльной опере.

— Лучше выразиться не умею. Это вершина. Ну, — Хейнз хотела показаться очень занятой, — мне лестно думать, что ты здесь — еще одна фраза из киношки — для того, чтобы снова зажечь огонь. Несмотря на то что ты один из десяти самых разыскиваемых преступников в Империи. Но я думаю, что хорошо тебя знаю. Это... — Лайза быстро отвернулась.— Этот шрам?.. — спросила она, не оборачиваясь.

— Макияж.

— Слава Богу. — Она снова обернула к нему свое лицо. — Сейчас я разозлюсь — ты меня используешь.

— Да.

— Сперва я решила, что меня подставляют. Потом изменила свое мнение.

— Благодарю. Мне нужна помощь. И ты — лучший контакт.

— Конечно. Старая добрая Хейнз. Нам было так хорошо под одеялом; посмотрим, а вдруг она снова повернется ко мне, хотя бы ради прошлого?.. Позволь мне спросить тебя: если бы я не была связана с тем, что тебя интересует, вспомнил бы ты о лунном свете и скамейке в парке?

— Лайза, я понимаю, ты чувствуешь себя обманутой. Но это не совсем... — Он оборвал себя. Пусть все идет как идет.

Хейнз несколько раз тяжело вздохнула.

— О, черт. Ты прав. На извинениях карьеры не построишь.

И она оказалась в объятиях Стэна. На долгое, долгое мгновение.

— Как хорошо было нам, да?

Стэн прошептал: «Да» и снова поцеловал ее. И все-таки она вырвалась.

— Но я не солгала тебе. Сам'л — прекрасный человек. Чтобы быть честной — немного лучше, чем я заслуживаю. Не какой-нибудь подонок с кинжалом в руке и жаждой убийства в душе. Поэтому... Давай попытаемся стать друзьями. Никогда не хотела быть друзьями с теми, с кем я... была связана в прошлом. Что ж, может, чему-то научусь.

Стэну хотелось заплакать.

— Да, Лайза. Друзьями.

Хейнз неожиданно вновь превратилась в полицейского.

— Во-первых, насколько ты чист?

— Чист. По крайней мере еще несколько недель.

— Как я понимаю, — Хейнз ткнула пальцем в папку, — ты выполняешь задание. Твой бывший начальник знает, что с этим делать? Наверное, да. Против Совета?

Стэн кивнул.

— Один вопрос, и лучше, если ты не будешь лгать. Не так давно, с тех пор как мы позабирали всех, связанных с покойным Каем Хаконе, повсюду в подворотнях стали находить трупы. По наивысочайшему соизволению. То, что я делала, называется соучастием в убийстве. Мне тогда это не понравилось, не нравится и теперь. Так вот, если твое дело в итоге будет связано, как ты выражаешься, с «мокрухой» или «персональным контактом»... Даже не проси!

— Нет. Это для Трибунала.

Глаза Хейнз широко раскрылись.

— Сукин сын! — медленно проговорила она. Конечно, несмотря на установленную информационную блокаду, многие слышали, что собрался Трибунал, который будет расследовать преступления Тайного Совета. — Так... Все это — твоя идея?

— Была.

— Дважды сукин сын!.. Я сказала, что не буду тебя защищать? Буду. До последнего. — Она усмехнулась. — Знаешь... может, если бы ты провел какое-то время в семинарии, то наверняка был бы допущен присоединиться к человеческой расе. О'кей. В чем ты нуждаешься?

Другое недоразумение было отрегулировано Алексом Килгуром перед его отбытием для набора рекрутов. Как ни странно, оно являлось малым зеркальным отражением того, что происходило между Стэном и Лайзой Хейнз.

Килгур сообщил телохранителям, приставленным к Стэну, что в них больше нет нужды, и переназначил их в службу общей безопасности Трибунала.

Синд потребовала переговорить с офицером, временно ею командовавшим. Первый вопрос, который она задала Алексу, был — почему такое отношение? Разве что-нибудь с ее стороны сделано неправильно?

— Прежде всего заруби на своем носу: безопасность — это безопасность, а не треп. Тебе незачем знать лишнего. Стэн занимается собственной задачей. Без ансамбля. Самостоятельно.

— Прошу снова назначить меня к нему, сэр.
— Зачем? Персональное подкрепление?
— Что-то вроде этого.
И тут Алекс взревел.
— В первый и единственный раз, когда я навязывался на задание, моя начальница отослала меня обратно в казарму. Она наорала на меня и сообщила, что надо получше учиться или возвращаться обратно лохматить овец. И была совершенно права. То же самое я бы сказал тебе. Но теперь я скажу посложнее. Я бы мог отдать приказ: «Солдат, кругом!» — и дело с концом. Но я объясню причины. Так что давай выкидывай из головы свои яичники, или где там они у тебя болтаются, и слушай сюда внимательно. Во-первых, твое начальство само знает, что ему делать. Во-вторых, ты понятия не имеешь, чем именно оно занимается. И не ной тут мне насчет «длинных рук» и как тебя учили бороться с разведкой. Я это уже все слыхал. — Алекс прищурился на пышущую юным рвением телохранительницу. — Ты делаешь ошибку, слишком лезешь вперед. Не надо изо всех сил стараться, чтобы тебя заметили, если твоя работа — посматривать с юта. Ты солдат. А солдатская профессия отличается от шпионской.

Но это все ладно. Последняя — и главная — причина в том, что ты чертовски зелена. Веришь во всякие там... вещи. Не знаешь глубин духовного разврата. Пока ты не подросла, будь в стане кальвинистов, как я в твои годы. Шпион всегда предполагает худшее и оказывается самым эгоистичным из всех. Вот какой ты рискуешь получить тяжелый, дьявольский урок. Честно скажу, не желал бы я тебе этого. А теперь возвращайся к своим нынешним обязанностям. Держу пари, что скоро крови будет более чем достаточно. У тебя появится шанс отличиться в глазах старших и даже перед боссом, если ты так и не оставила свою фантазию. Все. Идите.

Когда Синд вышла, Килгур вздохнул.

«Христос в курятнике! — подумал он. — Говорил, как старшина — отец солдатам... Стареешь, Килгур. Стареешь».

Вначале Стэн думал, что путешествие на Прайм-Уорлд — не больше чем опасная лишь лично для него прогулка. Он искал три вещи: сведения о заказном убийстве пресс-лорда Волмера, помимо тех, что Хейнз смогла сообщить Махони; упоминание в прессе о том первом «судьбоносном» собрании заговорщиков на Земле; и, наконец, состоялось или нет еще одно собрание, прежде чем был пущен в ход Чаппель. Кроме того, он хотел узнать что-нибудь дополнитель-

но о связи Чаппель — агент-посредник — Сулламора, хотя Махони и заявлял, что это не очень важно.

И вот Стэн проделал отличную работу — по выкапыванию нулей. Хейнз больше ничего не знала ни по Волмеру, ни по «самоубийству» его киллера. Она честно призналась, что не разрабатывала это дело глубже, так как тут «одна лишь чистая политика». Сегодня, как известно, люди исчезают, когда начинают задавать неудобные политические вопросы. Однако, по ее мнению, вряд ли можно еще что-нибудь накопать — по крайней мере этого будет все равно недостаточно, чтобы свалить Тайный Совет и, хотелось бы надеяться, привлечь его к уголовной ответственности.

Нуль номер раз.

Что касалось сведений насчет собрания на Земле, тут был полный вакуум. Насколько понял Стэн, между членами Тайного Совета не было контактов, прежде чем они каким-то образом, прямо-таки телепатически, не почуяли, что пришло время собраться в доме Сулламоры. По крайней мере это было все, что содержали открытые архивы, а также те правительственные хранилища, куда Хейнз умудрилась осторожно сунуть нос. Килгур оказался прав — Тайный Совет достаточно аккуратен, чтобы позаботиться об уничтожении или засекречивании всей переписки, происходившей между его членами, но им не хватило ума сделать подмену. Интересно.

Обычно этого было достаточно для Стэна как профессионального разведчика, чтобы запустить операцию в ход. Но, как служитель закона, он изо всех сил старался удержаться в его рамках.

Нуль номер два.

Что же касалось собственных поисков Стэна, то тут он нашел дом, который был арендован незадолго до исчезновения Чаппеля. «Снял его какой-то отставной генерал-полковник Суворов из некоей Пионерской дивизии или батальона, уж и не припомню», — сообщил агент по недвижимости. Суворов, это точно, и генерал — агент запомнил его форму и кредитную карточку. Солидной комплекции, подумал он еще тогда. О да. И шрам на шее. Не помню, с какой стороны. Могу я поинтересоваться, зачем вам это нужно, господин Браун?

Чертовски заковыристое дело. Зализанный агент, который использовал чары богатства, чтобы запустить операцию. Это известно точно. Имя — фальшивка. Телосложение? Кто знает. Шрам? Наверное, тоже поддельный, как и у него.

Чуть-чуть больше нуля — это номер третий.

Вторая встреча... Стэн не мог найти никаких следов переговоров членов Тайного Совета перед убийством, кроме как в официальной обстановке. Он не считал их такими тупицами, которые будут обсуждать план покушения на Императора в, конечно же, прослушиваемых комнатах. Или они так искусны, что совершили заговор, который действует сам по себе? Никто, и Стэн в том числе, не мог бы сделать этого. Но где же улики?

Нуль номер четыре. Все.

Стэн хотел, чтобы Хейнз была одна, жила в уединенном, плавающем в небе домике-корабле над лесом, и чтобы там хранились в холоде две бутылки шампанского и не работал телевизор. Да... Небольшое общее перемирие без бреда преследования и важно вышагивающих топтунов.

Вместо этого один был он.

Стэн подкрепился уныло одинокой кружкой легкого пива и таким же одиноким бутербродом.

У него мелькнула мысль. Если Тайный Совет такой осторожный и подозрительный, как кажется Стэну, он должен устроить ловушку. Не специально для Стэна, а для кого угодно, интересующегося, какого все-таки цвета шерсть у немытого кота.

Похоже, это был последний реальный вариант.

Со времени первого их появления там Хокторн изменился очень мало. В тот раз Стэн и Алекс ездили в Хокторн под глубоким прикрытием вербовать наемников для того, что они называли «Избиение Таламейна». Хокторн так и остался во власти анархии — любая планета, специализирующаяся на поставке наемных солдат, должна иметь совершенно расхлябанный парламент, где абсолютное право — за тем, кто лучше вооружен.

Однако наемники с Хокторна, ищущие контракта, не были ни психопатами, ни извергами. Возможно, в прошлом они были бы делателями королей.

Таанская война все изменила.

Любая война порождает наемников — свою отрыжку. Они приходят из армии проигравшей стороны, ими становятся солдаты, неожиданно оказавшиеся «бесхозными», потерявшими свое государство; в наемники подаются военные преступники, а также скучающие, те, кто думает, будто единственное стоящее времяпрепровождение — игра со смертью; и просто те, кто не смог вернуться в свою деревню. Все они обычно — классные профессионалы. Зато во время зати-

шья качество наемников снижается. Одних убили, другие сами нашли свое заоблачное царство, третьи повзрослели и поняли, что жизнь — это островок, окруженный со всех сторон океаном смерти, а четвертых потянуло к более стабильной обстановке, нежели та, когда лишь время от времени требуются их способности в деле насилия.

Таков был Хокторн.

Таанские войны изрыгнули новые полчища профессионалов. И неизбежные экономические ограничения мирного времени плюс остроумная политика Тайного Совета превратили их в потенциальных наемников. Адмиралы записывались на должности командного состава кораблей; генералы гвардии рады были командовать батальоном или даже ротой. Старшины безропотно носили пустые погоны рядовых.

Так что Алекс мог выбирать. Что он и делал.

Стэн мечтал о десяти тысячах «офицеров суда», а ожидал заполучить вдвое меньше. Алекс навербовал сотню тысяч. Он мог позволить себе быть щедрым.

Деньги — без проблем. Если Трибунал не сможет инициировать падение Тайного Совета, то уже не важно, сколько денег осталось в кофрах, ибо всем ввязавшимся в это дело придется брать билеты на самый быстрый поезд в самое далекое далеко.

Топливо для боевых кораблей — тоже нет проблем. У Килгура было отбитое топливо из системы Хондзо.

Некоторых он записывал на полное довольствие с гарантией регулярного питания. Другим предлагалось несколько более скудное вознаграждение — просто им на ушко говорили, что когда Тайный Совет кувыркнется, имперские Вооруженные Силы будут реорганизованы. Продажных и бездарных, а также тех, кто запятнал свои руки кровью, выметут. Чистка. Лучшая — сами понимаете, какая — часть военных будет оставлена.

Алекс вышел на трап флагманского корабля Иды и посмотрел на свое войско. Выделялись редкие вкрапления униформы посреди пестрой штатской одежды, которую носило большинство. Лиц — изможденных, голодных — видно не было. Зато было хорошо видно, что шеренги солдат и строй их кораблей чуть позади строги и разделены по формированиям, как регулярная гвардейская часть на смотру.

«Дать им форму, — сказал Алекс самому себе, — дать подходящий лозунг и послать на войну с бумажными пулями. Вот это счастье!»

Как их назвать — килгуровские... киллеры? Дешево. Соколы? Тупо. Орда? Трескуче. Лазутчики Кил-

гура? Нет. Лишь некоторые из них служили в разведке. А, вот! Килгуровские Шотландские Стрелки.

Алекс раздавал приказы и гордо наблюдал, как его армия поднимается на борт кораблей и готовится к отлету.

«Еще немного, и я стану генералом. Как вам это нравится?»

Неожиданно он воочию представил себе судьбу своих солдат. Смерть — медленная или быстрая. Трупы как фундамент реорганизации.

Ослепшие. Увечные. Сошедшие с ума.

Затем — другое видение. Он увидел всех этих солдат в пестрой гражданской одежде. Банкиры, крестьяне, материжены, рабочие, туристы — на улицах, заводах, в домах и пивных необозримого государства, которым владеет Пещерный Килгур. Вот только он никак не мог прибрать к рукам планету Эдинбург.

Но — все равно, это гораздо лучше. Лучше, если ответ на твой маленький вопрос будет таким.

Алекс приказал вахтенному офицеру задраить люк и готовиться к взлету.

Никто из поклонявшихся культу Вечного Императора не мог точно объяснить, как они это услышали. Но неожиданно в тысячах и тысячах залов для собраний в тысячах тысяч миров каждый знал.

Им была оказана великая честь.

Один из членов Тайного Совета стал плодородной почвой для произрастания Истинной Веры. Причем не просто правитель, а существо, имеющее репутацию самого интеллигентного и разумного.

Он исчез. Никому не было дано никаких объяснений. Нельзя сказать, чтобы раньше Кайс регулярно мелькал на транслирующихся собраниях Совета; но сейчас он исчез, как будто его и не было никогда.

Они сами нашли объяснение. Очень простое: Всемогущий Кайс увидел Свет и в качестве награды за это был взят, прямо в теле физическом, в Святые Сферы, так же, как Император. Кайс, знали они, не вернется, равно как и остальная пригоршня святых, достигших тех же высот. Но никто из них не был, в конце концов, самим Императором.

Короче, исчезновение верховного г'орби стало событием. Кайса причислили к лику Блаженных.

Еще более важно, что верующие ощутили и что-то еще, а именно: скоро придет время, Император возвращается. Они подготавливали друг друга; к чему — сами толком не сознавали. Они даже не знали, будут ли востребованы их услуги.

Но — и пусть будет так, пусть у каждого из нас появится шанс послужить! — они молились. Они были готовы.

— Прошу прощения...

Слова прозвучали не как извинение, а как команда. Стэн поднял глаза на библиотекаря. Самый неприятный из всех, кого он когда-либо видел... Не то чтобы библиотекари подразделялись на виды и подвиды, но этот имел какой-то необычный красный загар, который бывает не от сидения в пыльном зале, а от уличного патрулирования. Да и не у всякого библиотекаря такие иссеченные шрамами и мозолистые костяшки пальцев. И ни один библиотекарь не носит башмаков с твердым носком и мягкой подошвой, не говоря уже о специфическом изгибе и потертости ремня, какая бывает от ношения пистолета.

— Да-а? — рассеянно протянул Стэн.

— Вы читаете материалы о Совете, не так ли?

— Ну и?.. Это уже противозаконно? Видимо, с тех пор, как я встал сегодня утром, вышли новые постановления? — процедил Стэн.

На вопрос «библиотекарь» не ответил.

— Ваше удостоверение личности, пожалуйста, — снова прозвучала команда.

Стэн извлек карточку из кармана и дал человеку, нависшему над ним. Удостоверение не на Брауна, а обычная подделка из тех, что он хранил на тайной квартире, указанной Махони. Согласно записи в ней, Стэн был уборщиком, нанятым присматривать за закрытым консульством одного приграничного мира.

— Хе, подметальщик! — Вертухай вернул пропуск. — Любопытствуешь, как там боги живут-могут?

«Боги. Новое определение!»

— Да нет, — отвечал Стэн. — Мой мальчишка хочет знать, как устроен мир. А мне стыдно, что ни фига не разбираюсь. Решил вот почитать немного. Ну, взял отпуск на неделю, появилось время подглядеть в щелочку. Черт, паршиво выглядеть тупицей в глазах собственного сына!

Человек хмыкнул и отошел на свое место в передней части читального зала.

Стэн злобно выругался про себя. Хорошенькое дельце, когда тебя могут прихлопнуть, как таракана, за то, что ходишь в библиотеку и читаешь общедоступные публикации! Замечательное правительство, черт его дери. Радуйся, сын мой, что тебя не существует.

Стэн понял, что Тайный Совет слишком осторожен, чтобы оставить следы в прессе.

Зайдя в магазин, торгующий актерским реквизитом, он купил бутафорский торт — «самый лучший, что у вас есть, пожалуйста». Продавец поглядел на его обезображенное шрамом лицо, поежился и не стал задавать вопросов. Стэн прикинулся смущенным и поведал, что он актер-любитель и хотел бы также купить усы, чтобы наклеить их «по замыслу пьесы». Продавец с сочувственным видом продал притворщику мохнатый муляж.

Теперь шрам был прикрыт усами — Стэн старался не топорщить их, как это делала Рикор, и не хвататься за них поминутно, проверяя, не отклеились ли. С таковым прикрытием он и вернулся в библиотеку.

И порадовался принятым мерам предосторожности, так как сразу засек знакомого «библиотекаря» в штатском.

Прячась за своим недорогим прикрытием, Стэн запустил на компьютере поиск: «Тайный Совет — функции и обязанности», начиная с момента, когда тот поднялся до абсолютной власти, но оставался незапятнанным, и до того времени, который Стэна интересовал.

Пролистывая файл за файлом вереницу пропаганды и вранья, он провел перед экраном почти всю первую половину дня. Затем сменил тему на «Тайный Совет — история (от образования до сегодняшних дней)». Это был, видимо, тот раздел, где запрятан индикатор тревоги.

Стэн прогонял запись за записью, то и дело поглядывая в сторону стола впереди, где лицом к читающим сидел библиотекарь. Тот всем своим видом излучал спокойствие и удовлетворенность происходящим.

«История». Гм-м. Не то. Ладно. Что следующее? «Тайный Совет, фото. Весь период существования».

Бесконечные головы и плечи руководящих портретов. Групповые фото на церемониях. Все очень официально. Очень мало Краа, обратил внимание Стэн. Наверное, они знают, на кого смахивают. Почти нет Кайса.

Так, что там еще... оп!

Стэн нажал клавишу обратного перелистывания, надеясь увидеть то, что, как ему показалось, мелькнуло на экране.

«Поймал», — думал он, напряженно всматриваясь в изображение, где пятеро тайных советников поспешали к входу некоего холла. Их окружали сотрудники службы безопасности. Фото было довольно скверно кадрировано, и Стэн обнаружил в уголке фигуру полисмена, который с грозным видом направлялся, по всему видно, к репортеру.

Значит, кто-то все-таки щелкнул ублюдков; похоже, независимый фотограф или просто горожанин, вот по-

лисмен и направлялся к нему, чтобы отнять пленку. Слава Богу, у фотографа либо ботинки на резиновом ходу, либо фигура оказалась покрупнее, чем у копа. Так... Что это за место?

Стэн прочел подпись. Какое-то спортивное событие. Гравибол, что ли. Какая разница. Стэн интересовался спортом в той же мере, в какой интересовался процессом формирования скальных структур. Физзанятия, обязательные в дни службы, угнетали его. Какие-то «Рейнджеры» против непонятных «Синих». «Синие» — из дальнего мира, «Рейнджеры» — из Метрополии. Матч крупный — сотня тысяч зрителей, присутствуют члены Тайного Совета...

Игра проходила на Арене Ловетта.

Вот уж, действительно, черт побери!

Стэн не знал, сколько в Тайном Совете любителей-болельщиков. Это был единственный случай, когда Тайный Совет — судя по сообщениям прессы и записям Хейнз — собрался в полном составе на более или менее нейтральной почве «отдохнуть».

Стэн запомнил число и выключил монитор.

— В этой политике совершенно невозможно ничего понять, — признался он библиотекарю. — Поковырялся немного — и хватит. Теперь лучше про спорт почитаю. А то — кину несколько монеток автомату в баре.

Библиотекарь-громила пожал плечами. Ему было все равно.

Стэн мог бы связаться по спецканалу с Хейнз и проверить данные, но подумал, что делать этого не надо. А то она пошлет своих ищеек довершить прогулку. Стэн хотел дойти сам до конца. Не хватало еще подпустить кого-то к жиле, которую он разведал!

Однако надо поесть. Стэн прошел к выходу под часами, специально там, где вертухай, присматривающий за разными там Браунами, мог его увидеть. Ничего.

Поев, он вернулся, демонстративно рыгнул в сторону соглядатая и снова уселся за терминал.

«СПОРТ. «Рейнджеры», история».

И — ничего. Стэн перескочил уже через дату знаменательного матча. «Синие» были непобедимы три года... Однако «Рейнджеры» выиграли... Большие беспорядки, как обычно на стадионе. Ни-че-го. По крайней мере из того, что как-то связывало бы событие с членами Совета.

Придется подобраться поближе. Арена Ловетта.

У Стэна даже ладони вспотели. Еще один такой поиск, и библиотекарь уже не станет слушать объяснений.

Как бы туда забраться, эдак «из-за угла»? Попытаемся...

Его пальцы коснулись клавиш. «АМФИТЕАТРЫ. Современные». Ввод.

На экран он не смотрел; он не спускал глаз с библиотекаря, сидящего от него через зал. Вертухай не шевелился.

Нет; опять нет... черт, на Прайм-Уорлде куча спортплощадок... Ага, Арена Ловетта.

История? Попробуем.

Построена великим предком сэра Ловетта — в свою очередь, сэром Ловеттом — в... Оборудована для всех мыслимых видов спорта — воздушного, наземного и водного.

«ФОТО».

Стэн рассматривал картинку за картинкой, не обращая внимания на передний план; ему важна была сама арена.

Дьявол... И эти уроды собрались устраивать здесь заговор? Нет... Слишком все открыто.

Хотя, постой минутку, вот что-то интересное. Целый раздел: «ЗА КУЛИСАМИ: как стадион кормит вас, обогревает, обеспечивает безопасность и развлекает». Идиотское заглавие.

Стоянка... Подземные помещения... Офис охраны... Ага! Итак, дед Ловетта построил себе там внутри частное заведение... Обалденно смотрится. И почему только все вешают головы мертвых животных на стены? Не говоря о всяких там картинах. Однако что за прелестное местечко для встречи заговорщиков! Крупный матч в качестве «крыши»... Тузы любят спорт, особенно если у них есть приватные ложи... приватные.

Стэн удостоверился — в достаточной, как он считал, мере — в том, что это было последнее собрание перед вводом в игру Чаппеля. Теперь надо восстановить сведения, чтобы было с чем выйти на Трибунал. Боярам, когда они веселятся, нужна прислуга. Где бармены, что стояли за стойкой в тот вечер? Девочки (мальчики)? Может быть, хозяева буфетов? Но не секс-шопов — даже Краа не стали бы резвиться так беззаботно.

Что еще?

Он ткнул кнопку «Выход», распрощался со спортом и вошел в раздел «Кто есть кто». Набрал: «ЛОВЕТТ». Сосредоточился на экране.

Обычная восторженная чепуха. Образование... Интересы... Вступил в управление семейной банковской империей со смертью матери... Гм-м. И все. Никаких слов — входов в другие статьи не было. Даже в этом отвратительном бревне жил спортивный фанат.

Стэн отвел взгляд от экрана, услышав стук открываемой двери. Проклятие! Вошли три полисмена в форме.

Стэн отскочил от терминала и пустился вглубь по проходу между стеллажами к двери в дальнем конце. Она оказалась запертой. Рука Стэна нырнула в карман и возвратилась с маленьким инструментом. Через секунду Стэн шагнул за дверь и запер ее изнутри. Из читальни слышались крики.

Выход из помещения обнаружить не удавалось. Какая-то преисподняя библиотеки... Высокие сводчатые потолки. Бесконечные ряды стеллажей с видеокассетами, иногда даже с книгами.

Стэн слышал стук в дверь и крики: «Принесите ключи!» Затем послышался глухой удар — кто-то попытался выбить дверь своим телом.

Пальцы Стэна сомкнулись в кольцо, и в ладонь скользнул верный нож. Стэн растворился между кипами документов, прыгая легко, словно кошка, ищущая место для засады.

Полисмены, а впереди них библиотекарь, наконец открыли дверь и вбежали в помещение.

Здесь никого видно не было; лишь пара роботов подшивала документы. И слышно не было ничего. Библиотекарь от госбезопасности шепотом отдал приказ: «Рассредоточиться. Обыскать помещение».

Полисмены неохотно повиновались. Какого дьявола они должны тратить время; этот кусок дерьма хочет изловить какого-то штафирку, а сам стоит и разглядывает узоры на стенах — и только потому, что он из службы безопасности! Потом до них стало доходить: может, и штафирка, но такой, что сумел как-то просочиться сквозь запертую дверь...

— Мы будем искать вместе. — Двое полисменов вытащили свои пушки, третий взял дубинку на боевой взвод. — А ты, герой, пойдешь первым.

В руке «библиотекаря» мелькнул небольшой, очень неприятного вида пистолет.

Четверо вошли в джунгли охотиться на тигра...

Высоченный шкаф неожиданно зашатался и повалился набок. Один полисмен и вертухай из службы безопасности успели увернуться и выскочить из-под него; остальных прихлопнуло тяжелым корпусом и завалило содержимым шкафа. Падение первого ящика пробудило к жизни второй, который обрушился сверху крест-накрест на первый. Придавленные барахтались под кучей фактов и документов, злобно ругаясь. Кто-то дал очередь; засвистели пули, ударяясь о потолок.

Произошла небольшая потасовка, в ходе которой «лапа тигра» отбросила их в сторону, в глубь стелла-

жей. Двое охотников продолжали поиски, предоставив своим напарникам самим выкарабкиваться из ловушки.

Один из попавшихся в западню полисменов яростно пробивал себе путь на свободу в снежной буре бумаг. Нога его все еще была зажата шкафом. Он вдруг услышал нежное «вжик!», а затем ноющее всхлипывание, будто кто-то пытался последний раз втянуть воздух перекушенным горлом. А потом бедняга ощутил смертельное прикосновение стали к своей гортани.

— Кричи, — приказал Стэн. — Громко!

Полисмен последовал команде. Эхо крика еще металось под сводами, когда Стэн перерезал полицейскую глотку, вскочил и метнулся в другой проход между стеллажами.

Подбежав на крик, библиотекарь и оставшийся в живых коп секунду глазели с отвалившимися ртами на два трупа в лужах крови, пока их шок не перерос в ужас, а затем окованный металлом чемодан, взявшись из ниоткуда, ударил полисмена в лоб. Блюститель порядка осел на пол, как будто был совсем без костей.

Оперативник рванулся назад к двери, закрутил головой во все стороны, стараясь удержаться от паники, чтобы не попасть в последнюю ловушку «тигра». Он знал, что такая обязательно есть.

На пол грохнулась папка. Он резко обернулся — никого и ничего. Оперативник крутнулся обратно, выставив оружие. В этот момент Стэн выскользнул из полутьмы и очутился у него за спиной.

Оперативник внезапно почувствовал, что у него онемели ноги. Это Стэн пересек ему спинной мозг и позволил телу свободно упасть. Мягкий шлепок, еще один — и на полу лежал труп.

Теперь у Стэна появилось время. Много времени. Он разыскал выход, а рядом туалет для сотрудников. Вытащил пузырек с растворителем; усы перекочевали в унитаз. Затем он смыл грим и вышел из двери.

К зданию библиотеки подползал полицейский гравикар. Стэн конем пронесся по подворотне и на выходе затормозил. Высунул нос на улицу, с любопытством глядя, как по дороге едут власти.

Обычный горожанин.

ГЛАВА 30

— «Джон Стюарт Милль», говорит центральный диспетчерский пункт Нью-Ривер. Вы на наших экранах. Нуждаетесь в посадочных инструкциях?

Пилот корабля Махони включил микрофон:

— Нью-Ривер, здесь «Милль». В инструкциях по посадке не нуждаюсь. Получено разрешение на посадку в частном порту «Альфа Юниформ». Сообщите частоту. Конец связи.

— Говорит Нью-Ривер. У меня на экране ваши документы. Для контакта с «Альфа Юниформ» переключитесь на частоту 103,1. Диспетчерский пункт Нью-Ривер, посадку разрешаю.

Пилот повернулся вместе с креслом к Махони и произнес:

— Пять минут, сэр.

Махони кивнул и включил связь с отсеком команды. Его корабль был тщательно замаскированным кораблем вторжения, переименованным на время операции в честь одного древнего экономиста с Земли. Махони счел, что это удачное дополнение к маскировке.

Экран переговорника засветился, и на нем возникли фигуры десяти созданий, вооруженных и одетых в камуфляжную униформу отряда «Богомолов».

— Будем внизу на счет «пять», Эллен. — Махони обратил взгляд на здоровенного детину, бывшего своего сержанта.

— Слыхали, босс. Бьюсь об заклад, вы сейчас предложите нам приготовиться и сидеть на месте. Да мы вытащим его прямо за каблуки сапог, не пройдет и пары минут!

— Нет. Просто оставайтесь в дежурном режиме. Либо он тот, кто мне нужен, тогда он может иметь большую, чем у нас, огневую мощь, либо нет, тогда... сами понимаете. Сделайте одолжение. Держите ушки на макушке, но сидите как мыши, даже если начнется беготня прямо по вашим головам. Я становлюсь слишком стар для очередной реконструкции тела.

— Ладно, сэр. Мы поняли.

Махони потянулся через плечо пилота к микрофону.

— «Альфа Юниформ», как слышите? Здесь «Джон Стюарт Милль», прошу посадку.

В динамике раздался голос:

— «Милль», здесь «Альфа». Посадочный маяк «три-пауза», вершина — два километра над полем. Ветра нет. Площадка подготовлена. Выходит клиент и не больше двоих помощников. Остальному экипажу оставаться на шху-

не. Соблюдайте элементарные требования безопасности. Я встречу вас в основном здании. Конец связи.

Махони дважды щелкнул кнопкой микрофона, показывая, что понял. Улыбнулся, глянув на пилота.

— Каково, а? Похоже, это мой паренек.

Корабль сел в центре крохотного мощеного взлетного поля. Люк открылся, и Махони выбрался наружу.

Было жарко, сухо и пыльно. По одну сторону поля лежала бескрайняя лысая пустыня, за ней виднелись низкие горы. По другую простирались огороженные белым заборчиком ярко-зеленые пастбища. Воздух был тих. Махони слышал щебет птиц, доносившийся из ближайшего фруктового сада, а с лугов — шум поливальных машин.

Он поднялся по извилистой дорожке к рассыпанным там и сям строениям. Луг... белая ограда... за ней хлева. Корыта с водой. Племенное хозяйство? Махони увидел дряхлое четвероногое существо — лошадь с Земли, определил он, — пасущееся на поле. Больше никаких животных не было.

Он миновал сарай с обитыми металлом стенами; двери закрыты и заколочены. Стойла. Пустые. Низкий забор с распахнутыми воротами. Махони вошел и зашагал через искусственный садик, выглядящий так, будто за ним давно не ухаживали. Здесь трудились три робота-садовника; рядом с ними стоял человек, который не обратил на Махони никакого внимания.

«Тяжелые времена, — размышлял Махони. — Содержание конюшен в порядке должно обходиться очень недешево. Однако это производит впечатление: не видно никаких признаков охраны, ни сигнализации, ни оружия. Но, если я не абсолютный болван, все это здесь есть».

Перед входом в ожидании стоял человек. Немного моложе Махони, не слишком стройный, но и не коренастый, он выглядел так, как будто его сделали очень основательно. Не урод и не красавец. На нем рубашка с открытым воротом, излишне просторные штаны и сандалии.

— Сэр Гидеон, приветствую вас. Мое имя Шамель. Входите, пожалуйста. Я позабочусь о прохладительном.

Просторный дом, почти что особняк, обставлен тяжелой мебелью из натурального дерева и кожи. На стенах висели старые картины в стиле реализма.

— Каждый год, — заметил Шамель, — я стараюсь забыть, как жарко и сухо в Нью-Ривер поздним летом. И каждый год погода напоминает мне об этом. Здесь — смесь вина с фруктовым соком. Очень освежает.

Он указал на сосуд для варки пунша, наполненный льдом и жидкостью, смахивающей на молоко. Махони не отреагировал. Губы Шамеля тронула улыбка. Он налил себе бокал и осушил его. Только тогда Махони налил напиток себе.

— Значит, ваша корпорация разрывается на части, сэр Гидеон. Враждебные конкуренты с одной стороны, а с другой — профсоюз. И вы полагаете, что профсоюз — источник всего зла. Все играют нечестно, и вам нужен эксперт. Замечательное представление, между прочим.

— Благодарю.

— Особенно я восхищаюсь одной вещью, — продолжал Шамель, — это ваше внимание к мелочам. «Джон Стюарт Милль» как название вашей яхты — это что-то. Может быть, немного чересчур по-капиталистически, но, без сомнения, очень мило.

Рука Махони скользнула в карман брюк, и на корабле загорелся сигнал «Приготовиться».

— Очень, очень рад, — продолжал Шамель, — что именно вы показались здесь. Я довольно долго жду чего-нибудь наподобие... — Он помолчал. — Никогда не верил байкам о вашем самоубийстве, маршал флота Махони. Таков был, вроде, ваш ранг, когда вы «вышли в отставку»? Шпион-самоубийца — никудышный шпион.

— А вы скоры на решения, — сказал Махони. — Тогда, может быть, отбросим и этого дерьмового Шамеля? А, Венлоу?

— Я считал, что мои документы благополучно похоронены; а затем стал думать, что и меня самого похоронили.

Махони стал объяснять, как мало на свете настоящих профессионалов; еще меньше — не связанных с правительством, мегакорпорациями и военными. И, наконец, специфический статус Венлоу...

Венлоу сделал огорченное лицо.

— Вот так... сидел все эти годы и думал, что не оставил следов. — Он цыкнул зубом. — Стыдно. Итак, каким образом я могу искупить разработку убийства Императора?

— А не полагаете ли, что я здесь для того, чтобы развесить ваши кишки на ветках дерева и погонять вас вокруг него дюжину раз? Ведь Император был, кроме всего прочего, моим другом.

— Да, мне говорили. И я слышал рассказы про вас... но предпочитал полевую работу по случаю. Однако, если бы вы просто хотели меня убить, зачем представляться перед началом? Прямое столкновение может вызвать потери с обеих сторон. Тем более что вы отнюдь не «юный герой».

— Неточно, — произнес Махони, и его непринужденность на мгновение пропала. — Если бы я не охотился за еще большими сволочами, я бы отличным образом пробрался сюда и своими руками вырвал ваше сердце.

— Поосторожнее, Махони. Вы поправили меня, когда я сделал ошибку. Возвращаю комплимент. Не следует воспринимать все так лично — в нашей-то работе. Это граничит с самоубийством. Но поскольку на повестке дня не это, давайте сменим тему. Можете сказать своим воинам, сколько их там у вас, чтобы расслабились и отдыхали.

Венлоу прошел к столу и положил ладонь на что-то напоминающее пресс-папье.

— Мои люди останутся внизу. — Он уселся и жестом пригласил Махони последовать его примеру. — Я, пожалуй, догадываюсь, чего вы хотите. Но все-таки скажите сами. Полагаю, это как-то связано с нелепым Трибуналом.

— Да. Нам нужно, чтобы вы засвидетельствовали заговор. Публично.

— Я? На трибуне? Это будет для меня новым опытом; и, боюсь, не слишком благоприятным для будущих перспектив работы.

— Жизнь показывает, что они и сейчас у вас не радужные, — Махони многозначительно взглянул в окно на пустые стойла.

— Обстоятельства последнего задания вынудили меня быть максимально осторожным в отношении личности моего нанимателя. Я отказался от нескольких очень шикарных дел, и все из-за моей боязни потерять лицо, из-за стремления к высшей цели...

— Бедняга!

Венлоу игнорировал сарказм Махони.

— Допустим, я все-таки соглашусь. Я встаю в зале суда и говорю. Что именно? Что я был нанят неким Сулламорой после того, как ранее успешно решил для него несколько задач? Что я обнаружил и развил в Чаппеле ценные для выполнения задачи качества, а затем направил его? А также все подробности моей работы? Все?

— Конечно, нет. Сулламора мертв. Никто за него не даст и гроша. Нам нужны другие — Кайс, Мэлприн, Краа, Ловетт.

Венлоу цыкнул зубом:

— Вы хотите от меня больше, чем я могу дать.

— Дадите.

— Вы не поняли. Я физически не могу дать вам такие сведения. Я лишь засвидетельствую: мол, имею

моральную уверенность в том, что остальные члены Тайного Совета, без сомнения, являлись участниками заговора. Но доказательства... Сулламора никогда не упоминал при мне их имен. Я с ними никогда не встречался и с их прямыми представителями тоже. Нечего смотреть волком, Махони. Я могу доказать. Мое присутствие здесь... Я летал на Прайм, не отрицаю. Но вот уже более двадцати лет возвращался в свой дом, вместо того чтобы исчезнуть в новой личности и в той части Вселенной, где меня совершенно не знают. Я не бегал за заработком. Я не приходил к каждому в поисках задания и денег. Сейчас, если эти идиоты из Тайного Совета с измазанными кровью руками заимеют мысль, что я был агентом-посредником при том контакте, не думаете ли вы, что они организуют мое исчезновение?

Махони сохранял непроницаемое лицо, однако ему совсем не понравилось то, что он услышал.

— Итак, Махони, не я, оказывается, ваше дымящееся ружье; и не знаю я, где оно вообще валяется. Я и так-то показания даю вам с неохотой. Но говорить буду лишь то, что знаю. И все.

Венлоу налил себе еще бокал пунша и приглашающе качнул половником в сторону Махони. Тот помотал головой — нет. Венлоу вернулся в кресло.

— Тупик? Тупик. Убить меня?.. Попробуйте. Но сами вы определенно не уйдете живым. Вы сказали, что ищете более отъявленных сволочей, чем я. Полагаю, вам хочется увидеть, как их схватят.

— Не такой уж тут тупик, — ответил Махони. — Собирайтесь, поедем со мной в Ньютон. Может быть, вы говорите правду, а может быть, ложь. Там разберутся.

— Сканирование мозга? Никогда. Известно, сколько людей под колпаком умирают или сходят с ума. Если вы предлагаете такой вариант, лучше я благополучно сдохну здесь в драке с вами.

— Вы не умрете и «жженоголовым» не станете. Сканированием займется Рикор. Она...

— Знаю, знаю. Однако скажу как на исповеди, мысль о том, что кто-то будет бродить по моей душе, приводит в содрогание.

— Согласен. Жалко того несчастного, который будет бродить по вашей душе.

— Дайте подумать... — протянул Венлоу. — Если я скажу «нет», а мы оба каким-то образом останемся в живых и продолжим... дискуссию, что случится дальше? Вы, конечно, пустите информацию о моем существовании в

Тайный Совет, ожидая, что они начнут заметать даже те следы, которых не оставили. Точно. Так они и поступят, недоумки. Мне не нравится такой вариант. С другой стороны, положим, я пойду с вами, соглашусь на сканирование, буду свидетелем. Возможно, ваш Трибунал будет успешным, и он некоторым образом подтолкнет вперед, — в голосе Венлоу зазвучали нотки сарказма, — правду и законность; «Путь Империи», как по волшебству, победит, а Совет падет. Или, что более правдоподобно, их погубит собственная бездарность. Однако в любом из этих случаев я буду, в общем-то, спасен. Защищен — это точно. Может быть, я не смогу продолжать свое кровное дело, но хотя бы сумею придерживаться того стиля жизни, к какому привык.

Венлоу говорил правду. Политический убийца, если он не оказался убранным в первые же моменты после выполнения заказа или не был клиническим маньяком-одиночкой, оказывался обласкан государством до конца своих дней. Говорил он или нет — не важно; всегда была вероятность, что раньше или позже он решит рассказать обо всем, даже если в это время лишь у историков останется интерес к его словам.

Венлоу размышлял в сухой, душной тишине.

— Хорошо. Я соберу охрану и разоружу их. Вызывайте своих сопровождающих, пусть входят. Они помогут донести мой багаж до корабля. Сделка совершена.

Он протянул свою руку. Махони лишь посмотрел на него не двигаясь.

Венлоу пожал плечами, встал и покинул комнату.

Солон Кенна посещал раньше обсерваторию всего один раз в жизни. Тогда он был юн, пьян и растерян. Сейчас он находил подобные заведения очень интересными; по крайней мере, одно, именно в сегодняшнюю ночь и если глядеть под определенным углом зрения.

Он еще раз поднял глаза на экран — вдруг бредовые видения исчезли? Нет, торчат на месте, зависнув на парковочной орбите Дьюсабла.

В момент обнаружения флотилии нестройно зазвучали все сигналы тревоги; Кенна стал бледен, а всенародно избранный Тиран Уолш вообще позеленел, когда им сообщили, что это за точки маячат на экране и что это может означать. Корабли — много, много кораблей. По-видимому, Тайный Совет решил, что отставка тирана Йелада была несвоевременной, и послал Гвардию.

С десяток патрульных кораблей таможенной службы Дьюсабла взмыл ввысь и поплыл, громко возвещая на всех частотах связи о мирных намерениях, к стоящей в ожи-

дании армаде. В флагманском корабле честно сидел Уолш как представитель планетной системы.

Кенна немедленно начал сооружать глухую защиту, в которую входили пластическая операция и даже отъезд из системы...

...Армада не отзывалась на прокламации мира и дружбы. Никто не видел раньше таких кораблей, хотя они явно были имперской постройки.

Уолш пришвартовался. И тут началось ликование — это оказалась флотилия роботов-танкеров. Каждый из них (а флотилия протянулась чуть ли не в бесконечность) нес АМ-2 в количестве, достаточном для жизни целой планеты в течение года по широким меркам мирного времени.

Дьюсабл лет десять — пятнадцать не видел столько топлива. Кто, черт побери, его сюда послал?

Вот когда Кенна выполз из бункера и направился в обсерваторию убедиться, что Уолш и патрульные экипажи не наткнулись в полете на флотилию галлюциногенов — и вдруг понял.

«Боже, Боже, Бог ты мой!» — думал он. То, что тут замешан Рашид, он знал точно. То, что он был — в каком-то смысле — существо могущественное — это тоже ясно. Но чтобы он был... нет, невозможно!

Кенна встал и повернулся кругом. Посмотрел на старый портрет, висящий на стене — часть мемориальной доски по случаю открытия Имперской Обсерватории Райан-Берлоу-Т'Лак. На картине в величественной позе стоял Вечный Император. Столь же сильно изображение смахивало и на Рашида.

Судьба, по всему видно, повернулась очень хорошей своей стороной к Дьюсаблу и солону Кенне.

Кенна размышлял о неожиданно изменившемся будущем и о том, что это может предвещать, особенно недавно избранному Уолшу. Следующие выборы... Черт с ними. Пока что. Следующих выборов не будет еще несколько лет.

Затем он решил сходить в церковь и помолиться какому-нибудь богу, чтобы тот даровал ему, Кенне, мозги — понять, что произошло и что теперь надо делать.

Впрочем, через несколько секунд он вернулся к реальности и просто заказал себе бутылку.

Махони понял, что оказался в весьма трудной ситуации.

Рикор прикатила на своем гравикресле — не захотела принять его у себя или, как это бывало, когда дела шли особенно хорошо, около огромной ванны с соленой водой, напоминании о холодном арктическом море,

сокрушительных штормах и гигантских айсбергах ее родного мира.

Рикор — от усов и толстого жира на необъятных боках и до ласт — была похожа на моржа. Махони по крайней мере, так ее и называл про себя.

Когда Стэн выступил со своей идеей Трибунала, Махони сразу же занялся поиском «инструментов». Одним из них и была Рикор, в прошлом ведущий психолог Империи. Махони нашел ее, скучающую, в полуотставке. Питая любовь к Стэну, ценя чувство юмора Алекса Килгура и хорошо относясь к Махони, а также ощущая (этого она, конечно, вслух не произнесла) нечто сверх унылой рассудочности ее расы, она согласилась поучаствовать в охоте.

— Итак? — спросил Махони без предисловий, лишь только Рикор вкатилась в его квартиру.

— Довольно интересный тип этот ваш Венлоу, — начала Рикор. — Совершенно не краснеет. Истинно аморальное существо. Я читала о подобном, хотя прежде в жизни не встречала. Мои желудочки оставались неактивными в течение всего сканирования.

Желудочки сочувствия, органы, расположенные там, где у обычных моржей находятся слезные железы, отзывались на плач или боль любого существа, с которым работала психолог. Поэтому казалось, что она плачет, когда сканировала наиболее грустные закоулки воспоминаний пациента.

— Что же мы имеем?

— Во-первых, здоровье Венлоу...

— Надеюсь, он умирает в мучениях и думает, как хорошо быть здоровым и богатым. Не хочу слышать ничего насчет его здоровья. Наверняка он здоров как бык. К сожалению. Дальше.

— Я полагаю, мы, то есть вы и я, должны из этого сканирования подготовить папку «Совершенно секретно». Его профиль — прямо как в учебнике номер один; соответствующим образом снятый и обработанный, этот профиль будет ценным вкладом в психологию. Что касается вас... Некоторые операции, в которых он участвовал, могут оказаться интересными и полезными. — Все это Рикор глубокомысленно пророкотала, шевеля щетинистыми усами.

— А как насчет интересующей меня операции?

— Он виновен в точности в той мере, в какой утверждал. Любопытно, как точно он проанализировал Чеппеля без формального обучения и сумел безошибочно затронуть нужные струны. Сулламора был его нанимателем и тем, кто платил. Это все.

— И больше ничего? Ни одной замусоленной записочки, которую ему случилось увидеть через плечо Сулламоры? Неужели ничего нельзя найти, Рикор?! Только одну вещь. Весь Совет был навеселе и хором пел песню: «Мы на радостях завоем, лишь когда твой гроб закроем, наш дорогой В. И.!» Или что-нибудь подобное.

— Ничего. Я, конечно, понимаю. Трибунал есть Трибунал. Его свидетельства не могут служить обвинению в классическом суде.

Махони попытался сыграть бодрячка:

— Ну это, правда, не то, на что я надеялся, но все равно полезно. Вы все из него выкачали?

— Больше нечего.

— Дьявол...

— Не вешайте носа, Ян. Вы найдете ружье, которое стреляет. Венлоу сказал, что дал Сулламоре несколько советов. Не оттого, что беспокоился, сами понимаете, а потому что хотел удостовериться, что получит в итоге свой гонорар. Он предупредил Сулламору, чтобы тот не делал попыток «двоить кресты», то есть чтобы сам он был осмотрителен. Сулламора ответил что-то насчет того, что подстраховался.

— Этого мы никогда не найдем. Если он и построил для себя прикрытие, Тайный Совет перетрясет все его имения, обшарит банки, офисы и его друзей. Они найдут это прикрытие. Мы — нет, даже если оно действительно существует.

— Бодрее, Ян! Хотите, одарю вас драгоценным перлом шутки. Ее рассказал мне Алекс Килгур, когда вернулся.

— Нет. И не просто «нет», а грубо: «НЕТ!» Прекрасно знаком с шутками Килгура, благодарю вас. Когда я их слышу, мне становится только хуже. И если вы все-таки ее расскажете, я пропал. Самая ужасная вещь в приставке «экс» к титулу «маршал» состоит в том, что вы не можете никому пригрозить военным судом.

Попытка узнать, что случилось вечером того дня, когда Тайный Совет решил насладиться спортом и посетить матч по гравиболу с участием «Рейнджеров» и «Синих», оказалась — ну, если не сказать, простой, то на удивление безопасной. Стэн сдержал клятву по возможности не поручать Хейнз доведение расследования до конца.

Первым делом требовалось найти подходящее вторичное прикрытие для беспрепятственного задавания вопросов, связанных с Тайным Советом. Хейнз и Стэн такую «крышу» придумали.

Убийство (и это сейчас было хорошо), как известно, не признает границ и рамок времени. Так вышло, что в ночь, интересующую Стэна, оказалась убитой одна женщина. Подозрение пало на ее приятеля, который исчез. Недавно он попался по другому обвинению на полпути отсюда до границы Метрополии, и недремлющая полиция обнаружила, что он подозревается еще и в том убийстве.

К несчастью (это была уже выдуманная часть истории), у подозреваемого оказалось алиби. Он, мол, работал в ту ночь барменом на подмену на частном приеме у Ловетта.

Хейнз произвела корректные вызовы свидетелей. И снова Стэн порадовался, что Лайза была действующим полицейским — то, что начальник полиции участвует в расследовании, не вызывало поднятия бровей.

Ловетт, очевидно, рассматривал не только арену и декорацию частного приема в качестве неизбывного источника легальности, но и всю нанятую для этого обслугу считал безгранично преданной ему. Метрдотель, например, работал у него свыше тридцати лет. Он был рад сотрудничать со следствием — в особенности, когда, будучи законопослушным существом, чуть не лопнул от возмущения, услышав об алиби мифического субъекта.

— Оставьте его слова для недотеп, — хмыкнул он. — Видать, этот тип хотел сказать, что обслуживал какой-нибудь пролетарский пивбар на самом стадионе, но не апартаменты. Там работали только постоянные служащие, а уж особенно в ту ночь.

— Вы уверены?

— А как же? — удивился метрдотель. — Самый крупный матч за десятилетие, присутствует — шутка сказать! — Тайный Совет всеми собственными персонами. Но мне не понадобился обычный состав — их всего было на вечере шестеро, персон этих. Ни помощников-секретарш, ни даже охраны. Так что в тот вечер нас работало всего четверо — Март'нес и Эби за стойкой, Вэнс бегал, если что-то требовалось с кухни. Они и не ели-то в тот вечер как следует, даже Краа. Простите, пожалуйста, последние слова не записывайте, пожалуйста, ладно?

Хейнз обнадежила его — обещала, что не будет.

Человечек сказал, что был бы счастлив посмотреть лжецу-убийце в глаза на суде, на что Хейнз ответила — сомневаюсь, что в этом возникнет нужда; других свидетельских показаний вполне достаточно, просто необходимо проверить не увязанный конец.

Затем она спросила словно невзначай:

— Должно быть, вас дрожь пробирала — находиться поблизости от таких властелинов...

— Да нет, — ответствовал метр. — Как-никак, Ловетт и раньше проводил приемы с участием важных персон. Конечно, во сто раз менее масштабные, чем устраивал его отец. Гостей приглашал совсем немного и очень редко; он ведь так занят, управляя всем. Раз или два с тех пор... с тех пор, как убили Императора. Я считал себя человеком невпечатлительным. Оказалось, не так. Лучше бы мне не быть таким честным, право.

— Почему?

— Если бы я не знал, что стану после этого кандидатом в покойники, бьюсь об заклад, что выступил бы с интересной байкой о том, что происходило в тот вечер: один из них попросил моего совета или хотя бы идеи, как провернуть одно дело поглаже. Но я не хочу так скоро становиться мертвецом, и ничего подобного не будет. Сами догадываетесь, у них было кое-что важное для обсуждения. Они совсем не следили за матчем, я видел. Когда кто-то из них хотел пить, он сам выходил. А я сидел в задней комнате и смотрел игру на экране — удивительное дело! Обычно на подобного рода событиях я бывал так занят, бегая взад и вперед все время, что приходилось смотреть игру на следующий день в записи.

Хейнз улыбнулась и выпроводила метрдотеля из кабинета, а затем спустилась на несколько этажей туда, где в заботах сидел бедный сэр Браун, занявший на время крошечный кабинетик, в котором он, подобно червю, зарывался в архивы в очередной бесплодной попытке доказать, что Розмонта больше нет среди живых.

Стэн некоторое время переваривал информацию.

— Дела у них... Подлые дела. Без помощников... Советник — повар. Это — то самое собрание, которое я искал.

— Но документы, Стэн? Свидетелей-то нет.

— Думаю, не совсем так. Самое главное — то, что состоялось деловое совещание. Они уехали... и, наверное, забрали свою охрану. Без вычеркиваний из электронного интеллекта... А с тех пор апартаментами почти не пользовались... Так. Лайза, подруга юности моей, у тебя найдется четверка мускулистых парней, которые согласились бы оказать услугу — не насилие, так, маленькое отступление от закона — и никогда никому не говорить об этом? Все должно быть чисто — я не хочу, чтобы на тебя пал удар. Если трудно, я сам найду исполнителей.

Хейнз усмехнулась:

— Ты не полицейский — я имею в виду, хороший полицейский, — если у тебя нет «наставника». А ког-

да делаешь карьеру, сам заводишь учеников. Да я тебе полсотни людей дам!

— Отлично. Четверых. Я придумал кое-какую «крышу». Арена Ловетта нуждается в помощи. И старая добрая фирма «Апекс» идет на выручку. Мне нужен средний гравикоптер. Тоже чистый.

— И это легко. Подыщу подходящий в отстойнике конфискованных машин.

Стэн нагнулся, изучая карту.

— О'кей, — сказал он. — Вот здесь мы займемся физкультурой. Через два дня, в восемь ровно, они мне будут нужны — тут, на углу Имперской и Седьмой авеню.

— Через два дня? Почему не сейчас же?

— Потому, что совершенно удрученный сэр Браун закончил свое расследование и теперь понял, что имперская полиция оказалась права. Он возвращается домой доложить о неудаче. У меня есть два коридора. Первый — если я убываю чистым, и другой — если я влипаю. Воспользуюсь вторым, потому что придется везти кое-какой груз.

— А я-то думала, что знаю твои намерения. Почему бы не провести анализ здесь? Мои специалисты не будут задавать вопросов.

— Лайза, не забывай, о каком убийстве идет речь. Нельзя слишком доверять людям. Я по крайней мере не могу доверять — и не буду. И, как я уже сказал тебе, не хочу оставить тебя здесь «держать чемодан». Короче, я убываю. Повидался со старым другом, и... — Он быстро собрал свои бумаги. — Спасибо тебе, Лайза.

— Пожалуйста. Хотя я не думаю, что сделала очень много.

— Нет. Ты сделала огромное дело. В следующий раз... Куплю тебе и Сам'лу подарок к годовщине вашей свадьбы.

Стэн быстро поцеловал ее — и исчез.

Дел было навалом. Обеспечить появление Брауна на борту лайнера, отлетающего из Прайм-Уорлда, связаться с контрабандистами Вайлда, чтобы те посадили корабль для его груза... Надо полагать, что багаж прибудет на место вовремя.

На управляющего Ареной Ловетта вежливый инженер и его команда в белоснежных комбинезонах произвели изрядное впечатление; преимущественно потому, что он не подавал никаких заявок на ремонт офисного оборудования, установленного в апартаментах сэра Ловетта.

— И слава Богу, что не подавали, — отвечал ему инженер. — Это обычное текущее обслуживание. По

нашим записям, «Апекс» установила вам эти машины более пяти лет назад. В помещении, где проливают спиртосодержащие жидкости, наверняка присутствует табачный дым, а также испарения от пищи. Как бы мы выглядели, это ведь элементарная потеря репутации, если сэр Ловетт сядет за наш компьютер, а тот даст сбой? Мы гордимся техникой, которую устанавливаем своим клиентам.

Да, это производит сильное впечатление, думал управляющий. Обслуживающая фирма действительно обслуживает, а не дожидается десятого разъяренного звонка с угрозой обратиться к помощи закона. Удивительно лишь, что он никак не мог найти в своих бумагах договор на обслуживание офисных компьютеров фирмой «Апекс».

Из помещения выдрали буквально все, что могло пищать, гудеть и светиться. Стэн чуть не упустил из виду стол для совещаний, но вовремя сообразил, что в него встроен несложный компьютер — записная книжка для чтения, просмотра и записи документов. Вся техника перекочевала в гравилифты и затем исчезла в недрах грузовой машины фирмы «Апекс».

Прошло не меньше месяца, прежде чем управляющий понял наконец, что его надула высоконаучная шайка очень вежливых компьютерных грабителей.

Компьютеры и пишущие машинки аккуратно перегрузили на корабль Вайлда, защитили от вредных электромагнитных импульсов и перевезли на Ньютон, где ими занялись специалисты. Стэн и Алекс ошивались в сторонке. Может, они и были персонами, искушенными в технике, особенно Алекс, но требуемые операции находились далеко за гранью их познаний.

Известно, что из памяти компьютера почти невозможно стереть что-либо так, чтобы не осталось следа. Если вы уничтожили запись, останется резервная копия. Если уничтожить и ее, останется «отпечаток» — по крайней мере до тех пор, пока поверх него не сделана новая запись. Но даже и тогда в некоторых случаях удается многое восстановить.

Первыми на стол вскрытия легли компьютеры. Оттуда была извлечена куча изумительных по своей запутанности контрактов, из которых явствовало, что Ловетт и его друзья вряд ли были бизнесменами чистыми, как стеклышко. Информацию сохранили для возможного использования позже в гражданских судах, когда (если?..) Тайный Совет будет повержен.

Но компьютеры не содержали записей телефонных разговоров.

Зато стол для совещаний оказался кладезем.

У этого стола много лет тому назад Сулламора опрокидывал законы. В то время он был единственным, кто мог вылезти сухим из воды, заключив контракт на убийство пресс-лорда и договор на услуги Венлоу. Делал он это совершенно откровенно — все договоры могли свободно служить доказательствами. А еще в столе оказалась пластиковая магнитная карточка, на которой было записано формальное признание вины, преамбула к убийству. Первой на карточке стояла подпись Кайса, за ней следовали другие. У каждого заговорщика была карточка со всеми подписями. Такую именно ~~карточку~~ и нашел техник, потрошивший стол.

Восстановленное изображение, которое несла карточка, было плохим, перекрывалось фотографией улыбающейся пары стариков, судя по всему, чьих-то родителей, непонятным образом влезших в магнитную карту. Возможно, ее совали в домашний видео рекордер.

И все-таки текст сохранился.

«Мы... взвесив все обстоятельства, пришли к... заключению... Вечный Император страдает... крайне опасной психической нестабильностью... определяется последующими традициями... Выступая ... против тирании... историческое право... устранение... и, вследствие этого, получение полномочий... самые крайние меры... разрушить... уничтожить тирана... дабы обеспечить свободу...»

Документ, может быть, и неполный, но весьма красноречивый. И абсолютно неповрежденными остались личные «оттиски» — подписи: Кайс, Краа, Т. Сулламора, Ловетт, Мэлприн.

— Мне, вероятно, удастся восстановить более полно, сэр. Здесь еще остались кое-какие «призраки», которые я не смог идентифицировать и устранить.

Стэн был вполне доволен. Может быть, некоторые несущественные винтики и пружинки и оказались потеряны, но «дымящееся ружье» — вот оно!

ГЛАВА 31

Стэну было нужно «отдохнуть и оправиться». Очень нужно. Он знал, что причины чувствовать умственную, телесную и эмоциональную усталость имелись, однако чувство непонятной вины сверлило его. Он просто обязан был сидеть в задних рядах зала суда, следя за кропотливой

работой Трибунала, по мере которой все ближе подходил момент решения.

Исторический момент.

Что он сможет сказать внукам? «Да, я был тогда рядом. Очень близко. Но валялся пьяный, ничего не помню; ничего не могу рассказать. Я оттягивался».

Килгур поймал его на логической ошибке.

— Черта с два у тебя будет хоть один внук, — сказал он.— Да и вряд ли ты хочешь, чтобы он у тебя был. Дай себе отдых. Скоро наступит большая мясницкая работа.

Махони вторил Килгуру: мол, он не думает, что есть хоть малая вероятность того, что Трибунал затребует какое-либо доказательство убийства, проведенного на Земле.

— Спокойнее, адмирал. Лучше бы ты уехал за город, когда они начнут вызывать свидетелей. Побродн где-нибудь. Развейся. Я пошлю за тобой, когда будет нужда. А она наступит скоро. Чего удивляться, ведь Тайный Совет задумал карательную операцию. Худо-бедно, но они сколотили флотилию; собрали коллекцию отборного дерьма — самых преданных и тому подобное. В переводе — тех, кто измазался в крови во время чисток, доказывая свои патриотизм и верность. Мы должны оказать им соответствующий прием. Ото побуждает к действию забастовочные комитеты на их кораблях. Он считает, что нет ничего лучше, чем поставить на мостик управления тебя, — рассмеялся Махони. — Какова переменчивость карьеры на военной службе, а? Сегодня ты полицейский сыщик, завтра — адмирал флота.

Стэн оставил при себе мнение о военной службе — в любом составе Вооруженных Сил, — удалился на квартиру и задумался о небольшой вакации. Пойти с туристами и петь в компании у костра? Нет, решил он. Не то чтобы его терзали муки утраченной любви — по крайней мере он так не считал. Но все равно это не то.

Экскурсия по городам? Тоже нет.

Стэн думал, думал... Надо найти что-нибудь, что могло бы встряхнуть его.

И нашел. Скалолазание. Жесткий вариант.

С помощью приспособлений можно забраться на что угодно. В вашем распоряжении и гравиприсоски, и паутинный лифт, и тросовые ружья. Но настоящие скалолазы не признают ничего этого и лазают сами по себе. Без технической поддержки.

Такое занятие попахивает самоубийством, зато не скучно. В нем была какая-то привлекающая к себе сумасшедшинка.

Он нашел подходящий склон — отвесную скалу, иглой торчавшую посреди самой пустынной зоны Ньютона, и подобрал минимальное снаряжение, достаточное лишь для того, чтобы потом, забравшись наверх, можно было слезть. Купил палатку, примус и другие мелочи. Ругнулся, сообразив, что придется таскать с собой рацию и «виллиган». «Ты — один из самых разыскиваемых людей вне закона, не забывай об этом, дружок!»

Стэн навестил Алекса и сказал, что уезжает. Килгур, занятый по горло заботами о проблемах безопасности на Трибунале, едва нашел время хмыкнуть и похлопать друга по плечу на прощание.

Стэн нашел свой взятый напрокат гравикар, а в нем — кое-что еще. Вернее, кое-кого, и не одного. Он забыл, что слово «одиночка» сейчас — табу, по крайней мере пока нынешняя чрезвычайная ситуация не закончилась и Совет не почил благополучно в могиле или не засел за решетку.

Вот и пришлось брать с собой всю семерку своих телохранителей-бхоров, а с ними Синд, и экипировать их не хуже себя самого. Стэн хотел было воспротивиться, но подумал, что мало выиграет от этого. Отошлет их — мигом появятся Килгур и Махони.

Однако Стэн дал прямое указание охране разбивать свой лагерь отдельно хотя бы на удалении в четверть километра от его стоянки. Их компания ему совершенно не нужна — простите за невежливость, он не собирается сидеть на скале, упираясь задом в их задницы.

— Не думаю, чтобы киллеры, нанятые Советом, если они идут по моему следу, в чем я сильно сомневаюсь, прятались среди камней.

Бхоры согласились.

— Ваш приказ легко выполнить, адмирал, — проворчал один из бхоров. — Наш народ побивал рекорды по скалолазанию, лишь когда за ним гонялись стрегганы.

Итак, отдых и восстановление сил начинались не на самой идиллической ноте. В том же ключе и продолжались.

Вершина — это все, что можно было увидеть на экране,— устремлялась прямо ввысь почти на тысячу метров за облака. Она начиналась за дальним концом небольшого, круто поднимающегося альпийского луга, где бил родник, питающий маленький пруд холодной до ломоты в костях водою. Луг окружали старшие братья облюбованной Стэном вершины; они упирались своими головами в небо.

Лужок был необитаем; там жили лишь какие-то сумчатые, которые внизу обычно лазали по деревьям, не-

сколько одичавших быкообразных да один так ни разу и не попавшийся на глаза мелкий ночной хищник.

Стэн разбил палатку, а его охрана, повинуясь приказу, остановилась в четверти километра поодаль, скрывшись в зарослях на противоположной стороне пруда. Стэн приготовил ужин, поел и улегся спать сразу после сумерек. Спал он без сновидений; встав, собрал рюкзак для восхождения и направил свои стопы к вершине.

Несколько часов он провел, полностью сосредоточившись на ритме подъема, на ощущении шершавого холода камня под пальцами, на чувстве баланса. Наконец вбил крюк в трещину, закрепился веревкой и сел рыться в рюкзаке в поисках перекуса.

Осмотрелся по сторонам. Неплохо. Набрал почти двести пятьдесят метров. Может быть, стоит наметить бивак еще повыше, продолжить осаду вершины и одолеть ее раньше, чем планировал? Стэн уже заметил по крайней мере шесть новых превосходных маршрутов, которые неплохо было бы попытать в ближайшие дни.

Затем он глянул вниз...

Восемь физиономий пялились на него из кустов. Телохранители сидели полукругом у основания скального столба и старательно таращили глаза. Они были на работе.

Дьявол! Скалолазание не зрелищный спорт.

Горный воздух будто звенел. Стэну хотелось запустить сверху заряд из тросового ружья — далеко ли улетит, — или хотя бы просто поорать с вершины. «Валяй, Стэн, не стесняйся, — говорил он самому себе. — Почему бы немного не поребячиться?»

Но вместо этого он начал спуск и оказался внизу часа на четыре раньше, чем собирался, причем движение вниз уже совсем не так поглощало его внимание, как подъем.

На следующий день Стэн сходил по другому маршруту, который был интересен только тем, что там не было удобных точек для глазения на него.

И все-таки они такую точку нашли, преданные до отвращения хранители его тела. Он изо всех сил заставлял себя не обращать внимания и лезть дальше, но его сосредоточенность, способность забыть обо всем, она... нет, не рассыпалась вдребезги; он еще получал удовольствие от того, что делает. Но он осознавал и все вокруг, вот что огорчало.

Ночью, после совсем невзыскательного ужина, чуть приправленного куркумовым корнем и съеденного соло, «без ансамбля», он никак не мог уснуть. По ту сторону пруда виднелись слабые сполохи огня в лагере бхо-

ров. Видимо, они нашли сушняка и развели худосочный костерок. Он почти слышал едва доносившиеся голоса. Почти слышал — или это казалось? — хрустальные переливы смеха.

Стэн шепотом выругался. Порылся в рюкзаке и вытащил бутылку. Затем надел ботинки и побрел в обход пруда на огонь. У костра сидели только четверо стражей его драгоценной особы. Он прислонил бутылку к дереву и вошел в круг света. Синд и бхор выступили из темноты и опустили оружие.

— Что-нибудь не в порядке? — отчеканила, будто выстрелила, Синд; глаза ее настороженно заскользили по темным кустам вокруг.

— Э-э... нет. Я... просто что-то не спится. Я подумал... если не помешаю...

Они с радостью приняли Стэна у костра и вежливо отпили по глоточку «скотча» императорского синтеза и разлива из бутылки, которую принес Стэн. Потом хозяева решили, что не будет нарушением дисциплины, если они пороются в своих припасах. Там совершенно случайно оказался стрегг. Вечный Император как-то сказал, что стрегг в три раза лучше «белой лошади» (непонятно, что он имел в виду), так же, как «белая лошадь» в три раза лучше материнского молока.

Долго ли, коротко ли, Стэн со своими телохранителями отдохнули изрядно. Тишину альпийского луга то и дело нарушали выкрики наподобие «За замерзшую задницу моего папы!» и другие бхорские тосты. Кульминация вечеринки наступила, когда трое бхоров забросили Стэна в пруд.

Стэн проснулся ранним утром в совершенном смятении. Оценив серьезность своего положения, он почувствовал себя совсем плохо. Он был в лагере бхоров. Голова Стэна покоилась на лодыжке одного из них, а его живот служил подушкой для другого. Прислушавшись к себе и окружающему, он осознал, что уже который час его атакуют нестерпимо смертельные молекулы холодного горного воздуха, вонзаясь в каждую клеточку похмельного организма.

В лагерь вошли, кривобоко скукожась, Синд и бхор.

— Просыпайтесь, вы, бурдюки с яйцами, — запинающимся языком произнесла Синд. — Вторая смена! Боже, как я замерзла.

— Не могла бы ты мерзнуть не так громко, — ноющим тоном подал голос Стэн. Он нашарил бутылку с «шотландцем», которая так и осталась недопитой, и попытался сделать глоток. Нет. Жидкость «не приживалась»; желудок Стэна попытался убежать на дальний утес.

Стэн поднялся на ноги. Болели ступни.

— О Боже, я умираю.

— Делайте это потише, адмирал, если вас не затруднит.

Реплика нахальная. По уставу, Стэн должен был сейчас доказать свою способность командовать — послать, например, всех в пятикилометровую пробежку или повелеть сделать что-либо наподобие, столь же героически-адмиральское.

Вместо этого он стянул с себя комбинезон и — проклятые приличия! — вошел в пруд и бродил там, пока холод не подсказал ему, что злобные молекулы больше не станут нападать. Тогда он натянул на мокрое тело комби и решил съесть чего-нибудь.

В тот день обошлось без восхождений.

С этого момента «отдых и поправка» адмирала Стэна пошли совсем по-другому, не так, как он планировал. Один из бхоров спросил его насчет скалолазания, и Стэн показал ему пару приемов на ближайшей скальной стенке. Синд уже проходила базовый курс скалолазания раньше, только это называлось «курс восхождения по наружной стороне сооружений».

Так и пошло. Лазание целый день; дважды он просто ходил по близлежащим предгорьям. Вечером все ели в компании. Палатка Стэна перебралась в лагерь охраны.

Стэн проводил много времени, беседуя с Синд. С ней было легко разговаривать. Стэн подумал, что это, наверное, в некотором роде нарушение субординации. «Чьей субординации? — спрашивал он себя. — Ты теперь никакой не адмирал, говоря строго формально. Да и хотел бы ты им оставаться?»

Он пытался заставить Синд, чтобы та перестала обращаться к нему по званию и выбросила это изобилие «сэров», которыми она пересыпала свою речь. Рассказывал ей о дьявольском мире заводов, где он вырос. Кратко упомянул о семье. Говорил об Алексе Килгуре, о многолетних совместных их похождениях. О войне он молчал.

Вначале Синд растерялась. Перед нею была такая возможность поучиться у величайшего воина, мировой знаменитости; и вдруг она обнаруживает, что слушает его басни о странных существах, с которыми он встречался, человекоподобных и не очень, одних дружественных, а других — совсем наоборот. И в этих рассказах не текли реки крови.

Много, много раз альпийский лужок слушал звенящие переливы ее хрустального смеха.

Синд рассказывала о том, каково расти дочерью секты воинов, исповедующей религию джихада — священной битвы, религию, не просто изуродованную вой-

ной, но такую, где сами боги — убийцы и выродки. Ей казалось естественным тяготение к бхорам.

— А может, я просто перешла от поисков одного убежища веры, — она использовала таламейнское слово, — к поискам другого?

Стэн поднял бровь. Так это или не так, но ее речи звучали очень замысловато для столь юной особы.

Он рассказывал ей о краях, которые посетил. Тропики, арктика, безвоздушные миры. Леса из красного дерева, растущие на Земле. А собственный его мир носил скромное имя Мостик.

— Возможно, я смогу показать тебе его. Однажды.

— Возможно, — отвечала Синд с едва заметной улыбкой.— Мне бы хотелось. Когда-нибудь.

Они не спали вместе. Синд наверняка пошла бы к нему в палатку, скажи он об этом. Но он не говорил.

«Очень странный отдых и поправка, — размышлял Стэн, когда отпущенное им самим для себя время вакации истекло и они все садились в гравитолет. — Не то, чего я ожидал...»

Но, может, именно то, что было нужно.

ГЛАВА 32

Трибунал был почти готов объявить решение. Вызваны последние свидетели и предъявлены последние доказательства; суд удалился на совещание. Последовали месяцы головоломной и зододробящей работы — надо вникнуть в смысл каждого свидетельства.

Вначале Стэну казалось, что это великая привилегия — быть допущенным и наблюдать. Он, Алекс и Махони сидели в дальнем углу, в то время как сэр Эку и судейская коллегия обсуждали относительную ценность каждой детали. Декан Блайз в качестве стенографистки увековечивал эти усилия для официальной истории. Сэр Эку очень воинственно упирал на то, что, как бы все ни кончилось, никто не должен иметь основания для косого взгляда на суд.

Судьи с яростным воодушевлением разыгрывали порученные им роли. Уорин оставался совершенно беспристрастным. Апус, несмотря на свою ненависть к Тайному Совету, была ревностным защитником. Иногда Стэн даже одергивал себя, чтобы вспомнить, каковы ее настоящие чувства к членам Тайного Совета. Одна часть его разума вскипала злостью, когда Апус неустанно заделывала бреши в обо-

роне Тайного Совета; другая восхищалась тем, с какой серьезностью Апус исполняет свои обязанности.

Однако трудно было не почувствовать себя «обделавшимся», когда информация, выкраденная Стэном из Арены Ловетта, оказалась отброшенной как вздор, технический трюк или, возможно, даже сфабрикованная фальшивка.

Ривас — тот, кто сначала был не согласен с Тайным Советом лишь с философской, а не личной позиции — стал его злым мучителем. И в зале, и в кулуарах он свирепо подавлял любые попытки «развалить» судебное дело. Стэна не волновало, когда и по какой причине Ривас изменил свою позицию; он просто получал удовольствие, наблюдая атакующий стиль Риваса. Именно он не давал упустить ни одной детали, указывая каждый раз на обстоятельства, которые нельзя игнорировать. И он же убежденно защищал идею существования секретного соглашения членов Тайного Совета как доказательства заговора, если не более.

А затем, по прошествии недель, глаза у Стэна полезли на лоб. Алекс и Махони чувствовали себя не лучше. Они стали сбегать из зала, когда только это было возможно, но, к несчастью, скрываться от охотящихся за дичью репортеров оказалось труднее, нежели переносить скуку. Так что они большей частью сидели, глядя на судей, и страдали.

Наконец дело приблизилось к финалу. Трибунал удалился для голосования. Ривас и Апус сняли свои ролевые маски и присоединились к Уорину в беспристрастном рассмотрении. Неопределенность исхода снова подхлестнула интерес Стэна. Он подался вперед, стараясь не упустить ни единого слова.

— Думаю, мы больше не имеем права откладывать, уважаемые господа, — начал речь сэр Эку. — Готовы ли вы вынести решение?

Ответа Стэн не услышал — Алекс пихнул его локтем в бок, привлекая внимание Стэна к Махони, который стоял в коридоре у дверей, делая торопливые жесты, означавшие, что Стэн с Алексом должны поскорее встретиться с ним вне зала.

Как только Стэн и Алекс закрыли за собой двери зала суда, Махони схватил их за обшлага и, притянув к себе, тихо сказал:

— Ото сообщает, что в космопорту творится что-то очень странное. Нас ждут там. Прямо сейчас.

На пути к порту Махони рассказал то немногое, что было ему известно. Похоже, прибыли с официальным визитом существа с Дьюсабла.

— Чего хотят эти козлы? — была первая реакция Стэна.

— Они же там все злыдни, змеюки почище любого Кэмпбэлла, — вставил Алекс.

— Это, конечно, все так, — сказал Махони. — У нас нет права рубить сплеча. Мы нуждаемся в любой помощи, которую только можем получить, каким бы гадким ни был ее источник.

Под помощью, пояснил Махони, он подразумевает, что, независимо от того, какое бы ни был дерьмо этот Дьюсабл, он является признанной государственной единицей Империи; существенной единицей. Но дело не только в этом. Ведь к ним прибыли отнюдь не рядовые представители системы. Как передал Ото, на борту находятся новоиспеченный тиран Уолш, а с ним президент Совета солонов, известный мастер политической интриги солон Кенна.

— Они прилетели, чтобы официально признать Трибунал и его работу, — сказал Махони. — Более того, они готовы подписать любой билль обвинения. Короче, они будут плясать перед камерами и открыто заявлять о своем противостоянии Совету.

Стэну не нужен был курс повторного обучения по социально-экономическим дисциплинам, чтобы понять, что сие все означает. «Раз такие скользкие политиканы, как Кенна и Уолш, сами лезут к нам на борт, значит, ветер определенно задул нам в корму. Один — ноль в пользу Трибунала! И когда другие союзники Совета это узнают, баланс сил начнет смещаться в нашу сторону».

У корабля в порту их встретил лишь Ото с небольшой группой своих воинов. Корабль, только что приземлившийся, выдвинул трап. Ото торопливо сообщил, что пресса предупреждена и телерепортеры уже летят сюда на крыльях.

— Клянусь бородой моей матушки, — рокотал Ото, — похоже, к нам прилипла удача. Я знал, что ты везучий, с самого начала, как тебя встретил, друг мой. — И отвесил Стэну тяжкий шлепок по спине.

Этот грубиян оказался достаточно мудр, раз сумел «вычислить», что могут значить для него лично нежданные друзья — подзаборники с Дьюсабла. Нужды в объяснениях не было.

Люк корабля с шипением открылся, но никто не вышел. Наконец в проеме возникли Уолш и Кенна, за ними, странно отставая, вылезли помощники. Стэн был удивлен. Он ожидал обычной для «этих козлов» помпезности. Может, потому, что репортеров нет? Как бы то ни было, первые лица системы Дьюсабл имели довольно бледный вид. Даже, скорее, серый.

Уолш с Кенной приблизились — как-то нервозно, подумалось Стэну, и чуть не подпрыгнули, когда Ото велел своим солдатам стать по стойке «смирно» (по крайней мере настолько «смирно», как могут это сделать кривоногие бхоры). Что же так тревожило эту парочку? Где их всегдашняя напыщенность?

Махони вышел вперед — приветствовать прибывших; за ним двинулись Стэн с Алексом. В этот момент из нутра корабля послышался приглушенный звук.

Стэн чертыхнулся, распознав, что это за звук. Кто-то отдал там команду — точно, он узнал ее! Стэн даже не обратил внимания, что Уолш и Кенна со всей свитой поспешно метнулись в сторону, настолько он обалдел.

Приземистые люди со смуглыми лицами, на которых честностью и отвагой горели глаза, вынырнув из корабля, выстроились в форме «копья». На их мундирах поблескивали символы воинских наград. Каждый держал большой кривой нож-кукрис в вытянутой вверх и вперед правой руке — «наголо», как на параде; ослепительные блики слетали с полированных клинков.

Стэну знакомы были эти воины, он командовал ими однажды. Гурки! Что, во имя всех чертей на свете, делают они на корабле с Дьюсабла?..

И тут же он узнал ответ. Увидел его. Правда, вначале не поверил своим глазам.

На самом острие «копья» шагал тот, чья фигура была знакома не только Стэну, но и каждому существу, имеющему имперское гражданство. Он возвышался над гурками, не глядя ни вправо, ни влево, по-королевски устремив вперед взгляд неистовых глаз.

Стэн не мог ни двинуться, ни произнести что-либо, ни хотя бы салютовать. Позади в таком же шоке застыли его компаньоны.

— Клянусь мороженой задницей моего батюшки! — прошептал Ото. — Это же Он!

Встречающие опомнились, когда фаланга разделилась и перестроилась. Стэн обнаружил, что неотрывно смотрит в странные стариковские глаза вечно юного человека. И заметил в этих глазах искорку узнавания, и услышал звук своего имени.

Алекс дернулся, услышав, как человек после мгновенной запинки и наморщивания сиятельного лба произнес и его имя.

Потом прибывший повернулся к Махони и одарил его широкой, светлой улыбкой.

— Рад, что ты здесь, Ян, — произнес Вечный Император.

Махони в обмороке осел на плиты взлетного поля.

ГЛАВА 33

Не весь карательный флот Тайного Совета состоял из преданных новому режиму подонков с обагренными кровью руками. Слепое послушание не может решить все, особенно если требуется решение поставленной задачи во что бы то ни стало.

Адмирал флота Фрейзер — недовольная полученным приказом, но как всегда исполнительная — командовала атакующими силами с мостика боевого имперского корабля «Чу Кунг».

Тайный Совет опустошил последние хранилища АМ-2, снаряжая флот. Горючего было достаточно, чтобы дойти до Ньютона, ввязаться в бой и... Для тех, кто останется цел и окажется способным совершить обратное путешествие, в системе Джура был готов послужить заправочной станцией конвой с АМ-2. Надо было — всего лишь! — захватить его.

От одной лишь проблемы освободилась Фрэйзер — ее флот не испытывал недокомплекта людей, как обычно. «Будь что будет», — думала она. Тайный Совет приказал довести корабли до полной боевой кондиции. Так что Тайный Совет остался не только с пустыми складами горючего, но вдобавок и с небоеспособными кораблями. Активными оставались лишь наземные станции.

Конечно, никто из командиров старался не посылать лучших бойцов, если мог. Фрэйзер полагала, что уйдет месяцев шесть — нет, целый земной год на то, чтобы сколотить флот как боеспособное формирование. Но даже такой срок был бы чудом, и Фрэйзер тоскливо думала о том, что она читала о драконовских мерах дисциплины, принятых в военно-морских силах.

Конечно, были и добровольцы. Они жаждали действий — больше всего потому, что выбрали сторону Тайного Совета во время чисток. Если Совет падет, этим офицерам нечего ждать пощады от неизбежного военно-полевого суда, который, совершенно определенно, будет уполномочен выносить чрезвычайные решения.

Фрэйзер делала, что могла, когда флот сверлил пустоту,— поддерживала уровень тренировок и даже дошла до крайности, приказав штурманам кораблей быть адъютантами командиров десантных дивизионов.

Она не была довольна, однако чувствовала уверенность в собственных силах без недооценки сил противника. Фрэйзер тщательно проанализировала разгром

23-го флота Грегора. Тогда все было сработано искусно, но использовалась тактика, подходящая более лихим налетчикам, нежели регулярным боевым формированиям. Вдобавок защитники системы Джура обороняли ограниченный район. Фрэйзер планировала вступить в бой довольно близко к системе, привлечь половину своих сил для удара по планетам. Ньютон был главной целью. Она разделит свои боевые ресурсы, но и защитники наверняка сделают то же самое. Когда формирования бунтовщиков будут разбиты, флот Фрэйзер высадится на Ньютоне. На этом ее обязанности кончатся, чему Фрэйзер несказанно радовалась.

Приказы людям с угрюмыми лицами из войск сопровождения были запечатаны, но Фрэйзер, когда осмеливалась думать об этом... Впрочем, нет, даже догадываться не стоит.

Тишину на флагманском корабле нарушил офицер-связник:

— Адмирал, засечена передача на всех частотах. Источник — Ньютон.

— На всех диапазонах?

— Включая наши собственные каналы и командные сети связи. А также все коммерческие волны, которые мы отслеживаем.

— Подавите передачу. Везде, кроме командной сети. Только для командиров кораблей. Мне не нужно, чтобы нашим экипажам канифолили мозги пропагандой.

Передача на всех частотах могла означать только одно — самозваный Трибунал решил огласить свой вердикт.

— Нам... не удается это сделать.

— Что?! — Фрэйзер не понимала. Слова «нет» для нее не существовало.

Офицер связи сник на мгновение, но все-таки собрал силы для ответа.

— Не можем подавить передачу. Слишком большая мощность. Единственный способ блокировать информацию — отключить внешние связные устройства любого корабля.

Такой вариант допустить было невозможно.

— Хорошо. Исказите сигнал, как можете. И подключите чистый сигнал к моему приемнику.

— Есть, мадам.

Фрэйзер, комсостав кораблей и командиры дивизионов наблюдали передачу; на других экранах изображение мигало, из динамиков неслись малоразборчивые звуки. Но для того, чтобы уяснить смысл передачи, особые детали нужны не были. И, как всегда это бывает, подробности бы-

стро распространялись по кораблям из уст в уста от связистов, стоявших на вахте у пультов командной сети.

На экране виднелась большая аудитория, где шли слушания. Трое судей сидели с торжественными физиономиями, ожидая.

Дверь позади них отползла в сторону, и оттуда выплыл манаби. По каждую сторону двери стояло по два коренастых человека небольшого роста в военной форме и сбитых набекрень головных уборах, подбородочный ремешок под нижней губой.

Каждый был вооружен «виллиганом» и длинным кривым сверкающим ножом.

Голос за экраном повествовал:

— Всем, кто наблюдает репортаж сейчас, настоятельно рекомендуется записать его, как это уже говорилось раньше.

Наступила тишина. Затем манаби — сэр Эку — заговорил:

— Настоящее заседание планировалось как финальное в слушаниях Трибунала. Однако обстоятельства изменили наши намерения.

Фрэйзер подняла брови. Дурацкий суд действительно собирается определить отсутствие вины Тайного Совета?

— Это не значит, что вердикт составить не удалось. Суд нашел, что те, кто называют себя Тайным Советом — господа Кайс, Краа, Ловетт и Мэлприн — могут быть обвинены. Суд нашел, что заговор с целью убийства был спланирован и выполнен поименованными существами, как поодиночке, так и группой. Мы далее пошли в соответствии с одним из так называемых Нюрнбергских статутов и объявляем, что поименованный Тайный Совет — преступная организация. Другие обвинения, представленные настоящему Трибуналу, включая измену на высшем уровне, судом не приняты. Согласно с вышесказанным мы обязываем все органы правосудия привлечь вышеупомянутых членов Тайного Совета к уголовному суду. Однако выступление суда не является единственным и самым главным моментом настоящей передачи.

Господин Эку отплыл в сторону и повернулся лицом к двери, около которой стояла охрана с блестящими ножами.

Дверь открылась.

В зал суда вошел Вечный Император.

Тут начался совершеннейший бедлам, или, может быть, отключили звук — Фрэйзер не знала. Но у нее на мостике определенно забурлил хаос. Наконец она отдала самой себе приказ игнорировать шок от того, что все, чему она верила и служила, не что иное, как неправда, и заорала, требуя, чтобы все замолчали.

Наступила тишина. Вахтенный экипаж, может быть, и держался за свои ручки и рычаги, но все внимание было приковано к экранам.

— Благодарю членов и сотрудников Трибунала — следователей, секретарей, офицеров и судей. Они доказали свою верность и служение мне во времена, когда такое было гарантией смерти. Они будут вознаграждены. А теперь мы стоим перед новой задачей — вернуть Империи ее величие. Да, нелегко. Но это должно быть и будет сделано. Необходимо завершить работу. Не быть миру и порядку, пока Империя не раскинется, как раньше, даря процветание и законопослушную жизнь всей Вселенной.

Благодарю тех, кто остался верен, кто знал, что Тайный Совет — глашатай страха, алчности и ненависти, и не только ко мне. Но есть и другие. Те, кто, независимо от причин, выбрал свой путь под кровавым стягом Тайного Совета. Приказываю им остановиться. Не подчиняйтесь приказам изменников. Не слушайте их ложь и уговоры. Если в ваших руках оружие — сложите его. Вы должны — и будете — следовать моим приказам. Исполните их прямо сейчас. Довольно преступлений, довольно зла.

Я особо обращаюсь к обманутым экипажам имперских военных кораблей, идущих к этому миру, чтобы атаковать его и меня. Даю вам два часа на выполнение моего приказа. Всем кораблям преступной флотилии приказываю заглушить звездные двигатели и стать на парковочных орбитах системы. Сложить оружие. Когда истечет указанное мной время, вы должны сдаться назначенным мной войскам. Вы — солдаты Империи. Вы служите мне, а значит, Империи. Повторяю, два часа.

Все солдаты, формирования и корабли, отказавшиеся подчиниться, будут объявлены изменниками и поставлены вне закона; за ними начнется охота. Наказание за такую измену совершенно очевидно и будет исполняться со всей строгостью.

Сдавайтесь. Спасите свои жизни. Сохраните свою честь. Сохраните вашу Родину.

Экран померк. Радио продолжало звучать, передавая что-то про физические атрибуты человека, который только что говорил, — Вечного Императора, изображение которого передавалось по отдельному каналу. Скептикам предлагалось сравнить эти признаки с тем, что известно в общедоступных документах.

Фрэйзер пропустила всю эту чушь мимо ушей. Она служила Империи и теперь, снова, с огромным чувством облегчения — самому Императору.

— Флагман! Требую общефлотской связи! Капитан! По моему приказу встать на вспомогательный привод.

— Мы будем... — начал кто-то на мостике.

— Служить Императору, — оборвала Фрэйзер.

Офицер связи застрелил ее. Сам он умер двумя секундами позже, когда адъютант Фрэйзер перебил его шею увесистым адмиральским жезлом.

Люди выхватывали револьверы и церемониальные кортики. Сильный взрыв нарушил управление основными двигателями корабля. Мостик флагмана стал ареной мятежа.

Вспомогательные командные центры не действовали. Слишком большой беспорядок творился там. «Чу Кунг» летел вперед все еще на полной тяге.

Такая же истерия и опустошение охватили весь имперский флот.

Некоторые корабли подчинились императорскому приказу и были атакованы другими, кто остался верным Тайному Совету. Третьи корабли продолжали полет к системе Джура, как им было приказано. Четвертые исчезли в обычном пространстве, уползая на двигателях Юкавы. Командиры подразделений, рыча от ярости, сидели у переговорников, ожидая и не получая приказов, указаний или согласия.

А затем их атаковала армада Стэна — Вечный Император солгал о двух часах перемирия.

Покойная Фрэйзер правильно понимала тактику Стэна при налетах на конвои с АМ-2. Бхоры и наемники чувствовали себя намного лучше при атаках одиночными кораблями или в малых эскадрильях. Она также не ошибалась, считая, что защитники Трибунала не способны вести традиционную оборону против классической атаки.

Стэн выбрал третий вариант. Он развернул весь флот для молниеносного удара, направленного на имперские боевые единицы. Его приказы были очень просты: атаковать любой корабль, имеющий признаки боеспособности, дать один мощный залп и уходить на полной скорости. Затем — перегруппировка и новая атака. Если враг движется в обычном пространстве, идти с ним. Сделать так, чтобы они либо подали сигнал о сдаче, либо отключили главный двигатель.

— Не швартоваться. Не приближаться и не уничтожать. Не трогать корабли, подчинившиеся приказу. Это не бой до победного конца. Ото, я не хочу, чтобы твои люди играли роль безжалостных убийц.

— А что потом, когда мы победим? — спросил капитан наемников.

— Уж прости меня, дружище, на грабеж времени нет. Повторяю — никакого абордажа. Вся эта чертова заваруха почти кончилась. Не убивайте никого без нужды.

— Как быть с уцелевшими?

— Для их эвакуации выйдут спасательные корабли. Когда-нибудь.

Так битва и проходила. Разрезать строй, переформироваться и снова ударить. Время размазалось. Любой бой отличается от других, и любой бой, по сути, такой же, как остальные. Стэн отдавал приказания с холодной, отчетливой злостью.

Император вернулся. Прекрасно. Теперь со всем этим надо кончать.

В итоге не осталось ни одной боевой единицы, на которую стоило бы тратить заряды. Стэн возвращался к себе, одеревеневший от усталости.

Он посмотрел на хронометр. Корабельные сутки подходили к концу. Стэн включил главный экран в боевой рубке. Индикаторы не показывали и признака жизни того, что еще несколько часов назад было атакующей флотилией. Все на самом деле закончилось.

Сколько труда, чтобы раздавить гнид!.. Теперь — туда, где их рассадник.

ГЛАВА 34

Пойндекс заметил, что дерево потеряло половину листвы. Подобно членам Тайного Совета, ожидавших его на верхнем этаже, рубигиноза выглядела съежившейся от новости: Вечный Император вернулся!

Когда Пойндекс увидел их, забившихся в свои кресла, он понял, что слово «съежиться» — определение весьма бледное. Они будто уже слышали погребальные песни.

Они были уже мертвы изнутри.

Мэлприн выглядела постаревшей на сто лет. Ловетт потускнел, превратился в маленькое существо с мятым, как бумажка, личиком. Двойняшки Краа изменились сильнее всех. Та, что всегда ходила, переваливаясь складками жира, будто вмиг похудела и стала мешкообразной тварью с висящей сморщенной кожей. Ранее тощая ее сестра превратилась в надутый розовый шар с готовой лопнуть оболочкой. По их лицам было видно, что они не сомневаются:

тот, кто называет себя Вечным Императором, действительно и есть Вечный Император.

Все четверо подскочили к Пойндексу, как обезумевшие пассажиры тонущего судна бросаются к последнему спасательному плотику. Он едва разбирал их перепуганные и растерянные вопросы.

— Куда нам бежать?.. Что делать?.. Вечный Император... Как бороться?.. Можем ли мы бороться?..

Они поддерживали друг в друге самоубийственное исступление и так истерично боялись Вечного Императора, что готовы были подняться на борт корабля и броситься на пушки Императора со всеми войсками, которые им еще подчинялись.

Но Пойндекс хотел совсем не этого.

Он утихомирил их, усадил в кресла. Сделал самое грустное, понимающее лицо.

— По-моему, я знаю, как вас спасти.

Члены Совета глядели на него с искрой неожиданной надежды. Надо что-то делать. Но Пойндекс не собирался делать «что-то». Он знал, что нашел свою дорогу к власти.

— Меня не обвиняют ни в одном преступлении, — проговорил он. — Ни в каких делах, что вы творили до того, как я вошел в Совет, я не принимал участия. Поэтому у меня не должно быть особых затруднений, чтобы лично предстать перед Императором.

Никто не возразил, никто не предостерег его, что это может быть смертельно опасным, что не имеет значения, виновен он или не виновен: Император вполне способен уничтожить любого, кто хотя бы отчасти связан с Тайным Советом.

Пойндекс усмехнулся в душе, отметив такое явственное проявление заботы со стороны своих коллег и друзей.

— Если вы не возражаете, я предложу Императору сделку.

Предложение Пойндекса было простым. Тайный Совет фактически повержен, но он способен еще произвести огромный вред и пролить море крови. Пойндекс убедил всех удалиться в спасательный бункер, вырытый глубоко под землей там, где росла рубигиноза, — прекрасный командный центр, соединенный со всеми воинскими частями. Бункер мог вынести все, что угодно, вплоть до прямого попадания атомной бомбы. Оттуда они смогут бороться насмерть, если Император не примет сделку.

Пойндекс изложит все это Императору, а затем скажет, что Тайный Совет не имеет желания причинять такой ущерб, если этого можно избежать. В интересах невинных обитателей Прайм-Уорлда они согласны сложить оружие в обмен на дарование им жизни.

— Только не тюрьма! — проскрипела Краа, та, что раньше была жирной. — Моя сестра не выносит грязи.

— Я не предлагаю тюрьму, — ответил Пойндекс. — Я предлагаю ссылку. По условиям, которые я собираюсь выторговать, вам позволят подняться на борт личных судов и удалиться к самым краям Империи. За границу, если Император того пожелает. И вам будет запрещено возвращаться.

— Вы думаете, он пойдет на это? — стонущим голосом произнес Ловетт.

— Да, конечно, — уверил его Пойндекс.

Без сомнения, Император согласится. Ведь властитель, как и Пойндекс, человек практичный. Затем полковник сказал, что им следует немедленно скрыться в бункере. Нельзя откладывать — Император может нанести неожиданный удар.

Пойндекс наблюдал, как члены Тайного Совета торопливо идут навстречу судьбе, которую он им уготовил, подобно скоту, спешащему на бойню.

ГЛАВА 35

Краа, всегда опасавшиеся за ту часть спины, что лежит между третьим и четвертым ребрами, были первыми, кто правильно понял подтекст слов Императора в радиопередаче.

— Проклятый Пойндекс! Чертов выскочка подставил нас и продал на корню.

А как же иначе? Имей они шанс, они бы сделали то же самое.

— Если бы я знала... — выла новоявленная толстуха. — Сиди теперь в этом сраном бункере, жди, жди и жди. У нас нет войск в космосе, нет в воздухе, и мы даже не контролируем порты.

Их яростные вопли были самыми громкими звуками в подземелье, где Тайный Совет заседал уже несколько дней. Краа коротали время, пока Пойндекс ездил со своей миссией: одна обжиралась, а другая страдала поносом. Мэлприн и Ловетт помногу были вместе; они сидели рядышком, не произнося ни слова, — пара молчаливых призраков, поселившихся в подземельях замка, из которого они только недавно правили миром.

Охрана и прислуга проворно и молчаливо выполняли приказания и снова исчезали.

Так продолжалось несколько дней, когда вдруг ожил приемник правительственной спецсвязи:

— Говорит Вечный Император. Ко мне прибыл эмиссар Тайного Совета предателей и изложил условия его сдачи. Я отвергаю эти условия во имя цивилизации и Империи. С убийцами не может быть никаких сделок. Я требую немедленной, полной и безоговорочной капитуляции. Граждане Прайм-Уорлда!..

На этом месте Краа начали свой крик. Никто не расслышал подробностей приказа Вечного Императора. А приказ этот гласил, в общем, очевидные вещи: столичный мир объявлялся на военном положении. Всем военнослужащим предписывалось вернуться в свои казармы и оставаться там. Офицеры и старшинский состав обязывались поддерживать дисциплину, но не более того. Все корабли посадить или не поднимать, иначе они будут сожжены. Полиции надлежало сохранять общий порядок — без насилия, если возможно. Бунтовщики и бузотеры будут наказаны...

Короче, ничего удивительного.

И лишь в самом конце прозвучало следующее:

— Императорские силы высаживаются в столице через час.

— Невозможно!! — Вой Краа стал еще громче. — Пойманы в ловушку... Будь проклят этот... Скорее отсюда!

Одна из сестер уселась на связь с городом-портом Фоулер, раздавая торопливые указания командиру своей «яхты»— тяжело вооруженного крейсера — и двум кораблям сопровождения. Готовиться к немедленному взлету!

— Зачем? — монотонно спросила Мэлприн. — Бежать некуда.

— Черта с два некуда! Всегда найдется черный ход.

Другая Краа вмешалась в разговор:

— Даже если и нет, лучше погибнуть в борьбе, чем здесь— от поноса и ожидания. Чего мы ждем? Топора, который принесет с собой палач?

И они обе ушли.

Ловетт в это время наливал бокал. Он поставил его на стол и сел, уставившись на Мэлприн. Наступила тишина.

Первой проскрипела сквозь атмосферу и села на площадке Соуарда флотилия тактических кораблей. Другие такшипы держали воздух над остальными портами столичного мира.

Командир ведущего такшипа, он же орудийный офицер, заметил три корабля с активными двигателями.

— Все калибры... Подход на расстояние мили... Цели засечены и подсвечены... Пускаем «Гоблинов»... Огонь!

Неядерные ракеты среднего радиуса действия вынырнули из труб пусковых аппаратов кораблей и по-

неслись к своему новому дому — трем кораблям, принадлежащим Краа. Три огненных шара слились в один, диаметром в добрую тысячу футов.

И Махони приказал флоту высаживаться.

Стэн первым начал выполнение задания. Штурмовики и крейсеры зависли над Соуардом и Фоулером. Мелькнула мысль: «Немножко не так я действовал недавно, когда пробирался сюда тайком». Следом садились корабли вторжения; из люков транспортов высыпались люди и выходила техника.

Килгур бросил Стэну портупею; Стэн нацепил на себя сбрую с висящими на ней тяжелым гуркским кукрисом и мини-«виллиганом».

Он будет руководить захватом бункера. Вечный Император дал ясный приказ — ему нужны Краа, Мэлприн и Ловетт, по возможности живые. «Не желаю, — добавил Император, — чтобы работа Трибунала пропала втуне».

— Адмирал!

Перед Стэном загорелся экран.

Пять бронированных грависаней ползли по полю километрах в трех вдали. Четыре машины — обычные БМП; пятая — командирская.

— Подрумяним их, а? — сказал Килгур, просчитывая в уме расстояние до цели и дистанцию, на которую должны быть удалены от огненного шара готовые к старту корабли.

Прежде чем Стэн успел отдать приказ, с такшипа дали очередь. Поле испещрили кратеры от взрывов мини-бомб. Взрывами повредило управление двух грависаней, третья машина потеряла мощность и застряла носом вниз в дымящемся рву.

Еще две машины ускользнули из-под обстрела — их водители дали «полный назад».

Но, как увидел Стэн, путь их отхода был перекрыт. И не императорскими войсками или бомбометами, а кричащей обезумевшей толпой вооруженных и безоружных людей и разных существ негуманоидных рас.

Грависани начали палить по собравшимся. Многие попадали; толпа вначале рассеялась, но другие встали на место павших, и бронированные машины были остановлены. Кого-то, кто сидел там, внутри, вытащили из люка (а может быть, просто раскололи машину, как орех, бронебойным приспособлением) и подожгли. Взрыв разнес грависани в пыль и покатил атакующих по земле.

Командирская машина еще раз сменила курс. Теперь она шла к стоящим на приколе кораблям Империи.

Кораблей она не достигла. Стэн увидел вспышку, когда самодельная «зажигалка» упала на машину

и жидкое пламя потекло во входные патрубки генераторов Маклина. Аппарат резко стал. Задний трап упал на землю, и затем... затем Стэну показалось, что он видит пару существ: одно ненормально жирное, другое — как скелет в халате. Существа стояли с поднятыми руками и что-то кричали.

Подбежавшая толпа поглотила их.

Стэн отвернулся от экрана.

— Я запишу, — подал голос Килгур. — Нам нужны все кадры, чтобы узнать и подтвердить, что они действительно Краа. Того, что осталось, будет недостаточно даже для вскрытия, не то что опознания.

Стэн кивнул, стараясь не глядеть на экран.

— Пошли, мистер Килгур. Мне хочется, чтобы перед судом предстал хоть один обвиняемый.

Императорские войска, приданные Стэну, были не лучше и не хуже всех тех, которые он видел раньше. Это не имело значения — Стэн учел их неопытность и сформировал ударную группу из наемников.

Он полагал, что они должны будут пробить дорогу по улицам Фоулера к штаб-квартире Тайного Совета, но этого делать не пришлось. За них поработали восставшие толпы, прокатившиеся по улицам. На мостовой валялись перевернутые гравикары, некоторые обгоревшие; высились импровизированные баррикады; валялись мертвые тела — те в униформе, иные в гражданском платье.

Горящие и сожженные конторы и жилые дома. Повешенные на фонарных столбах. И никого, кто бы противостоял им. К удивлению, на улицах был порядок — своего рода. Горожане регулировали движение транспорта, как могли. До чего бедным было движение машин! Много лиц в гражданской одежде патрулировали пешеходные дорожки.

Сержант, командир боевого эскадрона, который ехал в машине Стэна, высунул голову из люка и крикнул что-то вопросительно одному из стоявших на улице. Получив ответ, он влез обратно и сказал:

— Культ Императора, сэр. Помогают мостить дорогу, сэр.

Стэн думал, что культ проповедует ненасильственные действия. Может быть, тот человек с синяками и ушибами, которого волокли три дюжие тетки, шел где-то, упал и расшибся. А может быть, им встретились представители более поздней конфессии.

Когда группа захвата приближалась к штаб-квартире Совета, Стэн услышал стрельбу.

На земле валялись тела в крапчатой форме имперской Гвардии, а перед ними — изрешеченные пулями грависани.

Стэн слез с машины; ему отсалютовала усталая, с озабоченными глазами молодая женщина — капитан Гвардии. Она не знала, что делать — ругаться или плакать. Первый раз в жизни вела она подразделение в бой, и первый раз ее подразделение, которое она так тщательно спаивала воедино, несло потери. Но капитан не рыдала и не сквернословила. Вместо этого она профессионально сделала доклад обстановки.

Здание Тайного Совета охраняют изнутри. Бойцы охраны расположены тут и тут. Вот здесь стоят противотанковые установки, всего четыре штуки, защищены мешками с песком. На крыше установлены пулеметы и сидят снайперы. Все приказы о сдаче остаются без внимания.

Стэн поблагодарил ее и принял командование. Отдал приказ ее роте отойти назад и обеспечить, чтобы периметр был перекрыт: никого наружу, но самое главное — никого внутрь. Особенно — линчующую толпу.

Капитан с благоговением следила, как знаменитые воины Стэн и Алекс раздают приказания своим наемникам и бхорским бойцам. «Конечно, — подумал Стэн про себя,— будешь выглядеть великим полководцем, когда командуешь в сороковой или четырехсотый раз и твои люди знают о смертоносных снайперах и спрятанных ракетных установках».

Он вызвал отделение тяжелых танков и использовал их как бульдозеры для возведения баррикад и расчистки окрестности перед зданием, чтобы облегчить огонь. Были подтянуты тяжелые орудия; открыт огонь на поражение снайперов и расчетов противотанковых установок.

— Бедные противотанковые пускальщики! — сказал Килгур. — Сейчас я сделаю их готовыми к употреблению на столе хирурга. — И исполнил обещанное.

Килгур приказал своим снайперам («Давай мне лучших! Знаю я тебя, не пытайся заморочить голову!») занять позиции с флангов.

Когда Стэн отдавал приказ гравибронетранспортерам идти вперед, он почувствовал, как Синд придвинулась ближе к нему. В ее глазах он прочел растерянность перед неведомой опасностью. Она боялась. За него.

Расчеты противотанковых орудий засуетились, ловя цель, и были сняты снайперскими выстрелами. Другие поспешили заменить их, выскочив из здания. Кто они— солдаты? Офицеры службы безопасности? «Дикие гуси»?

Крякнули «виллиганы», и новые артиллеристы по-

валились на старых. Третья попытка... Похоже, добровольцы кончились.

— Мистер Килгур?

Алекс выкрикнул приказания, и группа захвата вместе со Стэном залезла в транспортер по опустившейся крышке его десантного люка.

— Не давай себя вышибить из седла, — напутствовал Алекс командира машины. — Чуть-чуть огневого прикрытия. Пошел!

Транспортер пополз вперед; турельные пулеметы плевали свинцовыми очередями. Гусеницы машины прокатились по покинутой позиции противотанковой установки, подмяв под себя пушку. Многотонный монстр проломил вход в здание Совета и оказался прямо в огромном атриуме.

Трап машины упал на землю. Стэн и его «офицеры задержания» вышли наружу. Стэн увидел заросшие зеленой патиной фонтаны и какое-то неизвестной породы мертвое дерево посреди двора. Их танк сбил дерево перед остановкой; команда тогда еще сидела внутри.

Стэн глянул на карманную карту, которую нес с собой:

— Вход в бункер находится вон там. Не спешите, черт подери! Не думайте, что вас назовут творцами истории, если станете последними трупами в этой войне.

«Неплохой совет, — сам себя похвалил Стэн. — Надо бы и тебе прислушаться к нему. Дохлый адмирал в качестве последней потери этой... войны? заварухи? восстания? Во всяком случае, события, которое будет упомянуто не только в примечаниях исторических книг».

Они спускались ниже и ниже, в недра того, что звалось лучшим творением Совета. Синд и Алекс держались поближе к Стэну, прокрадываясь от одного укрытия к другому, подобно осторожным змеям.

Но в осторожности не было нужды. Сопротивления они не встретили.

В убежище обнаружили Мэлприн и Ловетта, которые, похоже, не слышали, что им говорят.

Синд, не отрывая глаз, смотрела на пару существ; даже и не существ — оболочек, которые раньше были правителями мира. Стэну показалось, что он видит жалость в ее глазах.

Килгур повторил приказ.

Наконец члены Совета откликнулись на его рыканье. Поднялись, когда Алекс велел встать, без возражений перетерпели обыск на предмет ношения оружия или припрятанных где-нибудь приспособлений для самоубийства, а затем проследовали за солдатами наверх.

Казалось, они втайне радовались, что все кончилось.

Стэна интересовало, продолжится ли их апатия после того, как начнутся допросы.

ГЛАВА 36

— Присаживайся, Стэн, — сказал Вечный Император. — Но вначале налей нам обоим.

По долгому опыту в бытность свою командиром личной охраны Императора Стэн знал, что когда властитель требует выпить, он в духе. Но можно быть просто «в духе», а можно — «В ДУХЕ». Теперь Стэн чувствовал разницу. Много лет назад он, на пару с боссом, принимал на свою грудь удары стрегга. В то время Стэн считал, что слово «вечный»— не более чем символическая добавка к титулу, если вообще думал об этом.

Стэн обратил внимание, что Император, взяв свой бокал, лишь рассеянно пригубил. Стэн последовал его примеру.

— Я не хочу благодарить тебя за все, что ты сделал, — сказал Вечный Император. — Слова звучат глупо. По крайней мере так мне кажется.

Стэн поинтересовался, что произошло. Император, несмотря на разыгрываемую им позу неформальности, был существом чрезвычайно формализованным. Обычно такое его поведение гласило, что у Императора в рукаве спрятан сюрприз. Стэн молился только, чтобы это не слишком его касалось.

Он смотрел, как Император слегка нахмурился, затем бросил взгляд на почти нетронутый бокал в собственной руке. Брови его разошлись, и Вечный Император одним движением опрокинул бокал в рот. Толкнул бокал по гладкой поверхности стола, требуя налить еще. Стэн проглотил свою порцию и отдал честь. Он чувствовал, как стрегг пробивает себе дорогу в желудке, распространяя тепло, но «в духе» никак не становился.

Стэн жутко хотел — если бы осмелиться — спросить у Вечного Императора, как ему это удается. Где он был все эти годы? Что делал? И почему не умер ко всем чертям? Нет, лучше не задавать вопросов. Император всегда ревностно хранил свои секреты.

— В нашу прошлую беседу, — промолвил Император. — я из кожи вон лез, уговаривая тебя принять повышение. Ты отклонил мое предложение. Надеюсь, ты не собираешься взять это в привычку?

О, черт, начинается!.. Стэн собрался с силами.

— Как для тебя звучат слова «Начальник корпуса «Меркурий»? Я поднимаю его командный уровень и даю тебе вторую звезду. Ну как, адмирал?

— В отставке, сир, — ответил Стэн, сглотнув. Действовать надо без промедления. — Боюсь, что выгляжу неблагодарным и прочее, но — спасибо, не надо. Прошу вас.

Стэн заметил, как ледяной взгляд сверкнул из-под кустистых бровей Императора. Затем глаза властителя немного потеплели.

— Почему? — Это был приказ, оформленный в виде вопроса.

— Сейчас попробую объяснить. Я прожил всю жизнь солдатом. Служение обществу, если пожелаете. И награжден гораздо более того, чем об этом мог мечтать. Кем я был? А никем — дэлинком, малолетним преступником, беспризорником на Вулкане. Теперь я адмирал. И вы хотите дать мне еще звезду... Благодарю вас, сир. Но — не надо, спасибо. Мне пора начинать строить собственную жизнь, найти свое место в гражданском мире. Раньше я смущался, боялся этого. Может быть, и сейчас тоже, только совсем немножко. Теперь я гляжу вперед. Настало время заняться обычными, глупыми человеческими делами.

Стэн подумал о Лайзе Хейнз, о том, как совсем не глупо могла бы пойти его личная жизнь, если бы в нее не вмешалась жизнь общественная.

Говоря все это, он не поднимал головы. Теперь Стэн взглянул на Императора и увидел, что тот вперился в него побелевшими, как молоко, глазами.

— Мне что-то не удается в полной мере выразить свои мысли, сир. Я плохо объясняю. Это трудновато высказать, особенно такому, как я.

Больше он не говорил ничего. Император сам даст ему понять, если понадобится сказать что-нибудь еще.

Император потушил яростный взгляд, отпил половину бокала, затем задрал ноги на стол и устроился поудобнее в кресле.

— Понимаю, — сказал он. — Я прошу тебя принести большую жертву. На самом деле — еще одну большую жертву. Но я не думаю, что ты осознал ситуацию. — Он прикончил бокал, потянулся к стреггу, налил себе и толкнул бутылку обратно Стэну. Оба они выпили и наполнили по новой.

— Только посмотри на неразбериху, творящуюся кругом,— продолжал Император, как будто и не останавливался. — Население голодает. Миллионы не

имеют работы. На какое правительство ни поглядишь — оно близко к параличу. Одна только доставка АМ-2 в нужное место и без промедления стала нынче кошмаром. Ну, и всякие другие мелкие заботы, которые я предвижу. И что же я буду делать со всем этим хозяйством — без чьей-либо помощи?..

Стэн покачал головой. Он не знал ответа.

— Так почему столь удивительно, что я прошу кого-то вроде тебя, со всем твоим опытом служения обществу, как ты говоришь, остаться сейчас со мной? Где я еще найду подобного тебе?

— Да, сир, — отозвался Стэн. — Я понимаю. Но...

— Но — без никаких «но», юный Стэн, — произнес Вечный Император. — Послушай. Я не прошу за себя. Я прошу за державу. Как можешь ты отказаться? Ответь мне. Как можешь ты смотреть мне в глаза и отказываться помочь? Ладно, не отвечай пока. Забудь о корпусе «Меркурий». У меня появилась идея получше. Я сделаю тебя моей главной палочкой-выручалочкой. У тебя будут любые полномочия. Будешь помогать мне в вопросах, возникающих с главами государств, в сложных сделках, при кризисных ситуациях. В качестве первого задания я хотел бы, чтобы ты помог с бхорами. Мне хочется сделать для них что-то особенное. Это самые преданные мне существа. Возвратить их было твоей идеей, как я припоминаю?

— Да, сир.

— Итак, они собираются провести большое празднество в Волчьих мирах. Прославлять мое возвращение и т. д., и победу над негодяями, которые осмелились стать моими врагами. Я хочу, чтобы ты поехал туда и был моим представителем на церемонии. Не думаю, что найдется другое существо на целом свете, которое они ценят больше. Сможешь?

— Нет, сир, — ответил Стэн.

И когда он говорил это, он уже знал, что разбит наголову. Обречен. Вечный Император был прав. Не существовало возможности отказать ему в этом. Да и во всем остальном.

Празднества на борту флота бхоров продолжались все время пути до созвездия Волка. Синд вела плотное наблюдение за Стэном, который присоединялся ко всем тостам на вечеринках, не отставая от своих немало пьющих друзей Ото и Килгура. Вот только во время отдыха лицо Стэна становилось похоже на маску без выражения... Теперь Синд знала его лучше. Она чувствовала, как мысли бродят у него в голове, но о чем эти мысли, не имела понятия.

Девушка заметила, как однажды, когда произносили тост во славу Вечного Императора, его будто толкнуло что-то. Стэн взглянул тогда на портрет, висящий в банкетном зале. Долго смотрел на него, затем потряс головой и опустил свой бокал. Через момент он уже, смеясь, разговаривал с друзьями как ни в чем не бывало.

Но Синд запомнила этот долгий взгляд. Ее снедало любопытство, что было у Стэна на уме в тот момент.

ГЛАВА 37

Мэлприн и Ловетт сидели в камере на борту личной яхты Императора «Нормандия». Апартаменты выглядели комфортабельно, но выход из них был заперт, у дверей стояла охрана, все, что могло послужить оружием, было убрано, и за каждым движением узников следили датчики.

Затмение мозгов, в котором они находились, когда Стэн захватил их, начало рассеиваться.

Им сообщили, что состоится суд. Суд будут проводить в Ньютоне. Им предоставят лучших адвокатов Империи и достаточно времени, чтобы подготовиться к защите.

Осторожно, не забывая о датчиках и телекамерах, двое обсуждали, что им следует делать, какая защита возможна. Пытались говорить иносказательно и, вопреки здравому смыслу, шептались.

Их было шестеро, решивших достигнуть наивысшей власти. И какое-то время они ее имели.

А сегодня... «Забудь про смерть, забудь про тюрьму. Жизнь — чтобы жить», — сказала Мэлприн. Ловетт выдавил слабую улыбку.

Снаружи послышалось прикосновение к двери, и она отворилась.

Вошел человек. Не высокий, не приземистый, хорошо развитый физически. Одетый в дорогое гражданское платье. Не урод, но и не красавец.

— Уважаемые господа, — сказал он негромко. — Я назначен быть вашим сопровождающим и помощником на судне. Мое имя Венлоу.

Махони ворвался в личные апартаменты Вечного Императора, изрыгая непристойные проклятия. В трясущейся руке он держал папку.

— Боже, Ян! Что случилось?

— Какой-то дерьмовый негодяй на «Нормандии» разыгрывает из себя Господа! Вот, слушайте:

«Узники предприняли попытку ускользнуть из камеры. Нашли дорогу к спасательной шлюпке и хотели проникнуть в нее. Служащий охраны хотел воспрепятствовать этому, но был вынужден»...

— Застрелены при попытке бегства! Боже праведный! Этот ублюдок даже не сумел придумать оправдание пооригинальнее...

— Так ведь все равно сработает. Да... Стэн, конечно, убьет этого мерзавца, но я его опережу. Езус Мария, Матерь Божия на грависанях! Да его распять надо! Развесить его кишки на дереве при ветре. — Он оборвал сам себя. — Поверить не могу... Проклятие!

Император взял двумя пальцами документ, вложил в просмотровую щель и просканировал сообщение, записанное командным кодом. Покачал головой, хмыкнул.

— Нехорошо, Ян. Совсем нехорошо.

— Нехорошо? Пусть так, о'кей. — Махони взял себя в руки. — Вы босс, вам решать. Как высоко мы подвесим этого... ну, того бдительного героя? Впрочем, не важно. В какую сторону вертеться, чтобы поправить дело?

Император ненадолго задумался.

— Что случилось, то случилось. Я подумаю, как поступить с нашим амбициозным стрелком. Но это — все. Никаких расследований, Махони. Приказ. — Он помолчал. — Значит, мы потеряли свой суд над государственными преступниками... Впрочем, не очень это важно. Слишком много дерьма осталось после Тайного Совета, чтобы еще интересоваться, что случилось с Мэлприн и Ловеттом.

— То есть... — недоверчиво произнес Махони, — эти двое просто... исчезли?..

— Что-то вроде того. Я сказал — что случилось, то случилось. Налей-ка мне стаканчик, Ян. Пропьем к чертям наши души, как выражаются волосатые друзья Стэна.

Махони уставился на Императора, затем встал и подошел к столу, где красовался сосуд со стреггом.

Вечный Император повернулся вместе с креслом и поглядел в окно на место, где когда-то прогремел взрыв. Восстановительные работы во дворце Арундель уже шли.

Махони не видел его лица.

Вечный Император улыбался.

Содержание

МЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА 349

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Банч Крис
Коул Алан

Месть проклятых
Возвращение Императора

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Это — один из самых знаменитых сериалов за всю историю «боевой фантастики».

Это — сага о войнах и воинах.

Точнее — о войне одной, разбившейся на войны многие, выхлестнувшейся на десятки разных планет.

Точнее — о воине одном. О Стэне. О смелом парне, чья профессия — сражаться. Сражаться снова и снова. И каждый новый бой будет чуть более жестоким, более безнадежным, более ненужным, чем предыдущий!

Это — ОЧЕНЬ ЖЕСТКАЯ ФАНТАСТИКА. Фантастика резкая, «мужская», лишенная сантиментов. Фантастика — по-хорошему резкая и масштабная.

ISBN 5-17-007079-9

